

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

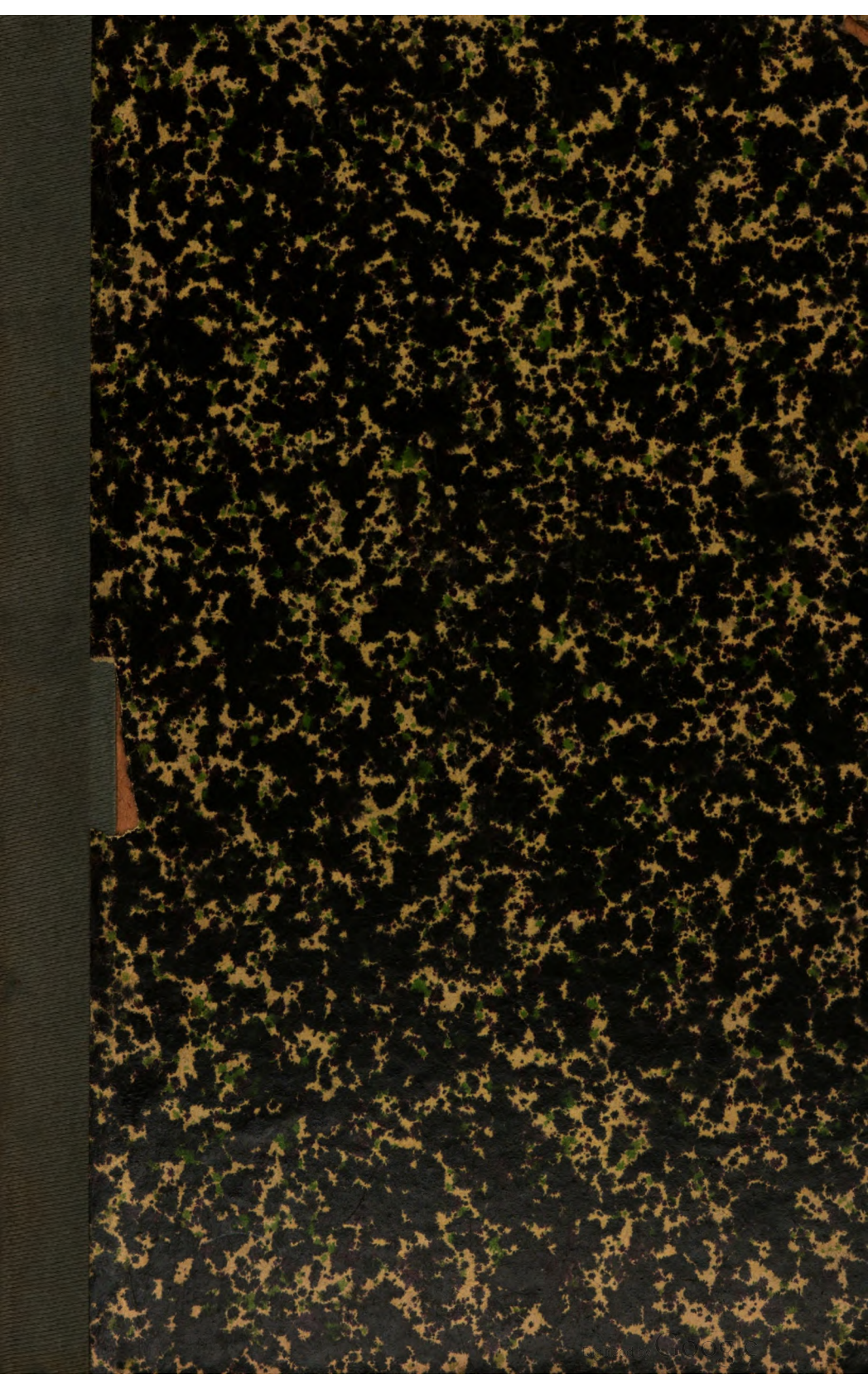
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ДѢЛО

МАРТЪ.

3
1869

СОДЕРЖАНІЕ:

3

- I. РАВСТВО ВЪ СИБИРИ. Историческій очеркъ.
(Окончаніе) С. С. ШАШКОВА.
- II. ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ. Борьба по-
колѣній Н. В. ШЕЛГУНОВА.
- III. ЭРНАНИ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Викто-
ра Гюго Д. Д. МИНАЕВА.
- IV. ЗА ПРЕДѢЛАМИ ИСТОРИИ. (За милліоны
лѣтъ). (Гл. I—II) М. МИХАЙЛОВА.
- V. ПОДЪ НЕВОМЪ АНГЛІИ. (Изъ Лонджи Кар-
рера). Д. МИНАЕВА.
- VI. ВСЕМІРНЫЙ РЫНОКЪ. (London). Изъ Бар-
ри Корнуэлла Д. М.
- VII. МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.
Романъ. (Ч. вторая, гл. IV—IX) ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.
- VIII. ИСТОЧНИКИ ВОЛѢЗНЕЙ В. О. ПОРТУГАЛОВА.

См. на оборотѣ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX. ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. — ВАРДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ВУРЖУАЗІИ N.

X. ИМПЕРІЯ ДЕКАВРЬСКОЙ НОЧИ. (Окончаніе) Г. В.

XI. НОВЫЯ КНИГИ П. Т.

Курсъ общей педагогикѣ, съ приложеніями. Соч. П. Юркевича. Москва. 1869 г. — **Юридическая догматика.** Соч. Михаила Капустина. Москва. Вып. I. — **Великій магъ и чародѣй.** Сокровищница всѣхъ волшебствъ, таинственныхъ и магическихъ наукъ, и т. д. и т. д. Соч. Окт. Мильчевскаго. Москва. 1869 г. — **Популярныя лекціи Джона Тендала.** — Тепло и холодъ. Матерія и сила. Сила. Съ дополненіями по французскому изданію Муаньо. Пер. подъ ред. профес. Спб. университета Ф. Ф. Петрушевскаго. 1869 г.

XII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. ГДВ.

Нужна ли народу грамотность. — Господствующія мнѣнія о ея всемогуществѣ. — Факты изъ народно-педагогической практики. — Поощрительныя и понудительныя мѣры. — Сравненіе крестьянъ грамотныхъ съ неграмотными. — Практическіе результаты образцовыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. — Народныя школы съ латинскимъ языкомъ и стужолюбою. — Баронъ Корфъ и г. Верещагинъ, какъ народные дѣятели. — Докладъ г. Чубинскаго въ вольномъ экономическомъ обществѣ о народныхъ нуждахъ. — Чѣмъ должна быть замѣнена грамотность. — Историческая записка о петербургскомъ университетѣ. — Цвѣтущее положеніе петербургскаго университета и недостатокъ профессоровъ въ остальныхъ. — Ожидаемыя измѣненія въ университетскомъ уставѣ и ихъ практическое значеніе. — Истинныя нужды нашихъ университетовъ.

XIII. РУССКАЯ СЕМЬЯ ПЕРЕДЪ ГЛАСНЫМЪ СУДОМЪ ГДВ.

XIV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА. ЖАКА ДЕФРЕНА.

До чего доходитъ страхъ правительства второй имперіи. — Путешествіе клерка въ комодъ его хозяина. — Богатая невѣста. — Дальновидный префектъ. — Господинъ и слуга поняли другъ друга. — Хорошая и дурная сторона энергической дѣятельности парижскаго визиря барона Гаусмана. — Аличность парижскихъ домовладѣльцевъ. — Остроумный способъ займовъ, придуманный Гаусманомъ. — Ростовщическіе подвиги общества поземельнаго кредита. — Законодательное собраніе просмывается. — Но умиленное сладкогласіемъ г. Руэ вновь засыпаетъ. — Наив-

ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О”

ВЪ 1869 ГОДУ.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ издаваться въ 1869 году, при постоянномъ участіи прежнихъ сотрудниковъ, въ томъ же направленіи и по той же программѣ, какъ и въ прошлые два года своего существованія.

Годовое изданіе журнала «ДЪЛО» состоитъ изъ *двѣнадцати* книжекъ, отъ 30—33 листовъ каждая.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „ДЪЛО“ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.
ВНОВЬ ПОДПИСАВШИМСЯ ВЫДАЮТСЯ КНИГИ «Д Ъ Л А» СЪ ПЕРВАГО НУМЕРА.

Подписная цѣна годовому изданію «ДЪЛА».

безъ пересылки и доставки . . .	13 р. 50 в.
съ пересылкой	16 р.
съ доставкой въ Петербургѣ . . .	15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки	7 р.
съ пересылкой	8 р. 50 в.
съ доставкой въ Петербургѣ . . .	8 р.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ «ДЪЛА» (въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, домъ Гассе)

ВЪ ПОЧТОВЫХЪ КОНТОРАХЪ ПОДПИСКА НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.
КНИЖКИ ЖУРНАЛА «ДЪЛО» ВЫСЛАЮТСЯ ВЪ ЗАКЛЕЕННЫХЪ КОНВЕРТАХЪ И СЪ ПЕЧАТНЫМИ АДРЕСАМИ.

Отъ главной конторы журнала

„ДѢЛО“.

(По Трошккому переулку, д. Гассе, № 13.)

Редакція журнала «ДѢЛО» покорнѣйше проситъ своихъ подписчиковъ, обращающихся въ Редакцію съ жалобами на неполученіе книжекъ журнала, прилагать отдѣльно или на самомъ же письмѣ удостовѣреніе мѣстныхъ почтовыхъ конторъ въ томъ, что въ этихъ конторахъ дѣйствительно не были получены книжки на имя жалующагося. Такое удостовѣреніе дастъ Редакціи возможность значительно сократить время въ перепискѣ съ Почтовымъ Вѣдомствомъ объ удовлетвореніи заявленной жалобы и прекратить всякія недоразумѣнія, возникающія изъ переписки, неподтвержденной фактически.

Для удостовѣренія же жалующагося и разъясненія жалобы въ Почтовомъ Вѣдомствѣ мы просимъ сроку приблизительно около двухъ недѣль, по полученіи письма отъ подписчика.

Есть нѣкоторые данныя полагать, что Почтовое Вѣдомство, при участіи самихъ Редакцій, наконецъ обратитъ должное вниманіе на устраненіе безпорядковъ, особенно увеличившихся съ новаго года по пересылкѣ газетъ и журналовъ; теперь занимается разработкою новыхъ, болѣе рациональныхъ правилъ, чѣмъ какія были доселѣ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

М. В. АДЪЕВА.

Мѣщанская семья. Комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Цѣна 1 р.

Межь двухъ огней. Романъ въ 3-хъ частяхъ, пересмотрѣнное изданіе. Цѣна 2 р.

Складъ въ книжномъ магазинѣ Черкесова. Невскій проспектъ, № 54. Пересылка на счетъ магазина.

Иногородные могутъ обращаться какъ въ означенный магазинъ такъ и въ контору журнала «Дѣло».

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА ЧЕРЕНИНА,

въ МОСКВѢ. (Рождественка, д. Торлецкаго).

Продажа книгъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и словесности. Формированіе и пополненіе библиотекъ. Исполненіе порученій гг. иногородныхъ. Коммисіонерство для частныхъ издателей. Подписка на журналы и газеты. *Глобусы* своего изданія изящной отдѣлки.

ТОЛЬКО - ЧТО ОТПЕЧАТАНО И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

ИЗДАНИЕ М. А. СВѢШНИКОВА.

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ И АЗИЯТСКОЙ РОССІИ.

На одномъ большомъ листѣ, съ показаніемъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ, строящихся и проектированныхъ, и съ показаніемъ числа верстъ каждой, составленная по самымъ новѣйшимъ свѣдѣніямъ, отпечатанная красками по губерніямъ, съ планами Петербурга и Москвы. Спб. 1869 года. Цѣна на листѣ 75 коп. съ пер. Наклеенная на полотнѣ въ футлярѣ 1 руб. съ пересылкою.

ЕГО ЖЕ ИЗДАНИЕ.

ДОБРЫЕ СОВѢТЫ РУССКОМУ НАРОДУ

Извлеченные изъ сорокалѣтней медицинской практики. Народный лечебникъ. Доктора медицины и хирургіи и акушера, профессора хирургіи императорской медико-хирургической академіи, преподавателя народной медицины въ московской духовной семинаріи, статскаго совѣтника Трифона Кудрявцева. 2 тома. М. 1869 года. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 в.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться съ требованіями, между прочимъ, въ контору журнала „ДѢЛО“.

Списокъ жалобъ на не полученіе книжекъ за 1869 годъ.

1. Б—ка Онежскаго полка изъ Фридрихсгама не получила № 1 «Дѣла».
2. Г. Какуевъ изъ Ярославля не получилъ № 1 «Дѣла».
3. Б—ка Дорогобужскаго полка изъ Ельца не получила № 1 «Дѣла».
4. Г. Кляузовъ изъ Ошты Олонец. губ. не получилъ № 1 «Дѣла».
5. Фопъ-дерь-Нонне со ст. Кесмы Твер. губ. не получилъ № 1 «Дѣла».
6. Г. Полярковъ со ст. Малеы Угоры Костром. губ. не получилъ № 1 «Дѣла». Выславъ *сторично*.
7. Стрѣлковый 6-ой баталіонъ г. Липны не получилъ № 1 «Дѣла».
8. Г. Фопъ-Гейнде изъ Бендина Петроков. губ. не получилъ № 1 «Дѣла».
9. Варшавское Губерн. Казначейство не получило № 1 «Дѣла».
10. Войсковое Правл. Астрахан. Каз. войска не получило № 1 «Дѣла».
11. Г. Балакиревъ изъ Юрьевца не получилъ № 1 «Дѣла».
12. 1-я батарея 5-й конно-артил. бригады изъ Новой Водазлаги не получила № 1 «Дѣла».
13. Главная склад. таможня, изъ Варшавы, не получила № 1 «Дѣла».
14. Б-ка 30 Полтавскаго полка, изъ Замостья Люблин. губ., не получила № 1 «Дѣла».
15. Ярославская военная прогимназія не получила № 1 «Дѣла».
16. Г. Кузнецовъ, изъ Казани, не получилъ № 1 «Дѣла».
17. Тобольская казенная палата, не получила № 1 «Дѣла».
18. Г. Рожественскій, изъ Бронницы, не получилъ № 1 «Дѣла».
19. Арханг. Управл. Государств. Имуществъ не получило № 1 «Дѣла».
20. Г. Алексѣевъ, изъ Тамбова, не получилъ № 1 «Дѣла». Посланъ *сторично*.
21. Г. Лыкошинъ, изъ Бѣлаго, Смоленск. губ., не получилъ № 1 «Дѣла».
22. Уѣздная Земская Управа, изъ Мологи, не получила № 1 «Дѣла».
23. Г. Ивановъ, изъ Новгорода, Петрок. г. не получилъ № 1 «Дѣла».
24. Г. Стаховичъ, изъ Побаницы, не получилъ № 1 «Дѣла».
25. Г. Плотниковъ, на зав. г-жи Талызиной черезъ г. Частополь Каз. губ. не получилъ № 1 «Дѣла».
26. Г. Страндтъ, изъ Кобринна, не получилъ № 1 «Дѣла».
27. Книгопр. Литовъ, изъ Кам. Подольска, не получилъ № 1 «Дѣла».
28. Г. Фелькнеръ, съ Луганскаго завода, не получилъ № 1 «Дѣла».
29. Б—ка 11 стрѣлковаго баталіона, изъ Ровно, не получила № 1 «Дѣла».
30. Г. Трифоновъ, изъ Новочеркасска, не получилъ № 1 «Дѣла».
31. Г. Анастасевъ, со ст. Чижово, не получилъ № 1 «Дѣла».
32. Ростовскій (на Дону) Государств. Банкъ не получилъ № 1 «Дѣло».
33. Б—ка Уланскаго 9-го резервн. батал., изъ с. Бѣлогорья, Павлов. уѣзда, не получила № 1 «Дѣла».
34. Г-жа Пѣвцова, со ст. Таловки Саратов. губ., не получила № 1 «Дѣла».
35. Г. Плещенко, изъ м. Веркиевки, Нѣжинск. уѣзда, не получилъ № 1 «Дѣла».
36. Г. Ольдекопъ, изъ Острогожска, не получилъ № 1 «Дѣла».
37. Г. Гордѣевъ, изъ Рязани, не получилъ № 1 «Дѣла».
38. Г. Ненюковъ, изъ Лукоянова, не получилъ № 1 «Дѣла».
39. Г. Дмитріевъ, изъ Поневѣжа, не получилъ № 1 «Дѣла».
40. Г. Кориѣнко, изъ Орѣхова, не получилъ № 1 «Дѣла».

*

41. Г. Рахмановъ, изъ Моршанска, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
42. Г. Григорьевъ, со ст. Каменки Камышинскаго уѣзда, не получилъ № 1 «Дѣла».
43. Г. Троицкій, изъ Бѣлаго, Смолен. губ., не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
44. Г. Клевезаль, изъ Варшавы, не получилъ № 1 «Дѣла».
45. Ярославское общественное собраніе не получило № 1 и 2 «Дѣла».
46. Книгопр. Пантюхинъ изъ Уржума, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
47. Г. Рентельнъ, изъ Суража, Витеб. губ., не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
48. Книгопр. Шидловскій, изъ Казани, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла». Высланы *вторично*.
49. Г. Карновъ, со ст. Старо-Михайловской, Бахмут. уѣзда, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
50. Г. Рудольфъ, изъ Аткарска, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
51. Г-жа Борисова, изъ Вознесенскаго Посада, не получила № 2 «Дѣла».
52. Г. Стальпинъ, изъ Моршанска, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
53. Г. Залѣвскій, изъ Казани, не получилъ № 1 «Дѣла».
- Г. Рубановскій, изъ с. Красный Яръ Сарат. губ., не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
55. Г. Кошкинъ, изъ Камышина, не получилъ № 1 «Дѣла».
56. Г. Димо, изъ Оргѣва, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
57. Департаментъ главнаго управл. намѣстника кавказскаго, изъ Тифлиса, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
58. Г. Бѣлый для г. Дарагана, изъ Одессы, не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
59. Б-ка Лейбъ-бородинскаго полка, изъ Калуги, не получила № 1 и 2 «Дѣла».
60. Г. Горенбургъ, изъ ст. Красноярской Самар. губ., не получилъ № 1 и 2 «Дѣла».
61. Г. Вахтинъ, изъ м. Тульчина, Каменецъ-Подольской губ., не получилъ № 11 «Дѣла» за 1868 годъ. Высланъ *вторично*.
62. Г. Миллеръ, изъ Маріинска, Том. губ., не получилъ № 10 «Дѣла», который высланъ ему *вторично*.
63. Г. Фирсовъ, изъ Новогоргеіевска, Херсон. губ., не получилъ № 2 «Дѣла» за 1868 г. Высланъ *вторично*.
64. Г. Савицкій, со ст. Пиркиевки, Уманскаго уѣзда, не получилъ № 8, 9, 10 и 12 «Дѣла» за 1868 годъ.
65. Г-жа Дубенская, изъ Судогды. Владим. губ., не получила № 6 «Дѣла» за 1868 годъ.
66. Г. Надпорожскій, изъ Члусь Могил. губ., не получилъ № 8, 9, 10, 11 и 12 «Дѣла» за 1868 г. Посланы *вторично*.
67. Г. Бутырскій, изъ Великихъ Лукъ, не получилъ № 12 «Дѣла» за 1868 г.
68. Резервный эскадронъ 17 драгун. сѣверскаго полка, съ Медвѣжинской ст. Симбирской губ., не получилъ № 7 «Дѣла» за 1868 годъ.

По всѣмъ этимъ жалобамъ, сообщеннымъ Газетной Экспедиціи, потребованы разъясненія, такъ какъ Редакціей книжки, на неполученіе которыхъ здѣсь выписаны жалобы, были своевременно сданы на почту.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ИЗВ. № 24438

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1869.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРНГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРЕУЛКѢ, ДОМЪ ГАССѢ.

Δ
P. 8. 236. 4 ($\frac{1869}{3}$)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 марта 1869 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

63A2

РАБСТВО ВЪ СИБИРИ.

(Окончаніе).

III.

Калмыки, составлявшіе часть сброднаго царства, извѣстнаго подъ именемъ Джунгаріи, были опасными и безпокойными сосѣдями Сибири въ теченіи XVII и XVIII столѣтій. Съ самаго начала XVII вѣка они не переставали тревожить сибирское населеніе, поднимая бунты между инородцами, осаждая города, сожигая деревни, вытаптывая засѣянные пашни, отгоняя скотъ, истребляя и уводя въ плѣнъ беззащитныхъ жителей. Въ XVIII в. эти набѣги ослабли—у калмыковъ было много дѣла въ средней Азійи, а Сибирь значительно окрѣпла, возвела сплошную линію пограничныхъ пикетовъ и укрѣпленій, усилила свою милицію, а въ 1745 г. получила изъ Россіи пять регулярныхъ полковъ для обороны южной границы. Джунгары не рѣшались и не могли по прежнему воевать съ сибиряками, хотя и не оставляли своихъ притязаній на земли и инородцевъ южной Сибири, на прииртыцкія мѣстности, на Алтай съ его двоеданцами, на Барабинскую степь съ жившими по ней татарскими племенами. Они постоянно твердили петербургскому правительству и сибирскому начальству, что упомянутыя земли съ своими обитателями составляютъ исконную собственность ихъ хановъ и несправедливо заняты русскими. Каждый шагъ впередъ со стороны русскихъ, каждый приходъ новаго поля или привозъ новой пушки, каждое основаніе новой крѣпости производили въ Джунгаріи шумъ и подавали поводъ къ возобновленію ихъ пограничныхъ притязаній. Хотя до открытой войны между русскими и джунгарами никогда не доходило, но постоянныя хищническія нападенія съ той

«Дѣло», № 2.

и другой стороны поддерживали племенную вражду, и сопровождались всѣми послѣдствіями грабежа и убійства. И трудно сказать, кто—калмыки или русскіе проявляли болѣе разбойничьихъ наклонностей и болѣе наносили вреда противной сторонѣ; кажется, что въ этомъ отношеніи, сибиряки превосходили своихъ полудикихъ сосѣдей. Русскіе казаки, солдаты, драгуны, офицеры, мужики сдѣлали изъ грабежа калмыковъ родъ постоянного промысла; подъ предлогомъ погони за джунгарскими ворами и разбойниками, они очень часто вторгались въ калмыцкія земли, грабили улусы, убивали жителей, сожигали жилища, отгоняли скотъ, перехватывали переписку калмыцкихъ родоначальниковъ и т. д.

Калмыки удивлялись хищническимъ наклонностямъ сибиряковъ и тому, что они грабятъ не только богатыхъ, но и нищихъ. «Вы и нищихъ обижаете»—говорили они русскимъ—«какъ поѣдутъ наши люди на соболиный промыселъ, то ихъ всегда около Колыванскихъ заводовъ грабятъ и обижаютъ». И несмотря на всѣ старанія, калмыки никогда не могли вернуть изъ Сибири ни одной угнанной отъ нихъ овцы, ни одного уведеннаго въ неволю джунгара.

Набѣги русскихъ на калмыковъ не прекращались вплоть до самаго паденія Джунгаріи; въ Сибири тогда было уже довольно рабовъ частію купленныхъ, а больше полоненныхъ отъ калмыковъ. Но самымъ цвѣтущимъ періодомъ сибирскаго невольничества было время паденія Джунгаріи,—этого событія, наполнившаго шумомъ большую половину Азіи.

Въ сентябрѣ 1745 г. умеръ Галданъ-Церенъ, — послѣдній изъ сильныхъ и воинственныхъ представителей Джунгаріи. Зная неспособность своего преемника и честолюбивые замыслы Россіи и Китая, онъ передъ смертью завѣщалъ хранить миръ съ этими двумя государствами, опасаясь, что его слабые преемники погубятъ еще неокрѣпшее царство. Но его дни были уже сочтены. Наслѣдникомъ Галдана былъ глупенькій и несовершеннолѣтній младшій сынъ его, Цебенъ Доржи, болѣе способный старшій братъ котораго не могъ быть ханомъ, какъ незаконнорожденный. Однакожъ многіе джунгары составили заговоръ съ цѣлью недопускать до престола глуповатаго и уже привывшаго въ звѣрскому деспотизму мальчижа; во главѣ этого заговора стоялъ одинъ изъ сильнѣйшихъ родоначаль-

¹⁾ Рапортъ Волкова, май 1748 г.

никовъ Септень, предлагавшій власть старшему сыну Церена. Но заговоръ открыли, Септень арестовали, «отняли отъ него честь, кормили съ собаками» и казнили бы жестокою смертью, если бы только онъ не отравился. Послѣ его смерти принялись за его дѣтей; «имъ выжгли глаза каленымъ желѣзомъ, чтобы свѣту не видѣли, и вмѣстѣ съ женою и дочерьми сослали въ городъ Аксу» ¹⁾. Такое начало царствованія не предвѣщало ничего добраго. Окруживъ себя сильной стражей Цебень Доржи началъ такъ самодурствовать, что этимъ возмутились даже привыкшіе къ деспотизму джунгары. «Зюнгарскій владѣлецъ, доносилъ сибирскому начальству одинъ бухарецъ, — молодъ, 16-ти лѣтъ и къ правленію дѣлѣ непонятенъ и неохотенъ и нравомъ весьма самобыченъ и дальняго разсужденія въ распорядкахъ ничего не имѣетъ, а болѣе въ охотахъ обращается съ молодыми людьми въ гуляньѣ» ²⁾. Одною изъ любимѣйшихъ его забавъ была охота на людей. Съ шайкою своихъ собутельниковъ верхомъ на лошадихъ и съ стаей собакъ рыскалъ онъ по улусамъ и травилъ собаками скотъ и людей. По почамъ онъ врывался въ юрты своихъ подданныхъ, отнималъ у нихъ дочерей и родственницъ и, уводя домой, насилывалъ ихъ. Всѣхъ лицъ, которыя были подозрительны ³⁾ или по чемунибудь не нравились ему, онъ арестовывалъ, рубилъ имъ головы, ссылалъ или морилъ голодною смертью въ душной земляной тюрьмѣ. Родоначальники рѣшились отравить его и передать власть его сестрѣ. Но заговоръ открытъ, 300 человекъ казнены, а сестра хана съ обрѣзанными косами сослана въ г. Аксу. ⁴⁾ Наконецъ въ 1750 г. Цебень Доржи былъ свергнутъ и ослѣвленъ, а правленіе принялъ старшій, незаконнорожденный братъ его, Лама Доржи, имѣвшій сильнаго врага въ своемъ троюродномъ братѣ и одномъ изъ главныхъ родоначальниковъ Давацзи, который имѣлъ подъ своимъ непосредствен-

¹⁾ Донесеніе Зорина, 14 августа и 2 ноября 1746 г.

²⁾ Рапортъ Павлуцаго.

³⁾ (Путевой журналъ Мясникина 1754 г.) Когда Ханъ захотѣлъ жениться, то «приказалъ собирать отъ всѣхъ отоковъ ноенскихъ зайсанскихъ и подлыхъ, дочерей на смотръ, для женитьбы, и выбралъ себѣ ноенскую дочь дѣвицу лѣтъ 15-ти. (Рапортъ Зорина, 26 августа 1746 г.). Упоминаемъ объ этомъ обычаѣ, какъ о близкомъ подобіи выбора жены старинными русскими царями, также собиравшими отовсюду дѣвицъ въ свой дворецъ, для выбора изъ нихъ невѣсты. Смолр. напр., у Соловьева описаніе женитьбы Алексы Михайловича.

⁴⁾ Рапортъ Павлуцаго 22 апрѣля 1748 г.

нымъ управленіемъ до 1000 семей, Давацзи имѣлъ притязанія на престоль, но встрѣтивъ въ этомъ сильнаго соперника въ даровитомъ и воинственномъ родоначальникѣ Амурсанѣ, онъ уговорился съ послѣднимъ свергнуть хана и раздѣлить Джунгарію между собой. Оба возмутились, но были разбиты и бѣжали къ киргизамъ. Давацзи упалъ духомъ. Но Амурсана, составившій планъ овладѣть посредствомъ его всѣмъ царствомъ, собралъ 1500 отборныхъ воиновъ, снабдилъ ихъ сушенымъ мясомъ, ночью перешелъ горы и, достигнувъ береговъ Или, умертвилъ хана посреди его лагеря. Но ханомъ былъ выбранъ Давацзи, и начался длинный рядъ кровавыхъ междоусобій между нимъ и Амурсаной, кончившійся сверженіемъ перваго и возшествіемъ на тронъ второго, при помощи китайской арміи. Амурсана, желая освободиться отъ китайскаго вліянія, поднялъ противъ китайцевъ разныя орды монголовъ и элютовъ, которые начали враждебныя дѣйствія противъ китайскихъ войскъ, занимавшихъ Джунгарію. Началась опустошительная война 1756—1757 г. ¹⁾ Монголо-китайцы истребляли все, что имъ ни встрѣчалось живою, — убивали мужчинъ, насиловали и замучивали женщинъ, а дѣтямъ разбивали головы о камень или стѣну, сожигали жилища, рѣзали скотъ; они перебили до 1,000,000 калмыковъ. Къ этой рѣзнѣ присоединились еще внутреннія междоусобицы Джунгаріи. Амурсана, часто разбиваемый и преслѣдуемый китайцами, рыскалъ по странѣ съ шайкой своихъ приверженцевъ, нападалъ на улусы, уводилъ изъ нихъ на войну все мужское населеніе, а оставшіяся дома женщины и дѣти или умирали съ голоду или погибали отъ непріятельскаго меча или уводились въ неволю. Многочисленныя толпы раззоренныхъ и голодныхъ калмыковъ, составляя разбойничьи банды, причиняли опустошенія не меньше китайцевъ. Киргизы, на своихъ быстрыхъ лошадяхъ, съ своими воинственными криками, какъ стаи хищныхъ птицъ, носились надъ этимъ необозримымъ побоищемъ, и уводили въ неволю цѣлыя тысячи беззащитныхъ джунгаровъ. Вскорѣ въ странѣ воцарился голодъ, одни начали умирать голодною смертью, а другіе рѣзали людей и питались человѣческимъ мясомъ. За голодомъ шла оспа. Джунгарія была буквально усѣяна трупами, ея воды покраснѣли отъ пролитой человѣческой крови, а воздухъ былъ полонъ дыма отъ горѣвшихъ улусовъ, лѣсовъ и травъ. Все разрушено, все погибло, кромѣ одной только Галдановой кумирни, развалины которой до сихъ поръ можно видѣть при минеральныхъ водахъ, къ востоку отъ озера Алакуля.

¹⁾ Риттеръ, II, 155—159.

Еще при самомъ началѣ описанныхъ дѣйствій множество калмыковъ увидѣли, что имъ предстоитъ только одно средство для спасенія—отдаться въ подданство Россіи. Самъ Амурсана думалъ объ этомъ, а инородцы Алтаи хлопотали о томъ очень настоятельно. Еще осенью 1755 г. одиннадцать зайсановъ съ своими родами просили принять ихъ въ «подданство ея им-го в-ва и пропустить внутрь имперіи» ¹⁾ Весною 1756 г. зайсанъ Омба съ 1000 семей просилъ принять его въ скорѣйшемъ времени или, по крайней мѣрѣ, дозволить ему кочевать на русской границѣ. ²⁾ Черезъ нѣскольکو дней явился на границу зайсанъ Номы депутатомъ отъ двѣнадцати другихъ зайсановъ, просившихъ о подданствѣ, и общавшихъ кромѣ платежа ясака, выставлать по требованію правительства до 2000 войска. ³⁾ Черезъ нѣсколько дней полковнику де-Гарригѣ привозятъ еще письмо отъ тѣхъ же зайсановъ: «дай намъ людей на обереженіе; обереги отъ злого времени въ нашей землѣ; гдѣ вамъ поглянется, стройте городъ. Нынѣ у насъ—бѣлый государь. Нашего бѣлага государя полковникъ, пожалуйста поскорѣе,—со всѣми домами хотятъ увезти» ⁴⁾.

Когда же описанныя бѣдствія достигли своей высшей степени, тогда все, что имѣло ноги и могло двигаться, бросилось изъ Джунгаріи въ Сибирь.

Въ Сибирь стремились и большіе кони, состоявшіе изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ и гнавшіе съ собой громадныя табуны скота. Впереди и по сторонамъ этихъ скопищъ ѣхало вооруженное мужское населеніе, а средину занимали стада, домашній скарбъ, женщины и дѣти, сидѣвшіи на верблюдахъ и на скрыпучихъ двухколесныхъ телѣгахъ. Эти величественныя караваны двигались очень медленно по выгорѣвшимъ и усѣянными трупами мѣстностямъ. Ихъ тревожили китайскія войска и киргизы, которые постоянно разбивали ихъ и принуждали идти обратно. Къ этимъ врагамъ присоединялись еще шайки джунгаровъ, которые, по разнымъ обстоятельствамъ, питали заклятую вражду къ Россіи и не могли равнодушно видѣть бѣгство въ Сибирь своихъ соотечественниковъ. Эти шайки грабили и убивали изъ бѣжавшихъ къ русской границѣ всѣхъ, кого только онѣ могли ограбить или убить. Къ довершенію всего, оспа гналась по пятамъ этихъ кара-

¹⁾ Рапортъ-де Гаррига, 4 октября 1755 г.

²⁾ Рапортъ его же, 3 февраля 1756 г.

³⁾ Рапортъ де-Гаррига, 18 февраля 1756 г.

⁴⁾ Рапортъ его же, 22 февраля 1756 г.

вановъ и заставляла ихъ бросать по дорогѣ похищенные ею жертвы. Нѣкоторые коши даже поворачивали назадъ, полагая причину эпидеміи въ наносимомъ «съ російской стороны» и нездоровомъ для нихъ воздухѣ.

Въ Сибирь стремились и небольшія партіи и одинокіе бѣглецы, питаея травами, падалью и человѣческими трупами, днемъ скрываясь въ тайныхъ мѣстахъ отъ неприятеля, а ночью продолжая свой утомительный путь. Нѣкоторые изъ нихъ выходили на Иртышъ, дѣлали плоты и спускались на нихъ до русскихъ крѣпостей. Множество этихъ бѣглецовъ погибало отъ китайцевъ и увозилось въ плѣнъ киргизами. А разбойничьи калмыцкія шайки убивали ихъ для пищи и ѣли ихъ вареное мясо.

Въ Сибирь стремился и самъ ханъ павшаго царства—Амурсана.

Выбѣгавшихъ въ Сибирь было очень много, хотя мы не имѣемъ данныхъ опредѣлить ихъ цифру даже приблизительно. Цѣлыя коши, выходившіе на границу, состояли, какъ уже сказано, изъ нѣсколькихъ сотъ, даже тысячъ человѣкъ и пригоняли съ собой огромныя стада. Въ кошѣ хана Шерина было 1156 кибитокъ, 5223 человѣка, 12,310 головъ разнаго скота, 1059 ружей и т. д. ¹⁾ Съ Доржи Унжиномъ вышло заразы въ Устькаменогорскъ 427 человѣкъ въ томъ числѣ 11 рабовъ ²⁾. 17 іюня 1757 г. въ Шульбинскій заводъ вышла партія въ 250 человѣкъ. ³⁾ 20 мая 1758 года вышла лама Лозанъ Дакши и при немъ 270 калмыковъ, въ томъ числѣ 39 человѣкъ ламайскаго духовенства ⁴⁾. Много выбѣгало подобныхъ большихъ каравановъ, но еще болѣе выбѣгало немногочисленныхъ партій и одинокихъ эмигрантовъ. Почти втеченіи трехъ лѣтъ по всему протяженію сибирско-джунгарской границы выходили въ русскія поселенія эти несчастные, пережившіе погромъ своего отечества. Хотя петербургское правительство предписывало «съ выходящими азіятами поступать съ ласковостью и ни малѣйшаго имъ озлобленія не чинить», ⁵⁾ но это не имѣло никакой дѣйствительной силы. Сначала велѣно было принимать всѣхъ; но въ октябрѣ 1758 г. ордеромъ генерала Фрауендорфа приказано выбѣгающихъ джунгаровъ въ форпосты и крѣпости не впускать до сиросу,

¹⁾ Пограничныя Дѣла Омск. Архива, т. II, стр. 107.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 402.

³⁾ Ibid, стр. 440.

⁴⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 670.

⁵⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 440.

что они за люди, и сами не пожелаютъ креститься, то отсылать отъ крѣпостей прочь, а если пожелаютъ, то принимать «какой бы націи кто ни былъ» ¹⁾. Упомянутымъ допросамъ о происхожденіи и о джунгарскихъ дѣлахъ подвергались рѣшительно всѣ выходцы; эти допросы, для вынужденія правдивыхъ отвѣтовъ, часто сопровождались пыткой, состоявшею въ битвѣ несчастныхъ эмигрантовъ плетями. Но это было запрещено, и пограничные командиры очень были опечалены такимъ запрещеніемъ; полагая, что «объ истинномъ намѣреніи выбѣгшихъ вывѣдать можно бы было», еслибы не ордеръ Фрауэндорфа, запрещавшій «распросъ таковыхъ съ пристрастіемъ» ²⁾.

Не трудно сказать, чего хотѣли джунгары, выбѣгая въ Сибирь и трудно понять, какъ этого не знало сибирское начальство, настаивавшее на допросѣ бѣглецовъ съ пристрастіемъ! Джунгары искали спасенія отъ голодной смерти, киргизовъ и китайцевъ и могли найти это спасеніе только въ Сибири.

Большинство выбѣгавшихъ были наги, босы и едва таскали ноги отъ голоднаго истощенія. Даже самъ повелитель Джунгаріи выбѣжалъ на русскую границу безъ штановъ, которые были шиты ему только въ Омскѣ на казенный счетъ. ³⁾ Его придворные бы-

¹⁾ Погр.-Дѣла, т. XL, стр. 459.

²⁾ Ibid, стр. 163.

³⁾ Когда Амурсана увидѣлъ, что ему не удержать за собой власти, то отправилъ въ Россію двухъ зайсановъ съ просьбою о подданствѣ. Ихъ арестовали въ Барнаулѣ; одного увезли въ Петербургъ на допросы въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, а другого велѣно уговаривать къ переселенію въ улу сы волжскихъ торгоутовъ. Началась переписка. (*Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 693*) Но Амурсана не могъ дождаться отвѣта, и 30 іюня 1757 г. вышелъ къ Семипалатинску почти нагишомъ съ 8 калмыками и одной лошадейю. Его отправили въ Омекъ. Въ Ямышевѣ онъ объявилъ, что «имѣетъ великую болѣзнь», а какъ по указамъ значилось, «что онъ человекъ надобный, то, «дабы не умеръ», полковникъ Девилевъ оставилъ его въ Ямышевѣ. 31 іюля привезена жена его. Въ Омскѣ хану стало лучше, и въ новыхъ, сшитыхъ на казенный счетъ штанахъ, подъ именемъ «самосекретнѣйшаго азіанина», онъ отправленъ 9 августа въ Тару, куда прибылъ 12 числа. Здѣсь ему пожаловали по 50 к. въ сутки кормовыхъ и отвели «приличную его чести квартиру». Амурсана просилъ свиданія у полковника Лориха, и послѣдній согласился, но почему-то не иначе, какъ въ 3 часа ночи. И хотя при этой аудіенціи ханъ просилъ только о томъ, чтобы его соединили съ его племянникомъ, однакожъ съ переводчика Дулѣпова, толмачившаго его слова Лориху, послѣдній взялъ подписку не разглашать этого разговора «подъ страхомъ смертной казни». 12 числа Амурсана отправленъ въ Тобольскъ въ вѣ-

ли также почти нагишемъ и „при наступившихъ холодныхъ росахъ безъ одежды терпѣли нужду и положеннымъ имъ отъ казны провіантомъ довольствовались съ нуждою“¹⁾ Многіе изъ выбѣгавшихъ отъ ранъ, холоду и голоду были такъ слабы, что не могли дойти до пограничныхъ поселеній нѣсколькихъ верстъ и оставались въ пустынѣ, дожидаясь смерти. За нѣкоторыми изъ нихъ изъ крѣпостей посылались люди и ихъ вывозили въ пограничныя поселенія. Они были наги и такъ истощены голодомъ, что «даже доброю пищею ихъ возстановить было сумнительно». ²⁾ Выбѣгшимъ полагалось казеннаго содержанія некрещенымъ большимъ по 1 коп., а малымъ по 1 денежкѣ въ день, а крещенымъ большимъ и малымъ по 3 деньги; ноенамъ по 10—20 коп., ламамъ по 5—10 коп. въ день. ³⁾ Нежелавшимъ же креститься ничего не давалось. Но и тѣ, которымъ полагалось содержаніе, терпѣли жестокую нужду, потому что этого содержанія было недостаточнo, да и оно доходило не все до калмыковъ, а часть его воровалась русскими распорядителями. Калмыки жаловались, что имъ «хотя и выдается ячмень, но за неимѣніемъ мяса и молока, а особенно соли, они претерпѣваютъ нужду, и оттого опухли и впали въ болѣзни, а купить и вымѣнять не на что, да и ячменю не достаетъ, и оттого приходится слабость здоровья и отъ претерпѣннаго глада поправиться не могутъ». ⁴⁾ Пропитываться же работою у русскихъ они не могли, — „по природности ихъ и необычности россійской работы“ ⁵⁾. Многіе занимались воровствомъ и получали за то плети. Многіе задумывали бѣжать обратно, но зоркіе стражи ловили ихъ, угощали плетми и бросали въ душныя тюрьмы, чтобы «они, по малоразсудному своему азійскому обыкновенію, утечки не сдѣлали.»

деніе тамошней *Секретной Комиссіи о Заграничныхъ Обращеніяхъ*. Въ инструкціи конвою предписывалось везти Амурсану такъ секретно, чтобы его никто и онъ никого не видалъ, и пріѣздъ въ Тобольскъ пригнать къ ночному времени. (*Погр. Дѣл, т. XXXI стр. 8, 15, 24, 34*). Вскорѣ Аурсана умеръ отъ оспы. Китайцы, проявившіе въ этихъ дѣлахъ подозрительность не меньше русскихъ, три раза требовали трупа Амурсана, чтобы удостовѣриться въ его смерти. Такъ они боялись этого предприимчиваго и честолюбиваго дикаря.

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 49.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XL, стр. 139.

⁴⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 605.

⁵⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 29.

И вѣроятно если бы калмыки имѣли припасы на дорогу, то большинство ихъ бѣжало бы во свояси. Русскіе понимали это и потому, между прочимъ, не допускали калмыковъ имѣть достаточное для прокормленія количество провіанта. Однажды одна калмычка донесла начальству, что калмыки провіантъ копятъ. Вслѣдствіе этого велѣно по всѣмъ крѣпостямъ колыманской и иртышской линіи произвести въ калмыцкихъ кошахъ обыскъ *и отобрать провіантъ!* Но только въ катунской отобрано у восемнадцати человѣкъ, у кого 1, у кого 4 четверика, во всѣхъ же другихъ крѣпостяхъ у калмыковъ излишняго хлѣба не оказалось, и обыскивавшіе ихъ офицеры доносили, что «тутъ не только лишку нѣтъ, но и до термину достать не уповательно» ¹⁾. Были между этими эмигрантами люди достаточные, богатые скотомъ и разными цѣнными животными, имѣвшіе рабовъ; но по выходѣ на русскую границу они принуждены были постепенно разставаться съ своимъ имуществомъ и быстро шли къ тому жалкому состоянію, въ которомъ страдало большинство ихъ земляковъ. За удовлетвореніе каждой ихъ просьбы, за выполненіе каждой обязанности относительно ихъ, пограничныя власти вымогали съ нихъ взятки и, не задумываясь, отнимали у несчастнаго калмыка даже его рабовъ, жену и дѣтей ²⁾. Подобныя поборы носили подчасъ характеръ чистыхъ грабежей. Такъ, напр., въ 1757 г. бійскій регистраторъ Девиціаровскій, разбѣзжая по стойбищамъ вышедшихъ съ Тэохоломъ калмыковъ, своими вымогательными побоями и угрозами, навелъ на послѣднихъ такой страхъ, что они разбѣжались въ горы. Девиціаровскій обиралъ всѣхъ попадавшихся ему калмыковъ, у кого отнималъ скотъ, у кого мѣха, платье, парней и дѣвушекъ; всего награблено имъ, по словамъ старшины Боохала, на 761 рубль ³⁾.

Выше мы уже говорили, что казна выдавала содержаніе только однимъ желавшимъ креститься, а на послѣдокъ нежелающихъ принять русскую вѣру велѣно было даже вовсе не пускать въ Сибирь, отсылая ихъ обратно. Однакожь до изданія послѣдняго распоряженія въ Сибирь было принято множество джунгаровъ, не хотѣвшихъ и слышать о перемѣнѣ религій. Пограничныя командиры, большею частію нѣмцы, съумѣли однакожь окрестить множество

¹⁾ Ibid., стр. 555.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

³⁾ Ibid., стр. 393.

калмыковъ, принуждая ихъ къ тому иногда подарками, а больше голодомъ, тюремнымъ заключеніемъ и другими, еще болѣе грубыми средствами. Нѣкоторые изъ приведенныхъ такимъ образомъ въ православіе пытались заявлять, что они «крещены усильно». Но послѣ сдѣланныхъ имъ приличныхъ вразумленій, они отказывались отъ упомянутаго заявленія, и давали подписку, что сдѣлали его, «желая избыть христіанства, по замерзѣлому предъ симъ азіятскому закону» ¹⁾. Впрочемъ нѣкоторые самые упорные изъ нежелавшихъ креститься устояли на своемъ и не перемѣнили вѣры; а кромѣ того нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ пограничные командиры не смѣли принуждать къ переходу въ православіе. Такъ относительно семейства Амурсаны полковникъ Девилевъ доносилъ, что «по знатности ихъ крестить онъ смѣлости взять не имѣлъ» ²⁾. Крестившихся вѣнчали съ ихъ женами и заставляли ограничиваться одной женой. Нѣкоторыя изъ обратившихся калмычекъ выходили замужъ за русскихъ.

Всѣхъ принятыхъ въ подданство калмыковъ было положено переселить на Волгу, къ тамошнимъ калмыцкимъ родамъ изъ племени торгоутовъ, которыхъ калмыки искони ненавидѣли. Это было для калмыковъ еще хуже крещенія: отъ соединенія съ торгоутами они упирались руками и ногами. Вышедшіе въ Россію двоеданцы (калмыки) разбѣгались отъ одного слуха о томъ, что ихъ поведутъ на соединеніе съ торгоутами. Потомъ этотъ планъ отмѣнили, какъ совершенно раззорительный для двоеданцевъ, и рѣшили ихъ переселить во внутрь Сибири. И ихъ переселили бы, если бы компетентные въ этомъ дѣлѣ пограничные начальники не доказывали, что «ежели ихъ переселить, то какъ уже дѣйствительно видимо было, что многіе приходящіе въ российское подданство зенгорцы многіе померли, и онымъ послѣдовать можетъ таковой же случай» ³⁾. Но джунгары не могли, подобно двоеданцамъ, отдѣлаться отъ переселенія на Волгу. Сотнями и тысячами отправляли ихъ туда черезъ Оренбургъ. Во время пути крещенымъ калмыкамъ выдавалось по 3 коп. въ день. Ихъ сопровождалъ сильный конвой, которому предписывалось «смотреть, чтобъ калмыки утечки не сдѣлали; на верховыхъ лошадей не сажать, оружія и лошадей въ руки не давать, встрѣчи съ киргизами избѣгать, а если встрѣтятся, то

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 200.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXI, стр. 14.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 412.

говорить, что то не плѣнныя, а тобольскіе старожилы и ѣдутъ по желанію своему въ Оренбургъ на поселеніе вмѣстѣ съ своими родственниками» ¹⁾. При этихъ встрѣчахъ телѣги велѣно было закрывать рогожами, чтобъ «киргизы азіанъ не видѣли» ²⁾. Какъ не многочисленны были нѣкоторыя изъ этихъ партій, но дорогою постепенно они еще болѣе увеличивались, принимая калмыковъ изъ всѣхъ попутныхъ мѣстъ. Такъ, въ партіи майора фонъ-Эндена, вышедшей изъ Бійска 28 іюня 1757 г., подъ конвоемъ 305 человекъ съ 2 пушками, было калмыковъ 2,284 человекъ. Отъ Бійска до Семипалатинска фонъ-Энденъ набралъ новыхъ джунгаръ и вышель изъ послѣдняго города съ 3,179 человекъ ³⁾. Впрочемъ большая часть партій не была такъ многочисленна; а ограничивалась нѣсколькими сотнями человекъ. На дорогѣ, калмыки терпѣли тотъ же голодъ и тѣже стѣсненія, какъ и во время жительства въ крѣпостяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ успѣвали бѣжать, но большую часть рѣшившихся на побѣгъ ловили и жестоко наказывали. Отъ голода и болѣзней множество умирало. Такъ, напр., въ упомянутой партіи фонъ-Эндена во время слѣдованія отъ Бійска до Ямышева умерло калмыковъ 274 чел., и отъ Ямышева до Омска умерло 214. Хорошо, значить, содержали и обращались съ ними! Впрочемъ Щетневъ, провожавшій партію послѣ фонъ-Эндена, рапортуетъ; что такая смертность зависѣла не отъ начальства, а «отъ воли Божіей»; что калмыки мерли не отъ голоду, а отъ лихорадки и поносу, и что объ ихъ здоровьѣ начальство заботилось, ибо къ партіи былъ приставленъ «въ должности лекарской подпрапорщикъ» ⁴⁾.

Но оставимъ этихъ несчастныхъ и обратимся къ ихъ не менѣе несчастнымъ землякамъ, попадавшимъ въ неволю къ русскимъ.

Паденіе Джунгаріи имѣло самое сильное вліяніе на усиленіе сибирскаго рабства, тѣмъ болѣе, что незадолго до этого паденія, вышель въ 1737 г. уже упомянутый нами указъ императрицы Анны, 6 § котораго узаконилъ существованіе сибирскаго невольничества. Конечно, и безъ этого указа сибярики сдумѣли бы захватывать выбѣгавшихъ джунгаровъ въ рабство и удерживать ихъ за собою, несмотря на запрещенія законовъ, но упомянутый

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 24.

²⁾ Ibid., стр. 215.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 180, 228.

⁴⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 35.

указъ все-таки даль сильный толчекъ усиленію сибирскаго невольничества. Со времени паденія Джунгаріи главнымъ мѣстомъ процвѣтанія рабства становится югозападная Сибирь, по всей джунгарской и киргизской границѣ развивается обширная работорговля, главнымъ внутреннимъ рынкомъ которой дѣлается ирбитская ярмарка.

Выше мы видѣли, что большинство выбѣгавшихъ калмыковъ были жалкими нищими, умиравшими съ голода и немогшими пропитывать не только свое семейство, но даже и самихъ себя. И эти несчастные продавали русскимъ или даже отдавали даромъ своихъ родственниковъ, рабовъ, даже самихъ себя. Такъ въ Устькаменогорскѣ въ 1756 г. «вступившіе въ протекцію Ея Им-го Вел-ва урунхайскіе старшины Янкавъ и Дархуръ вѣдомства своего мальчика и дѣву, именуемыхъ Онгономъ и Жиргаль Ебавовыхъ, по неимѣнію отца и матери и родственниковъ и по невозможности пропитать, подарили луцкаго полку капитану фонъ-Траубенбергу въ вѣчное услуженіе». По этой же самой причинѣ старшины подарили капитану Долгову мальчика, сержанту Ердыкееву бабу раненую съ сыномъ, а регистратору Деятіаровскому бабу съ двумя ранеными сыновьями; телецкій зайсанъ Мензо подарилъ калмыченка поручику Степанову, также «по спротству и по неимѣнію пропитанія» ¹⁾. Однажды выѣхавшіе на границу калмыки объявили начальству, что недалеко въ горахъ осталось отъ нихъ нѣсколько человекъ раненыхъ и малолѣтнихъ, «которые-де по тогдашнему зимнему воздуху и по неимѣнію у нихъ одежды могутъ какъ голодомъ, такъ и отъ морозовъ безвременно помереть, изъ которыхъ нѣкоторые и померли, а они взять ихъ къ себѣ не желаютъ, потому что и своими людьми какъ пропитаться—знать не могутъ». Въ горы были посланы люди съ санями и привезли 20 изнемогшихъ отъ голода и ранъ калмыковъ. Изъ нихъ десять человекъ калмыцкіе старшины взяли себѣ, а десять раздали русскимъ ²⁾. Большею частью эти подарки дѣлались лицамъ чиновнымъ и поэтому были взятками; такъ, напр., когда въ декабрѣ 1756 г. полковникъ де-Гаррига объѣзжалъ калмыцкіе коши, то старшины дали ему въ подарокъ дѣву, чтобы онъ оставилъ ихъ при Шульбинскомъ заводѣ и не посылалъ бы на Волгу ³⁾. Часто

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXX, стр. 188.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 267.

³⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 197.

чиновники, не дожидаясь добровольныхъ приношеній или недовольствуясь ими, силою отнимали у калмыковъ ихъ дѣтей и родственниковъ и обращали въ рабство. Такъ напр., регистраторъ Десятяровскій во время своего, уже упомянутаго нами грабежа въ калмыцкихъ кошахъ, отнял между прочимъ мальчика и дѣвчушку. Впрочемъ, когда на него калмыки пожаловались, то онъ отперся отъ насильнаго захвата этихъ ребятъ, говоря, что калмыки, по неимѣннѣю нищи, сами продали ему ихъ за 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ ¹⁾. Такъ по доносу выборнаго при тамошнѣ Сары-ханова, капитанъ Траубенбергъ и другіе чины получали отъ калмыковъ «въ братейство» золото, серебро и жемчугъ и силою вымѣнивали себѣ въ холопство калмыковъ и калмычекъ ²⁾. Эти грабежи и поборы людьми были такъ обыкновенны, что каждый офицеръ, каждый чиновникъ, даже множество простыхъ солдатъ и казаковъ обзавелись въ это время многочисленною калмыцкою челядью.

Еще болѣе прибрѣталось невольниковъ посредствомъ покупки. Число джунгаровъ, желавшихъ продать своихъ людей русскимъ или продаться самимъ въ неволю постепенно возрастало, по мѣрѣ усиленія бѣдствій, положившихъ конецъ джунгарскому ханству. Вмѣстѣ съ умноженіемъ продавцевъ возрасло и число законныхъ рабопокупателей. Въ 1756 г. сибирскій губернаторъ Мятлевъ исходатайствовалъ право купцамъ и юрточнымъ бухарцамъ вымѣнивать и покупать калмыковъ, съ тѣмъ, чтобы обращать ихъ въ христіанство или перепродавать въ руки христіанъ, а «во мзду за окрещеніе оставлять крещеныхъ въ вѣчномъ услуженіи у покупателей христіанъ». Тогда дворни чиновныхъ лицъ, купцовъ и посадскихъ наполнились «масками то калмыцкими, то киргизскими», по заковыристому выраженію историка Сибири ³⁾. Нищіе родители продавали своихъ дѣтей, чтобы предохранять ихъ и себя отъ голодной смерти; мужья продавали женъ; родовые старшины продавали приставшихъ къ нимъ бездомныхъ скитальцевъ и сиротъ. Цѣны рабовъ разнообразились сообразно съ обстоятельствами продавцевъ и качествами продаваемыхъ. Хорошенькая и молоденькая калмычка, покупаемая для наложничества какому нибудь сладострастному офицеру, стояла, конечно, дороже дряхлой старухи или слабого

¹⁾ Ibid.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 267.

³⁾ Словцовъ, т. II, 17—18.

ребенка. Такъ, напримѣръ, полковникъ фонъ-Энденъ купилъ подобную калмычку за 1 корову, 2 суконныхъ кафтана, желтаго сукна 1 портище и 2 конца китайки ¹⁾). Выспими цѣнами за рабовъ можно принять цѣны, платившіяся калмыкамъ за рабовъ, *выкупавшихся* изъ ихъ неволи русскими или бухарцами. Такъ, напримѣръ, бухарець Шиховъ платилъ за такихъ рабовъ:

за бабу 40 лѣтъ	12 руб.
» бухарца 30 лѣтъ съ бабою	
тѣхъ же лѣтъ	1 мерина, 1 жеребца, да деньгами 16 руб.
за бурутку 7 лѣтъ.	6 руб.
» бухарца 34 лѣтъ	12 »
» бухарца 12 лѣтъ	1 мерина да денегъ 1 руб.
» бухарку 12 лѣтъ	1 мерина да 2 желтыхъ зендени.
» киргизку 40 »	1 мерина и денегъ 6 р.
» бухарца 40 »	12 руб.
» бухарца 15 »	12 »
» бурутку 17 »	12 »
» бухарку 16 »	12 »
» бухарца	1 кобылу, да 10 копѣекъ.
» дѣвку 25 лѣтъ	сѣрый сермяжный зипунъ.
» бухарца 13 лѣтъ	8 руб. ²⁾).

Это цѣны — чрезвычайно высокія по тогдашнему. Большинство покупаемыхъ рабовъ стоили гораздо дешевле; многіе калмыки продавались сами и продавали въ вѣчное холопство дѣтей только за одежду и пищу, которые хозяинъ долженъ былъ доставлять имъ во время ихъ неволи. Но и это была еще не самая низкая цѣна; и въ то время и послѣ, калмыцкихъ ребятей можно было купить копѣекъ по 10 — 15 за штуку или просто вымѣнить на незначительное количество пищи. Въ одномъ изъ городовъ западной Сибири до сихъ поръ живетъ одинъ купецъ калмыцкаго происхожденія, купленный въ дѣтствѣ за *мукошко ржаной муки*. И такая цѣна была не рѣдкою!

Кромѣ мирныхъ способовъ пріобрѣтенія рабовъ, и во время паденія Джунгаріи и послѣ него, русскіе добывали ихъ посредствомъ военныхъ и разбойничьихъ дѣйствій противъ кочевавшихъ за сибирскою границею калмыковъ. Эти набѣги носили тотъ же вар-

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXVII, стр. 232.

²⁾ Погр. Дѣла, т. XXXIII, стр. 46.

варскій характеръ, какъ и прежде. Официальною цѣлью ихъ были развѣдки «о джунгарскихъ обращеніяхъ» или поимки калмыцкихъ воровъ и мошенниковъ, тревожившихъ русскую границу; средствомъ для этихъ развѣдокъ была по прежнему пытка всѣхъ встрѣчныхъ калмыковъ. Вотъ, напр., въ 1757 г. отправляется за границу для развѣдокъ полковникъ де-Гаррига съ довольно сильнымъ военнымъ отрядомъ. Поймали одного калмыцкаго мальчика и начались допросы. Но на показаніяхъ калмыченка де-Гаррига «утвердиться не могъ» и началъ его пытать «со всякими смертельными пристрастѣями», отъ которыхъ калмыченокъ, «по малолѣтству», долженъ былъ сказать правду¹⁾. Возвращаясь изъ подобныхъ походовъ, рускіе приводили въ Сибирь не мало калмыцкихъ плѣнниковъ, обращавшихся въ рабство. Вотъ, напр., въ 1760 г. прапорщикъ Ширьевъ выступилъ изъ Чакурской крѣпости вверхъ по Чарышу «для искорененія калмыковъ, яко сущихъ-непріятелей.» На устьѣ р. Карганъ онъ захватилъ двѣ кибитки, въ которыхъ было девять калмыковъ. Подъ плетями начали допрашивать ихъ о другихъ калмыкахъ; они объявили, что 16 человѣкъ осталось сзади ихъ, но команда захватила тамъ только 3 ребятъ, остальные ушли на лыжахъ. Погнавшись за ними, команда нашла ихъ на высокой сопкѣ, но они отстрѣлялись. Самъ Ширьевъ съ 24 человѣками погнался за бѣжавшими въ Канъ калмыками, но калмыки, завидя его команду, взобрались на высокую сопку, на которой у нихъ еще прежде были складены каменные защиты и бойницы для защиты отъ монголовъ и китайцевъ. Ширьевъ выбилъ ихъ оттуда, убивъ 4 чел. и полонивъ 8. Черезъ три дня онъ взялъ въ плѣнъ еще 14 человѣкъ²⁾.

Такимъ образомъ, начиная съ половины XVIII столѣтія Джунгарія сдѣлалась главнымъ источникомъ, доставлявшимъ Сибири рабовъ. И сибиряки получали изъ этой страны невольниковъ не только путемъ вышеописанныхъ непосредственныхъ сношеній съ джунгарами, но также и посредствомъ киргизовъ, которые вплоть до указа 1828 г. были самыми дѣятельными поставщиками невольниковъ Сибири.

¹⁾ Погр. Дѣла, т. XXXII, стр. 482.

²⁾ Погр. Дѣла, т. LI, стр. 60.

IV.

Киргизскій народъ, который составился изъ обломковъ чингисова царства и въ физиономіяхъ котораго можно найти всѣ переходы и оттѣнки отъ чистѣйшаго кавказскаго типа до типа совершенно монгольскаго, — киргизскій народъ былъ всегда тревожнымъ и опаснымъ сосѣдомъ Сибири. Но въ XVIII столѣтіи внутренніе раздоры киргизскихъ ордъ ослабили ихъ могущество и породили мысль о переходѣ въ русское подданство. Этотъ переходъ совершился въ 1730 г., но русская власть въ киргизскихъ степяхъ около столѣтія оставалась только номинальною и была родомъ протектората надъ союзною націей. Тотъ же характеръ носили и пограничныя отношенія русскихъ къ киргизамъ. Опясанная линіей укрѣпленій, Сибирь смотрѣла, и смотрѣла справедливо, на киргизовъ, какъ на орды разбойниковъ, ежеминутно готовыхъ двинуть воинственные шайки своихъ наѣздниковъ на грабежъ русскихъ поселеній, на отгонъ скота и на уводъ сибиряковъ въ неволю. Киргизскіе набѣги и бунты не прекращались вплоть до половины XIX столѣтія. Киргизы отгоняли скотъ, жгли сѣно и деревни, вытаптывали пашни, уводили въ плѣнъ жителей. Они удачно пользовались для своихъ набѣговъ выюгами, которые заносятъ слѣды верховой ѣзды. Такъ напр., въ 1743 г. они напали въ страдное время на деревню Безрукову и увели въ плѣнъ 26 человекъ ¹⁾. Въ томъ же году изъ ишимскихъ слободъ они полонили 20 человекъ и 80 лошадей ²⁾. Въ 1755 г. киргизами разбитъ одинъ изъ ишимскихъ форпостовъ, при чемъ погибло нѣсколько драгунъ. Нападая на русскія поселенія, эти дикари не пропускали случая убить, ограбить или полонить русскихъ, ходившихъ за границу для разныхъ промысловъ, напр., для раскопки могильныхъ кургановъ ³⁾. Такъ дворовые люди дворянина Полстоналова, сбѣжавшіе въ понизовые сибирскіе города, дорогой взяты были въ

¹⁾ Промем. Сибирск. Губернск. канц., январь 1748 г.

²⁾ Репортъ вахмистра Черныхъ, 1745 г.

³⁾ Словцовъ, т. II, стр. 423.

плѣнъ киргизами ¹⁾. Такъ въ 1748 и 1749 г.г. уведены киргизами въ неволю капраль съ двумя женщинами, бѣжавшіе изъ Шульбинска въ Убинскъ. Изъ Подпускнаго станца киргизами былъ «украденъ» тобольскій служилый татаринъ Талаковъ и двѣ лошади. ²⁾ Подобныя набѣги повторялись постоянно. Въ 1783—1791 г. по линіи отъ Звѣриноголовска до Гурьева увезено въ плѣнъ киргизами 506 русскихъ ³⁾. Кромѣ русскихъ киргизы зорили и полоняли разныхъ инородцевъ; въ ихъ улусахъ имѣлось «живущихъ башкирцевъ немалое число, также чувашъ и другихъ подданныхъ Ея Им—го Вел—ва, и имъ житье отъ кайсаковъ (было) весьма плохое» ⁴⁾. На киргизовъ, поэтому, смотрѣли въ Сибири также подозрительно и враждебно, какъ и на джунгаровъ. Выѣзжать въ киргизскую степь русскимъ запрещалось, иногда подъ страхомъ смертной казни. Въ Сибири киргизовъ встрѣчали всегда съ такою же недоброжелательностью, какъ и джунгаровъ. Когда, напр., въ 1754 г., киргизы, преслѣдуемые джунгарами, умоляли сибирское начальство пустить въ Сибирь, по крайней мѣрѣ, ихъ женъ и дѣтей, то эта просьба была совсѣмъ отвергнута и беззащитныя семейства оставлены въ добычу калмыкамъ ⁵⁾. Таже самая система развѣдокъ и шпіонства, которая употреблялась относительно Джунгаріи, была пускаема въ ходъ и противъ киргизовъ. Русскіе лазутчики постоянно посѣщали киргизскіе улусы и доносили начальству «о тамошнихъ обращеніяхъ». Наблюдать и доносить дѣйствительно было о чемъ. Джунгары зорко слѣдили за отношеніями киргизовъ къ Россіи и старались, привлеки ихъ на свою сторону, пріобрѣсть въ нихъ сильныхъ союзниковъ противъ русскихъ. Намѣреніе киргизовъ вступить въ русское подданство иногда жестоко наказывалось калмыцкими ханами. Войска Галдана Церена прошли, однажды, съ огнемъ и мечемъ всю степь вплоть до Оренбурга. И русскіе основательно опасались, что джунгары могутъ поднять киргизовъ къ бунту и покорить ихъ своей власти. Очень частыя возмущенія и раздоры киргизскихъ ордъ поддерживали такое опасеніе. Киргизы принимали дѣятельное участіе въ башкирскомъ бунтѣ и ихъ роды постоянно грабили и разоряли другъ друга. Всѣ эти обстоятель-

1) Рапортъ Павлуцкаго, октябрь 1747 г.

2) Письмо Кондермана къ Аблаю, май 1749 г.

3) Мейеръ, стр. 19.

4) Показанія казака Бордюгиа, 11 мая 1745 г.

5) Словцовъ, т. II. стр. 423.

ства и жажда добычи вели за собою военные походы русскихъ, которые совершались подъ предлогомъ возвращенія воровскихъ вещей и плѣнныхъ, наказанія разбойниковъ и бунтовщиковъ. Эти походы позорятъ собою всѣ сношенія сибиряковъ съ киргизами вплоть до половины настоящаго столѣтїя. Эти походы, кромѣ поживы имуществомъ киргизовъ, доставляли Сибири довольно рабовъ-плѣнниковъ, а разоряя киргизовъ и доводя ихъ до безысходной нищеты, они заставляли ихъ страшно усиливать продажу людей въ русскую неволю.

Вотъ напр., въ первыхъ числахъ ноября 1743 г. около Шульбинскаго завода, Семипалатинска и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ были замѣчены разбѣгающіе киргизы. 5 ноября изъ Желѣзинской крѣпости былъ командированъ капраль Вершининъ съ командою изъ 24 человекъ для присмотру непріятельскихъ людей и ихъ воровскихъ трактовъ. И отъ крѣпости въ 5 верстахъ нашла на нихъ казачья орда, и сказывали тѣ непріятельскіе люди: «мы-де мирные люди и ѣдемъ торговать въ Желѣзинскую крѣпость». И послѣ того они учинили съ нимъ Вершининымъ бой» и того бою было до ночи». Киргизы начали одолѣвать и казаки просили изъ крѣпости сигурсу. На выручку ихъ посланъ капраль Пузинъ съ 42 чел. и 1 пушкой, но Пузинъ киргизовъ уже не засталъ и выслѣдить ихъ не могъ. Ноября 6 подѣхали къ Желѣзинску два киргиза и захвачены въ крѣпость.

Ноября 3 въ Семипалатинскѣ одинъ солдатъ объявилъ, что видѣлъ онъ за Иртышемъ «невѣдомо какихъ людей». Послана въ погоню команда изъ 30 человекъ, но она никого не нашла и только захватила въ плѣнъ одного киргиза.

8 ноября изъ Черлаковскаго форпоста сотникъ Дороховъ ѣздилъ съ казаками по степной сторонѣ для присмотра непріятельскихъ людей, и наѣхалъ онъ на 30 киргизовъ, «изъ оныхъ непріятельскихъ людей 2 человекъ поймали, а за остальными погнались.» Въ помощь имъ изъ форпоста послано еще 31 человекъ. Дороховъ съ командою набѣжалъ на киргизскіе улусы «и въ оныхъ мужеска полу бойцовъ человекъ 50 и отъ того улусу верстахъ въ двухъ еще человекъ 20, и въ оныхъ улусахъ баталїя была во второмъ часу ночи, и съ оной баталїи привезъ онъ, Дороховъ, 20 человекъ плѣнниковъ и скота многое число». По требованію Дорохова командировано ему въ помощь для вторичнаго набѣга изъ Омска 117 человекъ, да изъ Черлакова 31 человекъ, «и соединясь всѣ вообще, они 13 ноября въ степь отправились.» Черезъ пять дней похода

нашли они на киргизскіе улусы, «и изъ тѣхъ улусовъ черезъ огненное оружіе взято въ полонъ мужскаго и женскаго пола 42 чело-вѣка, 790 лошадей и 22 верблюда. И тотъ полонъ за помощію Божіею выведенъ въ Омскую крѣпость во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную взятую имъ добычу *людей, лошадей и верблюдовъ отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы впредь многіе вѣрноподданые охоту и не малую ревность имѣли*. А по справкѣ съ присланнымъ въ 1735 г. ея и—го в—ва указомъ, въ которомъ велѣно взятыхъ въ полонъ непріятельскихъ людей вырослыхъ въ сибирскую губернскую канцелярію подъ крѣпкимъ карауломъ препровождать, а малолѣтнихъ мужеска и женска пола и ихъ багажъ и скоть дѣлить, кто ихъ въ полонъ взялъ, чтобъ служилые люди къ поиску непріятельскихъ людей и впредь охоту имѣли. И по силѣ онаго указа преднаписанные завоеванные мужескъ полъ молодые, а женскъ старые и молодые, такожъ верблюды и кони раздѣлены по тѣмъ, которые при взятѣ той добычи были»¹⁾. Эти набѣги производились сибиряками такъ ревностно и безсовѣстно, что, по предложенію оренбургскаго начальства, въ главномъ вѣденіи котораго находились тогда киргизскія дѣла, правительство «повелѣло накрѣпко наблюдать, чтобъ прежде, пока объ ихъ киргизскихъ противныхъ и злыхъ противъ Россіи намѣреніяхъ подлинно не увѣдомлено будетъ, съ російской стороны дѣйствъ не оказывать и войскамъ оныхъ не чинить.» Оренбургская губернская канцелярія находила, что часто изъ захваченныхъ въ полонъ «измѣнниковъ киргизцевъ» за многими «не токмо виновности, но и сомнѣнія никакого не видно и ихъ задерживали безъ всякой причины»; военныя сибирскія партіи, по мнѣнію той же канцелярії, ходили подъ киргизскіе улусы безъ нужды и дѣлали свои разбойничьи набѣги совершенно противозаконно. Но эти набѣги продолжались влоть до половины настоящаго вѣка.

Такъ напр. въ 1807 г., оренбургскіе киргизы ограбили Вали-Хана и онъ просилъ защиты у сибирскаго начальства, которое и выслало въ степь 100 казаковъ. Они начали грабить встрѣчнаго и поперечнаго, и самъ Вали просилъ избавить его поскорѣе отъ такихъ защитниковъ. Такъ въ 1842 г., знаменитый бунтовщикъ султанъ Кенисара въ своемъ рапортѣ, присланномъ оренбургскому начальству, подробно исчисляетъ обиды, нанесенныя ему сибир-

¹⁾ Экстрактъ 31 марта 1745 г., о обидахъ учиненныхъ киргизамъ.

скимъ начальствомъ. Походы сибиряковъ въ степь онъ называетъ грабежами. Меня грабили — пишетъ онъ — по наговору султана Ямантая въ 1825, 1827, 1830, 1831, 1832, 1836 годахъ; потомъ опять грабили въ 1837 г. два раза, въ 1838 г. четыре раза, въ 1840 г. три раза ¹⁾. Около того же времени ходилъ въ степь полковникъ Ѳедоръ Набоковъ; онъ прошелъ ее съ огнемъ и мечомъ и навелъ на киргизовъ такой страхъ, что даже до сихъ поръ они боятся проѣзжать мимо могилы этого *Чадыр-Батыря* (богатыря Ѳедора). Для возвращенія захваченныхъ сибиряками скота и киргизовъ, ихъ родичи и султаны употребляли всѣ усилія; но ихъ старанія почти никогда не имѣли успѣха. Большею частію русскіе отвѣчали, что полонъ можетъ быть возвращенъ киргизамъ только въ томъ случаѣ, если они, съ своей стороны, отдадутъ всѣхъ захваченнымъ ими русскихъ подданныхъ. Когда же сибирякамъ предписывалось возвратить пограбленный у киргизовъ военными командами скотъ, то командиры рапортовали, что «нѣкоторые лошади и верблюды пали, другіе убѣжали въ степь, иные проданы» ²⁾. Что же касается плѣнныхъ людей, то ихъ не возвращали обыкновенно подъ тѣмъ предлогомъ, что они окрещены. Вотъ что писалъ, напр., оренбургскій губернаторъ Неплюевъ начальнику сибирскихъ войскъ Кондерману: «что касается тѣхъ киргизъ-кайсаковъ, кои по поимкѣ въ разныя руки достались и въ православную вѣру приведены, слѣдственно, какъ бы то сдѣлано ни было, отпущать ихъ въ орду, яко крещеныхъ, невозможно, и такъ въ отвѣорку киргизъ-кайсакамъ другого резону нѣтъ, какъ только сей, что по ихъ собственному желанію оное воспріяли и по закону православному возвратить ихъ уже не можно, да они и сами того не желаютъ» ³⁾. Дѣйствительною же причиною невозвращенія изъ Сибири киргизскихъ плѣнниковъ было то, что они обращались въ рабство, развозились по разнымъ мѣстамъ и часто поступали въ неволю къ тѣмъ самымъ чиновникамъ, у которыхъ киргизы хлопотали о возвращеніи плѣнниковъ. Такъ, напр., Аблай-султанъ особенно хлопоталъ о возвращеніи родственниковъ Алимбетъ-Батыря; но по справкѣ оказалось, что они были въ рабствѣ: «женка Хурумза у превосходительнаго генераль-маіора и губернатора Сухарева, женка Аимъ и дочь

¹⁾ Мейеръ, стр. 29 и 59.

²⁾ Рап. Павлудкаго, мартъ 1745 г.

³⁾ Письмо Неплюева, 26 сентября 1745 г.

ея дѣвка у полковника Вендейга, жена Сулуча у секретаря Карташева, и оныя же окрещены» ¹⁾).

Кромѣ полону, русскіе пріобрѣтали отъ киргизовъ рабовъ посредствомъ покупки. Эти невольники состояли главнымъ образомъ изъ калмыковъ, тысячи которыхъ томилсь въ киргизской неволѣ, особенно послѣ паденія Джунгаріи. Бѣжавшіе въ 1777 г. съ Волги калмыки доставили киргизамъ отличный случай увеличить число ихъ калмыцкихъ рабовъ. Бѣжавшіе калмыки «ошибкою графили на великіе пески, отчего много оныхъ побросано; за упадкомъ лошадей и по нападенію киргизскаго Аблай-султана многіе разграблены ими (киргизами) и взяты въ плѣнъ; весьма много вымѣняно оныхъ отъ киргизъ купечеству въ Россію» ²⁾. Продажа калмыковъ и другихъ націй киргизскихъ плѣнниковъ въ сибирскую неволю совершалась вплоть до конца двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, и часто эти рабы стоили покупателю копѣекъ 10—20 штука или даже просто вымѣнивались за лукошко ржаной муки. Впрочемъ, эти рабы вывозились на сибирскую линію для продажи только въ голодные годы, „въ прочее же время владѣльцы ихъ, имѣя способъ удобно сбывать ихъ между собою и за цѣну вышшую, чѣмъ россиянамъ, не продавали ихъ на линіи“.... Положеніе этихъ рабовъ у киргизовъ было самое жалкое. „Находясь у киргизъ, они не знаютъ собственности и передаются отъ одного владѣльца къ другому, какъ обыкновенная въ частной жизни вещь, покупкою, мѣною и разными, сдѣлками пріобрѣтаемая; часто они выводятся и ставятся *на байт* (конскіе бѣги) вмѣстѣ съ лошадьми и поступаютъ въ призь отличившимся въ скачекѣ. Въ дѣлахъ судныхъ закономъ введено взыскивать съ обвиненныхъ штрафъ калмыками и скотомъ.“ Число этихъ невольниковъ въ началѣ XIX в. значительно уменьшилось у киргизовъ. «Причина тому очевидна. Киргизы, имѣя надъ калмыками неограниченную власть, весьма часто разлучаютъ мужа съ женой по своему произволу, отдавая ихъ въ разныя руки, или какъ выгодноѣ, оставляя у себя одного, продаютъ другую постороннему владѣльцу или же удерживаютъ при себѣ въ наложницахъ, отчего мужчины большею частію холосты. Бракъ съ киргизкою недозволенъ калмыкамъ, но если владѣлецъ по снисходительности, и женитъ на ней невольника, то сей вступаетъ уже въ права, равныя киргизамъ, и освобождается отъ раб-

¹⁾ Рапортъ Павлуцкаго, сентябрь 1745 г.

²⁾ Лѣтопись Андреева, рукопись 1789—1800 г., листъ 24.

ства». ¹⁾ Въ голодные годы вмѣстѣ съ рабами киргизы продавали въ рабство своихъ дѣтей. Постоянныя междоусобія, деспотизмъ султановъ и хановъ, набѣги русскихъ командъ, частыя эпидеміи — все это раззоряло киргизскій народъ и навлекало на него ужасныя бѣдствія. Тому же содѣйствовали и многія административныя мѣры. Напр., употреблялись всѣ средства, чтобы не дать киргизамъ сдѣлаться осѣдлыми земледѣльцами. Графъ Сухтеленъ сочинилъ теорію, что киргизы полезны Россіи, какъ кочевой народъ, какъ потребители нашего хлѣба и мануфактуръ, какъ производители кожъ и другого сырья; поэтому ихъ должно удерживать въ полудикомъ состояніи. Даже въ 1854 г. Перовскій сдѣлалъ Пограничной комиссіи строгое замѣчаніе за то, что она не препятствовала киргизамъ строить за Ураломъ землянки ²⁾. Поэтому при каждомъ неурожаѣ хлѣба въ русскихъ пограничныхъ мѣстахъ, киргизы умирали съ голода и для спасенія своей жизни продавали въ рабство своихъ дѣтей. «Въ началѣ XIX столѣтія — говорить Мейеръ — торгъ дѣтьми дошелъ до обширѣйшихъ размѣровъ» ³⁾. Въ особенно бѣдственномъ положеніи киргизы находились съ 1811 по 1814 г., «когда они выѣзжали со своими дѣтьми на линію и тамъ мѣняли ихъ низкою цѣною на деньги, муку и скоть. Къ открывшейся тогда въ степи заразѣ на скоть присоединились глубокіе снѣга и гололедица, двѣ зимы сряду продолжавшіеся. Въ семь состояніи тѣ изъ нихъ, кои не имѣли другого имущества, кромѣ скота, лишившись его, прибѣгли къ крайнему средству пропитанія своего, къ продажѣ дѣтей» ⁴⁾. Сперанскій въ своей запискѣ, поданной имъ въ государственный совѣтъ, замѣчаетъ объ этой работоговлѣ, что «дѣти калмыцкіе, и киргизскіе, на сибирскую и оренбургскую линіи киргизами привозимыя, обыкновенно привозятся на мѣновыя дворы и тамъ скупаются оптомъ или вымѣниваются на товаръ мѣщанами, кои симъ промысломъ занимаются. Цѣна ихъ на мѣстѣ обыкновенно отъ 10 до 25 р., рѣдко бываетъ выше. Промышленники содержатъ ихъ въ неволѣ и изнуреніи отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда обыкновенно производится вымѣнъ до зимы. Въ декабрѣ и январѣ, нагрузивъ ими фуры, отвозятъ ихъ обыкновенно на ирбитскую ярмарку, въ февралѣ мѣсяцѣ бывающую, и

¹⁾ Журналъ омскаго областного совѣта, 30 іюля, 1826 г.

²⁾ Мейеръ, стр. 47 и 72.

³⁾ Ibid, стр. 27.

⁴⁾ Журн. омск. обл. совѣта, 30 іюля, 1826 г.

тамъ продають или обмѣнивають въ розницу купцамъ и мѣщанамъ, кои потомъ распродаютъ ихъ или обращаютъ въ подарокъ. Излишне описывать всѣ жестокости и страданія съ симъ торгомъ сопряженныя» ¹⁾.

V.

Мы говорили, что до половины XVIII в. рабство не могло развиваться въ Сибири до очень обширныхъ размѣровъ, потому, что рабы требовались только для домашнихъ работъ и служили орудіями передвиженія, подмогою лошадей. Съ этого же времени рабство значительно усиливается, и въ Сибири начинается образовываться сословіе дворянъ - рабовладѣльцевъ. До этого времени дворянство сибирское было только призраккомъ дворянства. Авторъ «Домовой Лѣтописи» справедливо замѣчаетъ, что приходившіе изъ Россіи дворяне поселялись въ разныхъ мѣстахъ Сибири, гдѣ онимъ выгоднѣе быть казалось, почему и привилегіи дворянства своего разстратили, такъ, что наблюдая свой покой, многіе уклонялись въ хлѣбопашество и разные звѣриные промыслы, а черезъ то наложили на себя иго крестьянства, перешли въ подушный окладъ и въ духовенство и разными степенями жизни, перемѣняли и свою фамилію.» ²⁾ Впрочемъ нѣкоторые изъ російскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, послѣ переселенія въ Сибирь, сохраняли свое званіе и назывались *сибирскими*. Потомъ многіе верстаны въ это званіе въ Сибири по царскимъ указамъ или властью воеводъ и позднѣе губернаторовъ, «за многотрудныя службы, осадное сидѣнье, голодное терпѣнье», а иногда за службу отца. Дѣти боярскіе и сибирскіе дворяне получали особое жалованье, рублей по 5—25 въ годъ, по нѣскольку четвертей хлѣба и крупъ, по нѣскольку пудовъ соли и сѣнокосныя земли, бывшія наследственными. Указомъ сената 1727 г. «съ дворянъ, и дѣтей боярскихъ сибирской губерніи и съ дѣтей ихъ, кои будутъ комплектованы, на мѣсто умершихъ—податей подушныхъ брать невелѣно». Но въ 1737 г. дѣти боярскіе всѣ обращены военной коллегіей на службу и поставлены наравнѣ съ каза-

¹⁾ Указъ Сената Капцевичу, января 30, 1826 г.

²⁾ Лѣтопись Андреева, листъ 7.

ками ¹⁾. Еще до этого времени нѣкоторые изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ приобрѣтали себѣ вотчины, и въ Сибири появилось сословіе помѣщиковъ-вотчинниковъ. Въ числѣ ихъ было много казаковъ, купцовъ, приказныхъ, духовныхъ. Они селили на этихъ земляхъ рабовъ-инородцевъ, ссыльныхъ и бродягъ, которыхъ имъ удавалось записывать за собою. Противъ этого вооружался еще царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ ²⁾. Но въ XVIII в. усиленіе запроса на хлѣбъ, вело за собой усиленіе хлѣбопашества, особенно въ южныхъ пограничныхъ мѣстахъ Сибири. Рабы, такимъ образомъ, начинали приобретать небывалую до тѣхъ поръ въ Сибири цѣну, какъ производители хлѣба. Люди, умѣющіе понимать смыслъ обстоятельствъ и извлекать изъ нихъ барыши, люди имѣвшіе при томъ возможность владѣть рабами,—обзаводились землей и начинали воздѣлывать ее невольничьимъ трудомъ ³⁾. Мы имѣемъ въ рукахъ интересный дневникъ одного изъ этихъ рабовладѣльческихъ сельскихъ хозяевъ. Одинъ изъ предковъ Андреева, умершій въ 1739 г., купилъ въ 12 верстахъ отъ Тобольска деревню Этыкерову, «накупя людей и содержавъ оную, жизнь свою препровождалъ въ изобиліи». Сынъ его увеличилъ это рабовладѣльческое имущество, тѣмъ, что будучи израненъ въ башкирскую войну, онъ получилъ «башкирцевъ шесть человекъ въ вѣчное владѣніе, которые и поселены были въ деревнѣ, которую отецъ ему по духовной отказалъ». Упомянутая деревня вмѣстѣ съ рабами досталась автору лѣтописи. Живя безъ господскаго надзора, «не имѣвъ надъ собою смотрѣнія и не видя господъ», эти рабы, при ревизіи 1783 г., «взбунтовавъ, подавали челобитныя, называя себя вольными людьми... Съ великимъ трудомъ привели ихъ въ страхъ и показавъ, что есть господа, я отправилъ ихъ въ крѣпость Семипалатинскую съ капраломъ Кочевымъ»... Купивъ землю и мельницу, Андреевъ построилъ домъ руками своихъ рабовъ и снабдилъ ихъ лошадьми, скотомъ рогатымъ, баранами, свиньями, курами, дешевою посудой, хлѣбомъ. «Великаго стоило мнѣ труда приводить распутныхъ сихъ людей въ порядокъ»... «Накупилъ я лошадей, завелъ рогатаго скота, птицы, употребляя людей и лошадей къ ломкѣ и возкѣ соли и къ прочимъ случающимся подѣлкамъ, и весьма жизнь свою поправлять всякимъ заведеніемъ началъ; а сверхъ того, какъ для себя, такъ

¹⁾ Этнографич. Сборникъ, выпускъ V, Словцовъ, т. II, прилож. 11—13.

²⁾ Д. къ А. И., т. III, стр. 228.

³⁾ Гагемейстеръ, Статистическое Обзорѣніе, Сибири т. II, стр. 77.

и для коменданта многія вещи крашиваль, золочиваль и разныя полезныя показывая услуги, и жизнь свою препровождалъ съ 'удовольствіемъ»¹⁾. Другіе рабовладѣльцы вели свои дѣла подобнымъ же образомъ. Понятно, что положеніе рабовъ было вообще чрезвычайно тяжкое. Задавленные работой, они постоянно страдали отъ палокъ, плетей и розогъ, раздававшихся щедро господами, «препровождавшими жизнь свою съ удовольствіемъ». Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго замѣчанія Сперанскаго, цѣна рабовъ, съ обращеніемъ ихъ силъ на производительный сельско-хозяйственный трудъ, поднялась до 25 рублей за мальчика. Развитие сельскаго хозяйства придавало сибирскому рабству нѣвыя силы. И по всей вѣроятности если бы правительство не уничтожило рабства, если бы послѣднее просуществовало до развитія въ Сибири фабричной и золотой промышленности, то его размѣры значительно бы увеличались.

Но въ то время, какъ сибирскіе рабовладѣльцы „препровождали жизнь свою съ удовольствіемъ“, въ отдаленномъ Петербургѣ замышлялось уже освобожденіе невольниковъ. Первый ударъ невольничеству былъ нанесенъ высочайшимъ указомъ 23 мая 1808 г. Въ немъ говорилось:

а) Всѣмъ російскимъ подданнымъ свободныхъ состояній покупать и вымѣнивать на линіи киргизскихъ дѣтей дозволяется, съ тѣмъ, чтобы:

б) Таковыя обоюга пола, по достиженіи 25-лѣтняго возраста, всѣ безъ изыятія должны быть свободными;

в) Всѣ, покупающіе или вымѣнивающіе ихъ, должны предъявлять о сей покупке оренбургской пограничной комисіи;

г) Каждый купленный или вымѣненный невольникъ, по истеченіи 25-ти-лѣтняго возраста, какъ свободный, долженъ избрать состояніе по способности и произволению;

д) Право на владѣніе каждому покупателю дозволяется передавать кому онъ пожелаетъ. Но по достиженіи 25-ти-лѣтняго возраста эти киргизы свободны и отъ новыхъ хозяевъ;

е) Невольникъ, женившійся, по достиженіи имъ 25-ти-лѣтняго возраста, свободенъ съ женою и дѣтьми, хотя бы женился и на крѣпостной своего хозяина;

ж) Правила сіи распространяются на всю сибирскую линію.

Рабовладѣльцы были ошеломлены этимъ указомъ, но не на дол-

¹⁾ Лѣтопись Андреева, листъ 9, 22, 28 и 29.

го. Тогдашняя Сибирь нисколько не была лучше Сибири XVII в., когда ставили ни во что царскіе указы, запрещавшіе невольничество. Той же судьбѣ подвергся сначала и указъ 1808 г. Его исполненіе зависѣло отъ чиновниковъ, которые были сами рабовладѣльцами и поэтому были заинтересованы въ поддержаніи невольничества. Рабовладѣльцы же, не бывшіе чиновниками, избавлялись отъ дѣйствія этого указа посредствомъ взятокъ. Между тѣмъ рабы, узнавъ о выходѣ упомянутаго указа, заволновались: покупали гербовую бумагу, нанимали сочинителей и переписчиковъ прошеній, и подавали просьбы о своемъ освобожденіи. Но рабовладѣльцы не дремали, и старались выводить изъ своихъ невольниковъ мысль о свободѣ посредствомъ палокъ и розогъ. Стоило только отослать такого раба при запискѣ въ полицію, или просто отвести его на свою конюшню, — и ему задавали такую баню, что, пожалуй, и дѣйствительно выбивали всякую мысль объ освобожденіи. Такъ, напримѣръ, въ Омскѣ, коллежскій совѣтникъ Камаевъ, своего раба, киргиза, Александра, «наказалъ при полиціи 200-ми лозъ, а послѣ сего ввергнулъ его въ тюремное заключеніе, гдѣ онъ находился больше мѣсяца, съ употребленіемъ на городовую работу». Вина Александра состояла въ томъ, что онъ написалъ одному своему родственнику просьбу объ освобожденіи отъ рабства ¹⁾).

Ищущимъ свободы невольникамъ доводилось часто получать за это двойное наказаніе — и отъ своихъ господъ, и по приговору того судебного мѣста, въ которомъ они ходатайствовали о своемъ освобожденіи. Высочайшимъ указомъ 23 апрѣля 1744 г. было постановлено, что «если кто изъ крещеныхъ калмыковъ и другихъ націй людей, безъ позволенія помѣщиковъ своихъ, у конхъ они, по силѣ указа 1737 г., живутъ, будутъ къ ревизіи приходиться и проситься, неимѣя никакого письменнаго вида отъ тѣхъ своихъ помѣщиковъ, на волю, таковыхъ, за таковое своевольство, наказывая батоги, отсылать къ тѣмъ же помѣщикамъ и къ прочимъ». Основываясь на этомъ постановленіи, нѣкоторые суды, наприм., тобольскій магистратъ и уѣздный судъ, приговаривали къ наказанію батогами и къ отдачѣ рабовладѣльцамъ тѣхъ невольниковъ, которые, по указу 1808 г., имѣли полное право на освобожденіе ²⁾. Нѣко-

¹⁾ Дѣло объ освобожденіи невольниковъ, Арх. Главн. Управл. Западн. Сиб., № 2301.

²⁾ Дѣло объ ищущихъ вольности отъ рабства, Архивъ Главн. Управл. Зап. Сибири, № 54.

торымъ отказывали въ освобожденіи на тсмъ основаніи, что указъ 1808 г. относится только къ купленнымъ и вымѣненнымъ невольникамъ, а просители, дескать, были сначала «завоеваны», а потомъ уже проданы! ¹⁾ Часто суды или вовсе не принимали невольничьихъ просьбъ, или откладывали ихъ въ долгій ящикъ. Но скоро эти несправедливости сдѣлались извѣстными въ Петербургѣ, и сенатъ, своимъ указомъ о прекращеніи ихъ и своими угрозами о жестокомъ наказаніи виновныхъ чиновниковъ, навелъ на нѣкоторыя присутственныя мѣста такой страхъ, что они начали освобождать рабовъ чрезвычайно скоро и безъ всякихъ формальностей. Омскіе дворяне жаловались, наприм., что «омское областное правленіе, на основаніи указа 1808 г., только по собственнымъ своимъ резолюціямъ, безъ судебного производства и приговора, даетъ свободу находящимся у дворянъ въ услуженіи людямъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста»... «Такія дѣйствія омскаго областного правленія, по освобожденію достигшихъ 25-ти лѣтъ невольниковъ, поселили въ умахъ легковѣрныхъ и склонныхъ къ празности калмыковъ вольность; они всѣ уже готовы были искать оной и ходатайствуя о томъ съ надеждою, выходили изъ повиновенія господъ своихъ и тѣмъ наносили общее неудовольствіе и невозвратный убытокъ» ²⁾. Между тѣмъ петербургское правитель-ство показывало, что оно желаетъ идти въ этомъ дѣлѣ даже далѣе указа 1808 г. Такъ, наприм., 8 февраля 1822 г. было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта о выдачѣ 150 р. за каждаго освобождаемаго невольника его хозяину. 6 октября 1825 г. постановлено, что если невольникъ самъ не захочетъ уходить отъ своего господина, то можетъ оставаться у него не иначе, какъ только на правахъ вольнонаемнаго. Рабовладѣльцы пуще прежняго начали вопіять о попраніи своихъ «священныхъ правъ собственности». Въ Омскѣ, гдѣ однихъ только рабовладѣльцевъ-чиновниковъ было 31 человекъ, они замыслили ходатайствовать объ оставленіи невольниковъ за ними. Долго толковали объ этомъ по домамъ, за чайкомъ и водочкой, наконецъ, въ іюнѣ 1825 г. рабовладѣльцы составили общее собраніе и избрали повѣреннаго, чиновника Яковлева, для подачи просьбы на высочайшее имя. Упомянувъ о произвольныхъ, по ихъ мнѣнію, дѣйствіяхъ присутственныхъ мѣстъ по отбору невольниковъ, они въ упомянутомъ своемъ прошеніи продолжаютъ: «дѣйствіями сими омское дворян-

¹⁾ Архивъ Главн. Управл. Западн. Сибири, дѣло № 2301.

²⁾ Ibidem.

ское сословіе, будучи озабоченнымъ даже до разстройства въ хозяйственности, опасается, чтобы наслѣдствъ не лишиться каждому всѣхъ рода сего людей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, употребленной на пріобрѣтеніе, воспитаніе и обученіе ихъ собственности своей безъ возврата и не остаться вдругъ безъ всякой услуги, необходимой въ особенности для служащаго чиновника, — имѣло о томъ свое сужденіе и изложивъ оное за надлежащимъ подписаніемъ въ особомъ мѣнѣи, поручило титулярному совѣтнику Яковлеву ходатайствовать у верховнаго правительства защиты и снисхожденія пребывающему въ Сибири дворянскому сословію, по уваженію нуждъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, въ отношеніи спокойнаго владѣнія калмыками съ происходящимъ отъ нихъ потомствомъ, на основаніи коренныхъ законовъ, утверждавшихъ права сибирскихъ рабовладѣльцевъ»¹⁾. Указывая на юридическія основанія своихъ правъ, рабовладѣльцы стараются разжалобить правительство, разрисовывая передъ нимъ свое бѣдственное положеніе, до котораго необходимо должно довести ихъ освобожденіе рабовъ. «Чиновники, въ Сибири служащіе, — пишутъ они, — большею частію неимѣя возможности купить русскихъ крѣпостныхъ людей и надѣясь на допущенное указомъ 1757 г. право пріобрѣтати калмыковъ и владѣти ими вѣчно, только сихъ людей и имѣютъ, вымѣнивая на товаръ съ платежемъ пошлины и за владѣнную запись денегъ; воспитывая ихъ подобно дѣтямъ, обучали разнымъ ремесламъ съ большими издержками, и нѣкоторыхъ изъ нихъ женили на крѣпостныхъ дѣвкахъ, доставляя имъ все нужное къ содержанію, приготавливали ихъ быть для себя и самихъ ихъ полезными. Но они, по природной ихъ азиатской склонности, забывъ отеческое объ нихъ попеченіе, прилагаемое при воспитаніи, и заботы, по внушеніямъ неблагонамѣренныхъ людей, стараются избыть отъ услугъ.. Съ республикованія послѣдняго о семъ узаконенія (ук. 1808 г.), вымѣнъ ихъ отъ киргизъ по сибирской линіи почти прекратился, ибо издержки, долженствующія употребляться на вымѣнъ калмыченка, обученіе его правиламъ христіанской вѣры, образу жизни и какому нибудь ремеслу, на воспитаніе его и на одежду, наприм., съ 7 до 25-тилѣтняго возраста, никакъ не могутъ вознаградиться отъ услугъ лучшаго изъ калмыченковъ; а очень много и такихъ, кои почти

¹⁾ Т. е. Соборное Уложеніе, гл. IX, § 117; указы 1737 г. ноября 16, § 6; 1744 г. апрѣля 23; 1745 г. іюля 5; 1754 г. мая 13, § 5; 1757 г. января 9; 1781 г. сентября 7; 1815 г. августа 11: Уставъ о сибирскихъ киргизахъ, § 277.

ни къ чему, не имѣютъ способности; найдутся еще и такіе, которые бывають покупаемы 24 лѣтъ отъ роду и не дешевле, какъ за 400 р. (?!), кромѣ пошлинъ и прочихъ расходовъ. И ежели бы зналъ владѣлецъ, что таковой приобретаемый имъ человекъ будетъ свободенъ, то, безъ сомнѣнія, не рѣшился бы на вымѣнъ его, сопряженный съ напрасной тратой денегъ. При законѣ 1808 г., не далѣе какъ черезъ пятнадцать лѣтъ всѣ уже до одного калмыка будутъ свободны, и чиновники въ Сибири, въ особенности же въ гражданской службѣ находящіеся, неминуемо потерпятъ въ услугѣ нужду, ибо въ здѣшнемъ краѣ сколько невозможно достать русскихъ крѣпостныхъ людей, столько же трудно имѣть и вольнонаемныхъ». ¹⁾ Понятно, что ходатайство омскихъ рабовладѣльцевъ осталось безъ успѣха. Указы 8 октября 1825 г. и 30 января 1826 назначали срокъ для освобожденія всѣхъ невольниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ запретили впредь приобретать ихъ. Но вѣроятно сибирскіе рабовладѣльцы имѣли въ Петербургѣ сильную руку, по крайней мѣрѣ сибирскій генералъ-губернаторъ Капцевичъ держалъ ихъ сторону. И вмѣстѣ съ выходомъ упомянутаго закона объ эманципаціи невольниковъ было отдано два указа, которые вдохнули въ рабовладѣльцевъ надежду, что дѣло ихъ не совсѣмъ еще потеряно. Сенатъ, подтверждая указъ 13 февраля 1819 г., объявилъ, что «киргизы и калмыки доселѣ купленные состоятъ въ двухъ разныхъ положеніяхъ: одни суть, кои куплены до указа 1808 г., а другіе послѣ онаго; первые крѣпки приобретаателямъ ихъ по жизнь, вторые до 25-ти лѣтняго возраста». ²⁾ Государственный же совѣтъ, соболѣзнуя о безпомощномъ состояніи дѣтей, продаваемыхъ киргизами изъ-за нищеты и голода, предписалъ сибирскому и оренбургскому начальству, «сообразивъ мѣстныя обстоятельства, положить способъ къ призрѣнію сихъ дѣтей, назначить на сіе потребную сумму, которая по дешевизнѣ приобретенія, не можетъ быть значительною, размѣщать сихъ дѣтей по селеніямъ къ добрымъ и зажиточнымъ хозяевамъ, опредѣливъ за воспитаніе работные годы, по истеченіи коихъ они должны быть свободными». ³⁾ Омскій областный совѣтъ, понявъ какую выгоду можно извлечь изъ этихъ указовъ, сообразилъ, что если азіятцы останутся въ кабалѣ у крестьянъ, то отъ нихъ ихъ можно будетъ

¹⁾ Арх. Г. У. Сиб. № 2301.

²⁾ Высочайше утвержд. мнѣніе госуд. совѣта, 8 октября 1825 г.

³⁾ Ук. сената Капцевичу, 30 января 1826 г.

брать для работы лицамъ другихъ сословій; совѣтъ положилъ между прочимъ: «къ покупкѣ и вымѣну дѣвочекъ, изъ рода киргизовъ или калмыковъ, пригласить всѣхъ безъ изъятія жителей линіи на собственные ихъ товары или деньги»; мѣстами вымѣна назначены Омскъ, Петропавловскъ, Семипалатинскъ и Устькаменогорскъ; покупщикъ долженъ представлять купленныхъ имъ дѣтей мѣстному начальству, которое сверхъ объявленной имъ покупкой цѣны, будетъ выдавать покупщику награды 10 р. за каждаго представленнаго ребенка; „по вступленіи сихъ дѣтей въ казенное вѣдомство, размѣщать ихъ въ благонадежныя семейства, кои взять пожелаютъ на воспитаніе до замужества; сообразно примѣрамъ прежняго времени, совѣтъ полагаетъ, что каждую дѣвочку можно приобрести въ казенное вѣдомство отъ 2 до 7 лѣтъ за 40—80 р., отъ 7 до 12 л. за 80—120, а свыше 12 лѣтъ за 120 — 160 р.“!! Поэтому совѣтъ положилъ назначить слѣдующую плату за дѣтей.

	мужск. пола.	женск. пола.
менѣе 1 года	15 руб.	15 руб.
1 „	20 „	20 „
2 лѣтъ.	25 „	25 „
3 „	35 „	30 „
4 „	50 „	35 „
5—7 „	70 „	55 „
7—9 „	90 „	70 „
9—12 „	100 „	90 „

Свыше этого возраста дѣти не принимаются, ибо тогда они могутъ сами снискивать пропитаніе. За воспитаніе опредѣлить заработные годы, полагая оныя съ пятнадцати-лѣтняго возраста по слѣдующему расчисленію:

Возрастъ дѣтей.	Число заработныхъ годовъ.
1 года и менѣе.	9 лѣтъ.
2 „ „	8 $\frac{1}{2}$ „
3 „ „	8 „
4 „ „	7 $\frac{1}{2}$ „
5 „ „	7 „
6 „ „	6 $\frac{1}{2}$ „
7 „ „	6 „
8 „ „	5 $\frac{1}{2}$ „
9 „ „	5 „
10 „ „	4 $\frac{1}{2}$ „
11 „ „	4 „
12 „ „	3 $\frac{1}{2}$ „

По отысканіи желающихъ взять себѣ на пропитаніе этихъ дѣ-той, отправлять ихъ для размѣщенія по линіи по селеніямъ, подъ присмотромъ наемныхъ отъ казны служителей, на обывательскихъ под-водахъ безъ прогонъ». ¹⁾ Совѣтъ главнаго управленія прибавилъ къ этому, что желающимъ принять на воспитаніе этихъ дѣтей должно внушать, что «сверхъ той пользы, какую непременно получаютъ они, имѣя ихъ у себя столь долгое время въ работахъ, сдѣлають еще богоугодное дѣло, потому что приведя ихъ въ христіанскую вѣру и воспитавъ въ страхѣ божіемъ, они присоединяють ихъ къ христіанской церкви, а сіе доброе дѣло, какъ въ сей жизни обра-титъ на ихъ домъ благословеніе Божіе, такъ и въ будущій не оставитъ ихъ безъ достоюднаго вознагражденія. Эти дѣти обязаны служить хозяевамъ до 25 лѣтъ жизни; по достиженіи ими 18 лѣтъ, а дѣвочки 15 л., имѣють право вступать въ бракъ. До приведенія же этихъ мѣръ въ исполненіе, положено собрать свѣденія о чис-лѣ лицъ, желающихъ взять упомянутыхъ дѣтей на воспитаніе ²⁾. Оказалось, что принять на воспитаніе азіятскихъ дѣтей обоего пола заявили свое желаніе крестьяне по тобольской губерніи 237 человекъ, по томской губерніи 3 человекъ въ клинскомъ округѣ, да еще и въ кузнецкомъ округѣ нѣсколько человекъ, по томской области 338 чел. ³⁾. Но множество крестьянъ, пользуясь трудомъ своихъ кабальниковъ, вовсе не имѣло нужды въ азіятскихъ дѣ-тяхъ. Вотъ, напр., приговоръ крестьянъ теплудубровской волости «Взять киргизскихъ дѣтей себѣ на воспитаніе изъ нашего селенія желающихъ не имѣется, потому что по теплудубровской волости имѣется русскихъ довольно число у бѣдственныхъ отцевъ се-мействъ мужескаго пола малолѣтнихъ дѣтей довольно число, отъ которыхъ имѣють зажиточные крестьяне дѣтей въ срочныхъ рабо-тахъ и тѣмъ тѣ семейства бѣдственные отъ прожиточныхъ пропи-тываются и уплатою податей облегчаются». Точно такіе же при-говоры дали деревни: Шатасинская, Гузкина, Лапушная, Жартин-ская, Арлагунская, Курсинская, Степная, Сухменская, Батырева, Яро-вая, Чулашная, Глубокая и др. ⁴⁾.

Такимъ образомъ рабство пало. Даже прозѣтъ закабаленія кир-гизскихъ дѣтей крестьянамъ не былъ осуществленъ, потому что

¹⁾ Журналъ омск. области. сов., 30 іюня 1826 г.

²⁾ Приказъ Главн. Упр. Зап. Сиб., 14 февр. 1826 г.

³⁾ Рапортъ въ сенатъ, генераль-губернатора, 20 апрѣля 1829 г.

⁴⁾ Арх. Главн. Упр. Зап. Сиб., № 2301.

дѣла киргизовъ поправились и они перестали продавать дѣтей. Рабство осталось только въ преданіи, и отъ сибирскихъ стариковъ еще и теперь можно слышать сожалѣніе о тѣхъ блаженныхъ дняхъ, когда ребенка можно было купить въ вѣчное владѣніе за какихъ нибудь 14—20 коп.

Рабство пало, но не совсѣмъ; въ сущности уничтожилась только его особенная форма, а въ формѣ кабалы оно существуетъ въ Сибири до сегодня. Ходить душегубка-кабала по этой обширной землѣ, налагая свои цѣпи на cadaго встрѣчнаго инородца. Лишь только появится она въ извѣстной мѣстности, какъ всѣ эти многочисленныя табуны и стада, эти воды съ ихъ рыбами и бобрами, эти лѣса—съ ихъ соболями и бѣлкой, даже самыя инородцы, населяющіе эти улусы,—все это переходитъ въ послѣдственную собственность кабалителя. Но объ этомъ мы уже говорили въ другой статьѣ «Сибирскіе инородцы въ XIX вѣкѣ».

С. Шашеовъ.

ВОПРОСЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Борьба поколѣній.

Каждый русский писатель, разсуждающій о современныхъ вопросахъ, затронетъ непременно, такъ или иначе, вопросъ о дѣйствующемъ поколѣннн. То говорятъ намъ о новыхъ людяхъ, то о людяхъ старыхъ, то о новой Россіи, то о старой Россіи, то о направленіи сороковыхъ годовъ и направленіи шестидесятыхъ, то, наконецъ, прямо говорятъ—старое и новое поколѣніе.

Почему же никто не можетъ обойти этого вопроса? А потому, что вопросъ о борьбѣ поколѣній есть единственный ключъ къ разумнѣнню историческаго роста человѣчества, къ сознательному представленію каждымъ народомъ переживаемаго имъ момента.

Если мы оглянемся на обще-историческое прошлое, то оно представится намъ панорамой, въ которой одна картина смѣняется другой, свѣтъ мѣшается съ тѣнью, яркая, веселая картина чередуется съ картиной мрачной, печальной, безотраднѣй.

Борьба идей и общественныхъ интересовъ сопровождается то побѣдой добра надъ зломъ, то зла надъ добромъ, то торжествомъ свѣта и счастья, то господствомъ тьмы и страданія.

Въ этихъ вѣчно смѣняющихся противоположныхъ картинахъ нельзя повидимому усмотрѣть никакого порядка, никакой связи и послѣдовательности. Историки, чтобы какъ нибудь ориентироваться

въ этомъ хаосѣ смѣняющихся историческихъ картинъ, приняли дѣленіе на періоды, эпохи, эры, которыми и устанавливають границы валовымъ, крупнымъ, мировымъ перемѣнамъ. Отдѣльныя громкія событія—чудовищная битва, рѣзкій революціонный погромъ, реформистское движеніе, явленіе искупителя, служатъ какъ бы вѣхами, указывающими путь историческаго движенія человѣчества.

Но въ чемъ заключается коренная сущность подобныхъ границъ, въ чемъ внутреннее содержаніе народныхъ понятій по ту и по другой сторону границъ періодовъ?

Периодомъ обозначается начало новаго историческаго порядка вещей, перемѣна въ образѣ мыслей общества. Если смотрѣть по ту сторону любого періода, то обнаружится, что въ народѣ произошелъ рѣзкій переломъ. Народъ точно очнулся или сбросилъ повязку съ своихъ глазъ. Боговъ, которымъ онъ молился прежде, онъ выбрасываетъ теперь какъ истукановъ: что онъ считалъ прежде честнымъ и чѣмъ гордился, то считаетъ теперь позоромъ и дѣлать стыдится; бѣлое стало для него чернымъ, хорошее—дурнымъ, былая слава—безславіемъ, былой умъ—глупостью. Въ болѣе или менѣе рѣзкой степени народъ отнесся отрицательно къ своему прошлому и исправилъ свое прежнее сужденіе.

Первый видимый толчекъ подобному исправленію народнаго сужденія даетъ сомнѣніе. Пока сомнѣніе еще не явилось, народъ слѣпо поклоняется своимъ кумирамъ и считаетъ заблужденіе истиной. И нѣтъ такой нелѣпой идеи, которую заблуждающійся народъ не могъ бы возвести въ святыню и не былъ бы готовъ приносить для нея всякія жертвы. Пока народъ стоитъ на фальшивой точкѣ зрѣнія, онъ не можетъ избавиться отъ своихъ иллюзій. Ложь кажется ему святой истиной и, за каждую свою воображаемую истину, онъ съ увлеченіемъ страсти идетъ на все. Люди шли на мученичество, проповѣдая язычество и проповѣдая христіанство, являясь апостолами смерти, разрушенія, рабства и апостолами мира, любви, свободы.

Находясь въ моментъ иллюзіи, общество устроиваетъ ошибочнымъ образомъ всю систему своей жизни—вѣрованія, учрежденія, обычаи, законъ. И несмотря на эту ошибочность, все выходя-

щее изъ круга подобной оконченной ложной системы считается капризомъ, беззаконіемъ, нарушеніемъ общественнаго порядка, ибо этимъ нарушеніемъ колеблется насильственнымъ образомъ вся система. Есть историческіе факты, когда единоличныя благодѣтельныя покушенія возбуждали вражду и озлобленіе тѣхъ самихъ, для ко-го они предпринимались. Народъ разрывалъ своихъ друзей, принимая ихъ за враговъ и благоговѣлъ предъ своими дѣйствительными врагами.

Но когда же наступаетъ моментъ сомнѣнія? Какими обстоятельствами онъ обуславливается?

Чтобы явилось сомнѣніе, необходима возможность сравненія, необходимы образцы, которые народъ могъ бы видѣть и на основаніи которыхъ онъ могъ бы исправить свое сужденіе. Чтобы народъ могъ оцѣнить свою систему, ему нужно увидѣть другую систему; чтобы оцѣнить свой законъ, свое общежитіе, свое правительство, ему нужно увидѣть другой законъ, другое общежитіе, другое правительство. Только тогда, когда предъ народомъ становятся двѣ практики, взаимно исключаютія другъ друга, наступаетъ и переломъ въ народномъ сужденіи, ибо двумъ богамъ въ одно время молиться невозможно. Отъ поватій признанныхъ ложными, народъ отворачивается и съ прежнимъ же жаромъ накидывается на новыя понятія, которыя теперь кажутся ему единственной несомнѣнной истиной.

Такъ, до появленія христіанства идолопоклонство казалось народамъ религіозной истиной. Никто не сомнѣвался ни въ Юпитерѣ, ни въ Марсѣ, ни въ ихъ могуществѣ. Свое будущее люди хотѣли узнавать отъ оракуловъ. Но вотъ рядомъ съ идолопоклонствомъ является другой культъ, рядомъ съ языческимъ Римомъ — христіанская столица, рядомъ съ поколѣніемъ язычниковъ возникаетъ поколѣніе христіанъ. Въ такомъ противорѣчій, въ вѣчной борьбѣ между двумя крайностями обществу спокойно существовать невозможно. Оно ищетъ исхода въ иной цивилизаціи, въ иномъ общественномъ укладѣ.

Тоже самое повторяется во время реформаціи. Народившійся протестантизмъ заставилъ общество усумниться въ папѣ, въ католи-

ческой церкви и ея традиціяхъ, въ спасительности индульгенцій, въ святости монастырей. Кому нужно повиноваться: папѣ или признать авторитетомъ только библію? Какъ только возникъ этотъ вопросъ, обществу стало необходимымъ покончить свое внутреннее противорѣчіе и признать истиной что нибудь одно, ибо совместное существованіе двухъ противоположныхъ понятій невозможно.

И почти на нашей памяти совершился еще подобный же общественный переломъ, когда въ половинѣ прошедшаго столѣтія философія возбудила сомнѣніе въ безошибочности феодальной и католической традиціи. Франція раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря; что одинъ признавалъ благомъ—другой зломъ. Каждый изъ лагерей обвинялъ своего противника въ томъ, что онъ разрушаетъ семью, собственность, религію, цивилизацію.

Подобное распадёніе общества на два противоположные лагеря есть въ сущности колебаніе его между двумя крайними очевидностями. Сомнѣніе и отрицаніе являются потому, что старое мировоззрѣніе не удовлетворяетъ. Существующее худо; ясно, что оно не истина, а ошибка. И вотъ люди съ увлеченіемъ страсти накидываются на другую, противоположную очевидность. Но которая изъ очевидностей истина—старая или новая?

За сомнѣніемъ и борьбой наступаетъ моментъ затишья и размышленія. На языкѣ историковъ этотъ моментъ называется реакціей.

Реакція есть подавленіе порыва и стремленія къ новой истинѣ. Въ моменты реакціи общество какъ бы опять возвращается къ старому, тяготеетъ назадъ, пытается возстановить своихъ старыхъ кумировъ. Оно обращается къ своимъ прежнимъ учрежденіямъ, призываетъ снова своихъ изгнанныхъ королей и священниковъ. Реакція есть моментъ неудовлетворенія новымъ, моментъ разочарованія, заставляющій искать спасенія въ разрушенномъ, въ старомъ.

Но народы нельзя заставить позабыть вполне то, что они уже пережили. Вкусивъ разъ отъ новаго, они уже не могутъ возвратиться вполнѣ къ старому. Ошибочность стараго сужденія признава всѣми; если новое и не даетъ отвѣтовъ на всѣ вопросы, старое отъ этого не становится лучше и правильнѣе. И потому успѣхъ

всякой реакціи бываетъ только поверхностный, больше кажущійся, чѣмъ дѣйствительный. Менѣ кровавая, чѣмъ революція, реакція избираетъ своимъ полемъ дѣйствія болѣе спокойную арену. Реакція менѣ страстна и даетъ большій просторъ убѣжденію и слову, чѣмъ актамъ насилія, хотя не гнушается и ими. Впрочемъ бывали реакціи болѣе кровопролитныя, чѣмъ всякая революція.

Тѣмъ не менѣ главный характеръ всякой реакціи все-таки въ томъ, что ей хочется доказать путемъ убѣжденія, что новое, исправленное сужденіе, не въ состояніи замѣнить сужденія стараго, уже испытаннаго и существовавшаго вѣка. Реакція пытается объяснить ошибки новаго сужденія и доказать резонами свою непогрѣшимость.

Но люди новаго склада понятій знаютъ все и доказывать имъ нечего. Они уже сравнили старое съ новымъ, и разсужденія стариковъ не въ состояніи убѣдить ихъ ни въ чемъ. Близорукость реакціонеровъ очевиднѣе всего изъ того вѣчно-повторяющагося историческаго факта, что во всякой реакціи люди новаго сужденія почерпаютъ новую силу и обезпечиваютъ себѣ вѣрную побѣду.

Величайшей реакціею, какую только знаетъ исторія, была реакція Юліана-отступника, посредствомъ которой онъ вырвалъ сразу побѣду изъ рукъ христіанъ. Юліанъ былъ счастливъ своимъ торжествомъ, язычники ликовали; сброшенные боги заняли снова свои почетныя мѣста и помѣстились въ храмахъ; снова воскурился имъ фиміамъ, языческая философія и языческая мудрость снова явились, какъ спасительная истина, и христіане повѣсили носы, думая, что пришло ихъ послѣднее время. Но напрасно ликовалъ Юліанъ, напрасно христіане упали духомъ. Въ кажущейся силѣ ликовавшихъ враговъ заключалось ихъ послѣднее напряженіе; то былъ не больше, какъ предсмертный вздохъ.

Реакція Юліана заставила христіанъ вдуматься глубже въ свои вопросы, исправить ошибки своего сужденія, утвердивъ больше въ своемъ отрицаніи и найти новыя неопровержимыя доказательства для изобличенія зловредности и лжи язычества.

Теперь-то наступилъ моментъ торжества христіанства и начало новой міровой жизни. Этотъ моментъ служитъ границей новаго пе-

ріода: по ту сторону границы—языческое міровоззрѣніе, по сю—христіанское.

Какъ съ смертію Юліана-отступника наступило торжество христіанства, такъ торжество реформаціи наступило послѣ тридцатилѣтней войны. Реакціей замыкается окончательно старый вѣругъ и затѣмъ наступаетъ новая жизнь.

Тремъ историческимъ моментамъ, о которыхъ говорилось—отрицаніе, реакція и примиреніе или новый періодъ—предшествуетъ всегда еще одинъ моментъ, находящійся съ ними въ непосредственной связи. Только при посредствѣ этого момента зрѣетъ революція въ понятіяхъ и дѣлается возможной борьба новаго со старымъ.

Если въ умахъ нѣтъ расположенія къ перемѣнѣ сужденія и исправленію стараго мышленія, народы могутъ жить вѣка въ привычкахъ традиціи, не дѣлая никакихъ попытокъ къ организаціи новаго порядка.

Признакомъ предрасположенія, указателями предстоящаго умственного возбужденія, ведущаго къ отрицанію существующаго, служатъ разные мелочные симптомы. Какъ они повидимому ни незначительны, но они знаменіе времени, которыми пренебрегать не слѣдуетъ; они вѣрные указатели уже наступившаго умственного безпокойства и начинающейся критики. Спячка кончилась.

Литература, какъ и всегда, служить вѣрнымъ зеркаломъ того, что совершается въ обществѣ. До тѣхъ поръ спокойная и увѣренная въ спасительности всего существующаго, она теперь начинаетъ выражать тревожныя сомнѣнія; что казалось прежде неприкосновенной святыней, до того начинаетъ теперь прикасаться критика: поэты и романисты, воспѣвавшіе прежде безмятежное довольство и прочность земнаго счастья, начинаютъ толковать о чемъ-то иномъ, рисуютъ какія-то невѣдомыя до того стремленія къ какому-то невѣдомому, новому счастью. Сатира поднимаетъ голову. Тревога и безпокойство носятъ какъ будто бы въ воздухѣ. Люди прежде ничего недумавшіе принимаютъ разсуждать. Увѣренность въ прочность водворившагося порядка поколебалась у всѣхъ. Всѣ чувствуютъ, что земля задрожала подъ ногами и людьми овладѣваетъ безпокойство.

Похираіе формы и пренебреженіе виѣшностію идетъ рядомъ; но до сущности еще никто не касается. Въ этомъ и главный признакъ настоящаго момента. Либерализмъ обнаруживается въ одеждѣ и модахъ, въ мелочахъ общегитія, въ болѣе свободномъ обращеніи людей между собою, въ ослабѣвшемъ уваженіи къ старымъ обычаямъ и приличіямъ, въ самоувѣренности молодежи. Во Франціи передъ первой революціей явились Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты, сатира получила новую форму, свобода отношеній смѣнила прежнія почтительныя формы. Моды дошли до безобразія, печатно начались возбуждаться так е вопросы, о которыхъ прежде никто никогда и не думалъ. А между тѣмъ общество повидимому непоколебимо въ своихъ основахъ, ничто его не колеблетъ, законы и учрежденія тверды. Повидимому все ограничивается либеральничаніемъ и разговорами. Но наступившій затѣмъ моментъ активнаго отрицанія показалъ, что время разговоровъ было подготовительнымъ моментомъ, прологомъ или первымъ дѣйствіемъ четырехъ-актной драмы, послѣдняго дѣйствія которой Франція еще не кончила и теперь.

Всякая традиція влечетъ за собою непремѣнно общественный переломъ, всякій переломъ въ законченной своей формѣ заключаетъ четыре момента, а каждый моментъ есть работа отдѣльнаго поколѣнія. Слѣдовательно, для полнаго правильно-развивающагося историческаго періода требуется послѣдовательная работа четырехъ поколѣній.

Правильность этой мысли можно подтвердить цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ. Но кромѣ того мы подтвердимъ ее еще и слѣдующимъ разсужденіемъ.

Человѣкъ формируется къ тридцати годамъ. До этого времени онъ учится, веселится, занимается любовью, вообще ведетъ жизнь болѣе или менѣе легкомысленную и собственно готовится только къ настоящей, предстоящей ему дѣятельности. До тридцати лѣтъ человѣкъ на всѣхъ поприщахъ или ученикъ, или лицо второстепенное. Въ ремеслахъ онъ ученикъ или приказчикъ, на службѣ онъ подчиненный, въ домашней жизни онъ еще не отецъ и не мужъ, въ торговыхъ дѣлахъ не управляющій. И гдѣ мы ни

возьмемъ человѣка до тридцати лѣтъ, всюду онъ нѣчто незаконченное, непользующееся полнымъ довѣріемъ, несформировавшее окончательнаго міровоззрѣнія, неимѣющее авторитета, возбуждающее сомнѣніе въ свой опытъ.

Но и послѣ шестидесяти лѣтъ человѣкъ тоже не возбуждаетъ довѣрія ни къ своимъ физическимъ, ни къ своимъ нравственнымъ силамъ. Можетъ быть опытъ шестидесятилѣтняго человѣка и очень почтененъ, но именно это-то обстоятельство и заставляетъ не довѣрять шестидесятилѣтнему человѣку, ибо чувства старика притупля, а отъ того притупля и его умъ. Старикъ не въ состояніи понимать требованій новой жизни и по самымъ условіямъ своего организма—консерваторъ, а въ большинствѣ случаевъ—реакціонеръ. По условіямъ того же организма старикъ не годится для дѣла, въ которыхъ требуется энергія духа и тѣла. Поэтому послѣ шестидесяти лѣтъ благоразуміе велитъ удаляться съ общественнаго поприща и доживать свой вѣкъ на покой. У китайцевъ, отличающихся вообще большимъ практическимъ смысломъ, шестидесятилѣтніе люди признаются неспособными вести дѣло.

Такимъ образомъ для общественной дѣятельности остается промежутокъ жизни отъ 30 до 60 лѣтъ или тридцать лѣтъ. Эти тридцать лѣтъ и составляютъ предѣлъ каждого момента періода или то, что называется работою поколѣнія. Работа поколѣнія обозначается нерѣдко именемъ одного лица; но это всегда періодъ около тридцати лѣтъ. Такъ говорятъ: вѣкъ Августа, вѣкъ Людовика XIV, вѣкъ Филиппа II-го, вѣкъ Петра Великаго, вѣкъ Екатерины II-й. Во всѣхъ этихъ вѣкахъ заключается приблизительно вѣкъ одного поколѣнія, т. е. нѣсколько болѣе или нѣсколько менѣе тридцати лѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность поколѣнія не прикрывается блестящимъ именемъ одного лица, усматривается тотъ же числовой размѣръ. Напримѣръ, реформація обнимаетъ работу четырехъ поколѣній, французская революція тоже. Подготовительный періодъ, когда дѣйствовали энциклопедисты, когда французское общество начало уже относиться отрицательно къ своему настоящему, обнимаетъ тридцать лѣтъ; революція и революціонное правленіе Наполеона I-го тридцать лѣтъ съ небольшимъ,

реакція Карла X и Луи-Филиппа опять столько же; наконец новое начало, явившееся со второй имперіи и заключающееся въ всеобщей подачѣ голосовъ или въ выборномъ началѣ безъ ценза, начало собою послѣдній моментъ періода, еще незакончившагося. Работа этого послѣдняго періода только въ половинѣ, дѣйствующее поколѣніе не откажется отъ своего послѣдняго слова только потому, что нѣсколькимъ тысячамъ свободныхъ людей пришлось послѣ 2 декабря оставить Францію. Если смотрѣть на характеръ отрицанія 1789 года и прослѣдить идею, руководившую французами въ ихъ стремленіяхъ нынѣшняго столѣтія, то еще черезъ пол-жизни поколѣнія несомнѣнно во Франціи полное торжество принциповъ 1789 года. Права народа признаются окончательно руководящимъ началомъ, а въ этомъ и заключалась основная сущность движенія.

Разумѣется не во всякомъ данномъ случаѣ можно провести точныя границы между дѣятельностью поколѣній, и обстоятельства могутъ на время произвести совершенную путаницу въ порядкѣ, т. е. или подавить возникающее молодое поколѣніе, или измѣнить характеръ дѣятельности поколѣнія стараго. Несмотря однако на это нарушеніе порядка, законъ дѣятельности поколѣній въ своемъ общемъ проявленіи остается тѣмъ же. Держить въ своихъ рукахъ власть всегда зрѣлое поколѣніе; всегда только оно стоитъ во главѣ общественныхъ дѣлъ, оно даетъ имъ направленіе и не позволяетъ слѣдующему за нимъ поколѣнію мѣшать себѣ. „Будешь самъ старшій, веди дѣла какъ знаешь, а пока дѣло мое и слушай меня“ говорятъ отцы-купцы своимъ сыновьямъ, покушающимся прибрать дѣла отца къ своимъ рукамъ или учить его уму-разуму. Совершенно также думаетъ и поколѣніе, завѣдывающее общественными дѣлами. Оно ревниво къ своей власти, ибо считаетъ свой опытъ непогрѣшимымъ. Разубѣждать его невозможно и только крупныя, неустранимыя, потрясающія обстоятельства могутъ заставить старое поколѣніе измѣнить характеръ своей дѣятельности.

Но ошибочно думать, чтобы отдѣльная воля одного человѣка могла измѣнять историческій законъ. Возьмемъ для примѣра хотя французскую революцію 1789 года. Людовикъ XVI, какъ раз-

сказываютъ, былъ человекъ кроткій, готовый на уступки, искренно-желавшій добра своимъ подданнымъ. Кто же мѣшалъ ему слушать добрыхъ совѣтовъ, которые ему давали? Кто заставлялъ его колебаться и не принимать заблаговременно спасительныхъ мѣръ? Никто, какъ старое поколѣніе. Какъ велика была сила противо-дѣйствія стараго поболѣнія и традиціи, показываютъ лучше всего ужасы террора и знаменитыя сентябрьскія убійства. Дантонъ говорилъ, что это было единственное средство для искорененія стараго начала. Должно быть неуступчивость была велика, если противъ нея оказывалось одно средство—убійства. И въ этой неуступчивости стараго главная причина того, что кровь играетъ такую почетную роль въ исторіи человечества. Ужь на что наше время, какое гуманное и разсудительное, повсюду всемірныя выставки, безпрестанно европейскіе конгрессы, все повидимому рѣшается совѣтомъ и любовью. А зачѣмъ же эти милліоны солдатъ и милліарды расходовъ на вооруженія по новой системѣ? Пушкинъ по прежнему остаются лучшимъ доказательствомъ, и никто лучше Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, Чингизъ-Хана и Наполеона I-го не умѣлъ убѣждать противниковъ. И разныя поколѣнія одной страны, и разныя поколѣнія разныхъ странъ не умѣли разрѣшать до сихъ поръ инымъ способомъ своихъ вопросовъ и своихъ недоразумѣній. Какъ же исторія не есть только борьба поколѣній?

II.

Въ европейской семьѣ Россія играла всегда пассивную роль и являлась культурной силой лишь по отношенію къ своимъ инородцамъ, да и то только финскаго племени.

Правда, въ московское княженіе какъ бы являлись попытки къ самостоятельному интеллектуальному росту, но общихъ культурныхъ историческихъ результатовъ никакихъ не явилось.

Наиболѣе передовые люди ни тогда, ни послѣ, не составляли самостоятельной культурной силы, а поглощались или, лучше ска-

затѣ, присоединялись къ правительственному центру и являлись правительственно-государственнымъ орудіемъ, дѣйствовавшимъ сверху внизъ. Говоря яснѣе, борьбы поколѣній въ обще-европейскомъ смыслѣ древняя Русь не представляетъ. Было нѣчто въ родѣ зародышей, но и тѣ или умерли въ самомъ началѣ или вышли пустоцвѣтомъ.

Первое распаденіе Россіи на старую и новую и первая борьба поколѣній замѣчается какъ бы при Петрѣ I-мъ. Но новая сила была еще такъ слаба, что безъ Петровой поддержки и безъ его царскаго авторитета, она сама по себѣ и при другомъ правительствѣ не достигла бы никакихъ результатовъ. Недовольные бывали всегда. Но это недовольство бывало лишь единоличное. Противъ отдѣльныхъ людей, какъ напр. Котошихинъ или хотя бы Посошковъ, стояла стѣнной масса людей съ застарѣлыми понятіями, предводимая невѣжественнымъ духовенствомъ и столько же невѣжественными боярами. Противъ такой крѣпкой стѣны требовалась большая сила, и не явись въ главѣ новыхъ стремленій самъ царь, еще вопросъ, какія времена переживали бы мы теперь. Петръ въ этомъ случаѣ одинъ замѣнялъ собою милліоны, и сила его заключалась именно въ томъ, что люди традиціи должны были благоговѣнно преклоняться предъ его царственной волей. Традиція, которую старыя люди отстаивали и въ которой видѣли свою силу, оказалась для нихъ, въ настоящемъ случаѣ, источникомъ безсилія.

Петровскій погромъ, какъ насильственная мѣра, былъ собственно революціей, рѣзкимъ отрицаніемъ всего стараго, страстнымъ увлеченіемъ всѣмъ новымъ. Это явленіе совершенно аналогично съ другими мировыми явленіями, составляющими границы историческихъ періодовъ. Поэтому русскіе историки совершенно правы, назвавъ это время новымъ или петровскимъ періодомъ.

Но въ петровскомъ періодѣ есть двѣ особенности, отличающія его отъ полныхъ историческихъ періодовъ другихъ народовъ. Возмемъ христіанство или реформацію. Самое крайнее отрицаніе охватываетъ громадную массу людей. Волнуются и возстаютъ противъ существующаго порядка не одинъ какой нибудь Котошихинъ или Башкинъ, а цѣлыя народы. Борьба слагается не въ едино-

личную, океанивающуюся заключеніемъ вольнодумца, а въ коллективную, народную, для порѣшенія которой требуется тридцатилѣтняя война или юліановская реакція. То же самое мы замѣчаемъ и во французскомъ движеніи прошлаго столѣтія. Тамъ возбужденъ и взволнованъ весь народъ, весь народъ распадается на два лагеря, весь народъ творитъ новый результатъ. Въ этой всеобщности, въ интересѣ дѣла для громаднаго большинства, разрѣшающаго вопросъ обще-активно, заключается сила и всемірность подобныхъ явленій. У насъ нѣчто подобное выразилось въ нашей борьбѣ съ татарами и въ войнѣ двѣнадцатаго года. Но если эти событія, по размѣру, и не уступали ни въ чемъ европейскимъ событіямъ, въ которыхъ дѣятели являлись цѣлыя населенія, то своимъ результатомъ для гражданской внутренней жизни Россіи они не значатъ ничего, не заключаютъ въ себѣ ничего обновляющаго, и потому не могутъ служить началомъ историческаго періода.

Въ петровской реформѣ не замѣчается момента всеобщности. Въ ней дѣйствовала кучка людей, все равно, какъ въ какомъ нибудь военномъ погромѣ одинъ богатырь съ сотнею храбрецовъ разбиваетъ тысячи. Масса у насъ не только молчала, но даже противодѣйствовала, и ея безучастіе имѣетъ вѣрное основаніе. Напримѣръ, въ борьбѣ съ татарами или французами каждому крестьянину, каждому солдату, каждому кушцу и каждому барину было понятно, для чего требуется побить врага. И всякій хотѣлъ побить этого врага, и всякій готовъ былъ принять личное участіе въ побоищѣ. Въ петровской реформѣ дѣло принимаетъ иной видъ. Чего хотятъ новые люди? Какое лучшее они предлагаютъ массѣ? Масса этого не знаетъ, ибо въ головѣ ея не возникаетъ никакая выгодная параллель. Массѣ показываютъ нѣмецкіе камзолы, выбритые подбородки, болѣе красивое обмундированіе солдатъ, ее учатъ называть прежнихъ земскихъ ярыжекъ и приказныхъ иностранными названіями; вмѣстѣ съ этимъ народъ цѣлыми толпами гонятъ изъ губерній казанской, симбирской, воронежской и другихъ на крайній сѣверъ, чтобы строить городъ на болотѣ и рыть каналъ по болоту; съ народа требуютъ больше денегъ, больше солдатъ, ему грозятъ казнями и потѣщаютъ зрѣлищами казней мас-

сами, какихъ прежде не бывало. Можетъ ли народъ принять участіе въ подобномъ реформистскомъ движеніи: отрицаніе несомнѣнно; но во имя чего лучшаго совершается это отрицаніе? Можетъ быть, въ основѣ преобразованій лежитъ и очень глубокая мысль, но отъ народнаго пониманія она ускользаетъ. Народъ знаетъ только то, что отъ реформъ ему становится не легче, а тяжеле. И вотъ онъ соображаетъ, что если старое для него легче и спокойнѣе, а новое труднѣе и дороже, то старое значитъ лучше новаго, какъ бы это новое ни старались ему расхваливать.

Такимъ образомъ петровская реформа, какъ правительственно-государственное движеніе, оставшееся въ то время чуждымъ для народнаго пониманія, является переворотомъ одностороннимъ, а не всеобщимъ или народнымъ. Въ этомъ же обстоятельствѣ заключается и другая особенность петровскихъ преобразованій.

Если реформаціонное движеніе идетъ свободнымъ путемъ и включаетъ въ себѣ интересы большинства, понятные для него въ настоящемъ или въ отдаленныхъ ихъ послѣдствіяхъ, то за активнымъ отрицаніемъ прошлаго, въ формѣ ли революціи или другимъ образомъ, наступаетъ немедленно реакція. Эти два момента непосредственно слѣдуютъ одинъ за другимъ. Въ петровской реформѣ мы реакціи не замѣчаемъ. Пожалуй можно говорить, что реакція выразилась во время самыхъ реформъ. Но вѣдь это была не реакція, а просто глухое, безмолвное, пассивное недовольство. Для большинства была очевидна только внѣшняя форма преобразованій: ассамблеи на нѣмецкій ладъ, нѣмецкіе камзолы, да предпочтеніе, оказываемое нѣмцамъ передъ русскими. И вотъ люди традиціи подумали, что русскому нѣтъ житья, и сдѣлалось имъ очень обиднымъ, что такъ называемая нѣмецкая партія хочетъ искоренить все русское.

Вообще люди традиціи видѣли въ петровской реформѣ только анти-русское движеніе. Но и петровской партіи нельзя было поступать иначе. Если переломъ совершается органическимъ путемъ, какъ напр. французская революція или реформація или гуситское движеніе, то для дѣла всегда имѣются люди и успѣхъ его зависитъ отъ количества работниковъ. Для петровской же реформы

были изъ русскихъ готовы только отдѣльныя единицы и для новаго дѣла брать способныхъ людей приходилось по необходимости извнѣ, выписывая ихъ изъ Англіи, Голландіи, Германіи. Поэтому же и реакція не могла выразиться въ той сильной и рѣзкой формѣ, какую представляютъ европейскія реформаціонныя движенія. Тамъ социальныя вопросы порѣшались исключительно борьбой поколѣній; тамъ не бывало зрителей, а всѣ были дѣйствующими лицами. У насъ въ петровской реформѣ напротивъ—дѣйствующихъ немного, все остальное были зрители.

Вслѣдствіе своеобразности петровской реформы, русская реакція приняла не общій, всеобъемлющій характеръ, а по преимуществу скромный, учено-литературный.

Первыми болѣе ясными попытками критическихъ отношеній новой петровской Россіи является литература екатерининскаго вѣка.

Сама Екатерина II пыталась писать русскую исторію и она же много способствовала пробужденію русскаго національнаго чувства. Къ этому-то времени и слѣдуетъ отнести первые зародыши славянофильства.

Славянофильство было собственно реакціей петровской реформы, но реакціей скромной, почтительной, безвредной и для науки совершенно бесполезной. Истина найдена не была, и о славянофилахъ, отъ которыхъ къ нашему времени осталось два, три могилана, можно пожалуй и не говорить.

Другое параллельное движеніе было много плодотворнѣе. Это движеніе выросло непосредственно изъ петровскихъ преобразованій. Оно хотя и не можетъ быть прослѣжено въ послѣдовательной связи, но было живуче, ибо почерпало свою силу постоянно изъ того же источника, который далъ силу и петровскимъ преобразованіямъ. Источникомъ этимъ было западно-европейское знаніе.

Люди западно-европейскаго пошиба, критически относившіеся къ внутренней русской жизни и желавшіе ея обновленія, не представляютъ въ своей дѣятельности ничего цѣльнаго, непрерывнаго, послѣдовательнаго. Такъ мы видимъ, что при Екатеринѣ являются писатели, развивавшіеся подъ вліяніемъ новыхъ идей, явившихся во Франціи, и пытавшіеся было пересадить ихъ на русскую почву.

Но попытки ихъ, въ началѣ невстрѣтившіе противодѣйствія, по мѣрѣ революціоннаго движенія Франціи, оказались для русской почвы неудобными.

Затишье, наступившее въ умственномъ вертоградѣ Россіи, прекратилось съ воцареніемъ императора Александра I-го и съ началомъ его реформъ. Но и реформы этого времени, имѣвшія лишь внѣшній характеръ, не были въ состояніи возбудить сильнаго умственного настроенія и движенія. Наполеоновскія войны и двѣнадцатый годъ явились тоже важной помѣхой, ибо отвлекали нашу энергію и дѣятельность на иное поприще. Патриотическій азартъ противъ поработителя народовъ, надсмѣявагося надъ вѣрой дѣдовъ и отцовъ и превращавшаго храмы Божіи въ конюшни, мѣшала намъ заниматься другими дѣлами. Да и какимъ бы дѣломъ стали мы заниматься, еслибы не было наполеоновскихъ войнъ? Общественные принципы оставались тѣми же, основы гражданскаго и экономическаго быта были тѣ же традиціонныя, внутренней жизни не существовало. Повсюду тишь и гладь. Развѣ кое-гдѣ являлся отдѣльный безпокойный умъ, хотѣвшій идти противъ волны. Но такое плаванье оказывалось лично не безопаснымъ, а для общихъ результатовъ — бесполезнымъ.

Если литература служить мѣриломъ умственной силы и общественныхъ стремленій даннаго народа въ данный моментъ, то Россію до 1848 года можно сравнить съ запечатаннымъ полуштофомъ, въ которомъ не отдѣлялось почти ни одного пузырька. Правда, въ этотъ періодъ дѣйствовали Карамзинъ, Жуковскій, Пушкинъ, но, въ умственномъ движеніи Россіи они играли такую роль, что еслибы человекъ, развивавшійся на умственной пищѣ этихъ авторовъ, доживъ до нашихъ дней, пожелалъ бы быть общественнымъ дѣятелемъ, то ему прежде всего потребовалось бы забыть то, чему его учили. Конечно, русскій языкъ сталъ неизмѣримо лучше, богаче оборотами и такъ далѣе, но русская мысль свѣтлѣе не сдѣлалась и юношескій либерализмъ Пушкина прошелъ безслѣдно, надѣлавъ ему только личныхъ неприятностей. Подобная оцѣнка этихъ авторовъ была бы разумѣется несправедлива, еслибы они жили въ первые годы царствованія Екатерины. Радищевъ счумѣлъ же идти въ

уровень съ Европой, почему же эти люди ограничили всю свою дѣятельность лишь исправленіемъ языка и высказываніемъ красивыми фразами мыслей не только неподходящихъ, но прямо общественно-вредныхъ? Литература этого времени утратила даже передовую традицію временъ Екатерины. Нигдѣ мы не находимъ ни слѣда реакціи, ни слѣда борьбы поколѣній. Повсюду единомысліе и доброе согласіе. Россія изображаетъ какъ бы одну благодуществующую семью, совершенно довольную своимъ домашнимъ счастьемъ.

Но въ дѣйствительности, въ благодуществующей семьѣ не было ни счастья, ни внутренняго мира. Слово Бѣлинскаго разразилось какъ громъ изъ тучи, и всѣ, сторопѣвъ отъ удара, подняли глаза къ небу. Что это за Бѣлинскій, откуда онъ взялся? Рассказывали, что это неокончившій курса студентъ, значить очевидно недоучка. Рассказывали, что у него нѣтъ порядочнаго платья и даже ни одной цѣльной пары сапоговъ. Откуда же его сила? Отчего такъ жадно читаются его статьи? Что въ нихъ таковаго новаго? Пожалуй и ничего новаго, пожалуй и много такого, съ чѣмъ мы нынче и не согласимся. Но историческій смыслъ Бѣлинскаго въ томъ, что онъ явился знаменіемъ народившагося новаго поколѣнія, чего до него въ Россіи еще никогда не бывало. Во всякое предыдущее время Бѣлинскій былъ бы единичнымъ явленіемъ. Теперь же за нимъ стояли люди не только готовые слушать, но и хотѣвшіе понимать, — стояло поколѣніе. Бѣлинскій его не создалъ. Онъ явился только какъ проповѣдникъ собравшимся слушателямъ, поглядывавшимъ другъ на друга съ ожиданіемъ, не выйдетъ ли кто изъ толпы сказать поучительное слово. Почему Бѣлинскій такъ дорогъ Россіи? Только потому, что онъ явился предтечей небывалаго до тѣхъ поръ въ русской исторической жизни явленія, показавшаго, что мы вступаемъ уже на дорогу самостоятельнаго роста и готовы вести исторію сознательно, коллективно, собственными силами.

Если, благодаря передовому уму и опыту Европы, мы брали отъ нея готовые образцы, и внутреннія преобразованія совершались у насъ безъ революціонныхъ потрясеній, за то, съ другой стороны, наша интеллектуальная зрѣлость шла порывами и скачками. Врѣхо-

молку работалъ русскій умъ и втихомолку почитывалъ русскій человѣкъ книжки; а нѣтъ такъ и безъ книжекъ присматривался къ внутренней жизни. Но понять жизнь и обобщить частныя явленія не всякому подь силу. Даже не подь силу всякому понять, что хочеть сказать романистъ. А нерѣдко и самъ романистъ, копирующийъ вѣрно жизнь, не понимаетъ ея смысла и не знаетъ, что онъ хочеть сказать. И вотъ, среди затишья является умный человѣкъ, понимающій то, чего не понимаютъ другіе, и у людей, готовыхъ слушать, открываются умственные очи и восторгъ овладѣваетъ людьми, которымъ открыли міръ новаго пониманія. Именно этотъ восторгъ и овладѣлъ поколѣніемъ Вѣлинскаго. Но восторгъ былъ непродолжителенъ, и со смертью Вѣлинскаго явилось снова затишье, а учителя на смѣну ему не явилось. Да пожалуй на время въ учителѣ не было и надобности. Вѣлинскій былъ не по плечу наибольшей массѣ своихъ учениковъ: нужно было обдумать да перевернуть, что онъ говорилъ.

И нужно отдать справедливость поколѣнію Вѣлинскаго, дѣйствующему теперь. Оно вело себя хорошо въ совершавшихся въ наше время реформахъ, и созрѣло въ пониманіи ихъ необходимости. Что оно не могло идти дальше того, что усвоило прежде, что оно является въ настоящій моментъ поколѣніемъ старымъ, что оно вызываетъ на борьбу народившееся новое поколѣніе, для котораго еще наступить своя пора, въ этомъ винить его нельзя — иначе не явился бы и историческій законъ борьбы поколѣній. Но общественной пользы стараго поколѣнія отрицать нельзя и былая его прогрессивность не подлежитъ сомнѣнію. Если самолюбію этого поколѣнія можетъ льстить признаніе его полезныхъ заслугъ, то оно можетъ быть увѣрено, что ему въ исторіи принадлежитъ почетное мѣсто, на рубежѣ новаго періода, въ который вступаетъ Россія.

Безъ видимой борьбы поколѣній совершились у насъ перемѣны послѣдняго времени, безъ видимыхъ потрясеній совершился переломъ въ петровскомъ періодѣ. Но видимаго было мало, во-первыхъ, потому, что тѣ же обстоятельства, которыя помогли Петру, оказали снова услугу Россіи, а во-вторыхъ, что вліятельное и работавшее

поколѣніе находилось въ моментъ такой полной силы, противъ которой борьба для стараго поколѣнія оказалась невозможной.

Въ этомъ смыслѣ, какъ было сказано ранѣе, наша исторія представляетъ замѣчательную своеобразность. Тѣ фазисы, которые обнаруживались съ трескомъ и громомъ въ западной Европѣ, совершались у насъ втихомолку, въ умахъ какъ бы нѣкоторыхъ, и затѣмъ когда наступала пора, практическое осуществленіе стремленій совершалось необычно спокойнымъ для Европы образомъ.

Петровскій періодъ кончился, не давъ даже повода подозрѣвать, что народилось иное небывалое поколѣніе, которому суждено заключить этотъ періодъ и поправить ошибки, закрѣпленные петровской молодой Россіей.

Небывалое умственное пробужденіе открываетъ теперь для Россіи новую жизнь, а въ будущемъ свободное поле для широкой дѣятельности нарождающихся поколѣній.

Въ настоящемъ моментѣ, особенно если взять послѣдніе два года, мало жизни. Многіе говорятъ объ ошибкахъ молодежи, о ея зловредномъ энтузіазмѣ, о существующей будто бы реакціи, о вырожденіи литературныхъ талантовъ, о затишьи въ общественной жизни, и все это, конечно, болѣе или менѣе справедливо. Но развѣ можетъ быть иначе, когда, со времени Бѣлинскаго, Россія имѣетъ основаніе сказать, что и ея исторія творится поколѣніями.

III.

Въ невѣрномъ пониманіи характера дѣятельности и исторической роли современно-дѣйствующаго поколѣнія заключается причина всѣхъ недоразумѣній и противурѣчій, представляемыхъ теперешней нашей литературой.

Поколѣніе Бѣлинскаго, создавшее дѣятелей для совершившихся преобразованій, ведетъ свое умственное рожденіе отъ московскаго кружка, выставившаго, кромѣ Бѣлинскаго, и другихъ даровитыхъ общественныхъ работниковъ.

Передовая прогрессивная роль этого поколѣнія заключалась главнѣйше, и почти исключительно, въ его протестъ противъ крѣпостничества. Тогда это было очень новое слово; а вполне невинное для насъ обличеніе, высказанное г. Тургеневымъ въ разсказахъ охотника, казалось опаснымъ вольнодумствомъ, способнымъ поколебать все общественное зданіе. О злоупотребленіи помѣщичьей власти, о скотоподобномъ положеніи крестьянъ, о взяткахъ и неправдѣ чиновниковъ говорилось шепотомъ. А тотъ, кто рѣшался высказываться вслухъ, даже въ простой, пріятельской бесѣдѣ, считался вольнодумнымъ смѣльчакомъ, радикаломъ и человѣкомъ опаснымъ, который могъ вовлечь въ бѣду и котораго поэтому сторонились.

Поколѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ, конечно не могло воспитать въ себѣ большой смѣлости и нравственной силы; а обративъ все свое вниманіе на крестьянскій вопросъ, оно, по закону послѣдовательности, не могло отдаться разрѣшенію вторыхъ вопросовъ, не исчерпавъ перваго.

Г. Тургеневъ, бытописатель людей того времени, оставилъ намъ вполне полную ихъ характеристику. Поколѣніе это изнывало въ потребности дѣятельности. Давайте намъ дѣла, дѣла, дѣла, говорятъ всѣ герои г. Тургенева. А дѣла нѣтъ. Только мысль зрѣетъ, да наболѣваетъ сердце отъ праздности и сознанія своего безсилія оказать активную, дѣйствительную помощь людямъ.

Да и что можно было дѣлать, когда не было мѣста для дѣла, когда дѣйствующее старое поколѣніе держало въ ненарушимой чистотѣ традиціонный порядокъ, и на Бѣлинскаго и все его поколѣніе смотрѣло какъ на легкомысленную, незрѣлую молодежь, витающую въ мірѣ фантазій и утопическихъ бредней. Матеріальная сила была не на сторонѣ молодыхъ.

И дѣйствительно поколѣніе Бѣлинскаго жило въ области мечтаній, какъ живетъ и всякое формирующееся молодое поколѣніе, мечты котораго только тогда превращаются въ дѣйствительность, когда у поколѣнія развяжутся руки и старое сойдетъ съ дороги.

Урокъ, повидимому, поучительный. Но, увы,—съ бурбонами случилось больше бѣдствій, чѣмъ съ Тургеневымъ и современнымъ ему поколѣніемъ, а бурбоны все-таки ничему не научились. Фактъ

права неутѣшительный, но глубокаго руководящаго смысла, когда приходится заглядывать въ исторію впередъ и оцѣнять прогрессивность старыхъ поколѣній.

Но вотъ поколѣніе Бѣлинскаго достигаетъ не только полной зрѣлости, но и возможности дѣйствовать. Оно безъ задней мысли и искренно отдается осуществленію того, что еще такъ недавно казалось ему несбыточной, увлекательной мечтой. Разговоры перешли въ дѣло. Рудинъ, еслибъ былъ живъ, примирился бы съ жизнью и съ собой, и пересталъ бы заниматься ухаживаньемъ за дѣвушками и ихъ развиваніемъ. Много извелось Рудиныхъ, не дождавшихъ этого времени, о которомъ они мечтали всю жизнь.

И вотъ тутъ-то наступаетъ моментъ, когда перепутались всѣ понятія и всѣ сбились съ толку.

Отъ слишкомъ продолжительной сдержанности, поколѣніе, вступившее на арену жизни, отдалось неудержимому восторгу и неприличному для зрѣлыхъ людей энтузіазму. Старики и люди зрѣлые не узнали людей своего лагеря и, вообразивъ себя моложе и сильнѣе, чѣмъ они есть, смѣшались съ молодыми. Вотъ гдѣ ключъ къ пониманію нашего времени.

Поколѣніе Бѣлинскаго созрѣло вполнѣ только въ мысли необходимости уничтоженія крѣпостнаго права и въ сознаніи необходимости тѣхъ его ближайшихъ послѣдствій, которыми клалось отдаленное начало будущему полному самоуправленію. Для людей нашего времени подобныя стремленія кажутся слишкомъ умѣренными; но для поколѣнія Бѣлинскаго это было не такъ, и ужь, конечно, не одно изъ предыдущихъ поколѣній не додумывалось до такихъ плодотворныхъ стремленій. Впрочемъ, какъ бы ни былъ великъ или широкъ размахъ этихъ стремленій, дѣло въ томъ, что дальше поколѣніе Бѣлинскаго, въ его среднемъ уровнѣ, идти было не въ состояніи. Вопросы семейной жизни, вопросъ объ отношеніи родителей къ дѣтямъ, мужчины къ женщинамъ, вопросъ о религіозномъ, нравственномъ и физическомъ воспитаніи дѣтей, вообще вопросы о соціальной и личной свободѣ человѣка, которыхъ литература того времени касалась тоже, были въ сущности вторыми вопросами, разрѣшеніе которыхъ было возможно лишь теоретически. Что же ка-

сается дѣйствительнаго, практическаго ихъ разрѣшенія, то поколѣніе въ этому не подготовилось. Еще меньше было готово это поколѣніе къ разрѣшенію вопросовъ соціально-экономическихъ. Для него даже и крѣпостное право было вопросомъ не экономическимъ, а нравственно-юридическимъ вопросомъ великодушія и сердечнаго порыва, а не строго-логической мысли.

Такимъ образомъ поколѣніе это, развившееся только до полдороги, не могло въ практикѣ идти дальше того, до чего оно дошло. И вслѣдствіе того неизбежно должно было послѣдовать столкновение со всѣмъ тѣмъ, что хотѣло идти дальше.

Этой дальше-идущей силой явилось молодое поколѣніе, если еще и не вполне сформировавшееся, то уже выставившее своихъ вождей. Молодому поколѣнію, даже только потому, что оно молодое, было много легче идти дальше. Зрѣть на крестьянскомъ вопросѣ ему уже не приходилось, ибо онъ былъ уже разработанъ поколѣніемъ предыдущимъ. Поэтому понятно, что молодому поколѣнію приходилось идти *отъ* крестьянскаго вопроса, и оно направило свои силы и свою мысль на уясненіе и разработку вопросовъ соціально-экономическихъ. Не то, чтобы молодое поколѣніе вовсе не интересовалось крестьянскимъ вопросомъ; экономическая сторона его понималась молодыми даже вѣрнѣе, чѣмъ старыми; но для молодого поколѣнія крестьянскій вопросъ не былъ дѣломъ его собственной жизни; для него было гораздо важнѣе его собственное соціальное положеніе. И вотъ почему молодежь накинулась съ энтузіазмомъ на вопросы соціально-экономическіе. Постановка этихъ вопросовъ показалась для предыдущаго поколѣнія черезъ чуръ крутой, чезъ чуръ крайней и послѣдовательной. Этого предыдущее поколѣніе допустить не могло, ибо собственное свое мышленіе не доводило никогда до такого отдаленнаго предѣла и послѣдовало столкновение.

Столкновение никогда бы не послѣдовало, если бы молодое поколѣніе, народившееся послѣ 1848 года, не ошиблось въ своемъ призваніи. Оно думало, что ему уже открыта дорога для дѣятельности въ то время, какъ дорога эта лежала впереди и была занята поколѣніемъ предыдущимъ.

Съ своей стороны, ошиблось и поколѣніе старое, призвавъ себѣ на помощь поколѣніе молодое, съ которымъ оно раздѣлило энтузіазмъ. Обѣимъ имъ приходилось развиваться молча, воздерживаясь словомъ и дѣломъ. Поэтому былъ понятень и энтузіазмъ. Но энтузіазмъ-то именно и спуталъ понятія. Старое поколѣніе, въ пылу увлеченія, вообразило, что оно составляетъ одно съ молодымъ, и потому ошиблось въ истинныхъ качествахъ и въ размѣрѣ прогрессивности стремленій своего помощника. Дѣятели того и другого поколѣнія смѣшались безразлично, какъ иногда смѣшиваются въ одну партію кружки всѣхъ цвѣтовъ.

И дѣйствительно, въ общихъ основаніяхъ крестьянскаго вопроса не могло быть противорѣчій. Но когда разъ возбужденное умственное движеніе повело дальше, то оказалось, что на поле выступили не одна, а двѣ партіи. Для одной дѣло жизни заключалось лишь въ крестьянскомъ и въ ближайшихъ соприкосновенныхъ съ нимъ вопросахъ. Для другой .казалось необходимымъ идти много дальше и она вооружилась противъ того, что старое поколѣніе считало еще неприкосновеннымъ и для себя дорогимъ.

Выходъ изъ такого столкновенія могъ быть только одинъ. Когда запальчивость и отрицаніе молодого поколѣнія перешли предѣлъ терпѣнія поколѣнія стараго, оно наложило на молодое поколѣніе свою руку и сказало довольно. Никакого поворота назадъ старое поколѣніе тутъ не сдѣлало, и напрасно обвиняютъ его въ реакціи, что и исторически невозможно.

Человѣчество думаетъ поколѣніями и категоріи мышленія въ одномъ человѣкѣ, слѣдующія непосредственно одна за другой, въ жизни человѣчества смѣняются поколѣніями. Каждое поколѣніе думаетъ свою думу; каждое поколѣніе, сдѣлавшись дѣятельнымъ, является уже съ готовой программой, которую оно измѣнить уже не можетъ. Пора тезъ и антитезъ поколѣніемъ пережита. Оно твердо знаетъ, чего оно хочетъ и что оно можетъ. Если поколѣніе ошибается, его ошибку увидать не оно само, а поколѣніе слѣдующее. Вотъ почему историческіе періоды и дѣлятся на моменты, а моментъ есть дѣло отдѣльнаго поколѣнія.

Поэтому и въ нашемъ старомъ поколѣніи невѣрно видѣтъ реак-

ціонное отетупленіе. Въ этомъ случаѣ виновато скорѣ поколѣніе молодое, неумѣвшее понять психологическаго значенія энтузіазма поколѣнія предыдущаго. Дѣйствующее поколѣніе никогда не измѣняло своему міровоззрѣнію и никогда не давало повода думать, что оно пойдетъ дальше тѣхъ предѣловъ, до которыхъ развилось.

Лучшимъ доказательствомъ этого служатъ наиболѣе талантливые литературные представители стараго поколѣнія. Тургеневъ былъ всегда вѣренъ своему времени и своей традиціи и понималъ онъ героевъ лишь своей эпохи. Какъ только ему приходилось описывать новыхъ людей, обнаруживалось немедленно, что онъ ихъ совсѣмъ не знаетъ и рѣшительно не понимаетъ вопросовъ, ихъ волнующихъ. Не таланта не доставало въ настоящемъ случаѣ, а не доставало исключительно широты умственного полета. Предъ писателемъ стояла стѣна, дальше которой онъ не могъ идти и за которой ему рисовались лишь туманныя картины.

Съ такими людьми прогрессивное шествіе въ предѣлы социальноекономическихъ вопросовъ было, конечно, невозможно. И воспитаніемъ, и практикою жизни, и вопросами, которыми старое поколѣніе волновалось въ свое время, оно не было подготовлено идти рядомъ съ молодымъ. А если не приходилось идти вмѣстѣ, то ясно, что оставалось только разойтись. И вотъ бывше друзья стали врагами и посыпались обоюдныя обвиненія.

Если произошелъ разрывъ между поколѣніемъ старымъ и новымъ—это исторически понятно. Такъ оно и должно быть, ибо у каждаго своя дорога въ жизни. Разрывъ случился потому, что обѣимъ поколѣніямъ хотѣлось дѣйствовать, а какъ подобная совмѣстность при противоположности сужденія невозможна, то сильнѣйшее и должно было вытѣснить болѣе слабое.

Но иное дѣло разногласіе въ собственномъ лагерѣ, какая обнаружилась между молодыми и сверстниками, по времени развитія. Русская литература выдѣлила цѣлый рядъ такихъ отщепенцевъ, потому что и въ другихъ мѣстахъ вытолкнула жизнь подобныхъ же людей. Литературные представители этихъ общественныхъ выкидышей больше ничего какъ печальное знаменіе общественной аномальности. Тупое и слабое, неспособное мыслить и понимать, ко-

нечно, должно было испугаться угрожающаго жеста стараго поколѣнія. Какъ иногда либеральничествующій вольнодумецъ приглашаетъ передъ смертью священника, такъ и тутъ соціальныя либералы обратились если и не къ покаянію, то къ заискиванію, думая искупить свою прошлую вину двоедушіемъ. Русское общество отличалось всегда снисходительностію и въ обыкновенной, особенно провинціальной жизни, либеральное прошлое исправившимся отщепенцамъ было прощено. Но литературное общественное мнѣніе оказалось строже и не простило оно своимъ отщепенцамъ ихъ умственнаго безсилія и слабости характера. Передовые литературные органы отвернулись отъ гг. Авенаріусовъ, Стебницкихъ и нашли они себѣ должное возмездіе въ тѣхъ разверстыхъ объятіяхъ, которыя предложили имъ солидные представители умственной заскорузлости — „Всемирный Трудъ“, „Литературная Библиотека“, „Заря“.

Въ сущности, гг. Авенаріусы, Стебницкіе и все близорукое и робкое легкомысліе, стоящее за ними по своему безсильному благодушестью, составляетъ такую качественную микроскопичность, что оказывается совершенно бесполезнымъ поколѣнію старому, на которое оно устремило свои умиленные очи, и безвреднымъ поколѣнію молодому, отъ котораго оно сдѣлало видъ, что отвернулось. Всѣ эти господа похожи на тѣ мелкіе азролиты, которымъ нѣтъ мѣста наверху и которыхъ никто не замѣчаетъ, когда они сваливаются внизъ.

Но гораздо печальнѣе, когда люди, повидимому, способные, хорошіе и твердые, не понимаютъ своего времени и своего историческаго призванія.

Молодое поколѣніе, формирующееся для будущей дѣятельности, не создается однимъ почеркомъ пера и не сходитъ уже готовымъ съ гимназической скамейки. У него есть свои фазисы развитія и категории мышленія. Разсудительность велитъ понимать, что каждому человѣку слѣдуетъ выработать собственными силами свое собственное міровоззрѣніе. Назовемъ ли мы первыя пробныя идеи и стремленія молодежи увлеченіемъ, энтузіазмомъ, ошибкой или — какъ тамъ хотите — дѣломъ совѣмъ не въ этомъ. Дѣло въ томъ, что какъ бы мы съ вами не были богаты опытомъ и житейской мудростію,

намъ не переучить молодого и не встать ему на подорогѣ. Мы можемъ вмѣшиваться съ своимъ авторитетомъ, пока мы живы. Но молодое насъ переживетъ и пойдетъ своей дорогой и будетъ думать своимъ умомъ. Имѣемъ ли мы право навязывать свой опытъ, сложившійся при извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ, своимъ дѣтямъ, которые будутъ жить при другихъ историческихъ обстоятельствахъ, намъ неизвѣстныхъ? Умно ли, если я, помѣщикъ, воспитавшійся на дворнѣ, буду внушать барскія понятія своему сыну, у котораго, можетъ быть, не будетъ даже и кухарки. А то же самое и въ другихъ вопросахъ жизни, которыхъ я не знаю и не могу предвидѣть. Эти вопросы порѣшимъ не мы съ вами, а сами наши дѣти, которые будутъ умнѣе насъ. Поэтому не отнимайте отъ молодежи ея права на здравый смыслъ. Если мы съ вами были въ состояніи дойти своимъ умомъ до извѣстныхъ принциповъ и составить программу для своего общественнаго и частнаго поведенія, точно также и не глупѣе насъ поступать и наши дѣти. Если первая ихъ мысль будетъ ошибочна,—неважно, потому что они ее поправятъ. Если явится и вторая ошибка,—неважно и это. Въ тридцати годамъ молодое поколѣніе выровняется умственно и сложитъ себѣ определенное міровоззрѣніе, которое и послужитъ ему руководителемъ на его общественномъ поприщѣ. Не менѣе 15—20 лѣтъ молодое поколѣніе должно думать свою думу, слагать, провѣрять и вырабатывать свое сужденіе, чтобы приготовиться для практической общественной дѣятельности.

И что же мы видимъ? Видимъ мы то, что не только старое поколѣніе и полкъ Авенаріусовъ не понимаетъ этого психологическаго закона, одинаково примѣняющагося какъ къ жизни отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ поколѣній, но не поняли этого закона даже и свѣжіе молодые люди. Когда старое поколѣніе дало свой отпоръ, молодое пришло не то чтобы въ уныніе, а хуже—оно уподобилось человѣку, прославшему ночь въ угарной комнатѣ. Оно даже забыло свои молодыя лѣта и почувствовало магнитное стремленіе къ примиряющей серединѣ. Но вѣдь эта середина лежитъ не между молодымъ и старымъ, а въ примиреніи категорій собственнаго мышленія. Поколѣніе Бѣлинскаго думало свою думу хорошо и

твердо, безъ уступокъ старому выработало то, что наконецъ и удалось ему провести въ жизнь. И у молодого поколѣнія, теперь формирующагося, есть свои вопросы и были они поставлены въ литературѣ прямо и ясно. Покажите, гдѣ они разрабатываются въ современной литературѣ. Покажите, какъ молодое поколѣние готовится къ своей будущей дѣятельности и какія надежды на него можно возлагать.

Молодое поколѣние, получивъ отпоръ и потерявъ своихъ вожakovъ, дѣйствительно почувствовало себя угорѣвшимъ. Проникнувшись скромностью, оно взглянуло недовѣрчиво на себя и начало вновь присматриваться къ окружающей жизни и вникать въ собственные физиологическіе и психологическіе процессы. Работа не блестящая, но похвальная, если молодое поколѣние желаетъ заслужить похвалу за свою основательность и устранить былой упрекъ въ легкомысліи. Это-то вглядываніе въ самого себя и въ окружающую жизнь продолжается и до сихъ поръ. Обратите вниманіе на современную литературу и критику. Вся она направлена не на широкое изображеніе блестящихъ, увлекающихъ, освѣжающихъ мысль идеаловъ, а на литературно-историческое констатированіе современныхъ литературныхъ явленій. Дагеротипы она выдаетъ за картины и тратитъ свои силы на отыскиваніе красотъ въ мелочахъ, которыхъ въ другое время никто бы никогда не замѣтилъ. Мы похожи на людей, внезапно перевезенныхъ на новую квартиру, осматриваемся, приглядываемся, улаживаемся. Всѣ мы поглощены десятисаженнымъ пространствомъ, насъ непосредственно окружающимъ, и не видимъ ничего дальше и даже не подозреваемъ, что будетъ завтрашній день.

Если необходимо найти оправданіе этому печальному явленію, найти его, конечно, не будетъ особеннаго труда. Періодъ 57—62 г. былъ періодомъ теоретическихъ уясненій, періодомъ новыхъ вопросовъ. Тогда всѣ нуждались въ общей теоретической постановкѣ вопросовъ, всѣ просили, чтобы съ глазъ ихъ сняли катарактъ. Съ изумленіемъ смотрѣли внезапно прозрѣвшіе люди на величественную картину разрушенія старыхъ заблужденій. Картина была красивая, оживленіе общее. Но что случается на войнѣ, когда взята крѣ-

пость? Осаждающіе ложатся отдыхать и размышляютъ о томъ, что они сдѣлали; затѣмъ они или другіе принимаются за уборку обломковъ. Подобное этому случилось и съ нами. Я говорю подобное, ибо въ сущности крѣпость осталась цѣла. Тѣмъ не менѣе мы все-таки принялись за размышленія, и нужно согласиться, что наше теперешнее положеніе напоминаетъ положеніе поколѣнія Вѣлинскаго, хотя, конечно, мы зрѣлѣе мыслью и богаче опытомъ.

Но нашъ опытъ — опытъ отрицательный. Мы знаемъ, чего дѣлать не нужно, но не уяснили себѣ, что дѣлать слѣдуетъ. Попадъвъ въ моментъ произвольнаго раздумья, мы до сихъ поръ не можемъ придти въ себя и смотримъ съ упованіемъ въ пространство, ожидая, что оттуда свалится путеводная звѣзда. Сбились съ толку не только рядовые люди, но и литературные представители, вставшіе въ моментъ отрицанія своего прошлаго. Посмотрите на ту же современную критику, посмотрите на современную беллетристику. Насъ подчуютъ вопросами сороковыхъ годовъ, а „Вѣстникъ Европы“, считающій себя современнымъ и прогрессивнымъ, печатаетъ у себя прозетъ г. Колупанова о новомъ укрѣпленіи крестьянъ. Критика, хотя и осторожнѣе, но если и не полное отрицаніе ея, то неодобреніе первыхъ моментовъ развитія теперешняго молодого поколѣнія совершенно очевидно. Молодое поколѣніе отрицается такимъ образомъ отъ самого себя.

Но вѣдь сильнѣе своихъ собственныхъ способностей не будешь. Если поколѣніе вошло въ моментъ подобнаго умственнаго положенія и если подобнымъ развитіемъ оно сложится въ прогрессивную задержку, то придется только пожалѣть о томъ, что Россіи Господь Богъ не далъ силы идти скоро.

Но если это и не такъ, если общество ищетъ себѣ путеводную звѣзду и идеалъ, который ему нуженъ, какъ примѣръ для своего частнаго и общественнаго поведенія, то даже и при невысокомъ уровнѣ поколѣнія, ему необходимо оказать подобную поддержку. Для литературы въ этомъ случаѣ является почетная роль и не возможно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые въ отсутствіи вожаковъ обвиняютъ общество: Конечно не литература создаетъ жизнь, а жизнь литературу. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы у

литературы не было никакой силы и чтобы она не имѣла никакого воспитательнаго значенія. Правда, Тургеневъ и Гоголь, несмотря на свои таланты, никогда не были въ состояннн явиться пророками. Они вѣрно рисовали только то, что видѣли и были не въ состояннн создать идеаловъ. Съ одной стороны они правы, ибо дѣйствовали въ тотъ періодъ, когда была возможна лишь головная и внутренняя жизнь, когда героями могли являться лишь Печорины и Онѣгины; а люди другого характера складывались въ Чацкихъ.

Время это кончилось безвозвратно. Новая Россія вступила на новый путь, на путь, въ которомъ явился просторъ для невозможной въ былое время дѣятельности отдѣльныхъ людей. Конечно крестьянская реформа, гласный судъ и земскія учрежденія явились еще такъ недавно, что для героевъ и типовъ не выяснились вполнѣ условія дѣятельности. Во-первыхъ, крестьянскую реформу нельзя до 1870 года считать вполнѣ законченною, а во-вторыхъ, развѣ въ 3—4 года возможно ожидать какихъ либо законченныхъ результатовъ отъ новыхъ общественныхъ комбинацій, когда новый укладъ объимаетъ жизнь 70 милліоновъ. Герои и типы не грибы, вырастающіе мгновенно послѣ перваго дождя.

Но если это и такъ, если современное положеніе русскаго общества не даетъ практическихъ героевъ и типовъ, то теоретически прозрѣвать ихъ вѣтъ особаго труда. Во времена Гоголя и Тургенева это было иначе. Тамъ рѣшительно не было никакой возможности проявиться человѣческой активности въ широкой общечеловѣческой формѣ. И потому слабые люди являлись бесплодными вздыхателями о своей напрасно потраченной жизни и превращались или въ Рудинныхъ, или въ Маниловыхъ, а активные дѣлались Собакевичами и Чичиковыми. При такихъ обстоятельствахъ, положеніе романиста понятно. А какъ романистами не бываютъ сильные мыслители и пророки, то очень просто, что ни Тургеневъ, ни Гоголь, ни всѣ ихъ послѣдователи не могли изъ матеріаловъ современной имъ жизни создать титана активности. Ложь была бы очевидна, а идеальный герой явился бы кандидатомъ въ сумасшедшій домъ. Но несмотря на неисходность подобнаго положенія былъ же возможенъ критикъ подобный Бѣлинскому, и было возможно глубо-

бое и пророческое отношеніе къ современности, которое проявилось во всей дѣятельности Бѣлинскаго. Слѣдовательно ясно, насколько легче подобное положеніе и подобная роль въ наше время, когда людямъ открыто поприще не для глухой затаенной борьбы, а для активности, во время Бѣлинскаго невозможной. Изъ этого слѣдуетъ выводъ, совершенно несогласный съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ критиковъ нашего времени. Они обвиняютъ общество за его безучастность и апатію. Но общество всегда было обществомъ. Оно всегда болѣе или менѣе неподвижный кулъ, который нужно съумѣть сдвинуть съ мѣста, объяснить его положеніе, которому нужно указать средства и способы для улучшенія его быта. Литература есть интеллектуальное общественное представительство, слѣдовательно ясно, что ея роль поучающая. А если литература будетъ смотрѣть только себя подъ ноги; если она будетъ заниматься лишь дагеротипными изображениями, то она явится не силой прогрессивно-активной, а силой или консервативной или прогрессивно-пассивной. Такое положеніе бываетъ дѣйствительно неизбѣжно въ извѣстные историческіе моменты и было неизбѣжно у насъ во времена Бѣлинскаго. Но какъ бы современная литература не считала своего положенія неловкимъ, она все-таки имѣетъ право быть лучшей, чѣмъ она есть, и изъ констатирующей превратится въ сознательно-прогрессивную, освѣжающую мысль, возбуждающую стремленія къ отдаленнымъ идеаламъ.

Нашъ вопросъ въ томъ, что даже немедленно послѣ уничтоженія крѣпостнаго права писатели, болѣе дальнозоркіе, понимали, что изъ существующихъ въ обществѣ элементовъ и пробудившихся стремленій можно уже создать идеальный типъ, какъ руководящее начало для людей ищущихъ образцовъ.

Именно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, нуженъ освѣжающій и ободряющій идеалъ, ибо молодое поколѣніе похоже нѣсколько въ настоящій моментъ на кучку цыплятъ потерявшихъ высидѣвшую ихъ курицу. Одна часть поколѣнія никакъ еще не можетъ придумать куда бы ей приурочиться; другая ударилась въ оптимизмъ. Есть, правда, и третья, вообразившая себя элемен-

томъ благоразумія. О послѣднихъ, конечно, заботиться нечего — они не пропадутъ.

Идеальный типъ можетъ имѣть два значенія. Какъ образное представленіе человѣка молодого поколѣнія, второго момента его развитія, или какъ идеальное изображеніе формирующагося общественнаго дѣятеля, готовящагося на смѣну дѣйствующему поколѣнію.

Такое изображеніе особенно важно потому, что періодъ 1857—62 г. былъ первымъ моментомъ въ развитіи современнаго молодого поколѣнія, за которымъ наступило скромное раздумье, сопровождающееся частью сомнѣніемъ въ практической осуществимости того, чѣмъ тогда восторгались, частью же умственной нерѣшительностью, ослабившей энергію и послѣдовательность мысли. Конечно это положеніе временное, но его нужно разъяснить и покончить, ибо положеніе это нормальное и обществу, вступившему разъ на путь прогрессивнаго мышленія, нельзя отказаться отъ потребности думать и глядѣть впередъ.

Если въ первомъ моментѣ характеръ дѣятельности и стремленій опредѣлялся еще крѣпостнымъ вопросомъ, то во второмъ это становится уже невозможнымъ. Крѣпостная традиція уже такъ порвалась, что въ воспитаніи людей второго момента, она не играетъ ровно никакой роли. Поэтому же въ новомъ героѣ будетъ невозможной та платоническая, нѣсколько подогрѣтая и съ барскимъ отѣнкомъ любовь къ народу, какой отличались передовые люди молодого поколѣнія въ его первомъ моментѣ развитія. Новый герой прежде всего человѣкъ съ свободными гражданскими стремленіями, нежелающій чтобъ его достоинство оскорблялось снисхожденіемъ, а потому и самъ неоскорбляющій никого подобной же формой отношеній. Но еще мало, если герой будетъ отличаться честнымъ личнымъ характеромъ. Нужно, чтобы онъ что-нибудь дѣлалъ и боролся съ какимъ-нибудь врагомъ; ибо жизнь безъ борьбы немислима. И вотъ тутъ-то требуется отъ автора вся житейская и социальная проницательность. Дагеротипными изображеніями жизни нашего времени, и особенно изъ крестьянскаго быта, доводилось до свѣденія читающей публики миллионный разъ, что и мужикъ то же любить, и чувствуетъ, что и у него есть свои страданія и ра-

дости, свои надежды и разочарованія, что и у него бѣлая кость и красная кровь. Все это старье, давно знакомые Антипы-горемыки, но только въ новомъ, болѣе исправленномъ изданіи. Право смѣшно, когда въ 1868 году усиливается доказывать, что и у мужика душа человѣческая. Если еще могутъ быть люди, которымъ это доказывать необходимо, то благоразумнѣе всего прекратить съ ними всякій разговоръ, ибо они этого не стоятъ. Новому же поколѣнію доказывать это не нужно. Ошибка современнаго писателя именно въ томъ, что онъ не уяснилъ себѣ вполне, для кого онъ именно пишетъ. Всеобъемлющее писаніе для всякаго вкуса и всякаго разума невозможно. Молодой писатель изъ молодого поколѣнія долженъ помнить, что у него читатели молодые. Онъ долженъ отмежевать себѣ извѣстный кругъ или слой, въ которомъ вращается молодая жизнь и для нея только и работать. Непослѣдовательность можетъ быть одинъ изъ величайшихъ недостатковъ молодого поколѣнія, обнаружившаяся особенно замѣтно въ теперешнемъ его второмъ моментѣ развитія. Молодымъ нечего бояться разрывать съ людьми, міровоззрѣніе которыхъ для нихъ не годится и съ которыми никогда имъ не придется встать на одну дорогу общественнаго труда. Зачѣмъ это колебаніе между старымъ и новымъ и заискивающія улыбки, особенно замѣтныя въ провинціальномъ обществѣ. Съ одной стороны, это порча личнаго характера, съ другой — незамѣтная въ ея постепенности, но тѣмъ не менѣе весьма существенная порча молодого міровоззрѣнія, уклоняющагося назадъ. Этимъ способомъ вперед не уйдешь. Этимъ способомъ молодому поколѣнію не выработать себѣ дружныхъ усилій и чистаго взгляда, не выработать себѣ коллективности и солидарности, которыя только одни даютъ энергію и силу общественной жизни.

Новый герой уже никакъ не можетъ быть снабженъ лисьимъ хвостомъ, который прицѣпили себѣ теперь многіе изъ молодыхъ. Съ лисьимъ хвостомъ надлежащаго дѣла не сдѣлаешь и поучительной силы характера не проявишь. Но какое же дѣло дать новому идеальному герою? Здѣсь, какъ я уже сказалъ, требуется на помощь вся социальная проицательность писателя, ибо нужно изучить въ подробности всѣ послѣдствія, уже начавшіяся обнаруживаться въ русскомъ

обществѣ послѣ реформъ. Осталось много и стараго, явилось много и новаго. Одно можетъ быть временнымъ, другому предстоитъ будущее. Что должно вымереть и что останется? А то, что останется, куда и какъ разовьется? Реформаціонныя перемѣны въ жизни народовъ никогда не бывали вполне радикальными. Ужь на что былъ великъ погромъ первой французской революціи, а всѣ волненія Франціи нынѣшняго столѣтія только слѣдствія того, что многіе вопросы или совсѣмъ были не затронуты или недостаточно разрѣшены. У каждаго времени есть свой главный врагъ, съ которымъ оно борется. На второстепенныхъ оно не обращаетъ вниманія. Такъ и наше дѣйствующее поколѣніе разрѣшало свою лишь задачу, но не могло разрѣшить того, что придется разрѣшить молодому поколѣнію, когда оно сдѣлается тоже дѣйствующимъ.

Н. Шелгуновъ.

ЭРННИ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ВИЕКТОРА ГЮГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЭРННИ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ де-СИЛЬВА.

ДОННА-СОЛЬ де-СИЛЬВА.

КОРОЛЬ БОГЕМСКІЙ и ГЕРЦОГЪ БАВАРСКІЙ, курфюрсты Римской Имперіи.

ГЕРЦОГЪ ГОТА, БАРОНЪ РОГЕНБУРГЪ и ГЕРЦОГЪ ЛЮТЦЕЛЬБУРГЪ, нѣмецкіе вельможи.

ЯКЕЦЪ, пажъ Сильвы.

ДОНЪ-САНХЕЦЪ, ДОНЪ-МАТИАСЪ, ДОНЪ-РИКАРДО, ДОНЪ-ГАРЦА-СУАРЕЦЪ, ДОНЪ-ФРАНЦИСКО, ДОНЪ-ЖУАНЪ де-ГАРО, ДОНЪ-ГУС-МАНЪ де-ЛАРА, ДОНЪ-ЖИЛЬ ТЕЛЛЕЦЪ ЖИРОНЪ, — испанцы.

ГОРЕЦЪ.

ДОННА-ЖОЗЕФА-ДУАРТЕ, дуэнья.

ДАМА.

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ, ТРЕТІЙ — заг ворциги.

Члены Священной Лиги, нѣмцы и испанцы, горцы, дворяне, солдаты, пажи, народъ и пр.

1519 г.

Въ первомъ, второмъ и пятомъ актахъ дѣйствіе происходитъ въ Сарагоссѣ; въ третьемъ актѣ — въ окрестностяхъ Сарагоссы, въ четвертомъ — въ Ахенѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Спальня. — Ночь. — На столѣ лампа.

СЦЕНА I.

ДОННА-ЖОЗЕФА ДУАРТЕ, старуха въ черномъ платьѣ, съ лифомъ, вышитымъ стекларусомъ, по модѣ времяъ Изабеллы Католической, ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

ДОННА-ЖОЗЕФА одна. Она опускаетъ малиновые занавѣсы и приводитъ въ порядокъ нѣсколько кресель. Направо раздается стукъ въ маленькую потайную дверь. Жозефа прислушивается. Стучать во второй разъ.

(Новый ударъ въ дверь.)

Донна-Жозефа. Неужли это онъ стучится? Да,
Стукъ въ потайную дверь. Ему готова
Я отворить... (*Еще ударъ въ дверь.*)

Донна Жозефа отворяетъ маленькую потайную дверку. Входитъ ДОНЪ-КАРЛОСЪ, закрывъ лицо плащомъ и надвинувъ шляпу на глаза.

Сеньоръ, прошу пожаловать сюда!..

Она вводитъ его въ комнату. Онъ распакиваетъ плащъ и открываетъ богатый костюмъ изъ шелка и бархата, въ кастильскомъ вкусѣ 1519 года. Она смотритъ ему въ лицо и отступаетъ.

Какъ, это не сеньоръ Эрнани? О, бѣда!

На помощь кто нибудь!..

Донъ-Карлосъ (*схватываетъ ее за руку.*)

Еще два слова,

И ты умрешь, дуэнья...

(Онъ пристально смотритъ на нее; она молчитъ въ испугѣ.)

Но теперь

Мнѣ отвѣчай: — явившись въ эту дверь,
 Въ жилищѣ донны-Соль я очутился?
 Не съ ней ли, какъ съ невѣстой, обручился
 Ея же дядя, донъ-Рюи Гомецъ,
 Ревнивецъ старый?.. Такъ ли? Наконецъ,
 Неправда ль, что прекраснѣйшей невѣстѣ
 Понравился другой, красавецъ молодой,
 И каждый вечеръ здѣсь застать ихъ можно вмѣстѣ?
 Обмануть подъ посохъ Рюи-Гомецъ съдой...
 Не правда ль, обо всемъ я извѣщенъ прекрасно?
 (Она молчитъ, онъ трасеть ее за руку.)

Чтожь ты молчишь?

Донна-Жозефа. Не вы ль сказали, что опасно

Мнѣ пару словъ, сеньоръ, теперъ сказать?

Донъ-Карлосъ. Мнѣ слова одного довольно, чтобъ все знать:

У донны-Соль ты служишь — такъ ли это?

Донна-Жозефа. Да вамъ зачѣмъ?

Донъ-Карлосъ. Молчи! Потому я жду отвѣта:

Въ отсутствіи сегодня герцогъ старый?

Донна-Жозефа.

Да.

Донъ-Карлосъ. И донна-Соль другого ждетъ сюда?

Донна-Жозефа. Другого.

Донъ-Карлосъ.

Клятву дашь?

Донна-Жозефа.

Безъ всякаго сомнѣнья.

Донъ-Карлосъ. И разговоръ ихъ будетъ здѣсь, дуэнья?

Донна-Жозефа. Здѣсь, да...

Донъ-Карлосъ.

Такъ здѣсь меня ты спрячь сейчасъ.

Донна-Жозефа. Васъ?

Донъ-Карлосъ.

Да.

Донна-Жозефа.

Зачѣмъ?

Донъ-Карлосъ.

Такъ нужно.

Донна-Жозефа.

Спрятать васъ?

Донъ-Карлосъ. И здѣсь.

Донна-Жозефа.

Нѣтъ, никогда.

Донъ-Карлосъ (*вынимая изъ-за пояса кошелекъ и кинжалъ*).

Ну, такъ постойте:

Одно изъ двухъ вы выбрать удостоите:

Кинжалъ, иль кошелекъ.

Донна-Жозефа (*принимая кошелекъ*).

Вы человекъ, иль бѣсъ?

Донъ-Карлосъ. Бѣсъ, милая моя.

Донна-Жозефа (*отворяя узкій шкафъ, въпланный въ стѣну*).

Ну, такъ сюда войдите!

Донъ-Карлосъ (*разсматривая шкафъ*).

Чтобъ въ этотъ ящикъ я залѣзъ?..

Донна-Жозефа (*закрывая шкафъ*).

Такъ уходите, если не хотите...

Донъ-Карлосъ (*вновь открывая его*).

Сажусь! (*Сюва разсматриваетъ его*).

Не здѣсь ли сохраняешь ты въ углу,

Какъ въ лошадиномъ стойлѣ, ту метлу,

Которая тебя, какъ конь, въ трубу выносить?

(*Съ трудомъ усаживается въ шкафъ*.)

Уфъ!..

Донна-Жозефа (*всплескивая руками*).

Господи! Страхъ ноги мнѣ подвесить!

Самой едва мнѣ вѣрится, что вотъ

Здѣсь спрятанъ человекъ чужой!

Донъ-Карлосъ (*изъ отвореннаго шкафа*).

Кого же,

Скажи мнѣ, донна-Соль сегодня ждетъ?

Донна-Жозефа. Постойте... Чу! Она сюда идетъ.

Сеньоръ, закройте дверь скорѣй... О, Боже! (*Захлопываетъ двери шкафа*.)

Донъ-Карлосъ (*изъ глубины шкафа*).

Дуэнья, ни гу-гу, — не то умрешь сама!..

Донна-Жозефа (*одна*).

Что онъ за человекъ? Не приложу ума...

Не закричать ли мнѣ? Но въ домъ

Давно всѣ спать ужъ, вромѣ

Меня и донны-Соль... Ба! будетъ кутерма,
 Когда сеньоръ Эрнани постучится:
 Онъ съ шпагой доброю намъ очень пригодится:
 Да сохранить отъ горя онъ насъ всѣхъ!..

(Взвѣшивая кошелекъ.)

Но все-таки считаю я за грѣхъ
 Счесть человѣка этого—за вора.

(Входитъ донна-Соль, вся въ бѣломъ; донна-Жозефа прячетъ кошелекъ.)

СЦЕНА II.

Тѣ же, ДОННА-СОЛЬ, потомъ ЭРНАНИ.

Донна-Соль. Жозефа, здѣсь ты?

Донна-Жозефа.

Здѣсь, сеньора.

Донна-Соль. Предчувствія бѣды мнѣ невозможно скрыть.

(Слышенъ шумъ шаговъ за потайною дверью.)

Эрнани долженъ бы здѣсь быть.

Но вотъ шаги его я слышу... Ни минуты

Не медли же, дверь отвори ему ты.

(Жозефа отворяетъ маленькую дверь. Входитъ Эрнани въ длинномъ плащѣ и въ шляпѣ съ широкими полями. Подъ плащемъ виднѣнъ сѣрый костюмъ арагонскаго горца, кожаный панцырь, шпага, кинжалъ и за поясомъ охотничій рогъ.)

Донна-Соль *(бѣжитъ къ нему)*.

Эрнани!

Эрнани.

Донна-Соль! Я, наконецъ, опять

Могу на васъ смотрѣть, могу васъ слушать снова!..

Судьба насъ любить часто разлучать,

А между тѣмъ, вашъ взглядъ, улыбка, ваше слово

Необходимы мнѣ, чтобъ могъ я забывать

О всѣхъ другихъ...

Донна-Соль *(дотрогиваясь до его одежды)*.

Но, Боже мой, смотрите,

Какъ моеръ вашъ плащъ! Иль дождикъ такъ силенъ?

Эрнани. Не знаю я.

Донна-Соль. Вамъ холодно, скажите?

Эрнани. О, нѣтъ!

Донна-Соль. Но плащъ съ себя снимите.

Эрнани. Отвѣтите, донна, мнѣ, когда покойный сонъ
На ваши очи грезы навѣваетъ
И чистыя уста улыбкой раскрываетъ,
Скажите: ангель сна ужель вамъ не шепталъ,
Какъ дорогъ и какъ милъ вашъ кроткій образъ сталъ
Для бѣдняка, не вѣдавшаго счастья,
Людскаго сожалѣнья, иль участья?

Донна-Соль. Вы нынче запоздали, другъ мой! Говорю —
Не холодно ли вамъ?

Эрнани. Съ тобой — я весь горю!..
Когда ревнивая любовь въ крови играетъ
И сердце разрывается отъ бурь,
Какое дѣло намъ, что туча закрываетъ
Отъ нашихъ глазъ небесную лазурь,
И громъ, и молнію на землю къ намъ бросаетъ?

Донна-Соль (*растегивая плащъ Эрнани*).

Снимайте жъ шляпу, шпагу...

Эрнани (*положивъ на шпагу руку*). Этотъ другъ
Всегда со мной, — другъ неизмѣнный, смѣлый...
И такъ, самъ герцогъ престарѣлый,
Вашъ дядя и вашъ будущій супругъ,
Намъ, донна-Соль, теперь не помѣшаетъ?

Донна-Соль. Да, этотъ часъ принадлежитъ лишь намъ.

Эрнани. Одинъ лишь часъ — не болѣе, а тамъ —
Угадывать боюсь, что послѣ ожидаетъ:
Я долженъ умереть иль все опять забыть...
О, ангель! Только часъ съ тобой могу я быть!..
Какъ? только часъ, короткій часъ достался
Тому, кто жизнь, всю вѣчность бы съ тобой
Ни на одно мгновенье не разстался?..

Донна-Соль. Эрнани!..

Эрнани (*съ горечью*). Да, я награжденъ судьбой

И тѣмъ уже, что герцога нѣтъ дома.
 Какъ робкій воръ, боящійся содома,
 Сюда я долженъ съ трепетомъ вступать,
 Чтобъ хоть на часъ одинъ у старика отнять
 Твой взглядъ, улыбку, полную привѣта...
 Такъ мнѣ ли недовольнымъ быть за это?
 Иной еще мнѣ позавидуетъ, какъ разъ,
 Что у того краду я цѣлый часъ,
 Кто у меня жизнь отнял...

Донна-Соль (*передавая дуэньтъ плащъ*). Просушите.

Жозефа плащъ... (*Жозефа уходитъ.*)

(Донна-Соль садится и дѣлаетъ знакъ Эрнани подойти.)

Эрнани, подойдите.

Я здѣсь одна въ полуночной тиши...

Эрнани (*не слушая ее*).

Нѣтъ дома герцога, скажите?

Донна-Соль (*съ улыбкой*).

Какое въ васъ величiе души!..

Эрнани. Уѣхалъ онъ?

Донна-Соль. Прошу васъ, другъ мой милый,

Теперь о немъ не думать...

Эрнани.

Почему жъ?

Вѣдь любить васъ вельможа этотъ хилый,
 Онъ могъ васъ цѣловать, какъ будущій вашъ мужъ.
 И мнѣ его забыть!..

Донна-Соль (*улыбаясь*). Такъ вотъ что васъ волнуетъ?

Что, какъ отецъ, порой, онъ въ лобъ меня цѣлуетъ?

Эрнани. О, нѣтъ, цѣлуетъ онъ не какъ отецъ,

Но какъ любовникъ старый и ревнивый.

Подумай, что ему должна ты, наконецъ,

Принадлежать!.. О, Боже справедливый!..

Онъ, этотъ обезсилѣвшій глупецъ,

Онъ, этотъ трупъ почти уже остывшій,

Желаетъ стать подъ старость подъ вѣнецъ

Съ прелестной дѣвушкой, почти еще не жившей!

Старикъ безумный! Какъ не понялъ онъ,
 Что этотъ бракъ ему готовить муку,
 Что вамъ одну протягивая руку,
 Другой рукой онъ съ смертью обрученъ.
 Тебѣ пора гробовщика позвать бы,
 Несчастный, обезумѣвшій старикъ,
 Чтобъ мѣрку снять съ тебя твой гробовщикъ!
 Но кто же занять такъ устройствомъ этой свадьбы?
 Васъ вѣрно принуждаютъ, донна-Соль?

Донна-Соль. Король жадеаетъ этого.

Эрнани.

Король!

Король! Его отцемъ на эшафотѣ
 Казненъ былъ мой отецъ. Съ тѣхъ поръ прошли года,
 Но ненависть и тайная вражда,
 Во мнѣ еще до нынѣ вы живете
 Къ покойному убійцѣ, ко всему
 Что было близко, дорого ему:
 Къ его вдовѣ и сыну... Я повлялся,
 Еще ребенкомъ, сыну отомстить
 За смерть отца, и встрѣчи дожидался...
 Король Кастилии, донъ-Карлосъ! Мнѣ ль забыть
 Наслѣдственную ненависть межъ нами?
 Отцы боролись тридцать лѣтъ между собой;
 Ихъ нѣтъ теперь, но тотъ же самый бой
 Возобновиться долженъ сыновьями.
 А, ты желалъ, чтобъ этотъ гнусный бракъ
 Былъ совершенъ? Пусть будетъ такъ!
 Давно тебя искалъ я, но ко мнѣ ты
 Выходишь самъ, чтобъ дать за все отвѣты!..

Донна-Соль. Эрнани, вы меня пугаете!

Эрнани.

О, нѣтъ!

Проклятиемъ и вѣчной клятвой связанъ,
 Я самого себя лишь запугать обязанъ.
 Но слушай: твой женихъ, твой дядя дряхлыхъ лѣтъ,
 Онъ герцогъ, грандъ; богатыя владѣнья,

Гербы и драгоцѣнныя каменья
 Въ замѣну юности тебѣ онъ подарить, —
 Твое чело по царски заблеститъ
 И королевы многія отнынѣ.
 Начнутъ завидовать богатой герцогинѣ
 И передъ ней все склонится вокругъ...
 Такъ вотъ каковъ твой будущій супругъ!
 А я—я бѣдѣнъ; часто, въ годы дѣтства
 Въ лѣсной глуши скрывался я едва,
 Хотя, быть можетъ, самъ я получилъ въ наслѣдство
 И славный гербъ, и громкія права,
 Которыя теперь погребены до срока
 Подъ мрачнымъ эшафотомъ, а пока
 Скупого и всегда безжалостнаго рока
 Незримая, холодная рука
 Дала мнѣ только — воздухъ, свѣтъ и воду...
 Тебѣ даю я полную свободу,
 Но будь вѣрна дорогѣ ты одной:
 За герцога иди, или бѣги со мной, —
 Одно изъ двухъ...

Донна-Соль. Я слѣдую за вами.

Эрнани. Пойдешь со мной? Но ты идти должна
 Въ среду изгнанниковъ, которыхъ имена
 Не забываются повсюду палачами?
 Въ среду людей съ суровыми сердцами,
 Въ которыхъ мѣсть священная кипитъ?
 Въ ту банду вступишь ты, гдѣ я зовусь — бандитъ?
 Вѣдь я — бандитъ, о чемъ ты и не знала...
 Когда Испанія угла мнѣ не давала,
 Лишь Каталонія, гдѣ встрѣтить только взгляды
 Одни лѣса, да скалы, да орляты,
 Лишь Каталонія, какъ мать, меня пригрѣла;
 Я возмужалъ въ горахъ ея и смѣло
 Я много бѣ горцевъ храбрыхъ вызвать могъ,
 Когда бы затрубилъ теперь въ призывный рогъ.

Подумай, ты должна въ лѣсахъ со мной скитаться,
 Гдѣ звука каждаго приходится пугаться,
 Должна спать на травѣ, пить воду изъ ключей;
 Кормя ребенка грудью, средь ночей
 Ты къ свисту пуль прислушиваться будешь,
 Въ изгнаніи, со мной, покой и сонъ забудешь
 И, наконецъ, быть можетъ, поведетъ
 Тебя—Эрнани твой—на мрачный эшафотъ
 Вслѣдъ за отцомъ своимъ...

Донна-Соль. Я слѣдую за вами.

Эрнани. А герцогъ щедръ, богатъ, хотя онъ — старъ и сѣдъ,
 На имени его позорныхъ пятенъ нѣтъ,
 Тебя онъ окружить довольствомъ, славой,—днями
 Покоя, счастья...

Донна-Соль. Мы ѣдемъ завтра... Да,
 Не знаю я — кто вы: мой демонъ искуситель,
 Иль добрый ангель, ангель мой хранитель,
 Но я раба, Эрнани, ваша навсегда:
 Куда хотите вы—пойду за вами всюду,
 Для васъ однихъ я въ мірѣ все забуду...
 Когда васъ нѣтъ со мной—перестаю я жить,
 Во мнѣ и сердце, кажется, не бьется,—
 Но только до меня вашъ голосъ донесется,
 Я воскресаю вновь и душу находить
 Могу въ себѣ...

Эрнани (*прижимая ее къ груди*). О, ангель!

Донна-Соль. Въ полночь ровно
 Меня вы ждите завтра, подъ окномъ
 Съ своимъ отрядомъ; три раза, условно,
 Ударьте вы въ ладоши, и — потомъ...
 Я выйду къ вамъ...

Эрнани. Но ты теперь узнала

Кто я таковъ?

Донна Соль. Какое дѣло мнѣ?

За вами я иду, сеньоръ, какъ я сказала.

Эрнани. Созданье слабое, должна ты знать вполнѣ,
Чего ты можешь ждать отъ бѣдняка Эрнани:
Бандитъ, изгнанникъ онъ, — подумай ты заранѣ.
Донъ-Карлосъ (*съ шумомъ открываетъ дверь шкафа*).
Когда же, наконецъ, вы кончите разсказъ?
Удобно-ль мнѣ изъ шкафа слушать васъ?

(Эрнани съ удивленіемъ отступаетъ. Донна Соль вскрикиваетъ и прячется въ его объятія, съ испугомъ смотря на Донъ-Карлоса.)

Эрнани (*взявшись за шпагу*). Что вы за человѣкъ?
Донна-Соль. О, небо! помогите!

Эрнани. Не бойтесь, донна-Соль. Себѣ вы лишь вредите,
Поднявши голосъ свой. Когда я возлѣ васъ,
Ищите лишь моей защиты въ этотъ часъ.
(*Обращаясь къ Донъ-Карлосу*.)

Что вы тамъ дѣлали?

Донъ-Карлосъ. Понятно,
Что не верхомъ катался... Вотъ вопросъ!

Эрнани. Смотрите, чтобъ за шутку неприятно
Вамъ расплатиться не пришлось...
Насмѣшка — не отвѣтъ на оскорбленье...

Донъ-Карлосъ. У каждого, сеньоръ, свое объ этомъ мнѣнне.
Но будемъ откровенно говорить:
Вы донну любите, ее люблю я тоже
И очень бы желалъ открыть,
Желалъ бы знать я — кто же

Въ окошко къ ней входилъ по вечерамъ,
Когда меня за дверью оставляли?

Эрнани. Клянусь, сеньоръ, придется выдти вамъ
Путемъ, которымъ я вхожу сюда.

Донъ-Карлосъ. Едва-ли.

Я донну-Соль люблю не меньше васъ...

Желаете со мною подѣлиться?
Въ ея душѣ и въ блескѣ черныхъ глазъ
Такъ много нѣжности и доброты таится,

Что хватить на обоихъ... Въ поздній часъ
Сегодня я сюда для этого являюсь,—
За васъ случайно принять,—въ шкафъ сажусь,
И—не хочу скрывать—подслушать васъ стараюсь.

Но, въ томъ влянусь!—

Не столько слышу, сколько задыхаюсь.
Къ тому же я камзолъ французскій смялъ
И—вышелъ къ вамъ..

Эрнани.

Смотрите, мой кинжалъ

Въ ножнахъ, какъ вы въ шкафу, не засидитя.

Донъ-Карлосъ (*кланяясь*). Я не мѣшаю вамъ.

Эрнани (*выхватывая шпагу*). Умѣйте-жь защититься!

(*Донъ-Карлосъ обнажаетъ свою шпагу.*)

Донна-Соль (*бросаясь между ними*).

Эрнани, Боже мой!..

Донъ-Карлосъ (*Доннъ-Соль*). Не бойтесь.

Эрнани.

Буду-ль знать

Кто вы таковой?

Донъ-Карлосъ. Могу и я желать

Знать ваше имя...

Эрнани.

Имя это—тайна.

Его произнесу я тихо чрезвычайно

Лишь на ухо тому, кто подъ моей ногой

Почувствуетъ въ груди ударъ кинжала.

Донъ-Карлосъ. Но кто-жь, по крайней мѣрѣ, тотъ другой?

Эрнани. Тебѣ до этого, безумецъ, дѣла мало.

Таеъ защищайся же!..

(Они скрещиваютъ шпаги. Донна-Соль падаетъ въ кресло. Слышенъ стукъ въ дверь.)

Донна-Соль (*поднимаясь, съ ужасомъ*). Бѣда! Стучатся въ
дверь!...

(Противники останавливаются. Въ маленькую дверь вбѣгаетъ совершенно растерянная Жозефа.)

Эрнани (*Жозефа*). Кто тамъ стучить?

Донна-Жозефа (*Доннъ-Соль*). Сеньора, все пропало!

Домой вернулся герцогъ самъ теперь.

Донна-Соль. Какъ, герцогъ? О, несчастье!..

Донна-Жозефа (*озираясь кругомъ*). Правый Боже!

Со шпагами стоять!.. На что это похоже?..

(Оба противника вкладываютъ шпаги въ ножны; Донъ-Карлосъ закутывается въ плащъ и надвигаетъ на глаза шляпу. Снова стукъ.)

Эрнани. Что дѣлать? (*Стучатъ*.)

Голосъ (*за дверью*). Отворите!..

(Донна-Жозефа дѣлаетъ шагъ къ двери, но Эрнани ее отталкиваетъ.)

Эрнани. Прочь!

Донна-Жозефа. Спаси, святой Іаковъ, въ эту ночь

Насъ отъ бѣды!.. (*Новый стукъ въ дверь*.)

Эрнани (*показывая Донъ-Карлосу на шкафъ*).

Такъ спрячемся.

Донъ-Карлосъ. Въ шкафъ? снова?

Эрнани. Войдите; въ немъ—даю вамъ слово—

Обоимъ мѣсто есть...

Донъ-Карлосъ. Благодарю. Для насъ

Просторно слишкомъ тамъ.

Эрнани (*указывая на потайную дверь*).

Такъ мы сейчасъ

Въ дверь убѣжимъ..

Донъ-Карлосъ. Счастливаго пути вамъ!

А я останусь здѣсь, не бывши такъ счастливымъ!

Эрнани. Сеньоръ! За это вы заплатитесь! (*Донна-Соль*.)

Такъ я

Заставлю эту дверь? Хотите?

Донъ-Карлосъ (*Жозефт*). Откройте дверь.

Эрнани. Что онъ сказалъ?

Донъ-Карлосъ (*изумленной Жозефт*). Да отворите,

Вамъ говорить!

(Стукъ продолжается. Донна-Жозефа дрожа отворяетъ дверь.)

Донна-Соль.

Приходитъ смерть моя!..

СЦЕНА III.

Тѣ же, ДОНЪ-РЮН ГОМЕЦЪ-де-СПЛЪВА; слуги съ факелами.

Донъ-Рюи Гомецъ (съ свдыми волосами и бородой, весь въ черномъ; на шеѣ орденъ Золотоу Руна).

Что вижу?.. Въ часъ ночной,—нѣтъ болѣе позора!—

Мужчины у моей племянницы!.. О, стыдъ!

Любуйтесь всѣ!.. Пусть свѣтъ о томъ кричитъ!..

(Доннъ-Соль.)

Клянусь святымъ Іаковомъ, сеньора,

Насъ трое здѣсь, но двое—лишнихъ есть...

(Обращаясь къ гостямъ.)

Сеньоры! за кого прикажете васъ счесть?

Когда Бернаръ и Сидъ, испанцевъ гордость, слава,

Въ Кастилію явились, то таковъ

Обычай былъ у нихъ: защита чести, права

Невинныхъ дѣвушекъ и слабыхъ стариковъ.

Героямъ легче были панцыри стальные,

Чѣмъ вамъ—вашъ бархатъ; ихъ любовь

Была чиста, какъ рыцарская кровь,

И чтитъ церкви правила святыхъ;

Въ дома любимыхъ дѣвъ они входили днемъ,

Открыто, съ шпагою, съ кирой иль мечемъ

И презирали тѣхъ обманщиковъ трусливыхъ

Которые ползли, какъ ночью робкій тать,

Чужихъ невѣсть постыдно соблазнять...

Нашъ общій предокъ Сидъ тѣхъ трусовъ похотливыхъ

Къ своимъ ногамъ мгновенно бы склонилъ

И ихъ дворянскій гербъ въ осколки обратилъ.

—Зачѣмъ вы здѣсь? За тѣмъ, чтобъ удостоенъ

Былъ общимъ смѣхомъ я, сѣдой и старый воинъ?

Да, пусть сѣдины этой головы

Осмѣянными будутъ, можетъ статья,

Но знайте, что не вы,
 Не вы надъ ними будете смѣяться...
 Нѣтъ!..

Эрнани. Герцогъ!

Донъ-Рюи Гомець. Заполчите! Какъ? у васъ
 Есть тысячи предметовъ для провазъ,
 Для шалостей: охота съ соколами,
 Пиръ и праздники съ веселыми балами,
 Любовь съ поэзій полночныхъ серенадъ, —
 И все-таки знакомъ вамъ скуки ядъ!
 Себѣ игрушекъ новыхъ для забавы
 Вы ищете, и вотъ меня вы,
 Жизнь старика игрушкою сочли!..
 И вы ее разбили!

Эрнани. Графъ!

Донъ-Рюи Гомець. Молчите!

Я привазаль молчать! За мной теперь идите,
 За мной!.. Какъ? вы зачѣмъ пришли?
 Вы подшутить хотѣли надо мною?
 Одно сокровище есть въ жизни у меня —
 Честь дѣвушки: я ей дышала одною,
 Ея душа невиннѣй, чище дня;
 Былъ близокъ срокъ, когда своею женою
 Я эту дѣвушку готовился назвать
 И что же? принужденъ негаданно встрѣчать
 Здѣсь похитителей спокойствія и чести!..
 Прочь съ глазъ моихъ! Иль не пришелъ конецъ
 Для оскорбленія? Иль мало вамъ для мести?
 Еще что можетъ дать вамъ Донъ-Рюи Гомець?

(Срываетъ съ себя цѣпь.)

Топчите же мой орденъ подъ ногами!

(Сбрасываетъ съ себя шляпу.)

Ругайтесь надъ моими сѣдинами
 И хвастайтесь по городу потомъ
 Что никогда такъ ловко не съумѣли

Развратники достичь постыдной цѣли —

Нахально подшутить надъ честнымъ старикомъ!..

Донна-Соль. Сеньорь!..

Донъ-Рюи Гомецъ (*слугамъ*).

Сѣвиру мнѣ! Кинжалъ толедскій дайте!

Сюда, ко мнѣ! (*Къ незнакомцамъ*.)

А вы за мной ступайте!

Донъ-Карлосъ (*дѣлая шагъ впередъ*).

Довольно, герцогъ! Времени мнѣ нѣтъ, —

Есть дѣло посерьезнѣе и строже:

Германскій императоръ и мой дѣдъ

Максимильянъ скончался...

(Сбрасываетъ съ себя плащъ и открываетъ лицо, закрытое шляпой.)

Донъ-Рюи Гомецъ.

Каеъ?.. О, Боже!

Король!

Донна-Соль. Король!

Эрнани (*съ оживленіемъ*). Король испанскій!

Донъ-Карлосъ (*съ важностью*).

Да,

Донъ-Карлосъ!.. Герцогъ, не сума-ли

Сошелъ ты неожиданно?.. Сюда

Спѣшилъ я за совѣтомъ въ часъ печали, —

Ты лучшимъ былъ моимъ совѣтникомъ всегда.

Скончался императоръ, я явился

Инкогнито въ твой домъ, а ты рѣшился

Меня встрѣчать такъ шумно...

(Донъ-Рюи Гомецъ дѣлаетъ знакъ своимъ людямъ удалиться и осматриваетъ Донъ-Карлоса, на котораго Донна-Соль смотритъ съ удивленіемъ. Эрнани, оставаясь въ сторонѣ, устремляетъ на него свергающій взглядъ.)

Донъ-Рюи Гомецъ.

Отчего жъ

Передо мной дверь тотчасъ не открылась?

Донъ-Карлосъ. Ты это, герцогъ, самъ сейчасъ поймешь:

Съ тобою свита цѣлая явилась,

А въ государственную тайну посвящать

Я всѣхъ твоихъ лакеевъ не желаю,

Когда съ однимъ тобой пришелъ я толковать.

Донъ-Рюи Гомецъ. Я о прощенья, государь, васъ умоляю...
Я былъ смущенъ.

Донъ-Карлосъ. О, добрый мой старикъ!
Тебѣ я замокъ отдалъ въ управленье,
Кому же поручить мнѣ наблюденье
И за тобой самимъ?

Донъ-Рюи Гомецъ. Простите! Я постигъ
Свою вину.

Донъ-Карлосъ. Довольно! Это приключенье
Забудемъ мы. И такъ, на свѣтъ нѣтъ
Максимильяна болѣе...

Донъ-Рюи Гомецъ. Вашъ дѣдъ
Скончался?..

Донъ-Карлосъ. Да, и грусть меня тревожить.

Донъ-Рюи Гомецъ. Но кто жъ ему наслѣдуетъ?

Донъ-Карлосъ. Быть можетъ,
Саксонскій герцогъ, — первый кандидатъ
Иль Францискъ первый, можетъ статься,
Король французскій...

Донъ-Рюи Гомецъ. Гдѣ же собираться
Всѣ избиратели имперскіе хотятъ?

Донъ-Карлосъ. Во Франкфуртѣ иль въ Ахенѣ — не знаю.

Донъ-Рюи Гомецъ. А нашъ король, — всѣхъ благъ ему желаю! —
Объ императорской коронѣ никогда
Не думалъ развѣ?

Донъ-Карлосъ. Часто думалъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Да,
Вамъ слѣдуетъ она.

Донъ-Карлосъ. Я знаю.

Донъ-Рюи Гомецъ. И не вы ли
Наслѣдникомъ прямымъ теперь явиться въ силѣ?
Вѣдъ былъ эрцгерцогомъ австрійскимъ вашъ отецъ,
Къ тому жъ должны припомнить, наконецъ,
Что въ императорѣ вы дѣда схоронили.

Донъ-Карлосъ. При этомъ, не забудь, я гентскій гражданинъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Я дѣда вашего зналъ въ юности далекой...

Свѣтила прежнія почилы въ тѣмъ глубокой,

Всѣ умерли, я пережилъ одинъ

Всѣхъ представителей прошедшаго столѣтья...

Увы! могу ль о нихъ не сожалѣть я?..

Быль императоромъ достойнѣйшимъ вашъ дѣдъ...

Донъ-Карлосъ. Римъ за меня.

Донъ-Рюи Гомецъ. Быль храбръ онъ, твердъ до самыхъ
позднихъ лѣтъ,

И ужъ совсѣмъ не деспотъ...

Донъ-Карлосъ. Какъ, признаться,

Честолюбивъ король французскій! Онъ

Уже вокругъ трона началъ увиваться,

Едва въ Германіи освободился тронъ.

Какъ будто Франціи ему для славы мало?

Мой дѣдъ Людовику говаривалъ, бывало:

„Когда бъ я былъ Зевесомъ и имѣлъ

Двухъ сыновей, то старшему въ удѣлъ

Оставилъ бы Олимпъ свой, а другого

Я сдѣлалъ бы французскимъ королемъ.“ (Герцогу.)

Предполагаешь ты, что никакого

Нѣтъ у Франциска замысла?

Донъ-Рюи Гомецъ. О томъ

Сказать нельзя рѣшительнаго слова.

Къ побѣдамъ онъ привыкъ...

Донъ-Карлосъ. Все надо измѣнить.

По буллѣ золотой для чужестранцовъ

Избранья нѣтъ...

Донъ-Рюи Гомецъ. Все это можетъ быть,

Но вѣдь и вы, сеньоръ, король испанцевъ?

Донъ-Карлосъ. Я гентскій гражданинъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Последняя война

Франциску первому особенно должна

Была помочь...

Донъ-Карлосъ. Пойдите, передъ вами

И мой орелъ, лишь только подростеть,
 Поднимется, быть можетъ, и начнетъ
 Въ величїи парить подъ облаками.

Донъ-Рюи Гомецъ. Сильны ли вы въ латыни?

Донъ-Карлосъ. Очень слабъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Тѣмъ хуже!

Вѣдь латынь вамъ услужить могла бѣ.

Въ Германїи вельможи всѣ любили,

Чтобъ по латыни съ ними говорили.

Донъ-Карлосъ. Хорошъ для нихъ и гордый нашъ языкъ,

Языкъ испанцевъ. Вѣрь мнѣ, кто привыкъ —

Съ достоинствомъ, свободно выражаться,

Тотъ приучаетъ всѣхъ повиноваться,

Какимъ бы языкомъ онъ мысль не выражалъ...

И такъ, мой другъ, во Фландрію я ѣду,

Откуда возвратиться бы желалъ

Я императоромъ. Чтобъ одержать побѣду,

Франциска долженъ я предупредить

И ѣхать тотчасъ...

Донъ-Рюи Гомецъ. Какъ же поступить

При этомъ, вашему величеству, угодно

Съ бунтовщиками арагонскими? Давно

Они въ горахъ безчинствуютъ свободно...

Донъ-Карлосъ. Мной приказанье строгое дано

Ихъ истребить... и это порученье

Я возложилъ на герцога д'Арко...

Донъ-Рюи Гомецъ. Но съ атаманомъ шайки не легко

Управиться...

Донъ-Карлосъ. Кто онъ такой?

Донъ-Рюи Гомецъ. Не знаю.

Онъ, говорятъ, свирѣпъ и золь, какъ звѣрь.

Донъ-Карлосъ. Ва! Онъ скрывается въ Галиціи теперь

И съ горстью войска я его поймаю.

Донъ-Рюи Гомецъ. Я слышалъ, что онъ здѣсь.

Донъ-Карлосъ. Нѣтъ, этому не вѣрь.

Я у тебя ночью, герцогъ!

(Донъ-Рюи Гомецъ низко кланяется и зоветъ прислугу.)

Донъ-Рюи Гомецъ (*слухамъ*). Остается

Здѣсь высочайшій гость мой и ему,

Какъ королю, пусть почестъ воздается.

(Слуги входятъ съ факелами. Герцогъ ставитъ ихъ въ два ряда до большой двери въ глубинѣ. Между тѣмъ Донна-Соль медленно подходитъ къ Эрнани. Король наблюдаетъ за ними.)

Донна-Соль (*тихо Эрнани*). Какъ говорили мы, къ окошку моему

Вы завтра въ полночь ровно приходите,

И, хлопнувъ три раза въ ладоши, ждите...

Эрнани (*тихо*). Такъ завтра же!

Донъ-Карлосъ (*въ сторону*). А, завтра!

(Громко обращаясь къ Доннѣ-Соль, вѣжливо подходитъ къ ней.)

Предложить

Позвольте руку вамъ.

(Подаетъ ей руку и доводитъ ее до дверей. Донна-Соль уходитъ.)

Эрнани (*держитъ руку на груди и сжимая рукоятку кинжала*).

Кинжалъ мой вѣрный!..

Донъ-Карлосъ (*возвращаясь, говоритъ тихо*). Право,

Сеньоръ смущенъ, чего не можетъ скрыть...

(*Отводя Эрнани въ сторону*.)

Хоть я имѣю основаніе и право

Къ вамъ недовѣрье полное питать,

Но Карлосу измѣна не знакома

И отвратительна... Вы можете бѣжать:

Я дѣлать не хочу содома.

Донъ-Рюи Гомецъ (*возвращаясь и указывая на Эрнани*).

Кто этотъ, неизвѣстный мнѣ сеньоръ?

Донъ-Карлосъ. Принадлежитъ къ моей онъ свитѣ

И тотчасъ уѣзжаетъ. (*Эрнани*.) Поспѣшите!..

(Уходятъ. Герцогъ со свѣчей въ рукъ идетъ передъ королемъ, слуги слѣдуютъ за ними съ факелами.)

СЦЕНА IV.

ЭРНАНИ одинъ.

Эрнани. Да, къ свитѣ я твоей принадлежу;
 Ты правъ, король! Я день и ночь слѣжу
 Съ неумолимой местию за тобою;
 Мой родъ въ моемъ лицѣ преслѣдуетъ твой родъ.
 Къ тому же, ты соперникъ мой!.. Судьбою
 Еще сильнѣй подвинуть я впередъ.
 Но я одну минуту колебался:
 Двумъ чувствамъ разомъ я не отдавался,
 Любить и ненавидѣть я не могъ
 Въ одно и то же время, и на срокъ
 Вся ненависть моя любовью поглощалась;
 Когда жъ ты самъ про мечь напомнилъ вновь,
 То ненависть во мнѣ заволновалась

И пересилила любовь.

Ты, Карлосъ, правъ, что изъ твоей я свиты;
 Да, знай впередъ теперь, пойми ты,
 Что ни одинъ придворный, жалкій льстецъ,
 Ни мажордомъ, твой рабъ всегда покорный,
 И ни любимыя собаки, наконецъ,
 Съ настойчивостью, болѣе упорной,
 Подобно мнѣ, не могутъ услѣдить
 Твой каждый шагъ. Всѣ гранды и вельможи
 За титулы тебѣ готовы лстять,
 Мое жъ тщеславіе немножко подороже:
 Нужна мнѣ кровь изъ жилъ, изъ тѣла нуженъ духъ...
 Мои всѣ силы, зрѣніе, мой слухъ,
 Мнѣ будетъ все служить для мщенья...
 Иди, король, и знай, что каждое мгновенье,
 Гдѣ бъ ни былъ ты, куда бы ни взглянуть,

Куда бы голову свою не повернулъ,
 По утру, ночью, послѣ пробужденья,
 Вездѣ, повсюду съ этихъ поръ
 Встрѣчать ты будешь огненный мой взоръ.
(Онъ выходитъ въ маленькую дверь.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Открытый дворъ. Налѣво высокія стѣны замка Сильвы и окно съ балкономъ; подъ окномъ маленькая дверь; направо и въ глубинѣ дома и улицы.—
 Ночь. — Кое гдѣ, на фасадахъ зданій, освѣщенные окна.

СЦЕНА I.

ДОНЪ КАРЛОСЪ, ДОНЪ САНХЕЦЪ, ДОНЪ МАТІАСЪ, ДОНЪ РИКАРДО.
(Входятъ всѣ четверо, донъ Карлосъ впереди. Всѣ закутаны въ длинные плащи, края которыхъ приподняты шпагами.)

Донъ-Карлосъ *(осматривая балконъ)*.

Вотъ и балконъ и дверь... вся кровь кипитъ во мнѣ.
(Показывая на темное окно.)

Ни искры свѣта... все темно въ окнѣ...

Въ другихъ же окнахъ свѣтъ, чего-бъ мы не желали...

Донъ-Санхецъ. Вы, государь, еще не досказали

Намъ объ измѣнниѣхъ... Ему возможность дали
 Вы скрыться?..

Донъ-Карлосъ. Да. И слѣдъ его сокрытъ.

Донъ-Матіасъ. Но, государь, онъ самъ вѣдь, можетъ статья,
 Одинъ изъ главныхъ въ шайкѣ!

Донъ-Карлосъ. Онъ бандитъ

Иль предводитель ихъ—я не могу ручаться,

Но у него былъ чисто-царскій видъ.

Донъ-Санхецъ. А какъ его зовутъ?

Донъ-Карлосъ *(не спуская глазъ съ окна)*.

Фернанъ.. Фернани... нани...

Забылъ.

Донъ-Санхецъ. Эрнани, можетъ быть?

Донъ-Карлосъ. Да, такъ...

Донъ-Санхець. Ну, онъ и есть!

Донъ-Матіасъ. Какъ, самъ Эрнани?

Глава всей банды?

Донъ-Санхець. Чтожь могъ говорить

Онъ, государь?

Донъ-Карлосъ (*продолжая смотреть въ окно*).

Двухъ словъ не въ состояньи

Я былъ понять въ шкафу проклятомъ...

Донъ-Санхець. Вамъ

Вольно же было не прибрать его къ рукамъ...

(ДОНЪ-КАРЛОСЪ оборачивается и строго смотреть ему въ лицо.)

Мнѣ кажется, явилось въ васъ желанье

Допрось мнѣ дѣлать, графъ де-Монтерей?

Къ тому-жь, я этимъ всёмъ не огорченъ ни мало:

Не головой его я занять былъ, — скорѣй

Меня его подруга занимала.

Вотъ вамъ и все.

Донъ-Рикардо. Досадно. Отчего-жь

Обоими вамъ было не заняться?

Донъ-Карлосъ. Любезный графъ, совѣтъ вашъ такъ хорошъ,

Что дѣлаетъ вамъ честь. До цѣли добиваться

Хотите вы не медля... Это я люблю.

Донъ-Рикардъ (*съ поклономъ*).

Сейчасъ угодно было королю

Дать титулъ графа мнѣ?

Донъ-Карлосъ. Ошибкою.

Донъ-Рикардо (*Санхецу*). Поймите,

Его величество столь милостивымъ былъ...

Донъ-Карлосъ. Довольно же! (*Рикардо*.) Я титулъ уронилъ,

Его вы... поднимите.

Донъ-Рикардо (*кланяясь*).

О, государь!..

Донъ-Санхець (*Донъ-Матіасу*).

Хорошъ случайный графъ!

Графъ... по ошибкѣ!..

(Донъ-Карлосъ рассказываетъ въ глубинѣ сцены, глядя съ нетерпѣніемъ на освѣщенные окна.)

Донъ-Матіасъ (*Донъ-Санхецу*).

Чтожъ король намѣренъ

Подѣлывать, красавицу поймавъ?

Донъ-Санхецъ (*искоса смотря на Рикардо*).

Онъ сдѣластъ ее графиней, я увѣренъ,

Тамъ фрейлиной, а будетъ сынъ, такъ онъ

Взойдетъ потомъ на королевскій тронъ.

Донъ-Матіасъ. Побочный сынъ?! Ахъ, что вы, графъ, сказали?

Еще не видано, съ начала всей земли,

Чтобъ отъ графинь рождались короли!..

Донъ-Санхецъ. Такъ сдѣлають ее, чтобъ пособить печали,

Маркизою, любезный мой маркизъ.

Донъ-Матіасъ. Нѣтъ, сыновья побочные повсюду

Для завоеванныхъ провинцій береглись

На роль виц-королей...

(ДОНЪ-КАРЛОСЪ возвращается и смотритъ съ гнѣвомъ на освѣщенные окна.)

Я право думать буду,

Что выслѣдить хотятъ насъ окна эти...

(Въ двухъ окнахъ дѣлается темно.)

Вотъ

Въ двухъ окнахъ свѣтъ потухъ... Что за мученье

Слѣдить, какъ время медленно идетъ...

Кто можетъ ускорить его теченье?

Донъ-Санхецъ. Мы сами, государь, такъ думали не разъ,..

Желаю во дворцѣ скорѣй увидѣть васъ...

(Въ послѣднемъ окнѣ дѣлается темно.)

Донъ-Барлосъ. Вотъ, наконецъ, огонь вездѣ погасъ...

(Обратясь къ балкону донны Соль, все еще темно.)

О, стекла ненавистныя! Когда же

Освѣтятъ васъ? О, донна-Соль, явись

И, какъ звѣзда, во мракъ загорись!..

Все веругъ темно... Что уже полночь даже?

Донъ-Рикардо. Да, скоро.

Донъ-Карлосъ. Намъ все нужно кончить вдругъ,
 Не то, того гляди, придетъ „желанный другъ“,
 Котораго ждетъ „милая“...

(Въ окнѣ донны-Соль показывается свѣтъ; ея тѣнь рисуется на освѣщенной рамѣ.)

Смотрите,

Мои друзья! вотъ тѣнь ея въ окнѣ!...
 О, никогда блескъ дня не могъ казаться мнѣ
 Такимъ прекраснымъ!.. Факель мнѣ! Спѣшите
 Подать условный знакъ и къ намъ сойдетъ она!
 Но стойте! здѣсь насъ четверо однако:
 Она, пожалуй, будетъ смущена...
 Ступайте жъ въ тѣнь, туда, гдѣ больше мрака
 И караульте тамъ: намъ гость не ко двору...
 Друзья! подѣлитесь открыто:
 Я для себя красавицу беру,
 А вамъ—дарю бандита.

Донъ-Рикардо. Благодаримъ покорно.

Донъ-Карлосъ.

А бандитъ,

Когда придетъ, на шпаги къ вамъ наткнется...
 Пока онъ на песокъ немножко-полежитъ
 И нѣсколько очнется,
 Я унесу красавицу, а тамъ
 Мы посмѣемся вмѣстѣ... Такъ ступайте...
 Еще одна—постойте—просьба къ вамъ:
 Пожалуйста, его совсѣмъ не убивайте...
 Онъ все-таки, по моему, храбрецъ,
 И человѣка жизнь—не шутка, наконецъ...

(Придворные кланяются и уходятъ. Донъ-Карлосъ даетъ имъ удалиться; потомъ хлопаетъ три раза въ ладоши. При третьемъ ударѣ окно открывается и донна-Соль показывается на балконѣ.)

СЦЕНА II.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ДОННА-СОЛЬ.

Донна-Соль (на балконѣ). Эрнани, вы?

Донъ-Карлосъ (*тихо*).

Я буду нѣмъ.

(Онъ опять хлопаетъ въ ладоши.)

Донна-Соль.

Иду.

(Запираетъ окно, въ которомъ свѣтъ исчезаетъ. Минуту спустя маленькая дверь открывается. Донна-Соль выходитъ съ лампою въ рукѣ и говоритъ:

Эрнани!

(Донъ-Карлосъ надвигаетъ на глаза шляпу и быстро подходитъ къ ней. Донна-Соль ропаегъ лампу.)

Но это не его шагъ!.. (*Хочетъ уйти*.)

Донъ-Карлосъ (*удерживая ее за руку*).

Сеньора!

Донна-Соль.

Ахъ!..

И голосъ не его! О, ужасъ! объ обманѣ
Могла ли думать я!..

Донъ-Карлосъ.

Къ чему напрасный страхъ!..

Вѣдь голосъ мой любовью дышетъ тоже,
Я самъ люблю, люблю васъ, донна-Соль...
Къ тому-жъ король у вашихъ ногъ!..

Донна-Соль.

Король!

Донъ-Карлосъ. Желай, приказывай. Ты царства мнѣ дороже,
Оно въ твоихъ рукахъ! О, чтобъ съ тобою быть,
Король, твой властелинъ — твой рабъ, готовъ разбить
Преграды всѣ...

Донна-Соль (*стараясь вырваться изъ его объятий*).

Сюда, Эрнани!..

Донъ-Карлосъ.

Гнѣвъ понятный!

Ты съ королемою, а не съ своимъ бандитомъ...

Донна-Соль.

Стыдъ!

Никто другой, какъ сами вы бандитъ...

Краснѣю я за подвигъ вашъ невѣроятный:

Насильно женщину ловить въ полночный часъ.

Насколько же Эрнани выше васъ!

Король! Когда бы всѣ по ихъ дѣламъ цѣнились

И личными заслугами гордились,

Тогда-бъ Эрнани скиптръ принадлежалъ,

А вамъ — разбойничій кинжалъ!

Донъ-Карлосъ (*стараясь ее увлечь*). Сенбора!

Донна-Соль. Государь, вы позабыть хотите,

Что мой отецъ былъ — графъ...

Донъ-Карлосъ. А васъ готовъ

Я герцогиней едѣлать!..

Донна-Соль (*отталкивая его*). Уходите!..

(Отходить отъ него на нѣсколько шаговъ.)

Межъ нами ничего, король, не можетъ быть.

За васъ отецъ мой пролилъ кровь ручьями;

Своимъ происхожденьемъ дорожить

Умѣю я... Оскорблена я вами:

Для фаворитки слишкомъ я честна

И не достойна васъ я, какъ жена.

Донъ-Карлосъ. Такъ раздѣли же тронъ со мной предъ цѣ-
лымъ свѣтомъ!

Идемъ! Ты королевой будешь...

Донна-Соль. Это ложь.

И вашему величеству при этомъ

Скажу о васъ самихъ — скрываться для чего жь?

Я лучше буду по свѣту скитаться

Съ моимъ Эрнани, другомъ, королемъ,

Не зная отдыха ни въ ночь, ни днемъ,

Жить въ нищетѣ, въ забвеніи скрываться,

Искать пріюта въ полѣ и въ горахъ,

Переносить изгнанье, голодь, страхъ

Съ невзгодами, съ страданьями, съ войною,—

Чѣмъ короля такого быть женою.

Донъ-Карлосъ. Какъ счастливъ онъ!

Донна-Соль. Какъ, онъ? изгнанникъ бѣдный!

Донъ-Карлосъ. Съ нимъ

Желалъ бы я судьбою помѣняться:

Пусть будетъ онъ безвѣстенъ и гонимъ,

Но съ нимъ всегда есть ангелъ — онъ любимъ!..

А я одинъ!.. Я ненавистенъ вамъ? Признаться

Вы мнѣ должны.

Донна-Соль. Я не люблю васъ.

Донъ-Карлосъ (*сильно схвативъ ее*). Что за дѣло!
Мнѣ все равно!..

Донна-Соль. О, небо! Но вѣдь вы —

Король, который можетъ смѣло
Однимъ движеньемъ царской головы
Маркизъ и герцогинь любить себя заставить,
А онъ, Эрнани мой — изгнанникъ бѣдный онъ!..
Вы можете, король, полсвѣтомъ цѣлымъ править:
Наварра, Мурція, Кастилья, Арагонъ
И Фландрія и Индія — со всѣхъ сторонъ
Вамъ все про вашу власть напоминаетъ, —
И неужель властитель пожелаетъ
Отнять меня навѣки у того,
Кто въ жизни не имѣетъ ничего?

(Она бросается передъ нимъ на колѣни; онъ старается ее увлечь.)

Донъ-Карлосъ. Не слушаю тебя! Пойдемъ со мною вѣстѣ...
Мнѣ не одинъ подвластенъ въ мірѣ край...
Возьми который хочешь... выбирай!..

(Донна-Соль старается вырваться изъ его рукъ.)

Донна-Соль. Я выберу кинжалъ для охраненія чести!..

(Она выхватываетъ у него изъ-за пояса кинжалъ. Онъ выпускаетъ ее и отступаетъ.)

Не подходите же, иль я на все рѣшусь!

Донъ-Карлосъ. О, я теперь нисколько не дивлюсь,

Что нравятся тебѣ, красавица, бандиты.

(Онъ дѣлаетъ шагъ впередъ. Донна-Соль поднимаетъ кинжалъ.)

Донна-Соль. Шагъ сдѣлайте одинъ — и я и вы убиты.

(Онъ отступаетъ. Она оборачивается и кричитъ.)

Эрнани!

Донъ-Карлосъ. Замолчите!

Донна-Соль (*съ поднятымъ кинжаломъ*).

Еще шагъ

И — смерть...

Донъ-Карлосъ. Сеньора! Болѣе никакъ

Я вротеннъ быть не въ состояннн... Изъ свиты
Я долженъ трехъ товарищей позвать...

СЦЕНА III.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ДОННА-СОЛЬ, ЭРНАНИ.

Эрнани (*внезапно появляясь сзади.*)

И о четвертомъ вамъ не нужно забывать.

(Король оборачивается и видитъ Эрнани неподвижно стоящаго въ тѣни, съ сложенными на груди руками, закутаннаго въ длинный плащъ, въ шляпѣ съ приподнятыми широкими полями. Донна Соль бѣжитъ къ нему и охватываетъ его руками.)

Эрнани (*не двигаясь и устремивъ на короля сверкающій взглядъ.*)

Свидѣтель Богъ, что встрѣтятся съ нимъ вмѣстѣ,

Подальше-бъ я желалъ, не здѣсь, не въ этомъ мѣстѣ...

Донна-Соль (*Эрнани*). Спасите отъ него меня скорѣй!..

Эрнани. Прошу васъ быть спокойной.

Донъ-Карлосъ.

Монтерей!

Но гдѣ жъ друзья мои? Какъ мимо пропустили

Бунтовщика бродягъ! Эй, Монтерей! сюда!

Эрнани. Друзей не ждите вы; ихъ окружили

Мои друзья,—избавьтесь отъ труда

На помощь звать три жалкія ихъ шпаги.

Теперь ихъ очень зорко сторожатъ

Мои товарищи, которыхъ шестьдесятъ,

И изъ которыхъ каждый по отвагѣ

Навѣрно стоитъ вашихъ четырехъ...

Сведемте жъ наши счеты мы безъ нихъ...

Вотъ эта дѣвушка невинна и прелестна

И вы ее рѣшили оскорблять?..

Вы поступили низко и безчестно,

Король Кастиліи!

Донъ-Карлосъ (*съ презрительной улыбкой*).

Не вамъ бы упрекать

Меня, сеньоръ бандитъ—насколько мнѣ извѣстно!..

Эрнани. Ему еще смѣшно! Я не король, сеньоръ,
 Но еслибъ надо мной король самъ издѣвался,
 Ужасенъ былъ бы гнѣвъ мой, и съ тѣхъ поръ
 Не ниже короля я-бъ самъ себѣ казался.
 Кто краску оскорбленья вызывалъ
 Мнѣ на лицо, тотъ въ страхѣ трепеталъ...
 Я не сношу обиды... Наступаетъ
 Послѣдній часъ вашъ...

(Схватываетъ Донъ-Карлоса за руку.)

Знайте жъ, наконецъ,

Кто руку короля рукой своей сжимаетъ:
 Отцомъ Донъ-Карлоса казненъ былъ мой отецъ
 И васъ я ненавижу. Вы меня лишили
 Имѣній, титуловъ—я ненавижу васъ;
 Мы женщину одну и ту же полюбили:
 Я ненавижу, ненавижу много разъ,
 Я отъ души васъ ненавижу, ненавижу...

Донъ-Карлосъ. Сеньоръ!

Эрнани. Однако, нынче вечеромъ забылъ
 Я ненависть мою... Я къ ней сюда слѣшилъ,
 Къ моей возлюбленной, и здѣсь кого жъ я вижу?..
 Ты въ собственную сѣть попалъ, Донъ-Карлосъ, вдругъ.
 Спасенья ждать нельзя тебѣ: вокругъ
 Стоитъ толпа вооруженныхъ,
 Толпа твоихъ враговъ ожесточенныхъ...
 Что жъ будешь дѣлать ты?

Донъ-Карлосъ *(гордо)*. Кому
 Ты говоришь такъ?

Эрнани. О, не смѣетъ
 Никто другой приблизиться къ тому,
 Кому самъ мстить я буду... мечь имѣетъ
 Свои права. Во власти ты моей!..
 Такъ защищайся же!..

(Обнажаетъ шпагу.)

Донъ-Карлосъ. Прошу не забываться!

Передъ тобой—король! Рази меня, убей,
Но я съ тобой не стану драться...

Эрнани. Король о томъ забыть едва-ли могъ,
Что скрещиваль вчера со мною онъ клинокъ.

Донъ-Карлосъ. Дни межъ собой бываютъ не похожи:
Другъ друга намъ вчера никто не представлялъ,
Сегодня же, любезный, ты узналъ
Кто я таковъ; кто ты—узналъ я тоже.

Эрнани. Да, можетъ быть.

Донъ-Карлосъ. Какал-жь тутъ дуэль?
Убей меня, но безъ дуэли...

Эрнани. Неужель
Смутить меня ты вздумалъ?.. Защищайся!...

Донъ-Карлосъ. Убей меня...
(Эрнани отступаетъ. Донъ-Карлосъ величественно на него смотритъ.)

Такъ вотъ вы каковы
Бандиты грязные! Предполагали вы
За ваши гадости избѣгнуть наказанья?
Обрызганные съ ногъ до головы
Чужою кровью, вы еще желанье
Великодушія хотите показать?
Вы насъ еще хотите вызывать
На честный бой, гдѣ бъ осквернять мы стали
Концы клинковъ своихъ изъ благородной стали?
Нѣтъ, преступленье только да разбой,
Какъ цѣпи, вы влачите за собой,
Но поединковъ вы не ожидайте...
Прочь! Прочь! Иль какъ убійца прямо убивайте...

(Эрнани мрачный и задумчивый вѣскольکو разъ беретъ за әеесь шпаги,
потомъ быстро оборачивается къ королю и ломаетъ клинокъ о мостовую.)

Эрнани. Идите.

(Король вполонину оборачивается къ нему, смотря на него съ презрѣ-
нiемъ.)

Встрѣча лучшая у насъ
Должна быть впереди... Идите!..

Донна-Соль. Мой Эрнани!

Донъ-Карлосъ. Прекрасно! Знай-же только ты зарагъ,
 Что во дворцѣ я буду черезъ часъ
 И прикажу поймать тебя. Не знаю,
 Оцѣнена ли голова твоя?

Эрнани. Давно.

Донъ-Карлосъ. Я съ нынѣшняго дня тебя считаю
 Измѣнникомъ и будетъ мной дано
 Распоряженіе, чтобъ ты вездѣ встрѣчался,
 Какъ государственный изгнанныкъ...

Эрнани. Уже имъ
 Объявленъ я...

Донъ-Карлосъ. Прекрасно.

Эрнани. Но остался
 Мнѣ цѣлый край французскій, и моимъ
 Приютомъ станетъ онъ...

Донъ-Карлосъ. Я скоро буду
 Германскимъ императоромъ и всюду
 Ты будешь по имперіи гонимъ.

Эрнани. Пусть! Миръ велѣтъ, и въ немъ себѣ найду я
 Убѣжище, гдѣ, смѣло негодуя,
 Тебя я стану презирать,
 Гдѣ власть твоя не можетъ запугать.

Донъ-Карлосъ. А если цѣлый миръ мнѣ покорится?..

Эрнани. Тогда могу въ могилѣ я укрыться...

Донъ-Карлосъ. Печальный для тебя готовлю я исходъ.

Эрнани. Местъ тихо подвигается впередъ,
 Но цѣли достигаетъ...
 Донъ-Карлосъ (*презрительно смѣясь.*)
 Добиваться

Красавицы, которой милѣ бандитъ!..

Эрнани (*съ сверкающимъ взглядомъ*).

Ты, кажется, забылъ, что предъ тобой стоитъ
 Твой врагъ и что его ты долженъ опасаться?..
 Ты, цезарь будущій, не долженъ забывать,
 Что руки честныя мнѣ стоитъ только сжать,

Чтоб раздавить въ зародышѣ мгновенно
Орла имперскаго...

Донъ-Карлосъ. Чтожь медлишь ты?..

Эрнани.

Иди!..

(Снимаетъ съ себя плащъ и набрасываетъ его королю на плечи.)

Но этотъ плащъ надѣнь, иначе непремѣнно
На ножъ врага наткнешься впереди.

(Король закутывается въ плащъ.)

Иди же! голова твоя священна

Для всѣхъ другихъ: она моя...

Донъ-Карлосъ.

Сеньоръ,

Вы такъ вели себя со мной, что съ этихъ поръ
Не ждите ни пощады, ни прощенья.

(Уходитъ.)

СЦЕНА IV.

ЭРНАНИ, ДОННА-СОЛЬ.

Донна-Соль. Теперь бѣжимъ!..

Эрнани. О, какъ мнѣ не цѣнить

Твоей души прекрасное движенье!

Мое несчастіе ты хочешь раздѣлить...

Но, Господи, могу-ль безъ сожалѣнья

И безъ стыда съ собой тебя увлечь,

Когда, быть можетъ, скоро съ этихъ плечъ

Мнѣ голову снесутъ на эшафотъ...

Донна-Соль. Что говорите вы? Нѣтъ, нѣтъ вы не умрете.

Эрнани. Презрѣнія король мнѣ не простить,

Я пощадилъ его—того онъ не забудеть...

Онъ во дворецъ теперь торопится, спѣшитъ

Созвать вельможъ, людей, онъ палачей разбудить...

Донна-Соль. Я трепещу, Эрнани!.. Убѣжимъ

Скорѣе вмѣстѣ...

Эрнани. Вмѣстѣ! Невозможно.

Когда я былъ лишь только бѣднякомъ,

Тогда я могъ еще мечтать неосторожно

О счастье неожиданномъ такомъ;
 Мнѣ смѣлость придали твои слова и взоры:
 Я предлагалъ тебѣ мои лѣса и горы
 И хлѣбъ изгнанника и ложе изъ травы,
 Но, донна-Соль, на плаху добровольно
 Тебя-ль я поведу? Нѣтъ, палачу довольно
 Одной моей злосчастной головы.

Донна-Соль. Но звалъ меня на эшафотъ не ты-ли?
 Эрнани (*падая на колѣни*).

О, ангелъ мой! Въ тотъ самый часъ, когда
 Я ближе, можетъ быть, и къ плахѣ, и къ могилѣ
 И никогда не возвращусь сюда,
 У ногъ твоихъ воскликну другъ прекрасный:
 Я, проклятый, гонимый и несчастный,
 Я, колыбель котораго была
 Обрызгана слезами вмѣстѣ съ кровью,
 Я счастливъ все-таки одной твоей любовью!
 Ты яркій свѣтъ въ жизнь темную внесла:
 Я счастливъ, потому, что ты меня любила
 И грѣшное чело мое благословила.

Донна-Соль. Позволь идти съ тобой, не будь ко мнѣ жестокъ!
 Эрнани. Ахъ, въ пропасть падая грѣшно сорвать цвѣтокъ!

Довольно одного его благоуханья,
 Которымъ я упился... Наконецъ,
 Пора освободить тебя отъ обѣщанья:
 Иди со старикомъ ты подъ вѣнецъ,
 Будь счастлива и все забудь...

Донна-Соль. Ни слова!

Съ тобой я не разстанусь; я готова
 Твой саванъ раздѣлить съ тобой...

Эрнани. Позволь —

Бѣжать мнѣ одному лишь, донна-Соль!

Донна-Соль (*въ отчаяннѣ*).

Эрнани! ты бѣжишь, меня ты оставляешь...

(Эрнани останавливается на порогѣ двери.)

Тебѣ я жизнь, всю душу отдала
И ты меня за это отвергаешь!..
О, если жить съ тобой я не могла,
То умереть хочу съ тобой!..

Эрнани (*колеблясь*). О, Боже!

Изгнанникъ я, я на смерть осужденъ...
Моя любовь есть гибель... Что же,
Что дѣлать мнѣ?..

Донна-Соль. Безжалостенъ какъ онъ!..

Эрнани (*возвращается*).

Пусть будетъ то, что будетъ! Я рѣшился!
Я остаюсь, тебѣ я покорился...
Забудемъ все на свѣтъ мнѣ опять...
О, милая! вотъ здѣсь на камень сядь.

(Садится у ея ногъ.)

Пусть взгляды свѣтлыя и нѣжатъ и голубятъ.
Меня теперь... Какъ сладко сознавать,
Неправда-ли, что насъ безумно любятъ...
Наединѣ... вдвоемъ... въ такую ночь...
Я не могу волпенья превозмочь...
О, на твоей груди позволь мнѣ позабыться,
Мой ангель, божество мое!.. Пусть длится
Любви самозабвеніе...

(Вдали раздаются звуки колоколовъ.)

Донна-Соль. Набать!..

Ты слышишь?..

Эрнани (*все еще сидя у ея ногъ*).

Этимъ звономъ возвѣщаютъ

О нашей свадьбѣ...

(Колокольный звонъ усиливается. Свѣчи и факелы показываются на улицахъ, въ окнахъ и на крышахъ.)

Донна-Соль. Вставай, бѣги... кругомъ огни блестятъ...

Эрнани (*приподнимаясь*).

Пусть факелами ярко освѣщаютъ
Нашъ праздникъ свадебный...

Донна-Соль. Иль все ты позабылъ?

Вѣдь это свадьба мертвыхъ, пиръ могиль!..

(Слышеть звукъ оружія, крики.)

Эрнани (*снова ложась на каменную скамью*).

Дай мнѣ обнять тебя!..

Горецъ (*вбѣгая со шпагою въ руки*).

Сеньоръ! Спѣшите!

Алвады, сбирь къ площади стеклись

Со всѣхъ сторонъ... Скорѣй, сеньоръ!..

(*Эрнани встаетъ*.)

Донна-Соль (*блѣднѣя*).

Сбылись

Твои предчувствія!..

Горецъ. На помощь къ намъ бѣгите!

Эрнани (*горю*). Я съ вами!

(Смѣшанные крики за сценой:)

Смерть бандиту!

Эрнани (*горю*).

Дай

Мнѣ твой кинжалъ... (*Донна-Соль*.)

И такъ теперь прощай!

Донна-Соль. По милости моей ты попадешь къ злодѣямъ!..

(Показывая ему маленькую дверь.)

Куда ты? въ эту дверь мы убѣжать успѣемъ...

Эрнани. Нѣтъ! Въ помощи моей нуждаются друзья...

(Шумъ и крики.)

Донна-Соль. Отъ этихъ криковъ сердце замираетъ...

(Удерживая Эрнани.)

Такъ пусть Эрнани мой не забываетъ,

Что если онъ умретъ, то съ нимъ умру и я...

Эрнани (*держитъ ее въ объятіяхъ*). О, поцѣлуй одинъ!

Донна-Соль. Нѣтъ силъ съ тобой разстаться...

Супругъ мой, властелинъ мой на землѣ!..

Эрнани (*цѣлуя ее въ лобъ*).

Мой первый поцѣлуй на дѣвственномъ челѣ...

Донна-Соль. И поцѣлуй послѣдній, можетъ статься...

(Онъ уходитъ; она падаетъ на скамью.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Сильвы, въ горахъ Арагоніи.—Галлерей фамильныхъ портретовъ Сильвы; большая зала съ портретами въ богатыхъ рамахъ, съ герцогскими коронами и золотыми гербами.—Въ глубинѣ высокая готическая дверь. Между каждымъ портретомъ — полное вооруженіе; — всѣ эти доспѣхи принадлежать разнымъ вѣкамъ.

СЦЕНА I.

ДОННА-СОЛЬ, въ бѣломъ платьѣ, стоитъ около стола. ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ-ДЕ СИЛЬВА въ великолѣпномъ костюмѣ сидитъ въ большомъ дубовомъ герцогскомъ креслѣ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Насталъ желанный день и черезъ часъ

Не дядя я, а мужъ твой... Ты простила
 Меня, не правда-ли? Мнѣ невозможно было
 Винить тебя... Прости на этотъ разъ!...
 Я знаю, ты не можешь лицежрить;—
 Своимъ глазамъ не долженъ былъ я вѣрить
 Заставъ красавцевъ двухъ съ тобой на единѣ,
 Но, милое дитя,—я старъ вѣдь, и во мнѣ
 Невольное сомнѣніе понятно:
 Для старика—измѣна вѣроятна.

Дона-Соль (*строгая и неподвижная*).

Къ чему о томъ вамъ говорить опять.
 Кто васъ винить?

Донъ-Рюи Гомецъ. Я обвинять

Себя самъ долженъ... Глупо подозрѣнье,
 Когда во всемъ привыкъ я понимать
 Твоей души прекрасныя движенья...
 Тебѣ-ль понятна грѣшная любовь?..
 Нѣтъ, въ жилахъ донны-Соль течетъ свободно
 Испанки благороднѣйшая кровь.

Донна-Соль. Да, эта кровь чиста и благородна,
 О чемъ узнаютъ скоро, можетъ быть.

Донъ-Рюи Голецъ (вставая, подходитъ къ ней).

Возможно-ль хладнокровье сохранить,
 Когда влюбленъ и старъ, какъ я... Пугливо
 На всѣхъ глядишь, озлобленно, ревниво,
 Завидуешь тому, кто молодъ и хорошъ...
 Не злая-ли насмѣшка въ самомъ дѣлѣ —
 Огонь и страсть въ душѣ и дряхлость въ слабомъ тѣлѣ!...
 Ты, можетъ быть, смѣшнымъ меня найдешь,
 Но иногда при видѣ молодого,
 Поющаго безпечно пастуха,
 Я мысленно твержу такое слово:
 Пусть жизнь его сурова и плоха,
 Но я готовъ отдать безъ сожалѣнья
 Свои богатства, гербъ свой, всѣ владѣнья
 За хижину его, за юное чело...
 Увидѣвши его невольно вѣдь могло
 Тебя смутить печальное сравненье:
 „Какъ молодъ онъ, а герцогъ старъ и сѣдъ!“
 Но мнѣ-ль мечтать о юности? О, нѣтъ,
 Не воскресить мнѣ молодости силу:
 Безумно такъ любя,
 Не смѣю я забыть, что ранѣе тебя
 Придется мнѣ сойти въ холодную могилу.

Донна-Соль. Кто знаетъ?

Донъ-Рюи Голецъ. Впрочемъ, вѣрь мнѣ — молодежь
 Надъ чувствомъ можетъ только издѣваться,
 Въ ея любви ты постоянства не найдешь:
 Надъ сердцемъ дѣвушки ей любо посмѣяться.
 Любить умѣетъ только лишь старикъ...
 Пусть шагъ его тяжелъ, пусть станъ его понижъ,
 Пусть волосы его, какъ иней серебрятся,
 Пусть на челѣ его морщинъ замѣтный слѣдъ,
 Но, донна-Соль, мощишь вѣдь въ сердцѣ нѣтъ.
 Въ любви къ тебѣ я съ юношей поспорю...
 Да, я люблю тебя, какъ утреннюю зорю,

Какъ небо, какъ весеннія цвѣты...

Во мнѣ отца и мужа встрѣтишь ты...

О, каждый день я буду любоваться

Твоей походкой, прелестью лица...

Мнѣ весело, мнѣ хочется смѣяться...

Донна-Соль. Увы!

Донъ-Рюи Гомецъ. Священнѣйшій нѣтъ вѣнца

Для женщины, когда она печется,

Заботится о дряхломъ старикѣ,

Который къ гробу мирному плетется,

Ужь близкѣй къ гробовой своей доскѣ.

О, ангеломъ такимъ ты для меня быть можешь!..

Съ любовью дочери и нѣжностью сестры

Ты будешь утѣшать меня до той поры,

Пока мой прахъ въ могилу не положишь.

Донна-Соль. Сеньоръ, умру я раньше, можетъ быть.

Не молодость одна даетъ намъ право жить:

Она и старость часто обгоняетъ

И вѣчный сонъ глаза ея смыкаетъ...

Донъ-Рюи Гомецъ. Какія мысли мрачныя! Дитя!

Тебя начну журить я не шута:

Сегодня-ль намъ смотрѣть на жизнь сурово?

Но ты еще, я вижу, не готова,

А намъ пора въ часовню... Я теперь

Минуту каждую считаю... Бога ради,

Подумай ты о свадебномъ нарядѣ!

Донна-Соль. Еще успѣю я...

Донъ-Рюи Гомецъ. Пора давно, повѣрь

(Входящему пажу.)

Что скажешь ты?

Пажъ. Сеньоръ, у васъ пріюта въ дснѣ

Какой-то странникъ просить...

Донъ-Рюи Гомецъ.

Пусть войдетъ,

Ктобъ ни былъ онъ, и счастье въ домъ внесетъ...

Что новаго? Не слышно-ль о погромѣ

Бунтовщика, который насъ смущалъ
И съ шайкою своей мятежъ распространялъ?

Пажъ. Эрнани уничтоженъ!

Донна-Соль (*тихо*).

Боже!

Донъ-Рюи Гомецъ.

Неужели?

Пажъ. Всю шайку истребить вполне успѣли,
Бандитовъ страшныхъ участь рѣшена
И въ тысячу эю оцѣнена
Эрнани голова; однако есть извѣстья,
Что умеръ онъ...

Донна-Соль (*тихо*).

А я жива!..

Донъ-Рюи Гомецъ.

Такую вѣсть я

Встрѣчаю съ радостью. Дитя мое теперь
Когда погибъ мятежникъ, лютый звѣрь,
Мы отдохнемъ и можемъ веселиться...
Иди, спѣши, мой другъ, принарядиться.

Донна-Соль (*тихо*). Да, въ траурное платье.

(*Донна-Соль уходитъ.*)

СЦЕНА П.

ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ и ПАЖЪ.

Донъ-Рюи Гомецъ (*Пажу*).

Поскорѣй

Вотъ этотъ ящикъ съ драгоценностями ей
Вели отдать...

(*Снова садится въ кресло.*)

Хочу я чтобъ съ мадонной

Она поспорила, нарядна и пышна,
Чтобъ брилліантами сверкала вся она,
Чтобъ передъ ней, колѣнопреклоненный,
Отъ блеска глазъ ея смущенъ и недвижимъ,
Склонился тихо бѣдный пилигримъ.
Но, встать, гдѣ же странникъ? Поскорѣе
Вѣги за нимъ и извинись...

(*Пажъ съ поклономъ уходитъ.*)

Себѣ я

Небрежности такой не долженъ позволять...

Ахъ, Господи! ззаставилъ гостя—ждать...

(Дверь въ глубинѣ сцены отвѣрается, показывается Эрнани, переодѣтый пилигримомъ. Герцогъ встаетъ.)

СЦЕНА III.

ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ, ЭРНАНИ.

Эрнани (*останавливаясь на порогѣ*). Миръ вамъ, сеньоръ!
Донъ-Рюи Гомецъ (*привѣтствуя его рукою*).

Тебѣ—миръ тоже!

Будь гостемъ. (*Снова садится.*)

Странникъ ты?

Эрнани. Да.

Донъ-Рюи Гомецъ. Что же,

Ты вѣрно изъ Армильи?

Эрнани. Нѣтъ, другой

Дорогой я прошелъ. Тамъ былъ недавно бой.

Донъ-Рюи Гомецъ. Не съ шайбой-ли мятежниковъ?

Эрнани. Не знаю.

Донъ-Рюи Гомецъ. Начальникъ ихъ—Эрнани. Полагаю

О немъ ты слышалъ?

Эрнани. Нѣтъ, кто онъ такой, сеньоръ?

Донъ-Рюи Гомецъ. Тѣмъ хуже для тебя, что ты его не знаешь

И сумму круглую изъ рукъ ты выпускаешь.

Вотъ видишь ли, Эрнани съ давнихъ поръ,

Какъ бунтовщикъ, отъ казни укрывался,

Но слухи есть, что онъ теперь попался,

И если ты къ Мадриду держишь путь,

То можешь самъ на казнь его взглянуть.

Эрнани. Я не туда иду.

Донъ-Рюи Гомецъ. А если не поймали

Еще злодѣя этого, — такъ что жъ?

Его поймаютъ скоро...

Эрнани (*тихо*). Ну, едва ли.

Донъ-Рюи Гомецъ. Куда же, добрый странникъ, ты идешь?

Эрнани. Иду я въ Сарагосу.

Донъ-Рюи Гомецъ. По объѣту?

Эрнани. Да, долго странствую по свѣту,

Я въ честь святой мадонны далъ объѣтъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Похвалюю, милый мой. Въ томъ сердца
вовсе нѣтъ,

Кто выполнять объѣты забываетъ.

Но развѣ лишь объѣтъ твой заставляетъ

Предпринимать тебя далекий путь?

Эрнани. Да, только на мадему я хочу взглянуть,

Сіяющую ярко въ полумракѣ

Въ вѣщицѣ изъ золота, въ своей блестящей раѣ.

Взгляну и удаюсь.

Донъ-Рюи Гомецъ. Хвалю тебя, мой братъ.

Но какъ тебя зовутъ? Меня же называютъ

Рюи де-Сильва...

Эрнани. Какъ меня зовутъ?

Донъ-Рюи Гомецъ. Я радъ

О томъ узнать. Тебя не принуждаютъ

Однако говорить объ имени твоёмъ,

Когда имѣешь ты причину для молчанья.

Приюта ты искалъ, ко мнѣ явившись въ домъ?

Эрнани. Да, герцогъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Гостемъ будь! Радущья и вниманья

Въ моемъ ты замкѣ можешь ожидать

И право полное имѣешь умолчать

Объ имени твоёмъ. Ты гость мой — и довольно,

Довольно для того, чтобъ ты обласканъ былъ.

Я бѣса самого впустилъ бы добровольно

Въ свой замокъ, еслибъ бѣсъ убѣжища просилъ...

(Дверь отворяется пастежъ. Входятъ Донна-Соль въ подвѣнчномъ платьѣ. Пажъ, слуги. Двѣ женщины несутъ на бархатной подушкѣ ящикъ изъ чеканеной стали и ставятъ его на столъ. Въ немъ скрывается богатый приборъ: герцогская корона, браслеты, ожерелье, жемчугъ и брилліанты.)

СЦЕНА IV.

ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ, ЭРНАНИ, ДОННА-СОЛЬ.

(Эрнани испуганный устремляетъ взоры на Донну-Соль, не слушая герцога.)

Донъ - Рюи Гомецъ. О, вотъ моя мадонна! Передъ нею

Склонись ты ницъ, и счастье принесетъ

Она тебѣ улыбкою своею.

(Предлагаетъ руку Доннѣ-Соль все еще строгой и блѣдной.)

Пойдемъ, невѣста милая! Впередъ!

Но гдѣ жъ кольцо, вѣнчекъ гдѣ для невѣсты?

Эрнани (*громовымъ голосомъ*). Кто тысячу эку жаждетъ получить?

Эрнани — я...

(Всѣ съ удивленіемъ оборачиваются. Эрнани разрываетъ свою странническую одежду, бросаетъ ее подъ ноги и остается въ костюмѣ горца.)

Донна-Соль (*тихо съ радостью*). Не умеръ ты? Воскресъ ты?..

Эрнани (*слугамъ*). Меня зовутъ Эрнани. (*Герцогу*.) Вы хотѣли

Знать имя странника; я вамъ могу открыть:

Меня зовутъ Эрнани. Вы смотрѣли

На эту голову: она оцѣнена

Такъ дорого, что можетъ вамъ она

Вашъ праздникъ окупить своей цѣною.—(*Слугамъ*.)

И эту голову теперь дарю я вамъ.

Вы въ барышѣ, — распоряжайтесь мною,

Вяжите по рукамъ и по ногамъ,

Хоть я и безъ того такую цѣпью скованъ,

Которую не въ силахъ разорвать.

Донна-Соль (*тихо*). Несчастная!

Донъ-Рюи Гомецъ. Безуменъ, нездоровъ онъ!..

Эрнани. Нѣтъ, я бандитъ и не хочу скрывать...

Донна-Соль. Не слушайте его!..

Эрнани. Я не хочу скрываться...

Донъ-Рюи Гомецъ. Но сумма въ тысячу эку — не вздоръ,

Въ ней есть соблазнъ и вѣрьте мнѣ, сеньоръ,

Что трудно мнѣ за слугъ своихъ ручаться.

Эрнани. Чтожь медлите? Имъ выдайте меня!

Донъ-Рюи Гомецъ. Молчите же!

Эрнани (*слугамъ*). Бандитъ, Эрнани я!

Донна-Соль (*слабымъ голосомъ ему на ухо*). О, замолчи!..

Эрнани (*полуоборачиваясь къ Доннѣ-Соль*).

Здѣсь нынче свадьба... Тоже

На ней хочу я быть. (*Герцогу*.) О, Боже!

И у меня невѣста есть! Она

Хотя не такъ, какъ донна-Соль, прекрасна,

Но вѣроятно столько же вѣрна.

Ей имя—смерть. (*Слугамъ*.) Къ чемужь напрасно

Теряете вы время?..

Донна-Соль (*тихо*).

Пощади!

Эрнани (*слугамъ*). Ждетъ тысяча эку васъ впереди...

Донъ-Рюи Гомецъ. Самъ дьяволъ въ немъ сидитъ...

Эрнани (*молодому слугѣ*). Забывъ свой страхъ, иди!

Взявъ деньги за меня ты вдругъ обогатишься

И въ челоуѣка изъ лакея обратишься... (*Слугамъ*.)

И все-таки дрожа стоите вы!..

Несчастный я! Ихъ страхъ одинъ волнуетъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Кто до твоей коснется головы,

Тотъ головою собственной рискуетъ.

Кто бѣ ни былъ ты — Эрнани — кто другой

Хотя бы за тебя все царство предлагали,

Но въ этомъ замѣѣ гость ты дорогой,

И самъ король осмѣлится едва ли

Тебя отсюда взять... Нѣтъ, я умру скорѣй,

Чѣмъ допущу, чтобъ съ головы твоей

Упалъ хоть волосокъ, пока ты здѣсь со мною.

(*Доннѣ Соль*.)

Ты будешь черезъ часъ моей женою,

Вернись къ себѣ. Людей вооружить

Я прикажу, и затворить

Велю ворота въ замѣѣ... (*Уходитъ*.)

Эрнани.

О, проклятье!

Съ собой ножа не догадался взять я...

(Послѣ ухода герцога, Донна-Соль дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, какъ бы желая слѣдовать за своими женщинами, потомъ останавливается и видитъ, что онѣ вышли—возвращается къ Эрнани съ тоскою на лицѣ.)

СЦЕНА V.

ЭРННИ, ДОННА-СОЛЬ.

(Эрнани холодно осматриваетъ свадебный приборъ, лежащій на столѣ. Потомъ онъ качаетъ головой и глаза его загораются.)

Эрнани. О, поздравляю васъ!—Я словъ не нахожу.

Для выраженія восторга, удивленья,

Когда такія вижу украшенья....

(Разсматривая ящикъ.)

Все драгоценно такъ, на что не погляжу...

Сбираясь въ землю лечь, женихъ не поскупился,

Онъ все сполна вамъ подарить рѣшился:

Вотъ брилліанты, серьги для вѣнца,

Вотъ герцога корона, ожерелье,

Не позабылъ и обручальнаго кольца,—

Готово все для брачнаго веселья....

Донна-Соль (*подходитъ къ ящику и изъ глубины его вынимаетъ кинжалъ*).

Но вы не досмотрѣли до конца.

(Эрнани вскрикиваетъ и бросается къ ея ногамъ.)

Вотъ тотъ кинжалъ, который я успѣла

Изъ королевскихъ выхватить ноженъ,

Когда король мнѣ предлагалъ свой тронъ.

Ему для васъ я отказала смѣло

И—слышу оскорбленія отъ васъ...

Эрнани (*на коленяхъ*). Прости меня! Съ твоихъ прекрасныхъ
глазъ

Позволь стереть мнѣ слезы дорогія...

За нихъ я кровь свою готовъ отдать...

Донна-Соль. Кто любитъ, тотъ умѣетъ и прощать.

Я васъ люблю, Эрнани, и другія
Мнѣ чувства не знакомы...

Эрнани.

Серафимъ!

О, я любимъ, простила все она мнѣ!..
О, если бѣ шелъ я по пятамъ твоимъ,
Я сталь бы цѣловать съ восторгомъ даже камни,
Къ которымъ прикасаться ты могла!..

Донна-Соль. Онъ думаетъ, что въ сердцѣ умерла
Моя любовь, что это такъ возможно,
Что въ жертву чувству новому безбожно
Я собственное сердце отдала,
Которое лишь для Эрнани бьется!..

Эрнани. Я богохульствовалъ!.. Ужели не проснется
Въ тебѣ негодование наконецъ?
Гони меня! Я—бѣшенный глупецъ,
Который раны страшныя наноситъ
И вновь ласкается и вновь прощенья просить.

Донна-Соль. Вы болѣе не любите меня!..

Эрнани. Люблю тебя—любовь свою кляня,
Люблю тебя—прекрасное созданье,
Люблю тебя и все-таки—бѣгу...
О, не вини меня!

Донна-Соль. Винить васъ—не могу,
Но умереть могу...

Эрнани. Что за желанье?

О, Боже! За меня ты можешь умереть?

Донна-Соль. Такъ за кого жъ еще!.. (*Плача падаетъ въ кресло.*)

Эрнани. Вновь долженъ я смотрѣть,

Какъ плачешь по моей винѣ ты снова!

О, кто жъ меня накажетъ, наконецъ?..

Вѣдь ты опять простить меня готова...

Но какъ страдаю я при видѣ этихъ слезъ...

Какъ я люблю тебя! Зачѣмъ мнѣ не пришлось

Владѣть всѣмъ міромъ, цѣлою вселенной,

Чтобъ ихъ отдать тебѣ, моей безцѣнной!..

Не плачь, прошу тебя! Жить не пришлось вдвоемъ,
 Любить я не умѣлъ, такъ лучше мы умремъ.

Донна-Соль (*бросаясь ему на шею*).

Ахъ, какъ люблю я васъ!

Эрнани. Когда бы убивала

Любовь въ одно мгновение, тогда

Она бы благомъ выспимъ въ мирѣ стала.

Донна-Соль. Эрнани! Я твоя, твоя я навсегда!..

(Эрнани склоняетъ голову къ ея плечу.)

Эрнани. Какъ сладокъ былъ бы мнѣ ударъ кинжала,

Направленный теперь твоей рукой.

Донна-Соль (*умоляющимъ голосомъ*).

Какъ не боитесь мысли вы такой,

Какъ неба не страшитесь вы невольно?..

Эрнани. Такъ пусть же небо въ этотъ часъ

Соединитъ обоихъ насъ...

Пусть будетъ такъ! Боролся я довольно.

(Держа другъ друга въ объятіяхъ, они съ восторгомъ смотрятъ одинъ на другого, ничего не видя и не слыша. Входятъ Донъ-Рюи Гомецъ и пораженный останавливается на порогѣ.)

СЦЕНА VI.

ЭРНАНИ, ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ, ДОННА-СОЛЬ.

Донъ-Рюи Гомецъ (*скрестивъ на груди руки*).

Такъ вотъ чѣмъ платятъ гости за привѣтъ!

(Оба оборачиваются, точно пробужденные отъ сна.)

Хозяинъ бѣгаетъ, забывъ про тяжесть лѣтъ,

Осматриваетъ замокъ, слугъ сзываетъ,

Чтобъ гостя защитить, мечъ старый поднимаетъ,

Спасти желаетъ странника отъ бѣдъ,

И вотъ какая ждетъ его награда!..

Я шесть десятковъ лѣтъ на свѣтѣ жилъ,

Я зналъ людей, достойныхъ муки ада,

Но развращенности такой не находилъ

Еще нигдѣ... На собственномъ порогѣ
Остолбенѣть могу я... Новый вѣкъ
Мнѣ незнакомъ... Иль ужъ теперь не строги
Къ измѣнѣ стали всѣ? Кто этотъ человекъ?

(Поднимаетъ голову и обводитъ глазами фамильные портреты своихъ предковъ.)

Вы, предки гордые, такъ строго-величавы!
Вы, Сильвы всѣ,—простите старика вы,
Что въ гнѣвѣ оны забылъ и оскорбилъ
Гостепріимства долгъ!... Во мнѣ нѣтъ силъ
Себя сдержать... Я буду мстить ужасно.

Эрнани. Рюи Гомецъ де-Сильва! Было бы напрасно
Искать ума, искать такой души,
Какъ у тебя. Чело твое прекрасно,
Движенья сердца честны, хороши,
И я, стоящій здѣсь передъ тобою,
Я, несчастливецъ, проклятый судьбою,
Я прямо сознаюсь въ своей винѣ.
Да, у тебя отнять хотѣлось мнѣ
Невѣсту; да,—пусть будетъ все извѣстно,
Что ложе брачное хотѣлъ я осквернить,
И сознаю, что поступалъ безчестно...
Во мнѣ есть кровь, ты эту кровь пролей,
Вынь шпагу и рази меня скорѣй.

Донна Соль. Нѣтъ, я одна виновна... Поразите
Меня одну...

Эрнани. Сеньора, погодите!
Послѣдній часъ мой пробилъ: въ этотъ часъ
Я говорить одинъ имѣю право.
О, герцогъ! вѣрьте мнѣ, я закливаю васъ —
Я—виноватъ во всемъ, она—чиста и права.

Донна Соль. Нѣтъ, виновата только я одна...
Во всемъ, во всемъ одна моя вина...
Его люблю я...

(При этихъ словахъ Донъ-Рюи-Гомецъ вздрагиваетъ и бросаетъ на донну-Соль страшный взглядъ.)

Донна-Соль (*на колѣняхъ*). Да, люблю его!..

Донъ-Рюи Годецъ. А! любишь?!..

(Указывая на Эрнани.)

Такъ трепещи теперь!.. Его ты этижъ губишь!..

(На дворѣ слышны звуки трубъ. Входитъ пажъ.)

Донъ-Рюи Годецъ (*пажу*). Что тамъ за шумъ?

Пажъ. За замкомъ, у воротъ,

Съ отрядомъ изъ стрѣлковъ король самъ появился...

Герольдъ его трубитъ...

Донна-Соль. Король! Онъ гибель принесетъ!..

Пажъ. Его величество ужасно удивился,

Что заперты ворота въ этотъ часъ

И отворить ихъ требуетъ...

Донъ-Рюи Годецъ. Бѣгите,

Встрѣчайте короля...

(Пажъ кланяется и уходитъ.)

Донна-Соль. Ахъ, онъ на этотъ разъ

Погибъ!..

(Донъ-Рюи Годецъ идетъ къ одному изъ крайнихъ съ лѣвой стороны портретовъ, представляющему его самого. Онъ нажимаетъ пружину, портретъ отворяется, какъ дверь, открывая въ стѣнѣ устроенный тайникъ.)

Донъ-Рюи Годецъ. Сюда, сенъоръ, войдите!..

Эрнани. Вамъ голова моя принадлежить

И эту голову вы, герцогъ, не падите.

Я плѣнникъ вашъ...

(Входитъ въ потайную дверь. Донъ-Рюи Годецъ нажимаетъ пружину, дверь затворяется и портретъ возвращается на прежнее мѣсто.)

Донна-Соль (*Герцогу*).

О, сжальтесь, герцогъ! Пусть онъ убѣжить...

Пажъ (*входя*). Его величество король.

(Донна-Соль быстро опускаетъ вуаль. Дверь отворяется настежь. Входитъ ДОНЪ-КАРЛОСЪ въ военномъ костюмѣ, сопровождаемый вооруженной свитой съ бердышами и пищадами. Соль тихо приближается, держа лѣвую руку на эфесъ шпаги, пряча правую на груди и гнѣвно, недовѣрчиво смотря на герцога. Герцогъ идетъ на встрѣчу королю и низко кланяется. Кругомъ тишина; на всѣхъ лицахъ ожиданіе и страхъ. Король, подойдя къ герцогу, быстро поднимаетъ голову.)

СЦЕНА VII.

ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ, ДОННА-СОЛЬ (подъ вуалью), ДОНЪ-КАРЛОСЪ,
Свита.

Донъ-Карлосъ. Клянусь святыми,
Я, герцогъ, удивляюсь, находя
Ворота въ этомъ замкѣ запертыми.
По старости твоей судя,
Казалось мнѣ, что ржавчиной покрылся
Твой боевой клинокъ, и я не ожидалъ,
Чтобъ ты со шпагою встрѣчать меня рѣшился.

(Донъ-Рюи Гомецъ хочетъ говорить, донъ Карлосъ продолжаетъ, дѣлая повелительный жестъ.)

Роль юноши не встати ты избралъ...
Иль мы въ чалмахъ? Иль ты во мнѣ встрѣчаешь
Не Карлоса, а Боабдила? А!
Ты дерзко предо мной рѣшетку опускаешь,
Мосьть поднимать велишь? И голова
Твоя въ сѣдинахъ!..

Донъ-Рюи Гомецъ (*кланяясь*). Государь!

Донъ-Карлосъ (*Свита*). Ключи берите,

Всѣ выходы и входы вы займите.

(Двое придворныхъ уходятъ, другіе ставятъ въ залѣ солдатъ въ три ряда.)

Донъ-Карлосъ (*оборачиваясь къ герцогу*).

А, вы за мятежи взялись опять!
Вамъ снова захотѣлось бунтовать!
А, господа, вамъ захотѣлось ссоры!
Такъ я съ оружіемъ въ рукахъ
Пойду на васъ и разобью въ горахъ
Бунтовщиковъ предательскія норы!

Донъ-Рюи Гомецъ (*выпрямляясь*).

Родъ Сильвы, государь, предательства не знаетъ,
И королевскую корону охраняетъ.

Донъ-Карлосъ (*съ гнѣвомъ*).

Мнѣ, герцогъ, отвѣчай безъ колебанья,
Иль замокъ твой скрыть я велю до основанья:
Въ горахъ притонъ мятежниковъ разбить,
Но живъ еще начальникъ ихъ, бандитъ.
Гдѣ онъ теперь? Эрнани гдѣ? Ты знаешь,
Ты въ замкѣ собственномъ бездѣльника скрываешь.

Донъ-Рюи Гомецъ. Вы правы, государь.

Донъ-Карлосъ. Прекрасно! И я жду

Иль головы твоей или головы бандита...

Донъ-Рюи Гомецъ. Я ждать васъ не заставлю, государь...

(Донна-Соль закрываетъ лицо руками и падаетъ въ кресла.)

Донъ-Карлосъ (*смячаясь*). Бѣду

Ты, кажется, исправить хочешь и открыто

Укажешь намъ на бѣглеца. Иди

И плѣнника преступнаго введи.

(Герцогъ скрещиваетъ на груди руки, опускаетъ голову и задумывается. Король и донна-Соль въ молчаніи наблюдаютъ за нимъ, волнуемые противоположными чувствами; наконецъ герцогъ поднимаетъ голову, беретъ короля за руку и подводитъ его къ тому портрету, которымъ начинается портретная галерея съ правой стороны отъ зрителей.)

Донъ-Рюи Гомецъ (*указывая на портретъ*).

Послушайте! Вотъ Сильва, старшій въ родѣ;

Три раза римскимъ консуломъ онъ былъ

И имя славное оставилъ онъ въ народѣ.

(Донъ-Карлосъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе.)

Послушайте! Вотъ предокъ мой. Носилъ

Гигантское такое онъ вооруженье,

Которое не въ силахъ мы поднять...

Онъ тридцать разъ участвовалъ въ сраженъ,

Для короля умѣлъ завоевать

Матриль, Суецъ, Нижаръ и Антекверу,

И умеръ въ бѣдности... Поклонъ

Ему отдайте, государь...

(Донъ-Рюи Гомецъ, наклоняя голову, снимаетъ шляпу и переходитъ къ другому портрету. Король слушаетъ съ возрастающимъ гнѣвомъ и нетерпѣніемъ.)

Его примѣру

И сынъ послѣдовалъ. Жуаномъ звался онъ,
И львиной честностью и благородствомъ правилъ
Онъ внуковъ уважать себя заставилъ...
Вотъ донъ-Гаспаръ, вотъ честный нашъ Васкецъ:

Они умѣли оба

Всѣ клятвы исполнять до самой двери гроба...

(Король дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе.)

Пропустимъ ихъ и многихъ... Наконецъ

Вотъ мой святой, великій мой отецъ...

Донъ-Карлосъ (*онъ себя*). Гдѣ плѣнникъ мой?..

Донъ-Рюи Гомецъ. Отецъ мой, предки эти

Ничѣмъ дурнымъ не запятнали въ свѣтъ

Своихъ именъ...

Донъ-Карлосъ (*топая ногою*).

Гдѣ плѣнникъ мой? Иль нѣтъ

Повиновенья въ васъ?..

Донъ-Рюи Гомецъ (*клянясь королю, беретъ его за руку и подводитъ къ послѣднему портрету, за которыми спрятавъ Эрнани. Донна-Соль съ безпокойствомъ слѣдитъ за ними*).

Но вотъ и мой портретъ!

Благодарю, король донъ-Карлосъ! Вы хотите,

Чтобъ каждый, на портретъ мой показавъ,

Воскликнулъ: „Посмотрите!

Вотъ этотъ герцогъ, грандъ и старый графъ

Въ своей фамиліи предателемъ явился

И гостя голову предать другимъ рѣшился.

(Озадаченный король съ гнѣвомъ отступаетъ и нѣсколько минутъ стоитъ въ молчаніи съ дрожащими губами и сверкающимъ взглядомъ.)

Донъ-Карлосъ. Твой замокъ прикажу я съ мѣста срыть.

Донъ-Рюи Гомецъ. Чтобъ за него мнѣ послѣ заплатить,

Не такъ ли, государь?

Донъ-Карлосъ. Я не оставлю

На камнѣ камня здѣсь, я коноплей

Засѣять мѣсто самое заставлю,
Гдѣ возвышается старинный замокъ твой.

Донъ-Рюи Гомецъ. Пусть лучше замокъ прахомъ разлетится
И ихомъ и коноплею обростеть,
Чѣмъ древній, благородный Сильвы родъ
Предательствомъ постыднымъ осквернится.

(Къ портретамъ.)

Не правда ли?

Донъ-Карлосъ. Но ты мнѣ обѣцать
Бандита голову?

Донъ-Рюи Гомецъ. Я предлагалъ
Одну изъ двухъ (*Обнажая голову.*)

И отдаю вамъ эту.

Донъ-Карлосъ. Терпѣнью моему пришелъ конецъ...
Отдай Эрнани мнѣ! Гдѣ спрятался бѣглецъ?

Донъ-Рюи Гомецъ. Отвѣтилъ я, и моему отвѣту
Прошу васъ вѣрить, государь...

Донъ-Карлосъ (*своей свитѣ*). Вверхъ дномъ
Переверните башни всѣ, весь домъ,
Чтобъ ни одинъ подвалъ...

Донъ-Рюи Гомецъ. Мой замокъ также вѣренъ,
Какъ самъ я, государь, и я увѣренъ,
Что мы гостей умѣемъ охранять...

Донъ-Карлосъ. Но я король...

Донъ-Рюи Гомецъ. По камню разобрать
Наслѣдственный мой замокъ прикажите,
Его послѣдняго владѣльца умертвите,
Иначе плѣнника вамъ здѣсь не отыскать.

Донъ-Карлосъ. Отдай бандита мнѣ безъ прекословья,
Иначе, герцогъ, знай мои условия:

Тебя, какъ замокъ твой, сотру съ лица земли.

Донъ-Рюи Гомецъ. Вы слышать мой отвѣтъ уже могли:
Готовъ отдать и жизнь свою, и кровь я....

Донъ-Карлосъ. Такъ хорошо же! Въмѣсто головы

Одной—я двѣ возьму. (*Герцогу д'Алкала.*)

А вы

Сейчасъ же арестуйте герцога... Ну, что же?

Донна-Соль (*срывая съ себя вуаль, бросается между коро-
лемъ, герцогомъ и стражей*).

Донъ-Карлосъ! Вы дурной, дурной король!..

Донъ-Карлосъ (*оборачиваясь съ крикомъ удивленія*).

Кого я вижу? Васъ-ли, донна-Соль?

Донна-Соль. На короля вы, Карлосъ, не похожи.

Нѣтъ, не испанца сердце бьется въ васъ.

Донъ-Карлосъ (*взволнованный*).

Ко мнѣ несправедливы вы, сеньора!

(*Подходить къ Доннѣ-Соль и тихо говоритъ ей.*)

Не вы-ли виноваты, что такъ скоро

Отъ гнѣва кровь въ груди моей зажглась?

Близъ васъ становишься невольню

Чудовищемъ иль ангеломъ святымъ...

Кому презрѣнье чувствовать не больно?

Кто вынесетъ его, не ставши мрачно-злымъ?

Я могъ великимъ быть, когда бъ вы пожелали,

Кастильскимъ львомъ могъ быть я, но узналъ

Вашъ гнѣвъ, и я кастильскимъ тигромъ сталъ:

Его рычаніе теперь вы услышали.

Молчите!...

(*Донна-Соль бросаетъ на него повелительный взглядъ. Король кланяется и обращается къ герцогу.*)

Я тебѣ рѣшаюсь уступить.

Упорствуя въ своемъ молчаньи, можетъ быть,

Ты справедливъ и даже, можетъ статься,

Должно упорство это называться

Законнымъ даже.... Я тебя хвалю:

Будь гостю вѣренъ и невѣренъ королю.

Довольно, герцогъ! я тебя прощаю,

Я милостивъ, что доказать желаю,

И лишь съ собой беру теперь въ залогъ

Твою племянницу.

Донъ-Рюи Гомецъ (*съ горечью*). И только?
 Донна-Соль (*смущенная*). О, мой Богъ.

Меня?

Донъ-Карлосъ. Да, васъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. И только? Какъ великодушна
 Такая милость: голову щадить
 И сердце разрывать мнѣ равнодушно!
 За милость эту васъ благодарить
 Я долженъ...

Донъ-Карлосъ. Выбирай: невѣсту или бандита
 Съ собою я беру...

Донъ-Рюи Гомецъ. Такъ выбирать отерято
 Лишь только въ правѣ вы...

(Король подходитъ къ Доннѣ-Соль; она бросается подъ защиту Донъ-Рюи Гомецъ.)

Донна-Соль. Спасти меня, сеньоръ,
 Я умоляю васъ!..

(Вдругъ останавливается и говорить тихо.)

Несчастливая! я знаю,
 Что ожидаетъ смертный приговоръ
 Или дядю, или Эрнани... Я желаю
 Одна погибнуть лучше... (*Королю.*) Я иду,
 Я слѣдую за вами...

Донъ-Карлосъ (*тихо*). Мысль прекрасна!
 Красавицѣ теперь капризничать опасно!
 Идея славная и я успѣха жду.

(Донна-Соль подходитъ къ ящику, открываетъ его и вынуть оттуда кинжалъ, прячетъ его на груди. Донъ-Карлосъ идетъ къ ней и предлагаетъ руку.)

Донъ-Карлосъ. Что взяли вы съ собой?

Донна-Соль. Я? Камень драгоценный.

Донъ-Карлосъ (*улыбаясь*). Могу взглянуть?

Донна Соль. Увидите потомъ.

(Она подаетъ руку королю и хочетъ идти съ нимъ. Донъ-Рюи Гомецъ, погруженный въ глубокую печаль, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ.)

Донъ-Рюи Гомецъ. Земля и небеса! О, Боже всей вселенной!..
 О, помогите мнѣ!.. Одна жестокость въ немъ...

Вы, стѣны руштесь, падайте кругомъ!..

(Подбѣгая къ королю.)

Отдайте мнѣ дитя мое, отдайте!

Вся жизнь моя, все счастье въ ней одной!

Донъ-Карлосъ (*выпуская руку донны-Соль*).

Верите, но... бандита не скрываете...

(Герцогъ въ сильномъ волненіи опускаетъ голову, потомъ выпрямляясь поднимаетъ руки къ портретамъ.)

Донъ-Рюи Гомецъ. О, предки! Вы хоть сжальтесь надо мной!

(Онъ дѣлаетъ шагъ къ потайному мѣсту. Донна-Соль слѣдитъ за нимъ. Онъ опять оборачивается къ портретамъ.)

О, не смотрите такъ! О, не смотрите!

Вашъ взглядъ меня казнить...

(Вновь медленно приближается къ своему портрету и обращается къ королю.)

Вы этого хотите?

Донъ-Карлосъ. Да. (*Герцогъ, весь дрожа, протягиваетъ руку къ пружинѣ*.)

Донна-Соль. Боже!

Донъ-Рюи Гомецъ (*падая къ ногамъ короля*).

Нѣтъ! Мою вы жизнь возьмите!

Донъ-Карлосъ. Но мнѣ твоя племянница нужна.

Донъ-Рюи Гомецъ. Такъ пусть же, наконецъ, идетъ съ тобой она,

Но честь я не отдамъ на поруганье...

Донъ-Карлосъ (*подавая руку дрожащей доннѣ Соль*).

Прощай же, герцогъ!

Донъ-Рюи Гомецъ. До свиданья.

(Провожаетъ глазами короля, удаляющагося съ донной-Соль, потомъ беретъ за кинжалъ.)

Самъ Богъ да охранитъ васъ!..

(Возвращается къ авансценѣ въ отчаяніи, задышающійся, съ неподвижнымъ взглядомъ и съ сложенными на груди руками. Король между тѣмъ выходитъ съ донной-Соль. Его свита слѣдуетъ за нимъ по два въ рядъ, по этикету. Послѣ ихъ ухода Донъ-Рюи Гомецъ поднимаетъ глаза, осматривается кругомъ и видитъ, что онъ одинъ. Затѣмъ онъ подбѣгаетъ къ стѣнѣ, снимаетъ двѣ шпиги, осматриваетъ ихъ и кладетъ на столъ; потомъ идетъ къ портрету и нажимаетъ пружину; дверь отворяется.)

СЦЕНА VIII.

ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ, ЭРНАНИ.

Донъ-Рюи Гомецъ.

Выходи.

(Эрнани выходитъ; Донъ-Рюи Гомецъ показываетъ ему двѣ шпаги, лежащія на столѣ.)

Король ушелъ, опасности не жди.

Вотъ шпаги. Выбирай и кончимъ поскорѣе...

Не медли же... Ну, начинай смѣлѣе...

Эрнани. Я драться не могу съ тобой, старикъ!

Донъ-Рюи Гомецъ. Проклятіе! Иль трусить ты привыкъ?

Иль ты не дворянинъ и гербъ твой не безъ пятенъ?

Но всякій, кто меня рѣшился оскорбить,

Уже на столько дѣлается знатенъ,

Что можетъ и со мной оружіе скрестить.

Эрнани. Старикъ!

Донъ-Рюи Гомецъ. Меня ты долженъ умертвить,

Иль самъ умри...

Эрнани.

Умру я, да. Меня вы

Спасли сейчасъ,—зачѣмъ? не знаю я,

И вамъ принадлежитъ теперь вся жизнь моя:

Отнявши эту жизнь, останетесь вы правы.

Донъ-Рюи Гомецъ. Ты хочешь этого? Такъ наступилъ твой
часть.

Молись!

Эрнани. Тебя, сеньоръ, молю въ послѣдній разъ!

Донъ-Рюи Гомецъ. Ты къ Богу обратись теперь съ мольбою!

Эрнани. Нѣтъ, нѣтъ, я говорить хочу съ тобою!

Старикъ, убей меня чѣмъ хочешь, все равно,

Но пусть предъ смертью будетъ мнѣ дано

Тобою, герцогъ, позволенье

Взглянуть на донну-Соль одно, одно мгновенье!

Донъ-Рюи Гомецъ. Какъ, на нее взглянуть?

Эрнани. О, такъ позволъ

Хоть голосъ мнѣ услышать донны-Соль!

Я буду нѣмъ... О, дай свое согласье!

Потомъ убей меня, я смерть сочту за счастье.

Донъ-Рюи Гомецъ (*указывая на потайную дверь*).

Святители небесные! Иль тутъ,

Въ берлогѣ этой темно такъ и глухо,

Что звуки не доходятъ въ ней до слуха!

Эрнани. Прислушивался я, но то—напрасный трудъ,

Сквозь стѣну до меня слова не долетали.

Донъ-Рюи Гомецъ. На выборъ мнѣ въ то время предлагали

Предать тебя или выдать донну-Соль.

Эрнани. Кто-жъ выдачи потребоваль?

Донъ-Рюи Гомецъ. Король!

Эрнани. Старикъ безумный ты! Ее донъ-Карлосъ любить!..

Донъ-Рюи Гомецъ. Ее?..

Эрнани. Да, да, и онъ ее погубить...

Король — соперникъ нашъ...

Донъ-Рюи Гомецъ. Сюда вассалы! Эй!

Проклятіе! Скорѣе на коней

И—вслѣдъ за похитителемъ...

Эрнани. Къ чему же

Шумъ поднимать? Тебѣ же будетъ хуже...

Послушай, я тебѣ принадлежу,

Пусть ты убьешь меня, но я одно скажу:

Местъ тихая вѣрнѣй доходить къ цѣли.

Позволь же мнѣ твоимъ орудьемъ быть,

Дай долю мнѣ въ прекрасномъ этомъ дѣлѣ,

Какъ милости прошу, позволь мнѣ отомстить.

Я, герцогъ, отомщу, я въ мщеніи опасень, —

Потомъ убей меня...

Донъ-Рюи Гомецъ. Но будешь ли согласенъ

Ты послѣ говорить, что говоришь теперь?

Эрнани. Да, герцогъ, да.

Донъ-Рюи Гомецъ. И ты готовъ повлѣстися?

Эрнани. Клянусь отцомъ моимъ! Ты этой клятвѣ вѣрь.
Донъ-Рюи Гомецъ. Ты смѣло за себя готовъ ручаться,
Какой бы ни прошелъ съ минуты этой срокъ?

Эрнани (*вынимаетъ изъ-за пояса охотничій рогъ и подаетъ его герцогу*).

Всегда я твой. Возьми вотъ рогъ.

Гдѣ-бъ ни былъ ты и что бы ни случилось,

Когда-бъ въ тебѣ желанье ни явилось,

Въ глухую ночь, иль на разсвѣтѣ дня

Меня призвать и умертвить меня,

Въ мой рогъ ты затруби, и я передъ тобою

Явлюсь, какъ листъ передъ травою.

Донъ-Рюи Гомецъ (*протягивая ему руку*).

Дай руку мнѣ! (*Жмутъ руки другъ другу*.)

Донъ-Рюи Гомецъ (*обращаясь къ портретамъ*).

Вы, предки, въ этотъ часъ,

Свидѣтелями будьте между насъ...

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Склепъ, заключающій въ себѣ гробницу Карла Великаго въ Ахенѣ. Большіе полукруглые своды ломбардской архитектуры на толстыхъ и низкихъ столбахъ. Капители, украшенные цвѣтами. Направо гробница Карла Великаго, съ маленькой, бронзовой, низкой и сводчатой дверью. Единственная лампа, прикрѣпленная къ своду, освѣщаетъ надпись на гробницѣ: *Karolo magno*. Кругомъ царствуетъ мракъ; глазъ не проникаетъ въ глубину подземелья и теряется среди арокъ и колоннъ, перекрещивающихся въ темнотѣ.

СЦЕНА I.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ДОНЪ-РИКАРДО (*съ длинными плащамъ*).

Донъ-Рикардо (*съ открытой головой, держа въ рукахъ фонарь*).

Вотъ здѣсь...

Донъ-Карлосъ. . . Здѣсь лига собирается и весь

Кругъ заговорщиковъ перехвачу я здѣсь.
 Съ удобствомъ мѣсто выбрано, однако:
 Всѣ бунты темные исцѣлять привыкли мрака
 И на гробницахъ точать свой винжалъ...
 Здѣсь у убійцъ идетъ игра большая...
 На ставку голову имъ ставить не мѣшая,
 Я посмотрю еще, кто больше проигралъ.
 Ба! Хорошо, что слепы они избрали:
 Здѣсь похороны будутъ безъ хлопотъ.

(Донъ-Рикардо.)

А далеко подземный ходъ идетъ?

Донъ-Рикардо. До укрѣпленій замка.

Донъ-Карлосъ.

Славно, и едва ли

Не далѣе, насколько нужно намъ.

Донъ-Рикардо.

Есть ходъ

Еще другой, и онъ выходитъ въ поле,

Гдѣ альтенгеймскій монастырь теперь стоитъ.

Донъ-Карлосъ. И гдѣ Лотаръ Родольфомъ былъ разбитъ?

Такъ, хорошо. Мнѣ знать не нужно болѣ.

Теперь же, графъ, опять чтобъ не забыть,

Прошу васъ еще разъ мнѣ повторить

Всѣ имена мятежниковъ. Во-первыхъ...

Донъ-Рикардо.

Гота.

Донъ-Карлосъ. Я знаю, у него ужъ есть охота

На тронъ имперскій нѣмца посадить.

Ну!

Донъ-Рикардо. Гогенбургъ.

Донъ-Карлосъ.

Готовъ онъ раздѣлить

Скорѣе адъ съ Францискомъ, чѣмъ со мною

Небесный рай.

Донъ-Рикардо. Донъ-Жиль Теллецъ Жиронъ.

Донъ-Карлосъ. Вотъ негодяй! Клянусь я сатаной,

Я не пойму, какъ смѣлъ явиться онъ

Бунтовщикомъ!..

Донъ-Рикардо. Онъ мститъ, какъ говорятъ, за то вамъ,
Что у своей жены однажды васъ засталъ.

Донъ-Карлосъ. И сталъ вдругъ заговорщикомъ суровымъ?
Кто есть еще?

Донъ-Рикардо. Епископъ есть, Васкецъ.

Донъ-Карлосъ. Не за жену ли мститъ онъ тоже, наконецъ?

Донъ-Рикардо. Считайте также Гупмана де-Лара:

Онъ цѣпью съ вашимъ орденомъ плѣненъ.

Донъ-Карлосъ. О, если цѣпи просить онъ, какъ дара,

То цѣпи ужъ давно заслуживаетъ онъ.

Донъ-Рикардо. Припомните и Лютцельбурга...

Донъ-Карлосъ. Право,

Себя онъ цѣлой головою переросъ:

Чтобъ головой и поплатиться не пришлось.

Донъ-Рикардо. Жуанъ Гаро, рѣшившій величаво,

Что долженъ онъ Асторгу получить.

Донъ-Карлосъ. Изъ-за такихъ Гаро не рѣдко, можетъ быть,

Палачъ двойную плату получаетъ.

Донъ-Рикардо. Я всѣхъ пересчиталъ.

Донъ-Карлосъ. Нѣтъ, графъ позабываетъ

Что головы не всѣ: ихъ только семь у васъ,

Межъ тѣмъ ихъ болѣе...

Донъ-Рикардо. О, я на этотъ разъ

Двухъ-трехъ подкупленныхъ бандитовъ пропускаю.

Донъ-Карлосъ. Которые на все пойдутъ, я это знаю,

И золото ихъ также всѣхъ манить,

Какъ въ сѣверному полюсу — магнить.

Донъ-Рикардо. Между бандитами замѣтилъ я двухъ новыхъ

Товарищей отчаянныхъ, суровыхъ.

Одинъ изъ нихъ старикъ уже сѣдой,

Другой, напротивъ, очень молодой.

Донъ-Карлосъ. Ихъ имя? (*Донъ-Рикардо пожимаетъ плечами.*)

Возрасть ихъ?

Донъ-Рикардо.

Который помоложе

Лѣтъ двадцати, — а тотъ, который сѣдъ,
Мнѣ важется, шестидесяти лѣтъ.

Донъ-Карлосъ. Тѣмъ поступлю съ обоими я строже
И юношу и старика отдамъ
Для назиданія народа палачамъ...
Но... императоромъ я буду ли?

Донъ-Рикардо. Рѣшится

Въ собраньи избирательномъ вопросъ...

Донъ-Карлосъ. Кто знаетъ, что случится.

Быть можетъ, у Франциска перваго нашлось
Сторонниковъ не мало, а, быть можетъ,
Тронъ Фридриху саксонскому предлагать.
Да, Лютеръ правъ — бѣды со всѣхъ сторонъ.
Черезъ подкупъ достается царскій тронъ
И избиратели на золото такъ падеи...
Кто жъ побѣдитъ? на это нѣтъ еще разгадки.
Дуракъ пфальцграфъ! Саксонецъ еретикъ!
Развратный примасъ Трирскій!.. Онъ привыкъ
Распутничать... Куда не взглянешь строго
Тотъ очень старъ, тотъ юнъ, да идиотъ...

Коронъ, повидимому, много,

А въ головахъ огромный недочетъ.

Всѣхъ этихъ карликовъ, ничтожныхъ по натурѣ,
Какъ Геркулесъ въ своей звѣриной шкурѣ,
Я могъ бы унести... Но мнѣ недостаетъ
Трехъ голосовъ, Рикардо. Я согласенъ
За нихъ три города по выбору отдать,
Чтобъ послѣ, разумѣется, отнять,
Когда мой путь ужъ будетъ безопасенъ.
Три города — прошу тебя понять —
Толедо, Гентъ и Саламанку тоже
Я за три голоса сейчасъ же подарю...

(Рикардо низко кланяется королю и надѣваетъ шляпу.)

Но шляпу вы надѣли для чего же?

Донъ-Рикардо. Мнѣ ты свазали вы. Благодарю

Васъ, государь. (*Снова кланяясь.*)

Теперь я грандъ испанскій.

Донъ-Карлосъ (*тихо*). Какъ жалокъ честолюбецъ этотъ мнѣ!

Продастъ онъ, кажется, и душу сатанѣ

За титулъ и за гербъ дворянскій.

О суета... О суета суетъ!

Великъ лишь Богъ, да императоръ въ свѣтѣ,

А герцоги, а короли всѣ эти —

Что въ нихъ? и ими ли гордиться можетъ свѣтъ?

Донъ-Рикардо. Надѣюсь я, васъ избересть собранье.

Донъ-Карлосъ (*тихо*). О, сколько неудачъ успѣлъ я испытать!..

Ужель не сбудется теперь мое желанье

И королеми останусь я опять?..

Донъ-Рикардо (*тихо*). Нѣтъ, конечно! Не стану сомнѣваться:

Онъ будетъ императоромъ или нѣтъ,

Но грандомъ все-таки я буду называться.

Донъ-Карлосъ (*громко*). Какимъ сигналомъ будетъ возвѣщаться

Собранія рѣшительный отвѣтъ —

Кто избранъ императоромъ?

Донъ-Рикардо. Пальбою

Избранье будетъ всѣмъ возвѣщено.

Порядокъ же понятенъ самъ собою:

Единымъ залпомъ будетъ рѣшено

Избранье герцога саксонскаго; избранье

Франциска перваго — двумя,

А вашего величества — тремя.

Донъ-Карлосъ. А эта донна-Соль! О, что за наказанье!

Меня все нынче стало раздражать...

Графъ, долженъ будешь ты за ней бѣжать,

Когда сигналъ пріятный мнѣ раздастся:

Предъ кесаремъ не будетъ, можетъ статься,

Она сурова такъ...

Донъ-Рикардо (*улыбаясь*). Могу одно сказать:

Вы милостивы слишкомъ...

Донъ-Карлосъ.

Помолчать

Объ этомъ вамъ, Рикардо, не мѣшаетъ.

— Скажите мнѣ, когда жъ народъ узнаеть —

Кто избранъ кесаремъ?

Донъ-Рикардо. Не позже, какъ чрезъ часъ.

Донъ-Карлосъ. Три голоса, три голоса мнѣ надо!

Но мы должны пока на первый разъ

Разсѣять заговорщиковъ, какъ стадо,

Ихъ раздавить, и будемъ вѣсти ждать

Кому имперія достанется... Иди же!

Мы къ роковой развязкѣ стали ближе...

Но отъ гробницы ключъ ты долженъ мнѣ отдать...

Донъ-Рикардо (*подавая королю ключъ*).

Прошу васъ, государь, не забывать,

Что мнѣ графъ Лимбургъ ключъ доставилъ тайно,

Что дѣлу вашему онъ преданъ чрезвычайно.

Донъ-Карлосъ (*дѣлая ему знакъ, чтобъ онъ ушелъ*).

Ступай, распорядись.

Донъ-Рикардо (*кланаясь*). Исполню все.

Донъ-Карлосъ. И такъ,

Три выстрѣла — для насъ условный знакъ!

(Донъ-Рикардо кланяется и уходитъ.)

(Донъ-Карлосъ, оставшись одинъ, глубоко задумывается, складываетъ руки на груди и опускаетъ голову, потомъ поднимаетъ ее и обращается къ гробницѣ.)

СЦЕНА II.

Донъ-Карлосъ. Прости, великій Карль! Съ благоговѣньемъ

Должны людскія рѣчи здѣсь смолкать;

Желанья честолюбцевъ, съ ихъ стремленьемъ,

Твою гробницу могутъ оскорблять!..

Быть императоромъ! Какая скрыта сила

Въ удѣлѣ этомъ! Какъ великъ былъ онъ

Великій Карль! Но вотъ онъ погребенъ

И вотъ его безмолвная могила!

Ужель ничтожно все такъ на землѣ?

Смиряется душа передъ такимъ вопросомъ...

Кавъ! Онъ, который былъ колосою,
 Съ имперскою короною на челѣ,
 Онъ, бывший выше Ганнибала и Аттилы,
 Онъ пожвщается теперь на днѣ могилы.
 О, вы, властители! Какой урокъ для васъ
 Въ могилѣ Кесаря? на вѣки онъ угасъ...
 Имперія! Но въ ней есть обаянье,
 Я близокъ къ ней, и жгучее желанье
 Быть кесаремъ — во мнѣ становится сильнѣй.
 Я буду. имъ!..

О, небо! Въ этомъ мѣрѣ
 Явиться въ императорской порфирѣ,
 Быть выше принцевъ всѣхъ и королей,
 Маркграфовъ, герцоговъ, епископовъ и дожей,
 А тамъ, внизу, у самыхъ ногъ, встрѣчать
 Народный гулъ, на океанъ похожий,
 И голову надъ бездною наклонять,
 Гдѣ черни безпокойная стихія
 Всегда шумить, и гдѣ могучій валъ
 Нерѣдко троны грозные свергалъ

И троны поднималъ другіе...
 На днѣ той бездны бѣшено ревуть
 Приливы и отливы грозной силы;
 На днѣ той бездны нацѣ найдутъ
 Разбитыхъ кораблей безмолвныя могилы.
 И этой бездной нужно управлять,
 Не трепетать надъ пропастью ужасной!..
 Быть императоромъ! О, я несчастный!
 Гдѣ свѣжихъ силъ для этого мнѣ взять?..
 Нѣтъ, человекъ простой, обыкновенный
 Не выдержитъ, принявши санъ священный!..
 О, кто жъ меня захочетъ научить
 Владыкою великимъ, гордымъ быть?
 Ждать отъ кого опоры мнѣ, совѣта?

(Падаетъ на колѣни передъ гробницею.)

Великій Карлъ! Ты можешь сдѣлать это!..
 Изъ глубины своей могилы научи
 Высокой мудрости, въ которой все мнѣ ново,
 Въ грудь слабую мою ты зарони лучи
 Всего прекраснаго, высокаго, святаго;
 На мѣръ по-своему заставь смотрѣть меня,
 Для управленья царствомъ дай умѣнье
 И, тѣнью августѣйшей осѣня,
 Внуши мнѣ къ подданнымъ любовь и снисхожденье...
 О, говори, что долженъ дѣлать я,
 Чтобъ быть тебя достойнымъ въ этомъ свѣтѣ...
 О, говори, хотя бы своды эти
 Могли меня, упавши, раздавить...
 — Но если ты не хочешь говорить,
 Позволь твоимъ челомъ полюбоваться,
 Гдѣ въ состоянїи мѣръ цѣлый отражаться;
 Позволь, съ благоговѣньемъ на губахъ,
 Взглянуть, гигантъ, на твой остывшій прахъ...

(Вкладываетъ ключъ въ замокъ, но отступаетъ.)

Войдемъ! — Но, Боже, если онъ проснется
 И звукъ его рѣчей подъ сводомъ пронесется?

Но если я его найду

Ходящаго чуть слышными шагами
 И выйду отъ него съ сѣдыми волосами?

Но, что бы не случилось, я войду...

(Слышны шаги.)

Идутъ сюда... Но кто жъ еще рѣшился
 Явиться здѣсь въ могильной тишинѣ,
 Тревожа мертвеца?.. Кто онъ?.. Но я забылся:

Мои убійцы врадуются ко мнѣ.

Посмотримъ...

(Онъ отворяетъ дверь гробницы, входитъ и затворяетъ дверь за собою. Съ разныхъ сторонъ показываются люди, осторожно ступающіе, закутанные въ плащи и закрытые шляпами.)

СЦЕНА III.

ЗАГОВОРЩИКИ.

(Они сходятся, протягивают другъ другу руки и обмѣниваются шопотомъ нѣсколькими словами.)

Второй заговорщикъ. Кто идетъ?

Первый заговорщикъ (*съ зажженнымъ факеломъ въ рукѣ*).

Ad augusta.

Второй заговорщикъ. Per augusta.

Первый заговорщикъ. Да охранять святыя

Всѣхъ насъ...

Третій заговорщикъ. И мертвые нѣмые

Послужать намъ въ могилахъ...

Первый заговорщикъ. Ждетъ

Всѣхъ насъ защита Бога...

(*Въ темнотѣ раздаются шаги.*)

Второй заговорщикъ. Кто идетъ?

Голосъ въ темнотѣ. Ad augusta.

Второй заговорщикъ. Per augusta.

(*Входитъ новый заговорщикъ. Слышенъ шумъ шаговъ.*)

Первый заговорщикъ (*третьему*).

Подождите...

Опять шаги.

Третій заговорщикъ. Эй, кто идетъ? Скажите.

Голосъ въ темнотѣ. Ad augusta.

Третій заговорщикъ. Per augusta.

(*Входятъ еще заговорщики и обмѣниваются прежними таинственными знаками.*)

Первый заговорщикъ. Наконецъ,

Мы въ сборѣ всѣ. Ну, говоря же, Гота.

Да будетъ свѣтъ и тьмѣ пришелъ конецъ...

(Заговорщики усаживаются полукругомъ на гробницахъ. Первый заговорщикъ подходит по очереди ко всѣмъ, и каждый зажигаетъ о его факель свою восковую свѣчку. Сдѣлавъ это, первый заговорщикъ садится въ молчаніи на гробницу, находящуюся въ центрѣ полукруга и стоящую выше другихъ.)

Герцогъ Гота (*вставая*).

Друзья! У короля теперь одна забота —
Быть императоромъ германскимъ. Онъ забылъ,
Что иностранецъ онъ по матери...

Первый заговорщикъ. О, Боже!

Донъ-Карлосъ смерть, а не корону заслужилъ...

Герцогъ Гота (*бросая свой факелъ на землю и растоптавъ
его ногою*).

Пусть съ головой его случится тоже,
Что съ этимъ факеломъ...

Всѣ. Да будетъ такъ!..

Первый заговорщикъ. Смерть королю!

Герцогъ Гота. Убить его!

Всѣ. Онъ общій врагъ.

Корона для него — опасная приманка.

Донъ-Жуанъ де-Гаро. Отецъ его — германецъ.

Герцогъ Лютцельбургъ. Мать — испанка.

Герцогъ Гота. Испанцемъ быть давно онъ пересталъ,
А нѣмцемъ все-таки не сдѣлался... Повѣрьте,
Онъ долженъ умереть...

Одинъ изъ заговорщиковъ. Но если прежде смерти
По выбору сію минуту сталъ
Онъ императоромъ?

Первый заговорщикъ. Нѣтъ, никогда!

Донъ-Жиль Телецъ-Жиронъ. Сорвите

Съ него корону вмѣстѣ съ головой,
И ихъ въ землѣ, друзья, похороните.
Смерть Карлосу! Онъ страшень лишь живой!..

Первый заговорщикъ. Но если императоромъ онъ будетъ,
Кто на смерть императора осудить?
Монарха жизнь священна намъ, друзья,
И только Богъ одинъ его судья.

Герцогъ Гота. Такъ умереть онъ долженъ до избрания!

Первый заговорщикъ. Его не изберутъ...

Всѣ. Напрасно ожидайте!
 Нѣтъ, нѣтъ, имперіей не будетъ онъ владѣть.
 Первый заговорщикъ. А сколько нужно рукъ имѣть,
 Чтобъ умертвить его?

Всѣ. Одной руки довольно!

Первый заговорщикъ. Ударовъ въ сердце сколько?

Всѣ. Лишь одинъ!

Первый заговорщикъ. Кто жъ нанесетъ ударъ тотъ доброво-
 вольно?

Всѣ. Мы всѣ!...

Первый заговорщикъ. Да будетъ такъ! И нѣтъ причинъ
 Намъ медлить и терять минуты дорогія:
 Пусть заняты теперь другіе
 Избраньемъ императора, — жреца
 Верховнаго займемся мы избраньемъ
 И доведемъ рѣшеніе до конца.
 Пусть жребіи послужатъ указаньемъ,
 Кому судьей придется быть изъ насъ...

(Заговорщики пишутъ свои имена въ записныхъ книжкахъ, отрываютъ
 листки, свертываютъ ихъ и бросаютъ одинъ за другимъ въ урну, находя-
 щуюся на одной изъ гробницъ. Послѣ чего первый заговорщикъ говоритъ:)

Помолимся!..

(Всѣ преклоняютъ колѣни: первый заговорщикъ поднимается.)

Пусть вѣритъ въ милость Бога
 Тотъ, кому жребій выпадетъ сейчасъ...
 Обязанность свою пусть выполнить онъ строго,
 Разить, какъ римлянинъ, и какъ еврей умереть.
 Пусть онъ на пытку весело идетъ,
 Надъ раскаленными угольями смѣется,
 При видѣ страшныхъ мукъ не содрогнется,
 Ну, словомъ, собираясь умереть,
 Безъ трепета на все обязанъ онъ смотрѣть...
 (Вынимаетъ изъ урны одинъ изъ билетиковъ.)

Всѣ. Чье имя въ немъ?

Первый заговорщикъ (*громко*). Эрнани!

Эрнани (*выходя изъ толпы заговорщиковъ*). Улыбнулось

Мнѣ счастье наконецъ. Я выигралъ... Въ груди
 Местъ затаенная и старая проснулась..
 О, ты, желанный мигъ! скорѣе приходи!
 Я буду мстить...

Донъ-Рюи Гомецъ (*отводя Эрнани въ сторону*).

О, уступи мнѣ право
 Удара рокового!..

Эрнани

Никогда.

Я этой мести ждалъ ужъ многіе года:
 Въ ней жизнь моя, награда, счастье, слава...

Донъ-Рюи Гомецъ. Послушай, твердъ не будь ты, какъ времянь.

Ты бѣденъ, я богатъ, и всё свои владѣнья
 Всѣ замки, сотни тысячъ, всё имѣнья
 И наконецъ всё триста деревень—
 Я все отдамъ тебѣ безъ сожалѣнья—
 За роковой ударъ...

Герцогъ Гота Старикъ! ты слишкомъ старъ
 И можеть быть невѣренъ твой ударъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Молчите вы! въ душѣ найдется сила,

Когда безсильна слабая рука...
 Не осуждайте стараго клинка,
 Ножны котораго ужъ ржавчина покрыла.

(*къ Эрнани.*) Ты мнѣ принадлежишь!

Эрнани.

Я—вамъ принадлежу,

А Карлосъ—мнѣ.

Донъ-Рюи Гомецъ (*вынимая изъ за пояса рогъ*).

Такъ вотъ что я скажу:

Бери свой рогъ и будь свободенъ...

Эрнани

Боже!

Ты возвращаешь жизнь мнѣ? для чего же?
 Что въ жизни мнѣ? Нѣтъ, я обязанъ мстить
 За смерть отца и даже, можеть быть...
 За ту, которая мнѣ жизни всей дороже.
 Отдай мнѣ донну-Соль...

Донъ-Рюи Гомецъ. Нѣтъ, никогда! Свой рогъ
Ты можешь взять.

Эрнани. Не нужно мнѣ.

Донъ-Рюи Гомецъ, Дружокъ,
Подумай! Я добра тебѣ желаю...

Эрнани. Оставьте мнѣ мою добычу, умоляю!

Донъ-Рюи Гомецъ. Такъ будь же провлять ты, лишающій меня
Отрады мщенія...

(Снова прячетъ рогъ за поясъ.)

Первый заговорщикъ (Эрнани). Братъ, съ нынѣшняго дня,
Пока не избранъ Карлосъ, не мѣшаетъ
Тебѣ за нимъ слѣдить вездѣ, гдѣ онъ бываетъ.

Эрнани. Не бойтесь за меня! Въ могилу я могу
Кратчайшій путь указывать врагу.

Первый заговорщикъ (кладя руки на голову Эрнани).
Такъ пусть же Богъ тебя для дѣла охраняетъ,
А если ты измѣнишь, да падеть
Измѣна на тебя... (Къ заговорщикамъ.)

Но если онъ умретъ,
Мы, графы и бароны, появляемся,
Что до завѣтной цѣли мы добьемся .
И въ гробъ ударъ нашъ Карлоса сведеть.

Всѣ (выхватывая шпаги). Клянемся!..

Герцогъ Гота (первому заговорщику).

Чѣмъ клянемся, братъ мой?

Донъ-Рюи Гомецъ (беретъ свою шпагу за острие и поднимаетъ ее надъ головою).

Этимъ

Крестомъ! Пусть за измѣну клятвы мы отвѣтимъ!

Всѣ (поднимая шпаги). Смерть Карлосу! Клянемся мы опять!...

(Слышенъ отдаленный пушечный выстрѣлъ. Всѣ останавливаются въ молчаніи. Дверь гробницы отворяется. Донъ-Карлосъ показывается на порогѣ и блѣднѣя прислушивается. Слышенъ второй выстрѣлъ, потомъ третій. Король совсѣмъ отворяетъ дверь, но, не дѣлая шага впередъ, останавливается неподвижно на порогѣ.)

СЦЕНА IV.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ЭРНАНИ, ДОНЪ-РЮИ ГОМЕЦЪ, ЗАГОВОРЩИКИ.

Донъ-Карлосъ. Потихе, господа, нельзя-ли:

Васъ императоръ можетъ услышать.

(Всѣ факелы мгновенно потушаютъ. Наступаетъ глубокое молчаніе. Кругомъ такъ темно, что едва можно рассмотреть заговорщиковъ, оцѣмѣвшихъ отъ ужаса и неподвижно стоящихъ.)

Все тихо.... шракъ... Куда же вы пропали?

Иль думаете вы отъ кары убѣжать?

Такъ поражайте же! Карль Пятый передъ вами!..

Приблизьтесь, если смѣете, къ нему!

Чтобъ освѣтить подъ этия сводомъ тьму

Вы факелы внесли съ кровавыми огнями,

Но я въ единый мигъ ихъ потушилъ...

Взгляните же смущенными глазами:

Какъ быстро факелы сейчасъ я загасилъ,

Такъ быстро и зажечь могу ихъ я...

(Стучитъ бронзовымъ ключомъ о бронзовую дверь гробницы. На этотъ стукъ со всѣхъ концовъ подземелья появляются солдаты съ факелами и бердышами. Впередѣ всѣхъ герцогъ-д'Алькала, графъ-де Коза Пальма и др.)

Слетайтесь

Сворѣ, мои соколы, сюда.

Мы добрались до самого гнѣзда!

У насъ въ рукахъ добыча.... (Заговорщикамъ.)

Наслаждайтесь

Иллюминаціей: весь темный склепъ въ огнѣ...

(Своей свитѣ и солдатамъ.)

Друзья мои, спѣшите всѣ ко мнѣ.

Я ихъ поймалъ на мѣстѣ преступленья.

Эрнани (глядя на свиту).

Тѣмъ лучше!—Въ первое мгновенье,

Одинъ средъ насъ, мнѣ показался онъ

Великимъ: думалъ я, смущеніемъ объятый,

Что Карлъ Великій самъ нарушилъ вѣчный сонъ,
Но передъ нами только лишь Карлъ Пятый.

Донъ-Карлосъ. Констабль Испанія! Не будемъ словъ терять:
Оружіе у нихъ должны вы отобрать.

(Заговорщиковъ окружаютъ и обезоруживаютъ.)

Донъ-Рикардо (*вбѣгая и кланяясь*).

Предъ императоромъ колѣни преклоняю.

Донъ-Карлосъ. Алькадомъ моего дворца я назначаю
Тебя...

Донъ-Рикардо (*кланяясь*). Пришли поздравить васъ
Пфальцграфы, государь, отъ имени собранья.

Донъ-Карлосъ. Я принимаю ихъ, просите. Въ добрый часъ!
(*Тихо къ Рикардо.*)

А донна-Соль!

(Рикардо кланяется и уходитъ. При свѣтѣ факеловъ и звукѣ трубъ входятъ— король богемскій и герцогъ баварскій, въ золотыхъ мантияхъ, съ короной на головѣ. За ними—многочисленная свита нѣмецкихъ вельможъ, несущихъ императорское знамя съ двуглавымъ орломъ и гербомъ Испанія по срединѣ. Солдаты разступаются, становятся въ два ряда, и даютъ дорогу обонимъ побирателямъ, которые подоидя къ императору, низко ему кланяются; онъ отвѣчаетъ на ихъ поклонъ, приподнявъ шляпу.)

СЦЕНА V.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ, ГЕРЦОГЪ БАВАРСКІЙ, КОРОЛЬ БОГЕМСКІЙ, ЭРНАНИ,
ДОНЪ-РЮП ГОМЕЦЪ, ЗАГОВОРЩИКИ.

Герцогъ Баварскій. Привѣтъ и доброе желанье
Всѣхъ благъ вамъ, государь, позвольте передать.
Имперіей вы стали обладать;
Вамъ тронъ принадлежитъ, къ которому стремились
Монархи многіе... Сперва избрать рѣшились
Въ собраньи Фридриха саксонскаго, но онъ
Васъ счелъ достойнѣе и уступилъ вамъ тронъ...
Васъ скипетръ и корона ожидаетъ.
Германская имперія вручаетъ
Мечъ царственный могучему царю
И на землѣ великимъ быть васъ заставляеть.

Донъ-Карлосъ. Я за избранье свое благодарю,
 Что поспѣшу самъ высказать въ собраньи.
 Вы, господа, ступайте. До свиданья!
 Благодарю! За вами тотчасъ вслѣдъ
 Иду я самъ...

(Оба избирателя цѣлуютъ руку императора и уходятъ.)

Толпа. Да здравствуетъ донъ-Карлосъ!..

Донъ-Карлосъ (*тихо*). Нѣтъ
 Препяды болѣе, — препятствій нѣтъ въ поминѣ...
 Германскій императоръ я отнынѣ.

СЦЕНА VI.

Тѣ же, РИКАРДО, ДОННА-СОЛЬ.

Донна-Соль (*сопровождаемая Донъ-Рикардо*).
 Солдаты! Императоръ! Боже мой!.. И онъ,
 Эрнани здѣсь!.. Ужели это сонъ?..
 Эрнани (*тихо*). Здѣсь донна-Соль!..

Донъ-Рюи Гомецъ (*стоя около Эрнани*).
 На старика же

Она, увы! и не взглянула даже...

(Донна-Соль бѣжитъ къ Эрнани, но отступаетъ передъ его недоувѣрчивымъ взглядомъ.)

Эрнани. Синьора...

Донна-Соль (*вынимая кинжалъ, спрятанный на груди*).

Посмотри: его кинжалъ

Еще со мной.

Эрнани (*простирая къ ней руки*). Мой милый другъ!

Донъ-Карлосъ (*заговоришамъ*). Ни слова! —

Я ваше мужество еще не испыталъ,
 Но испытаніе для васъ уже готово...

Вы Гота, Лара, всѣ вы, господа,
 Скажите, для чего вы собрались сюда?
 Что за причина вашего явленья?

Эрнани (*отълая шагъ впередъ*.)

Причину объяснить позвольте мнѣ:

Мы изрѣчене страшное писали

Предъ Вальтазаромъ на стѣнѣ...

(Выхватываетъ кинжалъ и потрясаетъ.)

И воздавали

Мы кесарево кесарю...

Донъ-Карлосъ (*донъ-Рюи Гомецу*). Считаю

Тебя измѣнникомъ я долженъ, Сильва, тоже?

Донъ-Рюи Гомецъ. Кого жъ изъ насъ двоихъ измѣнникомъ
назвать?

Эрнани (*обращаясь къ заговорщикамъ*).

Не многого желалъ онъ—и чего жъ?

Имперіи и нашихъ всѣхъ головъ...

Онъ голубую мантию готовъ

На пурпуръ промѣнять, но кто жъ его осудить?

На пурпурѣ кровь незамѣтна будетъ.

Донъ-Карлосъ (*Рюи Гомецу*).

И ты, Гомецъ, рѣшился измѣнить!

Ты вѣроломствовалъ въ прелонныя ужь лѣта!..

Подумай ты, что слѣдуетъ за это

Тебя герба баронскаго лишить.

Донъ-Рюи Гомецъ. Мой гербъ не королю мнѣ данъ...

Донъ-Карлосъ (*герцогу д'Алькала*). Берите

Лишь тѣхъ, кто титуломъ высокимъ награжденъ—

Всѣхъ графовъ, герцоговъ, а прочихъ...

(Вельможи выходятъ изъ толпы заговорщиковъ, гдѣ остается одинъ Эрнани. Герцогъ д'Алькала окружаетъ ихъ стражей.)

Донна-Соль (*тихо*). Онъ спасетъ!..

Эрнани (*выходя изъ группы заговорщиковъ*).

Примкнуть и я желаю къ свитѣ

Товарищей моихъ... (*Донъ-Карлосу*.)

Идетъ о казни рѣчь,

И если на безвѣстнаго Эрнани

Не поднимается карающій твой мечъ

И мной пренебрегаешь ты заранѣ,

И если только знатнымъ нужно быть,
 Чтобъ смертный приговоръ твой заслужить,—
 Я поднимаю голову...

На троны

Царей возводитъ Бсгъ, онъ и тебѣ даль тронъ,
 И тѣмъ же Богомъ созданъ я, рожденъ
 Я герцогомъ Сегорбіи, Кордоны;
 Я графъ Альбатера, маркизъ-де Монруа,
 Виконтъ-де Горъ; мой древній гербъ безъ пятенъ,
 Гофмейстеръ я, я арагонскій донъ-Жуанъ,
 Мнѣ предками удѣлъ блестящій данъ,
 Богатъ я, какъ немногіе, и знатенъ
 И могъ быть украшеніемъ двора.
 Но мой отецъ, донъ-Карлосъ, обезславленъ
 Твоимъ отцемъ, и былъ имъ обезглавленъ...
 Къ убійству приученъ и мой и весь твой родъ:
 У насъ кинжалъ, у васъ же—эшафотъ;
 Я герцогомъ на этотъ свѣтъ родился,
 Но, изгнанный, въ бандита превратился,
 Не разъ въ горахъ я шпагу обнажалъ
 И лезвее клинка въ потокахъ омывалъ,
 Но сбрасываю маску я бандита... *(Надѣваетъ шляпу.)*
 Надѣнемъ, гранды, шляпы мы открыто.

(Всѣ гранды испанскіе, принадлежащіе къ числу заговорщиковъ, надѣвають шляпы.)

Да, наши головы поверты могутъ быть,
 Когда ты ихъ, король, захочешь отрубить.

(Заговорщикамъ.)

Вы, Гаро, Сильва, Лара, разступитесь

И дайте мѣсто гранду среди васъ...

(Придворнымъ и стражъ.)

Король и палачи! Предъ вами въ этотъ часъ

Маркизъ-де Монруа стоитъ!.. Распорядитесь

О плахѣ для меня...

(Присоединяется къ знатымъ заговорщикамъ.)

Донна - Соль.

О, небо! дай мнѣ силъ.

Донъ - Карлосъ. Совсѣмъ исторію я эту позабылъ...

Эрнани. Тотъ лучше помнить все, кто рану получаетъ!

Въ немъ оскорбленіе не скоро умираетъ

И сердце оскорбленное грызетъ.

Донъ - Карлосъ. И такъ, я сынъ того, кто отдалъ приказанье,

Чтобъ твой отецъ вступилъ на эшафотъ...

Донна - Соль (*на колыняхъ передъ императоромъ*).

Простите, государь! Имѣйте состраданье!

Иль вмѣстѣ насъ убейте, я молю!

Онъ мой возлюбленный, вѣдь я его люблю...

О пожалѣйте насъ, вы, пожалѣйте

И поскорѣ разомъ насъ убейте!..

Я ползаю у вашихъ царскихъ ногъ!

Онъ властелинъ, желанный мой, мой богъ!..

Владѣете вы — царствомъ, я — Эрнани...

Я вся дрожу... все вижу, какъ въ туманѣ...

Простите же!.. Вы человѣкъ, — не звѣрь...

(*Императоръ недвижно на нее смотритъ.*)

Какія мысли мрачныя теперь

Смущаютъ васъ?

Донъ - Карлосъ (*съ глубокимъ вздохомъ*). Довольно! поднимите

Свое чело, маркиза Монруга,

Сегорбіи, Кюрдоны герцогиня,

Альбатера прекрасная графиня... (*Обращаясь къ Эрнани.*)

Скажи твои другія имена!

Эрнани. Что слышу я? Кто говоритъ такъ, кто же?

Король?

Донъ - Карлосъ. Нѣтъ, императоръ!

Донна - Соль (*поднимаясь*). О, мой Боже!

Донъ - Карлосъ (*Эрнани, указывая на Донну - Соль*).

Взгляни же, герцогъ! Вотъ твоя жена.

Эрнани (*поднимая глаза къ небу*). Создатель!

Донъ - Карлосъ (*донъ-Рюи Гоменсу*).

Герцогъ, ты привыкъ гордиться

Своимъ происхожденіемъ всегда,
 Но думаю, что знатный грандъ въ мужа годится
 Для дѣвушки изъ рода Сильва... Да?

Донъ-Рюи Гомецъ (*мрачно*). Рѣчь не о гордости!

Эрнани (*нѣжно смотритъ на Донну-Соль, держа ее въ объ-
 ятіяхъ*). Во мнѣ пропала

Вся ненависть... (*Бросаетъ свой кинжалъ*.)

Донна-Соль (*обнимая Эрнани*). О, герцога мой!

Эрнани. Въ моей груди

Одной любовью только сердце биться стало.

Донъ-Карлосъ (*тихо, положивши руку на грудь*).

Утихни, пламенное сердце!.. погоди!

Пусть царствуетъ лишь умъ, который ты смущало

Своими увлеченьями не разъ...

Отнынѣ пусть лишь увлекаютъ насъ

Германія съ Испаніей...

(*Взглянувъ на свое знамя*.)

Походимъ

Мы, императоры, на нашего орла:

Мы вмѣсто сердца въ немъ находимъ —

Имперскій щитъ!.. Вотъ наша похвала!..

Эрнани. Вы кесарь настоящій!

Донъ-Карлосъ. Донъ-Жуанъ!

Достоинъ ты свой древній родъ прославить

И съ гордостью носить ихъ титулы и санъ...

(*Указывая на донну-Соль*.)

Ты и ея достоинъ, долженъ я прибавить...

— Стань на колѣни, герцога!

(Эрнани преклоняетъ колѣни. Донъ-Карлосъ снимаетъ съ себя орденъ
 Золотаго Руна и надѣваетъ ему на шею.)

Я тебя

Вотъ этой цѣпью награждаю.

(*Вынимаетъ шпагу и ударяетъ ею три раза по плечу*.)

Будь вѣренъ, истину и прямоу любя!

Знай, въ рыцари тебя я посвящаю!..

(Поднимаетъ его и цѣлуетъ.)

Ты цѣпью лучшею судьбою награжденъ,

Которой я, къ несчастію, лишенъ,

И всѣ властители завидуютъ которой.

Та цѣпь — намъ служить лучшею опорой,

Та цѣпь — объятія любимыхъ нами женъ...

Съ твоей женой ты счастливъ будешь всюду,

А я же... Императоромъ я буду. *(Къ заговорщикамъ.)*

Ступайте, господа! Донъ-Карлосъ васъ простилъ,

Именъ я вашихъ болѣе не знаю,

Вашъ гнѣвъ и ненависть — я все теперь забылъ.

Идите же! Я васъ прощаю.

Я міру цѣлому даю теперь урокъ.

Заговорщики *(на колѣняхъ)*. Да здравствуетъ донъ-Карлосъ!

Донъ-Рюи Гомецъ *(донъ-Карлосу)*. Я остался

Одинъ наказаннымъ!

Донъ-Карлосъ.

А я!

Донъ-Рюи Гомецъ *(тихо)*. Нѣтъ, я не могъ

Простить, какъ онъ!.. Ему я удивлялся...

Эрнани. Но я, кланусь, еще не догадался,

Какъ перемѣнилось все? Кто дастъ на то отвѣтъ?

Всѣ. Да здравствуетъ Германія! Привѣтъ

Донъ-Карлосу!..

Донъ-Карлосъ *(обращаясь къ гробницѣ)*.

Мнѣ предъ священнымъ прахомъ

Позволь съ благоговѣньемъ и со страхомъ,

Склониться, Карлъ Великій, предъ тобой!

— Оставьте насъ вдвоемъ!

(Всѣ отходятъ въ глубину склепа.)

СЦЕНА VII.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (одинъ, склонивъ голову передъ гробницею).

Донъ-Карлосъ.

Доволенъ ли ты мной?

Доволенъ ли, что побѣдилъ въ себѣ я

Привычную мнѣ слабость короля? —
 Я былъ одинъ, растерянный, робѣя,
 Я слышалъ, какъ стонала вся земля,
 Какъ цѣлый свѣтъ кипѣлъ и волновался
 И кознями сразить меня сбирался.
 Шумѣла Данія, ждалъ папа денегъ въ Римъ, —
 Тамъ Лютеръ, Солиманъ, тамъ происки Франциска,
 Интриги тайныя, задуманныя низко,
 Убійцы съ гнуснымъ умысломъ своимъ.
 До двадцати народовъ поднималось,
 Чего я могъ надѣяться въ борьбѣ?
 И одного изъ нихъ довольно бы, казалось,
 Чтобъ раздавить меня... И я воззвалъ къ тебѣ:
 „Съ чего начать? Мой путь тяжелъ, не свѣтель.
 О, паучи, съ чего начать мнѣ путь“.
 — „О, сынъ мой!“ ты отвѣтилъ:
 „Начни съ того, что милосердымъ будь“.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Сарагосса.—Терраса Арагонскаго дворца.—Въ глубинѣ перила лѣстницы, спускающейся въ садъ. Направо и налѣво двѣ двери, выходящія на террасу, которую замыкаетъ балюстрада съ возведенными надъ нею въ два ряда мавританскими аркадами. Надъ ними и за ними видны сады дворца, фонтаны, бьющія въ темнотѣ, рощи, съ мелькающими въ нихъ огнями, а за всѣмъ этимъ верхняя часть великолѣпно освѣщеннаго дворца готическо-арабской архитектуры.—Ночь. Слышенъ отдаленный звукъ трубъ. Маски въ домино, отдѣльно и группами, проходятъ по террасѣ въ разныхъ направленихъ. — На авансценѣ нѣсколько молодыхъ вельможъ, съ масками въ рукахъ, стоятъ смѣясь и громко разговариваютъ.

СЦЕНА I.

ДОНЪ-САНХЕЦЪ, ДОНЪ-МАТІАСЪ, ДОНЪ РИГАРДО, ДОНЪ-ФРАНЦИСКО,
 ДОНЪ-ГАРЦІЯ СУАРЕЦЪ.

Донъ-Гарція. Да здравствуетъ веселье, господа,
 И молодая наша пусть всегда
 Да здравствуетъ!..

Донъ-Матіасъ (*смотря въ глубину сада*).

Вся Сарагосса наша

Изъ оконъ смотритъ...

Донъ-Гарціа. Самъ я никогда

Не видѣлъ молодыхъ счастливые и краше,

И свадьбы болѣе веселой не видалъ

Въ такую ночь, при фавелахъ....

Донъ-Матіасъ. Кто зналъ,

Что императоръ добръ такъ!

Донъ-Санхець. Безъ сомнѣнья,

Вы помните, любезнѣйшій маркизь,

Какъ Карлосу въ любовномъ привлеченьи

Мы помогать въ глухую ночь сошлись?

Кто жъ ждалъ тогда такого заключенья?

Донъ-Рикардо (*прерывая его*).

Я съ вами тоже вмѣстѣ былъ тогда. (*къ другимъ*.)

Хотите разскажу вамъ случай, господа?

Три человекъ въ женщину влюбились

И сердце женщины взять приступомъ рѣшились.

Всѣ трое—Карлосъ, герцогъ и бандитъ

На приступъ бросились—и что же?

Кто думать могъ, что побѣдитъ

Разбойникъ? Ну, на что-жъ это похоже?

Донъ-Франциско. У насъ исторія подобная стара,

И намъ не удивительна нисколько:

Любовь и счастье — фальшивая игра,

Гдѣ плуты лишь выигрываютъ только.

Донъ-Рикардо. Играть въ любовь другимъ я помогалъ

И выигралъ въ желаніи упорномъ.

Я времени напрасно не терялъ

И сдѣланъ графомъ, грандомъ и придворнымъ

Алькадомъ. Каково?

Донъ-Санхець. Чтобъ въ выигрышѣ быть,

Простому правилу рѣшились вы служить:

Почаще королю на встрѣчу попадаться.

Донъ-Рикардо. Да, но затѣмъ, чтобъ отличаться
Умнѣею, ловкостью своею и умомъ...

Донъ-Гарціа. Не забывая, впрочемъ, и о томъ,
Чтобъ и разсѣянность его васъ выручала...

Донъ-Матіасъ. А что старикъ Гоменъ? Ему теперь пристало
Гробъ сколотить себѣ...

Донъ-Санхець. Маркизь, оставьте смѣхъ.
Надъ этой гордою душой — смѣяться грѣхъ.
Онъ Донну-Соль любилъ и въ ночь одну согнулся
И побѣлѣлъ, какъ лунь...

Донъ-Гарціа. Я слышалъ, не вернулся
И въ Сарагосу онъ?

Донъ-Санхець. Еще бы! Вѣдь смѣшно-бъ,
Когда бы собственный свой гробъ
Повезъ за молодыми онъ?

Донъ-Франциско. Кто знаетъ,
Что съ императоромъ?

Донъ-Санхець. Сегодня онъ скучаетъ.
Къ тому же, говорятъ,
Его тревожитъ Лютеръ отчего-то...

Донъ-Рикардо. Какъ, Лютеръ! Вотъ еще забота!..
Трехъ сбировъ дайте мнѣ, и бьюсь я объ закладъ,
Что Лютеръ пивнуть болѣе не сможетъ...

Донъ-Матіасъ. Къ тому-жъ и Солиманъ его тревожитъ...

Донъ-Гарціа. Ахъ! Лютеръ, Солиманъ, Юпитеръ, дьяволъ
самъ...

Мнѣ не до нихъ!.. Здѣсь столько милыхъ дамъ,
Волшебный маскарадъ и упоенье бала
И уже глупостей я наболталъ не мало...

Донъ-Санхець. Здѣсь это главное.

Донъ-Рикардо. Донъ-Гарціа вѣдь правъ:
На праздникъ такомъ, среди его забавъ,
Я словно совершенно обновляюсь,
Я, право, ногъ не слышу подъ собой;

Когда же въ эту маску облакаюсь,
То, кажется, хожу съ другою головой...

Донъ-Санхецеъ (*тихо Матиасу*).

При этомъ сожалѣть намъ остается,
Что маскарадъ такой не каждый день дается.

Донъ-Франциско (*показывая на дверь на право*).

Здѣсь комната не молодыхъ ли?

Донъ-Гарція (*живая головой*). Да.

Мы ихъ сейчасъ увидимъ, господа!

Донъ-Франциско. Вы думаете такъ?

Донъ-Гарція. Да, это мнѣ извѣстно.

Донъ-Франциско. Тѣмъ лучше! Молодая такъ прелестна!..

Донъ-Рикардо. Какъ милостивъ нашъ императоръ! Онъ

Вдругъ на мятежника свой орденъ надѣваетъ!

Бандитъ женать, бандитъ прощень!..

Никто тутъ ничего не понимаетъ.

На мѣстѣ Карлоса Эрнани бы я далъ

- Въ темницѣ — каменное ложе

И только... Для нея же

Постель пуховую и пышную избралъ.

Донъ-Санхецеъ (*тихо Донъ-Матиасу*).

Хотѣлось бы теперь вонзить кинжалъ

Мнѣ въ сердце этого мишурнаго вельможи.

Презрѣнный выходецъ! Меня онъ возмутилъ:

По виду — графъ, по сердцу — алгвазиль.

Донъ-Рикардо. Что говорите вы?

Донъ-Матиасъ (*тихо Донъ-Санхецу*).

Послушайтесь совѣта

Не ссорьтесь здѣсь... (*Къ Рикардо*.)

Мнѣ графъ читалъ сейчасъ

Прелестнѣйшій отрывокъ изъ сонета

Петрарки...

Донъ-Гарція. Господа, кто видѣлъ здѣсь изъ васъ

Среди цвѣтовъ и женщинъ въ маскарадъ

Одну изъ масокъ въ черномъ домино,

Склонившуюся мрачно къ балюстрада?
 Кто этотъ человекъ? Какъ темное пятно,
 Являлся онъ на яркомъ фонѣ бала...

Донъ-Рикардо. Да, чортъ возьми!

Донъ-Гарція. Кто жъ онъ?

Донъ-Матіасъ. Въ немъ сходства-есть не мало
 Съ Пранказіо... Его походка, ростъ...

Донъ-Франциско. О, нѣтъ!

Донъ-Гарція. Снималъ онъ маску?

Донъ-Франциско. Простъ

Настолько не былъ онъ... Предполагаю,
 Что въ черномъ домино былъ герцогъ де-Сомъ...

Донъ-Рикардо. Но я съ нимъ говорилъ, васъ увѣряю.

Донъ-Гарція. Кто жъ онъ такой? Не приложу ума...

Но вотъ и онъ! Смотрите!

(Черное домино медленно проходитъ въ глубинѣ террасы. Всѣ оборачиваются и слѣдятъ за нимъ глазами, но незнакомецъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.)

Донъ-Санхець. Что за диво!

Походка жертвеца!

Донъ-Гарція (*черному домино*).

Будь, маска, веселѣй!

Для праздника ты слишкомъ молчалива!

(*Домино оборачивается. Гарція отступаетъ.*)

О, господи, влянусь душой своей,

Въ его глазахъ — огонь...

Донъ-Матіасъ. Ужъ онъ не сатана ли?

Ну, здѣсь ему есть съ кѣмъ потолковать...

(Маска останавливается и пристально на него смотритъ. Матіасъ смущенно отступаетъ.)

Блянусь вамъ, что зрачки его сверкали,

Какъ угли раскаленные...

(Домино продолжаетъ прерванный путь и исчезаетъ на лѣстницѣ; всѣ съ ужасомъ слѣдятъ за нимъ.)

Донъ-Франциско. Встрѣчать

Не очень весело подобное видѣнье!

Донъ-Гарція. Ба! Полноте! Что возбудить во всѣхъ
Невольный страхъ въ другомъ печальномъ мѣстѣ,
То на балахъ лишь вызвать можетъ смѣхъ...

Донъ-Санхець. Не думаетъ ли онъ надъ кѣмъ нибудь изъ
мести

Здѣсь подшутить...

Донъ-Гарція. А если, напримѣръ,
На балъ подъ маскою явился Люциферъ,
Чтобъ посмотрѣть на танцы,—такъ пойдете,
Пока мы не въ аду, и танцовать начнемте...

Донъ-Санхець. Тутъ просто шутовство скрывается одно.

Донъ-Матіасъ. Узнаемъ завтра все.

Донъ-Санхець (*Матіасу*). Куда же онъ дѣвался?

Донъ-Матіасъ. Я видѣлъ, какъ онъ съ лѣстницы спускался.

Донъ-Санхець (*въ раздумь*).

Что за исторія?.. И странно, и смѣшно.

Донъ-Гарція (*проходящей дамѣ*).

Маркиза, танцовать со мной васъ приглашаю.

Дамъ. А я вамъ, милый графъ, напоминаю,
Что мужъ мой танцамъ счетъ ведетъ,
Лишь съ вами танцовать я начинаю.

Донъ-Гарція. Пускай! Маркиза это только развлечетъ

И нѣсколько его разсѣетъ скуку.

Ему не помѣшаемъ мы считать,

А сами будемъ въ залѣ танцовать...

Давайте жъ вашу руку.

(*Дама подаетъ руку и они уходятъ.*)

Донъ-Санхець (*въ раздумь*).

Да, что-то странное должно скрываться тутъ...

Донъ-Матіасъ. Но вотъ и молодые... Тсъ!.. Идутъ!..

(Входитъ Эрнани подъ руку съ доной-Соль. Толпа масокъ, дамъ и мужчинъ. Четыре пажа идутъ впереди; два алебарщика въ блестящихъ ливреяхъ слѣдуютъ за ними. Всѣ становятся по мѣстамъ и кланяются молодымъ при ихъ приближеніи. Слышны звуки трубы.)

СЦЕНА П.

ЭРНАНИ, ДОННА-СОЛЬ, САНХЕЦЪ, МАТІАСЪ, РИКАРДО, ФРАНЦИСКО.

Эрнани (*кланяясь*). Друзья мои!
Донъ-Рикардо (*подходя къ нему съ поклономъ*).

Примите поздравленья

Отъ насъ, любезный графъ...

Донъ-Франциско (*глядя на Донну-Соль*).

О, что за восхищенье!

Онъ подъ руку съ Венерою идетъ...

Донъ-Санхецъ (*Эрнани*).

Графъ, будьте счастливы и весело живите...

(*Вельможамъ.*)

Пойдите, господа! Пора, ужь полночь бьетъ.

(Въ началѣ слѣдующей сцены звукъ трубъ постепенно угасаетъ въ отдаленіи; огни гаснутъ одинъ за другимъ. Кругомъ водворяется мало-по-малу мракъ и тишина.)

- СЦЕНА Ш.

ЭРНАНИ, ДОННА-СОЛЬ.

Донна-Соль. Вотъ, наконецъ, ушли они. Скажите,
Ужъ поздній часъ теперь?

Эрнани. О, ангелъ мой, когда

Съ тобой вдвоемъ мнѣ хочется остаться,

То время, кажется, не хочетъ подвигаться...

Донна-Соль. Шумъ утомилъ меня. Я думала всегда,

Что счастье смущается въ круженьи

Влестящихъ праздниковъ, мой милый...

Эрнани. Да,

Ты справедлива. Счастье слишкомъ строго:

Въ уединеніи глубокомъ и въ тиши

Оно скрывается отъ всѣхъ на днѣ души.

Веселыхъ праздниковъ безумная тревога

Его страшитъ; въ его улыбкѣ много

Тайтся слезъ, и часто скрыто въ ней
Не радость свѣтлая, но тихое страданье.

Донна-Соль. Въ улыбкѣ вашей вижу я сіянье
И прелесть дня.

(Эрнани хочетъ увлечь ее въ другую комнату.)

— Пойдите!

Эрнани. О, твоей

Я поворяюсь волѣ... Всѣ твои желанья,
Какъ вѣрный рабъ, готовъ я исполнять...
Останься, если хочешь оставаться,
Вели, мой другъ, и буду я смѣяться...
Я весь въ огнѣ... Ты можешь приказать,
Чтобы огонь въ вулканѣ прекратился
И онъ тебѣ тотчасъ бы покорился,
Закрывъ бы огненный свой кратеръ и погасъ,
Обросъ травой и розами тотчасъ.

Донна-Соль. Какъ вы добры ко мнѣ! Эрнани, мнѣ открыла
Моя любовь...

Эрнани. Зачѣмъ же повторила

Ты имя это? Нѣтъ, меня, такъ не зови
Изъ сожалѣнія ко мнѣ и изъ любви...
О томъ, что я забылъ, напомнила ты снова...
Я помню, какъ во снѣ, что въ мѣрѣ прежде жилъ
Въ несчастіи, гонимъ вездѣ сурово,
Бѣглець Эрнани. Всюду онъ влачилъ
Проклятіе и ужасъ за собою,
О мщеніи думая, измученный борьбою.
Эрнани этого не знаю я. Теперь
Люблю веселье я, пиры и смѣхъ свободный,
Я донъ-Жуанъ, испанецъ благородный,
И мужъ твой, донна-Соль... О, счастливъ я, повѣрь...

Донна-Соль. Я тоже счастлива...

Эрнани. Да, сталъ позабывать я
Лохмотья тѣ, то нищенское платье,
Которое я сбросилъ навсегда

За дѣрзую, съ отвращеніемъ. Сюда
 Я въ собственный дворецъ съ печалью возвращался,
 Но здѣсь меня мой добрый ангелъ дожидался.
 Я обновилъ дворецъ, его украсилъ вновь,
 Я роскошью смѣнилъ его опустошенье;
 И жизнь моя теперь есть упоенье,
 И счастье полное и ясная любовь.
 Пусть возвратятъ мнѣ вѣмки и помѣстья,
 Всѣ титулы мои съ наслѣдственнымъ гербомъ,
 Пусть вновь могу, какъ грандъ испанскій, сѣсть я
 Въ совѣтъ двухъ Кастилій, и потомъ
 Пусть подойдетъ ко мнѣ съ опущеннымъ челомъ
 Подруга милая, обниметъ, скажетъ слово
 И я останусь съ ней на-единѣ...

О, больше ничего не нужно въ мірѣ мнѣ...

Жить на землѣ я начинаю снова

И прошлаго, какъ черныхъ сновъ боюсь,

Пока я живъ, я разрываю связь

Съ моимъ безрадостнымъ прошедшимъ...

О, называй меня, мой ангелъ, сумасшедшимъ,

Сокровище мое, чѣмъ хочешь назови,

Но я хочу одной, одной твоей любви.

Донна-Соль (*разсматривая на Эрнани цѣпь Золотого Рука*).

Какъ эта золотая цѣпь красива

На черномъ бархатѣ...

Эрнани.

Но вѣдь и самъ король

Одѣтъ былъ точно также, донна-Соль.

Донна-Соль. Я не замѣтила. И стану ли ревниво

Слѣдить я за другими?.. Лишь на васъ

Мнѣ эта цѣпь понравилась сейчасъ,

Вы придали ей сами украшенье...

(*Эрнани хочетъ увлечь ее.*)

О, милый мой!.. Еще одно мгновенье...

Ты видишь, я отъ счастья трепещу...

О, какъ я счастлива, какъ плакать я хочу...

(Облакачивается на балюстраду.)

О, полюбуйся ночью этой чудной,

Одну минуту вернись себя взгляни

И благовоннымъ воздухомъ дохни...

Какая тишина!.. Сомъ всюду непробудный.

Потухли факелы среди полночной тьмы,

Утихла музыка... Лишь ночь одна, да мы.

Природа сонная, мнѣ кажется, желаетъ

Насъ охранить и тихо отдыхаетъ...

Ни тучки на небѣ!.. Все тихо, мраченъ садъ;

Я слышу запахъ розъ... вдыхай ихъ аромать...

Взгляни сюда: пока съ тобою я стояла

И слушала тебя, вонь тамъ луна всплывала,

И голосъ твой и блѣдный лунный свѣтъ

Мнѣ проникали въ сердце и желала

Я умереть...

Эрнани.

Ахъ, въ мирѣ горя нѣтъ,

Нѣтъ никакой ужасной муки,

Которая не стихли бы при звукѣ

Такого голоса: въ немъ музыка слышна,

Но музыка — небесъ...

Донна-Соль.

Я думаю однако,

Что слишкомъ ужъ мертва такая тишина.

Скажи, желалъ бы ты, чтобъ въ далеки изъ мрака

Вдругъ огонекъ неожиданный засверкалъ

Иль тихій, нѣжный голосъ прозвучалъ?

Эрнани (улыбаясь). Капризница! Твердила мнѣ не ты ли,

Что музыка и свѣтъ тебѣ несносны были?

Донна-Соль. Да, балльные. Но еслибъ я могла

Услышать соловья плѣнительныя трели

Иль отдаленный, тихій звукъ свирѣли,

Я, право, въ восхищеньи бы была...

О, въ этихъ звукахъ есть очарованье...

(Въ темнотѣ раздается отдаленный звукъ охотничьяго рога.)

Богъ услыхалъ мое горячее желанье!?

Эрнани (*тихо, вздрагивая*). Несчастливая!

Донна-Соль. Быть можетъ, иногда

Мечты людей ихъ ангелъ исполняетъ...

Не твой ли ангелъ это?

Эрнани (*съ горечью*). Да,

Меня мой добрый ангелъ охраняетъ...

(*Рогъ трубитъ снова.*)

(*Тихо.*) Опять!

Донна-Соль. Но, донъ-Жуанъ, я узнаю твой рогъ.

Эрнани. Да.

Донна-Соль. Въ серенадѣ этой, можетъ статья,

И ты участвовать, хоть въ половину, могъ?

Эрнани. Да, въ половину. Трудно догадаться,

Но догадалась ты...

Донна-Соль. Мнѣ скученъ шумный балъ!

Но если звукъ роговъ услышу я случайно,

Мнѣ весело бываетъ чрезвычайно...

Теперь же твой рожокъ вдали звучалъ,

А онъ мнѣ голосъ твой напоминаетъ...

(*Слышенъ опять звукъ рога.*)

Эрнани (*тихо*). А! тигръ ужь здѣсь, и жертву призываетъ.

Донна-Соль. О, эти звуки сердцу говорятъ

О миломъ, дорогомъ мнѣ донъ-Жуанѣ...

Эрнани (*грозно*). Эрнани называй меня, Эрнани!

Съ проклятымъ этимъ именемъ самъ адъ

Меня связалъ!..

Донна-Соль (*дрожжа*). Что съ вами? Объясните!

Эрнани. Старики зовутъ!..

Донна-Соль. Что съ вами? взглядъ вашъ дивъ!..

Эрнани. Пойми, что надо мной смѣется тамъ старики...

Иль ты его не видишь?

Донна-Соль. О, скажите,

Кого вы видите? Иль вы теперь въ бреду?

Эрнани. Старики!

Донна-Соль. О, я къ ногамъ твоимъ паду,
Скажи, признайся мнѣ: тебя тревожить
Мнѣ тайна неизвѣстная, быть можетъ?

Эрнани. Я связанъ клятвой!

Донна-Соль. Клятвой?

(Она съ безпокойствомъ слѣдитъ за всѣми его движеніями. Онъ вдругъ приходитъ въ себя и проводитъ рукой по лбу.)

Эрнани (*тихо*). Я сказалъ

Не помню что... Ее я успокою... (*Громко*.)

О чемъ я говорилъ сейчасъ съ тобою?

Донна-Соль. Ты говорилъ...

Эрнани. Я самъ не сознавалъ,

Что говорю... Забыть все постарайся...

Въ тому жъ, я нездоровъ, — ты только не пугайся.

Донна-Соль. Не нужно ли тебѣ чего нибудь?

(*Опять слышенъ звукъ рога.*)

Эрнани. А, онъ зоветъ меня, трубить онъ: „не забудь“.

Ему я клятву далъ... (*Ищетъ кинжалъ.*)

Проклятье! Нѣтъ винжала!...

О, еслибъ поскорѣй все кончить, не страдать...

Донна-Соль. Страдаешь очень ты?

Эрнани. Не заживала

Мучительная рана, и опять

Раскрылась... (*Тихо*.) Удаляю ее скорѣе...

(*Громко*.)

Послушай, ангель мой, ты знаешь, при себѣ я

Въ былые дни невзгодъ коробочку носилъ...

Донна-Соль. Я знаю. Что же хочешь ты?

Эрнани. Въ ней былъ

Флаконъ съ цѣлебнымъ элекспромъ... Онъ, быть можетъ,

Теперь мнѣ нѣсколько поможетъ.

Сходи за нимъ.

Донна-Соль. Иду, иду, сеньоръ.

(Она выходитъ въ дверь, ведущую въ спальню.)

СЦЕНА IV.

ЭРНАНИ, одинъ.

Эрнани. Вотъ все, что мнѣ отъ счастья остается:

Безславной смерти горе и позоръ!..

Какъ горько надо мной судьба смѣется...

(Впадаетъ въ глубокую задумчивость, потомъ быстро поднимаетъ голову.)

Но стихло все, полночный сонъ глубоокъ,

Ужасный звукъ трубы не раздается...

О, если бы теперь я ошибиться могъ!..

(Черное домино является у перилъ лѣстницы. Эрнани останавливается окаменѣлымъ.)

СЦЕНА V.

ЭРНАНИ, незнакомецъ въ МАСКѢ.

Маска (*глухимъ голосомъ*).

„Вездѣ, повсюду, что бы ни случилось,

„Когда бъ въ тебѣ, старикъ, желанье ни явилось

„Меня призвать къ себѣ, чтобъ умертвить,

«Ты можешь въ этотъ рогъ призывно затрубить

„И я къ тебѣ явлюсь...“ Свидѣтелями были

Той влятвы мертвецы въ своей могилѣ.

Готовъ ли ты?

Эрнани (*тихо*). Да, это онъ!..

Маска. Я во дворецъ

Бъ тебѣ пришелъ сказать: пора! пришелъ конецъ!

Я выбралъ часъ. Теперь меня ты знаешь...

Эрнани. Пусть будетъ такъ. Чего же ты желаешь?

Маска. Ты можешь выбирать одно изъ двухъ:

Кинжалъ, иль ядъ. Со мной есть то и это,

И мы съ тобой испустимъ вмѣстѣ духъ...

Эрнани. Пусть будетъ такъ. Иного нѣтъ отвѣта.

Маска. Но будешь ли молиться ты?

Эрнани. Наврядъ.

Маска. А что ты выбралъ?

Эрнани. Ядъ.

Маска. Бери жъ его.

(Подаетъ Эрнани стклянку, который, блѣднѣя, беретъ ее.)

И пей, чтобъ кончить все мгновенно.

(Эрнани подноситъ стклянку къ губамъ, потомъ опускаетъ ее.)

Эрнани. О, неужель твое рѣшенье неизмѣнно?

О, сжался надо мной до завтра только ты,

Когда въ тебѣ есть искра доброты,

Когда не демонъ ты, не злобы духъ безсонный,

Когда ты не мертвецъ, на муки обреченный,

Когда проклятыя вѣчнаго стыда

Ты на своемъ челѣ не вѣдалъ никогда!..

О, если испыталь ты сладкя мгновеня,

Объятья женщины любимой испыталь,

Имѣй ко мнѣ хоть каплю сожалѣнья,

А завтра приноси свой ядъ, иль свой винзаль,

Я завтра — твой...

Маска. Какъ завтра? Это ты ли?

Какъ въ голову тебѣ такая мысль пришла?

О погребеніи твоемъ колокола

Уже сегодня утромъ прозвонили.

До завтра ждать? А ты забылъ меня?

Я въ эту ночь не дожиль бы до дня,

Я бь умерь, не исполнивъ дѣла мести,

А ты бы продолжалъ счастливый въ жизни путь...

Нѣтъ, юноша, съ тобой должны мы вмѣстѣ

Въ могилы лечь и вмѣстѣ отдохнуть.

Эрнани. Такъ нѣтъ же, демонъ, нѣтъ, тебѣ повиноваться

Я не хочу, — хочу сопротивляться.

Маска. Я такъ и зналъ. Прекрасно. Но теперъ

Припомни, чѣмъ ты клялся мнѣ, припомни.

О, пустяками самими, повѣрь:

Поялся вѣдь давно мнѣ

Ты головой отца — не больше. Ну, такъ чтожь?
Подобныхъ влятвѣ не помнить молодежь.

Эрнани. Отецъ мой! Мой отецъ!.. Я потеряю разумъ...

Маска. О, нѣтъ, ты только разомъ
И обманулъ, и влятвѣ измѣнилъ...

Эрнани. Но, герцогъ... берегитесь!..

Маска. Если ты забылъ
Исполнить слово, данное вельможѣ,
То отъ тебя ждать больше мнѣ чего же?
Я уйду... (*Дѣлаетъ шагъ къ выходу.*)

Эрнани. Постой!

Маска. Ну, такъ иначе...

Эрнани. Боже!

Какъ ты жестокъ, старикъ! У двери рая быть
И возвратиться, дальше не ходить...

(Донна-Соль возвращается, не замѣчая человѣка въ маскѣ, стоящаго у
перилъ лѣстницы, въ глубинѣ сцены.)

СЦЕНА VI.

Тѣ же; ДОННА-СОЛЬ.

Донна-Соль. Я ящичка нигдѣ не отыскала...

Эрнани (*тихо*). Она! О, Господи! Зачѣмъ она пришла?..

Донна-Соль. Что съ нимъ опять? Его я испугала.

Онъ весь дрожить... О, еслибъ я могла

Знать истину! Какое подозрѣнье!

Что у тебя въ рукѣ?.. Ты опускаешь взглядъ...

Что у тебя въ рукѣ? скажи мнѣ!..

Домино (*снимаетъ маску. Донна-Соль вскрикиваетъ, узнавъ
Рюи-Гомеца.*)

Это ядь!

Эрнани. О, если въ мѣръ большее мученье?

Донна-Соль (*Эрнани*). Что сдѣлала тебѣ я, отвѣчай!

Своей ужасной тайны не скрывай...
 Меня вы обманули...

Эрнани.

Ахъ обязанъ

Я былъ молчать, ужаснымъ словомъ связанъ.
 Я герцогомъ отъ смерти былъ спасенъ,
 Я клятву далъ ему, и постоянно онъ
 Стереть съ лица земли меня имѣть право.
 Теперь пришла печальная расправа
 И Сильвѣ арагонскій Донъ-Жуанъ
 Обязанъ долгъ отдать... Мнѣ незнакомъ — обманъ.

Донна-Соль. Мнѣ, мнѣ одной давалъ ты клятвы смѣло,
 А клятвы прежнія... Что мнѣ до нихъ за дѣло!
 Ты долженъ не ему, а мнѣ принадлежать.

(Донъ-Рюи-Гомецу.)

Моя любовь дастъ силъ мнѣ для защиты,
 Его отъ васъ я буду защищать...

Донъ-Рюи-Гомецъ (неподвижный).

Да, если можешь, защити ты
 Его отъ данной клятвы...

Донна-Соль.

Отъ какой?

Эрнани. Я повлился...

Донна-Соль.

Безумна клятва эта!..

На умыселъ преступный нѣтъ отвѣта...
 Кто смѣетъ посягнуть на твой покой?

Донъ-Рюи Гомецъ. Идемъ же!

(Эрнани хочетъ повиноваться, Донна-Соль останавливаетъ его.)

Эрнани.

Не требуй замедленья,

Все нужно кончить въ мирѣ наконецъ...
 Я клятву далъ и клятвы исполненъ
 Ждетъ въ небесахъ мой дорогой отецъ...

Донна-Соль (Донъ-Рюи). О, лучшебъ у тигрицы вы рѣшились
 Отнять дѣтенышей, чѣмъ у меня отнять
 Того, кто мной любимъ. Пора же вамъ узнать,
 Что я не дѣвочка, къ которой относились
 Вы, какъ къ ребенку слабому. Пока

Щадила я вашъ возрастъ, вашу старость,
 Была я и послушна и робка,
 Теперь — смотрите же — сверкаетъ только ярость
 Въ моихъ глазахъ.

(Вынимаетъ кинжалъ, спрятанный на груди.)

Смотрите! вотъ кинжалъ!

Старикъ безумный! Если ты не задрожалъ
 Отъ взгляда моего, то бойся ты кинжала...

Да, берегись!.. Отъ гнѣва я дрожу...

Вѣдь къ роду твоему и я принадлежу —

Я отъ отца бы даже защищала

Супруга моего...

(Бросаетъ кинжалъ и падаетъ передъ герцогомъ на колѣни.)

Ахъ! я у вашихъ ногъ...

Простите! Я вѣдь слабое созданье...

Я падаю подъ тяжестью страданья,

Я вся истомлена и умъ мой изнемогъ...

О, пощадите насъ!..

Донъ-Рюи Гомецъ. О, донна-Соль!..

Донна-Соль.

Простите!

До рѣзкихъ словъ доводить горе насъ...

Испанка я; мгновенно кровь во мнѣ зажглась...

Злымъ не были вы прежде. Пощадите!

Убьете вы меня, ему рѣшившись мстить.

Я такъ люблю его!..

Донъ-Рюи Гомецъ (*мрачно*). Вы начали любить

Ужь слишкомъ сильно...

Эрнани.

Плачешь ты?

Донна-Соль.

Мой милый!

Нѣтъ, нѣтъ, ты не умрешь, не будешь взятъ могилой!..

(*Донъ-Рюи.*)

Я не хочу. Должны вы пощадить,

За это также васъ я буду вѣкъ любить.

Донъ-Рюи Гомецъ. Любить — послѣ него? — Идемъ!..

(Эрнани подноситъ стклянку къ губамъ. Донна-Соль бросается и схватываетъ его за руку.)

Донна-Соль.

Постой! Вы оба,

Вы оба выслушать должны меня сейчасъ.

Донъ-Рюи Гомецъ. Ждать не могу,—стоитъ онъ возлѣ гроба.

Донна-Соль. Одну минуту, герцогъ!.. Или въ васъ

Въ обоихъ сердца нѣтъ? Къ чему же озлобленье?

Прошу немногаго—лишь одного мгновенья.

Какъ женщина, могу же я желать

Вамъ душу высказать!..

Донъ-Рюи Гомецъ (*Эрнани*). Наскучило мнѣ ждать.

Эрнани. Ахъ, крикъ ея терзаетъ душу мнѣ!..

Донна-Соль (*все еще удерживая Эрнани за руку*).

О многожъ

Тебѣ сказать мнѣ нужно. Богомъ

Тебя я заелинаю!

Донъ-Рюи Гомецъ (*Эрнани*). Торопись,

Ты долженъ умереть.

Донна-Соль (*охватываетъ шею Эрнани обѣими руками*).

Жуанъ, остановись!..

Ты выслушай меня, а послѣ дѣлай смѣло

Все, что желаешь ты!..

(*Вырываетъ у него стклянку*.)

Я ядомъ овладѣла!

(*Она показываетъ стклянку удивленному старику и Эрнани*.)

Донъ-Рюи Гомецъ. Двухъ женщинъ предъ собой я нахожу

И надобности нѣтъ мнѣ съ ними оставаться!..

Жуанъ! Ты кровью предковъ дерзко можешь клясться

И вотъ я въ царство мертвыхъ ухожу,

И твоему отцу объ этомъ разскажу!..

Прощай!

(*Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобы уйти. Эрнани его удерживаетъ*.)

Эрнани.

Остановитесь, герцогъ! (*донна-Соль*.)

Пощади же!

Вѣдь не захочешь ты, чтобы упала я ниже

Клятвопреступника, измѣнника, лжеца,

И чтобъ печать измѣны до конца,

До гроба на моемъ челѣ ты находила?
 О, если ты меня еще не разлюбила,
 Отдай мнѣ ядъ!..

Донна-Соль (*мрачно*). Ты требуешь? (*Пьетъ ядъ.*)
 Бери

Его теперь...

Донъ-Рюи Гомецъ. Вотъ ядъ кому достался!
 Донна-Соль (*отдавая Эрнани полуосушенную стеклянку*).

Бери же, говорю тебѣ!..

Эрнани (*Донъ-Рюи Гомецу*). Смотри,
 Старикъ презрѣнный!..

Донна-Соль. Ядъ еще остался
 И для тебя... Подѣлимся.

Эрнани (*беретъ стеклянку*). Мой Богъ!..

Донна-Соль. Ты ядомъ подѣлиться-бы не могъ
 Со мною и одинъ вдругъ выпилъ эту стеклянку.
 Во мнѣ ты видишь кровную испанку;
 Какъ женщина, не можешь ты любить.
 Я первая рѣшилась проглотить
 Отраву—и конецъ... Готовилась давно я
 Твой жребій раздѣлить.... Ты выпьешь остальное.

Эрнани. Ты погубила, бѣдная, себя!

Донна-Соль. Ты самъ того желалъ и гибну я, любя....

Эрнани. Такой ужасной смертью!..

Донна-Соль. Отчего же?

Эрнани. Но этотъ ядъ въ могилу сводить, Боже!

Донна-Соль. Вѣдь въ эту ночь на нашемъ брачномъ ложѣ
 Должны мы оба были отдыхать...
 Не все ль равно — въ какой постелѣ спать?..

Эрнани. О, мой отецъ! Тебя, въ твоей могилѣ
 Я позабылъ... Мнѣ мстишь теперь не ты-ли?

(Подноситъ стеклянку къ губамъ.)

Донна-Соль (*бросаясь къ нему*).

Остановись!.. Огонь въ моей груди...

О, брось напитокъ страшный, погоди!...

Мой донъ-Жуанъ!... Ядъ дѣйствуетъ ужасно...
 Какъ будто змѣи сердце мнѣ грызутъ...
 Не пей, оставь! Къ чему страдать напрасно?...
 Я вся горю... огонь и здѣсь и тутъ—
 Вездѣ, вездѣ...

Эрнани (*герцогу*). Какъ ты жестокъ! Безбожно
 Такимъ ужаснымъ ядомъ отравлять...
 Иль умертвить иначе невозможно?
 (*Выпиваетъ стаканку и бросаетъ ее.*)

Донна-Соль. Что сдѣлалъ ты?

Эрнани. Все кончено.

Донна-Соль. Обнять
 Позволь тебя... Любовь мою ты знаешь...
 Не правда-ль, что жестоко ты страдаешь?

Эрнани. О, нѣтъ...

Донна-Соль. Жуанъ! вотъ и пришла она,
 Ночь наша брачная... Ты долженъ мнѣ признаться:
 Для молодой я нѣсколько блѣдна?

Эрнани. О, Воже!..

Донъ-Рюи Гомецъ. Начинаетъ совершаться
 Судьбы рѣшеніе...

Эрнани. О, пытки нѣтъ страшнѣй!
 Смотрѣть на муки женщины несчастной,
 Ничѣмъ ужасныхъ мукъ не облегчая ей!

Донна-Соль. Не унывай. Теперь мнѣ лучше стало...
 Мы скоро отъ страданья отдохнемъ,
 И въ лучшій, свѣтлый міръ съ тобою отойдемъ..
 О, поцѣлуй меня...

(*Они обнимаютъ другъ друга.*)

Мнѣ сердце горе сжало!

Эрнани (*слабѣющимъ голосомъ*).
 Да будетъ же благословенъ тотъ часъ,
 Когда на божій свѣтъ я появился,
 Гдѣ испыталъ невзгоды я не разъ,
 Но счастіемъ короткимъ наслаждался.

Кончая свой тяжелый, грустный путь,
 Съ благословеніемъ прощаюсь съ небесами,
 За то, что я могу теперь уснуть,
 Прильнувъ къ ея рукѣ горячими устами.

Донъ-Рюи Гомецъ. И все же оба счастливы они!..

Эрнани. Кругомъ все мрачно, тихо стало...

Какая темнота!

Страдаешь очень ты?

Донна-Соль. Страдать я перестала.

Эрнани (*слабымъ голосомъ*).

А видишь ли ты въ темнотѣ огни?

Донна-Соль (*тоже умирающимъ голосомъ*).

Нѣтъ.

Эрнани (*со вздохомъ*). Здѣсь... (*Падаеть.*)

Донъ-Рюи Гомецъ (*поднимая его голову, которая снова па-
 даетъ*).

Онъ умеръ!

Донна-Соль (*поднимаясь съ распущенными въ беспорядкѣ во-
 лосами*).

Нѣтъ, онъ только отдыхаетъ...

Не умеръ онъ... Онъ нѣжно мной любимъ...

Мы здѣсь легли на ложѣ брачномъ съ нимъ...

(*Умирающимъ голосомъ.*)

Такъ пусть супругъ мой милый почиваетъ...

Вудить его не нужно... Онъ усталъ...

(*Поворачиваетъ къ себѣ лицо Эрнани.*)

Любовь моя, мой милый! Поверни же

Свое лицо ко мнѣ... О, ближе, ближе... ближе...

(*Падаеть мертвая.*)

Донъ-Рюи Гомецъ. Будь провлять я!.. И мой вонецъ на-
 сталь.

(*Поражаетъ себя кинжаломъ.*)

Д. Минаевъ.

ЗА ПРЕДѢЛАМИ ИСТОРИИ.

(ЗА МИЛЛИОНЫ ЛѢТЪ.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Sie liebten und thaten weiter nichts mehr;
Die Erde gab alles freiwillig her.
Schiller.

Und frische Nahrung, neues Blut
Sang' ich aus freier Welt;
Wie ist Natur so hold und gut,
Die mich am Busen hält!

Goethe.

I.

Въ индѣйскомъ морѣ, гораздо ближе къ экватору, чѣмъ къ южному тропику, былъ островъ. Его выдвинулъ когда то подземный огонь, который донынѣ измѣняетъ тамъ видъ морскаго дна.

Надъ островомъ прошли тысячелѣтія. Растительная и животная жизнь, идя отъ развитія къ развитію, отъ побѣды къ побѣдѣ, успѣла наконецъ одѣть роскошнымъ обиліемъ когда-то бесплодные трахиты и базальты.

Но внутренній огонь клокоталъ еще подъ почвою острова и искалъ себѣ выхода. Островъ по временамъ содрогался.

Вдоль южнаго берега, опускавшагося въ море утесистыми обрывами, шла горная гряда, которая дымилась всѣми своими вышшами. Три горы, замыкавшія эту гряду на востокъ, рѣдко переста-

вали грохотать и обливаться огненными ручьями. Онѣ господствовали надъ всѣмъ островомъ, — и со всѣхъ его точекъ виднѣлись надъ ихъ высокими жерлами столбы багроваго зарева, недвижные и при бурныхъ порывахъ вѣтра. Вершины другихъ горъ южной цѣпи дышали только дымомъ. Изъ иныхъ съ шипѣньемъ и свистомъ вырывались по временамъ сѣрные пары. Нѣсколько горъ, пониже, стояли какъ въ зубчатыхъ каменныхъ вѣнцахъ, — и цѣлыя озера мутной воды кипѣли въ ихъ котловинахъ, одѣтыхъ бѣлымъ паромъ.

Сѣверные скаты уже пышно зеленѣли и были усеяны цвѣтами. Подошвы ихъ тонули въ высокой растительности долины, которая тянулась почти вдоль всего острова между цѣпью непогасшихъ еще вулкановъ и другою грядою лѣсистыхъ горъ, нѣсколько ниже.

Дальше къ сѣверу, за этими горами, шла опять высокая, вѣчно-зеленая долина. По долинѣ вился потокъ, опушенный темными рощами. Онъ огибалъ высокій холмъ и исчезалъ за нимъ. Холмъ этотъ былъ только однимъ изъ звеньевъ цѣлой цѣпи такихъ же пологихъ волнистыхъ холмовъ, заросшихъ густыми лѣсами. Они, какъ пышная бахрома, одѣвали ихъ своею вѣчною зеленью. Холмы шли, параллельно съ двумя южными грядами, вдоль всего острова, съ востока къ западу. Склоны ихъ на сѣверѣ были еще такъ же богато одѣты лѣсами. Но чѣмъ далѣе къ сѣверному отлогому берегу, тѣмъ все болѣе рѣдѣла древесная растительность.

Она окаймляла только побережье рѣки, быстро бѣжавшей тутъ къ морю, — да кой-гдѣ стояли уже одинокія группы пальмъ, окруженные мелкимъ кустарникомъ. Между ними лежали болота и трясины, лишь изрѣдка поросшія травой. Мѣстами стройные и высокіе стволы группы пальмъ были окружены желтымъ пескомъ, и темная тѣнь ихъ сплетшихся вершинъ дрожала на немъ своимъ причудливымъ узоромъ. Тутъ подымались удушливыя испаренія, и эта часть острова была пустынна. На мѣстахъ, темнѣвшихъ сожженными и ржавыми пятнами, вились струйки пара и огня: это горючіе газы прорывались сквозь окрѣпшую на солнцѣ кору ила.

Дальше берегъ длиннымъ песчанымъ мысомъ уходилъ въ голу-

бое, какъ сапфиръ, море. Волны далеко заплескивали его, оставляя на песокъ пестрыя кучки коралловъ и раковинъ. Между раковинами много было и жемчужныхъ; но никто не трогалъ жемчуга. Его не нужно было здѣсь никому, какъ и золота въ этихъ плодноосныхъ падахъ, какъ и алмазовъ въ песокъ рѣчного дна.

А на островѣ уже были люди.

II.

Солнце только-что выходитъ. Съ моря вѣтъ легкой вѣтеръ, стихавшій на ночь. Пряныя травы и деревья запахи сильнѣе.

Въ низменныхъ частяхъ острова воздухъ слишкомъ жгучъ, а вѣтеръ не умѣряетъ зноя. Но въ горныхъ лѣсахъ есть прохлада. Лиственные своды ихъ мѣстами такъ густы и плотны, что ни одинъ лучъ не можетъ пронизать ихъ. Тутъ всегда царитъ благовонная ночь. Разновидные стволы деревьевъ, то колѣчатые, то гладкіе, то колючіе, стоятъ какъ ряды колоннъ какого-то таинственного лабиринта, полного запахомъ душистыхъ смолъ и меда. Вьющіяся растенія лишь слегка опутываютъ ихъ своими цвѣтущими вязями.

Но гдѣ вершины деревьевъ разступаются, тамъ все съ неудержимою силой рвется изъ теплой почвы къ солнцу. Что подъ нашимъ скупымъ небомъ едва вырастаетъ въ тощую былинку, то поднимается здѣсь сильнымъ деревомъ. Ліаны сплошной плетеницей вползаютъ по древеснымъ стволамъ до самой вершины, причудливо убирая ихъ своими порхающими листьями и цвѣтами. Всѣ виды растительности собрались тутъ какъ будто на состязаніе. Листы всѣхъ оттѣнковъ, всѣхъ формъ и размѣровъ мѣшаются въ живомъ и цвѣтущемъ хаосѣ. Подъ неподвижнымъ и жесткимъ листомъ пальмы дрожить чуткій листъ мимозы; среди бахромчатой зелени ліанъ и зеленыхъ кружевъ папоротника поднимается громадный завитокъ музы, будто гордясь своей величавою простотой. Тысячами красокъ горятъ на всѣхъ вѣткахъ цвѣты. Разноцвѣтные попугаи

и райскія птицы, узорчатя бабочки и золотистыя мухи кажутся порхающими цвѣтами и лепестками цвѣтовъ. Такими же яркими красками блеститъ спинка пестрой ящерицы, мелькающей въ зелени, и кожа большой змѣи, которая тройнымъ кольцомъ обвилась вокругъ толстаго пня. Порой мелькаетъ въ вустахъ желтая спина леопарда.

Его мяуканье слышно по временамъ среди неумолкающаго крика, свиста и щебетанья птицъ, среди жужжанья и звенящаго гула насѣкомыхъ. Порою трещатъ ломаемые сучья и кусты, и почва какъ будто дрожитъ подъ тяжкою ступней слона. Маленькіе орангутанги, качающіеся на деревьяхъ, поднимаютъ громкій визгъ и съ любопытствомъ заглядываютъ въ переходы чащи. Мѣстами, гдѣ почва становится вязкой и повсюду проступаетъ вода, слышно хрюканье кабановъ. Дальше плещется, тяжело сопя, носорогъ.

Кой-гдѣ есть небольшія лужайки, и деревья стоятъ тутъ одиноко въ великолѣпныхъ вѣнцахъ своихъ широкихъ листьевъ. У полножня ихъ грозоздятся въ нѣсколько круговъ, какъ пышныя зеленыя подушки, сочныя травы и кусты. Здѣсь на каждомъ шагу вспархиваютъ багряные фламинго, радужныя павлины.

Иногда въ лѣсной чащѣ слышится журчанье ручья; иногда деревья, разступаясь, окружаютъ гладкія, какъ зеркало, свѣтлыя голубыя озера, и пальмы свѣшиваются къ ихъ водамъ свои будто усталыя бахромчатые листья. Тутъ еще болѣе роняся птицъ, и порой тихо кружить надъ ними въ высотѣ бѣлоголовый ястребъ. Темной неподвижной колодой виднѣется изъ воды крокодилъ, тоже подстерегающій добычу. Не сводя съ него глазъ, большой орангутангъ цѣпляется за толстый сукъ, нависшій надъ самою водой, и пьетъ, неловко зачерпывая воду изъ озера узкой ладонью своей длинной руки.

Чѣмъ ближе къ такимъ озерамъ, тѣмъ гуще лѣсъ. Иной разъ чаща его совѣмъ непроходима. Сломанныя и гниющія на землѣ деревья, опутанныя крѣпкими нитями вьющихся растений, преграждаютъ путь. А подчасъ и вѣтви деревьевъ и лианъ сплетаются посреди дороги въ такую плотную сѣть, что сквозь нее не проскочатъ ни тигръ, ни ягуаръ, рыканье которыхъ слышно порой въ

лѣсу и у рѣки. Черный буйволъ не продеретъ своими каменными рогами этихъ живыхъ плетней, выбравшись погулять изъ своихъ топкихъ пастбищъ.

Но гдѣ же люди? гдѣ ихъ жилища? гдѣ слѣды ихъ дѣятельности? Нигдѣ на всемъ островѣ нѣтъ и шалаша, построеннаго ими; ни на чемъ не видно ихъ руки.

III.

Въ восточной части средняго горнаго хребта, гдѣ на горахъ есть небольшія каменистыя и мало заросшія площадки, — въ перелѣскахъ, одѣвающихъ сѣверные ихъ склоны, и въ свѣжихъ гротахъ, которыми прорѣзаны эти горы, живутъ и люди.

Но какъ еще мало похожи они на людей, и какъ сходны съ своимъ лѣснымъ сосѣдомъ, орангутангомъ?

Какъ и на немъ, одежды на нихъ нѣтъ. Темная кожа обильно покрыта волосами, какъ рѣдкою шерстью. Угловатый толстый черепъ, о который расцеплется самый крѣпкій сукъ, на половину ушелъ въ затылокъ. Изъ подъ свалавшихся, какъ войлокъ, блестящихъ черныхъ курчавыхъ волосъ чуть видѣнъ узкій и низкій бугроватый лобъ. Будто постоянно настороженные уши отстали отъ головы и поднялись высоко. Челюсти выставились далеко впередъ, — и широкія, пухлыя губы почти заслонили чуть выдающійся приплюснутый носъ. Только глаза хороши. Темный и яркій зрачокъ среди чистаго бѣлка блеститъ отвагой, страстью, силой. Такою же свѣжей, нетронутою силой дышитъ и все темное тѣло: широкія, приподнятыя плечи, толстая шея, желѣзные мускулы рукъ (руки гораздо длиннѣе нашихъ), мощныя бедра, быстрыя и крѣпкія ноги, тонкія книзу, безъ икръ, какъ у сатировъ и фавновъ, созданныхъ греческою фантазіей, — только вмѣсто копыта настоящая человѣческая ступня, длинная, широкая и плоская. Пальцы на ней такъ гибки и сильны, что ими можно ухватиться за вѣтку дерева почти такъ же ловко, какъ и пальцами руки.

Эта сила, проглядывающая въ каждомъ членѣ, въ каждомъ движеніи, стоитъ нашей красоты. Въ этой силѣ независимость чело-вѣка, его свобода, его счастье. Съ этою силой ему еще нечего много думать о самосохраненіи. Минута опасности рѣдко не минута его побѣды.

Пусть другія животныя далеко опередили его въ изобрѣтательности, въ предусмотрительности и расчетѣ! Ему еще не зачѣмъ задумываться надъ тѣмъ, что заботить птицу, когда она вьетъ себѣ гнѣздо въ безопасномъ мѣстѣ, — крота, когда онъ копить въ потаенной кладовой свои запасы, — муравьевъ, когда они составляютъ между собою строгій гражданскій союзъ. Они строятся, копятъ запасы, составляютъ общины потому, что слабы, что имъ безпрестанно грозитъ бѣда отъ болѣе сильнаго. А чело-вѣкъ такъ еще силенъ! Эти постройки, эти запасы, эти союзы были бы для него неволей. И онъ живетъ, воленъ и счастливъ, подъ открытымъ небомъ, безъ думы о пищѣ на завтра, безъ необходимости связывать свою волю общественными цѣпями.

Утро пробуждаетъ его въ зыбкой постели изъ гибкихъ и ерѣпкихъ живыхъ лозъ, которыя онъ выбралъ на эту ночь подъ самую вершиной пышной пальмы. Ея широкіе листы накрыли его какъ плотный пологъ, и не дадутъ даже каплѣ росы упасть на него.

Еслибъ ему хотѣлось ночлега прохладнѣе, онъ ночевалъ бы въ одной изъ темныхъ пещеръ сосѣдней горы. Тамъ его не разбудили бы шумные голоса, наполнившіе лѣсъ при первомъ освѣтѣ зари. Входы пещеръ закрыты наглухо, какъ живыми дверями, переплетшимися вѣтками. Кто забирается за нихъ спать, затягиваетъ ихъ ерѣпкимъ узломъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пролѣзъ въ пещеру. Утромъ стоитъ развязать ихъ, чтобъ выйти. Но никто, кромѣ чело-вѣка, не съумѣетъ попасть въ такую дверь. Если на влажномъ полу пещеры наложить свѣжихъ листьевъ, уснешь лучше, чѣмъ на пуховикѣ. Какой пухъ такъ нѣженъ, какъ эти мягкія, благовонныя травы? А что за свѣжесть въ нихъ!

Засыпая въ своей воздушной люлкѣ, чело-вѣкъ не думалъ, чѣмъ будетъ завтракать поутру, когда проснется. Онъ знаетъ, что завтракъ будетъ готовъ безъ его заботъ. Стоитъ потянуть руку, что-

бы сорвать румяный плодъ, или кисть ягодъ, или сочную завязь молодыхъ листьевъ. Стоитъ надкусить немного мягкую кору дерева, наклонившаго надъ его головой свою верхушку, чтобы утолить утреннюю жажду сладкимъ и питательнымъ питьемъ. Здѣсь всякій можетъ завтракать въ постели, какъ избалованный сибаритъ.

Послѣ завтрака можно еще потянуться, зѣвнуть, расправить члены. Потомъ надо и выглянуть изъ подъ шатра листьевъ.

Все давно проснулось и загомосилось, зашумѣло вокругъ, зажило безпокойною, но свѣтлою, отрадною, полною жизнью.

И люди уже встали.

Кой-гдѣ, ныряя въ волнистой зелени лѣсныхъ вершинъ, мелькаютъ темныя курчавыя головы, выставляются длинныя мускулистыя руки. Эти люди пробираются должно быть къ озеру, которое ярко сверкаетъ невдалекѣ на солнцѣ.

Глаза еще немного слипаются послѣ сна, вѣки тяжелы, лицо горитъ. Хорошо плеснуть на него свѣжей водой. Въ озерѣ бьетъ нѣсколько ключей; ихъ сильную струю видно на днѣ сквозь хрустальную воду, и нигдѣ на всемъ островѣ нѣтъ такой студеной воды, какъ тутъ.

Выше, на горѣ, на примятой лужайкѣ, возятся и кричатъ дѣти. Одинъ уже держатся довольно прямо на ногахъ; другія умѣютъ ходить только на четверенькахъ.

Одинъ ребенокъ набилъ себѣ ротъ какой-то невкусной травой, выплевываетъ ее и громко реветъ.

Изъ пещерной отдушины, выходящей на лужайку, выглянула шаршавая голова. Женщина это, или мужчина? По лицу не вдругъ разберешь. Впрочемъ, вѣроятно женщина: лицо не такъ заросло волосами.

Да, это женщина. Вотъ она высунулась по поясъ. Удѣпившись за вѣтку, она выскочила совсѣмъ, крикнула что-то рѣзко и громко, и ребенокъ пересталъ реветъ.

Она подбѣжала къ группѣ дѣтей, взяла его на руки, сѣла на выдавшійся изъ зелени камень, вытатила пальцемъ изо рта у ребенка набитую въ него траву и приложила его губы къ своей налившейся груди. Онъ принялся сосать такъ громко и вкусно, что

еще два-три товарища его изъ тѣхъ, что ползали на четверенькахъ, начали хныкать и кричать.

Одинъ, попроворнѣе другихъ, подползъ къ женщинѣ, уцѣпился обѣими ручонками за ея ногу, и сталъ лѣзть къ ней на колѣни, къ другому, незанятому соску. Она кричала на него, но не шевелила ногой, съ которой назойливый мальчуганъ то и дѣло сваливался въ траву.

Показалось и еще нѣсколько женщинъ. Однѣ были съ дѣтьми на рукахъ, другія безъ дѣтей. Однѣ кормили своихъ маленькихъ грудью; другія укачивали ихъ, забавляя или усыпляя; третьи взбирались на деревья, рвали на нихъ плоды и ягоды, и поочередно, то сами ѣли, то бросали ихъ внизъ, толпѣ ребятешекъ, которые ждали этой подачи съ крикомъ, съ поднятыми руками и съ разинутымъ ртомъ.

Нѣкоторые изъ нихъ и сами старались взлѣзть на дерево, срывались, катились кубаремъ на землю, и визжа и крича опять пытались начать то же восшествіе.

Молодецъ, почивавшій въ лѣсу, ухватился руками за верхушки двухъ ближайшихъ деревьевъ, сбросилъ ноги внизъ, и началъ раскачиваться. Маленькіе попугаи съ крикомъ взлетали по сторонамъ. Деревья только трещали. Подошвы его ногъ высоко мелькали въ воздухъ то съ той, то съ другой стороны.

Онъ глядѣлъ, качаясь, на возню дѣтей на горѣ, и когда иной изъ нихъ неловко валился, карабкаясь на дерево, онъ широко раскрывалъ свои пурпурныя губы, показывалъ рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ, прищуривалъ глаза и хохоталъ всѣмъ горломъ.

Но какъ ни громокъ былъ этотъ хохотъ, ему казалось, видно, все-таки мало. Переставши качаться, взобрался онъ на самую макушку высокой пальмы, раза три глубоко вдохнулъ всею грудью воздухъ и вдругъ гаркнулъ во весь голосъ. Эхо раскатилось по горамъ. Ласточки, залѣпывшія своими клейкими гнѣздами отвѣсныя скалы южнаго берега, вспорхнули тучей. Таеъ громко и внезапно отдался молодецкій голосъ въ ихъ глухой утесистой бухтѣ.

На этотъ крикъ отозвались изъ разныхъ мѣстъ и другіе звучные голоса. Больше всего слышалось ихъ со стороны озера.

Голосистый молодецъ опять юркнулъ въ листву, и направился туда, то перевидаваясь колесомъ съ дерева на дерево, то соскакивая на землю, гдѣ только былъ проходъ.

Эта прогулка доставляла ему большое удовольствіе. Онъ былъ здоровъ, какъ само здоровье, и въ самомъ ясномъ расположеніи духа. Зоркіе глаза его, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону, старались не пропустить ни одного предмета, способнаго позабавить.

„Та-а-а-а!“ раздавался голосъ его по переходамъ лѣса.

Чуть не съ каждой вѣтки спархивали роями птицы. Летучія ящерицы торопливо расправляли свои крыльчатые плащи и перескакивали на деревья подалѣше.

Изъ подъ каждаго шага подымался аромать, когда нога его сламывала вѣтки камфарнаго или коричневаго дерева.

Мимоходомъ отламывалъ онъ крѣпкіе сучья, тыкалъ ими въ кусты и тѣшилъ разноголоснымъ гудѣньемъ насѣкомыхъ, поднимавшимся тогда. Иногда спугнутая пчела начинала преслѣдовать его; но онъ тотчасъ же вооружался махровой вѣткой и ловко отмахивался ею.

Вотъ захопалъ онъ въ ладоши и загикалъ съ какимъ-то особеннымъ присвистомъ. Пугливый олень, глодавшій неподалеку молодые побѣги дерева, поднялъ уши, закинулъ рога на спину и шарахнулся въ сторону. Рога запутались въ крѣпкой гирляндѣ лианы, перекинувшейся съ дерева на дерево, и олень началъ отчаянно биться.

„Та-а-а-а!“ загремѣло опять по лѣсу.

Идти прямо къ озеру было невозможно. Безпрестанно попадалось что нибудь на глаза такое, для чего стоило уклониться съ прямой дороги или влѣво, или вправо.

Вонъ ягоды такія румяныя, такія зрѣлыя, что начинаютъ уже лопаться и вытекать! Вонъ сочное яблоко, тоже готовое брызнуть сладкою пѣной! Надо попробовать этого яблока; надо нарвать и ягодъ.

Вотъ сквозь надтреснувшую кору слезками катится смола. Надо лизнуть; это тоже вкусно.

Душистый цвѣтокъ, свѣсившійся съ длинной вѣтви, задѣлъ по самому лицу. Какъ же не сорвать его, не понюхать и не пожевать?

Сколько птицъ вспорхнуло тутъ разомъ! а двѣ опускаются опять — не летать дальше. Здѣсь вѣрно у нихъ гнѣзды. „Шшш!“ Молодецъ замахалъ руками. Птицы съ крикомъ взлетѣли выше. Онъ развелъ кусты, досталъ два теплыхъ пестрыхъ яйца и пошелъ дальше.

Оскаливъ бѣлые зубы, онъ разбилъ объ нихъ одно яйцо и высосалъ его съ громкимъ чмоканьемъ, потомъ другое.

Тутъ онъ вздумалъ опять попробовать голосъ, облизалъ себѣ губы и гаркнулъ такъ, что опять всполошилъ бы прибрежныхъ ласточекъ, еслибы тѣсь не накрывалъ его своими густыми сводами. Голосъ пошелъ низомъ и замеръ въ первой чащѣ.

Въ это время что-то быстро шевельнулось у него надъ головой. Онъ поднялъ глаза. Молодой леопардъ кинулся отъ него на соседнее дерево, а съ того на другое, видимо избѣгая встрѣчи.

Глаза у нашего молодца загорѣлись удовольствіемъ, губы раскрьлись, и онъ въ два прыжка очутился подъ деревомъ, куда ускочилъ леопардъ.

Звѣрь сверкнулъ на него расширенными зрачками, мяукнулъ и съежился, сердито шипя и фыркая. Кажется, каждую минуту готовъ онъ былъ прыгнуть и вцѣпиться когтями и зубами въ своего преслѣдователя; но глаза человѣка пугали его. А тому было весело! Онъ поддразнивалъ его, какъ ручную кошку, шипѣлъ самъ, скалилъ зубы и растопыривалъ свои пальцы передъ его мордой.

Хвостъ леопарда распушился, пятнистая шерсть встала дыбомъ; онъ сжался весь и скакнулъ. Но врагъ его зналъ уже эти штуки: онъ быстро присѣлъ, отшатнулся немного вбокъ и вдругъ обернулся. Леопардъ перелетѣлъ черезъ него.

Несмотря на неудачу, онъ, кажется, радъ уже былъ убраться поскорѣе и вскочилъ на противоположное дерево. Но онъ не успѣлъ еще вскарабкаться по гладкому стволу до перваго сучка, какъ нашъ молодецъ цѣпко ухватилъ его сразу одной рукой за хвостъ, а другою за шею. Длинные пальцы его, какъ желѣзные клещи,

сдавили леопарду загривокъ. Стараясь вырваться, звѣрь визжалъ и безъ толку скользилъ лапами по стволу дерева. Тутъ и другая рука, державшая его за хвостъ, мгновенно очутилась у него подъ горломъ и стиснула его такъ же крѣпко. Леопардъ отцѣпилъ лапы отъ дерева и повисъ въ этихъ тискахъ.

Онъ глухо захрипѣлъ; у рта показалась пѣна; глаза налились кровью; заднія ноги судорожно сдвинулись съ передними — разъ, другой. Забава была кончена. Черезъ минуту онъ лежалъ уже мертвый въ высокой травѣ и подъ нимъ гомозилась стая жуковъ и муравьевъ.

Между тѣмъ по лѣсу несло громче прежняго гигиканье побѣдителя. Онъ вскарабкался на дерево и пошелъ опять перекидываться колесомъ съ вершины на вершину. Темное лицо его лоснилось; по носу и по щекамъ катился потъ. Глаза горѣли веселымъ блескомъ.

Въ этихъ глазахъ, можетъ быть, можно уже было прочесть, что когда нибудь потомки его стануть величать себя вѣнцомъ творенія и царями земли.

IV.

Озеро, съ котораго слышались людскіе голоса, было самое большое на всемъ островѣ. Со стороны лѣса у него былъ крутой берегъ; но нѣсколько обваловъ образовали родъ каменныхъ сходовъ къ самой водѣ. Только мѣстами зеленѣла на нихъ трава, да два или три дерева, странно уцѣлѣвшія, но съ полуобнаженными корнями, росли между обрывовъ совсѣмъ наклонно, почти касаясь воды своими длинными свѣсившимися вѣтвями.

На этихъ естественно-образованныхъ ступеняхъ берега собралось уже цѣлое общество. Тутъ было человѣкъ двадцать и мужчинъ и женщинъ, и старыхъ и молодыхъ.

Знакомецъ нашъ, соскочивъ съ послѣдняго прибрежнаго дерева, задѣлъ ногой за плечо человѣку уже очень почтенныхъ лѣтъ, ко-

торый сидѣлъ выше всѣхъ на берегу и усердно занимался ѣдой. Оба они громко крикнули: молодой, кажется, только чтобы позазать, каковъ у него голосъ, а старый, будто огрызаясь, съ досадой, что его побезпокоили. Молодецъ не выказалъ никакихъ знаковъ уваженія къ старости и скрылся за верхнимъ краемъ берега, скакнувъ на первый уступъ. Почтенный возрастъ одиноко сидѣвшаго человѣка обличала и голова съ непожѣрно-развившимся затылкомъ и почти исчезшій лобъ, и потускнѣвшіе глаза, и морщины на щекахъ и около ушей, но въ особенности большое пузо, которое онъ не уставалъ набивать. Громко чавкая напичканнымъ ртомъ, онъ безпрестанно повертывалъ голову то влѣво, то вправо, будто высматривая, нѣтъ ли гдѣ по близости еще лакомаго кусочка. А между тѣмъ недостатка въ ѣдѣ не было. Онъ припряталъ около себя въ травѣ порядочный запасъ плодовъ и орѣховъ и умильно мычалъ, набивая себѣ ротъ. Смотрѣлъ онъ не только по сторонамъ, но и на озеро. Впрочемъ, тамъ, повидимому, ничто его не занимало. Все на этомъ озерѣ, ярко сіявшемъ въ лучахъ солнца, было ему слишкомъ знакомо: и эти стаи большихъ и малыхъ птицъ, разгуливавшихъ по сверкающей глади; и эти пловучіе острова громадныхъ жирныхъ листовъ, на темной зелени которыхъ алѣли и бѣлѣли такіе же громадные и жирные цвѣты. Даже исполинская сѣрая башка какого-то страннаго звѣря, не то лягушки, не то безрогаго вола, безмолвно и строптиво выглядывая то тамъ, то сямъ изъ воды, не привлекала его вниманія. Берега, окруженные со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, далѣе постепенно понижались и на противоположной сторонѣ изъ озера изливалась единственная рѣка острова. Она терялась сначала въ глухихъ и болотистыхъ пуцахъ, но потомъ все больше полнѣла и все глубже прокладывала себѣ ложе. Съ того мѣста, гдѣ сидѣлъ старикъ, часть ея виднѣлась вдали прямой серебряной дорогой. Но какое было ему дѣло до всего этого? Въ молодости смутное любопытство тянуло его иногда побродить и въ тѣхъ мѣстахъ. Онъ забирался далеко, но и тамъ все то же: ѣда не лучше. Сидѣть въ одномъ положеніи ему однакожь надоѣдало. Онъ то улаживался на корточкахъ, то вытягивалъ ноги, то немного поджималъ ихъ и, наконецъ, улегся на спинѣ. Изъ травы

видѣлось только его темное брюхо, точно круглая насыпь большого муравейника.

На уступѣ, куда соскочилъ нашъ пріятель, было три женщины и семь или восемь мужчинъ. Одна изъ женщинъ, вся мокрая, стояла, отряхая съ себя воду; двѣ другія сидѣли порознь, опустивъ ноги за окраину берега, и около нихъ въ разныхъ положеніяхъ группировались мужчины. Молодецъ нашъ вздумалъ было пошутить и полюбезничать съ мокрой дамой, но въ отвѣтъ получилъ тяжелѣсную оплеуху по носу и по губамъ. Возобновлять любезностей онъ и не разсудилъ, и подсѣлъ, громко гикнувъ, къ одной изъ группъ. Мужчины, сидѣвшіе тутъ, отвѣчали на его гикъ не совсемъ пріятливымъ рычаньемъ. Это однакожь нисколько не сконфузило его, и онъ виѣшался въ бесѣду. Разговоръ шель оживленный, хотя и нельзя сказать, чтобы очень разнообразный. Слышалось все что-то въ родъ: „а—а!“ „о—о!“ „у—у!“ Женщина (уже съ нѣсколько увядшею грудью) отличалась веселымъ нравомъ. Она повертывала голову ко всемъ своимъ собесѣдникамъ, и на каждое ихъ „а—а!“ отвѣчала очень милымъ „у—у!“ и при этомъ показывала зубы и хохотала. Но видимымъ ея предпочтеніемъ пользовался ближайшій ея сосѣдъ, — сидѣвшій тоже свѣсивъ ноги. Она по временамъ трепала его по плечу, или слегка толкала, смѣясь, въ бокъ; онъ тоже позволялъ себѣ безнаказанно подобныя любезности съ нею. Не отдать ему предпочтенія предъ остальными было дѣйствительно трудно. Судя по плечамъ, это былъ силачъ едва ли не покрѣпче нашего знакомаго. Не даромъ другіе собесѣдники не пододвигались близко, и ихъ остроумныя замѣчанія звучали не совсемъ смѣло и увѣренно.

Эта компанія видно не совсемъ понравилась нашему пріятелю; другая группа, которую онъ издали окинулъ глазами, то же не привлекала его. Онъ вскочилъ съ мѣста, совершенно неожиданно крикнулъ во всю мочь: „бррр!“ такъ что брюхо у старика на верху дрогнуло, и чрезъ всю компанію прыгнулъ внизъ, на послѣдній уступъ берега.

Здѣсь, подъ густыми вѣтвями дерева, почти прилегшаго къ озеру, слышались громкіе всплески воды и отрывистыя веселыя

восклицанія. Между зеленью показывались мокрыя головы; потомъ мокрыя руки и ноги цѣплялись за сучья, и выкупавшіеся ловко перебирались по дереву на берегъ. Тутъ были тоже и мужчины, и женщины. Нашъ молодецъ не отсталъ отъ другихъ. Въ одно мгновеніе ова уцѣпился онъ руками за крѣпкій сукъ, крикнувъ „ухъ!“ и, далеко разбрызнувъ воду, нырнулъ съ головой. Ближайшая стая птицъ поднялась и отлетѣла подальше. Онъ окунулся разъ пять съ головой, потомъ принялся колотить по водѣ ногами, такъ что поднималъ цѣлый туманъ брызгъ; наконецъ выскочилъ, отряхнулся, какъ отряхиваются лошади, и взобрался прежнею дорогою къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ старикъ.

Отсюда обозрѣлъ онъ другіе берега озера. Что дѣлается тамъ? Людей было вездѣ довольно. Въ мѣстахъ, гдѣ почва была слишкомъ вязка и болотиста, они удобно разиѣщались на деревьяхъ.

Зоркіе глаза нашего молодца остановились съ особеннымъ вниманіемъ на небольшой отмели почти у самаго истока рѣки. На близкомъ окружавшихъ эту отмель деревьяхъ сидѣло и качалось особенно много островитянъ и островитянокъ. Громкіе и веселые крики ихъ доносились на другую сторону озера. Видно было, что тамъ происходило что-то очень забавное. Молодецъ нашъ разглядѣлъ и темную голову крокодила, выставившуюся изъ воды какъ-разъ подъ тѣми деревьями, гдѣ шелъ такой живой шумъ.

„А — у?“ крикнувъ онъ вопросительно, во всю мочь своихъ легкихъ.

Старикъ, продолжавшій жевать лежа, испустилъ своимъ полнымъ ртомъ недовольное рычанье.

„У — а!“ донеслось въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ разомъ.

Тонъ отвѣта былъ утвердительный, и нашъ знакомецъ тотчасъ же отправился бы туда, еслибы послѣ купанья ему не хотѣлось поѣсть. Обжорливый старикъ еще больше возбуждалъ въ немъ аппетитъ своимъ чавканьемъ.

Молодецъ взлѣзъ на дерево, и съ каждой ближайшей вѣтви чѣмъ нибудъ попользовался. Послѣ этой недолгой закуски онъ помычался къ отмели, гдѣ собралась веселая компанія, точно такимъ же способомъ, какъ направлялся къ озеру отъ своего ночлега. На

этотъ разъ, однакожь, онъ менѣе развлекался посторонними предметами, а только попавшееся ему на дорогѣ гнѣздо съ очень крупными яйцами нѣсколько задержало его: надо было достать и съѣсть парочку.

По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ цѣли своей прогулки, крики у отдели становились все громче, смѣшанныѣ. Хохотъ, взвизгиванье испуга, угрожающее уханье, одобрительное чмоканье губами, присвистыванье, гиканье, раздавались разомъ.

Вынырнувъ изъ густой листвы, пріятель нашъ былъ принятъ радушнымъ привѣтомъ со всѣхъ сторонъ. Всякой и всякая старались объяснить ему односложными выкриками, въ чемъ дѣло. Но онъ и безъ этихъ объясненій все уже понялъ, — и на минуту прекратившаяся забава тотчасъ же возобновилась.

Всѣ, крича, тѣснясь и толкаясь, размѣстились какъ въ амфитеатрѣ, на крайнихъ къ водѣ деревьяхъ. Небольшая площадка, которую эти деревья обступали и вода по временамъ заплескивала, была сценой забавнаго представленія. Самое комическое лицо изображалъ собою огромный крокодилъ. Онъ выставилъ изъ воды только морду, и не смыкалъ широкой зубастой пасти, оставаясь совершенно неподвижнымъ. Большая часть зрителей-актеровъ была вооружена длинными вѣтками и сучьями. Свѣсившись немного съ дерева, они хлестали ими по носу крокодила. Онъ почти все это переносилъ безстрастно, и только подзадоривалъ этимъ забавниковъ. Они, въ свою очередь, подзадоривали другъ друга крикомъ. Если крокодилъ хоть немного поводилъ носомъ, уклоняясь отъ хлеставшей его вѣтки, вокругъ поднимался веселый хохотъ. Одинъ забавникъ ловко прицѣлился большимъ колючимъ сучкомъ и попалъ имъ прямо въ пасть звѣрю. Челюсти его захлопнулись, и съ трескомъ раздробили сучокъ. Въ это время молоденькая женщина, отличавшаяся особенною зоркостью, пробралась на верхушку самаго близкаго къ крокодилу дерева, оцупала вѣтку покрѣпче, ухватилась за нее одною рукой и одною ногой, качнула ее сильно внизъ, и звѣрь вдругъ получилъ звонкую оплеуху отъ ея голой руки. Быстро разинутая за нею пасть защелкнулась на воздухъ. Упругій сукъ уже поднялъ героиню на безопасную высоту, и она са-

модовольно защелкала языкомъ. Кликамъ одобренія и громкому хоту, казалось, не будетъ конца. Но тутъ на мѣстѣ героини явился нашъ пріятель. Онъ ухватился обѣими руками за тотъ же сукъ, качнулся на немъ и ударилъ крокодила пятками своихъ ногъ между самыми глазами. Крокодилъ тревожно завозился; но пасть его опять захлопнулась на воздухъ. Обидчикъ его уже весело гикалъ на самой верхушкѣ дерева. Опять раздался оглушительный крикъ и хохотъ. Ободренные такими призывами, другіе съ удвоенной энергіей принялись хлестать крокодила по носу вѣтками. Одинъ затѣялъ даже повторить выходку молоденькой героини. Вотъ онъ точно также уцѣпился за сукъ одною рукой и одною ногою; точно такъ же нагнулъ его внизъ; точно такъ же занесъ руку... Въмѣсто пощечины раздался отчаянный крикъ; вода заплеснула голову крокодила, — и она исчезла вмѣстѣ съ неловкимъ смѣльчакомъ. Распрямившійся сукъ обрызгалъ всѣхъ водой. Визгъ ужаса вылетѣлъ изъ всѣхъ устъ; всѣ заметались по деревьямъ, заголосили. Большая часть кинулись подальше отъ рокового мѣста. Даже нашъ неустрашимый пріятель пустился прочь,

Онъ направилъ свой путь къ горѣ, на которой поутру его тѣшили своей возней дѣти. Онъ обливался потомъ, и чувствовалъ усталость послѣ всѣхъ своихъ подвиговъ. Солнце стояло въ зенитѣ, и страшно палило. Надо было поискать тѣни, гдѣ бы отдохнуть.

Онъ хотѣлъ-было влѣзть въ первую же пещеру; но не успѣлъ просунуть голову сквозь заплетавшія входъ ея лозы, какъ оттуда послышался рѣзкій и непривѣтливый голосъ, который, какъ-будто говорилъ: „тебѣ что здѣсь понадобилось?“

Глаза его, привыкшіе къ яркому свѣту, не вдругъ разсмотрѣли, почему его встрѣтили такъ недружелюбно. Но въ пещерѣ было небольшое отверстіе сверху, и съ помощью проходившаго оттуда свѣта можно было видѣть, что пещера, и безъ того тѣсная, уже занята. На полу, обильно устланномъ травами, спало двое или трое съ громкимъ храпомъ.

Еще одному человѣку, впрочемъ, можно было бы помѣститься, и въ другое время нашему молодцу, конечно, не помѣшала бы ни-

кто. Но тутъ случилось особенное обстоятельство. Въ ближайшемъ ко входу углу пещеры слышался крикъ новорожденнаго. Мать, остерегшая своимъ окликомъ непрошеннаго гостя, стояла на колѣняхъ и припала лицомъ къ животу ребенка, закутаннаго въ мягкіе листья. Она зализывала ему только-что скушенный пупокъ, и въ то же время старалась успокоить его, приставляя къ его губамъ свою грудь. Не окликни она нашего молодца, онъ бы могъ неосторожно задѣть ребенка, вздѣвая въ пещеру.

Гротовъ въ горѣ было довольно, и онъ скоро нашелъ себѣ свѣжій уголь и мягкое душистое ложе. Едва расположился онъ на немъ, и закрылъ глаза, сонъ разлился по всѣмъ его членамъ.

V.

Освѣженный двухчасовымъ сномъ, опять такъ же бодро, какъ поутру, вышелъ онъ на свѣтъ, и взобравшись на ближайшее дерево, прежде всего прочистилъ себѣ горло легкимъ крикомъ. Затѣмъ онъ забрался подальше въ лѣсъ, обѣдая по дорогѣ всѣмъ, что попадалось на гд-за вкуснаго.

Слоны семьями шли съ спокойной увѣренностью на водопой и куанье къ рѣкѣ. Но временами ихъ увѣренность исчезаетъ; при малѣйшемъ шорохѣ, они робко прислушиваются.

Онъ сидѣлъ въ вѣтвяхъ, уже кончивъ свой обѣдъ, и будто въ раздумьи, куда бы ему пуститься теперь, какъ вершина сосѣдняго дерева зашелестила, и въ листьѣ показалась молоденькая женщина. Темное тѣло ея дышало такою же силой, какъ и у него; свѣжая грудь едва округлилась; черные глаза смотрѣли бойко; движенья были ловки, гибки, смѣлы. Она, конечно, не хуже утренней героини съумѣла бы дать пощечину крокодилу. А можетъ быть это была и она сама.

Пріятель нашъ весь дрогнулъ при ея появленіи, и оба они разомъ окликнули другъ друга очень привѣтливо. Онъ тотчасъ же перебрался къ ней на дерево. Она засмѣялась, ударила его до-

вольно звонко до плечу, увернулась отъ его рукъ, и очутилась уже на другомъ деревѣ. Онъ за ней. Она соскочила на землю. Онъ притаился въ листьѣ, сорвалъ большой бѣлый цвѣтокъ лианы, и бросилъ имъ въ нее. Она опять засмѣялась, подхватила цвѣтокъ и стала жевать его. Потомъ крикнула и побѣжала по лѣсу. Молодецъ нашъ догонялъ ее. Какъ ни увертывалась она, онъ-таки настигъ. Руки его обхватили ее сзади за упругую грудь. Она выбивалась, слабо вскрикивала, смѣялась, все вмѣстѣ. Онъ вѣшалъ умоляющимъ голосомъ. Она повернула къ нему горячее, обрызганное потомъ лицо; зрачки ея горѣли, бѣлки были влажны; румяныя губы, къ которымъ прильнулъ лепестокъ бѣлаго цвѣтка, раскрылись. Она вся трепетала страстью и нѣгой. Онъ хотѣлъ, кажется, снять этотъ лепестокъ своими губами, и вдругъ почувствовалъ на нихъ ея острые зубы. Руки невольно выпустили ее. Они еще не знаютъ нашего поцѣлuya. Змѣй увлажяетъ своими губами добычу, прежде чѣмъ пожретъ ее. Мужчина еще не сталъ такимъ злодѣемъ для женщины. Она опять захохотала и побѣжала; но по временамъ оглядывалась, бѣжить ли за нею онъ. Онъ, конечно, бѣжалъ. Вотъ лѣсъ разступается. Впереди пышный лугъ. Что тутъ цвѣтеть! Какъ мягка высокая трава! Ни у какого царя не бывало такого роскошнаго брачнаго ложа.

VI.

Онъ лежалъ на травѣ, закинувъ руки за голову. Она сидѣла, поджавъ ноги, около него, и ласково проводила своею ладонью по его груди. Ладонь ея, измозоленная и жесткая, казалась гладкою и нѣжною его грубой и толстой кожѣ. Въ рукѣ была свѣжесть, прохладявшая грудь. Широкіе листы пальмъ, какъ великолѣпный шатерь, покрывали ихъ своею тѣнью. Лѣсная красавица увидала струйку крови на плечѣ у своего мелаго, тихо визгнула, показала ему на плечо пальцемъ; и потомъ припала губами къ ранѣ. Когда она наклонилась надъ нимъ, горячая грудь ея почти касалась

лась его лица. На ней были слѣды ногтей. Кой-гдѣ на царапинахъ застыли капли крови. Онъ тихо слизывалъ эти капли.

Потомъ она встала и исчезла въ зелени. Онъ побѣждалъ было за нею; но она уже возвратилась съ тяжелыми гроздьями въ рукахъ. Теперь она протянулась въ травѣ, и положила грозды себѣ на грудь; онъ сѣлъ около нея, — и пурпуровый соевъ ягодъ окропилъ ихъ бѣлые зубы.

Между ними не шло никакого разговора. Если-бъ ихъ младенческой языкъ былъ и богаче, имъ бы нечего было говорить. Вѣдь они не думали ничего, — они наслаждались. Въ тихомъ мычаньи, въ легкомъ визгѣ, въ игривомъ смѣхѣ выражалось такъ полно ихъ довольство жизнью, ихъ отрада въ ней!

Незамѣтно, какъ сладкая греза, прошло нѣсколько часовъ, Солнце клонилось уже къ закату, когда нашъ юноша разстался съ своею милой. Они не условливались увидаться опять. Этого они не сдумѣли бы. Да и могло ли имъ придти въ голову завтра? Все завтра будетъ сегодня, а съ нимъ и сегодняшнее наслаждение. Можетъ быть, они встрѣтятся, можетъ быть, и нѣтъ. Не все ли равно? Онъ встрѣтитъ другую, она встрѣтитъ другого. Въ чашѣ наслажденія не видать еще дна.

Безъ думъ о прожитомъ днѣ, безъ думъ о днѣ будущемъ слышаетъ нашъ пріятель мягкія вѣтки у вершинъ двухъ деревьевъ, приготовляя себѣ опять воздушную постель. Пріятная истома тѣла опять зоветъ ко сну, — и вотъ онъ тихо покачивается въ своей лиственной колыбели. Сумерки начинаютъ быстро облекать лѣсъ; голось за голосомъ, утихаютъ въ немъ дневные звуки. Примолкаютъ даже свистыя попугаевъ, и они выпархиваютъ лишь для того, чтобы выбрать себѣ болѣе удобную вѣтку для насѣста. Ихъ начинаютъ замѣнять другіе голоса, слышныя только ночью. Дикій крикъ павлина возвѣщаетъ закатъ солнца. Одна за другой огненные мушки летятъ, какъ сорвавшіяся съ неба звѣзды. Гуденье жуковъ раздается такъ внятно надъ головой, незаглушаемое крикомъ птицъ. Но и птицы спятъ не всѣ, вотъ ухнула сова и круглые, желтые глаза ея сверкнули во мракѣ кустовъ. Издали слышался вой гонимы. Онъ приближается. Она вѣрно слышитъ въ

травѣ задупеннаго леопарда. Въ рѣкѣ и на озерахъ слышится по временамъ тяжелый плескъ.

Синее небо давно потемнѣло, давно зажглись въ немъ чистыя звѣзды, безъ трепетнаго лучистаго свѣта, ясныя, какъ хрустальныя лампы. Въ нѣдрахъ горъ слышно глухое урчаніе, словно угрожающій ропотъ, и зарево ихъ горить ярче.

Пріятель нашъ спитъ, и ничего не видитъ, не слышитъ.

Разсказъ о подразниваніи крокодила перенесенъ мною на людей съ обезьянъ. Вотъ его источникъ:

„Забавно видѣть, какъ крокодилы излавливаютъ обезьянъ, которымъ приходитъ иногда фантазія поиграть съ ними: у самага берега лежитъ крокодилъ, — туловище въ водѣ, и только вмѣстительный ротъ его находится на поверхности, готовый схватить все, что только можно ему достать. Толпа обезьянъ подмѣчаетъ его, повидимому совѣтуется между собой, приближается мало-помалу, и начинаетъ свои шалости, поочередно играя роль то актеровъ, то зрителей. Одна изъ самыхъ расторопныхъ или самыхъ наглыхъ перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, и останавливается въ почтительномъ разстояніи отъ крокодила. Здѣсь, повиснувъ на одной лапѣ, и со свойственною этимъ животнымъ ловкостію, то приближаясь, то удаляясь, она даетъ своему непріятелю ударъ лапой, или же дѣлаетъ видъ, что сдѣлала это. Другія обезьяны, забавляясь этой шуткой, очевидно желаютъ принять въ ней участіе; но такъ какъ другія вѣтви слишкомъ высоки, то обезьяны образуютъ родъ цѣпи, взявшись другъ за друга лапами, и такимъ образомъ качаются взадъ и впередъ. Кто изъ нихъ можетъ только достать до крокодила, дразнить его, какъ только умѣетъ. Иногда страшныя челюсти внезапно захлопываются, но дерзкая обезьяна успѣваетъ ускользнуть, тогда поднимаются торжественныя крики шалуновъ и они весело скачутъ кругомъ. Случается, однакожь, что лапа попадаетъ въ

ротъ крокодилу, и онъ съ быстротою молніи увлекаетъ подъ воду свою жертву. Тогда вся толпа разсѣвается съ визгомъ и крикомъ. Такое несчастье не мѣшаетъ имъ, впрочемъ, возобновлять черезъ нѣсколько дней ту же игру.“ (Travels in the Central Parts of Indo-China (Siam), Cambodia, and Laos, during the years 1858, 1859, and 1860. By the late M. Henri Mouhot. 2 vols. London (Murray), 1864).

Гексли говоритъ: „Неужто какой нибудь великій поэтъ, философъ или художникъ, гениемъ своемъ прославившій и просвѣтившій свой вѣкъ, будетъ униженъ, низведетъ съ своего высокаго мѣста, вслѣдствіе несомнѣнной исторической вѣрности, — чтобы не сказать увѣренности, — что онъ по прямой линіи произошелъ отъ какого нибудь голаго, звѣроподобнаго дикаря, у котораго настолько хватило разума, чтобы хитростію превзойти лисицу и тѣмъ самымъ быть опаснѣе тигра? Развѣ филантропъ можетъ отказаться отъ старанія вести примѣрную жизнь, потому только, что, при простѣйшемъ изученіи человѣческой природы, мы находимъ, въ ея основаніи, всѣ эгоистическія страсти и свотскія побужденія обыкновенныхъ четвероногихъ? Развѣ материнская любовь — низкое чувство, оттого, что она проявляется у курицы, или вѣрность — подлое свойство, потому-что имъ отличаются собаки?

„Въ началѣ земля была пышно цвѣтущимъ садомъ“, рассказы-валъ старый рапсодеъ. „Жизнь человѣка была свѣтлымъ и сладкимъ пиромъ. Обиліе, счастье и миръ царствовали на землѣ. Крокодилъ ласкался къ людямъ, какъ ручной голубь; тигры играли съ дѣтьми людей; боа приносила женщинамъ розы въ своихъ губахъ. Каждая пядь земли давала пищу, съ которою ничто не сравнится въ сладости. Румяныя яблоки, золотыя грозды, изумрудныя орѣхи, радужныя ягоды висѣли на каждой вѣткѣ, подъ каждымъ листомъ; медвяный совъ катился душистой струей по стеблямъ и стволамъ

растений. Мягкая, кудрявая мурава разстилала повсюду свои бархатныя подушки. Вездѣ былъ готовъ пиръ человѣку, вездѣ готово ложе. Чуткая мимоза, вздрогнувъ, давала знакъ широко-лиственнымъ бананамъ, и они смыкали свои листья шатромъ, — длинный листъ махроваго папоротника начиналъ тихо раскачиваться, какъ опахало надъ горячимъ лицомъ спящаго. Райская птичка вспархивала къ вершинамъ деревьевъ, и говорила своимъ старшимъ сестрамъ: „тише! человѣкъ спитъ!“ И умные попугаи примолкали на минуту, разсаживались надъ изголовьемъ его, и, понизивъ свои рѣзкіе, крикливые голоса, начинали отрывисто и задумчиво рассказывать чудныя сказки. Горлицы садились еще ближе, и тихо ворковали ему баюкающія пѣсни. Звѣри уходили подальше, затаивъ голосъ, стараясь не шумѣть травой, чтобы не мѣшать сну человѣка. Гремучая змѣя становилась на стражѣ. Она высоко поднимала голову и звенѣла своими бубенчиками, когда ктонибудь подходилъ близко къ мѣсту отдыха человѣка. Люди ни передъ чѣмъ не знали страха. На землѣ было просторно жить всѣмъ. Ни одинъ звѣрь не отнималъ у другого пищи, — всѣмъ было ея слишкомъ довольно. Ни одинъ самецъ не дрался съ другимъ изъ-за самки, — наслажденья было слишкомъ довольно каждому. Человѣку нечего было думать о прошедшемъ. Настоящій день былъ только продолженіемъ того же счастья, той же нѣги и той же отрады, которыя были вчера и позавчера, и такъ дальше, до самаго дня его рожденія. Нечего ему было думать и о завтрашнемъ днѣ. Завтра ожидаетъ его тотъ же сладкій пиръ, та же сладкая любовь. Объятыя женщины были, какъ пламя; онѣ рождали, улыбаясь отъ сладкой боли, — такой же страстно-блаженной боли, отъ какой умирали временною смертью въ объятіяхъ любви. Изъ глазъ человѣка никогда не текло слезъ, этой горькой влаги страданія. Безболѣзненно кончалъ жить человѣкъ. Это былъ тихій сонъ безъ вздоховъ, безъ грезъ, безъ пробужденія.

„Все это пережилось, все прошло, какъ сонъ. Людямъ настало время горя. Давно въ утробѣ земли горѣло потаенное пламя; давно вздыхала она тяжело и глубоко своими высокими грудями, горячими горами; давно слышались ея глухіе стоны, какъ будто

страшная боль раздирала ея нѣдра. Часто, какъ изъ глубовихъ, смертельныхъ ранъ текла изъ нея огненная кровь, запекаясь камнею въ долинахъ между горами. И насталь страшный день. Море стало влокатъ и дымиться, на его свистъ и шипѣнье отвѣчали глухіе стоны и протяжные вопли изъ глубины земли. Всѣ волны слились въ пѣнистый водоворотъ, разлетаясь тучами брызгъ. Разинулось черное жерло посреди него, и пламенный столбъ взлетѣлъ до самаго неба. Солнце померкло, и дрогнула земля отъ края до края. Грудь ея растреснулася,—изъ неисчислимыхъ ранъ ея хлынула пламенная кровь ея сердца. Черныя тучи загромодили небо. Въ нихъ грохоталь громъ; грохоталь огъ и въ морѣ, и на землѣ. Черный дождь полился изъ тучъ, завывль ураганъ. Море хлестало въ тучи своими черными волнами; земля вскидывала къ нимъ багровые потоки огня; тучи метали и въ море, и въ землю свои огненные пращи и стрѣлы. Казалось, вся жизнь погибаетъ на землѣ. Разверзались огненные бездны, и съ трескомъ проваливались въ нихъ горы. Изъ морской пучины выдвигались каменные громады. Море со свистомъ, или шипѣньемъ и воемъ рвалось залить землю. Долго длилась эта скорбная ночь. Въ ея громахъ и буряхъ не было слышно воя и воплей ужаса, какими оглашало землю все живое, видя идущую гибель, или погибая. Но море, небо и земля кончили свою битву. Каждый взялъ свою добычу. Небо разбило своими стрѣлами горный оплотъ, мѣшавшій свободно ходить его солнцу. Море захватило въ свою жадную пасть влочокъ цвѣтущей земли. Земля вдвинула свои жесткія скалы въ его влажное лоно. И все утихло, утихло и усмирилось. Опять показалось солнце въ небесной высотѣ; но что увидали на землѣ его лучи? Они увидали первую скорбь человѣка.

„Отъ людей и звѣрей, населявшихъ землю, отъ травъ и деревьевъ, осѣнявшихъ ее, не осталось и половины. И земля стала не такъ обширна, какъ была. Половину ея поглотило море. И та половина, которая не далась его жадной пасти, стала похожа на печальную пустыню. Гдѣ стояли цвѣтущіе лѣса, дымились теперь зловонныя болота. Гдѣ стояли щедро-одѣтыя зеленью горы, синѣли озера въ глубовихъ котловинахъ. Рѣки, опущенной такъ густо

темными рощами, какъ не бывало. Новый потокъ несея къ морю. Онъ не проложилъ еще себѣ постояннаго русла, и метался, какъ звѣрь, ударяясь въ бѣгѣ о голыя и бесплодныя скалы. Скалы эти выдвинулись въ грозную ночь тамъ, гдѣ разстилались вѣчно-цвѣтущія долины“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Schen in des Gebirges kluften
Parg der Troglodite Si h.

Schiller.

(Робокъ, пагъ и дикъ скрывался
Троглодитъ въ пещерахъ скалъ).

Жуковскій.

I.

Одна выше другой величавыми террасами встаютъ горы. Вершины дальней цѣпи какъ будто уходятъ въ небо, и сливаются съ нимъ своими легкими голубыми очертаніями. Мѣстами полосы нетающихъ снѣговъ ослѣпительно сіяютъ розовыми отливами подъ тропическимъ солнцемъ. Они кажутся ступенями, съ которыхъ можно перешагнуть въ эту лазурную глубь.

Эти горы, обступившіе амфитеатромъ морское побережье, стоятъ такъ близко, если смотрѣть на нихъ съ длинной песчаной косы, заплескиваемой теплыми волнами. Воздухъ такъ прозраченъ, что каждая бѣлая тучка, набѣгающая на ихъ синія вершины, видна ясно съ побережья. Но между имъ и этою грядой горъ, замыкающихъ собою амфитеатръ, лежитъ еще недостижимая даль для людей, которые живутъ въ ближайшихъ окрестностяхъ берега. Они назвали бы эти дальнія горы концомъ міра, глухою стѣной, которая поддерживаетъ съ этой стороны небесную кровлю, — если бы мысль ихъ могла хоть на минуту останавливаться на такомъ далекомъ для нихъ предметѣ. Конецъ міра гораздо ближе для нихъ. Но и до этой пограничной черты мысль ихъ не доходила. Она

едва уловляетъ, — и то не надолго, не успѣвая запечатлѣть въ словѣ, — явленія и болѣе близкія, когда они не касаются самыхъ неизбѣжныхъ потребностей. А потребности всё въ томъ, чтобъ быть цѣлу, быть сыту. Каждый день встаетъ солнце и каждый день блещетъ въ лучахъ его безконечное море; каждую ночь выходитъ въ небо мѣсяцъ, и загораются надъ землей лампы звѣздъ. Недвижимо стоятъ дальнія горы. О нихъ нѣтъ заботы человѣку. Что же и думать о нихъ? Они не возбуждаютъ его воображенія. Минута спокойствія есть для него минута сна. Въ грезахъ его безсознательно повторяются картины окружающей его природы. Въ этихъ грезахъ не все является въ совершенно такомъ видѣ, какъ на яву. Но, пробуждаясь, онъ забываетъ за насущной заботой свою грезу, и не останавливается на ней мыслью. Только то, что необходимо нужно, безъ чего нельзя жить, — только то, что грозитъ неминуемо гибелью, занимаетъ его; только для этого есть у него названіе. Онъ далъ имя морю, потому что оно страшно своими приливами; но у него нѣтъ еще имени небу. Потомъ онъ, можетъ быть, назоветъ его неподвижнымъ моремъ. У него есть названіе тигру, — и нѣтъ названія солнцу. Когда нибудь солнце превратится въ его воображеніи и словѣ въ небеснаго тигра.

Онъ говоритъ, какъ грудной младенецъ, но уже говоритъ. Значитъ, онъ живетъ не одиноко; значитъ необходимость защиты сомкнула уже людей.

Если бы преданіе не ограничивалось у нихъ только указаніемъ на то, что можно вѣсть, и какого звѣря надо бояться, — если бы память ихъ могла обнимать не нѣсколько лишь ближайшихъ дней, эти люди, еще такъ похожіе на обезьянъ, рассказали бы преданіе о всемірномъ потопѣ и объ огненномъ дождѣ, истребившемъ ихъ одежду. Но потопъ и огненный дождь застали ихъ еще разрозненными и безсловесными, и оставили имъ только страхъ и пужду. И вотъ создалось человѣческое стадо.

Эти мѣста, гдѣ люди впервые почувствовали необходимость соединиться, дѣйствительно были раемъ еще недавно. Пятое или шестое поколѣніе жило въ скудныхъ его остаткахъ. Грозный геологическій переворотъ видоизмѣнилъ здѣсь морскіе берега. Такой же

райскій островъ, къ которому полосой шли коралловые рифы отъ этихъ береговъ материка, былъ поглощенъ волнами, и, взявъ его, выдвинулся гораздо далѣе другой, больше, выше и шире. Страшное землетрясеніе погубило половину растительной и животной жизни на прибрежьѣ. На мѣстѣ лѣсовъ явились болота, рѣка измѣнила свое ложе, въ провалахъ горъ образовались озера. Въмѣсто холмовъ, одѣвавшихся кустами и деревьями, торчали голыя скалы, которымъ еще долго ждуть новой зеленой одежды.

Пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ солнце выпаритъ влагу изъ этихъ болотъ, и сѣмена, заносимыя вѣтромъ, пустятъ въ нихъ ростки и корни, и поднимутся опять роскошными лѣсами. Пройдутъ вѣка, прежде чѣмъ періодическіе дожди и муссоны размочатъ и вывѣтрятъ эти бесплодныя скалы и облекутъ ихъ корою плодосной почвы. А до тѣхъ поръ жизнь людей пойдетъ здѣсь печально, въ вѣчной заботѣ о своемъ самосохраненіи. То время, когда каждый изъ нихъ жилъ отдѣльно и самостоятельно, когда каждый носилъ въ самомъ себѣ и свое право, и свою защиту, когда встрѣча съ другимъ нужна была только для забавы, для наслажденія, — то время миновало безвозвратно. Если природа этихъ береговъ опять возвратитъ себѣ прежній блескъ и прежнюю обильную красоту, она, можетъ быть, не увидитъ уже тутъ людей, а если и увидитъ, то увидитъ совсѣмъ не похожими на тѣхъ, которые блаженствовали когда-то посреди ея неистощимыхъ даровъ, въ райской анархіи. „Они были звѣрями“, скажетъ нынѣшній человѣкъ, самолюбію котораго обидно признавать свое родство съ оранг-утангомъ и гориллой, гордости котораго тяжело назвать негра своимъ братомъ. Да, они были звѣрями, но звѣрями сытыми, здоровыми, спокойными, счастливыми, огражденными отъ нужды и опасности богатствомъ окружающей природы. Въ этотъ второй періодъ ихъ развитія, когда они видятъ, что жить врознь и въ разбродъ стало нельзя, они все еще звѣри, но уже безъ прежняго довольства и счастья.

II.

Остатки лѣсовъ, подходящихъ къ первымъ отрогамъ прибрежныхъ горъ, еще очень пышны и тѣнисты. Будто чудомъ ихъ пощадилъ подземный огонь, и они цвѣтутъ въ прежней красотѣ. Ихъ сѣменамъ суждено оплодотворить когда нибудь всѣ пустынные теперь мѣста этихъ горъ и равнинъ; но сѣмена, разносимыя вѣтромъ съ ихъ деревьевъ и кустовъ, падаютъ еще на камень, на песокъ, — и лѣса остаются только оазисами среди окружающей безплодной почвы. Ихъ роскошное убѣжище перестало уже быть безопаснымъ для человѣка. Ему нельзя, какъ прежде, кочевать съ дерева на дерево, спать въ воздушной, зыбкой постелѣ изъ вѣтвей и листовъ; нельзя привольно гулять, не страшась встрѣчи ни съ какимъ звѣремъ. Эти встрѣчи становились ему очень опасны. Хищный звѣрь, не находя вокругъ себя прежняго обилія, сталъ сморгѣть на человѣка, какъ на хорошую добычу. А чѣмъ бы сталъ бороться и защищаться человѣкъ?

«Первымъ оружіемъ были руки, зубы и ногти,
Или же камни, и сучьевъ древесныхъ обломки» *).

Этого оружія было мало, чтобы сражаться съ врагомъ сильнѣйшимъ.

А между тѣмъ встрѣчи съ этимъ врагомъ были все-таки неизбѣжны. Лѣсъ доставлялъ всего болѣе пищи, нужной человѣку.

Прежде ему нечего было враждовать съ другими животными. Для всѣхъ было довольно пищи, — и миръ не нарушался, какъ не нарушается онъ между сытыми домашними кошками и собаками, врагами на волю. Правда, истребительная борьба шла уже и прежде между сильнѣйшими и слабѣйшими породами. Но въ этой борьбѣ человѣку незачѣмъ еще было принимать участіе. Онъ зналъ, что

*) Arma antiqua, manus, ungues, dentesque fuerunt,
Et lapides, et item sylvarum fragmina rami.

(Лукреція.)

есть звѣри съ зубами острѣе и крѣпче его зубовъ, съ когтями, передъ которыми ничтожны его ногти, съ мускулами, невредимыми какъ камень. Но они все-таки были не опасны. Имъ не приходилось еще вступать съ нимъ въ борьбу изъ-за существованія. Теперь звѣрь сталъ голодать, и встрѣтиться одинъ на одинъ съ тигромъ, съ медвѣдемъ, значило пасть въ неравной борьбѣ. Человѣку и самому приходилось чаще голодать, — и онъ становился слабѣе.

Пещеры, бывшія прежде только мѣстомъ его отдыха, стали теперь ему почти постояннымъ жильемъ, изъ котораго онъ выходилъ только искать пропитанія.

Вотъ эти пещеры въ первой, ближайшей къ берегу грядѣ горъ. Нѣкоторыя изъ нихъ не больше какъ узкія и неглубокія трещины, съ просвѣтомъ вверху; другія похожи на искусственно выбитыя въ скалѣ гроты; третьи начинаются очень узкимъ устьемъ, но расширяются дальше и идутъ корридормъ въ глубь горы. Первые люди, рѣшившіеся пролѣзть въ черную узкую пасть подземныхъ корридоровъ, были Бартами и Ливингстонами этихъ невѣдомыхъ мѣстъ. Были и менѣе счастливые изслѣдователи. Не мало ихъ задохлось отъ удушливыхъ газовъ, наполнившихъ нѣкоторыя изъ пещеръ, или погибло въ провалахъ, или потонуло въ тинѣ подземныхъ ключей. Но у нихъ не было еще именъ, и о нихъ не оставалось памяти, какъ о первыхъ „жертвахъ науки“.

Входы почти всѣхъ пещеръ завалены большими камнями. Это первыя двери, въ которыя не можетъ пробраться никто, кромѣ человѣка. Силы отвалить эти камни достало бы у многихъ другихъ животныхъ; но не достало бы ловкости. Но какъ долго нужно было напрягаться уму, чтобы придумать себѣ и эту защиту. И онъ не самъ придумалъ ее. Ее указалъ ему случай; но и тутъ онъ еще не сразу послѣдовалъ его указанію, а старался только воспользоваться счастливой случайностью. У самаго устья одной изъ пещеръ лежалъ огромный, обрушившійся съ ея сводовъ камень. За него можно было забраться, хотя и съ трудомъ. Эта ограда была не вполнѣ безопасна; но все же не всякій звѣрь могъ пролѣзть въ небольшое отверстіе. И всѣ стали тѣсниться въ эту пещеру.

Произошло не мало ожесточенных дракъ за ночлегъ въ ней. Надо было, чтобы нѣсколько разъ забралась туда голодная гиенна, чтобы навести обитателей пещеры на мысль, приваливать камень ближе къ отверстію и совсѣмъ запирать входъ. Такъ же трудно было придумать заваливать камнями входы другихъ пещеръ. И удивительно ли это? Сколько десятковъ тысячелѣтій паръ заставлялъ подпрыгивать и подниматься крышку подъ котломъ съ кипящей водой, прежде чѣмъ человѣкъ обратилъ вниманіе на это явленіе, какъ на указаніе новаго средства для своего благосостоянія!

Но вотъ пещеры всѣ снабжены дверями, — и съ этой стороны обезпечена безопасность. Но довольно ли въ нихъ мѣста для всѣхъ? Не совсѣмъ. Духота и тѣснота заставляютъ гнать оттуда тѣхъ, кто послабѣе. Первая аристократія уже создавалась — аристократія силы. Безсильное ожесточеніе слабого мало-по-малу обращается въ хитрость; но она еще плохо помогаетъ. Люди не успѣли доразвиться до подлости и лести, чтобы найти въ нихъ замѣну силы.

Не взаимное условіе, не договоръ, соединили все людское населеніе прибрежья въ этихъ сосѣднихъ другъ съ другомъ пещерахъ. Ихъ просто согнали туда страхъ преслѣдованія отъ хищныхъ звѣрей, — и они остались вмѣстѣ. При первомъ же сближеніи между ними закипѣли ссоры, для которыхъ прежде не было у нихъ повода. Ночлегъ, лишній кусокъ, женщина — стали предметами вражды и столкновеній. Изъ-за женской ласки происходили отчаянныя схватки между мужчинами, такія же, какія мы видимъ теперь между такъ-называемыми низшими животными. Не хуже собаки рычали и грызлись они около женщины, ожидавшей себѣ мужа. Побѣда оставалась за самымъ сильнымъ. Женщина тотчасъ же брала его сторону, и помогала ему скорѣе соединиться съ нею, отгоняя отъ себя съ ожесточеніемъ всѣхъ болѣе слабыхъ. Сила была высшимъ достоинствомъ человѣка, и ей еще по праву доставалось тогда первенство. Для борьбы съ ожидавшими людей опасностями были нужны болѣе всего физическія силы, — и сама природа, казалось, указывала только наиболѣе одареннымъ силой становиться родоначальниками будущихъ поколѣній. Слабый жилъ почти безъ наслажденій, умиралъ безъ потомства.

Прежде вырвать изъ ружь другого какой нибудь надушенный имъ плодъ—было только шуткою. Стоило протянуть руку, чтобы сорвать другой, — и ссориться было не изъ-за чего. Теперь это стало иначе. Первые зачатки собственности, хотя и не прочной, уже появились. И собственность принадлежала только сильнымъ.

Забота данной минуты слишкомъ поглощала все вниманіе, и люди не дѣлали еще запасовъ. Надобны были опыты долгаго повальнаго голода, чтобы заставить ихъ приберечь часть сегодняшней пищи на завтра.

III.

Полутру, на песчаномъ берегу, съ котораго только - что отхлынулъ приливъ, собрались почти всѣ обитатели побережья. У пещеръ не осталось никого. Женщины принесли съ собой и грудныхъ дѣтей.

Море, отхлынувъ, оставило на пескѣ берега множество раковинъ, слизняковъ, мелкой рыбы. Все это потребляется съ жадностью жителями побережья.

Только очень внимательный взглядъ, обращенный на нихъ, могъ бы замѣтить въ ихъ лицахъ и въ формѣ ихъ тѣла нѣкоторое измѣненіе сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда главнымъ мѣсто-пробываніемъ ихъ былъ лѣсъ. Въ глазахъ ихъ свѣтится какъ будто больше вниманія, осторожности; спина стала прямѣе, ступня потеряла часть своей гибкости. Многимъ поколѣніямъ людей приходилось больше бѣгать и ходить, чѣмъ лазить по деревьямъ. Но у лучшихъ представителей расы все еще очень широки плечи и всѣ кости, все еще очень крѣпки мускулы. У всѣхъ ихъ животъ уже не выдается такъ впередъ, какъ у ихъ беззаботныхъ предковъ. Умѣренность въ пищѣ придала многимъ худобу. Умѣренность эта, конечно, невольная; стоитъ посмотрѣть, съ какимъ сладострастіемъ ихъ зубы рвутъ сырую и нѣсколько уже испорченную ры-

бу, — какъ разгрызають они раковины и выхлебываютъ изъ нихъ слизистаго моллюска.

Разговора не слышать. Только женщины покрикиваютъ иногда на дѣтей, которыя возятся въ песокѣ или бѣгають, отыскивая себѣ ѣду. Гортанные звуки ихъ словъ отрывисты, безсвязны. Порою слышатся будто одобрительныя замѣчанія отъ гастрономовъ, разлегшихся на песокѣ, и загребшихъ поближе къ себѣ свой завтракъ. Они, кажется, похваляютъ его своими односложными восклицаніями. Есть люди, которымъ не нравится этотъ пиръ подъ самыми лучами палашаго солнца. Они набирають запасъ разныхъ разностей въ руки, и уходятъ въ тѣнь утесовъ и пещеръ, — и удовлетворяють свой аппетитъ тамъ.

Около полудня, когда солнце станетъ палить еще жарче, можно будетъ забраться и въ опушку лѣса. Прекрасные плоды на верхушкахъ деревьевъ, кажется, ждуть сбора. Но рѣдкій уноситъ хотя часть ихъ съ собою. Вотъ одному приходитъ въ голову сорвать огромный листъ, и въ него положить яблокъ и ягоду, чтобы снести въ пещеру, можетъ быть, для оставшихся дѣтей своихъ. Другіе бросаются вслѣдъ за нимъ, отнимають у него его жатву, и онъ убѣгаетъ лишь съ скудными ея остатками въ пальмовомъ листѣ. Не сразу догадываются другіе, что могутъ и сами сдѣлать такіе запасы, каждый для себя.

Не всѣ ограничиваютъ свою прогулку по лѣсу одною его опушкой. Многіе забираются и въ глубь его. Самые страшные изъ лѣсныхъ звѣрей — это тигръ и буйволъ. Но въ полдень они не бродятъ близко и ихъ можно избѣжать. А въ глубинѣ лѣса все растетъ обильнѣе. Да и поневолѣ надо искать пищи подальше. У самой опушки ея недостаточно для всѣхъ, и ея плоды обираются ежедневно.

Счастливыи день, когда всѣмъ можно быть сытымъ и не драться изъ-за куска тухлой рыбы! Такіе дни не всегда бываютъ. Какъ ни горячо это солнце, но оно не можетъ заставить деревья приносить плоды круглый годъ. Въ эти промежутки надо питаться только тѣмъ, что приносить море. Но его даянія скудны. Надо, вмѣсто плодовъ и орѣховъ, питаться древесной корой. Эта кора

вкусна и не похожа на жесткую и горькую кору нашихъ печальныхъ лѣсовъ. Но съ нея не разжирѣешь, ею не будешь очень сытъ.

Между тѣмъ въ пещерахъ довольно мѣста, и на время недостатка можно бы устроить кладовую въ ихъ глубинѣ. До этого они еще нескоро додумаются. Надо, чтобы сначала истощенье принесло съ собою болѣзнь, смертность. Но и на умирающихъ братьей они посмотрятъ, можетъ быть, какъ на помощь въ бѣдѣ. Голодные живые станутъ ѣсть своихъ мертвыхъ. Но этого имъ нельзя будетъ дѣлать спокойно. Запахъ труповъ приведетъ къ ихъ жилищамъ стаи гienнъ, шакаловъ и волковъ. Надо будетъ побросать имъ мертвыхъ, чтобы только звѣри ушли въ свои тущобы.

Все это тяжелые уроки; надо ихъ пережить, чтобы сдѣлать хоть шагъ впередъ въ томъ, что мы называемъ теперь наукой. Да и довольно ли бывало одного такого урока. Конечно, нѣтъ. Въ этомъ порукой наше образованное время, наше цивилизованное общество, съ его политической исторіей, съ его народнымъ хозяйствомъ. Развѣ не такіе же уроки переживаемъ мы безпрестанно; а много ли даютъ они намъ предусмотрительности? много ли отвращаютъ бѣдствій и зла въ будущемъ?

Чего же хотять отъ „звѣрей“, какими еще были люди?

IV.

Еще недавно человѣкъ стоялъ въ уровень со всѣми остальными животными; теперь онъ ниже большей части ихъ. У него нѣтъ еще и той цивилизаціи, до которой нужда и опытъ довели многія слабѣйшія породы. Онъ могъ бы поучиться у нихъ многому; но ученье тяжело ему, какъ ребенку. На жизнь другого животного, если оно не вредитъ ему прямо, или не прямо полезно ему, онъ смотритъ совершенно равнодушными глазами. Гнѣзда птицъ, норы подземныхъ звѣрковъ, стройный порядокъ муравьиныхъ кучъ, хлопоты о будущемъ, запасы ихъ, поиски лучшихъ мѣстъ для житья,

всѣ эти примѣры передъ ними постоянно; но когда еще они научатъ людей слѣдовать имъ, дѣлать то же? Паукъ плететь передъ ними свою сѣть и ловить въ нее мухъ; они не думали еще, что можно также ловить рыбу. Червь прядетъ нити изъ листка и дѣлаетъ изъ нихъ себѣ мягкую постель; люди не думали еще объ его искуствѣ. Муравьи дѣлаютъ валъ веругъ своихъ жилищъ; огораживаютъ ихъ; обращаютъ стада тли въ стада своего домашнего скота. У людей не являлось еще мысли о прочной оградѣ, о дружескомъ обмѣнѣ услугъ съ другими, кроткими и способными къ прирученію животными. На всѣ эти успѣхи нужны имъ вѣка страданій, вѣка нужды. Какъ прежде полное довольство мѣшало ихъ развитію, такъ теперь мѣшаетъ нужда. А будетъ время, когда человѣкъ станетъ гордо называть разумъ своею привиллегією передъ остальною тварью.

Море принесло и оставило на берегу полусгнившій пенъ, весь окутанный цѣпкими и крѣпкими, какъ струны, стеблями какого-то вьющагося морскаго растенія. При отливѣ пенъ уперся своими острыми и широкими корнями въ вязкій песокъ и волны не унесли его обратно. Въ путаницѣ оплетавшихъ его вѣтокъ засѣло, какъ въ сѣти, много рыбы и другой морской живности. Эту добычу открылъ одинъ изъ туземцевъ и завладѣлъ ею, пока другіе, усиленные, не замѣтили новаго удобнаго мѣста ловли и не отгѣснили его отъ его открытія. Пенъ сталъ самымъ привлекательнымъ пунктомъ на берегу. Каждый разъ послѣ отлива къ нему тѣснились съ жадностью. Въ лѣсу довольно лозъ. Самый случай учить ихъ сплести изъ нихъ первую вершу. Они умѣютъ завязывать узелъ изъ двухъ вѣтокъ. Это искусство появилось между ними еще въ ту пору, когда они еще не умѣли различать себя отъ орангутанговъ. Отъ узла не трудно перейти и къ связыванью трехъ, четырехъ вѣтокъ вмѣстѣ. Но нѣтъ; для нихъ еще и это трудно. Мысль о вершѣ придетъ имъ въ голову развѣ тогда только, когда волны станутъ подмывать пенъ и онъ станетъ покачиваться, грозя уплыть назадъ въ море.

Сказка объ изобрѣтеніи финикійцами стекла, объ открытіи пурпура, эта сказка остается исторією всѣхъ человѣческихъ изобрѣ-

тений чуть не до самаго нашего времени, до такихъ открытій, какъ паръ, какъ электричество, какъ фотографія. Не даромъ разсказываются такіе же анекдоты, какъ про финикійцевъ, про Гуттенберга съ попавшеюся ему строчкой Цицерона, про Ньютона съ его яблокомъ. Только теперь начинаемъ мы—и то еще какъ слабо!—копить опыты и провѣрять ихъ съ опредѣленною цѣлью.

Какъ бы то ни было, первая верша изобрѣтена и прибрежное населеніе превратилось въ рыбаковъ. Шаги отъ какого нибудь изобрѣтенія къ его новымъ примѣненіямъ, конечно, легче, чѣмъ самое изобрѣтеніе. Но искать усовершенствованій и новыхъ примѣненій можетъ заставить только опять-таки какая нибудь неудача, нужда, или же столь могущественный для этихъ людей случай.

Эти потребности и нужды, эти случаи превратятъ сплетенную изъ лозъ вершу въ залитое глиною ведро, которое не будетъ пропускать сквозь себя воду; это ведро, плавая на поверхности воды, подастъ и первую мысль о жалкой ладьѣ. Острая раковина будетъ первымъ ножомъ, круглая и полая первой чашкой. И между каждымъ изъ этихъ простыхъ открытій будутъ проходить столѣтія, пока эти люди дойдутъ и до тѣхъ жалкихъ успѣховъ, на какихъ мы застали прибрежныхъ жителей Австраліи.

V.

Съ первой же поры, какъ населенію прибрежья пришлось сойтись въ кучу, съ первыхъ же годовъ, когда имъ стало невозможно раздѣляться и разбрасываться по разнымъ мѣстамъ, явились и начатки того, что мы называемъ теперь обществомъ.

Только необходимость стоять ближе другъ къ другу, держаться крѣпче одинъ за другого для своей защиты, связала ихъ. Какъ же самая эта необходимость принесла съ собою и все то, что болѣе всего было способно нарушить эту неизбѣжную и необходимую связь? Въ ту же минуту, какъ окружающій міръ нарушилъ равенство въ наслажденіи для всѣхъ, нарушилось въ дѣтскомъ сознаніи

человѣка и равенство правъ на наслажденіе. Высшимъ правомъ стала сила, —исключительно сила физическая, потому что она одна была необорима. Наслажденія для всѣхъ уже недостаточно; то, что есть, пусть принадлежитъ сильному. Люди перестали быть просто людьми; явились отличія.

VI.

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ неподалеку отъ пещеръ каждую ночь слышится громкое рыканье льва. Онъ видно голоденъ и ищетъ пищи. Иногда, проснувшись посреди ночи, обитатель пещеры слышитъ отчаянно-быстрый топотъ и бѣгъ. Это вѣрно олень, спасающійся отъ преслѣдованія. Шаги его замерли въ отдаленіи; примолкъ и голосъ льва. Его не будетъ уже слышно до завтрашней ночи.

Передъ вечеромъ всѣ собрались на ночлегъ въ свою пещеру. Она не велика. Устье ея довольно широко; каменный сводъ дальше поднимается такъ, что подъ нимъ можно свободно стоять не нагибаясь. Еще дальше, въ самой глуби ея, небольшой поворотъ, въ который можно только проползти, и то лишь такъ, что когда голова коснется глухой стѣны, ноги все-таки остаются по щиколку снаружи. Это пространство годно развѣ на то, чтобы сдѣлать въ немъ кладовую для какихъ нибудь запасовъ. И точно, тамъ стоятъ плетенныя изъ лозъ корзины съ орѣхами и плодами.

Полъ пещеры высоко устланъ весь листьями. Нижніе слои этой настилки давно превратились бы въ сухую труху, еслибъ постоянная влажность почвы долго не поддерживала въ нихъ свѣжести. На этихъ листовенныхъ коврахъ располагаются спать жители пещеры. Ихъ нѣтъ и десяти. Больше не было бы гдѣ помѣститься. Тутъ четыре женщины и двое мужчинъ; остальные — дѣти. Всѣ, сколько ихъ ни есть, только-что воротились въ пещеру изъ своихъ поисковъ по ближайшей опушкѣ лѣса. Многіе жуютъ. Одинъ набралъ острыхъ и разнovidныхъ кремней въ горѣ, и владеть ихъ

около груди такихъ же камней у самаго входа. Онъ уже ловко умѣетъ пускать ихъ своей сильной и мѣткой рукой, — и не разъ спасалъ себя ими отъ голодныхъ звѣрей. Около этихъ кремней лежатъ и другія орудія въ этомъ родѣ, — толстыя, суковатыя палки, нѣкоторыя съ расщепленными острыми концами, кости большихъ животныхъ похожія на булавы. Нѣкоторые изъ кремней оббиты такъ другъ о друга, что острыми изломами ихъ можно рѣзать не только мясо, даже дерево. Въ одномъ углу лежитъ вся скоробленая и полувывлинявшая кожа оленя. Черезъ нѣсколько поколѣній эти люди вѣрно будутъ хорошими охотниками.

Всѣ они еще совершенно голы; потребности въ одеждѣ для тепла еще нѣтъ. Украшать себя ею? Эстетическое чувство еще не зарождалось.

Всѣ очень говорливы, — и почти всѣ говорятъ разомъ, бѣднымъ, однозвучнымъ гортаннымъ языкомъ. Одинъ говоритъ: „принесъ камень и двѣ дубины“, — другая говоритъ: „левъ близко“, — третья кричитъ: „прочь!“ мальчику, который лѣзетъ къ ея груди, и совѣдуетъ ему въ ротъ кусокъ какой-то коры, — четвертый говоритъ: „камень къ пещерѣ!“

Пещеру, дѣйствительно, пора заваливать камнемъ. Солнце скоро спрячется; свѣтъ разомъ почти смѣняется ночью; сумерки такъ быстры. А только едва стемнѣетъ, опять зарычитъ этотъ левъ. Онъ все еще не усталъ бродить около этихъ мѣстъ, все еще не ушелъ искать себѣ добычи подальше.

Набѣгавшія въ день, усталыя, покрытыя потомъ дѣти свернулись по угламъ и заснули. Они, какъ птицы, даютъ знать своимъ сномъ, что и верхняя окраина солнечнаго вѣнца уже ушла за горизонтъ.

Всѣ шестеро большихъ съ громкимъ и безсвязнымъ крикомъ берутся за громадный камень, чтобы привалить его ко входу; камень подымается своимъ влажнымъ бокомъ съ своего обычнаго, давно надавленнаго имъ мѣста. Вдругъ всѣ приостанавливаются, — настораживаютъ уши. Слышенъ легкій, быстрый, пугливый топоть. Вотъ онъ ближе, ближе.

Крики въ пещерѣ усиливаются. Скорѣе поднимай камень! Это

левъ гонится за кѣмъ-то. Но только-что громадный камень зашевелился быстрѣе въ ихъ рукахъ, топотъ раздался у самаго входа въ пещеру, и между движущимся камнемъ и верхнимъ сводомъ, какъ стрѣла, вскочила въ пещеру дикая коза. Въ одно мгновеніе камень захлопнулъ входъ, и въ пещерѣ стало совсѣмъ темно.

Съ такими же криками изумленія и отчасти удовольствія всѣ бросились къ козѣ. Ея не видно было въ потемкахъ; но они тотчасъ же оцупали ее на полу. Она лежала, вытянувъ ноги, и дышала тяжело.

Поднялся оживленный говоръ, что дѣлать съ этою добычей, которая досталась имъ сама собою: задушить ли ее теперь же, или оставить до утра?

Всѣ были сыты, и, покричавъ еще немного, легли спать. Коза продолжала неподвижно лежать между ними. Мало-по-малу усталость и испугъ ея смѣнились тоже спокойнымъ сномъ.

Ночью на этотъ разъ никого не разбудилъ голосъ льва, рассказывавшійся обыкновенно такимъ громкимъ эхомъ по всѣмъ пещерамъ и ущельямъ горъ.

Передъ утромъ, когда въ щели между камнемъ, заваливавшимъ входъ, и стѣнами, проходили въ пещеру первые лучи свѣта, и храпъ спавшихъ въ ней становился тише, одинъ изъ грудныхъ ребятъ проснулся и сталъ кричать и плакать. Его голосъ услышала мать. Ночью ребенокъ далеко откатился отъ ея бока, и она слышала голосъ его почти по самой серединѣ пещеры. Ей не хотѣлось ни вставать, ни открывать глаза. Грудь ея давно уже начала скудѣть молокомъ, — и теперь она не чувствовала въ ней той тяжести, которая заставляетъ мать такъ быстро подниматься утромъ съ постели и давать свой сосокъ плачущему ребенку. Въ-сто того, чтобы встать и уговорить плачь дитяти, женщина лѣниво закинула за голову свои руки, и потянулась, не открывая глазъ. Ребенокъ на минуту притихъ, потомъ опять закричалъ тѣмъ умоляющимъ голосомъ, какимъ обыкновенно просилъ груди, — потомъ опять притихъ, и матери послышалось, что губы ея ребенка какъ будто ухватили что-то и сосутъ съ великимъ наслажденіемъ. Съ

быстрымъ любопытствомъ привстала она съ своей лиственной постели и окинула глазами пещеру, ища, гдѣ ея дитя.

Въ пещеру проникало уже довольно свѣта. Ребенокъ лежалъ около козы, смиренно оставшейся на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она упала вечеромъ. Грудь ея была такъ полна молокомъ, что оно капля за каплей срывалось съ ея сосковъ. Ребенокъ ухватился губами за одинъ изъ нихъ, и съ жадностью глоталъ молоко, почти не шевеля губами: ротъ его безпрестанно переполнялся, и молоко бѣлыми струями текло по его чернымъ надувшимся щекамъ.

Крикъ удивленія вырвался у матери. Коза, лежавшая на боку, вздрогнула, подняла уши; но ребенокъ продолжалъ такъ усердно освобождать ее отъ молока, что она опять успокоилась.

Всѣ начали уже просыпаться въ пещерѣ. Мать ребенка тотчасъ же обратила вниманіе всѣхъ на невиданное зрѣлище, — и всѣ съ любопытствомъ окружили козу. Свѣтъ все больше проникалъ въ пещеру. Коза глядѣла на окружающихъ ее людей кроткими и покорными глазами, будто умоляя не дѣлать ей зла, пощадить ее за то, что она накормила маленькаго человѣка тѣмъ молокомъ, котораго уже не будутъ ѣсть ея козлята, разорванныя львомъ.

Убьютъ ли, чтобы потомъ разорвать на части и съѣсть ея сырое мясо, или же пощадятъ ее эти люди?

Можетъ быть, эта женщина, которой уже тяжело кормить своего ребенка грудью, уговоритъ остальныхъ приберечь ее для него. Можетъ быть, кто нибудь полюбопытствуетъ узнать вкусъ козьяго молока, надавить его изъ соска себѣ въ ладонь, попробуетъ, его и оно понравится. Можетъ быть, это будетъ первый опытъ доенья. Но если ее пощадятъ, и она какъ нибудь вырвется и убѣжить? Тогда счастливый случай хорошаго обѣда пропалъ даромъ. Запретить ее въ пещерѣ, когда всѣ соберутся уходить, — дать ей корму.

Потомъ она такъ привыкнетъ, что не будетъ и уходить далеко, — будетъ возвращаться домой на ночлегъ. Онъ безопасенъ.

Придетъ для нея пора любви, — и ея голосъ приведетъ въ пещерѣ самцовъ. Изъ нихъ, можетъ быть, ни одинъ не захочетъ

остаться тутъ; но зато у козы будутъ малютки. Они выростутъ уже вмѣстѣ съ дѣтьми людей,—они станутъ смотрѣть на нихъ не пугливыми, а умными и благородными глазами.

Тогда въ этихъ пещерахъ можетъ появиться и такое хозяйство, какое было у циклопа Полифема на его островѣ, сосѣднемъ съ островомъ козъ.

Начали все мы въ пещерѣ просторной осматривать; много
Было сыровъ въ тростниковыхъ корзинахъ; въ отдѣльныхъ заку-
тахъ

Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ разнымъ, въ по-
рядкѣ

Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, средніе подлѣ

Среднихъ, и съ младшими младшіе; ведра и чаши

Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей густою.

Но, можетъ быть, они приручатъ прежде кроткаго, податливаго и робкаго, но умнаго слона.

...До этого, впрочемъ, вѣрно еще очень долго ждать.

М. Михайловъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ПОДЪ НЕБОМЪ АНГЛИИ.

(Изъ Люджи Каррера).

Угрюмая, глухая ночь темна,
Не видно звѣздъ, за тучами луна,
Въ порывахъ вѣтра жалоба слышна,
И ропотъ волнъ въ безбрежномъ, темномъ морѣ
То замираетъ вдругъ, то вновь растетъ, растетъ,
И словно пѣсню грозную поетъ
Намъ о таинственномъ, о непонятномъ горѣ.

Италія! Я шлю тебѣ привѣтъ!
Люблю я небеса твои святые.
Тамъ проливаютъ яркій, теплый свѣтъ
Улыбки звѣздъ, улыбки золотыя,
И лучезарнымъ блескомъ ихъ согрѣтъ,
Тамъ съ постоянною, неутомимой жаждой
Любить и наслаждаться хочетъ каждый.

Но пусть на родинѣ съ лазоревыхъ высотъ
Сверкаютъ звѣзды ночью благовонной,
Мнѣ не стряхнуть съ себя страданья и заботъ,
Когда кругомъ я замѣчаю гнетъ
Италіи моей поработченной;
Гдѣ не любовь, а только стыдъ одинъ
Въ себѣ скрываетъ всякій гражданинъ,

И гдѣ не шевелить роскошная природа
Усталыхъ силъ несчастнаго народа.

Британія! Благословенна буди!..
Въ твоихъ поляхъ туманомъ дышетъ грудь,
Но подъ туманомъ сѣвернаго крова
Отъ ужасовъ мы можемъ отдохнуть.
Твоя природа сумрачна, сурова,
Но та страна для насъ не холодна,
Которая, какъ ты—свободная страна.
Гдѣ среди ночи темной, какъ могила,
Горитъ свободы гордое свѣтило.

Свобода! Истины и свѣта проводникъ!
Во мракѣ здѣсь такъ ярко ты сіяешь,
Твой подвигъ такъ божественно великъ,
Что робкій умъ во мнѣ ты возбуждаешь...
Свой путь скитальческій хочу я перервать
И здѣсь, среди великаго народа,
Окончу жизнь, чтобъ вѣчно обожать
Тебя, великая свобода!..

Д. Минаевъ.

ВСЕМИРНЫЙ РЫНОКЪ.

(London).

(Изъ Барри Корнуэлла).

Еще я въ дѣствѣ слышалъ часто:
Не мало въ Лондонѣ добра!
Тамъ золотая мостовая,
Тамъ стѣны всѣ изъ серебра,
Тамъ красотой своей всесильной
Умѣютъ женщины плѣнять,
Тамъ можно — люди говорили —
И все кушать, и все продать.

* * *

Вотъ, наконецъ, попалъ я въ Лондонъ, —
То было яснымъ, лѣтнимъ днемъ.
Весь день по городу я рыскалъ,
То въ экипажѣ, то пѣшкомъ.
Я отъ волненья вспыхнулъ разомъ,
Когда сказалъ возница мнѣ:
— «Вотъ Лондонъ! Города богаче
Ты не найдешь въ иной странѣ»...

* * *

Я сталъ спрашивать, и что же?
 Гдѣ жь, Лондонъ, блескъ роскошный твой?
 Нѣтъ стѣнъ серебряныхъ въ столицѣ,
 И золотой нѣтъ мостовой.
 Красивыхъ женщинъ очень много,
 Но смѣлость ихъ — могла смущать...
 Да, въ этомъ городѣ возможно
 И все купить, и все продать.

* * *

Всѣ блага жизни, блага міра
 Здѣсь стали люди продавать.
 Морякъ поставитъ жизнь на карту
 И дочь продастъ любая мать.
 Идетъ патентами торговля,
 Торгъ самый страшный—не позоръ,
 И жизнь товарища за деньги
 Продастъ для висѣлицы воръ.

* * *

Поэтъ торгуетъ вдохновеньемъ,
 Судья—достоинствомъ судей,
 И люди сильные повсюду
 Безсильныхъ продаютъ людей.
 Продажно слово моралиста,
 Кругомъ азартная игра,
 И женщина собой торгуетъ
 До гроба или.... до утра.

* * *

За деньги гордое искусство
Впадаетъ въ мелочность, въ развратъ,
За деньги дѣвственная роза
Отдастъ свой первый ароматъ;
За деньги гонить и позорить
Людей невинныхъ клевета,
И гибнуть жертвою корысти
Любовь, невинность, красота.

* * *

Прощай же, Лондонъ, темный рынокъ,
Гдѣ все продажно безъ стыда,
Гдѣ дремлетъ сытое богатство,
Гдѣ стонетъ горькая нужда,—
Гдѣ все реветъ, смѣется, плачетъ—
Отъ «сильныхъ міра» до шута,
Пока не ляжетъ на кладбищѣ
Подъ сѣнь могильнаго креста.

Д. Минаевъ.

МЕЖДУ МОЛОТОМЪ И НАКОВАЛЬНОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Глубокая, непроглядная ночь обружала меня, бывшая долгимъ, безконечнымъ продолженіемъ страшнаго сна, пока, наконецъ, отъ времени до времени, посреди этой ночи сталъ мерцать брезжащій свѣтъ, — тотъ кроткій, блѣдный свѣтъ, передъ которымъ исчезаютъ ужасные призраки, уступая мѣсто болѣе привѣтливимъ образамъ. Потому они опять скрываются въ глубокую ночь, но она не такъ ужасна, какъ была прежде: это какое-то сладкое погруженіе въ отрадное нѣчто, и каждый разъ, когда я опять нѣсколько прихожу въ себя, образы эти обрисовываются явственнѣе, такъ что мнѣ уже часто удается различить ихъ между собою, тогда какъ прежде они незамѣтно сливались вмѣстѣ. Не могу я себѣ, право, никакъ взять въ толкъ, что это такое дѣется, теряюсь въ догадкахъ и, наконецъ, засыпаю. Когда же опять пробуждаюсь, надо мною наклоняется кто-то съ темными усами и карими глазами; онъ поразительно похожъ на одного челоуѣка, котораго я знаю, хотя я никакъ не могу себѣ припомнить, гдѣ и когда доводилось мнѣ его видѣть. Но мнѣ такъ отратно и вмѣстѣ такъ жутко при видѣ этого незнакомаго знаконца, и при этомъ мнѣ кажется, что я обязанъ ему безконечной признательностью, хотя и самъ я не знаю—за что. И это

благодарное чувство во мнѣ пробуждается такъ живо, что я тихо беру его руку, лежащую на моихъ рукахъ, и медленно-медленно — потому что я былъ почти лишень всякихъ силъ — подношу ее къ своимъ губамъ и закрываю глаза, изъ которыхъ по моимъ щекамъ струятся слезы неисчерпаемаго блаженства. Мнѣ хочется что-то сказать, но не могу, начинаю раздумывать, и когда опять открываю глаза — этого человѣка возлѣ меня нѣтъ, комната пуста, наполнена просвѣчивающими сумерками, — и я съ удивленіемъ озираюсь вокругъ.

Это довольно просторная комната съ двумя окнами; у оконъ опущены бѣлыя гардины, и на этихъ гардинахъ сверху внизъ рѣзвятся тѣни виноградныхъ лозъ. Долго гляжу на эту милую игру; въ ней какъ бы изображаются мои собственныя мысли, которыя также блуждаютъ изъ стороны въ сторону, стараются ухватиться за какую нибудь твердую точку, но не могутъ, и опять начинаютъ колебаться туда и сюда. Потомъ я опять заглядывалъ въ комнату, и теперь глаза мои нашли точку, на которой могутъ остановиться. Это — картина, висящая противъ меня, на сѣровой стѣнѣ: прелестная молодая вдова съ мальчикомъ на рукахъ. Кротко и задумчиво глядятъ глаза молодой матери — тихо и даже болѣзненно, точно бы она раздумывала о какой нибудь тайнѣ, — тогда какъ глаза мальчугана смотрятъ подъ выпуклымъ лбомъ не по лѣтамъ твердо, почти надменно и смѣло, глядятъ вдаль, въ безконечность, точно бы хотѣли обнять весь свѣтъ своимъ взглядомъ.

Не могу отвести глазъ отъ картины. Мое наслажденіе такъ чисто, такъ простодушно. Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о подлинникѣ, не знаю, что это превосходный списокъ съ знаменитой картины величайшаго изъ художниковъ; я знаю только, что такой красоты мнѣ еще никогда не приходилось видѣть въ жизни.

Подъ картиною виситъ маленькая этажерка съ двумя рядами опрятно переплетенныхъ книгъ. Подъ этажеркой стоитъ старомодный, выпуклый комодъ съ модными ручками; на комодѣ — рабочая корзинка, откуда выползаютъ ниточки красной шерсти.

Между комодомъ и окномъ помѣщается, очевидно, нарочно отодвинутый мольбертъ, на немъ — перевероченная назадъ рисовальная

доска; по другую сторону двери стоитъ пианино, котораго верхняя часть имѣетъ странную лировидную форму.

Самъ не знаю, почему мнѣ вдругъ пришла на память Констанція. Можетъ быть, этотъ лировидный инструментъ напомнилъ мнѣ ея гитару. Да, да, это такъ, потому что во всемъ прочемъ эта комната нисколько не напоминала комнату Констанціи. Тамъ былъ вѣчный беспорядокъ, дикая безалаберность, здѣсь же все такъ чисто, такъ привѣтливо; тутъ не видно было изорванныхъ, протертыхъ ковровъ на бѣломъ полу, гдѣ отражаются, освѣщенные солнцемъ, окна, и опять играютъ тѣни виноградныхъ лозъ, только ужъ слабѣе, чѣмъ на бѣлыхъ гардинахъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не въ замкѣ Церена!.. Во всемъ церенскомъ замкѣ не было такой веселой, такой отрадной, такой чистой комнаты. И притомъ же—вдругъ вспомнилось мнѣ—вѣдь говорили, будто церенскій замокъ сгорѣлъ до тла: значить, я не въ томъ замкѣ, но гдѣ же, гдѣ я?..

Опять взглядываю я на прекрасную молодую женщину, изображенную на картинѣ, словно хочу допытаться отъ нея отвѣта. Но при видѣ ея совсѣмъ забываю, о чемъ я хотѣлъ спросить. Меня наполняетъ только одно чувство—какъ хорошо и спокойно можно здѣсь спать, подъ ероткимъ взглядомъ такихъ глазъ,—удивляюсь, почему прелестный мальчикъ не склонить свою голову на плечо, на грудь матери, не закроетъ большихъ сѣдыхъ глазъ и не заснетъ сладко, сладко...

Продолжительный отрадный сонъ укрѣпилъ меня какъ бы чудесною силою. Пробудившись, я немедленно бодро приподимаюсь, опираюсь на локоть и съ удивленіемъ гляжу на вахмистра Зюсмилха, сидящаго у моей постели, съ своимъ морщинистымъ лицомъ, голубыми глазами, большимъ ястребинымъ носомъ и длинными сѣдыми усами.

Старикъ глядитъ на меня съ неменьшимъ изумленіемъ. Потомъ привѣтливая улыбка пробѣгаетъ изъ-подъ усовъ, промежъ глубокихъ морщинъ, уходитъ въ голубые глаза, остается тамъ, и зарится, и играетъ чрезвычайно весело. Онъ прикладываетъ три пальца правой руки къ своему лбу и говорить:

— Serviteur?

Это выходитъ такъ смѣшно, что я сильно долженъ расхохотаться. Теперь уже я могу смѣяться, и старикъ смѣется также и говорить:

— Хорошо вздремнули?

— Отлично, говорю, — должно быть долго таки я спалъ, а?

— Ничего, отвѣчаетъ старина ласково, — завтра будетъ восемь недѣль.

— Гмъ, восемь недѣль, повторяю я механически, — долго, долго я спалъ, — и при этомъ разсѣянно провожу рукою по головѣ.

Голова моя обыкновенно была покрыта очень густыми, очень курчавыми и, несмотря на это, очень мягкими кудрями нѣсколько красноватаго цвѣта; а теперь я ошупываю на себѣ какія-то очень короткія иглы, какъ въ щеткѣ, гдѣ отъ времени образовались крошечки того значительнаго безволосаго пространства.

— Это что за странная оказія? говорю я.

— Ничего, отростетъ, утѣшаетъ вахмистръ, — меня тоже порядкомъ обчекрыжили, когда я получилъ вотъ эту царапину, — и онъ указываетъ на глубокой рубецъ, скрытый въ густыхъ сѣдыхъ волосахъ надъ правымъ вискомъ и только теперь замѣченный мною, — ну, а послѣ опять отросла шерсть, какъ у медвѣдя...

— Съ семью чувствами, прибавляю я, и опять невольно хохочу надъ моей острою, — мнѣ, право, такъ и кажется, будто къ моимъ широкимъ плечамъ приставили дѣтскую голову.

Старикъ тоже смѣется отъ всего сердца, — но потомъ вдругъ дѣлается совершенно серьезенъ и говоритъ:

— Ну, теперь нужно замолчать и опять заснуть, какъ...

Онъ не оканчиваетъ своей любимой фразы, вѣроятно изъ опасенія возбудить во мнѣ новую и при моемъ положеніи вредную для меня веселость. Но я все-таки продолжаю смѣяться и при этомъ засучиваю рукава моей рубашки, которые кажутся мнѣ какими-то чудовищной величины мѣшками.

Рукава были не шире обыкновеннаго, но руки мои сдѣлались тоньше, — онѣ такъ тонки, что я едва могу считать ихъ своими.

— Ничего, наростетъ мясо, говоритъ вахмистръ.

— Да что же это такое, неужели я такъ сильно былъ боленъ?

— Да, чуть было не протянули ножи, говорить вахмистръ, — ну, а я все свое да свое, будемъ, молъ, еще жить да поживать, — и онъ съ удовольствіемъ потираетъ себѣ руки. — А теперь доволь-но болтать, прибавляетъ онъ повелительнымъ голосомъ, — мы имѣемъ строгое приказаніе не вступать ни въ какіе споры съ больнымъ, когда онъ проснется, и сейчасъ же доложить объ этомъ по начальству.

Вахмистръ хочетъ встать съ мѣста. Я кладу свою руку на одну изъ его смуглыхъ рукъ и прошу его еще остаться; я чувствую себя совершенно сильнымъ, могу говорить безъ всякаго труда, а слушать еще легче и я очень желалъ бы узнать, какими это судьбами я попалъ въ подобное состояніе, гдѣ нахожусь, кто были тѣ люди, которые меня окружали, и которыхъ образы смутно скользили въ моихъ туманныхъ сновидѣніяхъ. Не былъ ли тутъ большой, добрый бульдогъ, который меня защищаетъ и при этомъ всегда ворчитъ изъ самой глубины груди...

Старикъ глядитъ на меня съ безпокойствомъ, будто раздумываетъ, что видно подъ щетинистымъ, до половины лысымъ черепомъ дѣло-то обстоятъ не совсѣмъ благополучно, и что давно пора отправиться съ докладомъ къ начальству. Онъ кладетъ мои руки на одѣяло и говоритъ: „вотъ такъ, вотъ такъ!“ — приглаживаетъ подушку и опять говоритъ: „вотъ такъ, вотъ такъ!“. Я совершенно отдаюся на его волю, закрываю глаза и слышу, какъ онъ встаетъ тихо-тихо и уходитъ на ципочкахъ. Но чуть только дверь за нимъ затворилась, я опять открываю глаза и рѣшительно стараюсь самъ добиться отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые я предлагалъ старому вахмистру.

Когда мы съ высокой горы глядимъ на туманное море, то мало-помалу мерцаютъ предъ нами тамъ и сямъ разрозненныя свѣтленькія точки — позолоченная солнцемъ нива, хижина, часть дороги, маленькое озеро съ тучными, заросшими травою берегами, и, наконецъ, вся мѣстность отчетливо обрисовывается предъ нами; только надъ немногими мѣстами еще стелются сѣрыя туманныя полосы, медленно другихъ уплывающія вверхъ по горнымъ ущельямъ: также точно передъ сознательнымъ свѣтомъ моей души разсѣялась

ночь, въ которую было погружено мое недавнее прошлое во время болѣзни. И опять припомнилъ я себѣ, что вѣдь я нахожусь въ тюрьмѣ, и за что именно, что старикъ съ сѣдыми усами былъ мнѣ не другъ, не человѣкъ, приставленный для ухода за больными, а мой тюремный сторожъ, котораго я хотѣлъ прежде, въ случаѣ надобности, убить, чтобы опять вырваться на свободу. И такимъ образомъ я припомнилъ себѣ все, что происходило вокругъ меня, припомнилъ и послѣдній ужасный день, но только очень смутно, очень сбивчиво; да, воспоминанія мои объ этомъ днѣ были такъ смутны, такъ сбивчивы, какими остаются въ моей душѣ и до настоящаго времени. Смутно, тягостно вспоминалъ я объ этомъ, но странно! это тягостное чувство теперь исключительно обратилось противъ меня же самого. Ненависть, ядовитое ожесточеніе, злоба, отчаянье, изступленіе дикой страсти, всѣ демоны, населявшіе прежде мою бѣдную душу—были точно изгнаны пылающимъ мечемъ ангела, быть можетъ, витающаго надо мною ангела смерти. Но даже и этотъ остатокъ горестнаго чувства перешелъ въ благодарность судьбѣ за то, что она пощадила меня отъ самаго ужаснаго угрызения совѣсти — быть убійцею свсего ближняго ради одной своей личной выгоды.

И когда я лежалъ, размышляя объ этомъ, взглядъ мой упалъ на прекрасную молодую вдову, такъ заботливо державшую своего малютку въ теплыхъ, крѣпкихъ объятіяхъ, — тогда руки мои невольно сложились, и я вспомнилъ о моей родной, такъ рано скончавшейся матери; раздумывалъ, что все пошло бы совершенно иначе, если бы она постоянно поддерживала меня своей любящей рукою, если бы среди моихъ юныхъ страданій и сомнѣній я могъ найти на ея отрадной груди зашиту, совѣтъ и утѣшеніе. Вспомнилъ я также и объ отцѣ, который теперь былъ такъ одинокъ, котораго надежды я обманулъ такъ жестоко, котораго гордость такъ глубоко я уязвилъ, — и раздумывалъ я о немъ въ первый разъ безъ всякой злобы, только съ чувствомъ глубокаго состраданія къ несчастному, всѣми покинутому старику.

— Но вѣдь онъ еще будетъ жить, говорилъ я самъ съ собою — и я тоже не померъ еще; Богъ дастъ буду жить и все опять поправ-

лю къ лучшему. Ну, нѣтъ, не все! Прошлаго уже не воротить, — только будущее принадлежит мнѣ... даже въ тюрьмѣ.

Въ тюрьмѣ!! Но можно ли было назвать тюрьмою то мѣсто, гдѣ я находился—эту привѣтливую комнату, которой окна были чуть омрачены только рѣзвющимися виноградными лозами, въ которой все обличало тихую, свѣтлую, уютную жизнь доброй женщины...

Женщины!.. Я и самъ не знаю, какимъ образомъ мнѣ это опять пришло въ голову; но я не могъ отвязаться отъ этой мысли, и притомъ же вонъ тамъ изъ рабочей корзинки висятъ красныя гарусныя ниточки. Зачѣмъ бы очутиться рабочей корзинкѣ съ гарусомъ въ комнатѣ мужчины?..

И опять принимался я думать и думать, но толку не могъ добиться никакого. Туманная полоса не двигалась съ мѣста, казалось даже распространялась тонкимъ флеромъ, опять застилавшимъ все вокругъ меня. Чтожъ, это ничего не значило. Я ужь видѣлъ многое вокругъ себя и зналъ, что еще увижу и опять услышу голоса, доходившіе теперь до моего слуха откуда-то издалека, и между ними я все еще различалъ глухое ворчаніе моего вѣрнаго бульдога и мягкій, кроткій голосъ, съ которымъ каріе глаза свѣтились среди моей ночи. Настала опять ночь, но теперь я уже не боялся.

И когда я опять проснулся, меня, дѣйствительно, окружила ночь или, во всякомъ случаѣ, было уже такъ поздно за вечеръ, что на столѣ горѣла маленькая, зажженная лампадка, и при матовомъ ея отблескѣ я увидѣлъ какого-то сидѣвшаго предъ моей постелью мужчину. Узнать его по лицу я не могъ, такъ какъ голова сидѣвшаго была опущена на руку. Но когда я повернулся въ постели и онъ спросилъ меня: „какъ вы себя чувствуете?“ — тогда я зналъ, кто сидѣлъ передо мною. Тихій кроткій голосъ все еще звучалъ въ моихъ ушахъ, и я узналъ бы его между тысячью другихъ голосовъ. Какимъ-то непостижимымъ, чудеснымъ для меня образомъ, теперь я вдругъ узналъ, хотя и не долженъ былъ прибѣгать къ раздумыванью,—что домъ, гдѣ я находился уже впродолженіи восьми недѣль, гдѣ за мною все это время ухаживали, какъ за малымъ ребенкомъ, былъ домъ директора, домъ чловѣка, заботливо сидѣвшаго сегодня, вѣроятно, не въ первый разъ, у

моего изголовья. И узналъ я это теперь такъ отчетливо, точно бы мнѣ ктонибудь подробно рассказалъ обо всемъ этомъ въ продолженіи моего восьминедѣльнаго сна.

И вотъ директоръ заговорилъ ко мнѣ такимъ сердечнымъ, теплымъ тономъ, какой только можетъ откликнуться въ душѣ любящаго отца для своего сына.

И склонившись надо мною, взявъ меня за руку, онъ продолжалъ говорить далѣе, однако я чуть слышалъ его слова, заглушаемые другимъ голосомъ, громче и громче кричавшимъ во мнѣ самомъ: „я недостойнъ!“

Заставить голосъ этотъ замолчать—я никакъ не могъ. Недостойнъ! недостойнъ! твердилъ во мнѣ внутренней голосъ и, наконецъ, изъ груди моей вырвался громкій крикъ: „я недостойнъ!“

— Вы несправедливы къ себѣ, другъ мой, сказалъ вроткій голосъ;—я знаю, что вы вполне достойный человѣкъ, хотя и сами слышать о томъ не хотите.

— Нѣтъ, нѣтъ, я недостойнъ! возражалъ я, и сердце тревожно билось во мнѣ, когда я говорилъ это;—вы не знаете, кому покровительствуете, не знаете, чью руку пожимаетъ ваша рука.

И теперь, повинуваясь неопределимому внутреннему протесту, вызываемому въ сущности честнымъ чувствомъ, я старался отклонить отъ себя незаслуженную признательность и исповѣдовался передъ директоромъ въ своемъ тяжкомъ прегрѣшеніи, чистосердечно признаваясь, что я рѣшился на все, чтобы вырваться изъ тюрьмы; что хотя я и не искалъ сближенія съ страшнымъ разбойникомъ, однако и не держалъ себя отъ него вдали, что мнѣ извѣстенъ былъ разговоръ, извѣстно было время, назначенное для его осуществленія, и что только не постигаю я, отчего въ послѣднюю минуту у меня не хватило духа исполнить задуманное, и какими судьбами рука моя обратилась противъ моего же, совершенно добровольно выбраннаго союзника, хотя теперь я положительно долженъ былъ обвинять себя въ злонамѣренномъ съ нимъ замыслѣ.

Директоръ далъ мнѣ высказать все это спокойно, только съ легкимъ пожатіемъ удерживалъ мою руку каждый разъ, когда я хотѣлъ ее у него вырвать въ теченіи моей исповѣди. Когда же я

обончилъ, онъ заговорилъ ко мнѣ своимъ мягкимъ голосомъ,—и еще теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, когда я внезапно пробуждаюсь ночью, мнѣ чудится этотъ добрый голосъ, говорившій мнѣ:

— Послушайте, мой дорогой, юный другъ, только то, что мы дѣйствительно дѣлаемъ въ извѣстную минуту, показываетъ всю нашу душевную подноготную въ настоящемъ свѣтѣ, а не то, что по нашимъ соображеніямъ, желаніямъ и ожиданіямъ представляется намъ возможнымъ, даже необходимымъ, не то, что мы считаемъ нужнымъ или возможнымъ сдѣлать, или даже что рѣшили привести въ исполненіе. Трусъ считаетъ себя героемъ до той самой минуты, когда ясно обнаружится, что онъ—трусъ; отважный человѣкъ надѣется не подвергать себя опасности, но когда крикъ о помощи доходить до его слуха, онъ очертя голову бросается въ опасность. Вы вотъ полагали, что будете въ состояніи поднять руку на безоружнаго, но когда безоружный, при вашихъ глазахъ, очутился подъ рукою злодѣя, вы стали защищать безоружнаго противъ убійцы. И ужь, пожалуйста, не говорите мнѣ, будто сдѣлали это, сами того не сознавая,—или если вы и не знали того, что дѣлали, то именно слѣдовали непреодолимому побужденію вашей природы, и въ эту-то самую минуту показали себя въ своемъ настоящемъ, естественномъ свѣтѣ. Я и мои домашніе—всѣ мы будемъ видѣть въ васъ человѣка, спасаго мнѣ жизнь, рискуя своей собственной жизнію.

— Вы дѣлаете меня лучшимъ, несравненно лучшимъ, чѣмъ каковъ я въ дѣйствительности, пробормоталъ я.

— Да если бы это было и такъ, отозвался онъ съ дружеской улыбкой,—но сдѣлать человѣка лучшимъ, чѣмъ каковъ онъ на самомъ дѣлѣ—что можетъ быть выше этого наслажденія?.. Но вы хотите сказать, что я считаю васъ лучшимъ,—и съ этимъ я также легко могъ бы примириться. Не всякій можетъ имѣть такъ часто случай, какъ я, убѣдиться, что вѣрнѣйшее средство, часто единственное средство сдѣлать человѣка лучшимъ—это считать его лучшимъ. О, дай Богъ, чтобы этотъ секретъ моего ремесла мнѣ приходилось всегда примѣнять такъ легко, какъ къ вамъ! И если бы я дѣйствительно могъ—какъ я радостно надѣюсь—содѣйст-

вовать очищенію благороднаго металла вашей натуры отъ шлаковъ, быть можетъ, еще его затемняющихъ, если бы я могъ озарить вашу душу передъ вами самими, освѣтить передъ вами жизненную дорогу, представляющуюся въ вашихъ глазахъ такую мрачную, — такъ какъ вы полагаете, будто съ нея сбились или, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ немного сбились, — однимъ словомъ, если бы мнѣ удалось сдѣлать васъ тѣмъ, чѣмъ вы можете и, слѣдовательно, должны быть, — то все это значило бы только оказать вамъ справедливое вознагражденіе за вопіющую несправедливость, упрямую васъ сюда, и съ моей стороны этимъ путемъ я могъ бы заплатить вамъ — долгъ благодарности, обязывавшій меня по отношенію къ вамъ еще прежде, чѣмъ вы переступили за порогъ этого дома, уже не говоря о томъ, что вы сохранили отца моимъ дѣтямъ, — надолго ли, извѣстно конечно одному Богу.

Матовый отсвѣтъ лампадки падалъ на его прекрасное, блѣдное лицо, и оно, какъ бы окруженное звѣзднымъ блескомъ, свѣтилось ко мнѣ изъ темноты, тогда какъ мягкій голосъ отрадно отдавался въ моихъ ушахъ, точно голосъ добраго духа, бесѣдующаго въ ночной тишинѣ съ страдающей, просящей помощи человѣческой душою. Я лежалъ неподвижно, не сводя съ него глазъ, мнѣ хотѣлось все слышать этотъ голосъ, и я тихо просилъ его говорить еще и еще.

— Быть можетъ, я поступаю эгоистически, продолжалъ онъ, — если теперь, когда душа ваша пробуждается къ свѣжей жизни и дѣтски-наивными глазами озираетъ вновь просіявшій для нея божій свѣтъ, — пользуюсь первой же минутой, чтобы познакомить васъ со мною, заставить васъ полюбить меня также, какъ я знаю и люблю васъ, — и повторяю, не съ сегодняшняго только дня. Я зналъ васъ прежде, чѣмъ вы сюда явились. Вы глядите на меня съ изумленіемъ, а между тѣмъ это совершенно просто. Я горячо любилъ своего старшаго брата, хотя мы прожили вмѣстѣ только дѣтскіе годы, а послѣ были разлучены, чтобы уже никогда не принадлежать другъ другу, даже ни разу не видѣться за послѣдніе пятнадцать или двадцать лѣтъ. Какимъ бы ни сдѣлали его людской свѣтъ и страсти, это была золотая, благороднѣйшая, отважнѣйшая человѣческая натура, какая только когда либо

могла выйти изъ рувъ творящей природы. Представьте же себѣ, какъ глубоко должно было меня потрясти извѣстіе о его ужасной кончинѣ, съ какимъ горестнымъ любопытствомъ я наводилъ справки обо всемъ, что относилось къ его смерти и къ сопровождавшимъ ее обстоятельствамъ и съ какимъ горячечнымъ усердіемъ воспользовался я случаемъ просмотрѣть акты процесса, имѣвшаго отношеніе къ имени и поступкамъ моего несчастнаго брата. Вы были замѣшаны въ его дѣлѣ какимъ-то роковымъ образомъ, и изъ этихъ документовъ я впервые съ вами познакомился. Мое положеніе часто заставляетъ меня просматривать подобныя документы, и въ нихъ я давно уже привыкъ читать между строками. Но еще никогда это искусство не было для меня такъ необходимо, какъ въ настоящемъ случаѣ, потому что еще никогда крючкодѣйскій умъ юриста или лучше крючкодѣйская безтолковость не обнаруживалась въ такомъ безобразіи, какъ по отношенію къ вамъ; никогда рука судебного пачкуна еще не ухитрилась сдѣлать изъ совершенно яснаго ярко-просвѣчивающаго юношескаго типа болѣе ужасную карикатуру, съ ногъ до головы усердно заляпанную грязными чернилами подъячаго. Мнѣ кажется, что я могъ бы отвергнуть каждую черту, приданную вамъ обвинительнымъ актомъ, и положительно доказать ея лживость. Если бы даже дѣло вовсе не касалось моего брата, моего когда-то горячо любимаго брата—вѣдь вамъ пришлось только отвѣчать за его вину—если бы весь процессъ, вмѣсто того, чтобы изъ тысячи причинъ возбуждать съ моей стороны самое горестное волненіе, былъ для меня совершенно постороннимъ дѣломъ,—то и тогда я принялъ бы ваше положеніе близко къ сердцу, я бы старался спасти васъ, насколько это было въ моихъ силахъ. Сдѣлать что нибудь для васъ полезное я былъ рѣшительно не въ состояніи, и могъ только употребить все мое вліяніе, чтобы васъ помѣстили сюда, а не въ Н., куда вы были сначала назначены.

Вы явились. Я увидѣлъ васъ такимъ, какимъ всегда представлялъ себѣ, и нашелъ, что портретъ, нарисованный моимъ воображеніемъ, совершенно соответствовалъ дѣйствительности. Да и въ самомъ дѣлѣ, кого я могъ въ васъ видѣть, какъ не юношу, погу-

бывшаго себя, чтобы спасти моего брата, — какъ не юношу, добровольно подвергнувшаго себя суду, чтобы люди не сказали, что родной отецъ былъ его соумышленникомъ?.. Каждая черта обличала въ васъ человѣка, умышленно испортившаго свое дѣло передъ судомъ, — своимъ упорнымъ отказомъ дать какія либо свѣдѣнія о своихъ соумышленникахъ, и однако полнѣйшая откровенность этого юноши во всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ дѣла могли бы тронуть любое сердце, — только ужь, разумѣется, не заскоружное сердце судейскаго приказнаго. И вотъ передо мною стоялъ человѣкъ, глубоко оскорбленный людьми подъ личиною закона; затхлый воздухъ острога омрачилъ его свободную душу и этотъ юноша, выражаясь словами моего любимаго поэта, изъ полноты любви зачерпнулъ ненависть къ ближнему („Sich Menschenhass aus der Fülle der Liebe getrunken“). Вы поступили совершенно сообразно съ своимъ достоинствомъ, нисколько не скрывая этой ненависти и гордо отклонивъ отъ себя все, что въ вашу пользу предлагали и за что другіе жадно схватились бы обѣими руками. Позвольте мнѣ высказать все поворочее. Благодаря своей замѣчательно-крѣпкой натурѣ, вы довольно боролись съ подтачивавшею васъ болѣзнію, однако она скоро проявилась со всею яростною силою. Наступилъ кризисъ. Въ безумномъ изступленіи слишкомъ возбужденныхъ чувствъ вы хотѣли показать людямъ: смотрите, вотъ кѣмъ вы меня сдѣлали, — однако послѣдствія показали васъ такимъ, каковъ вы на самомъ дѣлѣ.

Васъ замертво вынесли изъ ужаснаго мѣста. Поспѣшно призванный врачъ хотя и подавалъ надежду, однако, прибавляя, что спасти васъ удастся, можетъ быть, но только при самомъ тщательномъ уходѣ. Гдѣ же намъ было окружить васъ этимъ уходомъ, какъ не здѣсь, у меня? Кто могъ усерднѣе оберегать вамъ жизнь, какъ не тотъ, кому вы ее спасли? И въ подобномъ случаѣ, что мнѣ было за дѣло до порядковъ заведенія, до толковъ между людьми? Мы отнесли васъ въ первую комнату, представлявшую случайно наилучшія удобства для нашей цѣли. Мы, т. е., — моя жена, дочь — она по умственному развитію старше своихъ настоящихъ лѣтъ — старый вѣрный Зюсмилхъ, врачъ, котораго вы любите, какъ онъ этого за-

служиваетъ, наконецъ я—всѣ мы, мужественно и непоколебимо боролись съ угрожавшей вамъ смертию; я смѣло могу сказать это, потому что вѣдь это совершенно само собою разумѣется. Женщины въ радости плакали, мужчины пожимали другъ другу руки, когда ваша могучая натура осилила, наконецъ, врага, и когда врачъ съ недѣлю тому назадъ подошелъ къ намъ и сказалъ: онъ спасенъ.— Теперь, мой дорогой, юный другъ, на сегодня мы побесѣдовали довольно, быть можетъ, даже уже слишкомъ много. Если изъ этой бесѣды вы вынесете впечатлѣнїе, что васъ окружаютъ любящїе друзья, и если будете засыпать съ такою мыслию—то это все, чего я желалъ. Вотъ уже кажется, идетъ Зюсмилъхъ; я хотѣлъ освободить его на сегодняшнюю ночь, но онъ упорно утверждаетъ, что не долженъ покидать своего арестанта. Спите съ Богомъ!

Тихо провелъ онъ по глазамъ рукою и вышелъ изъ комнаты. Слова его глубоко запали мнѣ въ душу. Этимъ тономъ не говорилъ ко мнѣ ни одинъ человѣкъ. Не вылетѣла ли изъ меня помраченная душа во время продолжительной болѣзни и не уступила ли мѣсто болѣе свѣтлому духу? Какъ бы то ни было, — но мнѣ было такъ отрадно, такъ невыразимо сладко, что долго едва ли это могло продолжаться. Но я старался какъ можно долѣе удерживать это сладостное обаянїе, подобно тому, какъ иногда стараешься затвердить мотивъ какой нибудь прекрасной мелодїи. Я лежалъ, не шевеля ни однимъ членомъ, не открывалъ глазъ — и вдругъ услышалъ легкїй шорохъ въ комнатѣ: мой вѣрный сторожъ дѣлалъ свои приготовленїя на ночь.

Могъ ли я не спать отрадно, осыняемый такой любящей рукою? Могъ ли не спать спокойно, такъ вѣрно охраняемый?..

V.

Въ крайнемъ углу тѣнистаго сада, исключительно предназначеннаго для директора и его семейства, находится маленькїй, прислоненный къ старой городской стѣнѣ домикъ, носившїй въ семействѣ

пышное названіе „бельведера“, потому что отсюда изъ оконъ, чрезъ городскія стѣны, можно было бы полюбоваться восхитительнымъ видомъ на большую полосу морскаго пролива и на еще болѣе значительную часть острова, если бы только можно было открывать окна. Но старыя сгнившія окна совершенно затекли сыростью, и притомъ они очень узки, а ихъ маленькія, оправленные въ свинецъ оконницы изъ разноцвѣтнаго стекла, составляли во время оно часть оконъ сосѣдней, давнымъ давно уже разрушенной часовни, и тогда, вѣроятно, были сдѣланы по какому нибудь опредѣленному образцу, отъ котораго теперь не осталось почти и слѣдовъ. Вообще домикъ весь угрожаетъ развалиться, такъ какъ дерево, послужившее для его постройки, не могло втеченіи многихъ лѣтъ противостоять вліяніямъ солнца, дождя и морскаго вѣтра, и потому хозяева дома заходятъ сюда очень рѣдко — гораздо рѣже, чѣмъ на площадку передъ домикомъ, служащую для семьи настоящимъ мѣстомъ лѣтнихъ прогулокъ, гдѣ она проводитъ каждый досужій часъ, при хорошей лѣтней погодѣ.

И площадка вполнѣ заслуживаетъ оказываемое ей предпочтеніе. Расположенная на одной высотѣ съ садовымъ домикомъ и съ краемъ городской стѣны, она постоянно освѣжается дыханіемъ близкаго моря, тогда какъ сквозь густую зелень старыхъ, окружающихъ ее чинаровъ только рѣдкій лучъ полуденнаго солнца проникаетъ здѣсь до земли. Промежутки между древесными стволами заняты зеленой стѣною живой изгороди, еще болѣе увеличивающею уютность, отрадную затишь этого мѣста; отъ зеленой изгороди изящно отдѣляются шесть гермесовъ, сдѣланныхъ изъ песчаника. По правую и лѣвую руку маятъ къ работѣ и мечтательности два круглые еловые стола, обведенные зеленой краской и обставленные необходимымъ числомъ стульевъ.

Въ одинъ очаровательный августовскій вечеръ, двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ я въ первый разъ вышелъ изъ комнаты, здѣсь сидѣли два человѣческія существа — одно, занятое мечтами, если только мечтать вообще значить чѣмъ нибудь заниматься, — другое же работало съ совершенно серьезнымъ усердіемъ. Мечтатель былъ я самъ, и легкое одѣяло, лежавшее на моихъ колѣняхъ,

несмотря на очень теплую погоду, повидимому, намекало, что я находился еще въ періодѣ выздоровленія, когда мечтать дозволяется, а работа еще запрещена; возлѣ меня сидѣла молоденькая дѣвушка, всего четырнадцати лѣтъ отъ роду, и работа ея заключалась въ томъ, что она рисовала на мольбертѣ голову *à deux crayons* и въ натуральную величину. При этомъ дѣвушка, весьма естественно, должна была часто поднимать на меня свои глаза изъ-за края мольберта, и если уже мнѣ все говорить откровенно, то я долженъ сознаться, что предметомъ моихъ мечтаній были именно эти глазки.

Впрочемъ, чтобы испытать на себѣ ихъ приковывающую силу, не нужно было имѣть двадцать лѣтъ отъ роду, быть выздоравливающимъ и именно тѣмъ, на кого эти глазки такъ часто поднимались съ какимъ-то страннымъ, твердымъ и вмѣстѣ сомнительнымъ взглядомъ, пронизавшимъ и внутрь, и скользившимъ наружу,—да, не нужно было даже всего этого, вмѣстѣ взятаго. Большіе, голубые глаза художника, взглядывавшего на свою модель, были глубоки, но то была глубина, имѣющая поверхность, и каждое движеніе души, каждый свѣтлый лучъ, въ ней пробивавшійся, каждая тѣнь, ложившаяся на нее, отражались на этой поверхности, однако все-таки оставалось что-то, чего никакъ нельзя было постичь. Еще такъ недавно я глядѣлъ уже разъ въ неразгаданные глазки—по крайней мѣрѣ для меня—но какъ были не похожи на нихъ вотъ эти другіе милые глаза! Я чувствовалъ всю громадную разницу, хотя и не могъ бы тогда опредѣлить, въ чемъ она заключалась. Я зналъ только, что эти глаза не приводили меня въ замѣшательство, не нагоняли тревоги, не погружали сегодня въ жгучее пламя, завтра въ ледяной холодъ, но что въ нихъ я постоянно могъ заглядывать съ безмятежнымъ, святымъ наслажденіемъ, какъ глядишь только на божье небо, и при этомъ ни одно желаніе, ни одно стремленіе не родится въ созерцающей душѣ, кромѣ, можетъ быть, сожалѣнія, отчего за плечами у меня нѣтъ крыльевъ—улетѣлъ бы.....

Эти большіе глубокіе глаза были самой прелестной принадлежностью лица, и, быть можетъ, это обстоятельство заставляло казаться ихъ еще крупнѣе и глубже. Другіе находили, что если въ

этомъ лицѣ и было что нибудь хорошаго, то это только одни эти глаза, но я уже тогда не могъ раздѣлять этого мнѣнія, а теперь могу согласиться съ нимъ еще менѣе по весьма уважительнымъ причинамъ, о которыхъ читатель узнаеть, можетъ быть, въ свое время. Черты лица были, пожалуй, неправильны; безъ всякаго сомнѣнія, не имѣли въ себѣ ничего такого, что поражаетъ съ перваго взгляда, но неблагороднаго въ нихъ ничего не было; напротивъ, все въ нихъ было тонко и своеобразно, все дышало умомъ и внутренней осмысленностью, все было обведено мягкими, но тѣмъ не менѣе опредѣленными линиями. Нѣжная типичность, теплота и осмысленность характеризовали въ особенности ротъ и, казалось, будто эти благородныя губы говорили, даже когда сохраняли свое обычное закрытое положеніе.

Двѣ роскошныя косы обильныхъ темносѣрыхъ волосъ проходили, согласно съ тогдашней модою, съ висковъ назадъ, подъ ушами, и образовали прелестную раму для этого теплаго, умнаго, нѣсколько блѣднаго личика, — казалось даже слишкомъ тяжелую раму для таковой нѣжной головки, обыкновенно наклоненной впередъ или на сторону. Эта осанка, въ соединеніи съ обычной серьезностью лица, дѣлала дѣвушку старше ея настоящихъ лѣтъ. Но трудъ и заботы также заставляютъ увядать цвѣтъ молодости, и она, бывшая почти ребенкомъ, была знакома съ работою слишкомъ хорошо, тогда какъ заботы уже набросили достаточно мрачныя тѣни на ея юную жизнь.

Но вотъ въ это мгновеніе улыбка промелькнула по серьезному личику. Дѣвушка взглянула изъ-за края мольберта и сказала:

— Можете встать, если вамъ угодно.

— А вы развѣ кончили? отозвался я, немедленно пользуясь даннымъ мнѣ позволеніемъ и становясь за ея стуломъ; — э, да вы все еще возитесь съ глазами.... И откуда это у васъ берется терпѣніе?

— А у васъ нетерпѣніе?... замѣтила она, спокойно продолжая рисовать далѣе; — вы право разсуждаете такъ, какъ нашъ маленький Оскаръ. Онъ посадить въ землю фасоль, а чрезъ пять минутъ опять выкапываетъ ее, чтобы посмотрѣть, не выросла ли она.

— Ну, да вѣдь ему всего-то наберется семь лѣтъ отъ роду.

— Въ такихъ лѣтахъ, однако, уже можно знать, что бобы не поспѣваютъ такъ скоро.

— Вотъ вы все журите Оскара, а вѣдь онъ вашъ любимчикъ.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Бенно передалъ мнѣ это вчера подѣ строгимъ секретомъ и просилъ, чтобы я ни за что не пересказалъ этого вамъ.

— Въ такомъ случаѣ вы напрасно сдѣлали, что пересказали.

— Ну, а все-жѣ таки это правда.

— Нисколько, по моему онъ не нравъ. Оскаръ — самый маленькій мой братъ, и потому я наиболѣе должна о немъ заботиться. Бенно и Куртъ обойдутся безъ меня раньше.

— Даже въ ихъ упражненіяхъ, которыя вы исправляете.

— Однако, садитесь-ка опять.

— А говорить мнѣ все-таки можно?

— Разумѣется.

Опять усѣлся я на прежнее мѣсто, но въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ сначала слѣдилъ глазами за работою. Лучъ вечерняго солнца, пробравшійся сквозь густую зелень большихъ деревьевъ, коснулся нѣжной головки и окружилъ ее золотымъ ореоломъ.

— Фрейленъ Паула, произнесъ я.

— Паула, поправила она, не поднимая глазъ.

— Извольте, — Паула!

— Что скажете?

— Право мнѣ бы хотѣлось имѣть такую сестрицу, какъ вы.

— Да вѣдь у васъ, кажется, есть сестра.

— О, она гораздо старше меня лѣтами и притомъ никогда особенно обо мнѣ не заботилась, а теперь-то и подавно не захочетъ обо мнѣ ничего слышать.

— Гдѣ она живетъ? Вы мнѣ говорили какъ-то.....

— На польской границѣ. Она замужемъ за однимъ таможеннымъ чиновникомъ — вотъ ужъ будетъ лѣтъ десять; у ней много дѣтей.

— Чтожъ, у ней много хлопотъ и съ ними, и вы не вправѣ на нее сердиться.

— Я и не думаю на нее сердиться, даже почти ее не знаю;
«Дѣло», № 3.

если бы мнѣ случилось повстрѣчаться съ ней на улицѣ, право, я думаю, что прошелъ бы мимо, не останавливаясь.

— О, это уже не хорошо: братья и сестры должны держаться другъ за друга. Если бы десяти или двадцати лѣтъ мнѣ довелось встрѣтиться съ Бенно или Куртомъ, — или даже хоть съ маленькимъ Оскаромъ, — и они бы не узнали меня, то это было бы для меня очень, очень больно.

— Ну, васъ-то они узнаютъ, хоть бы прошло и пятьдесятъ лѣтъ.

— Тогда я была бы уже старуха, но такую старую я не буду.

— Почему же не будете?

— До того времени мальчики давно подѣлались бы мужчинами, безъ сомнѣнія уже имѣли бы женъ и дѣтей, отецъ и мать давно бы померли, — ну, что же тогда мнѣ оставалось бы дѣлать на свѣтѣ?...

— Но вы тоже выйдете замужъ.

— Никогда.

Это слово звучало такъ серьезно и при этомъ большіе голубые глаза, устремленные на мой лобъ изъ-за мольберта, были полны такого задумчиво-сосредоточеннаго выраженія, что я рѣшительно не могъ смѣяться, хотя и чувствовалъ къ тому маленькую охоту.

— Отчего же? спросилъ я.

— До того времени, когда дѣти не будутъ болѣе во мнѣ нуждаться, я буду уже очень стара.

— Нельзя же вамъ, однако, весь свой вѣкъ поправлять ошибки въ ихъ упражненіяхъ.

— А вотъ мнѣ, не знаю почему, кажется, какъ будто я всегда должна буду этимъ заниматься.

— Даже когда они станутъ учиться полатыни и погречески?

— Я ужъ и теперь учусь полатыни вмѣстѣ съ ними, — почему же мнѣ не учиться и погречески?

— Ну, греческій языкъ безсовѣстно труденъ, такъ ужъ труденъ.... Вспомните мое слово, Паула, — неправильныхъ глаголовъ не одолѣетъ ни одинъ живой человѣкъ, кромѣ развѣ гимназическихъ учителей, но мнѣ трудно вѣрится, чтобы они были такіе же настоящіе люди, какъ мы.

— Ну, это только одна изъ вашихъ насмѣшекъ, но вамъ бы слѣдовало удержаться отъ нихъ передъ Бенно, — вѣдь онъ хочетъ со временемъ быть учителемъ.

— Я постараюсь отклонить его отъ этого намѣренія.

— Ахъ, пожалуйста, не дѣлайте этого! И почему же ему не быть учителемъ, когда у него есть къ тому и охота, и способности? Я сама не знаю ничего болѣе пріятнаго, какъ выучить другого чему нибудь доброму, или для него полезному. И притомъ же это совершенно пригодное занятіе для мальчика, въ положеніи Бенно. По крайней мѣрѣ, я слышала, что у кого нѣтъ слишкомъ высокихъ видовъ, для того всего лучше удовольствоваться скромнымъ существованіемъ. Правда, отецъ думаетъ иначе; онъ желаетъ, чтобы изъ Бенно вышелъ медикъ или естествоиспытатель. А вѣдь при этомъ ученныя занятія обойдутся не дешево, хотя бы отецъ и не терялъ своей бодрости... Однако я не знаю, всегда ли это можетъ продолжаться.

Паула наклонила голову надъ мольбертомъ и принялась рисовать еще усерднѣе; только я видѣлъ, что она раза два быстро провела платкомъ по своимъ глазамъ. Этотъ жестъ глубоко запалъ мнѣ въ сердце: я зналъ, какъ беспокоилась Паула — и безъ сомнѣнія не безъ причины — о здоровьи отца.

— Фрейленъ Паула, окликнулъ я.

На этотъ разъ она меня не поправила, — можетъ быть, также ничего не слышала.

— Фрейленъ Паула, сказалъ я еще разъ, — вы напрасно тревожите себя такими грустными мыслями. Вѣдь вашъ папаша совсемъ не боленъ, и притомъ вы забываете, какая живучая порода — всѣ Церены. Господинъ фонъ-Церенъ говорилъ, что штейерратъ былъ всегда не очень крѣпкаго тѣлосложенія, однако могъ поспорить силами со многими людьми, извѣстными своею крѣпкою натурою; самъ господинъ фонъ-Церенъ былъ точно вылитъ изъ стали, а все-таки разъ сказалъ, что самый младшій его братъ справится съ двумя такими силачами, какъ онъ. А вѣдь, знаете ли, такая крѣпкая комплекція — это все, что нужно, какъ говоритъ докторъ Снелліусъ, и затѣмъ тоже самое повторяю я.

— Ну если вы это говорите...

Паула взглянула вверхъ и вокругъ ея милого рта заиграла грустная улыбка.

— Вы хотите сказать, что такая жалкая кляча, какою я сижу здѣсь, не смѣетъ говорить о силѣ?

— О, нѣтъ, я знаю, что вы были очень сильны, прежде чѣмъ заболѣли, и знаю также, что опять скоро бы окрѣпли, еслибы берегли себя, какъ слѣдуетъ, что вы не всегда дѣлаете... напри- мѣръ, вы никогда не должны были бы сидѣть безъ одѣяла, а вотъ вы опять спустили его внизъ. Только я не думаю...

— Чего не думаете? спросилъ я, послушно подбирая одѣяло на колѣни.

— Не думаю я, чтобъ уже все, рѣшительно все заключалось въ крѣпкомъ тѣлосложеніи. Куртъ, напри- мѣръ, очень сильный мальчикъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія — а между тѣмъ Оскаръ пишетъ, читаетъ и дѣлаетъ арифметическія задачи ни чуть не хуже Курта, хотя Курту уже девять лѣтъ, тогда какъ Оскару всего только семь.

— Ну, ужъ извѣстно — Оскаръ вашъ любимчикъ.

— Не хорошо съ вашей стороны говорить это.

Она произнесла это вроткимъ, дружескимъ тономъ и безъ малѣйшаго слѣда горечи, а между тѣмъ я чувствовалъ, что вся кровь бросилась мнѣ въ щеки. Мнѣ было такъ жутко и стыдно, точно бы я поколотилъ бѣднаго, беззащитнаго малютку.

— Правда, правда, вскричалъ я съ волненіемъ,—это было не хорошо, очень не хорошо, просто гадко; я самъ не знаю, какъ могъ я выказать себя передъ вами такимъ негодяемъ; но мнѣ уже такъ долго выставляли прилежныхъ мальчиковъ образцами и при этомъ на мою долю приходилось столько непріятныхъ словъ, что кровь всегда мутитъ мнѣ мозгъ, когда я слышу подобныя похва- лы. При этомъ я долженъ думать, какъ глупъ я самъ...

— Не годится тоже называть себя глупымъ.

— Ну, все жъ таки я долженъ думать, что мало я знаю, такъ какъ я лѣниво учился.

— Въ этомъ виноваты только вы сами... если это, дѣйстви- тельно, такъ.

— Ужь я вамъ говорю, что это такъ, отозвался я.— Страшно самому дѣлается, когда подумаешь, какъ мало я знаю. Уже не говоря о греческомъ языкѣ,—такъ какъ я продолжаю утверждать, что онъ упаси Богъ, какъ труденъ и нарочно выдуманъ учителями для нашего мученія,—но въ латыни я тоже не очень далеко ушелъ, и ужь это была моя собственная вина, такъ какъ я видѣлъ, что Артуръ, бывшій вѣдь не особенно умнѣ меня, отлично выучивалъ свои уроки, когда хотѣлъ. Вотъ вы много читаете ваши англійскія книжки, но для меня онѣ тоже написаны на какой-то греческой тарабарщинѣ, а что до французскаго языка, то я право не знаю, съумѣлъ ли бы я проспиритовать порядочно *avoir* и *être*. А вотъ еще въ чемъ я вамъ признаюсь. Вчера Бенно не могъ справиться съ своими примѣрами и приставалъ ко мнѣ, чтобы я ему показалъ; ну, я и сказалъ ему, что пусть самъ дѣлаетъ, какъ знаетъ. Ужь какъ онъ примется за дѣло — я недоумѣвалъ, но когда онъ потомъ, дѣйствительно, самъ совладалъ съ трудностями, я втайнѣ устыдился передъ одиннадцатилѣтнимъ мальчуганомъ, — какъ никогда не стыдился передъ нашимъ математикомъ — д-ромъ Бушемъ, когда онъ въ моихъ тетрадяхъ каждый разъ отмѣчалъ: основательно дурно, или отмѣнно скверно, или отлично переписано съ чужого, или ставилъ другія насмѣшливыя помѣтки въ этомъ родѣ.

Въ то время, какъ я сокрушенно исповѣдывался въ своихъ грѣхахъ, Паула не сводила съ меня своихъ большихъ глазъ и нѣсколько разъ покачивала головою, точно не довѣряя своимъ ушамъ.

— Если это, дѣйствительно, правда...

— Зачѣмъ вы, Паула, постоянно говорите это если? Какъ я ни плохо учился, однако, все-таки выучился, покрайней мѣрѣ, говорить правду, а ужь вамъ-то и подавно я ни въ чемъ бы не могъ солгать.

Дѣвушка повраснѣла до своихъ русыхъ косъ.

— Извините меня, сказала она, — вѣдь я вовсе не хотѣла васъ обидѣть, хотя мнѣ, право, съ трудомъ вѣрится, чтобы вы... чтобы вы такъ плохо употребили ваше время, когда находились

въ училищѣ; я хотѣла только сказать, что вы опять должны поправить все къ лучшему, и какъ можно скорѣе вознаградить безъ пользы потерянное время.

— Ну, это легко сказать, Паула! Какими же судьбами я могу сдѣлать такое чудо? Бенно знаетъ гораздо болѣе меня во французскомъ языкѣ, географіи и математикѣ, а вѣдь ему всего одиннадцать лѣтъ, тогда какъ мнѣ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ стукнетъ второй десятокъ.

Паула отодвинула на столѣ мольбертъ передъ собою и опустила голову на руку, чтобы лучше поразмыслить о такомъ отчаянно-критическомъ казусѣ. Вдругъ она подняла голову и сказала скоро и тихо:

— Вамъ бы не мѣшало поговорить съ моимъ отцомъ.

— Что же мнѣ сказать ему?

— Да все, что вы сказали теперь мнѣ.

— Это мнѣ тоже поможетъ немного.

— О, напротивъ. Вы представить себѣ не можете, какъ много знаетъ мой отецъ. Просто все знаетъ, все умѣетъ.

— Я, этому охотно вѣрю, Паула; но что же мнѣ-то изъ того за польза? Вѣдь не можете же онъ удѣлить мнѣ своего знанія, даже еслибы, при своей добротѣ, отъ души этого желалъ.

— Конечно, этого онъ не можетъ сдѣлать — но вы-то сами должны усердно работать и работать. А онъ вамъ скажетъ, какъ надо лучше всего приняться за дѣло, какъ должно работать скорѣе. Что же, хотите?

— Я бы хотѣлъ съ большимъ удовольствіемъ, но...

— Нѣтъ, тутъ не должно быть никакихъ *но!* Я перестану говорить *если*, а отъ васъ тоже не хочу слышать никакихъ *но!*.. Хстите или нѣтъ?

— Да.

Это *да* я произнесъ громко и смѣло, такъ какъ оно стоило мнѣ нѣкотораго усилія. Паула сложила руки, наклонила головку, точно-точно будто молилась, чтобы мое *да* получило благословеніе свыше. На площадкѣ сдѣлалось тихо-тихо; только гдѣ-то щебетала одинокая птичка и красные лучи вечерняго солнца играли про-

межь вѣтвей. Было ли то дѣйствіе мягкаго настроенія, еще не оставлявшаго меня послѣ болѣзни, — не знаю, но только на душѣ у меня было какъ-то такъ чудно и странно... И казалось мнѣ, будто я находился въ святомъ храмѣ и только-что произнесъ торжественный обѣтъ, окончательно разрывавшій мою связь съ прошлымъ и посвятившій меня новой жизни, новымъ обязанностямъ. И при этомъ я все глядѣлъ на милую дѣвушку, продолжавшую сидѣть съ поникшей умной головкой, съ сложенными руками — и глядѣлъ я на нее такъ пристально, что слезы навернулись у меня на глаза, и за этимъ покрываломъ исчезли храмъ и жрица — площадка съ высокими деревьями, свѣтившимися въ солнечныхъ лучахъ, — и молоденькая дѣвушка съ молитвенно-сложенными руками.

И вдругъ изъ сада послышался чей-то звонкій голосъ. То были братья Паулы, окончившіе свои учебныя занятія, и теперь радостно спѣшившіе на свою любимую площадку, гдѣ они рассчитывали навѣрное найти свою сестру. Паула убрала свои рисовальныя принадлежности и уже готовилась было закрыть рисунокъ листомъ тонкой бумаги, когда мальчуганы на всемъ бѣгу подскакали къ намъ вверхъ по холмистой отлогости.

— А я первый, а я первый! кричалъ маленький Оскаръ, кубаремъ сваливаясь на руки сестры.

— Еще бы, когда мы сами пропустили тебя впередъ, сказалъ Куртъ, бросаясь ко мнѣ на колѣни съ ловкостью эквилибриста.

— Покажи-ка, Паула, сказалъ Бенно, опуская руку на плечо Паулы.

Паула сняла бумагу; Бенно принялся внимательно разсматривать рисунокъ и потомъ устремилъ испытующій взглядъ на оригиналь; Куртъ быстро слѣзъ съ моего колѣна, чтобы тоже посмотреть на работу сестры; даже маленький Оскаръ просунулъ свою кудрявую голову подъ руку сестры и также хотѣлъ знать, въ чемъ тутъ было дѣло. Милая, прелестная то была группа — три рѣзвые мальчугана близко притиснувшіеся къ сестрѣ и быстро поводившіе своими блестящими глазенками, то на меня, то на картину.

— Это дядя докторъ! сказалъ Оскаръ.

Паула улыбнулась и нѣжно провела рукою по русымъ кудрямъ хорошенькаго мальчика.

— Дурачекъ ты, дурачекъ, сказалъ Куртъ, — вѣдь у доктора на носу есть очки.

— Ничего, хорошо, Паула, замѣтилъ Бенно съ видомъ знатока.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросила Паула.

— Да, ничего, сказалъ Бенно, — только онъ ужъ вовсе не такой же хорошенькій.

— Ну, дѣти, довольно насмотрѣлись, сказала Паула рѣшительнымъ тономъ. — Бенно, отнеси-ка ты это въ бельведеръ.

— Я, я отнесу! сказалъ Куртъ.

— Нѣтъ, я, нѣтъ, я, кричалъ Оскаръ.

— Слышали, кажется, что я долженъ отнести! сказалъ Бенно; — куда вамъ, клопамъ...

— А ты-то ужъ ухъ какой большой! сказалъ Куртъ, подтрунивая.

— Тихе, полно вамъ! вмѣшалась Паула; — вы никогда не должны объ этомъ спорить. Кто старше, тотъ и больше, и ужъ этого онъ измѣнить не можетъ, — а кто моложе, тотъ меньше, и онъ тоже въ этомъ не виновать.

— Нѣтъ, Паула, ты это несправедливо говоришь, сказалъ Куртъ; — вотъ, напримѣръ, Георгъ моложе папаши, а вѣдь посмотри-ка — онъ больше папаши.

— Вотъ идетъ отецъ, сказала Паула, — и съ нимъ также мать; ну, смотрите жъ, перестаньте шумѣть.

По дорогѣ шель директоръ, ведя подъ руку свою жену, но медленно-медленно, какъ это было необходимо для почти ослѣпшей директорши, которой глаза были прикрыты широкимъ зеленымъ зонтикомъ. Позади ихъ, то съ правой, то съ лѣвой стороны дороги шла какая-то приземистая, поджарая фигурка, державшая голову то вверхъ, то внизъ, бравшая палку то въ правую, то въ лѣвую руку, и такому же частому перемѣщенію изъ одной руки въ другую подвергалась шляпа шедшаго мужчины. Совершенно облысѣвшее темя его безобразно-большой головы, свѣтилось въ вечернемъ солн-

цѣ, ни дать, ни взять, какъ биллиардный шаръ, освѣщенный пламенемъ газовой лампы.

Это былъ д-ръ Виллибродъ Снелліусъ—домашній врачъ и другъ въ семействѣ директора и въ тоже время тюремный врачъ въ Н.

Я всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу приближавшимся.

— Ну, что какъ поживаете, спросилъ директоръ, протягивая мнѣ руку.—Хорошо ли подѣйствовало на васъ первый продолжительный выходъ на открытый воздухъ?

— Ну, объ этомъ мы спросимъ завтра утромъ, гмъ, гмъ, гмъ!...

Докторъ Снелліусъ любилъ сопровождать свои бесѣды какими-то особенными носовыми звуками, походившими отчасти на ворчаніе, частію на глухое жужжаніе; эти звуки были какъ разъ на цѣлую октаву глубже его настоящаго голоса—довольно жиденькаго и обладавшаго необыкновенно высокимъ тономъ. Для доктора, какъ для человѣка со вкусомъ, этотъ жиденькій голосишка, называемый имъ фистулой, былъ просто предметомъ ужаса. Своимъ, спускавшимся на цѣлую октаву, ворчаніемъ онъ—по собственному сознанию—хотѣлъ убѣдиться, точно ли онъ человѣкъ, а не пѣтухъ, такъ какъ если судить только по качеству своего голоса, то онъ необходимо долженъ былъ бы причислить себя къ послѣдней категоріи.

— Но вѣдь вы сами, докторъ, прописали ему открытый воздухъ, сказалъ директоръ.

— А я развѣ по этому могу знать, хорошо или дурно это на него подѣйствуетъ, гмъ, гмъ, гмъ!.. отозвался докторъ Снелліусъ.— И это тоже лекарство, какъ лекарство. Эге, если бы я впередъ навѣрное зналъ, какое дѣйствіе произведутъ мои рецепты, то непремѣнно померъ бы барономъ Виллибродомъ Снелліусомъ въ Снелліусбургъ, гмъ, гмъ, гмъ!...

— Слыша васъ, невольно подумаешь, право, что вся ваша наука—пустая ложь, сказала госпожа фонъ-Церенъ, усаживаясь на стулъ, придвинутомъ ей Паулою.

— Вы-то въ особенности не имѣете никакихъ причинъ считать насъ чародѣями, благородная фрау!

— И именно потому, что вы не кажетесь мнѣ чародѣями, а я

не требую отъ васъ ничего, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ недостижимаго.

Госпожа фонъ-Церенъ сняла свой зонтикъ и съ благодарнымъ чувствомъ подняла усталые глаза къ древеснымъ вершинамъ, ослаблявшимъ все еще довольно сильный свѣтъ неокончившагося дня. Какъ хороши, вѣрно, были эти глаза, когда еще искрились молодостью и счастьемъ! Какъ очаровательно было это лицо, прежде чѣмъ болѣзнь смгла прелестныя черты и такъ рано — потому что госпожѣ фонъ-Церенъ теперь едва было сорокъ лѣтъ — осеребрила роскошную, густоволосую голову! Да, эта блѣдная дама была еще хороша, — по крайней мѣрѣ, для меня; хотя я находился не долго вблизи ея, однако уже успѣлъ узнать, какъ она была ангельски добра, какъ сердце ея было всегда открыто и полно сочувствія ко всему, что страдало, несмотря на всю безконечную ея любовь къ мужу и роднымъ малюткамъ.

— А вотъ мы скоро поджидаемъ къ себѣ вашего пріятеля Артура, сказалъ мнѣ директоръ, отведя меня нѣсколько въ сторону; — впрочемъ вы, кажется, говорили, что онъ поступилъ относительно васъ не совсѣмъ по-пріятельски.

— Если бы я говорилъ иначе, то долженъ былъ бы лгать. Но какимъ образомъ онъ можетъ явиться сюда?

— Передъ пасхой онъ окончилъ свой экзамень и теперь зачисленъ прапорщикомъ въ нашъ батальонъ. При этомъ случаѣ мы увидимъ у себя его родителей и, можетъ быть, также коммерціи совѣтника, если только онъ самъ захочетъ хлопотать о своемъ дѣлѣ. Тутъ видите ли, идетъ разбирательство объ оставшемся имуществѣ моего брата, насколько оно уже не конфисковано въ пользу суда и кредиторовъ, а вѣдь вамъ извѣстно, что между займодавцами покойнаго коммерціи совѣтника занимаетъ первое мѣсто. Дѣло нѣсколько затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при пожарѣ замка пропали и всѣ немногія, еще оставшіяся бумаги. Но зато Констанція прислала изъ Неаполя формальное отреченіе отъ наслѣдства, и такимъ образомъ претендентами остаются только мой братъ и коммерціи совѣтникъ, потому что я, съ своей стороны, желалъ бы рѣшительно оградить себя отъ участія въ дѣлѣжѣ и

даже могу сказать, что если бы мы не должны были съ достоинствомъ переносить неизбѣжное, то я ожидалъ бы нашей встрѣчи только съ самымъ тягостнымъ чувствомъ. О чемъ тутъ только не заведутъ рѣчь? Чего не станутъ раскапывать изъ могилы?.. — А что тебѣ, дитя мое?

Оскаръ долженъ былъ показать отцу бѣдненькаго жучка, пробиравшагося чрезъ дорогу; я же усѣлся въ садовомъ домикѣ и весь отдался такимъ горестнымъ мыслямъ, какія еще не посѣщали меня съ тѣхъ поръ, какъ я нѣсколько оправился отъ болѣзни. Артуръ! Констанція!! Артуръ, такъ подло отступившійся отъ меня, Констанція, такъ низко меня обманувшая! Штейерратъ, коммерціи совѣтникъ!!.. О первомъ я зналъ, что онъ былъ подлый, трусливый помощникъ своего мужественнаго брата, а коммерціи совѣтникъ спекулировалъ легкомысліемъ дикаго и если самъ не былъ виною его гибели, то во всякомъ случаѣ умышленно ускорилъ ее, въ чемъ я былъ убѣжденъ положительно. Какой страшный хаосъ ощущеній, уже прежде достаточно меня терзавшихъ, взбудоражили во мнѣ всѣ эти имена! Какимъ отвратительнымъ показалось мнѣ мое прошлое, исторія котораго навсегда была связана съ этими именами, съ подобными людьми! Оно было такъ отвратительно, какимъ казался мнѣ и островъ сквозь загрязненное, сѣрожелтое стекло окошка, у котораго я стоялъ. И теперь, когда я со вздохомъ обернулся, взглядъ мой упалъ, чрезъ широко-растворенную дверь на площадку подъ чинарами, наполненную чистымъ, прекраснымъ вечернимъ свѣтомъ, и на людей, двигавшихся въ этомъ отрадномъ свѣтѣ.

Директоръ и докторъ, занявшись довольно оживленной бесѣдой, рассказывали взадъ и впередъ, причемъ докторъ переходилъ то по ту, то по другую сторону своего собесѣдника; два старшіе мальчика рѣзвились возлѣ колѣнъ матери, тогда какъ мать весело шутила съ ними и смѣялась; Паула приняла изъ рукъ служанки принадлежности стола, чтобы накрыть его для ужина, такъ какъ при хорошей погодѣ семья всегда садилась за столъ подъ открытымъ небомъ. И какъ беззвучны, тихи были эти приготовленія Паулы, — чтобы не помѣшать разговору мужчинъ, чтобы стукъ тарелокъ не подѣйствовалъ раздражительно на больной слухъ ма-

тери! И какъ это молоденькая дѣвушка находила время при этомъ болтать съ маленькимъ Оскаромъ, слѣдовавшимъ за нею шагъ за шагомъ, и искать глазами меня, чтобы увидѣть, не былъ ли также и я гдѣ нибудь близко! О! да, это свѣтлое, мирное настоящее было лучше моего мрачнаго, бурнаго прошлаго! Но мнѣ все отчего-то казалось, будто тѣнь минувшаго ложилась на это настоящее. Что если Артуръ, явившись сюда и—чего надо было ожидать—поселившись въ домѣ, какъ членъ семьи, станетъ вкрадываться въ довѣріе этихъ безхитростныхъ людей своимъ гладкимъ языкомъ, станетъ, благодаря своей лживой душонкѣ, приобретать ихъ благосклонность, что если онъ, еще въ раннихъ лѣтахъ бывший записнымъ любезникомъ, осмѣлится—а на что подлець не осмѣлится!—ухаживать по старой привычкѣ, за Паулою,—кузинъ за кузиною!— Должно быть я былъ еще очень слабъ, потому что при этой мысли сильно затрясся всѣмъ тѣломъ съ головы до ногъ, — и вдругъ въ это мгновеніе кто-то показался въ садовой аллеѣ, приближаясь къ площадкѣ подъ чинарами. Мнѣ ужъ такъ и казалось, что вотъ является когда-то горячо-любимый другъ, обратившійся теперь въ ненавидимаго всею душою недруга.

Однако это былъ вовсе не заново спеченный прапорщикъ, во всемъ блескѣ своего новаго мундира: посѣтитель этотъ былъ сухощавый, весь одѣтый въ черный костюмъ господинъ, имѣвшій на себѣ очень узкій бѣлый воротничекъ и плоскую шляпу, снабженную очень широкими полями. Снявъ шляпу эту для вѣжливаго поклона, онъ обнажилъ свою голову, покрытую гладкими темными, неэлегантно длинными волосами, зачесанными за уши и по срединѣ подстриженными на макушкѣ. Этого господина я зналъ очень хорошо. Довольно часто доводилось мнѣ его видѣть, когда онъ медленными шагами и съ поникшей головой пробирался чрезъ тюремные дворы, входилъ въ ту или другую дверь, а послѣ, можетъ быть, выходилъ оттуда,—все съ тою же смиренною осанкою. Честь личнаго съ нимъ знакомства также была мнѣ уже предоставлена, такъ какъ во время моей болѣзни онъ разъ какъ-то совершенно неожиданно вошелъ въ мою комнату и сталъ говорить мнѣ о спасеніи моей души, и я имѣлъ бы это счастье пожалуй, еще очень часто, если

бы подоспѣвшій д-ръ Снелліусъ не возмущился противъ этой конкуренціи, причеъ онъ намекалъ, что теперь нужно было хлопотать не столько о спасеніи моей души, сколько объ исцѣленіи тѣла, и для этой цѣли подобныя безпокойныя разговоры были всего менѣе уместны. Это различіе мнѣнній разыгралось тоже передъ дверью моей комнаты въ довольно оживленный диспутъ, и мнѣ показалось, что въ этомъ состязаніи дѣло не обошлось даже безъ очень крѣпкихъ словъ. Сообразивъ все это, нельзя было не убѣдиться въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ господина діакона и тюремнаго проповѣдника Эвальда фонъ-Кроссова, когда онъ теперь, пожелавъ семейству добраго вечера, не менѣе любезно привѣтствовалъ также и доктора, а мнѣ даже протянулъ руку, чуть только отыскалъ меня глазами.

— Ваше здоровье, мой милый? спросилъ онъ своимъ тихимъ голоскомъ;—однако оно, безъ всякаго сомнѣнія, должно находиться въ удовлетворительномъ состояніи, если я вижу васъ еще на открытомъ воздухѣ, несмотря на то, что уже замѣтно посвѣжѣло. Не принимайте этого, пожалуйста, за сомнѣніе въ вашемъ глубокомъ знаніи, почтеннѣйшій докторъ! Вѣдь мнѣ тоже очень хорошо извѣстно, что *græsentē medico nihil nocet* (въ присутствіи врача ничто не вредитъ).

Докторъ дернулъ правой ногой, точно пѣтухъ, готовящійся къ бою и закудахталъ самыми высокими ногами:

— Право, жаль и очень жаль, что когда Адамъ скушалъ свое роковое яблоко, тамъ не было никакого врача. Бѣдняга жилъ бы, можетъ быть, и по нынѣ. Гмъ, гмъ.

Онъ уставилъ въ пастора чрезъ очки яростный взглядъ, желая узнать, по вкусу ли ему приплась эта заноза. Пасторъ вротко улыбнулся.

— Ого, господинъ докторъ, вы все не сходите со сѣмьи, гдѣ сидятъ насмѣшники?

— Ужъ я привыкъ оставаться тамъ, гдѣ нахожусь, и нисколько не принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые никогда не затрудняются перескочить на хорошее мѣстечко.

— А принадлежите къ тѣмъ, что всегда имѣютъ про запасъ острия шпильки.

— Не все то остро, отчего ежата клейстерныя, кисло-сладкія душенки.

— Вы знаете, что я—слуга мира.

— Можете переимѣнить службу.

— И что долгъ мой приказываетъ прощать.

— Если долгъ сей полученъ отъ Бога, то не мѣшало бы присоединить къ нему хоть крупицу здраваго смысла.

— Господинъ докторъ!

— Господинъ фонъ-Кроссовъ!

Вся бесѣда между двумя антагонистами собственно не предназначалась для моихъ ушей, по крайней мѣрѣ, пасторъ говорилъ все время чрезвычайно тихо и даже послѣднее свое восклицаніе: „господинъ докторъ!“ произнесъ смиреннымъ тономъ оскорбленной невинности. Затѣмъ онъ пожалъ плечами съ видомъ горестнаго сожалѣнія и присоединился къ прочимъ.

Видя, что противникъ неожиданно отъ него увернулся, докторъ, точно задорливый пѣтухъ, нѣсколько минутъ злобно глядѣлъ предъ собою, потомъ разразился хриплымъ, куринымъ хохотомъ, взмахнулъ руками, точно это были крылья, и обратился ко мнѣ, какъ будто имѣлъ величайшую охоту продолжать со мною прерванную перебранку.

— А вамъ бы таки не мѣшало убраться въ свою комнату.

— Я ждалъ только вашего приказанія.

— Оно уже воспослѣдовало, и я самъ похлопочу о точномъ его исполненіи. Онъ подхватилъ меня подъ руку и потащилъ за собой такъ быстро, что я едва успѣлъ пожелать оставшимся спокойной ночи. Докторскій гнѣвъ еще не разсѣялся; мой спутникъ то согбѣлъ, то свисталъ, то прищелкивалъ языкомъ и въ промежуткахъ бормоталъ: „скотъ, скотина, скотинаріусъ“.

— Вы что-то не очень высокаго мнѣнія о нашемъ духовномъ пастырѣ, замѣтилъ я.

— Пожалуйста, молодой человекъ, хоть вы-то не пускайтесь въ злостную иронию! вскричалъ докторъ, вытаращивъ на меня гла-

за; — высокое мнѣніе!! Что это за чепуха!.. Развѣ можно быть другого мнѣнія о подобномъ субъектѣ?

— А между тѣмъ директоръ постоянно обходится съ нимъ очень привѣтливо.

— Да потому что онъ слишкомъ ласковъ со всякимъ и не подумаетъ при этомъ, что вѣдь это—не мужчина и вообще не чело­вѣкъ, а змѣя, скверная, вредная гадина, пресмыкающаяся въ травѣ и готовая ужалить неосторожную грудь, согрѣвающую это холодное чудовище. Ласковъ, привѣтливъ! Чтожъ, это не очень трудно, если на другихъ честныхъ людей возлагается обязанность поступать тѣмъ съ большей грубостью.

— Это не составляетъ для васъ большого труда, докторъ.

— Эй, не сердите меня, пріятель! Говорятъ вамъ, что это дѣло не шуточное, потому что если я не загрызу этого барина, то, рано или поздно, онъ перекусаетъ всѣхъ насъ и преждѣ всѣхъ своего привѣтливаго друга — доктора. И вамъ онъ уже успѣлъ поставить загвоздку, да?..

— Мнѣ?!

— Ну, да, вамъ, директору и мнѣ—этотъ негодяй хочетъ однимъ махомъ убить трехъ мухъ.

— Да расскажите же, сдѣлайте милость, докторъ, въ чемъ дѣло?..

— Еще бы, конечно расскажу, хоть бы вы меня о томъ и не просили. Садитесь-ка вонъ тамъ въ кресло и располагайтесь поудобнѣе. Кажется, сегодня въ послѣдній разъ вы будете сидѣть здѣсь.

Мы были въ моей комнатѣ. Докторъ силою усадилъ меня въ кресло, а самъ стоялъ передо мною—то на той, то на другой ногѣ, рѣдко на обѣихъ—и при этомъ говорилъ:

— Настоящее положеніе наше до нельзя просто и ясно. Гуманность-директоръ и матеріалистъ-докторъ должны быть въ высшей степени протівны піэтистическому, высоко-аристократическому ханжѣ и изувѣру, попавшему въ тюремные проповѣдники для того, чтобы блистать передъ людьми своимъ игривымъ христіанскимъ стремленіемъ. Эдакому гусю гуманность представляется демократической

слабостью, а матерію онъ уважаетъ только, когда можетъ жрать ее. Съ покойнымъ пасторомъ Михаэлисомъ, принадлежавшимъ въ старой, добропорядочной школѣ мы жили просто какъ въ раю; онъ и господинъ фонъ-Церенъ — или скорѣе господинъ фонъ-Церенъ и онъ — въ продолженіи своей совокупной, почти двадцати-лѣтней дѣятельности сдѣлали заведеніе это такимъ, каково оно въ дѣйствительности, — т. е. образцовымъ заведеніемъ во всемъ значеніи слова, и я, въ теченіи пяти проведенныхъ мною здѣсь лѣтъ, старался, сколько могъ сжиться съ убѣжденіями этихъ людей, и полагаю, что это мнѣ достаточно удалось. Но вотъ будетъ уже около полу-года съ тѣхъ поръ, какъ померъ Михаэлисъ, и эта пѣтистическая гадюка заползла въ нашъ рай; вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ прежній миръ отправился ко всѣмъ чертямъ; змѣя заползаетъ во всѣ закоулки, а ужъ гдѣ она побывала, тамъ вездѣ остаются слѣды ея. ядовитаго, тлетворнаго дыханія. Чиновники деморализируются, арестанты подстрекаются къ преступленіямъ. Такой формальный заговоръ, какой былъ затѣянъ Каспаромъ-Котомъ, прежде былъ бы положительно невозможенъ. Слава Богу, что мы, наконецъ, отдѣлались отъ этого гуся: сегодня его благополучно перевезли въ Н., куда собственно его и слѣдовало препроводить съ самаго начала. Да, такъ этотъ Каспаръ-Котъ былъ, изволите ли видѣть, любимецъ господина пастора, зрѣвшаго въ немъ нечистый, но весьма драгоценный сосудъ, и такъ какъ, по мнѣнію нашего проповѣдника, очищеніе сего сосуда принадлежало по праву ему, то онъ и выконючилъ, чтобы его фаворита освободили изъ одиночнаго заключенія, изъ предосторожности назначеннаго ему директоромъ. Такъ вотъ изволите видѣть оно все такъ у насъ и идетъ: богослуженіе publice, молитвенное бдѣніе — privatim, душе-спасительные проски — privatissime! Иуда интригуетъ противъ насъ гдѣ и какъ только можетъ; льститъ директору въ глаза, смиренно сносить мои грубости и думаетъ: ладно, голубчики, погодите-ка, поподетесь вы мнѣ, какъ куръ во щи. И ужъ онъ полагаетъ, что на-вотъ такъ ужъ и схватилъ насъ за хвостъ. Вы знаете, что правительственный президентъ, такой же коварный великопосникъ, доводится ему дядей. И вотъ дядюшка и племянничекъ дѣйству-

ють сообща—рука, знаете, руку мою... Президентъ, какъ непосредственный начальникъ директора, давно бы уже смѣстилъ его, если бы господина фонъ-Церена не поддерживалъ, правда слабой рукою, его другъ и покровитель — министръ фонъ-Альтенбергъ, одинъ изъ послѣднихъ, еще уцѣлѣвшихъ столбовъ изъ великой эпохи возстанія. Альтенбергъ очень старъ, боленъ и со дня на день можетъ умереть. А между тѣмъ подкопы идутъ съ наибольшимъ усердіемъ, матеріалъ собирается и, вѣроятно, послужитъ рычагомъ для приведенія въ дѣйствіе новаго высокопревосходительства. А еще вотъ что я вамъ скажу, только, слушайте хорошенько: ассесоръ Лерхъ, мой добрый пріятель, былъ вчера у президента. „Вотъ любезный Лерхъ“, говоритъ президентъ, „вы вѣрно можете доставить подробную реляцію объ этомъ дѣлѣ. Вѣдь опять, поступилъ доносъ на директора фонъ-Церена. — „Опять, господинъ президентъ“? спрашиваетъ Лерхъ. — „Да опять, говоритъ, опять новый доносъ, къ моему глубокому приискорбію. Все прочее я могъ оставлять безъ всякихъ послѣдствій, хотя и не безъ вниманія, а вѣдь это такой скандальный казусъ, что я долженъ обследовать его строго и донести его высокопревосходительству. Вообразите, любезный Лерхъ, нашъ добрый фонъ-Церенъ сдѣлалъ непростительную... какъ бы эдакъ выразиться... необдуманность что ли относительно молодаго человѣка изъ Узелина, приобрѣвшаго себѣ такую печальную извѣстность въ процессѣ о контрабандѣ...“ ну, а тутъ онъ разсказалъ, какъ директоръ, послѣ катастрофы, расписанной доносчикомъ, разумѣется, самыми своеобразными красками, помѣстилъ васъ не въ старую, сѣдненную плѣсенью больницу, гдѣ бы вы неизбѣжно околѣбли, а въ свою собственную квартиру, гдѣ и оставилъ васъ и удерживаетъ до сихъ поръ, несмотря на то, что вы уже три недѣли находитесь въ періодѣ выздоровленія. Далѣе президентъ сообщилъ, что директоръ обращается съ вами, какъ съ равнымъ себѣ, что онъ ввелъ васъ въ свое семейство, и что вы сдѣлались, такъ сказать, членомъ его семьи,—ну, однимъ словомъ, что вамъ еще яснѣе разжевывать, гмъ, гмъ, гмъ.

Докторъ раскудахтался самыми верхними нотами самого высоко
«Дѣло», № 3.

каго строя и долженъ былъ проворчать, по крайней мѣрѣ, двумя октавами ниже, чтобы приобрести утѣшительную увѣренность въ томъ, что онъ не пѣтухъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ считаете этого человѣка доносчикомъ? вскричалъ я, бѣшено вскакивая и совершенно забывая о своемъ еще довольно слабомъ здоровьѣ.

— Мнѣ нечего считать, потому что я знаю это положительно. А иначе могъ ли бы я говорить сегодня такъ грубо.

Я невольно долженъ былъ расхохотаться. Какъ будто для Филакса нужно было какое нибудь особенное поддразниванье, чтобы вцѣпиться въ горло Липса Туллиона! Однако, дѣло это имѣло свою, довольно серьезную сторону. Для меня была невыносима мысль, что господинъ фонъ-Церенъ, такъ высоко мною уважаемый, заслуживающій отъ меня такую безграничную признательность, могъ чрезъ меня попасть въ такое затруднительное положеніе.

— Посовѣтуйте же, помогите, господинъ докторъ! упрашивалъ я съ необыкновеннымъ жаромъ.

— То-то же оно и есть—посовѣтуйте, помогите!—А не я ли всегда говорилъ, что это вамъ даромъ не обойдется? Впрочемъ вы совершенно правы: тутъ непремѣнно надобно пособить горю, и притомъ я знаю только одинъ исходъ. Мы должны предупредить гадюку, и если это удастся, то на этотъ разъ ея ядовитый зубъ будетъ сломанъ. Я знаю нашего директора. Если бы онъ хотя сколько нибудь могъ подозрѣвать, что васъ хотятъ отнять у него, то скорѣе позволилъ бы отсѣчь себѣ руку, чѣмъ выдалъ бы васъ. Поэтому еще сегодня вечеромъ жалуйтесь на головную боль и повторите тоже самое завтра вечеромъ. Ваша комната расположена въ уровень съ землею, другой незанятой въ настоящую минуту не имѣется. Ну, чтожь, мы назовемъ болѣзнь *intermittens*, пропишемъ хининъ, высокое, доступное для воздуха помѣщеніе, — и послѣ завтра вы опять сидите въ вашей прежней кельѣ, — ужъ предоставьте только похлопотать мнѣ!

И я предоставилъ доктору Виллибраду Снелліусу хлопотать, какъ онъ найдетъ за лучшее, и спустя два дня я опять сидѣлъ если не за замками и запорами, то все-таки за рѣшетками моей прежней кельи.

VI.

На слѣдующее утро я стоялъ за этими желѣзными рѣшетками и грустно глядѣлъ въ открытое окно. Странно! Вчера вечеромъ я вовсе не думалъ, чтобы эти рѣшетки еще могли вызывать во мнѣ какое либо непріятное впечатлѣніе, однако случилось именно такъ. Онѣ живо напоминали мнѣ все, о чемъ я уже почти совсѣмъ позабылъ втеченіи послѣднихъ недѣль, напоминали мнѣ, что какъ бы тамъ ни было, а я все-таки былъ арестантомъ! „Все остается по-старому“, сказалъ мнѣ директоръ вчера на разставаньи, и всѣ наперерывъ старались обратить послѣдній день, проведенный мною гостемъ подъ ихъ крышею, въ семейный праздникъ, но такъ или иначе, а не все уже было по старому. Завтракъ сегодня утромъ далеко не показался мнѣ вкуснымъ, какъ въ прежніе дни, когда я ѣлъ его подъ высокими деревьями тихаго сада въ обществѣ Паулы и госпожи фонъ-Церенъ, и если я и теперь могъ, когда хотѣлъ, сойти въ садъ, привѣтливо заглядывавшій въ мою келью, то все-таки долженъ былъ опять сюда возвратиться спустя нѣкоторое время!

Сюда!!.

Я осматрѣлся кругомъ въ кельѣ, и только теперь замѣтилъ, какъ усердно старались мои друзья заставить меня позабыть, гдѣ я находился.

Картина сикстинской мадонны съ младенцемъ, такъ полюбившаяся мнѣ во время болѣзни, опять висѣла противъ моей кровати совершенно такъ, какъ прежде въ комнатѣ Паулы. На комодѣ стояли тѣже двѣ вазы изъ обожженной земли и въ каждой изъ нихъ помѣщалось нѣсколько свѣжихъ розъ. Тутъ же было кресло, то самое кресло, въ которомъ я сидѣлъ не въ послѣдній разъ, вопреки предсказанію д-ра Снелліуса, и на стѣнкѣ висѣло знакомое мнѣ вязаное одѣяло, лежавшее у меня на колѣняхъ, когда работала Паула; здѣсь же стояла та самая этажерка, съ тѣми же

прекрасно-переплетенными книгами — Фаустомъ Гете, сочиненіями Шиллера, Лессинга, и хотя Паула настоятельно рекомендовала мнѣ чтеніе этихъ книгъ, однако я до сихъ поръ почти въ нихъ не заглядывалъ. О, да, они старались какъ могли сдѣлать мою тюрьму отрадною и привѣтливою, насколько было возможно. Но не доказывало ли это самое участіе, что меня окружала все-таки тюрьма, и что эпизодъ моей мнимой свободы уже окончился? Да они были добры, безконечно добры ко мнѣ, какъ сердобольный самаританинъ къ болящему при смерти, но эту привѣтливую личину нужно было снять, чуть только проходящій мимо фарисей захотѣлъ искоса взглянуть на это трогательное зрѣлище. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Я былъ и оставался арестантомъ, какъ они тамъ не украшаютъ розами мои цѣпи!

И почему же я не могъ разорвать ихъ? Конечно, той тактикой, какую я употребилъ сначала, ни до чего нельзя было добиться; но кто же виноватъ въ томъ, что я началъ безтолково? Зачѣмъ я не оставался вѣрнымъ самому себѣ, не полагаясь спокойно на свои собственныя силы и на какой нибудь счастливый случай? Вѣдь рано или поздно онъ могъ представиться. Теперь, послѣ всего случившагося, когда эти люди такъ много обязали меня признательностью и приобрѣли мою душевную привязанность, я былъ вдвойнѣ арестантъ. За отрадную чечевичную похлебку дружбы и любви я продалъ первое, священнѣйшее, неотчуждаемое право, родившееся вмѣстѣ съ человѣкомъ и служащее живительнымъ воздухомъ для его души—я продалъ право свободы. Семь лѣтъ, семь длинныхъ, безконечныхъ лѣтъ!

Я сталъ прохаживаться взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ первый разъ послѣ моей болѣзни во мнѣ пробудилась часть моей былой силы—почти ничтожная часть, но этого было достаточно, чтобы возвратитъ мнѣ также отчасти мое судорожное настроеніе, мою прежнюю необузданность. Да и могло ли быть иначе въ то время, когда я только-что почувствовалъ себя самимъ собою! Развѣ не могло мое положеніе приводить меня въ бѣшенство, когда ничто меня въ немъ не удерживало, кромѣ меня самого? Не лучше ли было бы оставить меня въ прежней неволѣ и съ мечтой когда

нибудь разорвать ея оковы, хотя бы этой мечтѣ никогда не суждено было осуществиться...

— Тамъ какой-то молодой человѣкъ желаетъ говорить съ нами, доложилъ вахмистръ.

Со времени моей болѣзни, когда „мы“ такъ много провозились вмѣстѣ, онъ часто говорилъ со мною въ этомъ множественномъ числѣ, такъ какъ имѣлъ привычку удостоивать ею всѣхъ, пріобрѣвшихъ право на привязанность его честнаго сердца, — напримеръ, директора и всѣхъ членовъ его семейства вклучительно съ докторомъ.

— Какой такой человѣкъ? спросилъ я, потрясенный какимъ-то радостнымъ испугомъ. Впродолженіе всего моего заключенія еще въ первый разъ какой-то посторонній посѣтитель имѣлъ надобность говорить со мною, и я — самъ не зная почему, — приводилъ въ связь это странное посѣщеніе съ мыслями, наполнявшими теперь мою голову.

— По виду, онъ смахиваетъ на моряка, что ли, объяснялъ вахмистръ, — и говоритъ, что принесъ съ собою извѣстіе о вашемъ покойномъ братѣ.

Все это было въ высшей степени неправдоподобно. Мой братъ Фрицъ померъ еще пять лѣтъ тому назадъ; въ одну очень бурную ночь онъ упалъ съ репфокъ-мачты чрезъ бортъ и утонулъ. Судно же послѣ этого вернулось назадъ въ совершенной сохранности, и смерть моего брата не была окружена никакими таинственными обстоятельствами. Если же теперь кто-то являлся ко мнѣ съ извѣстіями о кончинѣ моего брата, то видно, что у этого посѣтителя было на сердцѣ нѣчто совершенно другое.

— А можно мнѣ говорить съ нимъ, Зюсмилхъ? спросилъ я притворно-равнодушнымъ тономъ, тогда какъ сердце мое просто рвалось у меня изъ груди.

— Коли желаете говорить, отчего же — можно.

— Такъ впустите его сюда, Зюсмилхъ, — да еще послушайте-ка, Зюсмилхъ, коли это — морякъ, то вѣрно ему захочется промочить глотку: не можете ли вы раздобыть чегонибудь подходящаго?

Сколько бесполезных хлопотъ доставляетъ человѣкъ съ нечистой совѣстью себѣ и другимъ! Мнѣ всегда было очень тяжело лгать, но теперь я необходимо долженъ былъ прибѣгнуть ко лжи, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ старика, и честный Зюсмилхъ нисколько не требовавшій лично присутствовать при моемъ свиданіи съ незнакомцемъ, долженъ былъ бѣжать въ кухню — двѣ лѣстницы внизъ.

— Ну, а мы-то сами не должны пить ни капли, сказалъ старикъ вопросительно.

— Будьте спокойны.

И онъ ушелъ, предварительно позвавъ въ комнату угловатую фигуру какого-то смуглаго и совершенно незнакомаго мнѣ человѣка въ матросскомъ костюмѣ.

Съ нѣмымъ изумленіемъ уставилъ я глаза на незнакомца, такъ какъ въ его наружности и приемахъ, въ самомъ дѣлѣ, было — чтобы выразиться помягче — что-то ужъ очень необыкновенное; но я перепугался не на шутку, когда онъ — чуть только дверь затворилась за вахмистромъ — привился, не произнося ни слова, срывать съ себя платье, съ поспѣшностью помѣщаннаго, но также и съ ловкостью плсщаднаго клоуна, и вдругъ — о чудо! — онъ стоялъ передо мною въ томъ самомъ костюмѣ, котораго различныя принадлежности лежали передъ его ногами, тогда какъ торжествующая улыбка на его лицѣ обнаружила два ряда ослѣпительно-бѣлыхъ зубовъ.

— Клаусъ! вскричалъ я въ радостномъ испугѣ, — ты ли это, Клаусъ!

Челюсти смѣявшагося открылись до послѣднихъ коренныхъ зубовъ. Онъ схватилъ меня за обѣ протянутыя руки, однако сейчасъ же вспомнилъ, что подобныя изъявленія дружбы не принадлежали къ его роли, и потому онъ сказалъ торопливымъ шепотомъ:

— Скорѣе, скорѣе передѣвайтесь; придется въ пору, — тутъ фальшивые швы, сами раздадутся, только скорѣе, пока онъ не пришелъ.

— А ты, Клаусъ?

— Я останусь здѣсь.

— Виѣсто меня?

— Да.

— Да вѣдь, послушай, много чрезъ пять минутъ все это отероется.

— Ну, чтожъ, времени хватить, чтобъ вамъ выйти отсюда, а для васъ выйти и уйти одно и то же.

— Но неужели ты думаешь, что это пройдетъ для тебя безнаказанно.

— Чтожъ, вѣдь они только могутъ запереть меня виѣсто васъ, но это будетъ продолжаться не богъ вѣсть какъ долго. Съ замками я бы справился скоро, а вотъ этимъ — онъ показалъ часовую пилку, вытащивъ ее изъ своихъ густыхъ волосъ — я распилю вамъ любую рѣшетку въ какіе нибудь четверть часа.

— Послушай, Клаусъ, вѣдь это все взялось не изъ твоей головы.

— Нѣтъ, придумала-то Кристель; ну же, ну же, пожалуйста поскорѣе.

Я швырнулъ ногою подъ постель матросскій костюмъ, все еще лежавшій на полу, такъ какъ въ эту минуту въ корридорѣ слышались шаги вахмистра. Онъ постучался въ дверь, и когда я отворилъ ее, старикъ передалъ мнѣ бутылъ съ водкою и рюмку.

Клаусъ поглядѣлъ съ неописаннымъ изумленіемъ, когда страшный тюремный сторожъ обратился, въ его глазахъ, въ такого скромнаго служителя. Я опять затворилъ дверь и бросился на шею доброму Клаусу. Слезы навернулись у меня на глаза.

— Добрый Клаусъ, голубчикъ мой Клаусъ! вскричалъ я, — ты и твоя Кристель — чудеснѣйшіе люди въ цѣломъ свѣтѣ; но я не могу принять вашей великодушной жертвы, не принялъ бы ея ни при какихъ обстоятельствахъ и ни подъ какимъ условіемъ, а теперь и подавно объ этомъ не можетъ быть рѣчи. Я бы могъ уйти отсюда во всякую минуту, еслибы захотѣлъ. Но я не хочу, Клаусъ, повѣрь мнѣ, Клаусъ, я самъ не хочу.

Тутъ я опять обнялъ Клауса и далъ полную волю до сихъ

поръ сдерживаемымъ слезамъ. Мнѣ казалось, будто теперь только я узналъ, что меня засадили въ тюрьму — теперь, когда языкъ мой сказалъ, что я самъ хочу здѣсь оставаться, — когда я самъ сдѣлалъ себя арестантомъ. Клаусъ, разумѣется, не могъ подозрѣвать, что во мнѣ происходило, и, робко поглядывая на дверь, все еще старался тихими словами вынудить у меня согласіе, чтобы онъ остался здѣсь вмѣсто меня; онъ давалъ голову на отрѣзъ, что чрезъ двадцать четыре часа тутъ и слѣдъ его простынетъ.

— Клаусъ, дорогой Клаусъ! вскричалъ я, трепля его по толстымъ щекамъ, — ты хочешь обмануть меня, пріятель. Признайся, что ты и самъ не рассчитываешь улепетнуть такъ скоро.

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ онъ застыдившись, — да только жена моя думала...

— Жена твоя, Клаусъ, какъ такъ жена?!

— Вотъ ужъ восьмая недѣля, какъ мы перевѣнчаны.

Я притиснулъ Клауса въ кресло, самъ усѣлся передъ нимъ и просилъ все рассказать мнѣ. Я убѣждалъ его, что онъ оказалъ бы мнѣ величайшее наслажденіе, еслибы сказалъ, что дѣла его идутъ хорошо; мнѣ же здѣсь вовсе не такъ худо, какъ онъ представлялъ себѣ въ своей честной преданной душѣ, — и при этомъ, въ короткихъ словахъ я сдѣлалъ ему очеркъ моихъ приключеній въ тюрьмѣ — моей попытки къ бѣгству, моей болѣзни и дружескихъ отношеній къ директору и его семейству.

— Ты видишь, заключилъ я, — что мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ здѣсь сносно, и теперь я долженъ непременно знать, какъ живетъ тебѣ и всѣмъ вамъ, и какими судьбами вы такъ скоро сдѣлались мужемъ и женою. Вѣдь тебѣ всего двадцать два года, Клаусъ, и ужъ ты женатъ! Шагаешь, братъ, немилосердно шагаешь! И твоя Кристель рѣшилась тебя отпустить отъ себя! Ну, знаешь ли, дружокъ, Клаусъ, это мнѣ не очень нравится.

Я смѣялся ему подъ носъ, тогда какъ Клаусъ, убѣдившись, наконецъ, въ бесполезности его отважнаго плана, тоже смѣялся, но не отъ свободного сердца.

— Такъ-то оно такъ, сказалъ онъ, — то-то злую гримасу скорчить моя Кристель, когда я возвращусь безъ васъ!..

— Говори безъ тебя, Клаусъ! сказалъ я, — теперь я слышать ничего не хочу, чтобы ты отказывался отъ нашего стараго братства; а то я могу подумать, что ты стыдишься быть теперь на ты съ арестантомъ. — Да, такъ гримасу она сдѣлаетъ, когда ты вернешься безъ меня, а?

— И еще какую, упаси Боже! отвѣчалъ Клаусъ; — мы себѣ живемъ, слава Богу, припѣваючи, а все же тотъ или другой, нѣтъ-нѣтъ да и промолвитъ: а нашъ-то бѣдненькій сидитъ въ тюрьмѣ, сидитъ... Ну, ужь гдѣ тутъ толковать о счастіи, особенно когда сама Кристель собственно виновата, что вы... что ты засаженъ сюда; еслибы въ то утро она тебя въ Цановицѣ...

— А знаешь ли, Клаусъ, прервалъ я, — вѣдь довольно долго я думалъ, что Кристель сама сдѣлала показаніе, чтобы только отдѣлаться отъ твоего отца!..

— Ну, нѣтъ, сказалъ Клаусъ, — до этого, благодареніе Всевышнему, она еще не доходила, хотя уже нѣсколько разъ на душѣ у ней было такъ тяжело, что она хотѣла наложить на себя руки.

Клаусъ отеръ лобъ рукою; я навелъ разговоръ на очень грустный предметъ. Нѣсколько времени мы сидѣли молча другъ противъ друга, наконецъ, Клаусъ опять началъ:

— Правда, тоже вѣдь нѣтъ худа безъ добра: онъ — Клаусъ свылся уже съ условнымъ языкомъ Кристели, никогда не называвшей „его“ по имени — онъ, разумѣется само собою, долженъ былъ отказаться отъ опекуства надъ Кристелью, а что до самого меня, то и со мною ему не удалось поладить своими увѣщаніями; Кристель проживала нѣкоторое время у тетки Юльхенъ въ Цановицѣ, и эта тетка сдѣлала ей приданое, такъ что мы могли бы зажить царьками, да то бѣда, что... Клаусъ показалъ своей обемистой головою, устремивъ на меня до-нельзя грустный взглядъ.

— Ну, а ты все еще находишься въ Берлинѣ и работаешь на машинной фабрикѣ коммерціи совѣтника? спросилъ я, чтобы дать другое направленіе его мыслямъ.

— Какже, все тамъ! сказалъ онъ, — и меня назначили даже старшимъ приказчикомъ въ моему отдѣленію.

— Должно быть зашибаешь порядочную деньгу?

— Ничего, живемъ.

— Кристель, вѣдь, хозяйка перваго сорта...

— Да, все стираетъ да гладитъ, такъ что во всеу нашемъ углу вѣчно несетъ мыломъ и утюгами.

Клаусъ оскалилъ свои бѣлые зубы. Я пожалъ ему руку, чтобы засвидѣтельствовать свое полное сочувствіе къ его счастью, хотя восхищавшіе его запахи никогда особенно мнѣ не нравились; но еще настойчивѣе я желалъ теперь знать, какъ могла рѣшиться эта молодая чета затѣять такую жестоку игру своимъ счастьемъ.

— Вѣдь я уже говорилъ тебѣ, отозвался Клаусъ, что тутъ не было настоящаго счастья. Куда бы мы ни пошли, гдѣ бы ни находились, хоть бы обоимъ отъ всей души было весело, а все-таки намъ постоянно досаждала мысль: эхъ, если бы онъ-то былъ теперь съ нами! Ну, а за пивною похлебкою, недѣли четыре тому назадъ, было ужъ просто не въ моготу.

— За пивною похлебкою? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Ну да, вѣдь лѣтомъ ты всегда заказывалъ въ кузницѣ эту пивную похлебку, когда хотѣлъ поѣсть чего нибудь по вкусу, помнишь, а? Кристель еще страпала для тебя такъ часто. Ну, такъ вотъ когда мы недѣли четыре тому назадъ въ первый разъ ѣли пивную похлебку—въ Берлинѣ, братъ, просто объяденіе, а не пиво, куда лучше нашего; наше-то немножко горьковато...—да, такъ я, знаешь, ѣлъ себѣ во весь ротъ, а Кристель-то уронила изъ рукъ ложку и давай голосить во всю глотку. Ясно ужъ знаю, куда оно пошло—давай и себѣ голосить, и мы ѣдимъ, знаешь, и режемъ, какъ коровы, а какъ поѣли, то и говоримъ точно въ одинъ голосъ: нѣтъ такъ долго жить нельзя! Вотъ мы и давай держать совѣтъ...

— Какъ въ тотъ вечеръ, когда я встрѣтилъ васъ въ степи, правда, Клаусъ!

— Да, и таки, наконецъ, порѣшили, продолжалъ Клаусъ, покраснѣвшій при моемъ нескромномъ замѣчаніи, если только это

могъ допустить обычный цвѣтъ его лица,—все знаешь, придумала Кристель. Она гдѣ-то вычитала такую же исторію, только тамъ въ тюрьму посаженъ царскій сынъ, а освободитель его былъ рыцарь, переодѣвшійся священникомъ; ну, такъ-то сдѣлать было нельзя, а нарядиться матросомъ можно было очень ловко, говорила Кристель, потому что въ рабочемъ домѣ въ Ш., навѣрное, сидѣли многія морскія акулы, и ужь, разумѣется, къ нимъ навѣдывались со стороны посѣтители. Ну, да и вромѣ того въ портовомъ мѣстѣ матросскій костюмъ лучше всего годился для этой штуки, какъ думала Кристель. Однимъ словомъ, мы немножко попривыкли къ этой комедіи...

— Привыкли?

— Ну, да, вѣдь штука-то была нелегкая; пѣлую недѣлю, когда я возвращался съ работы, у насъ была такая знатная муштровка, пока Кристель не сказала, что какъ нибудь удастся.

— Отлично удастся, Клаусъ!

— Да что въ томъ толку-то! произнесъ Клаусъ, грустно заглядывая подъ кровать,—что толку въ томъ, что я далъ просверлить себѣ уши, чтобы продѣть въ нихъ сережки! И вѣдь это Кристель каждое утро терла мнѣ рожу свинымъ саломъ....

— Это зачѣмъ?

— А какже, я долженъ былъ вѣдь смахивать на человѣка, только-что бывшаго на суднѣ, говорила Кристель, а для этого лучше всего намазаться саломъ, а послѣ простоять около жара плавильной печи.

— Ну, братъ, Клаусъ, ты глядишь мулатомъ.

— Кристель также это говорила; ну, да теперь что толку, хоть бы я былъ похожъ на негра, коли ты не хочешь уйти отсюда...

— Много, много толку, Клаусъ! вскричалъ я, опять бросаясь на шею этому преданному человѣку,—ты доставилъ мнѣ счастливейшую минуту! Да, Клаусъ, ты подарилъ мнѣ, ужь такую счастливую минуту, какой я, безъ сомнѣнія, не имѣлъ бы, если бы захотѣлъ принять твое великодушное предложеніе. Да наградить васъ Богъ, добрый Клаусъ, за вашу ко мнѣ любовь, и да поможетъ онъ мнѣ

скорѣе освободиться отсюда, тогда я надѣюсь за все заплатить вамъ съ процентами. Ну, теперь, голубчикъ Клаусъ, тебѣ пора идти отсюда, потому что въ этотъ часъ я долженъ представиться директору. Да послушай, Клаусъ, отправляйся-ка ты, братъ, отсюда прямо домой, не мѣшай ни одной лишней минуты и еще одно: если первый твой ребенокъ будетъ парнишка...

— То мы назовемъ его Георгомъ, ужь не безпокойся, такъ еще прежде было у насъ рѣшено, сказалъ Клаусъ, оскаливая свои бѣлые зубы.

Я выводилъ Клауса за дверь и принялся шарать по комнатѣ, все еще до глубины души взволнованный недавнимъ посѣщеніемъ,—и вдругъ изъ подъ кровати мнѣ бросился въ глаза матросскій костюмъ, засунутый туда прежде и совершенно забытый нами, въ жару бесѣды. Я вытащилъ его оттуда и не могъ противиться искушавшему меня желанію примѣрить сшитую изъ грубаго сукна куртку. Клаусъ сказалъ правду. На рукахъ, спинѣ и полахъ швы были прилажены такъ искусно, что мнѣ стоило только ихъ слегка дернуть, чтобы они разошлись въ рознь, и хотя я былъ цѣлой головой выше Клауса и на полфута шире въ плечахъ,—куртка была точно по заказу на меня сшита. Также легко было облечься въ камзолъ и штаны; все было такъ хорошо и удобно, что я свободно могъ надѣть нарядъ сверхъ моего платья, и это было тѣмъ легче сдѣлать, что теперь я замѣтно спалъ съ тѣла.

Только-что я окончилъ маскарадъ, вдругъ послышался стукъ въ дверь. Навѣрное, то могъ быть только вахмистръ или директоръ, имѣвшій обыкновеніе приходить въ это время. Я утѣлся за столъ, спиною къ двери, и закричалъ:

— Войдите!

То былъ вахмистръ.

Онъ просунулъ только свою голову и заговорилъ:

— Сегодня намъ бы слѣдовало сходить къ господину ротмистру, только раньше .одинадцати часовъ, а то...

Тутъ онъ какъ будто поперхнулся; должно быть ему показалось очень страннымъ, что какой-то посторонній матросъ сидитъ

такъ смиренно, тогда какъ я ни откуда не показывался. Вахмистръ вошелъ всёмъ тѣломъ въ комнату и спросилъ:

— А гдѣ же мы-то?

— У чорта въ гостяхъ! отвѣчалъ я необорачиваясь и подражая, какъ могъ, басистому нижненѣмецкому произношенію, съ которымъ такъ искусно умѣлъ представиться Клаусъ, такъ какъ этотъ акцентъ также принадлежалъ къ его роли.

— Нечего вздоръ-то молоть! проворчалъ старикъ.

— А теперь и я туда же!.. крикнулъ я, вскакивая и бросаюсь мимо испуганнаго вахмистра къ двери, послѣ чего я захлопнулъ дверь и повернулъ ключъ въ замкѣ.

Передо мною—длинный корридоръ и нигдѣ ни одной живой души. Мнѣ ничего не стоило сбѣжать по лѣстницамъ въ хозяйственный дворъ, а оттуда выбраться въ переулокъ чрезъ боковую калитку, никогда незапиравшуюся въ это время, какъ мнѣ хорошо было извѣстно. Спросить, въ какомъ заѣзжемъ дворѣ остановился Клаусъ—тоже было бы для меня нетрудно; пожалуй, я могъ его еще застать здѣсь—и въ какіе нибудь десять минутъ мы могли по добру, по здорову вмѣстѣ удрать изъ города, но....

— Здравія желаю, господинъ Зюсмилхъ, все ли въ добромъ здоровьи изволите обрѣтаться? спросилъ я, опять отворяя дверь. Вахмистръ все еще стоялъ на своемъ мѣстѣ и—какъ было видно по его честному, озадаченному лицу—до слухъ поръ не постигалъ, что тутъ такое около него творилось. Я снялъ широкополую шляпу и, отставивъ правую ногу далеко назадъ, сдѣлалъ глубокой реверансъ съ словами:

— Имѣю честь стать опять подъ надзоръ вашей достоуважаемой милости.

— Послѣ этого всякую паршивую спичку надо считать бревномъ, закричалъ старина, начинавшій, наконецъ-то, немножко догадываться, въ чемъ было дѣло.—Вишь ты, паскудная лисица, обмазанная сажей! Тутъ поневолѣ сдѣлаешься медвѣдемъ съ семью чувствами...

— Тсссъ! предостерегъ я,—кажись идетъ директоръ! Ни слова ему, любезный мой Зюсмилхъ, ни одного словечка!—и я выводилъ старика за дверь, въ ту же минуту пропустившую док-

тора Снелліуса, вошедшаго второпяхъ и—по своему обыкновенію— съ шляпой въ рукѣ. Онъ остановился, точно остолбенѣлый, взглянулъ на меня, осмотрѣлся кругомъ въ комнатѣ, опять поглядѣлъ на меня и, не произнося ни слова, вышелъ опять за дверь. Я быстро сорвалъ съ себя матросской костюмъ, засунулъ его подъ кровать и закричалъ въ дверь самымъ естественнымъ моимъ голосомъ:

— Что же это вы опять такъ скоро уходите, докторъ?

Онъ сейчасъ же обернулся назадъ, вошелъ въ мою комнату, усѣлся противъ меня на стулѣ и вытаращилъ на меня изумленные глаза съвозъ свои круглые очки. Миѣ показалось, будто онъ былъ смертельно блѣденъ, и я боялся, что шутка моя зашла слишкомъ далеко и что я серьезно разсердилъ этого желчнаго человѣка.

— Любезный докторъ... началъ я.

— Со мною только-что случилось нѣчто необычайное, прервалъ онъ съ тѣмъ же неподвижнымъ, изумленнымъ взглядомъ.

— Что съ вами докторъ? спросилъ я, взвѣсивъ его страннымъ видомъ и необыкновенно кроткимъ тономъ его словъ.

— Теперь-то ничего, но вотъ только-что я имѣлъ въ высшей степени замѣчательную галлюцинацію.

— Что, что такое вы изволили имѣть?

— Галлюцинацію, говорятъ вамъ, какъ есть настоящую галлюцинацію; представьте себѣ, мой дружокъ, когда я въ первый разъ вошелъ въ вашу комнату—вижу, стоить передо мною матросъ одного съ вами роста—только, можетъ быть, чуточку пониже—но съ такими же широкими плечами... грубая матросская куртка, сѣрые штаны, широкая соломенная шляпа, какъ у моряковъ, побывавшихъ въ Вестъ-Индіи... съ вашими, какъ двѣ капли воды.... нѣтъ, не то, чтобы ужъ таки съ вашими, но ей-богу, почти съ вашими чертами лица... и я видѣлъ эту фигуру также отчетливо, какъ вижу теперь васъ.... ну, ни дать ни взять какъ въ дѣйствительности. Обманъ зрѣнія былъ до такой степени поразителенъ, что я уже полагалъ, будто васъ перевели въ другую комнату, и вышелъ спросить объ этомъ у Зюсмилъха: какъ это мсль его угодило отдать самую здоровую комнату въ заведеніи первому но-

воприбывшему? Нечего тутъ улыбаться, милый дружокъ. Смѣшно-го-то здѣсь очень мало, по крайней мѣрѣ, для меня. Эдакая оказія случается со мною еще въ первый разъ, хотя я и долженъ былъ ея ожидать, какъ подверженный приливамъ крови къ головѣ. Ужь я знаю, что мнѣ придется околѣть отъ апоплексіи головного мозга, да если бы и не зналъ этого, то эдакій случай хоть кого вразумить.

Онъ вынулъ свои часы и сталъ щупать себѣ пульсъ.

— Пульсъ идетъ совершенно нормально—тутъ самъ бѣсъ ничего не разберетъ! Да и все утро я чувствовалъ себя въ самомъ вожделѣнномъ состояніи здоровья....

— Кто можетъ знать, любезный докторъ, что вы тамъ такое видѣли! сказала я.— У васъ вѣдь, ученыхъ людей, сплошь и рядомъ бывають эдакія диковинныя фантазіи, и только одному Аллаху извѣстно, изъ какой мухи вы сотворили такого ученаго слона.

— Вишь ты куда хватилъ—ученаго слона! сказалъ докторъ,— кто бы могъ ожидать подобныхъ выраженій отъ такого неученаго мамонта, какъ вы.... Все это прекрасно, однако вы, милый мой, ошибаетесь; это можетъ относиться къ другимъ, но ни въ какомъ случаѣ не ко мнѣ; я наблюдаю слишкомъ хладнокровно, чтобы не быть въ состояніи наблюдать, какъ слѣдуетъ. Вѣдь докладывалъ я уже вамъ, что пульсъ мой бьется нормально, совершенно нормально и всѣ мои отправленія обстоятъ благополучно. Тутъ, слѣдовательно, скрывается болѣе глубокая физиологическая причина, въ настоящую минуту ускользающая отъ моего наблюденія, потому что психологическое объясненіе, которое я могъ бы привести, удовлетворило бы развѣ только какого-нибудь ужъ черезъ чуръ выпреннаго психолога.

— Ну, все-таки у васъ есть, по крайней мѣрѣ, подъ руками психологическое объясненіе, сказалъ я, довольно неловко позволяя себѣ потѣшаться сомнѣніями моего ученаго друга.

— Это-то есть, и я, пожалуй, сообщу вамъ кое-что въ этомъ родѣ, даже рискуя еще болѣе дать пищу вашимъ ехиднымъ усмѣшкамъ. Вѣдь всю-то ночь вы мнѣ снились, эдакій мамонтъ, и мнѣ досаждалъ неотступно все одинъ и тотъ же сонъ, хотя и

въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, — именно, будто вы отсюда удрали, то спустившись по веревкѣ изъ окна, то вскарабкавшись на крышу, то спрыгнувъ со стѣны, или тамъ инымъ какимъ либо отважнымъ экспериментомъ, согласующимся съ вашими моральными или физическими качествами. И при этомъ вы показывались мнѣ все въ различныхъ костюмахъ — то трубочистомъ, то каменщикомъ, то плясуномъ на канатѣ и такъ далѣе. Ну, вотъ послѣ пробужденія, я и спрашиваю себя, что сей сонъ означать можетъ, и отвѣчаю слѣдующее: Георгъ Гартвигъ, конечно, сидитъ теперь въ своей тюрьмѣ, однако для него все-таки продолжается исключительное положеніе, и хотя я-то самолично отъ всего сердца желаю ему этой исключительности въ первой линіи, все же въ подобномъ, противномъ уставу и правиламъ, положеніи — тутъ ужъ надо въ этомъ признаться — скрывается опасность для нашего благороднаго друга — директора. Всякому живому существу, разсуждалъ я, хорошо только въ той стихіи, для которой онъ родился. Лягушка спрыгнетъ съ раззолоченнаго стула въ родное болото, а птица улетитъ въ поднебесье, коли сможетъ, хотя бы ты посадилъ ее за сахарную рѣшетку. Ну, чтожь было бы мудренаго, если бы и этотъ парень улепетнулъ отсюда... Вѣдь его, также какъ и всякаго другого, подмываетъ вырваться на волю. Развѣ онъ не можетъ въ минуту слабости забыть, какъ осторожно онъ долженъ вести себя, ради господина фонтъ-Церена, принявшаго вѣдь собственно на свой рискъ упомянутое исключительное положеніе, — и въ этой слабости, роковой забывчивости удрать отсюда безъ оглядки?.. И вотъ, знаете ли, юный мамонтъ, мнѣ, также, какъ я полагаю, немножко замѣшанному въ вашемъ дѣлѣ, хотѣлось поговорить съ вами по душѣ, съ глазу-на-глазъ, и выпросить у васъ слово, что когда подобная минута станетъ искушать васъ, вы бы думали только о своей чести и больше ни о чемъ другомъ. Порѣшивъ на этомъ, я вошелъ въ корридоръ, сильно занятый всеми этими мыслями, но былъ въ нерѣшительности, сообразивъ, что слово-то вы вѣрно уже дали сами себѣ и, слѣдовательно, не изъ-за чего было хлопотать, чтобы вы дали его еще и мнѣ. Но теперь, послѣ этого страннаго продолженія моего сна на яву — тутъ было для меня сво-

его родаemento mori—я прошу васъ ради жизни и смерти дать мнѣ упомянутое слово! Гмъ, гмъ, гмъ!

Я давно уже пересталъ смѣяться, и теперь съ глубокимъ чувствомъ протянулъ руку добродушному доктору въ то время, какъ онъ спускался на свои нижнія ноты.

— Отъ всего сердца я даю вамъ это слово, сказать я;—хотя, дѣйствительно, самъ уже обязалъ себя имъ и притомъ еще не будетъ и десяти минутъ тому назадъ. Что же касается галлюцинации, то на этотъ счетъ, почтеннѣйшій докторъ, вы можете совершенно успокоиться. Вотъ здѣсь лежитъ вашеemento mori!

Съ этими словами я вытащилъ матросскій костюмъ изъ-подъ кровати, потомъ напялил на себя куртку и надѣлъ на голову шляпу, чтобы представить все дѣло еще убѣдительнѣе.

— Эге, да вы въ самомъ дѣлѣ хотѣли улетнуть? сказала докторъ, какъ умный человѣкъ, совершенно отказываясь отъ мысли о галлюцинации, чтобы, по крайней мѣрѣ, отстоять правдивость сновидѣнія.

— Нѣтъ, сказалъ я;—ничуть не бывало, но другіе искушали меня къ тому, я имъ, однако, противился, и вотъ они оставили у меня этотъ гардеробъ.

— Вы можете повѣсить его на стѣнахъ храма, какъ жертвенное приношеніе, замѣтилъ д-ръ Снелліусъ. — Хотя я и не знаю, какъ все это случилось, однако хорошо вижу, что вы избавились отъ большой опасности.

VII.

Вымышленная сказка о какомъ-то матросѣ, принесшемъ мнѣ извѣстіе о моемъ погибшемъ братѣ; оффціальнымъ путемъ дошла до слуха директора, и когда я, часъ спустя, явился передъ нимъ, онъ спросилъ меня тономъ участія, какого рода было полученное мною извѣстіе.

Въ заведеніи существовало общепринятое мнѣніе, что всѣмъ мо-
«Дѣло», № 3.

жно было что нибудь соврать, но только не директору. Въ это утро мнѣ пришлось убѣдиться, что мнѣніе это заключало въ себѣ совершенную истину.

Директоръ фонъ-Церенъ умѣлъ смотрѣть на тѣхъ, съ кѣмъ говорилъ, такимъ взглядомъ, что только развѣ мѣдный лобъ могъ оставаться нечувствительнымъ передъ его страннымъ, проникающимъ дѣйствіемъ. И нельзя сказать, чтобы взглядъ этотъ нарочно старался устремляться на человѣка, какъ можно острѣе, пристальнѣе. Въ глазахъ директора не было рѣшительно ничего вывѣдывающаго, инквизиторскаго. Напротивъ, эти большіе глаза были свѣтлы, ясны, какъ глаза ребенка, но именно въ этой ясности и заключалась для другихъ людей вся ихъ чарующая сила. Такъ какъ онъ желалъ добра всякому, съ кѣмъ говорилъ, и, съ своей стороны, ничего не долженъ былъ таить отъ людей, — то эти свѣтлые, большіе, черные глаза глядѣли на собесѣдника съ необыкновенной твердостью, словно то былъ взглядъ блаженныхъ, лучезарныхъ боговъ, нелюдующихся въ миганіи рѣсницами, на что обреченъ слабый смертный, живущій во мракѣ и окруженный всякими тайнами...

И когда директоръ, устремивъ на меня этотъ взглядъ, спросилъ о человѣкѣ, посланномъ отъ него ко мнѣ сегодня утромъ, то я сказалъ ему чистосердечно, кто былъ этотъ человѣкъ и съ какимъ намѣреніемъ онъ собственно ко мнѣ явился. Далѣе я рассказалъ, въ какомъ настроеніи засталъ меня этотъ посѣтитель и какъ я былъ близокъ поддаться искушенію, однако побѣдилъ его безъ помощи и совѣта добраго доктора, — и я могъ бы даже сказать: побѣдилъ теперь и навсегда.

Директоръ выслушалъ мой рассказъ со всѣми признаками живѣйшаго участія.

Когда я окончилъ, онъ пожалъ мнѣ руку, потомъ повернулся къ своему рабочему столу и подалъ мнѣ только-что полученную, по его словамъ, бумагу, прося ее пробѣжать.

То былъ составленный въ вѣжливыхъ, но опредѣленныхъ выраженіяхъ запросъ президента, что послужило новодомъ къ полученному имъ доносу. Во всякомъ случаѣ, директору фонъ-Церену ввухалось немедленно прекратить этотъ странный порядокъ, сильно

компрометировавший его положеніе и званіе, — и держать упомяну-
таго молодого человѣка во всей строгости, согласной съ достоин-
ствомъ закона, съ достоинствомъ судей, наконецъ, съ его собствен-
нымъ личнымъ достоинствомъ.

— Вы желаете знать, какъ я нахѣренъ теперь поступить? ска-
заль директоръ, когда я опять положилъ бумагу съ вопроситель-
нымъ взглядомъ. — Да совершенно такъ, какъ бы совсѣмъ ничего
не было мною получено. Д-ръ Снелліусъ, побуждаемый дружбою
ко мнѣ, часто въ касающихся меня дѣлахъ проницательнѣе, чѣмъ
я самъ; я рѣшительно не желаю знать, захотѣлъ ли онъ только
разыграть маленькую комедію, когда увелъ васъ вчера изъ нашего
общества такъ внезапно, но я все-таки благодаренъ ему или слу-
чаю, что было такъ, а не иначе. Гордость моя сильно была бы
уязвлена, если бы я долженъ былъ, такъ искренно полюбивъ васъ,
пожертвовать вами какой нибудь низкой лбедѣ. По вѣщности
люди, пожалуй, и правы, если утверждаютъ, что арестантъ не мо-
жетъ гостить въ домѣ тюремнаго директора, — и въ этомъ я дол-
женъ былъ бы имъ уступить. Но за то я твердо рѣшился не
уступать болѣе ни въ чемъ, ни на одинъ шагъ. Я самъ долженъ
опредѣлять, къ какому роду работъ болѣе пригоденъ ввѣренный
мнѣ арестантъ и какъ онъ долженъ проводить свои досужіе часы;
это составляетъ мое неоспоримое право, и я не позволю уменьшить
его ни на волосъ, буду отстаивать чрезъ всѣ инстанціи, хоть бы
мнѣ пришлось дойти до самого короля. Я нисколько не жалѣю о
томъ, что такъ именно случилось и не жалѣю. потому, что это
дастъ намъ случай выйти на свѣжую воду относительно нашего
взаимнаго положенія и относительно той дороги, по которой мы
должны будемъ идти въ будущемъ. Если вамъ угодно будетъ вы-
слушать, что я думаю объ этомъ предметѣ, такъ отправимгесь
вмѣстѣ въ садъ. Сегодня мои легкія что-то опять плохо служатъ
мнѣ въ комнатномъ воздухѣ.

Мы вышли изъ его рабочаго кабинета въ садъ. Я предложилъ
ему мою руку, чувствуя себя достаточно сильнымъ для подобной
услуги, — и такимъ образомъ мы прошли между цвѣточными гряда-
ми, вдыхая въ себя аромать левкой и резеды, донесенный къ намъ

теплымъ полдневнымъ вѣтромъ; наконецъ, насъ пріютила отградная тѣнь рослыхъ чинаровъ на площадкѣ. Директоръ помѣстился на одной изъ скамеекъ, далъ мнѣ знакъ придвинуться поближе къ нему и, бросивъ благодарный, молчаливый взглядъ на дышавшія прохладой вершины благородныхъ деревьевъ, заговорилъ ко мнѣ привѣтливо:

— Наказаніе есть право неправды, если вѣрить законникамъ, и слова ихъ повторяются теперь вездѣ учащимися. Определеніе это выгодно заявляетъ себя присяжнымъ логикамъ своею простотою, но я не думаю, чтобы оно было совѣмъ въ духѣ ученія Христа. Онъ не былъ того мнѣнія, что блудница имѣла право быть побитою камнями; напротивъ, призывая того, кто не чувствовалъ за собою грѣховъ, бросить въ несчастную женщину первый камень, онъ этимъ хотѣлъ показать, что подъ гладко-лоснящейся, логическою поверхностью общепринятаго въ странѣ права, скрывается болѣе глубокое основаніе, замѣтное, разумѣется, только для зрячаго глаза, для чувствующаго сердца. Подобному глазу и подобному сердцу всегда скоро будетъ ясно, что эта неправда, долженствующая быть наказанною, чтобы дойти до своего права, если не безусловно всегда, то почти всегда дѣлается неправдою изъ вторыхъ, третьихъ, сотыхъ рукъ, поэтому наказаніе почти никогда не поражаетъ того, кто его именно заслужилъ, а, какъ лотерейный билетъ, достается тому, кого подставилъ подъ него слѣпой случай; поэтому въ наилучшемъ случаѣ самый справедливый судья, волею или неволею, похожъ на кроваваго легата, присуждавашаго каждому десятому человѣку къ смерти не за то, что онъ виновнѣе прочихъ девяти, а за то только, что судьба поставила его десятымъ.

— Но, какъ я уже сказалъ, это нисколько не очевидно для присяжнаго логика, сладко улыбающагося, чуть только онъ не пришелъ во враждебное столкновеніе съ идеею тождественности или противорѣчія; не больше смыслить тутъ и судья, разбирающій только отдѣльные случаи, выхваченные изъ общей связи явленій. И онъ долженъ постановлять приговоръ, когда не имѣетъ подъ рукою всѣхъ соприкасающихся взаимно частей, уже не говоря о

видимо-невидимой нити, необходимо связывающей всё эти части. Оба они — и судья, и присяжный логикъ — похожи на диллетанта, который судить о картинѣ только по производимому ею впечатлѣнію, но ужь никакъ не на знатока, понимающаго, какимъ образомъ она возникла, какія краски художникъ имѣлъ на своей палитрѣ, какъ онъ ихъ смѣшивалъ, какъ направлялъ кисть, какія трудности долженъ былъ побѣдить и какимъ образомъ онъ съ ними справился или почему не достигъ своей цѣли. Истинная критика должна быть проникнута творческимъ характеромъ, должна судить, опираясь на тайны искусства, и потому настоящимъ критикомъ можетъ быть только художникъ; также точно и о человѣческихъ поступкахъ могутъ судить только люди, оправдывающіе на себѣ изреченіе древняго же мудреца, что для нихъ ничто человѣческое не чуждо, потому что они все горе человѣчества съ жизненнымъ трепетомъ испытали на себѣ и на своихъ близкихъ братьяхъ — людяхъ. А для этого, какъ ужь сказала я, нужно глубоко-чувствующее сердце и зрячій глазъ, да кромѣ того, и еще нѣчто, безъ чего немного узнаешь даже съ чувствующимъ сердцемъ и зоркимъ взглядомъ, — это практическій опытъ, иначе говоря, поляйшая возможность упражнять и изощрять глазъ и сердце.

— Кто же можетъ болѣе имѣть эту возможность, какъ не начальникъ заведенія, гдѣ, по словамъ философа, неправда получаетъ свое право, — какъ не директоръ острога? Кто можетъ лучше знать все это, какъ не онъ и врачъ заведенія, если они находятся въ пріязненныхъ отношеніяхъ, руководятся одинаковыми воззрѣніями и рука объ руку идутъ къ одной и той же цѣли! Они — и только они одни — могутъ узнать то, что сокрыто отъ самаго добросовѣстнаго судьи, — именно, отчего человѣкъ, выброшенный изъ среды общества навсегда или только временно, сдѣлался такою, а не другою личностью, почему онъ, будучи произведенъ на свѣтъ извѣстными родителями, выросенъ при извѣстныхъ условіяхъ, долженъ былъ, въ извѣстномъ критическомъ положеніи, дѣйствовать такъ, а не иначе. Когда же директоръ, необходимо ставъ въ положеніе исповѣдника арестанта, узнаетъ исторію его жизни во всѣхъ подробностяхъ, когда врачъ обнаружитъ въ сердцѣ повреж-

деніе, которымъ человѣкъ протрадалъ уже цѣлый рядъ годовъ, тогда между директоромъ и врачомъ, на ихъ совѣщаніяхъ, не можетъ быть ужь и рѣчи о воздаяніи неправдъ подобающаго ей права, тогда они станутъ говорить только о томъ, нельзя ли помочь несчастному страдальцу и какимъ образомъ можно помочь ему, — тогда они будутъ видѣть, въ такъ называемомъ, карательномъ заведеніи попережбно то исправительное заведеніе, то больницу. Въдъ почти всѣ сюда поступающіе—больны, въ настоящемъ, обыкновенномъ смыслѣ, и фізіологія опять заставитъ юриспруденцію констатировать этотъ, въ высшей степени, важный фактъ. Почти всѣ они страдаютъ болѣе или менѣе серьезными поврежденіями организма, головной мозгъ почти у всѣхъ, ниже средней мѣры, обуславливающей нормальную дѣятельность этого органа у человѣка и правильную жизнь, держащую субъекта вдали отъ враждебныхъ степеней съ существующимъ порядкомъ.

— Да и могло ли быть иначе. Почти всѣ они—дѣти нужды и страданія, моральнаго и фізическаго извращенія, парія общества; съ грубымъ эгоизмомъ оно проходитъ мимо нечистаго, подбирая платъе и затыкая носъ, — и когда эта несчастная, загрязненная личность станетъ поперегъ его дороги, оно отталкиваетъ его отъ себя съ неумолимой жестокостью. Право неправды! Высокомѣріе фарисейства! Придетъ время, когда разсѣется мракъ невѣжества, породившій такіа чудовищнаа измышленія.

— Да, день этотъ непременно настанетъ, но не такъ еще скоро. Мы еще по колѣни завязли въ средневѣковомъ болотѣ; еще нельзя видѣть, когда окончится этотъ потокъ слезъ и крови, и какъ бы далеко не проникалъ взглядъ нѣсколькихъ смысленныхъ людей въ грядущіе вѣка, — прогрессъ чловѣчества подвигается съ самой плачевной медленностью. Куда бы мы ни оглянулись въ нашемъ времени—вездѣ видны некрасивые остатки прошлаго, тогда какъ мы воображаемъ себя, будто давно уже отъ нихъ отдѣлались. Вездѣ представляется намъ роковой выборъ между молотомъ и наковальной. То, чему мы учились, что узнали, что видимъ во кругъ себя — все, повидимому, доказываетъ, что третьяго исхода нѣтъ. А между тѣмъ трудно себя вообразить болѣе глупо-

бокое непониманіе истинныхъ, рациональныхъ отношеній, а между тѣмъ есть не только третій исходъ, но онъ-то одинъ исключительно и имѣется, или скорѣе этотъ, по виду, третій исходъ составляетъ единственный истинный путь, первобытную гармонію въ природѣ, какъ и въ человѣческомъ обществѣ, составляющемъ также часть природы. Мы должны были бы образовать изъ себя не молотъ или наковальню, но молотъ и наковальню, потому что каждый предметъ и каждый человѣкъ во всякую минуту дѣлаются одновременно тѣмъ и другимъ. Съ тою же силою, съ какою молотъ ударяетъ наковальню, въ свою очередь наковальня отбиваетъ молотъ; стѣна отражаетъ мячъ подъ тѣмъ же угломъ, подъ какимъ онъ встрѣтится съ нею, когда былъ брошенъ. Растеніе должно возратить стихіямъ столько же вещества, сколько было заимствовано имъ изъ стихіи — и такъ въ вѣчной равномѣрности во всей природѣ, во всѣ времена, во всѣхъ пространствахъ. Если же природа безсознательно слѣдуетъ этому великому закону взаимодѣйствія, образуя именно вслѣдствіе этого космосъ, а не хаосъ, то человѣкъ, подчиняющійся въ своемъ земномъ существованіи совершенно тѣмъ же принципамъ, долженъ одушевить законъ этотъ разумнымъ сознаніемъ, долженъ сознательно строить на немъ свою жизнь, и достоинство его падаетъ или возвышается въ той мѣрѣ, въ какой сознаніе это представляется ему ясно, въ какой жизнь его съ свѣтлымъ сознаніемъ строится на основаніи этого закона. Хотя законъ самъ по себѣ и остается всегда неизмѣннымъ — игнорируетъ ли его человѣкъ или нѣтъ — однако въ примѣненіи къ человѣку онъ уже не будетъ всегда тѣмъ-же. Тамъ, гдѣ чиновникъ уважаетъ законъ этотъ, признаетъ неразрывность, солидарность человѣческихъ интересовъ, неотвратимую необходимость дѣйствія и противодѣйствія, — тамъ процвѣтаютъ свобода, нравственная порядочность, справедливость — что все служитъ только другими формулами того же закона. Но гдѣ человѣкъ знать ничего не хочетъ объ этомъ великомъ принципѣ, гдѣ онъ, въ своемъ ослѣпленіи, воображаетъ, будто можетъ безнаказанно эксплуатировать своихъ ближнихъ — тамъ, въ тлетворномъ изобиліи, гнѣздятся рабство и тираннія, суетвѣріе и цеховое ханжество, ненависть и презрѣніе. Какой есте-

ственный, толковый человекъ не захотѣлъ бы быть скорѣе молотомъ, чѣмъ наковальной, если бы думалъ, что въ этомъ отношеніи ему предоставленъ свободный выборъ? Но какой здравомыслящій человекъ не отказался бы охотно отъ роли молота, хорошо понявъ, что ему все-таки неизбѣжно придется быть и наковальной, что каждый наносимый имъ ударъ задѣваетъ также и по его достопочтенной ланитѣ, что какъ господинъ деморализируетъ раба, также точно и рабъ деморализируетъ своего господина, и что въ политической сферѣ оскуднѣніе интеллекта въ одинаковой мѣрѣ постигаетъ и опекуна, и находящихся подъ его опекунской ферулой. О, если бы истина эта, наконецъ, проникла въ сознание нѣмецкаго народа, — вѣдь въ этомъ такая вопіющая необходимость.

— Да, это нужно, безотлагательно нужно! Что грѣха таить — можетъ быть, ни одинъ изъ культурныхъ народовъ не относится съ такимъ глубокимъ и всеобщимъ непониманіемъ къ сказанному великому принципу всякаго человѣческаго существованія, какъ мы, мы — нѣмцы; хотя мы самодовольно считаемъ себя цвѣтомъ націй, народомъ мыслителей, настоящими представителями раціональнаго человечества. Гдѣ же, скажите Бога ради, молодое человѣческое растеніе окружается болѣе раннимъ, строгимъ и въ особенности болѣе узкимъ воспитаніемъ, чѣмъ это дѣлается именно у насъ? Гдѣ его юный, вольный ростъ стѣсняется, искалечивается съ болѣе систематической жестокостью, чѣмъ у насъ? Куда ни посмотришь вокругъ, почти всюду встрѣчаешь мерзость, гадость, и капральскій деспотизмъ, и прокустовская кровать экзаменовъ, и многовѣтвистая лѣствица различныхъ іерархій — вѣдь все это всякому благомыслящему между нами гонитъ на лицо краску стыда и негодованія! Вѣдь это по справедливости сдѣлалось неистопимою темою насмѣшекъ для нашихъ сосѣдей. Яростная страсть повелѣвать, рабское наслажденіе повиноваться — вотъ двѣ змѣи, давлія нѣмецкаго Геркулеса, дѣлающія его презрѣннымъ карликомъ. Олѣто и стѣсняютъ свободное обращеніе его соковъ, производятъ здѣсь гипертрофическія, тамъ атрофическія немочи, жестоко полтачивающія тѣло народа; впрыскивая свой ядъ въ жилы народа, эти тлетворныя чудовища отравляютъ его мозгъ и низводятъ всю расу на стѣ-

пень жалкаго, выродившагося поколѣнія; наконецъ, имъ-то, этимъ гадокамъ, мы обязаны тѣмъ, что наши рабочіе и исправительные дома оказываются тѣсными для всего числа заключаемыхъ. Я ничего не преувеличиваю, если скажу, что девять десятыхъ изъ всѣхъ присылаемыхъ сюда арестантовъ никогда не явились бы въ это мѣсто, если бы они не были сдѣланы наковальными путемъ грубого насилія? Сердце разрывается у меня на части, когда объ этомъ подумаю, да и какъ же мнѣ не думать объ этомъ—въ особенности въ настоящую минуту, когда я васъ вижу передъ собою и задаюсь вопросомъ: какими судьбами въ этомъ убожищѣ преступленія и порока очутился этотъ юноша, обладающій тѣломъ самого сильного мужчины и честными голубыми глазами незлобиваго ребенка?...

— О, мой юный, любезный другъ, если бы отвѣтъ затруднялъ меня хоть сколько нибудь болѣе! Если бы также и ваша жизнь не могла быть въ точности опредѣлена изъ той же общей формулы! Если бы я не зналъ, что неестественность нашихъ соціальныхъ условій можно сравнить только съ ядовитымъ самумомъ, который сушить траву и также уносить лиственную одежду дуба.....

— Изъ того, что вы уже рассказывали мнѣ съ такой правдивой искренностью о вашей прежней жизни, о вашихъ семейныхъ обстоятельствахъ, объ окружавшей васъ средѣ, о жизни и привычкахъ обитателей вашего родного города — изъ всего этого я пробовалъ уже загрнтовать фонъ, чтобы набросать на немъ ваше изображение. Какъ грустенъ колоритъ моей грунтовки. Какъ онъ гармонируетъ съ мутнымъ свѣтомъ, въ какомъ я вообще вижу условія нашего общественнаго быта! Всюду мелочность, ограниченность, презрѣнное мелкодушіе, пристрастіе къ старому, отжившему, школьная застѣнчивость, педантическая муштровка чловѣка, — всюду узкія, отгороженные дорожки, вездѣ свободный взглядъ на жизнь загроможденъ стѣнами предрасудковъ, торчащими вверхъ колоссальными башнями! Вы говорили мнѣ, будто со слезами умоляли вашего отца пустить васъ на море, но что онъ съ упорствомъ настаивалъ на томъ, что вы должны сдѣлаться современнымъ ученымъ или, по крайней мѣрѣ, чиновникомъ. Если вы постоянно высказывали вамъ задушевное желаніе, то, вопреки взводимому вами самими на себя обвиненію, тутъ

была не одна только приманка праздности, страсть къ приключеніямъ, и отецъ вашъ поступилъ не хорошо, если —изъ какихъ бы тамъ ни было побужденій—отказалъ вамъ въ исполненіи этого желанія. Онъ ужъ лишился на морѣ одного сына—ничего не значить! Есть еще другое море—море сильной, дѣятельной жизни въ торговой сферѣ, въ области искусствъ и ремеслъ. Вотъ этого онъ ужъ не долженъ былъ запрещать вамъ, а между тѣмъ къ этому морю васъ-то собственно и тянуло, и настоящее видимое море съ его бурями и волненіями служило для васъ только осязательнымъ представленіемъ перваго, такъ что вы смѣшали видимое представленіе съ первоначальнымъ идеаломъ.

— Не хорошо поступилъ вашъ отецъ, это правда, — но не его ни должны призвать къ строгому отвѣту — этого несчастнаго старика, ожесточеннаго семейнымъ горемъ, оставшагося преждевременно одинокимъ, раздраженнаго противорѣчіемъ сына и фактическимъ сыновнимъ неповиновеніемъ, нѣтъ, не его.... Но что сказать о вашихъ педантахъ-учителяхъ, изъ которыхъ ни одинъ не умѣлъ, какъ слѣдуетъ, понять юношу, тогда какъ весь характеръ его можно назвать воплощенной искренностью?

— Что сказать объ этихъ благодушныхъ людяхъ, поднявшихъ негодующій крикъ противъ страшнаго злодѣя, соблазнявшаго ихъ сыновей къ глупымъ шалостямъ,—что сказать объ этихъ господахъ, считавшихъ богоугоднымъ дѣломъ еще болѣе ссорить отца съ сыномъ? Ахъ, другъ мой, васъ постигло только то, что пришлось уже испытать на вѣку многимъ честнымъ нѣмецкимъ юношамъ, подросткающимъ въ такихъ безсовѣстно-ординарныхъ условіяхъ мѣщанскаго быта, что, дѣйствительно, они горячо должны благодарить небо, когда имъ удастся убѣжать на далекій американскій западъ и скрыться за деревьями первобытнаго лѣса, гдѣ уже не видно и слѣдовъ этого жалкаго мѣщанскаго порядка. Правда, въ своемъ бѣгствѣ изъ давящей тѣсноты родительскаго дома вы не добрались до американскихъ первобытныхъ лѣсовъ, но, къ сожалѣнію, попали только въ лѣса Церенбурга, и это переполнило мѣру вашего несчастія.

— Тамъ повстрѣчались вы съ довольно замѣчательнымъ человекомъ и необходимо должны были почувствовать къ нему непреодо-

лимое влеченіе, такъ какъ по своей натурѣ вы представляли съ нимъ, во многихъ отношеніяхъ, поразительное сходство. И этотъ человѣкъ въ значительной степени также былъ подломанъ вслѣдствіе нашихъ общественныхъ условій. И вотъ онъ создалъ вокругъ себя искусственную пустыню, гдѣ бы могъ двигаться съ несбuzданнымъ произволомъ, принимаемымъ имъ за свободу. Да, то была именно пустыня — въ настоящемъ и моральномъ смыслѣ; послѣ всего, что вы сообщали мнѣ о его взглядахъ, и что было обнаружено послѣдствіями, надобно прійти къ заключенію, что вмѣстѣ съ предрасудками онъ вышвырнулъ за бортъ также разсудокъ, вмѣстѣ съ узкой, умственной близорукостію — также благоразумную осмотрительность, вмѣстѣ съ трусливымъ соображеніемъ — также серьезное обдумыванье, вмѣстѣ съ ошибками нѣмецкаго характера — также добрыя качества нѣмецкаго и всякаго челоуѣческаго порядочнаго сердца, — и отъ всего этого ему остались только страсть къ приключеніямъ и какое-то фантастическое великодушіе, заключавшее въ себѣ зачастую, какъ вы это узнали сами, болѣе фантастическаго элемента, чѣмъ великодушнаго импульса.

— Какъ бы то ни было, но этотъ человѣкъ не могъ не произвести на васъ импонирующаго дѣйствія уже потому, что онъ составлялъ рѣшительную противоположность со всѣми прочими людьми, до сихъ поръ встрѣчавшимися вамъ на вашей жизненной дорогѣ. И притомъ онъ настолько обладалъ рыцарскими качествами, что вы, какъ неопытный юноша, должны были непремѣнно видѣть въ немъ свой идеаль. Прибавьте къ этому вольный воздухъ на широкихъ степяхъ, гордыхъ горныхъ вершинахъ, на далекомъ-далекомъ взморьи!.. Не долженъ ли онъ былъ вскружить вамъ голову, опьянить вашъ мозгъ, отуманенный школьной пылью?..

— Но эта свобода, эта независимость, эта бодрая свѣжая жизнь — все это былъ только очаровательный, но обманчивый миражъ, фата-моргана цвѣтущаго берега, и она неизбѣжно должна была потонуть въ волнахъ, а за нею васъ ждали слѣдственный арестъ и рабочій домъ.

— Обратитъ для васъ рабочій домъ въ садъ гесперидъ — я не въ

состояніи, другъ мой, да еслибы и могъ, то едва ли сдѣлалъ бы такое превращеніе. Одного только я надѣюсь достигъ: здѣсь, гдѣ васъ уже не можетъ преслѣдовать прежнее извращенное воспитаніе, гдѣ судьи думали лишить васъ послѣдняго остатка ненавистной самостоятельности, — въ этомъ мѣстѣ вы должны очнуться, заглянуть въ самого себя, строго уяснить себѣ направленіе и мѣру вашихъ силъ, — здѣсь, въ рабочемъ домѣ, вы должны выучиться работать.

VIII.

Не стану утверждать, чтобы этотъ благородный человѣкъ говорилъ все это въ то самое утро и буквально тѣми же словами, какія были приведены въ предъидущей главѣ. Очень можетъ быть, и это даже весьма вѣроятно, что здѣсь я привелъ въ общей связи результатъ многихъ разговоровъ, и что тамъ и сямъ могло вращаться лично мнѣ принадлежащее выраженіе или риторическая фигура. Впрочемъ, едва ли. Его философія проникла глубоко въ мою жаждущую душу, какъ сходить благодѣтельный дождь на засохшее поле, — и въ то время, какъ я старался передать здѣсь его мысли, весь образъ его возникаетъ въ моемъ воспоминаніи такъ живо, что мнѣ чудится, будто я слышу тонъ его голоса, даже его собственныя выраженія.

Въ это время, я каждый день могъ наслаждаться бесѣдою съ нимъ, часто по нѣсколькимъ часамъ сряду. Мнѣ было невозможно исполнить обѣщаніе, данное мною Паулѣ, такъ какъ отецъ ея не ждалъ, чтобы я первый попросилъ его указать мнѣ, какъ можно было работать скорѣе и лучше. Однако я все-таки передалъ ему разговоръ мой съ Паулою по этому поводу, и онъ, выслушавъ меня, улыбнулся.

— Ей хочется сдѣлать изъ васъ ученаго, сказалъ онъ, — я же не хочу распоряжаться вами по моему личному капризу, я желаю, чтобы вы были тѣмъ, чѣмъ можете быть, вы обратитесь къ ма-

ленькому опыту. Несомнѣнно только, что вы очень годитесь для ручной работы — вы доказали это вполне, и мнѣ отъ всей души пріятно, что вы прошли этотъ кратковременный курсъ. Артистъ долженъ былъ бы знать послѣдніе приемы ремесла, породившаго его искусство и служащаго ему еще основаніемъ, а не только умѣть правильно смотрѣть на дѣло: нѣтъ, онъ долженъ былъ бы самъ помогать, наставлять, содѣйствовать вездѣ, гдѣ имѣется въ томъ надобность. Только въ этомъ случаѣ дѣло принадлежитъ ему вполне, какъ отцу его дитя, составляющее не только духъ отъ его духа, но также и плоть отъ его плоти. Вотъ здѣсь у меня планъ новой больницы, вотъ фундаментъ, вырытый при вашей помощи, когда вы сами участвовали въ перенесеніи сюда насыпей. Стѣна эта будетъ утверждена на фундаментѣ; она вмѣщаетъ столько-то въ вышину и столько-то въ толщину. Вы можете легко убѣдиться и безъ всякихъ вычисленій, что такой фундаментъ въ состояніи будетъ выдержать тяжесть стѣны такихъ размѣровъ. Ну, развѣ вамъ самимъ не пріятно взглянуть на эдакій чистенькій, опрятненькій рисунокъ, гдѣ тоненькая черточка означаетъ часовую работу, быть можетъ, работу нѣсколькихъ дней? Паула говорила мнѣ, что вы обладаете правильнымъ глазомѣромъ и вѣрной рукою. Мнѣ нужна копія съ этихъ плановъ. Не желаете ли вы ее изготовить? Эта работа, какъ нельзя лучше соответствуетъ состоянію выздоравливающаго, а употребленіе циркуля, линейки и рейсфедера я могу показать вамъ въ пять минутъ.

Съ этого утра я работалъ въ конторѣ директора, то снимая легкіе очерки, то оттушевывая фасадъ, то переписывая на-бѣло смѣты,—и при этомъ самъ я никакъ не постигалъ, чтобы чловѣкъ могъ работать съ такою охотою, съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ. Но кто же имѣлъ когда нибудь такого учителя — безгранично-добраго, умнаго, терпѣливаго, внушавшаго своему ученику такое полное къ себѣ довѣріе! И какъ отрадно были для меня его похвалы, какъ сильно я нуждался въ нихъ послѣ того, какъ въ училищѣ меня постоянно бранили и бранили, такъ что я по неволѣ долженъ былъ считать свою работу изъ рукъ вонъ скверною и, наконецъ, не признавать за собою положительно никакихъ

человѣческихъ способностей. Мой новый наставникъ открылъ мнѣ, что способности эти только дремали въ бездѣйстви, и что я очень хорошо могъ постигать то, что въ моихъ глазахъ заслуживало быть понятымъ. Такимъ образомъ, прежде, я было рѣшительно отказался отъ надежды когда нибудь одолѣть начальныя основанія математики, — и теперь вдругъ, къ моему неопisanному изумленію, узналъ, что эти чудовищныя формулы, эти запутанныя фигуры, вытекали изъ самыхъ простыхъ понятій, изъ простѣйшихъ представлений и слагались съ удивительной послѣдовательностью, совершенно доступною для моего пониманія и доставлявшею мнѣ живѣйшее наслажденіе.

— Удивляюсь самъ себѣ, сказалъ я разъ, — въ бытность мою у господина фоя-Церена, мнѣ казалось, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, какъ охота на привольной степи въ солнечное утро прекраснаго осенняго дня; теперь же я нахожу, что правильно примѣнить трудную формулу гораздо пріятнѣе, чѣмъ направить меткій выстрѣлъ, убивающій бѣдную куропатку.

— Все дѣло заключается въ томъ, замѣтилъ мой наставникъ, — употребляемъ ли мы наши силы и способности согласно съ ихъ натуральнымъ складомъ. Только этимъ путемъ мы можемъ узнать, точно ли мы живемъ, а вѣдь въ концѣ концовъ всякое живое существо, въ каждую минуту, ни о чемъ больше не хлопочетъ. Разумѣется, еще гораздо лучше, если мы можемъ добиться того, что дѣятельность наша не только доказываетъ фактъ нашего существованія, но приноситъ пользу также другимъ. Мы, люди, къ счастью, почти всегда находимся въ подобномъ положеніи. О, какъ жаль, что мой несчастный братъ никогда и не подозрѣвалъ всей истины этой идеи!

Разговоръ нашъ — особенно въ первое время — довольно часто самъ собою касался жизни „дикаго“.

— Онъ получилъ прозваніе это еще мальчуганомъ, рассказывалъ директоръ, — всѣ называли его „дикимъ“, и даже казалось невозможнымъ назвать его какъ нибудь иначе. Въ этой огненной натурѣ было какое-то непреодолимое стремленіе чрезмѣрно напрягать свою богатую силу и отваживаться на самые смѣлыя, даже

невозможные подвиги. Какое широкое поле представляло для подобнаго мальчика мѣстоположеніе нашего родового имѣнія—вы это сами знаете. Скакать на необъѣзженныхъ коняхъ съ крутыхъ прибрежныхъ возвышенностей, въ углу челонокъ пускаться въ море при самой яростной бурѣ, бродить въ глухую, темную ночь по болотистой пустынѣ, карабкаться въ паркѣ на вершины исполинскихъ буковъ за какимъ нибудь жалкимъ птичьимъ гнѣздомъ или нырять на дно пруда за кладомъ, оставленнымъ тамъ будто бы со временъ шведской войны, все это составляло для него только любимыя забавы. Я уже, право, и сказать не могу, какъ часто жизнь его находилась въ опасности, — да собственно говоря, она никогда и не была внѣ опасности, потому что ему въ каждую минуту могла прийти фантазія рискнуть этой забубенной жизнію.

— Разъ, какъ-то мы стояли въ верхнемъ этажѣ передъ окномъ и увидѣли, что разсвирѣпѣвшій быкъ преслѣдовалъ мужика чрезъ дворъ. „Мнѣ нужно идти на выручку“, сказалъ Мальте, и прыгнулъ во дворъ съ двадцати-футовой вышины совершенно такъ, какъ другой соскочилъ бы со стула. И вотъ, братъ отважно побѣждалъ противъ быка, но звѣрь успѣлъ пока одуматься и покорно позволилъ дерзкому мальчугану гнать себя на скотный дворъ второпяхъ подобранною палкой.

— Конечно, только благодаря счастливому случаю, мальчикъ не переломалъ себѣ рукъ, ногъ или не попалъ на рога разъяреннаго животнаго; но такъ какъ случай этотъ постоянно ему покровительствовалъ, то человекъ и вообразилъ себѣ, что нѣтъ ничего невозможнаго для его молодецкой удали, которой онъ и безъ того угождалъ всегда и черезъ чуръ неушѣренно.

— Но вѣдь случай—капризный богъ и любитъ невзначай сыграть злую шутку съ самымъ любезнымъ своимъ фаворитомъ. Гораздо худшаго врага братъ мой имѣлъ въ обстоятельствахъ, окружавшихъ его юный возрастъ и, дѣйствительно, изъ рукъ вонъ скверныхъ. Единственное, чему его выучили, заключалось въ томъ, что родъ его былъ самый старинный на всемъ островѣ, и что ему самому судьба даровала первородство. Вотъ изъ этихъ-то двухъ членовъ вѣры онъ и создалъ себѣ свою религію и особенный культъ сво-

его мистическаго значенія. И культъ этотъ проявлялся тѣмъ фантастичѣе, чѣмъ рѣзче голая, неумолимая дѣйствительность расходилась съ его завѣтными мечтами.

— Отецъ нашъ былъ дворянинъ необузданной, самоправной школы и одичалаго типа восемнадцатаго столѣтія. Онъ-то всего менѣе былъ способенъ руководить такого пылкаго, высокогѣрнаго мальчика, какимъ былъ мой братъ. Мать жила при дворахъ, среди аристократическаго разврата, и бесполезно растратила свои драгоценнѣйшіе дары, полученные отъ природы. Она все грустила о минувшемъ блескѣ; одиночество лѣсной жизни было для нея нестерпимо, грубая неотесанность ближнихъ людей оскорбляла ее. Супруги далеко не наслаждались домашнимъ счастьемъ; зная, что мужъ ее больше не любилъ, жена, съ своей стороны, разлюбила дѣтей и видѣла въ нихъ только живое воспроизведеніе отца,—права или не права она была въ этомъ отношеніи — мы разсуждать не будемъ.

— Въ свою очередь, отецъ питалъ нѣкотораго рода нѣжность только къ своему перворожденному и съ радостью согласился отдать второго сына, Артура, одной богатой и бездѣтной теткѣ. Я думаю даже, что онъ охотно отдался бы также и отъ меня — самаго младшаго сына — и отъ Кордулы, нашей единственной сестры, да только никто не хотѣлъ взять насъ. И вотъ, такимъ образомъ, я сталъ подростать, какъ могъ и хотѣлъ; то у меня былъ наставникъ, то не было никакого, и я былъ бы совершенно предоставленъ на произволъ судьбы, если бы мой старшій братъ не принималъ во мнѣ участія, конечно, по своему. Онъ любилъ своего братишку, бывшаго десятью годами его моложе, съ страстнымъ чувствомъ, съ бурною и — какъ я теперь думаю объ этомъ — съ трогательною нѣжностью. Правда, впоследствии я сильно развился, но тогда былъ слабосильнымъ, хворымъ мальчикомъ. Онъ, какъ отважный защитникъ, удалялъ отъ меня самую тѣнь опасности, хранилъ и берегъ меня, какъ зеницу ока, по цѣлымъ днямъ забавлялся со мною, когда я былъ здоровъ. Когда же я заболѣвалъ, онъ многія ночи сряду просиживалъ у моего изголовья. Я былъ единственнымъ существомъ, подчинившимъ „дикаго“ одному

своему слову, одному взгляду, — однако, что значило все это влияние?.. То была тонкая нить, легко порвавшаяся, когда двадцатилетний юноша, послѣ особенно бурной сцены съ отцомъ, оставилъ внезапно родительскій домъ, чтобы цѣлыхъ десять лѣтъ не являться въ него обратно.

— Онъ исколесилъ, какъ о немъ говорили, весь Божій свѣтъ, но въ самомъ непродолжительномъ времени совершенно прекратилась и безъ того недостаточная поддержка, доставляемая ему болѣе и болѣе впадавшимъ въ бѣдность отцомъ. И вотъ онъ долженъ былъ жить, какъ самъ умѣлъ, и такъ какъ на свой счетъ жить ему было невозможно, то онъ и пробивался, подобно многимъ „благороднымъ“ искателямъ приключеній, на счетъ другихъ — сегодня въ скаредной нищетѣ, завтра по горло въ золотѣ, сегодня братаясь съ самой плебейской чернью, завтра заводя дружбу съ князьями. Куда бы ни являлся онъ — вездѣ одерживалъ сердечныя побѣды, благодаря своей блестящей личности, но самъ умѣлъ избѣгать оковъ, и безъ отдыха перелеталъ съ одного конца Европы на другой. Онъ побывалъ въ Англии, Итали, Испани, во Франци, гдѣ пробылъ особенно долго. Въ шумной, пестрой суматохѣ французской столицы онъ нашелъ свою настоящую стихію, и блаженствовалъ въ объятіяхъ французскихъ барынь въ то время, какъ ихъ супруги и братья опустошали огнемъ и мечомъ его родину.

— Пять или шесть лѣтъ сряду мы не имѣли о немъ никакого слуха; мать скончалась; никто не зналъ, куда послать ему извѣстіе о ея смерти. Сестра наша была выдана замужъ — чтобы не сказать продана — за человѣка, уже тогда носившаго въ своемъ портфельѣ наше родовое имѣніе въ формѣ отсроченныхъ векселей. Отецъ, преждевременно сломанный и обезсилѣвшій, быстро приближался къ гробу; къ опустошенію родового имѣнія врагомъ нашей національности, онъ оставался совершенно равнодушнымъ, кутилъ съ французскими офицерами, ставя для нихъ послѣднюю бутылку изъ своего погреба. Я былъ не въ состояніи терпѣливо сносить этотъ позоръ и вызвалъ на поединокъ французскаго полковника, распѣвавшего за столомъ моего отца обидныя для нѣмцевъ пѣсни съ аккомпаниманомъ гитары. Полковникъ со смѣхомъ приказалъ от-

«Дѣло», № 3.

нять шпагу у семнадцати-лѣтняго юноши — то была модная бальная шпаженка, съ голубой португеей, висѣвшая, какъ украшеніе, на стѣнѣ, и схваченная мною въ порывѣ яростнаго негодованія — да, полковникъ смѣялся, предоставляя себѣ удовольствіе завтра же разстрѣлять дерзкаго мальчугана.

— Ночію явился спаситель, хотя на него я всего менѣе могъ возлагать надежды. При извѣстїи о народномъ возстанїи въ отечествѣ, когда начали формироваться первые волонтерные отряды, дикій вырвался изъ объятій парижскихъ прелестницъ въ паркетныхъ салонахъ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья и поспѣшилъ на родину, когда война находилась въ самомъ свирѣпомъ разгарѣ. Не успѣвъ попасть въ волонтерный отрядъ, окруженный въ здѣшней крѣпости, онъ обратился на островъ, съ намѣреніемъ организовать тамъ партизанскую войну противъ вторгнувшагося непрїятеля. И вотъ онъ подоспѣлъ какъ разъ во-время, чтобы спасти своего брата отъ вѣрной смерти. Въ сопровожденїи немногихъ преданныхъ сподвижниковъ, на-скоро собранныхъ, онъ ворвался съ изумительной смѣлостью въ мою тюрьму и растворилъ для меня ея запоры.

— Съ этой минуты мы, въ теченїи пяти лѣтъ, оставались неразлучно вмѣстѣ и братски дѣлили труды и опасности, сначала въ качествѣ простыхъ партизановъ, потомъ офицерами въ одномъ и томъ же полку дѣйствующей арміи. Я держалъ себя тоже не худо, но имя моего брата скоро сдѣлалось извѣстнымъ по всей арміи и опять всѣ называли его „дикимъ“, какъ будто для подобнаго человѣка нельзя было прибрать никакого другого названія. О его храбрости, о его бѣшеной отвагѣ ходили безконечные рассказы, и, всѣ твердили въ одинъ голосъ, будто онъ искалъ смерти, тогда какъ онъ на самомъ дѣлѣ нисколько о ней не думалъ, потому что презиралъ жизнь. Въ немъ проявлялся ѣдкій смѣхъ, когда онъ слышалъ наши мечтанія о возрожденїи отечества, объ освобожденїи родной земли отъ чужихъ тирановъ. Еще и теперь мнѣ памятна его любимая поговорка о молотѣ и наковальнѣ, — поговорка, которую онъ приводилъ довольно часто и охотно, такъ какъ онъ говорилъ, что въ ней, какъ въ простѣйшей формулѣ, выражалась вся его философія. „Братство, равенство! подтрунивалъ онъ, —

отстапьте вы, Бога ради, отъ меня съ этими трескучими фразами! До сихъ поръ вы были наковальной подъ исполненнымъ молотомъ Наполеона, а теперъ вотъ сами захотѣли играть роль молота. Ну, ну, поглядимъ, какъ-то далеко вы зайдете. Миѣ сдается, что не-больно ужъ далеко. У васъ если и есть талантъ, то только для того, чтобы быть наковальнею.

— Зачѣмъ же ты присоединился къ намъ, чтобы сражаться противъ Наполеона? спросилъ я.

— Скучно сдѣлалось въ Парижѣ, взялъ да и пріѣхалъ, отвѣчалъ онъ.

Но онъ самъ былъ противъ себя не правъ. Онъ былъ болѣе глубокимъ человѣкомъ, чѣмъ пустымъ героемъ интрижекъ, хотя и выставлялъ себя въ такомъ свѣтѣ. Въ своей безсодержательной, полной пикантныхъ приключеній, жизни онъ растратилъ сокровища своего сердца, богатаго сердца, какъ рудникъ Плутона; но все-таки у него осталась частица этого сердца, и въ этой частицѣ таилась если и не теплая любовь къ родинѣ и человѣчеству, то все-таки упорная симпатія къ угнетенному, гордо протестующая противъ притѣснителя, будь онъ гениальный завоеватель или безтолковый туземный деспотъ.

— И послѣ того, какъ завоеватель былъ прикованъ къ скалѣ св. Елены, когда братъ мой увидѣлъ, что герои столькихъ битвъ опять привили привычное иго на терпѣливую выю, когда онъ увидѣлъ, что весь гордый энтузіазмъ къ свободѣ завязъ въ болотѣ рабской услужливости, — тогда-то онъ сломалъ свою шпагу и проклялъ угнетателей, проклялъ рабовъ, говоря, что огниѣ опять вся земля божья сдѣлалась его родиной, потому что свободный человѣкъ въ раболѣпномъ вѣкѣ не можетъ имѣть никакого другого отечества.

— Не спору, въ этой идеѣ было много натянутого, болѣзненного, но въ ней было также здоровое зерно. Послѣдствія вполне это доказали: невыразимо мелкое, тощее идеями, духомъ и дѣлами время эпигоновъ, въ которое мы прозябаемъ, совершенно подтверждаетъ его предчувствіе, его пророческое предсказаніе.

И вотъ опять сталъ онъ блуждать по-бѣлу свѣту бездомнымъ

искателемъ приключеній, съ тою только разницею, что прежде, въ надменномъ сознаніи своей силы, онъ игралъ съ людьми, а теперь принялся ихъ холодно эксплуатировать, глубоко презирая ихъ. „Я хотѣлъ своею кровью заплатить за индουλгенцію моего прошлаго, но даже цѣна крови ни къ чему не повела, — что мнѣ теперь за дѣло до моего настоящаго, до будущаго“. О, какъ часто я долженъ былъ раздумывать надъ этими словами, сказанными имъ мнѣ при разставаніи! Онѣ служили мнѣ всегда ключомъ къ этому загадочному характеру.

— И опять въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я о немъ ничего не слышалъ.

— Отецъ померъ. Имѣніе подпало секвестру. Мой второй братъ Артуръ, обманутый теткою въ своихъ надеждахъ, тянулъ ляжку въ неблагодарной государственной службѣ; сестра съ году на годъ чувствовала себя несчастіе въ постыломъ бракѣ; я сидѣлъ уже четыре года въ искалѣченномъ видѣ и все еще потѣлъ надъ азбукой моего ремесла. О Мальтѣ — ни слуху, ни духу. И вдругъ онъ появляется опять, да въ добавокъ еще съ женою, послѣдовавшею за авантюристомъ на его родину и объявляетъ о своемъ намѣреніи взять въ свои руки отцовское наслѣдіе; съ моей стороны было оказано ему для этой цѣли всякое содѣйствіе, Артуръ согласился быть удовлетвореннымъ наличною суммою, хотя теперь и отрицается, что она тогда была ему выплачена. Кредиторы были рады получить хоть что нибудь и одинъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, утѣшалъ себя надеждою, что отсрочка еще не конецъ дѣлу, и что и при новомъ владѣльцѣ, какъ при прежнихъ, церенское имѣніе также вѣрно не уйдетъ отъ его рукъ.

— Мнѣ съ нимъ не удалось свидѣться при его возвращеніи; тогда я никакъ не могъ отсюда вырваться; съ своей стороны, онъ не обнаруживалъ желанія возобновить прежнюю дружбу. Когда мы разстались, я готовился вступить въ бракъ, казавшійся неровной, скандальной партіей въ глазахъ представителя древняго дворянскаго рода. Теперь я уже нѣсколько лѣтъ занимаю казенную должность, а, по его мнѣнію, занимать казенную должность, да еще по-

добную должность, значило тоже, что отречься отъ самого себя, попать ногами прирожденное право рыцарей молота и сдѣлаться презрѣнной наковальной. Къ тому же мой отказъ принять отъ него выкупную сумму, задѣлъ его за живое. Въ его глазахъ этимъ поступкомъ я отказывалъ перворожденному главѣ семейства въ повиновеніи, въ вассальномъ подданствѣ. Онъ никакъ не могъ простить мнѣ того, что я въ немъ болѣе не нуждался, что у меня не было долговъ, для уплаты которыхъ онъ самъ долженъ былъ бы пуститься въ долги, однимъ словомъ, что я не былъ въ этомъ отношеніи такъ подрученъ, какъ братъ Артуръ, показавшій себя, можетъ быть, ужъ черезчуръ податливымъ.

— Съ другой стороны, то, что я о немъ слышалъ—а онъ нисколько не хлопоталъ о прекращеніи о себѣ толковъ—утвердило меня еще болѣе въ грустной увѣренности, что насъ уже раздѣляла бездна и что ее не могла закрыть даже искренняя любовь къ нему, все по-прежнему остававшаяся въ моемъ сердцѣ. Я слышался о его вѣтренной жизни въ обществѣ сосѣдей-дворянъ, обѣдѣвшихъ вслѣдствіе войны, слышалъ о попойкахъ, карточной игрѣ, сумазбродныхъ шалостяхъ, которыхъ онъ былъ зачинщикомъ. Уже тогда ходилъ смутный слухъ о томъ, что онъ взялся всячески поддерживать контрабандную торговлю, процвѣтавшую въ той мѣстности въ военное время. Тогда ее поощряло само правительство, начавшее затѣмъ, весьма естественно, преслѣдовать этотъ промыселъ строжайшими мѣрами. Самые злые пересуды касались, разумѣется, печальныхъ его отношеній къ несчастной женщинѣ, вывезенной имъ изъ ея родины. Говорили, будто онъ обходился съ ней чрезвычайно дурно, держалъ ее подъ запоромъ въ погребѣ; всѣ пожимали плечами и удивлялись, какъ это полицейскія власти глядятъ на такой скандалъ сквозь пальцы.

— Не вѣря ни слову изъ всего этого, я не могъ спосить всей подобной болтовни, рѣзко противорѣчившей въ сущности благородному и честному характеру брата. Однако легко понятный страхъ удерживалъ меня отъ всякаго вмѣшательства во всѣ эти дразги, но вдругъ полученное мною письмо положило конецъ этой нерѣшительности. Письмо было написано на ломаномъ французскомъ языкѣ.

еѣ, и уже первыя его слова открыли мнѣ, что несчастная женщина, писавшая его, должна была находиться въ сумасшествіи. „Я слышала, что вы знаете дорогу въ Испанію“ — такъ начиналось это письмо, оканчивавшееся словами: „ахъ, ради всего святого, умоляю васъ сказать мнѣ, куда ведетъ дорога въ Испанію“. Я въ тотъ же часъ выѣхалъ отсюда и послѣ долгихъ лѣтъ опять увидѣлъ и родительскій домъ, и моего брата. Грустное то было свиданіе.

Отчій домъ обратился въ развалину, братъ сдѣлался тѣню — нѣтъ, хуже! — безобразной личиной того, чѣмъ онъ былъ прежде! О, другъ мой, другъ мой! Теорія молота жестоко подшутила надъ самымъ ревностнымъ своимъ приверженцемъ. Если бъ вы видѣли, какъ неуклюжая наковальня изуродовала артистическій молотъ, какъ онъ сдѣлался неблагороденъ, въ такъ глубоко презираемомъ имъ людскомъ свѣтѣ! „Попробуй только презирать науку и искусство“, заставляетъ Гете говорить духа лжи, — „и я навѣрное уже имѣю тебя въ своей власти“. Я же говорю: презирай только людей и ты увидишь, какъ скоро сдѣлаешься презрѣннымъ въ глазахъ другихъ и своихъ собственныхъ.

— Я сообщилъ ему о цѣли своего посѣщенія; онъ повелъ меня въ садъ и указалъ на бродившую между деревьями и кустами женщину, въ фантастическомъ костюмѣ, съ цвѣтами и сорною травою въ черныхъ, блестящихъ и полу-распущенныхъ волосахъ, съ гитарою въ рукахъ, съ которой свѣшивались до половины разорванныя струны.

— Ты видишь, что люди безсовѣстно лгутъ, увѣряя, будто я держу ее подъ запоромъ. Многіе другіе, конечно, поступали бы такимъ образомъ на моемъ мѣстѣ. Признаюсь тебѣ, показывать людямъ подобныя вещи не совсѣмъ пріятно.

— Такъ отвези ее назадъ, на ея родину, сказалъ я.

— Попробуй-ка, замѣтилъ онъ, — да она высочитъ изъ экипажа, бросится съ корабля въ море. А если бы ты вздумалъ отправить ее насильно, закованною въ цѣпи, — чтожь небось хороша было бы ея дальнѣйшая судьба?.. Езъ бы упрятали въ темницу какого нибудь монастыря, стали бы голодомъ и палочными ударами изгонять изъ нея нечистую силу, призорожившую ея сердце въ

еретику. Если я теперь ее болѣе и не люблю, то все-таки любилъ когда-то или, по крайней мѣрѣ, она была моею: ни одна грязная рука присяжнаго ханжи не смѣетъ прикоснуться къ тому, что было когда-то моимъ.

Я сказалъ ему, что было страшно слышать, какъ онъ могъ такъ говорить о своей женѣ, о матери своего ребенка.

— Съ чего ты взялъ, что она мнѣ жена? отозвался онъ.

Я посмотрѣлъ на него съ испугомъ и удивленіемъ. Онъ пожалъ плечами.

— Это опять возмущаетъ твою непобѣдимую добродѣтель, сказалъ онъ.— Но я сдѣлалъ бы ее госпожею фонъ-Церенъ, несмотря на то, что ея отецъ—гидальго довольно сомнительной родословной древности; я женился бы на ней, если бы у меня родился тогда мальчикъ. А что мнѣ за дѣло до дѣвочки? Она не можетъ продолжать нашего рода; такъ пусть же онъ и сгинетъ вмѣстѣ со мною.

— Ему было все равно, могъ ли я почувствовать себя глубоко обиженнымъ этими словами. Онъ вовсе не хотѣлъ меня оскорбить и, дѣйствительно, не считалъ Цереномъ осторожнаго директора, женившагося на дочери бѣднаго живописца.

— Я просилъ его поручить мнѣ дитя, если онъ былъ къ нему такъ равнодушенъ, и хотѣлъ воспитывать ребенка съ моею Паулой, тогда только-что родившейся на свѣтъ; въ настоящемъ положеніи, убѣждалъ я, дитя можетъ погибнуть морально и физически, а вѣдь, можетъ быть, придетъ время, когда онъ захочетъ имѣть родное дитя, все-равно законное или незаконное, мальчикъ или дѣвочку.

— Ну, тогда, значитъ настанетъ уже мой послѣдній часъ, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами и отворачиваясь отъ меня.

— Чтожъ мнѣ оставалось дѣлать при подобныхъ обстоятельствахъ? Я вовсе не пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы, охотиться съ братомъ, сопровождать его въ кутежахъ или за карточнымъ столомъ, къ чему онъ приглашалъ меня съ иронической вѣжливостью. Я заговорилъ къ несчастной безумной, но она меня не поняла и уже со всѣмъ ничего не помнила о томъ, что писала ко мнѣ, какъ и ко многимъ другимъ, которыхъ имена узнала какъ вѣбдъ случайно.

Потомъ я покачалъ на рукахъ прелестнаго, какъ ангель, ребенка, пожалъ руку старому Христіану, сохранившему прежнюю ко мнѣ привязанность и остававшемуся теперь единственнымъ слугою, еще забывшимъ меня; я просилъ его беречь бѣдное покинутое существо,—прошелъ еще разъ чрезъ паркъ, привѣтствуя мѣста моихъ дѣтскихъ игръ, еще разъ взглянулъ на заходившее солнце надъ домою, гдѣ когда-то стояла моя колыбель—и въ грустномъ раздумьи удалился. Нѣчто подобное должно было бы чувствовать дерево, вырванное со всеми корнями изъ родной почвы. Однако надо благодарить небо за то, что человѣкъ, будучи выгнанъ изъ своей родины, можетъ пріобрѣсти для себя новую; когда за нами затворятся врата дѣтскаго рая, предъ нами открывается новый міръ, и хотя мы должны завоевать его себѣ и заработать въ потѣ лица, однако именно поэтому онъ и дѣлается нашею дѣйствительною, родною сферою.

IX.

Разумѣется, наставникъ мой вовсе не имѣлъ намѣренія возбудить во мнѣ прилежаніе—потому что теперь это было ненужно—постоянно возвращаясь въ своихъ бесѣдахъ къ той мысли, что свободный, добровольный, освященный любовью трудъ есть верхъ премудрости, настоящее назначеніе, высшее благо человѣка. Это былъ только послѣдній результатъ его практической философіи, къ которому необходимо приводили все его возрѣнія,—касались ли онъ отдѣльно взятаго человѣка или всего человѣчества. И такъ какъ бесѣды эти почти всегда происходили въ промежуткахъ между работою, оставляемою нами, чтобы опять къ ней возвратиться, то они могли быть названы отрадными арабесками къ серьезной и—какъ я теперь думаю—трогательною картиною взаимной дѣятельности, связывавшей неутомимаго, талантливаго наставника и усерднаго любознательнаго ученика.

Дѣятельность эта шла съ строгой правильностью. Случай захо-

тѣль, что во время моего выздоровленія скончался пожилой и давно уже прихварывавшій писецъ въ конторѣ. Такъ какъ директоръ принялъ себѣ за постоянное и неизмѣнное правило, чтобы всѣ тѣ работы, которыя должны быть исправляемы имѣвшимися въ заведеніи силами, дѣйствительно были ими производимы, то, несмотря на противорѣчіе президента фонъ-Крассова, директоръ и вошелъ съ непосредственнымъ докладомъ къ королю относительно того, чтобы, не назначая новаго конторскаго секретаря, передать его должность мнѣ, въ знакъ особенной милости, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить мнѣ и извѣстное вознагражденіе, сокращенное по масштабу прочаго задѣльнаго гонарарія для заключенныхъ. Министръ фонъ-Альтенбергъ подкрѣпилъ это предложеніе своего друга ходатайствомъ съ своей стороны. Господинъ діаконъ фонъ-Крассовъ поздравилъ меня съ этимъ „повышеніемъ“, скрывъ кислосладку мину, но д-ръ Свеллиусъ громко закудахталъ въ восторгѣ, да и во всей директорской семьѣ событіе это было принято, какъ какое нибудь радостное торжество. У меня самого, благодаря этому обстоятельству, точно тяжелый камень свалился съ сердца. Теперь мнѣ уже нечего было опасаться, что этотъ благородный, и такъ много уже сдѣлавшій для меня, человекъ своею добротою могъ навлечь на себя серьезныя непріятности. Вѣдь въ обществѣ президента уже поговаривали о дисциплинарномъ слѣдствіи, смѣщеніи съ должности или, по крайней мѣрѣ, объ увольненіи съ пенсіономъ! Но такъ какъ теперь мои отношенія къ нему приняли официальный характеръ, то опасность была устранена, и я могъ съ легкимъ сердцемъ глядѣть черезъ открытое окно передъ нашимъ рабочимъ столомъ—въ задумчивый садъ, гдѣ надъ цвѣтами жужжали усердныя пчелы, тогда какъ межъ высокихъ деревьевъ шелкали и щелбеталя птички, а утромъ между цвѣтами прогуливалась госпожа фонъ-Церень, опираясь на руку своей дочери или около полудня, послѣ учебныхъ уроковъ, рѣзвились дѣти или работали на своихъ цвѣточныхъ грядахъ.

У каждого изъ нихъ, даже у Оскара, былъ свой цвѣтничекъ и всякій долженъ былъ держать его въ порядкѣ; я всегда съ новымъ удовольствіемъ глядѣлъ, какъ эти забавныя карапузики вози-

лись съ своими лейками и другими рабочими принадлежностями, употребляя ихъ съ ловкостью настоящихъ ученыхъ садовниковъ. И однако, это удовольствіе, ощущаемое мною при этой отраднѣ картинѣ, не было свободно отъ нѣкоторой горечи. Каждый разъ я долженъ былъ вспоминать при этомъ мое собственное дѣтство и раздумывать, какъ бесплодно и безотраднѣ прошло оно сравнительно съ этой юной жизнію, развившеюся здѣсь передо мною во всей богатой красѣ. Кто училъ меня употреблять мои свѣжія, молодые силы съ такою пользою? Кто наставлялъ меня вносить смыслъ въ мои дѣтскія забавы? Ахъ, при всей 'моей тѣлесной величинѣ и силѣ меня могли бы до-сыта накормить хлѣбныя крохи, падавшія съ такого богатаго стола! Матери своей я почти не зналъ, отецъ мой былъ серьезенъ отъ природы, и этотъ замкнутый, мрачный характеръ, еще болѣе сосредоточившійся въ себѣ послѣ смерти любимой жены, былъ всегда непонятенъ и страшенъ живому, рѣзвому мальчику. Какъ искренно и горячо онъ желалъ мнѣ добра, какъ добросовѣстно хотѣлъ мнѣ быть добрымъ отцемъ, насколько было его умѣнья—это я подозрѣвалъ еще тогда и вполне понималъ впоследствии,—но природа дала моему честному отцу косноязычіе Моисея, а тутъ не случилось услужливаго Аарона, который растолковалъ бы мнѣ смыслъ суровыхъ законовъ. Сестра и братъ были гораздо старше меня лѣтами. Мнѣ было всего восемь лѣтъ, когда шестнадцатилѣтній братъ Францъ отправился въ море, и только десять, когда сестра моя выходила замужъ двадцати лѣтъ отъ роду. У брата была кровь легкая, свѣжая, и онъ также мало обо мнѣ заботился, какъ о чемъ или о комъ бы то ни было другомъ на бѣломъ свѣтѣ; сестра наслѣдовала крутой характеръ отца, но безъ его искренней сердечной теплоты. Заступивъ для меня мѣсто матери, она постоянно мучила меня своей педантической строгостью, часто мелочной жестокостью, и я убѣгалъ отъ нея къ старой служанкѣ, слышавшей отъ нея постоянныя побранки и награждавшей меня за мою привязанность разсказами о разбойникахъ и привидѣніяхъ. Когда же сестра Сара выходила замужъ, и хотѣла мнѣ, съ послѣднимъ утѣшеніемъ, дать прощальный поцѣлуй, я сказалъ ей въ присутствіи моего отца, ея нарѣченнаго и всего свѣтскаго общества,

что мнѣ не нужны ни ея увѣщанія, ни поцѣлуи и что я очень, очень радъ тому, что на будущее время не буду имѣть объ ней ни слуху, ни духу. Другіе видѣли въ этомъ доказательство моей возмутительной неблагодарности, и юстиціи совѣтникъ Хеккепфенигъ, бывший также въ числѣ присутствовавшихъ, въ первый разъ высказалъ при этомъ случаѣ свое глубоко-прочувствованное и совершенно-оправдавшееся впоследствии убѣжденіе относительно меня, что „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“.

Нѣтъ, никто не могъ поставить мнѣ въ укоръ того, что въ то время, когда я глядѣлъ черезъ окно на моихъ маленькихъ друзей во мнѣ родилось такое желаніе: о, если бы и ты былъ также счастливъ, если бы и тебѣ судьба послала такого добраго и вмѣстѣ такого умнаго отца, такую нѣжную, любящую мать, если бы ты имѣлъ такихъ отродно-рѣзвыхъ товарищей въ играхъ и работѣ, но въ особенности если бы у тебя была такая сестра!

— Да, да, такая сестра!...

Сначала она все напоминала мнѣ собою какую-то сказку, — только я никакъ не могъ припомнить, какую именно. Ужъ конечно не „бѣлую лебедушку“, потому что бѣлая лебедушка была въ тысячу разъ прекраснѣе самой прелестной царицы, а Паулу собственно нельзя было назвать красавицей. „Красная шапочка“ сюда тоже нейдетъ, потому что красная шапочка — если хорошенько пораздумать — была преглупенка, маленькая дѣвочка, неумѣвшая отличить своей доброй старой бабушки отъ злого волка, а Паула была большая, стройная, да такая умная! Ужъ говорить ли еще о „Замарашкѣ?“ Паула была такая чистенькая, что къ ней не могла пристать никакая пылинка, и притомъ ей никакіе голуби не помогали собирать горошекъ, — напротивъ, она сама должна была все дѣлать и всегда дѣлала все сама. Она была скорѣе одна изъ чудесныхъ фей — ихъ самихъ не видно, какъ онѣ приходятъ и уходятъ, и только по оставленному ими подарку можно догадываться, что онѣ здѣсь были, — или же Паула была похожа на милыхъ, добрыхъ гениевъ, чистенько убирающихъ вухню, чердакъ и погребъ, когда служанки спятъ. И продирая заспаные глаза, онѣ видятъ,

что все уже сдѣлано, и сдѣлано несравненно лучше, чѣмъ онѣ сдумѣли бы распорядиться сами.

Да, она навѣрное была фея, и только въ избыткѣ доброты къ своимъ питомцамъ приняла видъ стройной, голубоглазой дѣвушки съ русою головкой! А иначе могла ли она съ ранняго утра до поздняго вечера быть занятою дѣломъ и при этомъ, какъ казалось, ни мало не утомляться? Гдѣ только въ ней имѣлась надобность, она тутъ какъ тутъ, и при этомъ всякаго умѣла внимательно выслушать, и ни малѣйшая тѣнь дурного расположенія духа не омрачала ея милаго личика, уже не говоря о томъ, что съ ея губъ не могло сойти ни одно сердитое слово. По виду она была, правда, серьезна, обыкновенно говорила не больше того, чѣмъ сколько было нужно, но въ ея серьезности не было ничего тягостнаго; разъ или два мнѣ удалось даже слышать, что она болтала пріятнымъ полупешотомъ, какой возможенъ только для фей, когда онѣ говорятъ человѣческимъ языкомъ.

Свое открытіе я сообщилъ моему другу, д-ру Снелліусу.

— Отстаньте отъ меня, пожалуйста, съ эдакою чепухой! вскричалъ онъ, — экую околесную понесъ: фея!! И тутъ все тотъ же лессинговскій желѣзный горшокъ, желающій, чтобъ его снимали съ огня серебрянымъ ухватомъ. Что же она дѣлаетъ ужъ такого необычайнаго? Водить хозяйство въ домѣ, учить маленькихъ братьевъ, служить пѣжнымъ другомъ отцу, утѣшаетъ мать, ухаживаетъ за обоими во время болѣзни. Все это должна дѣлать всякая порядочная дѣвушка; тутъ еще вѣтъ ничего особенно удивительнаго; все это только въ порядкѣ вещей. Ну, а въ двадцать лѣтъ отъ роду эдакой фантастической головѣ вещи и люди, разумѣется, представляются не такими, каковы они въ дѣйствительности. Женитесь-ка, милѣйшій, на ней! Это самое лучшее средство для того, чтобы узнать, что ангелы съ самыми длинными лазарево-голубыми крыльями все-таки остаются..... женщинами съ плотью и кровью.

Я провелъ рукою по волосамъ, замѣтно приблизившимся къ своему прежнему обилію, и сказалъ въ раздумьи:

— Мнѣ жениться на Паулѣ?! Это никогда быть не можетъ.

Не знаю, какой мужчина можетъ быть достоинъ ея руки, но хорошо знаю, что я этого не стою. Обратите вниманіе—что я?

— Ну теперь-то вы пока присуждены къ семилѣтнему заключенію въ ш....скомъ смирительномъ домѣ и слѣдовательно имѣете много досуга, чтобы поразмыслить, чѣмъ вы можете быть, когда выйдете отсюда. Надо надѣяться, что сдѣлаетесь порядочнымъ, полезнымъ человѣкомъ, а по моему порядочный человѣкъ достоинъ любой дѣвушки.

— Тутъ есть еще, докторъ, и другая причина, почему я все-таки не могу на ней жениться.

— Напримѣръ?

— Да просто потому, что до того времени вы сами на ней будете женаты.

— Ахъ, вы гадкій, насмѣшливый мамонтъ! Вы полагаете, что она захочетъ выйти замужъ за подобный биллиардный шаръ, имѣющій шансы околѣть отъ апоплексіи?...

Сердило ли доброго доктора встрѣченное имъ противорѣчіе, когда онъ такъ далеко отклонялъ отъ себя то, что предлагалъ мнѣ такъ близко, или была какая либо другая причина—только кровь такъ яростно ударила ему въ лысую голову, что онъ въ самомъ дѣлѣ поразительно смахивалъ на интересный предметъ, имъ названный, и при этомъ закурировалъ такими отчаянно-высокими нотами, что даже ужъ не пробовалъ спуститься на болѣе низкіе тоны.

Дня два сряду слова доктора не выходили у меня изъ головы. Я совершенно соглашался, что порядочный, полезный человѣкъ можетъ быть достоинъ любой дѣвушки и, такимъ образомъ, съ этой стороны не было никакихъ причинъ отчаяваться, чтобы рано или поздно я могъ назвать Паулу моею женою. Но потомъ—ужъ самъ не знаю, какъ это было—прежнее мое мнѣніе опять брало верхъ, и когда я видѣлъ, съ какимъ ангельскимъ терпѣніемъ она хозяйничала и всемъ заправляла, внутренній голосъ говорилъ во мнѣ: рѣшительно неправда, чтобы всѣ дѣвушки, даже такъ называемыя хорошія, были похожи на Паулу, и почтенный докторъ, утверждая, что я когда нибудь могу быть ея достоинъ, тоже вѣдь сморозилъ ужаснѣйшую чепуху!

Свѣтлый воздухъ, великолѣпные вечера, блеклые листья опять возвѣщали приближеніе осени. Все это живо напоминало мнѣ время, прожитое въ черендорфскомъ замкѣ. То были тѣже симптомы увядающей природы, къ которымъ я тогда приглядывался съ такимъ вниманіемъ, и они воскресили теперь въ моей душѣ цѣлый слой воспоминаній. Я думалъ, что воспоминанія эти были уже глубоко схоронены, но теперь увидѣлъ, что онѣ были прикрыты только тонкимъ покрываломъ, и что его могло приподнять одно легкое дуновение заунывнаго осенняго вѣтра. Часто даже казалось мнѣ, что раны, мучившія меня не болѣе года тому назадъ, опять готовы были открыться. Опять я переживалъ все прошлое, но то было какое-то припоминаніе очень занимательнаго сна при свѣтломъ, сознательномъ пробужденіи. То, что въ сновидѣніи, при неполномъ отправленіи нашихъ душевныхъ силъ, кажется намъ очень естественнымъ, совершенно логичнымъ, — теперь рисуется предъ нами причудливой фантазмагоріей; то, что мучило насъ тогда своею непостижимостью, теперь мы умѣемъ уяснить себѣ отчетливо, потому что можемъ наполнить пустые пробѣлы, оставленные капризнымъ воображеніемъ. Мнѣ стоило только какъ бы нарисовать мое тогдашнее положеніе на настоящемъ—и странная, дивная картина была готова. Тогда я воображалъ себя свободнымъ существомъ, а на самомъ дѣлѣ былъ запутанъ въ самыхъ грустныхъ, тягостныхъ обстоятельствахъ, какъ муха въ паутинѣ; теперь я каждую ночь спалъ за желѣзными рѣшетками, но однако чувствовалъ полнѣйшее внутреннее успокоеніе и безопасность, какъ бываетъ въ человѣкомъ, когда онъ выходитъ изъ зыбкаго челнока на твердую землю. Тогда я полагалъ, будто мною достигнуто мое настоящее назначеніе, а теперь ясно видѣлъ, что такая жизнь была только продолженіемъ и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, послѣднимъ результатомъ безсодержательной, безолаберной юношеской непосядячести. Но въ какомъ свѣтѣ представились мнѣ люди, въ судьбѣ которыхъ я принималъ тогда такое горячее участіе, когда я началъ сравнивать ихъ съ тѣми людьми, которыхъ теперь полюбилъ всею душою,—когда я сравнивалъ „дикаго“ съ его мягкимъ, умнымъ братомъ! И такъ какъ дѣло дошло до сравненій, то здоровенный, тяжеловѣсный, вѣчно заспан-

ный Гансъ фонъ-Трантофъ — куда-то дѣвался добрый Гансъ, если не померъ? Нѣкоторые говорили, что онъ слава Богу поживаетъ себѣ помаленьку и что имъ извѣстно, гдѣ онъ поживаетъ, — да, бишь, такъ Гансъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ приземистымъ, подвижнымъ, умнымъ балагуромъ, докторомъ Снеллусомъ; даже старый, захирѣвшій Христіанъ долженъ былъ ступешаться передъ молодцоватымъ вахмистромъ Зюсмилхоомъ. Но всего болѣе меня занимало сравненіе прелестной, фантастической Констанціи съ скромной, дѣвственно-чистой Паулой.

Да и можно ли вообразить себѣ болѣе поразительное несходство? Можетъ быть, именно поэтому фигура одной изъ нихъ вызвала воспоминаніе о другой. Но гдѣ-то была теперь Констанція? Послѣднее ея письмо было отправлено изъ Италіи.

Тамъ ли она еще находилась теперь и каково поживала? Что возлюбленный ее бросилъ — это мнѣ было уже извѣстно. Когда я только-что узналъ объ этомъ, мнѣ пришла охота громко расхохотаться. Теперь ужъ я не смѣлся. Не безъ чувства глубокого состраданія вспоминалъ я о ней, раздумывая, что ее такъ позорно оскорбили, что она безъ крова, пристанища и родины бродила авантюристой по бѣлу свѣту, подобно тому, какъ отецъ ея былъ также искателемъ приключеній. Впрочемъ ей не могло быть худо въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Вѣдь она съ гордостью и презрѣніемъ отказалась отъ всякаго притязанія на наслѣдство своего отца. Ужъ не было ли теперь ей извѣстно, что ея надменный отецъ не захотѣлъ удостоить ея мать чести быть его женою? Могла ли она любить человѣка, сдѣлавшаго ея мать такою безгранично-несчастною? Человѣка, который, по словамъ своихъ застольныхъ пріятелей, считалъ ея красоту только приманкою для глухихъ рыбъ, желающихъ попасться въ его сѣти?... Можно ли было таковой дѣвухнѣ, происходившей отъ подобныхъ родителей, выросшей въ одиночествѣ и среди подобнаго общества, съизмала избалованной грубой лестью неотесанныхъ сельскихъ дворянчиковъ — можно ли было строго судить ее за то, что она сдѣлалась жертвою развратника, обольстившаго ее всѣми соблазнами богатства, высокого происхожденія, всѣмъ блескомъ цвѣтущей молодости? Бѣдная, бѣдная

Констанція! Твоя пророческая пѣснь о зломъ человѣкѣ, ради котораго ты погубила свою юную душу,—пѣсня эта сбылась со всею жестокою правдивостью. Злой поступилъ съ тобою жестоко, чудовищно жестоко! А другой-то? О, онъ хотѣлъ убить злыхъ драконовъ, подстерегавшихъ тебя на дорогѣ! Твой вѣрный Георгъ, твой преданный оруженосецъ!.. Ты съ презрѣніемъ посмѣялась надъ его горячей преданностью и нельзя винить тебя за то, что ты недо- вѣряла силѣ и благоразумію юноши, посвятившаго всего себя служенію тебѣ. Приведется ли ему когда нибудь съ тобою видѣться?

Я зналъ, что она отказалась принимать участіе въ предстоящемъ семейномъ совѣщаніи. Однако, чѣмъ ближе подходилъ срокъ тѣмъ чаще меня занимала мысль, что, при всемъ ея легкомысліи, она можетъ придти къ другому намѣренію и вдругъ очутится передо мною, совершенно также, какъ мой другъ Артуръ въ одинъ прекрасный вечеръ—когда я говорилъ съ Паулою въ бельведерѣ—внезапно стоялъ передо мною во всемъ блескѣ своего прапорщичьяго мундира.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИСТОЧНИКИ БОЛѢЗНЕЙ.

Русское общество, въ послѣднее время столь близко приипмавшее къ сердцу разные вопросы и столь же быстро охладѣвавшее къ нимъ, весьма мало обращало вниманія на одинъ изъ важнѣйшихъ, именно на вопросъ о своемъ собственномъ здоровьи. Одному философу разъ сказали, что его домъ горитъ. «Это не мое дѣло, отвѣтилъ онъ, скажите моей женѣ». Домъ по мнѣнію этого философа спеціальная принадлежность жены, а публика считаетъ свое здоровье спеціальною принадлежностью врачей, предоставляетъ имъ вѣдаться со всѣми своими болѣзнями, сама же занята болѣе серьезными дѣлами, болѣе высокими матеріями. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему намъ заботиться о своемъ здоровьи, что за особенная бѣда, если я или сосѣдъ умремъ преждевременно. Вѣдь на что же тогда врачи и аптеки? Врачъ конечно вылечитъ, если только больной не возьметъ да не умретъ. Ну, умеръ, значитъ такъ ужъ на роду написано было: такъ или иначе, а отъ смерти вѣдь не отдѣлаешься.

Казалось бы, что же для человѣка дороже его здоровья и физическаго благоденствія. И поверхностно судя, можно бы подумать, что публика вовсе не такъ равнодушна къ своему здоровью. Прислушайтесь, напримѣръ, къ бесѣдамъ большинства провинціальной публики. Какъ только сойдутся двѣ три барыни въ такъ называемой гостини, разговоръ обыкновенно начинается, во все время бесѣды продолжается и даже кончается разсказомъ о собственной болѣзни, о болѣзняхъ дѣтей, родныхъ, родственниковъ, знакомыхъ. Эти симпатичныя бесѣды прерываются развѣ только для пересудовъ и сплетней, этихъ неизбежныхъ спутниковъ пустой и скукой заѣдаемой жизни.

Но это взаимное участіе и заботливость въ сущности ложны. Предоставивъ врачамъ вѣдать и лечить болѣзни, публика сидитъ собѣ сложа руки и требуетъ голоса врача только въ случаѣ надобности, обращается къ нему только по нуждѣ и знаетъ ничего не хотеть о томъ, чтобы устроить жизнь свою получше, чтобы предупредить свои тифы, горячки, чахотки, скарлатины, чтобы по возможности меньше хворать. Совѣтоваться съ врачомъ, какъ устроить свой домъ, какъ воспитать ребенка, какъ держать себя въ дорогѣ, какъ устроить свою семейную жизнь—войти въ такія интимности съ врачомъ значить просто компрометировать себя. Въ рѣшеніи такихъ задачъ каждый считаетъ себя самого вполне компетентнымъ судьей и дѣлать посторонняго человѣка соучастникомъ своихъ семейныхъ дригъ было бы верхомъ нелѣпности и непристойности.

Итакъ всякъ сперчокъ знай свой шестокъ. Всякій врачъ долженъ умѣть распознать и вылечить болѣзнь. Больше отъ него не требуется. Остальное не его ума дѣло. Но увы и ах! Новѣйшая медицина, прогрессивно подвигаясь впередъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше отрѣшается отъ узкихъ понятій и нелѣпныхъ требованій публики. Съ каждымъ днемъ мы все больше и больше убѣждаемся, что мы, врачи, вовсе не обладаемъ такимъ чудеснымъ талисманомъ, какой приписываетъ намъ публика. Нѣтъ отрасли знанія, гдѣ бы господствовалъ болѣе хаосъ, какъ въ медицинскомъ мірѣ. Системы леченія быстро смѣняются другъ друга и сталкиваясь производятъ лишь путаницу. Мы мечемся какъ угорѣлые. Каждое новое открытіе становится для насъ, по выраженію Бэкона, подломъ, на котораго мы молились, которому мы поклоняемся какъ золотому тельцу, и котораго безъ всякаго милосердія испровергаемъ при первой неудачѣ, при еще болѣе новомъ открытіи. Рассказываютъ, что африканскіе дикари охотно обожаютъ любого божка, но за малѣйшій неусиѣхъ сѣкутъ его розгами и вытуриваютъ вонъ. Въ жизни врача бываютъ нерѣдко такіе же моменты.

Очень интересно и весьма поучительно, въ какія страшныя и ужасныя крайности бросаемся мы подъ часъ. Вотъ мы, напримеръ, нашли, что какое нибудь лекарство помогло отъ такой-то болѣзни, положимъ отъ хивы пришла лихорадка, ну давай шарить по всѣмъ угламъ земнаго шара и приискивать специфическія лекарства отъ всякой болѣзни, и до того увлекаемся своею вѣрою въ воображаемый принципъ, что дѣйствительно находимъ желе-

мы лекарства, и знать ничего не хотим и допустить не можем, чтобъ мы тутъ сколько нибудь ошибались.

Какъ вдругъ подъѣдетъ какой нѣбудь скептикъ и начинаетъ увѣрять публику, что большая часть болѣзней проходятъ вовсе безъ лекарствъ и безъ всякаго вмѣшательства врачей, тогда мы бросаемся въ совершенно противоположную крайность и лечимъ всѣ болѣзни такъ называемымъ выжидательнымъ методомъ, т. е. ровно ничего не дѣлаемъ, и съ высоты Олимпа величественно созерцаемъ, какъ человѣчество дохнетъ, стонетъ болѣть и вымираетъ по всѣмъ правцамъ науки. А прежде-то?

Еще и теперь живо въ памяти людей то блаженное время, когда позвать врача значило «кровь пустить». Каждый врачъ былъ непременно вооруженъ хорошимъ ланцетомъ или даже двумя, и при всякомъ удобномъ случаѣ кровь человѣческую проливали какъ какую-то дрянь. Несчастное тѣло любого пациента было любимой ареной, на которую всякій врачъ съ удовольствіемъ отправлялъ наполеоновскія арміи пьавокъ. И теперь живы субъекты, которымъ на спину, животъ или другія части тѣла ставили втеченіе жизни нѣсколько сотъ пьавокъ или банокъ. Кровожадность врачей въ то время доходила до какого-то звѣрства. Просто не знали пощады, сплошь и рядомъ, и малымъ и большимъ, и виновнымъ и невиновнымъ дѣлали кровопусканія изъ руки, изъ ноги, изъ висковъ и разныхъ другихъ мѣстъ. Эта кровожадность и теперь подчасъ даетъ себя чувствовать самымъ жестокимъ образомъ. Не будь итальянскіе врачи такіе кровопійцы, кто знаетъ, можетъ быть, единая Италия давнымъ давно владѣла бы своею завѣтною мечтою—Римомъ, и благородное сердце новозавѣтнаго Гарibaldi не облилось бы кровью Ментанскаго пораженія. Семь кровопусканій, сдѣланныхъ Кавуру, сведшихъ его въ могилу, стоили навѣрное человѣчеству нѣсколькихъ лишннихъ кровопролитныхъ битвъ. Но отъ Кавура и до бѣдняка, лежащаго на казенной койкѣ, въ казенной больницѣ—разстояніе громадное. Если Кавуръ дѣлается жертвой медицинскаго шарлатанства, то что же сказать о тѣхъ тысячахъ и милліонахъ бѣдняковъ, которые просятъ у лекаря, какъ милости, скорѣйшаго окончанія своихъ страданій. Кровопусканіе однакожъ безпощадно, оно отнимаетъ здоровье, но оставляетъ жизнь. Дѣйствительно, множество вытянутыхъ, исхудалыхъ, блѣдныхъ безкровныхъ физиономій и теперь еще носятъ на себѣ неизгладимые слѣды недавней кровожадности нашихъ врачей. Но теперь врачи стали осгорожнѣе, теперь ужъ рѣдко можно встрѣтить врача, вооруженнаго ланце-

томъ, онъ больше не въ модѣ; его впрочемъ замѣнилъ другой варваръ-мучитель, съ которымъ мы познакоимъ читателя послѣ. Кто не помнитъ, какого шума на бѣломъ свѣтѣ надѣлало электричество. Вѣдь мы ухватились за него обѣими руками, какъ за якорь спасенія, и съ такимъ необычнымъ энтузіазмомъ, какого давно не испытывало человѣчество. Врачъ запасшійся Дюшеновскимъ аппаратомъ, машинаи Румкорфа, Штерера и особенно Миддельдорфа, смотрѣлъ на себя съ такою же гордостью, съ какою Людовикъ XIV смотрѣлъ на себя, когда произнесъ: *il ny a plus des Pygéeses*. «Нѣтъ болѣе болѣзней», думалъ себѣ тогда такой врачъ-волшебникъ, «все въ моихъ могучихъ рукахъ!» Но хотя и самые Пиренеи не вѣчны, однако онѣ долго еще останутся на своемъ мѣстѣ и торжество электричества едва-ли переживетъ ихъ.

Не менѣе шатка была всегда слава лекарствъ. Чуть появится какое нибудь лекарство и имъ начинаютъ пичкать всѣхъ больныхъ и при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, авось-де поможетъ. Полюбилась, напримѣръ, врачамъ ртуть; ее сейчасъ же возвели въ божество, окрестили Меркуріемъ, стали призывать на помощь при всякаго рода болѣзняхъ, давали въ лихорадкѣ, при всѣхъ воспаленияхъ, въ холерѣ, при всѣхъ возможныхъ страданіяхъ дѣтей; а главное поставили ее лицомъ къ лицу съ другимъ божествомъ Венерой и довели ихъ до самой ожесточенной борьбы, которая съ переменнымъ счастьемъ то на той, то на другой сторонѣ обошла въ человѣчеству въ нѣсколько поколѣній вырожденія и до сихъ поръ сильно свирѣствуетъ и долго еще не прекратится. Но кумиръ уже сверженъ; значительная партія врачей съ ужасомъ отшатывается отъ этого ложнаго божка. Полюбились врачамъ хина, желѣзо, іодъ, опиумъ и куда не повернешься, все суютъ то одно, то другое; будущее, говорятъ, рѣшить: кстатн или не кстатн. Чтобы ввести въ организмъ лекарство, придумывались разные способы, пролагались разные пути: вводили лекарство чрезъ ротъ, носъ и всякія другія отверстія, не пощадили и нашего чувствительнѣйшаго органа—кожу: ее терзали мушкамп и, снявъ кожицу, бередили свѣжую рану, присыпая ее лекарствомъ, обращеннымъ въ мельчайшій порошокъ. Наконецъ все это показалось малымъ, недостаточнымъ, не удовлетворило требованіямъ. Теперь господствуетъ совершенно новый путь введенія лекарствъ въ нашъ организмъ, именно прямо *подъ* кожу особымъ инструментомъ,—шприцомъ и приводятъ такимъ образомъ лекарство въ непосредственное соприкосновеніе съ кровью. Этотъ путь, несмотря на всю свою новизну и несмотря на то, что онъ причи-

неть довольно чувствительную боль, грозить сдѣлаться всеобщимъ, грозить вытѣснить всѣ остальные пути, грозить подорвать довѣріе къ желудку и уничтожить кредитъ электричества. Посмотрите и полюбуйтесь современнымъ эскулапомъ. У него въ одномъ карманѣ непременно *porte-caustique* и ляписъ, пальцы непременно запачканы ляписомъ и черны, а въ другомъ карманѣ мѣсто рутиннаго ланцета замѣнилъ шприцъ Праватца, безъ котораго современный врачъ не мыслимъ. Онъ вооруженъ всевозможными зеркалами. Онъ теперь уже не довѣряетъ своимъ собственнымъ глазамъ какъ прежде, ему необходимы глазное, ушное, носовое, горловое зеркало, ему необходимъ стетоскопъ и плесиметръ. Пульсъ пациента заявляетъ для него свои движенія посредствомъ особаго инструмента, называемаго сфигмографомъ Моррен. Онъ ужъ не глазомѣрничаетъ по старинкѣ, а измѣряетъ математическими единицами, взвѣсивъ, обнюхиваетъ, ощупываетъ, отвѣдываетъ, анализируетъ, пускаетъ въ ходъ всѣ свои вишіи чувства и внутренніи соображенія да онъ просто мученикъ у постели больного, пока не распознаетъ точно его болѣзнь и, подчасъ несмотря на все это, онъ становится въ-тупшеъ и самъ не знаетъ, съ чего начать и что предпринять.

Хаосъ, господствующій въ медицинѣ, изумителенъ. Одинъ аллопаты, другой гомеопаты, третій гидропаты; спеціализація доведена до мелочей: есть терапевты, хирурги, акушеры, глазные, ушные, зубные врачи, спеціалисты по части дѣтскихъ болѣзней, женскихъ болѣзней, мужскихъ секретныхъ болѣзней. Казалось, чего же больше желать? Академіи, университеты, госпитали, больницы, аптеки, комитеты народнаго здравія—все это доказываетъ, что человѣчество повидному далеко не равнодушно къ своимъ недугамъ и принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы устранить зло. Кромѣ того ни одна человѣческая профессія не имѣетъ столько ложныхъ претендентовъ, какъ медицина. Шарлатанство разныхъ самозванцевъ, знахарей, множество самородныхъ лечителей доказываетъ, съ одной стороны, недовѣріе публики къ медицинѣ и врачамъ патентованнымъ, съ другой стороны, служитъ указаніемъ, что и медицина, особенно практическая, не можетъ еще похвастаться такими основными началами, какими изобилуютъ другія позитивныя науки, какъ астрономія, физика и даже химія. Жалкое и оскорбительное положеніе врачей въ обществѣ объясняется самымъ характеромъ господствующей медицины. Самый поверхностный наблюдатель легко можетъ удостовѣриться и собственнымъ опытомъ убѣ-

даться, что въ медицинѣ на первомъ планѣ выступаетъ элементъ *карательный*, между тѣмъ какъ *предупредительный* элементъ далеко отодвинутъ на задній планъ. Карательная медицина, несмотря на то, что она дѣйствуетъ орудіями, достойными пытки, люба,—дорога человѣчеству и нравится ему даже. Человѣчество до того привыкло ко всѣмъ этимъ микстурамъ, порошкамъ, индюлямъ, каплямъ, горчишкамъ, мушкамъ, припаркамъ, примочкамъ, банкамъ, пиявкамъ, кнстирнымъ трубкамъ, клизопомпамъ, катетрамъ, зондамъ, что еслибъ вдругъ пришлось отрѣшиться отъ всего этого, человѣчеству стало бы скучно и тоскливо. Да чѣмъ бы тогда наполнилось время докторскихъ визитаций? Да о чемъ бы тогда толковали во время взаимныхъ визитовъ? Даже подумать трудно.

Есть еще одна весьма печальная сторона въ медицинѣ, сильно компрометирующая ее. Это—ея отрицательное значеніе и достоинство чисто-паллиативное. Всѣ медицинскія системы, всѣ улучшенныя способы леченія при всемъ ихъ разнообразіи не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на смертность людей. Лечите людей какъ вамъ угодно средствами и методами, или вовсе ничѣмъ не лечите, смертность и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинакова. Хотя это кажется невѣроятнымъ, ужаснымъ, но это такъ. Знаменитый Н. И. Пироговъ, въ своемъ классически-знаменитомъ сочиненіи «Начала Военно-Полевой Хирургіи» говоритъ, что онъ «убѣжденъ въ томъ, что всѣ наши врачебныя средства и пособія едва колеблютъ общую цифру смертности». Это положеніе ясно доказываетъ общая статистика, а медицинская статистика на каждомъ шагу пикруетъ насъ этимъ. Статистика—это бѣльмо на глазу у медицины. Она насъ приводитъ въ отчаяніе. Она злѣйшій врагъ нашъ. Возьмите, напримѣръ, Вѣну и Пензу или Вологду. Даже общюю сравнить въ ученое отношеніи какуюнибудь Вологду съ Вѣной, гдѣ сосредоточена такая масса медицинскихъ знаменитостей, гдѣ врачебныя средства и пособія доведены до высочайшей степени совершенства: просто грѣхъ и смѣшно проводить параллель между Вологдой и Вѣной, куда стекаются со всѣхъ концовъ Европы поучиться и усовершенствоваться въ медицинѣ и особенно полечиться въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ никакая Вологда не въ состояніи помочь. А между тѣмъ разверните превосходную статистику Отто Гауснера и вы увѣритесь собственными глазами (на 246 стр.), что въ Вѣнѣ смертность больше, чѣмъ въ Вологдѣ и какойнибудь Пензѣ. Въ то время какъ въ Вѣнѣ умираетъ одинъ на 24, въ Вологдѣ или въ Пензѣ умираетъ одинъ на 25. Никто конечно не сомнѣвается, что Петербургъ во сто разъ

богаче медицинскимъ пособіямъ, чѣмъ какая нибудь Полтава, а между тѣмъ въ то время какъ въ Петербургѣ, снабженномъ всѣмъ нужнымъ для того, чтобы спастись отъ смерти, умираеть одинъ на 25,7 въ Полтавѣ, гдѣ чуть ли не вся обстановка приспособлена къ тому, чтобы скорѣе умереть, только одинъ изъ 28 жителей пользуется этимъ удобствомъ.

Такіе крупныя факты сильно подрываютъ кредитъ карательной медицины. Но мы этимъ ничуть не хотимъ сказать и изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы карательная медицина и ея представители врачи были совершенно бесполезны и излишни. При теперешнемъ строѣ общества, при существующемъ социальномъ порядкѣ вещей врачи и особенно врачи рационалисты и эксплуататоры вполне необходимы. Положимъ, что у васъ воспаление, жаба въ горлѣ — болѣзнь въ сущности пустая. Посидите въ теплѣ и это пройдетъ само собою. Но воспаление можетъ успѣться до того, что сдѣлается нарывъ въ горлѣ. Дѣло это уже нѣсколько посерьезнѣе. Если вы во время призвали карателя-врача, онъ навѣрное вамъ намажетъ въ горлѣ япсомъ; штука тоже, кажись, нехитрая, но эта нехитрая штука можетъ, въ большинствѣ случаевъ, предупредить образованіе и развитіе нарыва. Во-первыхъ, это нужно знать, во-вторыхъ, вѣдь не позовете же съ улицы всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, чтобы показать ему свое горло, а посылаете за врачомъ, какъ за своею собственностью, какъ за своимъ слугой, и за оказанную услугу суете ему въ руку, какъ лакею на водку, три или пять рублей.

Но если карательная медицина нисколько не колеблетъ цифры смертности, то это не ея вина, не ея призваніе, не ея назначеніе, не ея обязанность, наконецъ. Разъ навсегда человѣчество должно свыкнуться съ идеей, что роль карательной медицины чисто-паліативная. Это, однакожъ, никоимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ фатализму. Мы рѣшительно далеки отъ того, чтобы утверждать, что такъ или иначе, а человѣчество должно хворать и вымирать въ извѣстной опредѣленной пропорціи, въ опредѣленный срокъ, въ извѣстномъ возрастѣ, по неизмѣннымъ, неизблемымъ законамъ. Напротивъ мы твердо вѣримъ въ детерменизмъ вещей. Мы убѣждены, что степень заболѣванія и смертности человечества совершается въ силу существующихъ условій социальнаго быта, что условія эти могутъ видоизмѣняться до безконечности и непредѣльно въ хорошую и дурную сторону, и что съ перемѣною этихъ условій въ ту или другую сторону, и явленія, отъ нихъ зависящія,

т. е. заболѣваемость и смертность, непременно перемѣнятся. Мы хотимъ этимъ сказать и сказать отъ глубины души нашихъ убѣжденій, что хворость и смертность людей до извѣстнаго предѣла въ ихъ собственныхъ рукахъ, въ непосредственной ихъ власти и въ полнѣйшей и несомнѣнной отъ нихъ зависимости. Мы хотимъ убѣдить и убѣдить съ полнѣйшею вѣрою въ нашу правоту, что не карательная медицина, какого бы совершенства она не достигла, спасаетъ человѣчество отъ пожирающаго его зла, а лишь предупредительная, состоящая въ улучшеніяхъ соціального быта. Чѣмъ нынѣ прикажете объяснить такіе факты, что Россія и Норвегія, почти при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, имѣютъ совершенно различную смертность. Чѣмъ нынѣ прикажете объяснить, какъ не лучшимъ состояніемъ соціального быта, что въ Норвегіи умираетъ одинъ на 53, а въ Россіи одинъ на 29? И по мѣрѣ того, какъ предупредительная медицина или соціальная гигиена будетъ входить въ свои права и распространять свою силу, по мѣрѣ того, какъ будетъ возрастать ея вліяніе, значеніе, а главное примѣненіе въ общпріимчивѣйшихъ размѣрахъ, по мѣрѣ всего этого карательная медицина будетъ ослабѣвать и все болѣе и болѣе становиться ненужною и бесполезною.

Въ чемъ же заключается предупредительная медицина? Мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ однимъ словомъ: это — культура. Но мы немножко разъяснимъ это слово.

Жизнь человѣка и вообще всего живого есть продуктъ взаимодѣйствія двухъ элементовъ вовсе не враждебныхъ другъ другу: живого организма (отъ малѣйшей былинки до царя творенія—человѣка) и окружающей среды. Тѣсная связь и зависимость этихъ двухъ элементовъ не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ лучше обставлена и обусловлена внѣшняя среда, тѣмъ лучше, продолжительнѣе и правильнѣе протекаетъ жизнь организма; чѣмъ хуже внѣшнія условія существованія, тѣмъ кратковременнѣе, жалче, хилѣе длится мучительное прозябаніе организма. Отсюда два ряда совершенно противоположныхъ явленій: съ одной стороны улучшенная культура ведетъ организмъ къ усовершенствованію, съ другой стороны недостатокъ культуры, отсутствіе ея или нищенская культура влечетъ за собою вырожденіе. Это могучій и неизблемый законъ природы, такъ ялодотворно и геніально разработанный Дарвиномъ. Дарвинъ съ непоколебимою ясностью провелъ этотъ законъ по всему животному и растительному царству. Мы убѣждены, что законъ этотъ одинаково вѣренъ и относительно человѣка.

Поэтому мы обратимся къ Дарвину и позаимствуемъ изъ его хорошей книги ¹⁾ нѣкоторые факты, которыми онъ доказываетъ могущество культуры. При этомъ намъ нужно заручиться благосклонностью читателя. Если ему дорого его собственное здоровье, если онъ испыталъ въ жизни удовольствіе, лаская здороваго и красиваго ребенка, если онъ желаетъ своимъ дѣтямъ хорошей умственной и физической будущности, онъ насъ выслушаетъ до конца; онъ не соскучится подробностями, которыми не брезгаютъ ученые.

Итакъ, Дарвинъ говоритъ (стр. 55), что лошадь можетъ процвѣтать и достигать крайней степени совершенства, какъ при сильной жарѣ, такъ и при значительномъ холодѣ, какъ въ Аравіи счастливой и сѣверной Африкѣ, такъ и въ туманной Англій. Но этой породистости и совершенства въ лошадяхъ можно достигнуть не иначе, какъ хорошимъ уходомъ и естественнымъ подборомъ; въ противномъ случаѣ, лошади значительно уменьшаются въ величинѣ и пзмѣняютъ свой внѣшній видъ, что зависитъ отъ недостатка питательной или разнообразной пищи. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ (стр. 54), какъ малы и шершавы пони на сѣверныхъ островахъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ Европы. Въ Корсицѣ и Сардиніи есть свои пони, а на нѣкоторыхъ островахъ, близъ береговъ Виргиніи, существовали, а, можетъ быть, существуютъ и теперь, пони совершенно схожія съ лошадками Шотландскихъ острововъ, которые, какъ полагаютъ, выродились вслѣдствіе неблагоприятныхъ внѣшнихъ условій».

Но вотъ бѣда, заговоривъ о лошадяхъ, намъ приходится имѣть въ виду нашу почтенную публику. Но толковать о лошадяхъ и при этомъ «бивать на Цетра», еще куда не шло; лошадь все-таки благородное животное, которымъ иной британскій лордъ столько же дорожить, сколько своимъ наслѣдственными гербамъ, но проводить параллель между человѣкомъ и... просто сказать стыдно... и осломъ достойно всякаго порицанія, это признакъ самого дурнаго тона и притомъ еще какое дерзкое сопоставленіе. Дарвинъ позволяетъ себѣ утверждать, что осла можно значительно улучшить относительно величины и силы тщательнымъ подборомъ и хорошей пищей, и это даетъ ему полное право предположить, что и прочія качества осла (не умственные ли?) также могутъ быть улучшены подборомъ. «Малая величина осла въ Англій и въ сѣверной Европѣ зависитъ гораздо

¹⁾ Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія.

больше отъ плохого ухода, нежели отъ холода». До чего только не договариваются ученые; по Дарвину, чего добраго, осла-то можно преобразить въ фллософа и на оборотъ!..

Ученіе Дарвина, факты имъ собранные и выводы имъ добытые, дали совершенно новое направленіе изученію естественныхъ наукъ, сообщили имъ особенный интересъ и сильно подвинули впередъ значеніе и искусство культуры. Безъ преувеличенія можно сказать, что вещи, прежде считавшіяся немислимыми, теперь совершенно въ порядкѣ вещей. Послѣ Кювье никто и думать не смѣлъ посягать на цѣлостность и неизмѣняемость существъ, населяющихъ нашъ міръ. Все существующее казалось сотвореннымъ такимъ отъ вѣка и казалось останется и *должно* остаться такимъ до окончанія вѣковъ. Къ счастью, для прогресса и для блага всего существующаго это ложное ученіе въ конецъ теперь разбито и опровергнуто. Человѣкъ по своему произволу, по одному лишь капризу можетъ теперь измѣнять различныя части организма животныхъ и приспособлять ихъ въ свою пользу. Это, такъ сказать, матеріальная выгода. Но этого мало. Ученіе это привело насъ къ тому несомнѣнному обѣжденію, что организація животнаго не имѣетъ въ себѣ ровно ничего постояннаго, ничего святаго, разъ навсегда установленнаго, и никоимъ образомъ неизмѣняемаго. Даже черепъ и его содержимое—мозгъ подвергается, въ силу извѣстныхъ условій, столь рѣзкимъ измѣненіямъ, что только скромность не позволяетъ намъ высказать свои соображенія о будущихъ проявленіяхъ этой новой силы въ рукахъ человѣка. Послушайте-ка, какія интересныя вещи, напримѣръ, рассказываетъ чудакъ Дарвинъ. «Натузіуэ, говоритъ онъ, утверждаетъ за положительно вѣрное, какъ о результатѣ всеобщихъ и его собственныхъ опытовъ, что изобиліе пищи въ раннемъ возрастѣ способствуетъ непосредственно къ расширенію и къ укорачиванію головы свиньи, а недостатокъ пищи производитъ совершенно протвположный результатъ. Онъ сильно напираетъ на тотъ фактъ, что всѣ дикія и полуприрученныя свиньи, раскапывая землю своимъ рыломъ, должны въ юномъ возрастѣ упражнять этимъ сильныя мышцы, прикрѣпляющіяся къ задней части головы. Въ высоко-развитыхъ домашнихъ породахъ привычка эта не примѣняется къ дѣлу, вслѣдствіе чего форма задней частп черепа измѣняется, а это ведетъ за собою перемѣны въ другихъ частяхъ. Едва ли можно сомнѣваться, что такое значительное измѣненіе привычекъ повлечетъ за собою и измѣненіе черепа» (стр. 75).

Остановимся здѣсь и переведемъ дыханіе. Вѣдь это ни съ чѣмъ несообразно. Слышите ли! Измѣненіе черепа зависитъ отъ привычекъ! Вѣдь если Дарвинъ хочетъ этимъ намекнуть, что кто не живетъ своей головой, не питается трудами рукъ своихъ, у того можетъ будто бы произойти укороченіе головы и уподобленіе свиннѣ, то намъ остается только удивляться его неблагопрістойности и заподозрить его въ неблагонамѣренности. Впрочемъ, мы рѣшились терпѣливо сносить до конца и простить этому старику его оскорбительные намеки. Однако же Дарвинъ, должно быть, вовсе не шутить. Онъ серьезно доказываетъ, что культура обоюдо-острое орудіе, которымъ нужно только умѣть пользоваться для своего блага, что систематическимъ подборомъ можно просто производить чудеса, что обильная пища въ теченіе многихъ поколѣній имѣетъ непосредственное вліяніе на увеличеніе размѣровъ породы и многое другое въ этомъ родѣ. Съ Дарвиномъ, дѣйствительно, шутить нечего и идемъ, имъ проповѣдуемая, проверены такимъ обиліемъ фактовъ, что не вѣрять ему нельзя. Пусть же на него обрушится и вся отвѣтственность за всѣ его толкованія. Безъ его подстрекательства мы не позволили бы себѣ пугать читателя такими смѣлыми сопоставленіями и угощать его такими отрезвляющими дозами морали, какими поражаетъ подчасъ Дарвинъ. Вотъ хоть одинъ такой образчикъ. «Принимая въ соображеніе, говоритъ этотъ чудакъ, что одомашненные кролики, *живя въ неволѣ*, не имѣли возможности пускаться въ ходъ свой умъ, инстинкты, чувства и произвольныя движенія, съ цѣлью избѣгать разныхъ опасностей и отыскивать себѣ пищу, мы имѣемъ полное право заключить, что мозгу ихъ представляется чрезвычайно мало упражненія и что, вслѣдствіе этого, развитіе его пострадало. Такимъ образомъ мы видимъ, что самый важный и сложный органъ во всей организаціи также подверженъ общему закону уменьшенія массы вслѣдствіе неупотребленія» (стр. 134). Другими словами, отсюда слѣдуетъ, что народы, живущіе въ рабствѣ, не могутъ умственно развиваться и достигать той степени цивилизаціи, какой достигаетъ свободный народъ и что человѣкъ, неупражняющій своихъ мозговъ соотвѣтствующей пищей, тупѣетъ и глупѣетъ.

Такова сила и мощь культуры!

Когда такой ученый, какъ Дарвинъ, задавшись серьезнымъ вопросомъ, хочетъ проверить его, онъ не брезгаетъ никакими мелочами. Самый ничтожный, повидному, фактъ, нестоющій съ виду вниманія, получаетъ въ его глазахъ должную цѣнность и стои-

мость. Онъ не подбираетъ одни лишь годные, отбрасывая неподходящія. Онъ собираетъ ихъ ещѣ *en masse*, но умѣетъ систематизировать и группировать ихъ такъ, чтобъ каждый могъ убѣдиться въ истинномъ ихъ значеніи. Это не адвокатъ, старающійся выдвинуть одни лишь крупные аргументы въ процессѣ своего кліента, и заставляющій его темныя стороны, лишь бы выиграть процессъ, напротивъ, такой ученый, какъ Дарвинъ, не присяжный повѣренный, а непристрастный толкователь истины, а потому онъ одинаково хорошо относится къ фактамъ какъ къ крупнымъ, такъ и къ мелкимъ; ему они одинаково дороги. Если бы его ктонибудь захотѣлъ поразить какимъ нибудь чудомъ, если бы для того предъ его глазами сдѣлали изъ мухи слона, то онъ нисколько не удивился бы и записалъ этотъ фактъ также спокойно, какъ передаетъ онъ всякій другой. Такъ онъ рассказываетъ, что «плоды дикаго крыжовника вѣсятъ 120 гранъ, а въ 1786 г. былъ выставленъ крыжовникъ, вѣсившій 240 гранъ, слѣдовательно, ровно вдвое большій; въ 1817 дошли до 641 грана; до 1825 не было успѣха, но тутъ вѣсъ ягодъ достигъ 760 гранъ; въ 1830 г. крыжовникъ *Teazer* вѣсилъ 781 гранъ, а въ 1841 *Wonderful*—784; въ 1844 крыжовникъ, подъ именемъ *London* вѣсилъ 852 грана, а въ слѣдующемъ году 870 гранъ. Въ 1852 въ Стафордширѣ плоды той же разновидности дошли до поразительнаго вѣса въ 895 гранъ. Вѣсъ этотъ въ 8 разъ больше вѣса дикаго плода» (стр. 379). Развѣ это не слонъ изъ мухи?

И какіе, подумаешь, пустяки занимаютъ подчасъ этихъ господъ ученыхъ... При этомъ интересно и очень любопытно, какъ они другъ друга упрекаютъ въ увлеченіяхъ, и чѣмъ бы вы думали? Вѣдь, право, не угадать ни за что! Они возлагаютъ свои надежды на моховыя розы! «Мръ Риверсъ, говоритъ Дарвинъ (стр. 392), увлекается до того результатами скрещиванья и видоизмѣненія, что ожидаетъ дня, когда всѣ наши розы, даже моховыя, будутъ вѣчно зелены, будутъ давать блестящія, душистые цвѣты и притомъ цвѣсти съ юня до ноября». Эка радость! Очень нужно... Еще интереснѣе заключеніе: «это, говоритъ мръ Риверсъ, кажется отдаленной мечтой, но настойчивость въ садоводствѣ сдѣлаетъ чудеса, какъ, конечно, дѣлала ихъ во многихъ случаяхъ». Ну, не забавный ли народъ эти ученые? Мы думаемъ, что кто истинно-русскій патриотъ, тотъ, навѣрное, не усомнится, что у насъ «настойчивость въ садоводствѣ», о которой мечтаетъ мръ Риверсъ купно съ своимъ пріятелемъ Дарвиномъ, достигла высокой степени разви-

тія и самыя блестящихъ результатовъ. Вспомнимъ лишь и достойно возгордимся нашимъ огородничествомъ, приобрѣтшимъ все-россійскую извѣстность. Вспомнимъ наши нѣжинскіе огурцы, астраханскія дыни, украинскіе арбузы, ярославскій сладкій горошекъ, крымскія яблоки и виноградъ—вѣдь что это за прелесть! А наши бобы? Вѣдь это верхъ совершенства! Но вообразите себѣ, что Дарвинъ (разумѣется, изъ зависти), еще не зная о нашемъ восхищеніи бобами, вдругъ враждебно взываетъ: «Но какая разница между вндзорскими и русскими бобами!» (стр. 347).

Дарвинъ этимъ не ограничивается. Мало того, что онъ доказалъ всю силу и значеніе культуры, какъ средства улучшить и усовершенствовать породу, мало того, что культура даетъ всѣ средства противостоять всѣмъ внѣшнимъ невгодамъ, но и способность примѣненія къ разнообразнѣйшимъ внѣшнимъ условіямъ есть лишь результатъ хорошей культуры. Но пренебреженіе культурой, недостаточное и безтолковое примѣненіе ея, ведетъ къ совершенно противоположному явленію въ животной и растительной экономіи. Все то, что не пользуется благами культуры, естественнымъ ходомъ событій возвращается къ первобытному, дикому, грубому, хлопотному состоянію. Это явленіе Дарвинъ называетъ закономъ реверсіи. Какъ хорошій сыщикъ, онъ по цвѣту пера въ хвостѣ голубя, по полоскѣ на спинѣ лошади узнаетъ ея нестолбовое происхожденіе и приводитъ массу данныхъ, доказывающихъ, какъ голубинныя породы, при отсутствіи всякой заботы о нихъ, начинаютъ вырождаться, и что наши лошади, переходя въ дикое состояніе, становятся болѣе или менѣе полосатыми.

Сила культуры не ограничивается улучшеніемъ и усовершенствованіемъ одного лишь животнаго и растительнаго міра. Человѣкъ также подверженъ какъ улучшеніямъ и усовершенствованіямъ своей физической и моральной природы въ силу культуры, путемъ ея прогрессивнаго развитія, такъ и закону реверсіи, т. е. возвращенію въ первобытное состояніе. И если Дарвинъ не касается человѣка, если онъ настолько скромнень и деликатень, что не хочетъ сопоставить человѣка съ остальнымъ органическимъ міромъ, то это ужъ такая манера ученыхъ англичанъ. Но все-таки это сопоставленіе видно на каждой страницѣ его знаменитаго сочиненія. А чтобы насъ не заподозрили въ излишней догадливости и въ навязываньи другому такихъ идей, которыхъ онъ вовсе не намѣренъ былъ высказывать, мы приведемъ изъ антропологіи Вайтца рядъ фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль и вполне

гармонпрующихъ съ вышеприведенными фактами изъ животнаго и растительнаго міра. Вайтцъ говоритъ (стр. 82), что «еслибъ у насъ были вѣрныя изображенія и точныя портреты тѣлеснаго сложенія различныхъ индивидовъ изъ разныхъ періодовъ жизни одного и того же народа, то по сравненію этихъ изображеній легко можно было бы доказать, что внѣшнія особенности народа вполне соотвѣтствуютъ прогрессу, застою или регрессу его культурнаго развитія». Начнемъ съ того, что почти всѣ естествоиспытатели твердо убѣждены въ томъ, что форма черепа и его образованіе — надежнѣйшій признакъ происхожденія. И несмотря на то, почти всѣ согласно допускаютъ, что индивидуальныя различія въ черепахъ тѣмъ рѣзче выступаютъ, чѣмъ выше образованіе народа. У дикихъ народовъ отклоненія отъ первобытнаго типа чрезвычайно рѣдки, у цивилизованныхъ народовъ, напротивъ, очень часты. Latham составилъ таблицу измѣреній, которыми доказывается, что вмѣстимость черепа шотландцевъ въ прежнее, древнее время меньше была, чѣмъ въ позднѣйшее, теперешнее, что онъ считаетъ прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ цивилизаціи. Старые негритянскіе черепа, выкопанные въ Нью-Йоркѣ, гораздо толще, и обнаруживаютъ, говоря языкомъ френологовъ, гораздо меньшее умственное развитіе, чѣмъ черепа новѣйшаго времени. Все это даетъ право I. Мюллеру и Энгелю утверждать, что форма черепа существенно зависитъ отъ степени культуры и вмѣстѣ съ нею видоизмѣняется. Отсюда вполне понятно, по увѣренію аббата Fèrè'a, что чѣмъ первобытнѣе раса людская, тѣмъ сильнѣе развитъ затылокъ и тѣмъ больше лобъ, и что съ успѣхами цивилизаціи лобъ становится выпуклѣе, а затылокъ на оборотъ, болѣе плоскій. Очень естественно, что такія капитальныя измѣненія совершаются чрезвычайно медленно, также медленно, какъ медленно подвигаются успѣхи цивилизаціи. Вотъ почему они такъ незамѣтны и мало бросаются въ глаза, въ особенности за короткій срокъ историческаго времени. Съ другой стороны, не нужно забывать, что такого рода наблюденія установлены лишь въ недавнее, такъ сказать, въ новѣйшее время.

Нужно замѣтить, что черепъ считался самою постоянною частью нашего организма, но приведенные нами факты окончательно открыли у него эту привлекательную особенность. О непостоянствѣ и видоизмѣненіяхъ остальныхъ частей организма наука еще болѣе изобилуетъ фактами. De Salles утверждаетъ, что дикіе народы пьютъ сравнительно большій ротъ и болѣе толстыя губы, чѣмъ цивилизованные на-

родн. Утонченныя нравы, разносторонняя дѣятельность и подвижность характера смягчаютъ грубое, полируютъ жесткое и округляютъ угловатость формъ. Но чѣмъ ниже умственное развитіе народа, чѣмъ первобытнѣе его состояніе, тѣмъ сильнѣе онъ подверженъ вліянію внѣшней окружающей природы, тѣмъ могущественнѣе отражается на немъ господство внѣшнихъ условій существованія.

Справедливость этого легко подтвердить многими фактами. Такъ, если условія существованія ужь слишкомъ просты и вся внутренняя дѣятельность цѣлаго народа однообразно направлена лишь къ тому, чтобы удовлетворить своимъ грубымъ физическимъ или животнымъ потребностямъ, то всѣ индивидуы такого народа представляютъ чрезвычайно интересное внѣшнее сходство; ибо незначительная подвижность мозгового отправления кладетъ печать однообразія и на выраженіе лица и не придаетъ особыхъ оттѣнковъ: только съ развитіемъ и распространеніемъ образованія проявится большее различіе и богатство разнообразія. Отсюда понятно мнѣніе Гумбольда, что варварскіе народы имѣютъ скорѣе племенную или табунную физиономію, чѣмъ индивидуальную. Это явленіе повторяется и на нашихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ физиономія несравненно благообразнѣе, чѣмъ у дикихъ ихъ соотчичей, что, конечно, зависитъ вполне отъ болѣе близкаго соприкосновенія домашнихъ животныхъ съ человѣкомъ. Насколько сильна культура, можно также легко видѣть изъ противоположныхъ фактовъ. Такъ извѣстно, что если европейцы какъ нибудь затеряются среди дикихъ народовъ Америки, Ново-Зеландіи, то, усвоивъ нравы и образъ жизни этихъ дикарей, они, въ тоже время, становятся похожими на нихъ чертами лица, и такихъ европейцевъ подчасъ очень трудно отличить отъ дикихъ индѣйцевъ, среди которыхъ они жили. Съ другой стороны негрятинскія дѣти, родившіяся на свободѣ въ Сьерра-Леоне, имѣютъ лучшія черты лица, болѣе выразительныя глаза, болѣе свободное обращеніе и болѣе нѣжное тѣлосложеніе, чѣмъ изъ рабства возвратившіеся родители ихъ. Тоже различіе замѣтили уже давнымъ давно между маронами и неграми на Ямайкѣ, которые заслуживаютъ особенное вниманіе по тому обстоятельству, что чувство ихъ собственнаго достоинства возрастаетъ по мѣрѣ эмансипаціи. «Не слѣдуетъ теперь оскорблять черныхъ, какъ прежде; они теперь умѣютъ мыслить, слышать и видѣть не хуже бѣлыхъ, они умѣе прежняго стали и дальше еще умѣе будутъ», сказалъ одинъ негръ Льюису на Ямайкѣ. Все

это доказываетъ, что структура негритянскаго организма далеко не такъ постоянна, какъ это желали бы многіе, и что натура его столько же измѣнчива, сколько измѣнчивы убѣжденія многихъ нашихъ quasi-публицистовъ. Если не во всѣхъ, то въ этомъ отношеніи эти послѣдніе гораздо ниже негровъ. Такъ Ляйель утверждаетъ, что въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки негры, приходящіе въ близкое и частое столкновение съ бѣлыми (за исключеніемъ любовныхъ сближеній), мало-по-малу типомъ приближаются къ европейцамъ, какъ строеніемъ черепа и всего организма, такъ и нравственной стороной. Ляйель приводитъ также наблюденіе Др. Ганкока, что высшая культура съ теченіемъ времени совершенно измѣняетъ выраженіе фізіономіи у негровъ въ Гвиней, у которыхъ нижняя челюсть меньше выступаетъ и даже форма черепа видоизмѣняется. Основываясь на наблюденіяхъ этого рода, Ward даетъ себѣ право утверждать, что негры въ 200 или 300 лѣтъ безъ всякой посторонней помѣси съ другими расами, единственно въ силу лучшихъ физическихъ и нравственныхъ условій, теряли и теряютъ свои отвислыя губы и выдающіяся челюсти и что вообще всѣ особенности, характеризующія ихъ, мало-по-малу сглаживаются. Стенгопъ Смитъ положительно увѣряетъ, что хорошо содержимые домашніе рабы изъ негровъ теряютъ свой специфическій запахъ, что волосы ихъ становятся гладкими и сплетаются въ косичку. Онъ даже передаетъ фактъ почти невѣроятный, но все-таки подтверждаемый авторитетами, что одинъ негръ безъ всякой болѣзни, а единственно въ силу хорошаго ухода, совершенно побѣлѣлъ и волосы его стали гладкими. Въ Нью-Джерсей встрѣчаются очень часто негры съ прямымъ носомъ, хорошо сформированнымъ лбомъ и съ отвѣсными зубами. Таковы результаты культуры, обращенной на человѣка! Но мы сказали, что человѣкъ подверженъ какъ усовершенствованію, такъ и реверсіи, то-есть возвращенію въ первобытное состояніе. Карлъ Фохтъ собралъ матеріалы и обработалъ ученіе о микроцефалахъ, то-есть о людяхъ съ маленькими, мало-развитыми головами и съ количествомъ и качествомъ мозга, уподобляющимъ этихъ субъектовъ животнымъ. Онъ видитъ въ нихъ стремленіе человѣческой природы возвратиться подчасъ вслѣдъ и считаетъ это явленіе возможнымъ при недостаткахъ культуры, какъ крайнюю форму, до которой можетъ довести человѣка дурная обстановка цѣлаго ряда поколѣній. Явленіе въ высшей степени грустное и въ тоже время поучительное. Оно должно служить указаніемъ, до чего можетъ быть пзвращена че-

ловѣческая природа. Если человѣчество возбуждаетъ полнѣйшую симпатію и внушаетъ глубокое уваженіе къ себѣ за то, что оно dorocло въ теченіе своего долгаго существованія до такого колоссальнаго ума, какъ Дарвинъ, и до такого нравственнаго совершенства, какъ Гарибальди, то оно, съ другой стороны, возбуждаетъ ужасъ и отвращеніе за то обиліе идиотовъ, кретинновъ, микроцефаловъ, которыми кишитъ весь цивилизованный міръ. Вотъ два пути, по которымъ идти совершенно зависить отъ человѣка: путь усовершенствованія, культуры и путь вырожденія, реверсія...

Итакъ культура, въ обширномъ значеніи слова, даетъ человѣку возможность жить подъ всѣми широтами, къ у полюсовъ, такъ и подъ тропиками, даетъ ему средства существовать и на высокихъ горахъ, и въ низкихъ долинахъ, подъ полярными сугробами снѣга, и на знойныхъ пескахъ пустынь. Весь земной шаръ, со всѣми его подраздѣленіями, рѣки, озера, моря, самый океанъ, служатъ жилищемъ человѣку единственно въ силу культуры. Культура научила его устроить себѣ жилища, соотвѣтствующія разнообразнѣйшимъ климатамъ и превратила для него значеніе климата почти въ ничто. Культура научила его обрабатывать и обращать въ собственность матеріалы всѣхъ царствъ природы, особенно же растительнаго и животнаго міра, научила его выдѣлкѣ разныхъ тканей, которыми онъ облакаетъ себя соотвѣтственно времени года, и тѣмъ дала ему возможность сохранять свою естественную теплоту и поддерживать всѣ отправления организма въ нормальномъ состояніи, несмотря ни на какое время года; вопреки различію погоды, сдѣлала человѣка равнодушнымъ, обеспеченнымъ противъ всевозможныхъ невзгодъ внѣшнихъ космическихъ условій. Средствами культуры онъ также счастливо живетъ плп, по крайней мѣрѣ, можетъ жить, какъ въ Исландіи или Березовѣ, такъ и въ Италіи или на Мысѣ Доброй-Надежды; средствами культуры онъ достигаетъ своего нормальнаго роста и одинаково хорошо развивается и физически, и умственно при всѣхъ возможныхъ климатическихъ условіяхъ внѣшней среды, почти одновременно достигаетъ половой зрѣлости, и если есть въ этомъ отношеніи небольшія уклоненія, то единственно въ силу недостатковъ культуры. Питаніе, ростъ, всѣ физиологическія отправления и мозговая работа совершаются одинаково удовлетворительно на всемъ земномъ шарѣ, несмотря на все разнообразіе внѣшнихъ условій, одними лишь силами культуры. Еслибъ насъ спросили, чѣмъ отличается человѣкъ отъ прочихъ животныхъ и потребовали бы отвѣтъ въ одномъ словѣ,

мы, не затрудняясь, отвѣтили бы — культурой. Культура дѣлаетъ чловѣка властелиномъ природы; онъ господствуетъ надъ ней, онъ подчиняетъ ее себѣ, подавляетъ ее, видоизмѣняетъ ее, приспособляетъ ее къ своимъ потребностямъ и все это единственно средствами культуры. Таковы блага ея! Но за то малѣйшій недостатокъ ея сильно даетъ себя чувствовать чловѣку; при малѣйшемъ недостаткѣ ея природа беретъ верхъ надъ чловѣкомъ и изгоняетъ его съ пра. Кто не пользуется благами культуры, тотъ становится жертвою борьбы съ внѣшней окружающей природой; кто не обладаетъ могучими средствами ея, тотъ и борьбы вести не можетъ и падаетъ подъ ударами *не судьбы*, а внѣшней обстановки, падаетъ отъ слабости, отъ соціальной неурядицы, отъ соціальной грѣховности. Мы намѣрены здѣсь показать, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведутъ два недостатка культуры: голодъ и нищета, какое страшное зло порождаютъ эти два элемента, эти два страшнѣйшіе бпча соціальной неурядицы въ физическомъ благосостояніи чловѣка. Конечно, гдѣ голодъ и нищета, тамъ, собственно говоря, вовсе нѣтъ культуры; но мы намѣрены указать здѣсь на то, что тамъ, гдѣ одни лишь пользуются благами культуры, а другіе прозябаютъ въ голодѣ и нищетѣ, нѣтъ полной культуры, и что послѣдніе подрываютъ и портятъ благо первыхъ. Мы, слѣдовательно, желаемъ поговорить о голодѣ и нищетѣ, проявляющихся *среди* культуры и прикрытыя ея лоскомъ.

Съ недавняго времени ученіе о причинахъ болѣзней вступило въ новую фазу развитія. До послѣдняго времени врачи сваливали незнаніе настоящихъ причинъ болѣзней на различія климатическія условія. Вездѣ, гдѣ нельзя было докопаться до положительныхъ знаній, въ изысканіи причинъ происхожденія болѣзни, старались обвинять въ появленіи той и другой болѣзни тотъ или другой климатъ. Словомъ, климатъ былъ во всемъ виноватъ. Но тщательное изученіе географическаго распространенія болѣзней возбудило сомнѣніе въ слишкомъ большой виновности климата и пошатнуло это ветхое зданіе. Врачи, видите ли, сидѣли себѣ сложа руки, спокойные тѣмъ, что со стихіями вѣдь ничего не подѣлаешь, не борются же съ климатомъ. Они не задавались вопросомъ, почему же климатъ такъ благосклоненъ къ однимъ, а другихъ губитъ и враждебно преслѣдуетъ. Они утѣшали себя и другихъ тѣмъ, что отыскивали лекарства отъ всѣхъ болѣзней, порождаемыхъ и порожденныхъ климатомъ, и не вникали въ самую суть дѣла, не повѣряли разъ установленное понятіе о гибельномъ значеніи кли-

матическихъ условій для жизни человѣка. Только сравнительное изученіе болѣзней въ разныхъ концахъ міра показало, что однѣ и тѣже болѣзни господствуютъ при совершенно противоположныхъ климатическихъ условіяхъ и заставило врачей искать источникъ зла въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательнъ трудъ одного ученаго нѣмца, нѣкоего Гирша, капитальное сочиненіе котораго «Историко-географическое распространеніе болѣзней» проливаетъ совершенно новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Собравъ обширный и богатый матеріалъ по этому предмету, сличивъ данныя о людскихъ страданіяхъ изъ разныхъ областей земнаго шара, сопоставивъ въ систематическомъ порядкѣ всѣ параллельные и противорѣчивые факты, Гиршъ пришелъ къ тому убѣжденію, что весь земной шаръ—юдоль плача, что болѣзни не прикрѣплены строго къ опредѣленнымъ условіямъ мѣстности, и что человечество хвораетъ и страдаетъ не потому, что оно живетъ въ той, а не въ другой мѣстности, а потому, что оно живетъ не такъ, какъ ему слѣдуетъ жить. Потерпѣвъ здѣсь неудачу и видя всю шаткость основанія въ взваливаніи всей вины людскихъ страданій на климаты, естествениспытатели-врачи направились въ другую сторону и обратили все свое вниманіе на социальный бытъ, и здѣсь-то нашли болѣе широкое поле для своихъ изысканій, встрѣтили болѣе обширное оправданіе своихъ предположеній и лучшее примѣненіе и благороднѣйшее оправданіе своихъ гуманныхъ обобщеній и гигиеническихъ тенденцій. Ученіе это еще слишкомъ ново, чтобы отъ него ожидать полного удовлетворенія всѣмъ требованіямъ и вѣрнаго отвѣта на всѣ могущіе представиться вопросы, но тѣмъ не менѣе счастливая будущность этого ученія несомнѣнна; оно и не можетъ слишкомъ быстро подвигаться впередъ, потому что оно слишкомъ щекожливо задѣваетъ многія стороны социальной жизни и забирается въ такія мѣста, гдѣ его появленіе многими далеко не желательно.

Для правильнаго и нормальнаго существованія человѣка, для хорошаго физическаго и умственнаго развитія его неизбѣжно нуженъ цѣлый рядъ опредѣленныхъ условій вѣшной окружающей среды. Человѣку нужно съ перваго дня рожденія и во все время его существованія опредѣленное количество пищи и притомъ извѣстнаго качества. Пища, кромѣ того, по количеству и качеству, должна соответствовать его возрасту, времени года, но никакъ не степени его благосостоянія. Благосостояніе или его недостатокъ отнюдь не могутъ контролировать физиологическихъ по-

требностей и не имѣютъ права руководить ими. Первое удовлетворяетъ ихъ, а второе развѣ лишь подавляетъ. А потому если хозяйка дома отбираетъ лучшую говядину и лучшую муку для себя, а худшіе и негодные сорта откладываетъ для *людей*, то это никакъ нельзя объяснить разницей физиологическихъ потребностей и точнымъ знаніемъ ихъ хозяйкой, а только разницей социальныхъ понятій, разницей социального положенія. Человѣку нужно съ перваго дня рожденія и во все время его существованія опредѣленное количество чистаго воздуха и опредѣленнаго качества жилища, кровь, помѣщеніе. Ему также нужны одежда и обувь. Все это конечно должно строго соответствовать какъ возрасту и полу, такъ въ особенности времени года. Человѣку еще нужно правильное чередованіе труда и покоя: какъ покой, такъ и трудъ — строгія физиологическія потребности, необходимы для нормальнаго физическаго и умственнаго отправленія организма. Каждый человѣкъ, желающій хорошо и дольше прожить на свѣтѣ, долженъ трудиться и соответственно труду вознаграждать утраты и потери организма опредѣленнымъ количествомъ пищи и достаточной мѣрой отдыха, успокоенія, сна. Голодь или недостатокъ пищи, или скудная пища, или дурная пища, или не соответствующая пища не даютъ человѣку быть вполнѣ человѣкомъ. Кровь его не получаетъ потребныхъ элементовъ, питаніе его совершается скудно, кровообращеніе и дыханіе недостаточно; мозги, не получая слѣдующаго питанія, не отправляютъ своей обязанности какъ должно; онъ слабѣетъ физически и морально; силы его уменьшаются, онъ тупѣетъ, истощается, становится малокровнымъ, нервы его возбуждены, онъ дѣлается раздражительнымъ, завистливымъ, недовольнымъ. Говорятъ, что великая французская революція была послѣдствіемъ голода и нищеты народной... Тощій, голодный человѣкъ плохо развивается и физически и умственно, онъ или вовсе не производитъ потомства, или производитъ потомство слабое, хилое, быстро-вымирающее. — Даже люди состоятельные, когда ихъ обуреваютъ чувство голода, находятся въ какомъ-то раздраженномъ состояніи. Возвращаясь со службы и проголодавшись, мужья обыкновенно въ дурномъ расположеніи духа. Нѣкоторые догадливыя жены знаютъ это и хлопчутъ о томъ, чтобъ до прихода мужа все было готово къ столу и никогда не обращаются ни съ какими распросами и ни съ какими просьбами къ своимъ мужьямъ до обѣда. Когда же мужъ хорошенько набьетъ желудокъ нѣсколькими порціями довольно лакомыхъ и сытныхъ блюдъ и притомъ до

того туго, что приходится разстегнуть платье и онъ ложится на кушетку *отдохнуть*, тогда нравъ его кротокъ и мягокъ, характеръ его уступчивъ, легкая улыбка на устахъ свидѣтельствуеетъ объ удовлетвореніи настоящей потребности организма и тогда-то коварная жена пристаеетъ съ своими просьбами, вполне увѣренная въ успѣхъ.

Если человѣкъ, не удовлетворяя чувству голода какихъ нибудь два, три часа, находится въ такомъ раздраженномъ и возбужденномъ состояніи, если это безпардонное чувство, неутолкающее на самое короткое время, не располагаетъ человѣка къ самымъ близкимъ, дорогимъ, кровнымъ существамъ, къ женѣ и дѣтямъ, къ которымъ онъ подчасъ относится даже враждебно, если улыбка довольства и кротость нрава проявляется такъ быстро и по всему существу разливаеся какая-то мягкость и уступчивость немедленно вслѣдъ за удовлетвореніемъ этого животнаго чувства; то представьте себѣ, въ какомъ состояніи духа долженъ находиться человѣкъ постоянно испытывающій это непріятное чувство, часто подверженный этому мучительному неудовлетворенію.

Другой факторъ «нищета» лишаетъ человѣка возможности завести себѣ хорошую одежду и обувь, отнимаетъ у него средства держать все тѣло въ теплѣ, въ надлежащей чистотѣ и опрятности, заставляетъ его прозябать въ жалкой и убогой лачугѣ, тѣсной, сырой и холодной. Недостатокъ одежды и обуви подвергаетъ его всѣмъ случайностямъ непогоды и дѣлаеетъ его чувствительнымъ ко всѣмъ пзмѣненіямъ барометра и термометра. Нищета, задерживая физическое и умственное развитіе человѣка, какъ и цѣлыхъ массъ, влечетъ человѣка къ крайностямъ, къ влпшеству отравляющихъ напитковъ; ведетъ его неминуемо въ кабакъ, а оттуда въ столь благотѣльные учрежденія, какъ суды, полиція, тюрьмы, остроги, поселенія, каторги; ведетъ его къ вырожденію, къ вымиранію. Голодь и нищета, съ одной стороны, готовятъ, удабриваютъ, унавоживаютъ почву для развитія разныхъ отравляющихъ веществъ, съ другой стороны, располагаютъ человѣческіе организмы къ воспріятію этихъ отравъ. Такимъ образомъ голодь и нищета порождаютъ множество болѣзней, множество страданій. Трудно и невозможно въ бѣгомъ очеркѣ описать всѣ послѣдствія голода и нищеты, и потому мы ограничимся указаніемъ лишь на нѣкоторыя.

Одна изъ болѣзней, порождаемыхъ голодомъ и нищетою, обратила на себя въ послѣднее время особенное вниманіе врачей и флантроповъ: это—именно тифъ. Хотя есть нѣсколько видовъ тифа, но

голодь причиняетъ особый видъ тифа, называемый *голоднымъ тифомъ*. Тифъ самъ по себѣ не есть удѣлъ лишь современной цивилизаціи; самая глубокая древность была уже знакома съ нимъ Отецъ медицины, Гиппократъ, бывший очевидцемъ афинской чумы, уже упоминаетъ о тифѣ. Слово *тифъ* обозначаетъ *дымъ* или туманъ и фигурально онъ характеризуетъ такое состояніе мозга, при которомъ отправленіе его затруднено, сознаніе отуманено, по выраженію простого русскаго народа: «голову обноситъ». Чтобы убѣдиться, въ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ ведетъ голодь, мы воспользуемся прекрасной брошюрой знаменитаго профессора Вирхова, этого замѣчательнаго реформатора современной медицины, и приведемъ нѣсколько цитатъ изъ этой брошюры, посвященной имъ голодному тифу. «Почти въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій—говоритъ профессоръ Вирховъ—Ирландія считается главнымъ мѣстопробываніемъ голоднаго тифа. Смѣло можно сказать, что какъ въ Египтѣ чума, такъ и въ Ирландіи съ 1788 года непрерывно повторяются сильнѣйшія эпидеміи тифа. Ни одна страна во всемъ свѣтѣ не можетъ сравниться съ Ирландіей въ этомъ отношеніи. Съ 1817 по 1819 годъ свирѣпствовала такая сильная эпидемія, что 44,000 человекъ погибло отъ нея и восьмая часть всего ирландскаго населенія заболѣла. Отсюда эпидемія распространилась дальше и поразила Эдинбургъ и Лондонъ. Съ тѣхъ поръ только небольшіе промежутки времени отдѣляли одну эпидемію отъ другой, а въ 1846 году и вплоть по 1848 самая тяжелая эпидемія бичевала этотъ несчастный островъ. Дурной урожай картофеля предшествовалъ ея появленію и болѣе милліона (!) людей подверглись ея нападенію; въ одномъ Дублинѣ число больныхъ было больше 40,000. Цѣлыми толпами оставляли свой зеленый островъ несчастные ирландцы, но они уносили съ собою и заразу, и вездѣ, гдѣ они появлялись, являлся и неизмѣнный спутникъ ихъ — тифъ. Мачиха-Англія тоже, конечно, не избѣгла этихъ преслѣдованій заразы, и за угнетеніе зеленого острова поплатилась болѣе чѣмъ 300,000 больныхъ, пзъ коихъ въ одномъ Ливерпулѣ умерло до десяти тысячъ. Въ 1847 году семьдесятъ пять тысячъ ирландцевъ выселились въ Канаду, но болѣе десяти тысячъ умерли отчасти въ дорогѣ, отчасти въ карантинахъ, нисколько не предохранивъ тѣмъ многіе американскіе города отъ занесенія болѣзни».

Въ Англіи всѣ того убѣждены, что каждая эпидемія непременно явится своимъ мѣстомъ возникновенія—Ирландію. Извѣстный наблюдатель Forham увѣряетъ, что тифъ преслѣдуетъ ирландца всю-

ду, куда тотъ не направитъ свои стопы и куда ни заноситъ онъ свою нищету; и дѣйствительно, болѣзнь не только постоянно заносится изъ Ирландіи въ приморскіе города сѣверной Америки, въ большіе торговые пункты Шотландіи и Англіи, но здѣсь еще эти пристанища ирландцевъ, эти грязныя, бѣдностью и порокомъ переполненныя, лачуги, становятся, въ добавокъ прежнему горю, вѣчнымъ средоточіемъ заразы, изъ котораго болѣзнь никогда вполне не исчезаетъ и откуда она, подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, распространяется на сосѣднія области.

Одновременно съ появленіемъ этой эпидеміи въ Ирландіи, свирѣствоваль голодный тифъ во Фландріи и въ Верхней Силезіи. Во Фландріи благосостояніе сельскаго населенія уже съ 1836 года пошатнулось, послѣ того, какъ фабрикація подорвала цвѣтущее состояніе ткацкаго ремесла. Въ 1845 г. машинная работа одержала полнѣйшую побѣду надъ ручною. Къ этому присоединился въ 1846 году полнѣйшій неурожай картофеля и весьма посредственный сборъ хлѣба. Нужда дошла до того, что во многихъ мѣстахъ жители питались лишь рѣпой, морковью, листьями капусты, испорченнымъ картофелемъ и только изрѣдка кускомъ чернаго хлѣба. Нѣкоторые семейства не въ состояніи были даже добыть себѣ и этой пищи на каждый день. Вдругъ обнаружилась эпидемія и произвела въ населеніи такое опустошеніе, что въ концѣ 1857 г. населеніе западной Фландріи уменьшилось отъ многочисленныхъ смертныхъ случаевъ до численности 1841 года, а въ восточной Фландріи населеніе возвратилось къ численности 1842 года. Изъ 60,377 заболѣвшихъ умерло 11,900, слѣдовательно почти 20%.

Верхняя Силезія уже въ 1845 г. испытала сильнѣйшій неурожай картофеля. Въ 1846 неурожай повторился и нужда достигла такой степени, что мѣстныя власти нашлись вынужденными обратиться къ займамъ и доставлять бѣднымъ муку. Присоединеніе вольнаго города Кракова къ Австріи и возникшія вслѣдствіе того таможенныя притѣсненія сразу уничтожили цвѣтущую дотолѣ львяную и шерстяную промышленность маленькихъ городовъ. Бѣдняки были вынуждены продать своихъ коровъ; запасъ капусты—любимѣйшая пища низшихъ классовъ общества—истощилась; и ничего болѣе не осталось, кромѣ зеленаго клевера и еле-годныхъ плодовъ. Лѣто 1847 года сначала подавало большія надежды, но потомъ пошли обильные дожди, произошло разлитіе рѣкъ, картофель еще болѣе загнилъ, и жатва окончательно не удалась. Тогда-то обнаружилась болѣзнь.

Тогда-то опустошительная эпидемія и ужаснѣйшій голодъ совмѣстно свирѣпствовали среди бѣднаго, невѣжественнаго и оступѣшаго населенія. Въ теченіе одного года въ округѣ Плессъ умерло 10 процентовъ населенія отъ голода и болѣзней, а въ округѣ Рибникъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ заболѣло 14 проц. населенія тифомъ, и изъ нихъ 20 проц. умерло; 33 врача, множество священниковъ, братья милосердія и многіе другіе заболѣли и не мало изъ нихъ заплатились жизнью. Число умершихъ отъ голода и тифа дошло до 20,000.

„Я прежде очень часто наблюдалъ тифъ — говоритъ докторъ Рейхъ, лучшій европейскій врачъ-публицистъ *), но я всегда въ очію могъ убѣдиться, насколько социальная нищета и бѣдственныя условія быта составляютъ преимущественный источникъ этой болѣзни».

Другой, столь же, если еще не болѣе губительный бичъ, истребляющій человѣчество — холера — также глубоко коренится въ социальной нищетѣ. «Въ высшей степени важный моментъ къ заболѣванію холерой — говоритъ профессоръ Дитль — на который обращено еще такъ мало вниманія, есть *бѣдность*. Бѣдность, съ цѣлою ватагою своихъ нераздѣльныхъ спутниковъ, каковы: печаль, забота о кускѣ хлѣба, изнурительная работа, плохая пища, обжорство и пьянство, неопрятность, невѣжество, плохая недостаточная одежда, сырыя, набитыя народомъ жилища, равнодушіе, притупѣлость, фатализмъ, пренебреженіе полезной помощи и страсть къ самымъ превратнымъ и вреднымъ средствамъ, преимущественно предрасполагаетъ къ холерѣ и составляетъ такой разительный поводъ къ заболѣванію ею, что заслуживаетъ особеннаго вниманія всего образованнаго человѣчества».

«Гдѣ менѣе всего соблюдены правила общественной и частной гигиены, гдѣ имѣетъ мѣсто физическая и нравственная гниль, тамъ — плодороднѣйшая почва холеры» (Reich).

Тѣ же самыя условія нищеты и голода служатъ лучшей подготовительной почвой для проявленія цѣлаго ряда страшныхъ болѣзней, истребляющихъ преимущественно дѣтскіе организмы — эту самую живую связь людей. Корь, оспа, скарлатина особенно гнѣздятся тамъ, гдѣ нищета тѣсно связана съ нечистотой, гнилью, развратомъ, вонью и т. д. «Если организмъ — говоритъ далѣе

*) См. его превосходное сочиненіе о причинахъ физическихъ и моральныхъ болѣзней человѣка, стр. 391.

Рейхъ—постоянно нуждается въ пищѣ, то питаніе его, стремленіе къ рожденію и отправление всей нервной системы претерпѣваютъ такое сильное измѣненіе, что естественнымъ слѣдствіемъ этого должны быть болѣзнь, вырожденіе и смерть. Люди, голодающіе, такъ сказать, цѣлые годы, не могутъ достигнуть надлежащаго развитія, мало расположены къ семейнымъ удовольствіямъ и любовнымъ наслажденіямъ, страдаютъ чрезмѣрнымъ возбужденіемъ нервовъ и суть по истинѣ несчастнѣйшія созданія этого міра. Голодъ—страшнѣйшее чудовище, и кто попадаетъ въ когти этого страшилища, страдаетъ больше чѣмъ отъ всякой другой пытки. Неумоляемое чувство голода и возбуждаемое имъ отчаяніе приводятъ человѣка къ самымъ ужаснымъ поступкамъ: къ самоубійству, къ преступленіямъ, къ пороку, къ возстанію противъ властей, къ сумасшествію и вносить въ семью величайшія бѣдствія». «Изгоните голодъ, взываетъ Рейхъ, и вы удалите, по крайней мѣрѣ, половину всего того, что ваши кодексы называютъ преступленіемъ, ваша мораль — порокомъ, ваше сердце — несчастьемъ!» Рука объ руку съ голодомъ, съ недостаточнымъ питаніемъ организма всегда происходитъ уменьшеніе животной теплоты; каждый человѣкъ можетъ на себѣ повѣрить этотъ опытъ: стойте лишь строго попостничать цѣлый день. Но это уменьшеніе животной теплоты располагаетъ организмъ ко всѣмъ возможнымъ простуднымъ болѣзнямъ. Составъ крови также измѣняется и кровь становится бѣдною существенными принадлежностями, что влечетъ за собою цѣлый рядъ *болѣзней вырожденія*, какъ-то: малокровіе, золотуху, скорбутъ, чахотку, бѣдную немочь и всевозможныя нервныя болѣзни. «Люди, которые не ѣдятъ до сыта, становятся мечтателями, фантазерами, страдаютъ видѣніями, галлюцинаціями и, въ большинствѣ случаевъ, падаютъ жертвами эпидемическихъ болѣзней.»

Всѣ политико-экономы безспорно и единодушно согласны въ томъ, что населеніе каждой страны строго соотвѣтствуетъ производительнымъ силамъ самого населенія. Согласно съ этимъ закономъ, бѣдный и угнетенный народъ, лишенный возможности заниматься хлѣбопашествомъ и промышленностью и чуждый свободы, представляетъ также и незначительное число рожденій: населенія, состояща изъ рабовъ, скорѣе уменьшаются, чѣмъ увеличиваются въ числѣ. Положительно извѣстно, что на островѣ Санъ-Доминго въ 1788 году среди черныхъ на три брака приходилось два рожденія, между тѣмъ какъ у бѣлыхъ каждый бракъ среднимъ числомъ производитъ три рожденія. Такимъ образомъ мы видимъ, что плодовитость зна-

чительно убываетъ отъ недостатка въ пищу и продукты нищеты слабы, хилы, жалки и недолговѣчны.

Чтобы убѣдиться, какое вліяніе имѣютъ голодъ и нищета на средній ростъ человѣка, нужно сравнить населеніе различныхъ департаментовъ Франціи. На сѣверѣ этой страны населеніе представляетъ самой большой ростъ, но здѣсь же и сосредоточено наибольшее богатство и довольство; а въ Бретани, гдѣ земледѣліе и промышленность плохо развиты, тамъ и люди несравненно меньшаго роста, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Франціи. Исключительное употребленіе одной и той же пищи, содержащей мало питательныхъ элементовъ, дѣйствуетъ на человѣка также вредно, какъ и недостатокъ пищи. Отсюда легко объясняется, почему прислуга вездѣ и повсюду обвиняется въ лѣности и въ страсти украдкой пользоваться хозяйскими лакомствами. Прислугу вездѣ кормятъ картофелемъ, овощами и вообще пищей бѣдной азотистыми и бѣлковинными веществами, между тѣмъ, какъ, находясь въ постоянномъ движеніи и въ трудѣ, прислуга нуждается въ самой витательной пищѣ. Недостаточная, исключительная и мало-питательная растительная пища индѣйца самымъ выгоднымъ образомъ располагаетъ его къ холерѣ; особенно же индѣйца подготавливаетъ къ холерѣ исключительное употребленіе испорченнаго риса. Такой индусъ не заслуживаетъ названія здороваго человѣка. Этотъ бѣдняга, получая въ пищу одинъ лишь испорченный, никуда негодный рисъ, все равно, что голодаетъ, тѣмъ болѣе, что въ такомъ рисѣ важнѣйшіе питательные элементы, какъ-то бѣлковина, клейковина, и крахмалъ до того измѣняются отъ сырости и жара, что его съ величайшимъ трудомъ можетъ переварить желудокъ и онъ возбуждаетъ наклонность къ рвотѣ, поносамъ. Отсюда кажется ясно отношеніе дурной пищи къ холерѣ. Наконецъ съ пищей тѣсно связано увеличеніе и уменьшеніе народонаселенія и соотвѣтственно количеству и качеству пищи возрастаетъ или убываетъ состояніе общественнаго и частнаго здоровья; ибо хорошо и сытно питающіеся народы крѣпки и здоровы, а въ проголодъ живущіе убоги, жалки, физически и нравственно бездѣтельны, часто нравственно испорчены. Дурное питаніе ведетъ къ страданіямъ пищеваренія и къ болѣзнямъ питанія, влечетъ за собою испорченную кровь и подавляетъ нервную и мышечную дѣятельность. Органпческая теплота, мужество и энергія убываютъ и замѣняются чувствомъ нездоровья, недомоганья и наклонностью къ апатическому спокойствію. И такимъ-то образомъ дурная пища—мать всего злого, печальнаго и убогаго.

Теперь невольно рождается вопросъ, почему же хроническій голодъ и нищета влекутъ за собою такое разнообразіе болѣзней, и почему они въ одномъ случаѣ порождаютъ одну болѣзнь, а въ другомъ случаѣ другую? Чтобы дать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны разсказать здѣсь читателю, что ученіе о настоящихъ причинахъ болѣзней въ послѣднее время приобрѣло нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ, которыя даютъ ему совершенно новый поворотъ, и грозить верхъ дномъ опрокинуть все старое зданіе этого ученія. Искони вѣковъ впрочемъ ученымъ и неученымъ мерещилось, что есть что-то такое, странное, непонятное, незримое, но вредное, которое, попадая въ нашъ организмъ, въ нашу кровь, причиняетъ большой вредъ. Эту вредную матерію, неуловимую, таинственную древніе называли *miasмой*—«нечистотой». Но видѣть никто не видѣлъ міазмъ, и что онъ такое—никто не зналъ.

По нашему мнѣнію, всѣ болѣзни, поражающія человѣка, могутъ быть раздѣлены на три разряда: 1) на болѣзни, происходящія вслѣдствіе отравленія организма посторонними ядами; 2) на болѣзни вырожденія и 3) на болѣзни отъ недостатка приспособленія организма къ внѣшнимъ окружающимъ условіямъ среды. Ядами или отравками мы называемъ не только мышьякъ, сулему или синильную кислоту, но и алкоголь, табакъ и вообще все, что чуждо организму, и дѣйствуетъ на него смертельно. Къ числу такихъ ядовъ мы относимъ и такъ называемыя міазмы, паразиты, грибки, которыя, попадая въ нашу кровь, дѣйствуютъ на нее какъ сущій ядъ. Уже и прежде неоднократно были замѣчены случаи отравленія низшими породами грибовъ. Emile Boudier, въ сочиненіи, удостоенномъ преміи французской Академіей ¹⁾, собралъ много такихъ случаевъ, изъ которыхъ мы здѣсь передадимъ нѣкоторые. Два бочара, вычищавшіе бочку, покрытую внутри плѣсенью, захворали головной болью, рвотой и головокруженіемъ и припадки эти исчезли у нихъ послѣ провонюканья и легкаго лимонада. Далѣе онъ сообщаетъ лучай, какъ заболѣли рабочіе, занятые срѣзываніемъ камыша, на которомъ по изслѣдованіи оказался чужеродный грибокъ, родственннй спорыньѣ. Если пыль такого грибка попадаетъ на какую нибудь часть тѣла или вдыхается, то онъ

¹⁾ Die Pilze von Emile Boudier, aus dem Französischen überheben von Dr. Huzemann 1867. Berlin st. 5. 173 и слѣд.

причиняетъ сильную головную боль, опухоль лица, сопровождаемую образованіемъ пузырьковъ. Проглоченная такая пыль вызываетъ всѣ явленія остраго воспаления желудка. Perrochel наблюдалъ ребенка, которой поѣлъ смородины, покрытой пылью грибка, отчего у ребенка сдѣлалась сильнѣйшая колика, ознобъ, головная боль, тоска и конвульси, за которыми послѣдовалъ упадокъ силъ. Еще интереснѣе слѣдующій случай, изслѣдованный самимъ Boudier въ юль 1860 г. въ одномъ крестьянскомъ семействѣ. Мать и двое дѣтей одновременно страдали сильными болями въ желудкѣ и въ кишкахъ; при этомъ у нихъ приключилась рвота, спазмы, обильныя отдѣленія, конечности похолодѣли; словомъ, обнаружались всѣ признаки холеры, и все это послѣ того, какъ они поѣли вишень, имѣвшихъ болѣзнь, извѣстную подъ именемъ *vert-de-gris*. Болѣзнь эта заключается въ томъ, что въ дождливые годы плоды набухаютъ, трескаются, и въ трещины отлагается зеленоватая плѣсень. Здѣсь именно интересно и важно то, что тѣже лица постоянно подвергались тѣмъ же припадкамъ и каждый разъ послѣ употребленія тѣхъ же плодовъ. Такія же наблюденія сдѣланы и по поводу виноградной болѣзни, причиненной грибомъ, котораго нельзя было не окрестить названіемъ, взятымъ изъ классическаго языка (*Oidium Tuckeri*). Сюда же относятся многочисленные случаи отравленія испорченной заплеснѣвелою пищей. Колбасный ядъ прежніе авторы принимали за сердцу, а въ новѣйшее время Норре-Сейелъ доказалъ что это вибрионы; V. Hessling утверждаетъ, что кишечныя страданія искусственно вскармленныхъ дѣтей зависятъ отъ грибовъ, развивающихся въ молокѣ, рожкѣ и соскѣ. Достоинно упоминанія въ этомъ отношеніи сообщенное E Straks'омъ отравленіе 70 человѣкъ совершенно свѣжимъ пивомъ, въ которое пивоваръ лишь наканунѣ влилъ дрожжей; пиво это вызвало сильнѣйшую лихорадку, поносъ, рвоту, обильную испарину, безпамятство и т. д. (Husemani). Всѣ эти наблюденія заставляли догадываться, что скоро скоро будетъ открыто то загадочное нѣчто, которое не давало покоя ученымъ. Тогда-то обнаружилъ докторъ Салисбери изъ Огіо свои изслѣдованія, открывшія собою новую эпоху въ исторіи человѣческихъ траданій. Первое по времени замѣчательное открытіе доктора Салисбери состоитъ въ томъ, что онъ изслѣдовалъ миазму болотныхъ лихорадокъ посредствомъ микроскопа и нашелъ, что это ни больше и ни меньше, какъ водоросли. Онъ называетъ ихъ спорами пальмелы. Ему удалось на опытѣ убѣдиться, что эти водоросли или споры ихъ производятъ лихорадку у совершенно здоровыхъ

людей и при томъ въ странахъ совершенно свободныхъ отъ болотныхъ лихорадокъ. Онъ взялъ изъ болота вѣсколько кусковъ дерна, изобиловавшего этими растительными паразитами и расположилъ ихъ на окнахъ и на балконѣ верхняго этажа одного дома, всѣ жилицы котораго вслѣдъ за этимъ захворали лихорадкою. Потомъ онъ изслѣдовалъ микроскопомъ мокроту, отхаркиваемую этими людьми, и нашелъ въ ней тѣже водоросли. Далѣе Салисбери доказалъ, что по захожденіи солнца споры эти поднимаются надъ поверхностью земли, преимущественно ночью, вмѣстѣ съ холодными и сырими испареніями почвы; послѣ же восхода, солнца эти споры опадаютъ на землю, исчезаютъ изъ воздуха, и такимъ образомъ при солнечномъ сіяніи устраняется главная, настоящая и единственная причина перемежающихся лихорадокъ. Отсюда теперь ясно, какъ божій день, что лихорадку причиняетъ чужеродный растительный паразитъ, который, попадая въ нашу кровь, отравляетъ ее и производитъ въ организмѣ особенный патологическій процессъ, называемый лихорадкой.

Тотъ же докторъ Салисбери изъ Огіо сдѣлалъ потомъ другое, неменѣе важное наблюденіе. Онъ нашелъ, что солдаты, спавшіе на затхлой соломѣ, заболѣли корью и притомъ въ такое время, когда объ этой болѣзни въ другихъ мѣстахъ не было и помину. Салисбери заподозрилъ, что причина этой болѣзни—чужеродный паразитъ или грибокъ, развившійся на гнилой соломѣ. Онъ изслѣдовалъ микроскопомъ солому, нашелъ въ ней чужеродные грибки, срисовалъ ихъ, потомъ привилъ ихъ 13 особамъ и по истеченіи двухъ дней у нихъ обнаружилась корь. Точь въ точь такое наблюденіе посчастливилось сдѣлать и доктору Кеннеди. Въ послѣднее время этотъ неутомимый изслѣдователь, докторъ Салисбери, сплится доказать, что и ревматизмъ причиняетъ растительный паразитъ или грибокъ, котораго споры и нити онъ срисовалъ, и котораго, попадая въ нашу кровь, отравляютъ ее особымъ образомъ. Наконецъ докторъ Салисбери еще доказываетъ, что на кошкахъ и собакахъ проявляются особыя паразиты, которые будучи перенесены на человѣка причиняютъ особенныя кожные болѣзни; онъ даетъ имъ особенныя спеціальныя названія, для непосвященнаго въ латынскую мудрость не интересныя, и даже прискалъ уже средства къ умерщвленію этого паразита и слѣдовательно къ излеченію этихъ кожныхъ страданій.

Другое, можетъ быть еще болѣе важное, наблюденіе сдѣлано относительно холеры. Уже прежде неоднократно было замѣчено, что

неурожай риса всегда предшествовалъ или совпадалъ съ проявленіемъ холеры. Robert Fytler, бывшій въ Остъ-Индіи въ 1817 г. во время страшной эпидеміи холеры, приписывалъ возникновеніе болѣзни употребленію гнилого и испорченнаго рису. Онъ такимъ образомъ предчувствовалъ, въ чемъ состоитъ настоящая причина этого страшнаго бича человѣчества. Уже Kiehl доказывалъ, что какъ у насъ рожь, испорченная чужероднымъ грибомъ (спорыньей), причиняетъ злую корчу, такъ и рисъ, испорченный особаго рода паразитомъ, способенъ причинить холеру. Потомъ Юлій Клобъ занимался изслѣдованіемъ этого вопроса, и наконецъ Эрнстъ Галлье, своими положительными изысканіями и многочисленными опытами, сдѣлалъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что настоящая причина холеры—растительный паразитъ, отравляющій нашу кровь. Докторъ Рейхъ говоритъ, что онъ ни на одно мгновеніе не сомнѣвается въ дѣйствительности этого факта. ¹⁾

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ближайшую причину тифозныхъ болѣзней также составляетъ растительный паразитъ. И хотя его до сихъ поръ не оцупали руками, не осязали глазами, микроскопомъ, но всѣ явленія тифозныхъ болѣзней громко говорятъ въ пользу этого не *предположенія*, а предчувствуемаго факта. Эти факты даютъ полнѣйшую возможность объяснить происхожденіе, появленіе и распространеніе всѣхъ этихъ эпидемическихъ ужасовъ, истребляющихъ человѣчество. Множество другихъ наблюденій подтверждаютъ это ученіе такими очевидными данными, что самый безпошадный скептицизмъ не можетъ устоять противъ нихъ. Изысканія этого рода начались, такъ сказать, со вчерашняго дня и имѣютъ уже своихъ адептовъ во всѣхъ концахъ ученаго міра. Такъ, профессоръ Боткинъ того мнѣнія, что такъ называемая возвратная горячка, столь немилосердно истреблявшая петербургскій пролетаріатъ и бѣдное его населеніе, происходитъ отъ употребленія въ пищу гнилого картофеля. И это въ высшей степени вѣроятно. Нѣтъ сомнѣнія, что на самомъ картофелѣ развивается особаго рода растительный паразитъ, порождающій болѣзнь картофеля. И если такой картофель входитъ въ составъ пищи человѣка, то очень вѣроятно, что онъ самъ, или болѣзненный паразитъ его, причиняетъ возвратную горячку. Сюда также слѣдуетъ отнести новѣйшую работу доктора Бянца, въ которой онъ силится доказать, какъ разныя лекарства, въ томъ числѣ и хининъ, отрав-

¹⁾ Reich. Ueber die Entartung des Menschen. S. 163.

ляютъ и умерщвляютъ паразитовъ нашего организма и тѣмъ излечиваютъ болѣзнь. Этимъ вѣроятно разъяснится и дѣйствіе лекарствъ противъ разныхъ болѣзней; такъ что медицина должна быть совершенно переродиться и сдѣлаться новою...

Такое направленіе общаетъ блестящую будущность нашей социальной наукѣ и служить самымъ отраднымъ явленіемъ, особенно если вспомнить, что недалеко то время, когда, при появленіи эпидемій, раздраженный народъ, подстрекаемый фанатиками, искалъ отравителей колодезь и находилъ ихъ то въ евреяхъ, то въ колдуньяхъ, то въ другихъ безвинныхъ личностяхъ. Впрочемъ и наше время также довольно богато такими классическими невѣждами, которые въ каждомъ несчастіи готовы обвинить Богъ въѣсть кого.

Если теперь читатель спроситъ, почему же заболѣваютъ тифомъ, холерой et caetera люди хорошо питающіеся, люди богатые; почему проявляется тифъ въ арміяхъ, въ тюрьмахъ, острогахъ, на корабляхъ; отчего такое множество и разнообразіе тифовъ, и голодный тифъ, и военный тифъ и тюремный и т. д., то мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ, что голодъ лишь подготавливаетъ людей къ воспріятію яда, а нищета, тѣсное помѣщеніе, спертый воздухъ суть условія, при которыхъ происходитъ всякаго рода гніеніе, и среди этой гнили зарождаются разные грибки, паразиты, которые не щадятъ уже никого, не разборчивы на чины и одинаково поражаютъ всякаго, въ кого только попадутъ. Когда армія, сосредоточиваясь въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, располагается въ тѣсныхъ жилищахъ, лишенная привычныхъ передвиженій и не снабженная всѣмъ нужнымъ для существованія, тогда заводится въ ея средѣ гниль и нечистота, тогда зарождается въ ней ядъ, поглощаемый легкими и отравляющій кровь. Отсюда военный тифъ. Но разъ образовавшись, тифъ уже не падаетъ никого. Имъ поражаются не только солдаты, но и офицеры, полковники и даже генералы. Имъ поражаются и начальники штабовъ, которымъ особенно подобаетъ смотрѣть за здоровьемъ солдатъ. Мы приведемъ поразительное доказательство, насколько благотворна чистота и опрятность въ арміяхъ. «Если сравнить Крымскую войну, говоритъ профессоръ Вирховъ, съ великою Сѣверо-американскою войною, то мы увидимъ рѣзкую разницу. Въ то время, какъ въ Крымскую войну армія тысячами гибла отъ тифа, голода и другихъ болѣзней, армія Сѣверо-американскихъ штатовъ почти ничего этого не знала. Но за то съ тѣхъ поръ, какъ родъ человѣческій существуетъ, еще никогда ни одна нація такъ не позаботилась о благосостояніи арміи и снаб-

женіи ея всѣмъ нужнымъ для лучшаго ея здоровья и всяческаго благосостоянія, какъ великая Сѣверо-американская нація. Вотъ почему ея армія не знала голода, не знала нищеты, не видѣла скудости, не ощущала гниль, не гибла отъ тифа.» Тоже самое можно сказать и относительно тюремъ, остроговъ, жалкихъ убогихъ лагучужекъ, гдѣ копошится мизерный людъ въ нищетѣ, гнѣлости, неопытности, и становится очагомъ зараженія всякихъ миазмъ, паразитовъ, чужеядныхъ грибовъ et tutti quanti. Вътеръ, воздухъ переноситъ все это и заноситъ и въ большіе хоромы, или миазмы передаются и сообщаются чрезъ соприкосновеніе. А такъ какъ богатые и высшіе классы общества не могутъ себя изолировать настолько, чтобъ не дышать одною и тою же атмосферою съ остальными смертными, или чтобы вовсе не приходило въ столкновеніе съ этимъ людомъ, то волей-неволей происходитъ зараженіе и гибель людей болѣе состоятельныхъ, болѣе привилегированныхъ. Недостаточно поэтому заботиться лишь о своей собственной утробѣ; въ прямомъ интересѣ людей состоятельныхъ, богатыхъ, въ жизненномъ интересѣ ихъ, касающемся лучшаго дара— жизни и здоровья—особенно заботиться и о благосостояніи такъ называемыхъ меньшихъ братій. *«Лишь-бы мнѣ было хорошо, а тамъ хоть трава не рости»* не только безнравственный принципъ, но и вредный принципъ, и вредный именно для тѣхъ, которые его проповѣдуютъ. Противоположный же ему принципъ, выработанный современною наукою, заключается въ томъ, что *«мнѣ можетъ быть хорошо лишь тамъ, гдѣ всѣмъ хорошо»*. И этотъ принципъ могущественнѣйшимъ доказательствомъ за себя имѣетъ эпидеміи, какъ нарушеніе гигиеническихъ соціальныхъ условій быта.

Какими же средствамъ, какими путями устранить это «царящее зло», такъ безцеремонно истребляющее поколѣніе за поколѣніемъ? «Чтобы воспрепятствовать возникновенію холеры въ Остъ-Индіи, говорить докторъ Reich ¹⁾, необходимо улучшить обработку риса, или лучше, замѣнить рисъ воздѣлываніемъ другихъ питательныхъ растений, которыя, въ случаѣ испорченности риса, могли бы служить питательнымъ матеріаломъ; необходимо возвысить и поднять политико-экономическое и моральное положеніе индуса уничтоженіемъ ихъ поповщины, воспитаніемъ, образованіемъ, оживленіемъ торговли, обмѣна, разработкой гигиеническихъ условій и признаніемъ человѣческихъ правъ за индѣйцами всѣхъ слоевъ общества.

¹⁾ Reich. Ueber die Entartung. S. 166.

Этимъ мѣрами удастся достигнуть уничтоженія касть, этого тормазы физическаго и нравственнаго преуспѣванія индѣйцевъ на пути прогресса! Этимъ сдѣлаются невозможными голодъ и нищета, и народъ въ состояннн будетъ отбросить испорченный ристъ, и тѣмъ устранить причину заболѣваннй. Отсюда вопросъ непосредственнаго истребленнй холернаго гриба въ Остѣ - Индн — вопросъ чисто-экономическнй; вопросъ же посредственнаго воспрепятствованнй возникновенню холеры — вопросъ политическнй, моральный и гигиеническнй. Впрочемъ, тѣже средства пригодны противъ всѣхъ эпидемнй: благосостоянне, образованне, попеченне о здоровнн—враждебны и не допускаютъ эпидемнй. А посмотрите, что дѣлаетъ англнйское правительство съ индѣйцами: оно не хочетъ, чтобы туземцы владѣли такими средствами, и потому индусъ долженъ обднѣть, обнищать и такъ или иначе пасть жертвой холеры. Тамъ, гдѣ тормозятъ правильное развитне богатства, тамъ народы выпраютъ и становятся добычей эпидемнй. А потому основа успѣшнаго противодѣйствнй эпидемнямъ—*богатство*, а потому богатѣнннн нацнн суть и самыя образованныя и самыя здоровныя нацнн, и на оборотъ. Если Лондонъ самый здоровный городъ въ мнрѣ, то онъ этимъ обязанъ лишь богатству своихъ жителей.

Что касается до тифозныхъ эпидемнй, то докторъ Reich говоритъ, что тифозныя болѣзни будутъ невозможны тогда, когда люди станутъ рачительно заботиться о нищѣ, одеждѣ, чистотѣ жилища, занятняхъ и морали, когда люди введутъ обширнѣнншую и тщательную дезинфекцню всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходитъ разложенне органическихъ веществъ, когда люди не допустятъ переполненнй тѣсныхъ помѣщеннй большнми массами людей. Искореннть эпидемическнй тифъ возможно будетъ лишь тогда, когда сдѣлаются невозможными война, голодъ, нищета, нечистота, зачумленне, деспотизмъ, суевѣрне, когда позаботятся о развитнн разума, когда будетъ остановлено неистовство днкнхъ страстей; словомъ, когда направленне людей будетъ заключаться въ томъ, чтобы быть свободными, самостоятельными, образованными, когда люди будутъ стремиться къ облагороженню и къ сохраненню своего здоровья. Въ военное время усиливаются условня развитнй тифа въ высшей степени. Какъ не хитри, но тифъ всегда будетъ бичомъ армнй и войскъ, а потому еслибъ люди серьезно вздумали искореннть тифъ, то необходимо было бы прежде всего отказаться отъ удовольствнй войны. Но развѣ мыслнмъ челоувѣкъ, это днкое животное, безъ войны! (Reich, стр. 172.)

«Логическій отвѣтъ, говоритъ профессоръ Вирховъ, на вопросъ, какимъ образомъ въ будущемъ предупредить появленіе эпидемій, очень легокъ и простъ: это — ввести *просвѣщеніе съ его чадями, свободой и благосостояніемъ*.

Итакъ, резюмируя вкратцѣ все нами вышесказанное, мы приходимъ къ тому положительному убѣжденію, основанному и проверенному данными науки, что голодъ и нищета суть два могущественные элемента соціального быта, причиняющіе человѣку сильнѣйшія страданія и ведущія къ вырожденію и къ вымиранію самыхъ нужныхъ слоевъ, самыхъ необходимыхъ основъ человѣческаго общества. Мы въ тоже время доказали, что эгонстическая заботливость о своемъ собственномъ благѣ не ведетъ къ цѣли, а что необходима коллективная заботливость о всеобщемъ благосостояніи всѣхъ слоевъ, объ удовлетвореніи нуждъ большинства. Мы также хотѣли здѣсь указать, что культура, въ обширнѣйшемъ значеніи слова, ведетъ къ усовершенствованію породы какъ животныхъ, такъ и человѣка, что недостаточность культуры ведетъ къ вырожденію цѣлыхъ поколѣній, и что только силою культуры возможно устранить человѣческіе бичи — эпидеміи, заразы, міазмы, паразиты. Да вспомните, читатель, что цивилизація и культура задавли чуму на собственной родинѣ ея — въ Египтѣ. Мы такимъ образомъ приходимъ къ весьма поучительному оправданію замѣчательнаго принципа Герберта Спенсера, «что всякое измѣненіе сопровождается болѣе, нежели однимъ измѣненіемъ». Перефразируя этотъ принципъ, мы закончимъ нашу статью заключеніемъ, что всякое благотворное измѣненіе культуры сопровождается болѣе нежели однимъ улучшеніемъ соціального быта человѣка.

Практикуя нѣсколько лѣтъ среди русскаго народа въ крѣпостное еще время, посѣщая его смрадныя избы, въ которыхъ, по выраженію г. Шелгунова, атмосфера такого рода, что въ ней свободно можно топоръ повѣсить, намъ приходится на мысль желаніе поэта:

Хоть дѣтей бы рокъ нашъ трудный
 Мпноваль, не повторясь,
 Чтобъ у нихъ былъ плодотворень
 Вешній дождь и лѣтвій зной,
 Нивы колось многозерень,
 Днемъ веселимъ трудъ проворень,
 Мирень сонъ въ тиши ночной.

В. Португаловъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Подъ эту рубрикою мы будемъ помѣщать критико-библиографическіе обзоры наиболѣ замѣчательныхъ иностранныхъ сочиненій, преимущественно по исторіи политической экономіи, политики и статистики, и наиболѣ интересныхъ журнальныхъ статей, появляющихся въ заграничныхъ изданіяхъ. Обзоры эти будутъ имѣть нѣсколько другой характеръ, чѣмъ обзоры нововыходящихъ русскихъ и переводныхъ книгъ. Крайняя бѣдность нашего книжнаго рынка, крайняя бесплодность и непроизводительность нашей интеллигенціи, съ одной стороны, даютъ намъ возможность и налагаютъ на насъ обязанность слѣдить почти за всѣми, сколько нибудь замѣчательными русскими книгами, появляющимися въ продажѣ; съ другой лишаютъ наши ежемѣсячныя библиографическія хроники того единства, которое могло бы сдѣлать изъ нихъ цѣльныя законченныя статьи. Часто намъ приходится соединять подъ одну рубрику, говорить въ одной и той же хроникѣ о книгахъ съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, о книгахъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго. Вслѣдствіе этого намъ приходится, не исчерпавъ достаточно одного предмета, перескакивать къ другому, отъ другого къ третьему и т. д. Читатель знакомится съ книгою, но не съ предметомъ, о которомъ она трактуетъ. Конечно и такое знакомство имѣетъ свою долю пользы и важности, но,—сознаемся откровенно,—по нашему мнѣнію, для русскихъ читателей гораздо полезнѣе и необходимѣе зна-

комство второго рода, то есть знакомство съ предметомъ, а не съ книгою,—свѣденія, имѣющія характеръ научный для нихъ болѣе настоятельны, чѣмъ свѣденія чисто-библиографическія. Поэтому въ хроникахъ иностранныхъ книгъ, мы будемъ стараться устранить недостатокъ неизбѣжный въ хроникахъ русскихъ книгъ; мы будемъ стараться, чтобы каждый нашъ обзоръ имѣлъ характеръ болѣе или менѣе полной законченной статьи, которая не только давала бы читателю нѣкоторыя библиографическія свѣденія, но и выясняла бы ему, по возможности, обстоятельно тотъ или другой историческій или общественный вопросъ, или знакомила его съ тѣмъ или другимъ изъ современныхъ намъ общественныхъ или литературныхъ дѣятелей. Поэтому мы будемъ обращать вниманіе не столько на количество заглавій, сколько на содержаніе книгъ; иногда намъ придется въ одной статьѣ говорить очень о многихъ книгахъ, иногда—всего объ одной. Но, во всякомъ случаѣ, мы надѣемся, что къ концу года читатель будетъ знать о всѣхъ сколько нибудь замѣчательныхъ книгахъ по общественнымъ наукамъ, вышедшимъ въ теченіи года за границу. Одно или два обзорнія мы посвятимъ заграничнымъ журналамъ и познакомимъ читателей съ помѣщенными въ нихъ наиболѣе интересными статьями. Разумѣется, обзорніе беллетристическихъ произведеній не будетъ имѣть мѣста въ нашихъ хроникахъ. Въ настоящее время, у насъ уже имѣется рядъ статей о современныхъ французскихъ публицистахъ (о Жирарденѣ, Пельтанѣ и Рошфорѣ) и готовится статья о „Новѣйшей исторической литературѣ во Франціи“, по поводу нѣсколькихъ, только-что вышедшихъ историческихъ монографій, относящихся къ 1793—95 годамъ, къ 1848 г. и къ исторіи второй имперіи. Затѣмъ будетъ посвящена отдѣльная статья экономическимъ и статистическимъ книгамъ, вышедшимъ за послѣднее время во Франціи, Англіи и Германіи и т. д.

БАРДЫ ФРАНЦУЗСКОЙ БУРЖУАЗІИ.

I.

(Эмилъ Жиарденъ и его философія).

Questions Philosophiques.—La politique universelle.—La Liberté dans le Mariage.—Le droit.—La Liberté.—Paris; Michel-Levy frères; 1868.

Объ Эмилъ Жиарденъ русскіе читатели знаютъ только по газетамъ, иначе говоря, они знаютъ его только какъ политическаго дѣятеля. Они знаютъ, что онъ либераль, не очень, впрочемъ, крайній; что одно время онъ находился въ довольно интимныхъ отношеніяхъ съ властвующею династіею, но что теперь онъ разошелся съ нею, и пишетъ очень ѣдкия и остроумныя статьи противъ Наполеона III и его политики; что онъ любитъ говорить парадоксы, и что онъ сотрудничаетъ въ „Liberté“. Вотъ все, что знаетъ о Жиарденъ большинство публики, читающей газеты, и притомъ такія газеты, какъ „Академическія Вѣдомости“, „Московскія“, „Голосъ“ и т. п. Публика же нечитающая совсѣмъ газетъ, или читающая одни только „Биржевыя Вѣдомости“, „Сынъ Отечества“ и т. п., не знаетъ даже и того. А между тѣмъ Эмилъ Жиарденъ принадлежитъ къ числу самыхъ плодovitыхъ, остроумныхъ и смѣлыхъ публицистовъ нашего времени. Онъ пишетъ болѣе тридцати лѣтъ; онъ отзывается почти на всѣ серьезные вопросы, волнующіе умы современниковъ, онъ относится къ нимъ, или, по крайней мѣрѣ, старается относиться, по возможности, оригинально, своеобразно; его анализъ, если и не всегда глубоокъ, то всегда смѣлъ и рѣшителенъ; онъ врагъ рутинныхъ, на вѣру принятыхъ понятій, безъ критики усвоенныхъ воззрѣній, общихъ мѣстъ и заоблачнаго идеализма. У него нѣтъ и не можетъ быть школы, онъ самъ не принадлежитъ ни къ какой партіи, у него нѣтъ опредѣленной, законченной системы, у него нѣтъ опредѣленнаго политическаго міровоззрѣнія. Потому онъ никогда не былъ и не можетъ быть ни философомъ систематикомъ, ни политическимъ дѣятелемъ. Какъ политическій дѣятель, Жиарденъ никуда не годится. Политическій дѣятель долженъ быть непременно *человѣкомъ партіи*, онъ долженъ твердо держаться опредѣленнаго знамени, не перебѣгая отъ одного правительства къ другому. Человѣкъ, который сегодня по-

ражаетъ ораторовъ оппозиціи, а вчера вмѣстѣ съ ними возставалъ противъ министерства, который сегодня защищаетъ либераловъ, а завтра братается съ консерваторами, а тамъ съ радикалами, а потомъ опять съ либералами, — такой человекъ, хотя бы даже его ренегатство было совершенно искренне, хотя бы оно вызывалось неуклонною, упрямою послѣдовательностью одной какой нибудь идеи, не долженъ выступать на арену политической дѣятельности, потому что онъ всегда будетъ только тормазомъ, мѣшающимъ свободному движенію партій. Никто не будетъ ему вѣрить, никто не будетъ въ состояніи на него положиться, — вчерашніе друзья будутъ проклинать его, а сегодняшніе — смотрѣть на него съ обидною подозрительностью! Люди этого рода измѣняютъ не изъ подлости: нѣтъ, у нихъ засядетъ въ голову одинъ два отвлеченныхъ принципа и они знать не хотятъ никакихъ политическихъ соображеній той или другой партіи. *Pererat mundus, fiat justitia* — вотъ ихъ всегдашній девизъ, и, разумѣется, такимъ неподатливымъ или лучше неповоротливымъ умомъ нечего дѣлать на аренѣ политической борьбы. Ихъ мѣсто въ кабинетѣ, на кафедрѣ, а не въ шумномъ собраніи, не на трибунѣ. Пусть они занимаютъ своими отвлеченными принципами, пусть они самоуслаждаются своими теоретическими комбинаціями и тѣшатъ себя своею заскоруюлою послѣдовательностью, но пусть они не мѣшаются въ политику; для нихъ непонятна тактика партій; ея послѣдовательность, болѣе разумная, чѣмъ ихъ, всегда будетъ казаться имъ самою грубою непослѣдовательностью, и они, противъ воли и желанія, всегда самымъ безукоризненнымъ образомъ будутъ разыгрывать только роль Иуды. Къ такому-то сорту людей принадлежить и Эмиль Жиранденъ. Онъ не сдѣлалъ и никогда не сдѣлаетъ политической карьеры, потому что онъ, по самому свойству своего ума, не можетъ принадлежать ни къ какой политической партіи; ему кажется, будто онъ стоитъ выше ихъ всѣхъ и будто тѣ политическіе вопросы, изъ-за которыхъ они борются, и которые ихъ раздѣляютъ на враждебные лагери — не заслуживаютъ никакого серьезнаго вниманія. „Я, говорить онъ, въ одномъ изъ писемъ къ редактору *Gazette de France* (Jourdoneux) не обвиняю и не защищаю ни одного правительства. Еслибы я вздумалъ обвинять или защищать одно изъ нихъ, мнѣ пришлось бы защищать или нападать на всѣ.“ (*Liberté*, p. 740). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „По моему мнѣнію свобода — это сущность; то или другое правительство только форма; для меня же сущность важнѣе

формы“; потому, еслибы напимѣрь, Жирандену показалось, что наполеонисты дѣлають болѣе поблажки индивидуальной свободѣ, нежели, напимѣрь, ну хоть бы, какіе нибудь „демагоги“ или якобинцы, онъ бы сейчасъ же перешелъ на сторону наполеонидовъ и сталъ бы метать громы своего краснорѣчія противъ „демагоговъ“ и „якобинцевъ“. Ему дѣла нѣтъ, что правительственныя формы, взятая сами по себѣ, безъ отношенія къ той или другой личности, по самой сущности своей далеко не безразличны, что одни изъ нихъ неизбѣжно предполагають развитіе и расширеніе гражданской свободы, хотя бы временно они и влекли за собою послѣдствія не совсѣмъ благоприятныя для этой свободы; что, напротивъ, другія, какую бы поблажку ни давали свободѣ, а въ принципѣ мыслимы только при ея полномъ отсутствіи; что, потому, послѣдовательность требуетъ неуклонной, постоянной защиты первыхъ, неуклоннаго, постояннаго нападенія на вторые. Но Жиранденъ устраняетъ въ принципѣ политическій вопросъ на задній планъ, и вслѣдствіе этого, на практикѣ считаетъ себя въ правѣ переходить съ спокойною совѣстью, со скамьи оппозиціи, на скамью сторонниковъ министерства, съ лѣва, на право, и съ права на лѣво. „Я не роялистъ“, говоритъ о себѣ Жиранденъ, „я и не республиканецъ, я мыслитель (je ne suis point royaliste, pas plus que je ne suis republicain; je suis logicien),“—этими словами онъ вполне охарактеризовалъ себя. Какого же сорта этотъ мыслитель? Отголоскомъ какого именно общественнаго элемента онъ является? Какіе интересы воплощаетъ его философія? Къ какимъ идеаламъ онъ стремится?

Извѣстно (это извѣстно русской публикѣ даже по русскимъ газетамъ), что сочиненія Жирандена читаются на расхватъ, что имя его пользуется во Франціи огромною популярностью. Было бы слишкомъ легкомысленно относить этотъ успѣхъ и эту популярность французскаго публициста исключительно на счетъ изящества его стиля, ѣдкости его остроумія и другихъ чисто внѣшнихъ достоинствъ его произведеній. Нѣтъ, ихъ популярность имѣетъ другую, болѣе основательную и болѣе законную причину. Въ нихъ, какъ въ самомъ чистомъ и безукоризненномъ зеркалѣ, отразился весь духъ, все направленіе, вся философія, всѣ стремленія и идеалы современной буржуазіи. Жиранденъ — это истинный поэтъ и философъ буржуазіи, — и притомъ такой поэтъ и такой философъ, который долженъ быть ей въ особенности приятенъ, потому что въ его поэзіи и философіи мелкія, эгоистическія распри ловко

скрыты самымъ тщательнымъ образомъ подъ непроницаемую броню благородныхъ фразъ и возвышенныхъ чувствованій. Когда лавку прославляетъ лавочникъ, когда кредитъ воспѣваетъ ростовщикъ, когда торговецъ провозглашаетъ принципъ свободной торговли и т. п., тогда, хотя лавка, кредитъ и свободная торговля находятъ себѣ краснорѣчивыхъ и полезныхъ защитниковъ, но защита ихъ не производитъ ни на кого особенно сильнаго впечатлѣнія, потому что всякій знаетъ, что ими руководить личный экономическій интересъ. Даже сами лавочники, купцы и ростовщики посмѣиваются надъ такой защитой, изподтишка, смекая, въ чемъ тутъ дѣло. Но когда защита является со стороны, когда она преисполнена неподдѣльнымъ либерализмомъ и благородствомъ, когда самой ближайшею, непосредственною ея причиною является не грубый расчетъ, а совершенно безкорыстный интересъ къ истинѣ, тогда эффектъ выходитъ совсѣмъ другой. Лавочники, ростовщики и купцы поднимаютъ гордо головы и самодовольно восклицаютъ: „и онъ за насъ!“ Публика тоже проникается къ нимъ пѣкоторымъ уваженіемъ и почтительно расшаркивается. Они, въ самомъ дѣлѣ, становятся героями дня. Такимъ именно защитникомъ и воплощеніемъ интересовъ буржуазіи и является Жпрарденъ. Какъ же его не вѣнчать! Какъ же его не читать!

Передъ нами лежитъ толстый томъ его сочиненій: «Questions philosophiques, вышедшій въ прошломъ году. Въ немъ собрано четыре весьма объемистыхъ творенія французскаго публициста, въ которыхъ онъ высказывается вполне и какъ теоретическій мыслитель, и какъ практическій прожекторъ. Въ «Le Droit» и «La Liberté» излагаются его теоретическія воззрѣнія на основные вопросы его рациональной философіи, выставляются ея коренные принципы; въ «Politique universelle» авторъ старается придать этимъ принципамъ практическую форму, показать ихъ практическія послѣдствія, воплотить ихъ въ извѣстные законы и учреждения. Въ «La Liberté dans le mariage» дѣлаются практическіе выводы изъ общихъ началъ, въ примѣненіи къ семейнымъ отношеніямъ, отношеніямъ мужа и жены. Такимъ образомъ, ознакомившись съ этими сочиненіями, мы будемъ имѣть возможность составить довольно полное понятіе о его теоретическихъ воззрѣніяхъ и о практическихъ реформахъ, предполагаемыхъ имъ для осуществленія этихъ воззрѣній, т. е. мы получимъ понятіе не только о буржуазной философіи, но и о тѣхъ практическихъ послѣдствіяхъ, къ которымъ

она приводить. Разумѣется, мы начнемъ съ принциповъ, съ теоріи, а потомъ уже перейдемъ къ практикѣ.

Современная промышленность, — какъ это всѣмъ извѣстно и какъ это много разъ уже повторялось, — опирается на начала совершенно противоположныя средневѣковому, феодальному режиму. Какъ тамъ рабство, прикрѣпленность, безусловное господство авторитета были условіями *sine qua non* существованія тогдашней хозяйственной системы, такъ здѣсь полная свобода, свобода передвиженія, свобода торговли, свобода роста, свобода конкуренціи, свобода собственности отъ всякихъ феодальныхъ привилегій, — однимъ словомъ, полная свобода человѣческой личности, и, какъ слѣдствіе этой свободы, отрицаніе авторитета, господство индивидуализма, безграничнаго, безусловнаго, ничего нежелающаго ни знать, ни слышать о чужихъ правахъ, — такъ здѣсь, говоримъ мы, свобода и индивидуализмъ служатъ краеугольнымъ камнемъ всей хозяйственной системы. Когда хозяйственная система имѣла своею исходною точкою недвижимую земельную собственность, тогда въ ней не могло возникнуть никакой потребности въ необходимости свободы человѣческой личности. Напротивъ, для феодала было выгодно, чтобы земледѣлецъ былъ прикрѣпленъ къ его землѣ и не смѣлъ сдвинуться съ нея ни на одинъ шагъ. У него не было свободнаго капитала для того, чтобы покупать живую силу тамъ, гдѣ ея было много, и отдавать ее на жертву голодной смерти — тамъ, гдѣ ея было мало. Да притомъ же, ограниченность сбыта, замкнутость домашняго хозяйства дѣлали совершенно излишними всякія усовершенствованія, всякія чрезмѣрныя затраты, и не позволяли увеличивать издержки производства свыше крайняго *minimum*'а. При такихъ условіяхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, трудъ вольнонаемнаго работника былъ бы крайне невыгоденъ, едва ли бы даже могъ окупиться; и потому рабство, крѣпостничество было самою подходящею и единственно-возможною формою труда въ средніе вѣка. Но эта форма труда могла найти себѣ защиту и оправданіе только въ вѣрѣ въ какой нибудь авторитетъ. Рабство могло быть объяснено или ссылкой на отдаленное преданіе, или обращеніемъ къ «высшему предназначенію», указаніемъ на «предопредѣленіе», слѣдовательно, идея несвободнаго труда была самымъ тѣснымъ образомъ соединена съ идеею авторитета, — первая обуславливала вторую, и вторая была немыслима безъ первой. Когда же исходною точкою хозяйства сталъ недвижимый капиталъ, тогда форма труда должна была быстро измѣниться. Для капитала самымъ не-

выгоднымъ трудомъ былъ трудъ прикрѣпленный, и самымъ выгоднымъ — трудъ подвижной, ничѣмъ несвязанный, могущій по произволу и безъ малѣйшихъ задержекъ переливаться изъ одного конца въ другой, съ рынка на рынокъ, съ фабрики на фабрику, съ лавки въ лавку, — однимъ словомъ, трудъ свободный. Капиталь самъ постоянно переливается съ мѣста на мѣсто, постоянно стремится къ концентрированію, старается стянуть вокругъ себя возможно большее количество труда для того, чтобы покупать его по возможно болѣе низкой цѣнѣ. Съ этою цѣлью онъ требуетъ свободной, безграничной конкуренціи какъ рабочихъ силъ между собою, такъ и труда съ капиталомъ. Онъ хочетъ, чтобы только одною этою конкуренціею, т. е. свободнымъ предложеніемъ съ одной стороны, и свободнымъ спросомъ съ другой, опредѣлялась средняя норма цѣны труда. Требуя, такимъ образомъ, свободы передвиженія и свободы конкуренціи для труда, онъ требуетъ этихъ же даровъ и для себя, съ настойчивостью еще болѣе упорною. Образование и накопленіе капитала совершенно немислимо безъ свободы обмѣна, безъ свободы передвиженія. Только двигаясь, постоянно двигаясь и постоянно увеличивая и расширяя число своихъ оборотовъ, капиталъ можетъ «рости и множиться». Являясь, до нѣкоторой степени, продуктомъ личныхъ достоинствъ и способностей человѣка, или, по крайней мѣрѣ, требуя ихъ для своего сохраненія и приращенія, господствуя надъ трудомъ въ силу «свободнаго», «добровольнаго» договора, — движимый капиталъ не нуждается для оправданія своей власти и своего господства апеллировать, подобно недвижимому капиталу, къ авторитету. Онъ находитъ свое оправданіе въ свободѣ человѣческой личности, въ силѣ человѣка. Идея свободнаго труда и идея индивидуализма также тѣсно связаны между собою, какъ идея рабскаго труда съ идеею авторитета.

Итакъ, полная, безусловная свобода человѣческой личности, какъ непобѣдимый результатъ совокупности всѣхъ тѣхъ свободъ, при которыхъ только и можетъ процвѣтать капиталъ, расширяться и развиваться современная промышленность, — эта полная, безусловная, безграничная свобода человѣческой личности, т. е. полный, безусловный, безграничный индивидуализмъ — вотъ истинная, глубокая, настоящая потребность буржуазіи. Буржуазія, конечно, очень хорошо понимаетъ, что свободная конкуренція можетъ быть для нея опасною только при безусловномъ равенствѣ борющихся силъ, что безграничная свобода личности, что безграничное разви-

тіе индивидуализма могутъ быть для нея подозрительными только при доставленіи всѣмъ и каждому равныхъ матеріальныхъ средствъ для своего развитія и пользованія своею свободою; она знаетъ очень хорошо, что въ современной промышленности такое равенство совершенно немислимо, и что потому требуемая ею безусловная свобода и безграничность личныхъ индивидуальныхъ правъ человѣка, для большинства людей останется требованіемъ чисто-формальнымъ, утопическимъ, что только для нея одной оно имѣетъ дѣйствительное, реальное значеніе, что только она одна извлечетъ изъ него всю ту пользу, какую можно изъ него извлечь. Зная и понимая все это, она мужественно распинается за свободу, и безъ малѣйшей боязни апеллируетъ къ интересамъ всего человѣчества. Изъ свободы она сдѣлала себѣ какой-то кумиръ, которому не устаетъ кланяться и воспѣвать гимны; «индивидуализмъ» — ея девизъ, въ которомъ содержитсяъ вся ея мудрость, вся ея философія, всѣ ея желанія, всѣ ея идеалы и виды на будущее.

Жиранденъ — одинъ изъ самыхъ горячихъ, самыхъ вѣрующихъ и самыхъ благочестивыхъ жрецовъ этого буржуазнаго культа свободы и индивидуализма. «Если бы, говорить онъ самъ, собрать все, что я писалъ для объясненія, опредѣленія, защиты и оправданія свободы, то едва ли бы все это могло умѣститься въ одной книгѣ». *Свобода* — любимая тема всѣхъ его разсужденій, основной принципъ всего его міросозерцанія. «Было ли хотя когда нибудь хоть одно такое обстоятельство, въ теченіи всей моей двадцатилѣтней карьеры, въ качествѣ журналиста и депутата, — съ гордостью воспециаетъ онъ въ одномъ письмѣ къ редактору «Gazette de France», въ 1856 году, — когда бы, ради страха, или изъ честолюбія, расчета, холопства, каприза, фантазіи, я измѣнилъ бы свободу и покинулъ бы ряды ея защитниковъ? Стоялъ ли я когда нибудь въ рядахъ тѣхъ, которые, провозгласивъ свободу вчера, отрекаются отъ нея завтра, кто видѣлъ меня въ ихъ рядахъ хоть одинъ день, одинъ часъ, хоть одну минуту, одну секунду, — пусть тотъ обличитъ меня? Если кто нибудь, хоть когда нибудь замѣчалъ, что вѣра моя въ свободу начинаетъ слабѣть, — пусть тотъ обличитъ меня? Если кто нибудь можетъ сказать, что я приносилъ свободу въ жертву интересу династіи или правительства, или министерства — тотъ пусть изболочитъ меня? — Не защищаю ли я свободу всегда и постоянно, не дѣлая различія между друзьями и врагами, оппозиціею и министерствомъ, королевствомъ, республикою и имперіею?

Не я ли защищалъ свободу прессы и противъ творцевъ закона 9-го сентября 1835 года, гг. Броиа, Тьера и Гизо, которыхъ такъ краснорѣчиво поразилъ «Royer-Collard», и противъ творцевъ закона 11-го августа 1848 г., гг. Кавеньяка, Сенара и Маріе, и противъ творцевъ закона 16-го іюля 1850 года, гг. Руэ и Бароша? Не я ли защищалъ свободу совѣсти противъ Тьера и его друзей изъ оппозиціи, требовавшихъ въ 1840 году у перваго министра Гизо изгнанія іезуитовъ изъ Франціи и закрытія всѣхъ учреждений ордена?» и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, оказывается, что Жиарденъ — истинный рыцарь свободы, и что вся его политическая и общественная карьера — есть длинный и непрерывающійся рядъ подвиговъ, совершенныхъ имъ въ честь своей богини! Боже праведный! сколько блестящихъ турнировъ, сколько переломленныхъ копій! — Но какъ же представляетъ себѣ свою богиню французскій публицистъ? Въ своей статьѣ «La Liberté» Жиарденъ сознается, что, несмотря на свое двадцатилѣтнее беззавѣтное и безкорыстное служеніе своей богинѣ, онъ ее до сихъ поръ (это было въ 1856) еще не опредѣлялъ и не выяснилъ себѣ ея образа. Въ письмѣ къ редактору «Gazette de France» онъ впервые пытается сдѣлать точное и ясное опредѣленіе свободы, формулировать требованія, содержащіяся въ этомъ понятіи. Послушаемъ же, что говоритъ онъ по этому поводу.

«Подъ свободу, говоритъ онъ, я подразумѣваю немедленное или постепенное устраненіе всего, что препятствуетъ развитію личности, полному проявленію индивидуальнаго могущества чело-вѣка».

«Подъ индивидуальнымъ могуществомъ я подразумѣваю право чело-вѣка, чело-вѣка развитаго, думать, говорить и дѣлать все, что онъ хочетъ, имѣя единственнымъ, верховнымъ судьей своихъ мыслей, словъ и поступковъ свой собственный разумъ».

«Подъ свободу, подъ индивидуальнымъ могуществомъ я подразумѣваю возвращеніе индивидууму всего, что у него отняло государство; я подразумѣваю къ взаимную, полную независимость, независимость, которая положитъ конецъ всякому общественному попечительству, всякому легальному рабству; я подразумѣваю естественное выдѣленіе того, что по самой природѣ своей нераздѣльно, изъ того, что по самой природѣ своей индивидуально; я подразумѣваю, прежде всего, уничтоженіе обязательной военной службы и замѣненіе обязательнаго, насильственнаго налога — налогомъ добровольнымъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Я не ставлю че-

ловѣческой свободѣ никакихъ границъ, кромѣ той естественной границы, которую опредѣляетъ ей человѣческій разумъ, социальное образованный и вполне развитый. Я не раздѣляю того, что, по самой сущности своей, недѣлимо; поэтому я признаю, что если человекъ имѣетъ право свободно думать все, что ему угодно, то онъ имѣетъ право и свободно высказывать то, что онъ думаетъ; а если онъ имѣетъ право свободно думать и говорить, то онъ долженъ имѣть право и свободно дѣлать все, что онъ думаетъ и говоритъ, не рискуя подвергнуться за это уголовной отвѣтственности, отвѣчая за свои поступки только самъ передъ собою» (стр. 750).

Общепринятое, ходячее опредѣленіе свободы, какъ «право человека дѣлать все, что не вредитъ ближнему», возмущаетъ Жирандена до глубины души. Это ходячее опредѣленіе ограничиваетъ безусловный произволъ человека, ставить въ зависимость его личный интересъ отъ интереса его ближнихъ. Кромѣ того, это опредѣленіе страдаетъ отсутствіемъ ясности и точности и допускаетъ самыя противурѣчивыя и самыя произвольныя толкованія. «Что значитъ—спрашиваетъ Жиранденъ—*не вредитъ ближнему?* Развѣ, напримѣръ, тотъ, кто поражаетъ рабство и неволю тамъ, гдѣ они существуютъ, не вредитъ владѣльцамъ рабовъ и невольниковъ? Развѣ тотъ, кто борется противъ привилегій, не вредитъ всѣмъ имѣющимъ привилегіи? Развѣ тотъ, кто возстаетъ противъ идолопоклонства, не вредитъ идолопоклонникамъ? Развѣ, вообще, тотъ, кто поражаетъ какое нибудь злоупотребленіе, не вредитъ лицамъ, извлекающимъ изъ него пользу? Развѣ тотъ, кто возстаетъ противъ произвола, не вредитъ власти, дѣйствующей произвольно? Развѣ тотъ, кто обличаетъ заблужденіе, не вредитъ людямъ, слѣпо и сознательно поддерживающимъ его, какъ истину? Такимъ образомъ—заключаетъ Жиранденъ—съ точки зрѣнія этого опредѣленія человекъ не свободенъ, не имѣетъ права возставать противъ рабства, неволи, привилегій, идолопоклонства, злоупотребленій, произвола, лицемерія, заблужденія. Единственнымъ критеріумомъ, единственнымъ регуляторомъ человѣческой свободы долженъ быть разумъ человека,—не разумъ человека посторонняго, навязывающаго насильственно индивиду разныя правила и нормы, а разумъ самого этого индивида. Этотъ разумъ, который сводится, въ концѣ концовъ, къ умѣнью правильно разсчитывать, правильно взвѣшивать свои личные выгоды и невыгоды,—этотъ разумъ заставитъ человека пользоваться своею свободою въ интересъ своихъ ближнихъ, потому что, по мнѣнію Жирандена, такой образъ дѣйствій

всего болѣе соотвѣтствуетъ и его личному интересу: Кто обкрадываетъ, обманываетъ или оскорбляетъ своего ближняго, тотъ этимъ самымъ обманываетъ, обкрадываетъ и оскорбляетъ самого себя, такъ какъ, поступая дурно съ другимъ, онъ ничѣмъ не гарантированъ, что и эти другіе поступать съ нимъ точно также дурно. Въ человѣческихъ отношеніяхъ должна существовать, говоритъ Жиранденъ, самая полная и безусловная *взаимность*, самая полная и безусловная солидарность. Истинный законъ человѣка, живущаго въ обществѣ, истинный законъ всѣхъ народовъ — это *взаимность*. (Le droit, p. 639). Эта взаимность, утверждаетъ Жиранденъ въ своемъ Le droit, не имѣетъ ничего общаго съ таліономъ, ничего общаго съ тѣмъ первобытнымъ правосудіемъ, которое требовало: око за око, зубъ за зубъ. «Таліонъ, говоритъ онъ, есть продуктъ варварства, взаимность же продуктъ цивилизаціи. Въ первобытномъ, варварскомъ состояніи общества, я противопоставляю свою силу силѣ, нападающей на меня. Въ цивилизованномъ же обществѣ я противопоставляю свой, болѣе послѣдовательный умъ, уму менѣе послѣдовательному; я не обкрадываю человѣка, который меня обокралъ, потому что подражаніемъ его поступку я бы не осудилъ, а только оправдалъ его. Осужденіе свое, напротивъ, онъ найдетъ въ моей честности, — честности, которая даетъ мнѣ право разсчитывать на равную честность и со стороны всѣхъ моихъ ближнихъ. Въ варварскомъ состояніи общества преимущество остается за болѣе сильнымъ, въ цивилизованномъ состояніи — за болѣе разсудительнымъ. Господство разума, какъ и господство силы, имѣетъ свои законы. Дѣйствуя постоянно такъ, какъ мнѣ предписываетъ мой разумъ, мнѣ нечего бояться, что критерій, который я употребляю, когда нибудь можетъ обратиться противъ меня. Преступникъ разсматривается какъ человѣкъ, лишенный разсудка и воспитанія, какъ человѣкъ, къ которому не могутъ быть приложены правила, установленныя для разумныхъ существъ. На него не смотрятъ какъ на человѣка, къ нему относятся такъ, какъ относятся, напримѣръ, къ черепицѣ, которая можетъ упасть съ крыши, къ подводной мели, которая можетъ угрожать кораблю, къ камню, на который можетъ наткнуться и опрокинуться экипажъ, къ лошади или къ быку, которые могутъ взбѣситься; однимъ словомъ, какъ вообще относятся къ случайности, на которую нужно заранѣе разсчитывать, для того, чтобы взять противъ нее свои мѣры, не мѣры такъ называемой спасительной строгости, но мѣры, могущія служить дѣйствительною гарантіею, могущія дѣйствительно во время

парализировать ея вредныя послѣдствія“ (стр. 603). Слѣдовательно, по этой теоріи, взаимность налагаетъ на всѣхъ обязанность дѣйствовать въ видахъ общихъ интересовъ; дѣйствовать, однимъ словомъ, такъ, какъ бы мы хотѣли, чтобы другіе дѣйствовали относительно насъ. Воры, убійцы, мошенники—не болѣе, какъ дурные счетчики, какъ глухие люди, неумѣющіе правильно рассуждать; воровство, убійство, мошенничество—не болѣе, какъ заблужденія человѣческаго ума, логическія ошибки человѣческаго мышленія. Противъ ошибокъ и заблужденій нелѣпо дѣйствовать строгимъ мѣрами уголовной репрессіи. Ошибочнымъ выводамъ слѣдуетъ противопоставить выводы правильные, невѣрному разсчету — разсчетъ вѣрный. Однимъ словомъ, чтобы не было ошибокъ и заблужденій, т. е. пороковъ и преступленій, нужно, чтобы люди, рѣшаясь на тотъ или другой поступокъ, *рассуждали*, и чтобы они рассуждали правильно. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, что люди, получивъ свободу дѣлать все, что они думаютъ и говорятъ, и свободу думать и говорить все, что они хотятъ, непременно станутъ думать объ убійствѣ, грабежѣ и разбоѣ, и что вслѣдствіе данной имъ свободы дѣлать все, что они думаютъ, изъ нихъ непременно выйдутъ убійцы, грабители и мошенники. Человѣческое мышленіе имѣетъ свои законы, и какъ бы ни была велика его свобода, оно, однако, никогда не придетъ къ тому выводу, что $2 + 2 = 5$. Точно также, какъ бы ни была велика и безгранична свобода человѣческаго ума при опредѣленіи критеріевъ для человѣческихъ дѣйствій, онъ никогда не придетъ къ той мысли, что всего разумнѣе поступать съ другими людьми такъ, какъ мы бы *не хотѣли*, чтобы они поступали съ нами. Потому, говоритъ Жирарденъ, нечего опасаться, что безусловная свобода дѣйствія, какъ слѣдствіе безусловной свободы мысли, можетъ повести къ взаимной борьбѣ и междоусобию. Напротивъ, она поведетъ къ миру и согласію, каждый будетъ стараться поступать относительно своихъ ближнихъ такъ, какъ не желаетъ, чтобы ближніе поступали относительно его. Этому правилу, этой, если хотите, морали научить его простой арифметическій разсчетъ. Дѣйствуя же сообразно съ этою моралью, онъ, разумѣется, не станетъ ни убивать, ни красть, ни мошенничать, ни тиранить, ни обманывать. Слѣдовательно, все дѣло состоитъ только въ томъ, чтобы выучить человѣка рассуждать о томъ, что ему полезно и что ему вредно. «Учите его рассуждать—говоритъ Жирарденъ—какъ вы учите его считать. Учите его быть господиномъ своихъ дѣйствій и мыслей, какъ вы учите

его повиноваться. Убийство и свобода, воровство и свобода — эти слова взаимно исключаютъ другъ друга; они противорѣчатъ другъ другу, они уничтожаютъ другъ друга, потому что свобода, какъ продуктъ человѣческаго разума, человѣческаго разсужденія, есть верховное осужденіе воровства и убійства». — «Свобода въ этомъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ продукта человѣческаго разсужденія), есть логика добра. Разсужденіе сводится къ счисленію, слѣдовательно свобода можетъ быть опредѣляема съ точностью самой точной науки» (стр. 803).

Прежде чѣмъ мы пойдемъ дальше въ изложеніи всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя естественно вытекаютъ изъ опредѣляемаго такимъ образомъ принципа свободы, и которыя дѣйствительно выводятся изъ него Жиранденомъ, мы считаемъ нелишнимъ указать здѣсь, въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ условія, при которыхъ его полное осуществленіе будетъ возможнымъ не въ интересахъ одной какой-либо партіи, а въ интересахъ всего человѣчества вообще.

Жиранденъ полагаетъ, что если мы предоставимъ индивиду, умѣющему разсчитывать, полную свободу дѣйствовать такъ, какъ онъ думаетъ, то онъ всегда будетъ дѣйствовать по принципу взаимности, т. е. будетъ дѣйствовать относительно своихъ ближнихъ такъ, какъ они дѣйствуютъ относительно его, что эти ближніе, ради своихъ выгодъ, будутъ дѣйствовать относительно его такъ, какъ они желаютъ, чтобы онъ дѣйствовалъ относительно ихъ, т. е. въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ будетъ господствовать миръ, любовь и согласіе. Все это совершенно справедливо, — совершенно справедливо, что принципъ взаимности и въ настоящее время, и во времена прошедшія, однимъ словомъ, всегда былъ господствующимъ принципомъ человѣческой нравственности, что каждый человѣкъ, если только онъ разсуждаетъ о своихъ поступкахъ, всегда примѣняетъ къ оцѣнкѣ ихъ именно этотъ принципъ. Однако, что же мы видимъ? Господствуетъ ли въ человѣческихъ отношеніяхъ миръ, любовь, согласіе, или же въ нихъ преобладаютъ другія, совершенно противоположныя начала? Вопросъ этотъ, само собою разумѣется, не нуждается въ отвѣтѣ. Но онъ порождаетъ другой вопросъ, болѣе серьезный: отчего въ человѣческихъ отношеніяхъ вмѣсто любви, мира и согласія, преобладаетъ вражда, ненависть, раздоръ? Потому ли, что люди дурные счетчикп, какъ полагаетъ Жиранденъ, или по какимъ другимъ причинамъ? Еслибы Жиранденъ былъ правъ, еслибы дѣйствительно дурные поступки людей были только слѣдствіемъ одного ихъ неразумія, мы были бы впра-

нѣ ожидать, что по мѣрѣ того, какъ люди просвѣщаются, по мѣрѣ того, какъ они выучиваются разсуждать, т. е. считать, ихъ взаимныя отношенія должны были бы становиться все лучше и лучше; мы вправѣ были бы надѣяться, что люди, умѣющіе разсуждать, т. е. люди, принадлежащіе къ образованнымъ, интеллигентнымъ классамъ, должны были бы поступать съ своимъ ближними самымъ добродѣтельнымъ, самымъ гуманнымъ образомъ. Однако, въ дѣйствительности этого нѣтъ. Правда, воры, убійцы, грабители и мошенники, появляющіеся въ судахъ на скамьяхъ подсудимыхъ, преслѣдуемые и караемые уголовнымъ правосудіемъ, эти воры, убійцы, грабители и мошенники выходятъ по большей части изъ «темныхъ», невѣжественныхъ, непросвѣщенныхъ массъ; объясняйте ихъ поступки ихъ невѣжествомъ, нерасчетливостью, быть можетъ, въ немногихъ ошибкахъ; быть можетъ, дѣйствительно, еслибы эти отважные плуты и разбойники были поумнѣе, то они не рѣзали бы людей въ домахъ и на большихъ дорогахъ, не нападали бы на нихъ съ оружіемъ въ рукахъ, не разламывали бы ихъ сундуковъ и комодовъ, не лезли бы въ ихъ карманы, не таскали бы носовыхъ платковъ и, быть можетъ, имъ никогда бы не пришлось сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ. Но измѣнилась ли бы вслѣдствіе этого самая сущность, направленіе ихъ дѣятельности; не измѣнилась ли бы только одна внѣшняя форма? Посмотрите вокругъ себя, посмотрите на всѣхъ этихъ почтенныхъ лавочниковъ, аферистовъ, спекуляторовъ, ростовщиковъ — они ли не умѣютъ разсуждать и считать, пмъ ли учиться арифметикѣ? А между тѣмъ, взгляните попристальнѣе въ ихъ дѣловыя отношенія къ ихъ ближнимъ? Развѣ они относятся къ нимъ такъ, какъ бы хотѣли, чтобы они къ нимъ относились, еслибы были на ихъ мѣстѣ? Развѣ барышникъ, продавая за высокую цѣну товаръ, необходимый потребителю, ставитъ себя на мѣсто покупателя и старается продать безъ всякой или, по крайней мѣрѣ, съ наименьшею для себя выгодой? Развѣ ростовщикъ, давая деньги подъ залоги, заботится о возможномъ пониженіи, а не о возможномъ повышеніи процента? Развѣ биржевой аферистъ, скупая бумаги по дешевымъ цѣнамъ въ моментъ паденія курса и продавая ихъ по дорогимъ въ моментъ возвышенія, ставитъ себя на мѣсто ихъ недалновидныхъ или обманутыхъ продавцевъ и покупателей? Конечно, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. И еслибы они дѣйствовали иначе, — то, скажите, кто бы не назвалъ ихъ безумцами? Ростовщикъ, дающій деньги за низкіе проценты и даже совсѣмъ безъ процентовъ, лавочникъ, продающій товаръ съ возмож-

но-меньшею для себя прибылью, аферистъ, продающій бумаги по той же цѣнѣ, по какой онъ ихъ купилъ или дающій за нихъ продавцу ту сумму, которую послѣдній дѣйствительно за нихъ заплатилъ,—развѣ всѣ эти господа, дѣйствуя въ интересахъ должниковъ и потребителей, не пустили бы по міру свои семьи, не довели бы себя и своихъ дѣтей до голодной смерти? И у кого повернется языкъ назвать плохими счетчиками лавочника за то, что онъ старается сбыть свой товаръ какъ можно дороже и купить его какъ можно дешевле; ростовщика за то, что онъ не отдастъ даромъ своихъ денегъ, афериста за то, что онъ покупаетъ денежные документы, когда на нихъ стоитъ низкая цѣна и продаетъ ихъ—когда цѣна стоитъ высокая?—Неужели и ихъ Жиранденъ называетъ людьми «sans discernement et education», какъ онъ называетъ воровъ, убійцъ и грабителей?

Нѣтъ, все это прекрасные счетчики, и ихъ дѣйствія—совсѣмъ не ошибки и заблужденія. Они дѣйствуютъ такъ, какъ бы дѣйствовали всякій на ихъ мѣстѣ, и дѣйствовать иначе они не могутъ, не измѣняя своимъ собственнымъ интересамъ. Отчего это? Да, оттого, что правило, предписывающее человѣку поступать относительно его ближнихъ такъ, какъ онъ хочетъ, чтобы они поступали относительно его,—что это правило можетъ имѣть полное практическое примѣненіе только при господствѣ полной солидарности въ человѣческихъ интересахъ. Если же этой солидарности нѣтъ, если, напротивъ, они противурѣчивы и преисполнены взаимнымъ антагонизмомъ,—тогда эта мораль «возмездія», несмотря на всю ея практическую полезность, не можетъ быть осуществлена въ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ *A*, дѣйствуя въ своихъ интересахъ, дѣйствовать въ тоже время и въ интересахъ *B*, когда интересы *A* и *B* противоположны?

Итакъ, человѣческій расчетъ, въ смыслѣ критерія человѣческой свободы, только въ томъ случаѣ можетъ повести къ водворенію мира, любви и согласія между людьми, когда экономическіе интересы этихъ людей, эти главныя пружины, эти верховныя двигатели всѣхъ ихъ мыслей и поступковъ,—не будутъ находиться между собою въ антагонизмъ, когда среди нихъ установится полная и ненарушимая солидарность. При отсутствіи же этой солидарности эгонистическій расчетъ,—какъ высшій критерій человѣческой дѣятельности, никогда не приведетъ къ упроченію гармоніи, мира, любви и согласія въ человѣческихъ отношеніяхъ, и безусловное царство свободы, пропандируемое Жиранденомъ, окажется выгод-

нымъ только для тѣхъ, которые имѣютъ возможность и досугъ вполне наслаждаться этою свободою. А многіе ли ихъ имѣютъ? Какую пользу извлечетъ изъ безусловной свободы мысли и слова масса людей, неумѣющихъ думать и неимѣющая досуга для болтовни? Какую пользу извлечетъ поденщикъ изъ безусловной свободы дѣлать все, что ему вздумается, когда ему ничего другого и вздуматься не можетъ, какъ дѣлать то, что онъ теперь дѣлаетъ, т. е. вертѣть колесо, или пахать землю изъ за куска насущнаго хлѣба? Кто же извлечетъ пользу изъ этой свободы? Только тѣ, сравнительно говоря, очень немногіе счастливы, которые умѣютъ думать и дорожать своими мыслями, у которыхъ есть много досужаго времени для того, чтобы болтать или писать, у которыхъ, наконецъ, есть возможность *жить, какъ имъ хочется*, не стѣсняясь скучною заботою о кускѣ насущнаго хлѣба; однимъ словомъ, изъ нея извлекаютъ пользу только люди экономически-самостоятельные и умственно-развитые. Въ ихъ, и только въ ихъ интересахъ проповѣдуетъ Жирарденъ; его философія—есть философія этой маленькой счастливой кучки людей, незнающей и нежелающей знать, что кромѣ ихъ существуютъ еще и другіе люди,—люди, для которыхъ вся эта либеральная философія—гроша мѣднаго не стоитъ. Эти другіе люди совершенно позабыты философіею буржуа. Буржуа даже гордится своею забывчивостью: «я не роялистъ и не республиканецъ, я не социалистъ и не экономистъ,—самодовольно восклицаетъ онъ,—я просто *логикъ*». Но отчего же однако этотъ логикъ, чуждый міра и его страстей, въ своихъ логическихъ построеніяхъ такъ неуклонно воплощаетъ экономическіе интересы одного класса и такъ постоянно забываетъ объ интересахъ другихъ классовъ?—Пусть надъ этимъ вопросомъ поломаютъ себѣ головы наши публицисты и философы, преклоняющіеся передъ всепокоряющею силою человѣческаго ума и поющіе хвалебные гимны всемогуществу идей.

Указавъ на буржуазный характеръ основнаго принципа Жирарденовской философіи, мы посмотримъ теперь, какія выводитъ онъ изъ него послѣдствія.

Человѣкъ долженъ пользоваться безусловною свободою во всѣхъ своихъ мысляхъ, словахъ и поступкахъ, т. е. его личное я,—т. е. его *разумъ* долженъ быть единственнымъ критеріумомъ, единственнымъ закономъ всего, что онъ думаетъ, говоритъ и дѣлаетъ. Это самый полный, самый смѣлый апофеозъ индивидуализма; это самое полное, самое смѣлое возвеличеніе, почти обоготвореніе че-

ловѣческой личности. Если для человѣка достаточно одного его разума, чтобы быть счастливымъ, если ему достаточно умѣть только правильно разсчитывать для того, чтобы всегда правильно и дѣйствовать, то, въ такомъ случаѣ, сама собою падаетъ необходимость регулировать его дѣйствія, его отношенія къ ближнимъ какими бы то ни было правилами и учрежденіями, ограничивающими, стѣсняющими безусловность и безграничность человѣческой свободы. Жирарденъ понимаетъ это, и потому, опредѣливъ свободу какъ было показано выше, онъ выводитъ изъ этого опредѣленія и всѣ, необходимо вытекающія изъ него, послѣдствія. «Смѣловательно, говорить онъ, въ будущемъ не должно существовать:

«Ни господства человѣка надъ человѣкомъ, осуществляется ли это господство посредствомъ наслѣдственнаго полномочія или періодическаго избранія.

«Ни законодательнаго собранія, — какъ бы оно ни называлось и какимъ бы образомъ оно ни составлялось, — вотирующаго большинствомъ голосовъ законы, безусловно обязательные для всѣхъ гражданъ государства.

«Ни положительныхъ законовъ, — законовъ, по природѣ своей, всегда коммунистическихъ, подчиняющихъ одному общему правилу, подчиняющихъ подъ одну общую мѣрку людей съ самыми разнообразными способностями, съ самыми различными умами.

«Ни искусственно-созданныхъ властей, ни пассивнаго повиновенія.

«Ни уголовной репрессіи, т. е. произвольно-назначаемыхъ уголовныхъ наказаній, ни тюремщиковъ, ни палачей, ни тюремъ, ни галеръ, ни эшафотовъ.

«Ни постоянныхъ армій, влекущихъ за собою постоянныя войны или увеличивающихъ шансы войнъ.

«Ни однообразной системы воспитанія, неберущей въ разсчетъ разнообразія человѣческихъ способностей, т. е. никакихъ университетскихъ степеней.

«Ни юридическаго неравенства между мужчиною и женщиною.

«Ни государственнаго вмѣшательства въ брачныя отношенія мужа и жены, имѣющаго цѣлью поставить мѣра между нотаріусомъ и священникомъ, ни въ отношенія родителей къ дѣтямъ, имѣющаго цѣлью раздѣленіе послѣднихъ на законныхъ и незаконныхъ; ни государственнаго вмѣшательства въ наслѣдованіе имуществомъ, имѣющаго цѣлью замѣнить свободное проявленіе воли завѣщателя предписаніемъ мертваго закона.

«Ни таможенъ, препятствующихъ свободѣ торговли, взаимности обмѣна, водворенію мира и соединенію всего земнаго шара.

«Однимъ словомъ, ничто не будетъ болѣе препятствовать самому полному, всестороннему развитію всѣхъ способностей человѣка...» (стр. 708, 709.)

Такимъ образомъ на практикѣ принципъ безусловной человѣческой свободы сводится къ разрушенію не только сильной, но и вообще всякой государственной власти, къ уничтоженію господства положительныхъ законовъ,—къ анархіи. Но анархія въ чистомъ своемъ видѣ можетъ имѣть мѣсто только при существованіи полного, абсолютнаго равенства, парализирующаго и уравнивающаго борьбу человѣческихъ силъ, борьбу, неизбѣжную при господствѣ принципа взаимности, проповѣдуемаго Жиранденомъ. При отсутствіи же такого равенства, анархія естественно должна выродиться въ олигархію, свободная конкуренція должна окончиться монополіею, юридическое равенство фактическою эксплуатаціею человѣка человекомъ. А такъ какъ при существующихъ условіяхъ хозяйственнаго быта, этого равенства не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ, противъ этого равенства вооружается и Жиранденъ, заклятый врагъ всякаго нивелированія, то само собою понятно, къ какимъ результатамъ должно привести предлагаемое имъ индивидуализированіе государства. Оно должно привести къ расширенію свободы промышленности и свободы конкуренціи, выгодной только для одной буржуазіи, къ устраненію отъ всякаго участія въ экономической жизни государства, т. е. той единственной силы, которая можетъ своею мощною рукою измѣнить теперешнее невыгодное положеніе труда и обуздать своекорыстіе капитала. Опять спрашиваемъ: кто же отъ этого выиграетъ?

Рядомъ съ положительными законами и учрежденіями, стѣсняющими и ограничивающими свободу человѣка, существуетъ масса разнаго рода нравственныхъ и юридическихъ понятій, имѣющихъ тоже значеніе, только не всегда исполнѣ хорошо сознаваемое, какъ и положительные законы и уголовная репрессія. Эти понятія должны служить какъ бы нашею нравственною уздою; они должны давать предписанія и наставленія нашей совѣсти, они должны дать намъ критерій для всѣхъ нашихъ дѣйствій. Самымъ основнымъ изъ всѣхъ этихъ понятій является, само собою разумѣется, понятіе *о нравѣ*. Это понятіе выставляется обыкновенно критеріумомъ нашихъ отношеній къ ближнимъ, нормою, съ которою мы должны сообразовать нашу внѣшнюю дѣятельность. Но какъ же образова-

лась эта норма, откуда она взялась, представляет ли она собою нечто вѣчное, неизмѣнное, непреложное, или она, напротивъ, постоянно колеблется, то суживается, то расширяется,—носить ли она на себѣ какой нибудь особый, специфическій характеръ, или же такого характера она не имѣетъ? Вотъ тѣ темные, запутанные вопросы о которыхъ спорять и по сіе время юристы и философы, и о которыхъ они не перестанутъ спорить до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, никто не станетъ ихъ слушать. Однако, какъ бы ни были противоположны ихъ мнѣнія, всѣ они, или, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ, согласны все-таки въ одномъ: они согласны, что предписанія права для всѣхъ людей обязательны, что въ своихъ общихъ чертахъ они неизмѣнны, и что они существовали несравненно ранѣе регулируемыхъ ими отношений. Впрочемъ относительно этого послѣдняго пункта разногласія уже гораздо болѣе, чѣмъ относительно двухъ первыхъ, и въ послѣднее время все чаще и чаще приходится слышать, что не право предшествовало факту, а, наоборотъ, фактъ—праву. Допуская, однако, такую ересь, юристы и философы, чтобы не быть слишкомъ послѣдовательными, стараются усмотрѣть какое-то скрытое право въ самомъ существованіи факта и, такимъ образомъ, въ концѣ концовъ оказывается, что все-таки право—явное или скрытое, что все равно,—древнѣе факта, и что оно, по своему происхожденію, супра-натурально. Только этотъ супра-натурализмъ и сообщаетъ праву его внутреннюю санкцію, онъ оправдываетъ его всеобщую обязательность, только онъ превращаетъ его въ совершенно особенную, специфическую норму человѣческихъ дѣйствій,—особенную и специфическую въ томъ отношеніи, что оно совершенно одинаково или должно быть одинаково у всѣхъ людей, что оно не зависитъ и не должно зависѣть отъ личныхъ особенностей индивидуальнаго характера. Если вы отнимете отъ права этотъ его супра-натуралистическій характеръ; если вы допустите, что содержаніе права, въ существенныхъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ, не дается человѣку уже вполне готовымъ, и такъ сказать, заранѣе начертаннымъ на скрижаляхъ его совѣсти, если вы допустите, что человѣкъ самъ себѣ вырабатываетъ его, путемъ самостоятельнаго мышленія, подъ вліяніемъ всѣхъ условій окружающей жизни,—если вы все это допустите, тогда право мгновенно теряетъ свою всеобщую обязательность, свою всеобщую объективность,—оно становится субъективнымъ, личнымъ, индивидуальнымъ *воззрѣніемъ* того или другого человѣка, *воззрѣніемъ*, ко-

торое, именно вслѣдствіе своего чисто-личнаго характера, не можетъ и не должно быть никому навязываемо. Право, въ смыслѣ субъективнаго воззрѣнія, личнаго мнѣнія, право, которое одно у Ивана, другое—у Петра и т. д., такое право никогда не можетъ считаться обязательною нормою человѣческихъ дѣйствій вообще. Иванъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго разумнаго основанія стѣсняться правомъ Петра; Петръ — правомъ Ивана; каждый живетъ своимъ правомъ, и для каждаго «свое право»—отождествляется съ его собственными разсчетами, соображеніями, разсужденіями, съ его субъективнымъ разсудкомъ. Слѣдовательно, право вообще сводится и отождествляется съ правомъ человѣка мыслить, разсуждать, или, какъ выражается Жирарденъ: *raisonner est le droit*. И такъ, индивидуализація права, низверженіе его съ супра-натуралистическаго пьедестала равносильно уничтоженію его абсолютной обязательности, т. е. уничтоженію его основнаго свойства, которое дѣлаетъ его, по воззрѣніямъ юристовъ и философовъ, общою нормою человѣческихъ дѣйствій, общимъ регуляторомъ человѣческихъ отношеній.

На чемъ же основанъ, чѣмъ оправдывается и доказывается тотъ супра-натуралистическій характеръ, который приписывается праву юристами и философами? Все ихъ основаніе, оправданіе и доказательство сводятся къ тому, что право содержитъ въ себѣ предписанія вѣчныя, неизмѣнныя для всѣхъ народовъ и во всѣ вѣка обязательныя и неизбѣжныя. Эти вѣчныя и неизмѣнныя предписанія, по мнѣнію однихъ, существуютъ какъ-то внѣ человѣка, и человѣкъ одаренъ только способностью, съ большею или меньшею воспримчивостью, усвоивать ихъ себѣ и, разъ усвоивъ, онъ обязанъ не только самъ исполнѣть подчиняться имъ, но и другихъ приводить къ такому же подчиненію. По мнѣнію другихъ, эти вѣчныя истины находятся не внѣ человѣка, а внутри его, вписаны въ его совѣсти. Жирарденъ, въ письмахъ къ редактору *Gazette de France* подвергаетъ своему анализу первое изъ этихъ воззрѣній и, безъ особеннаго труда, разоблачаетъ всю его призрачность, всю его произвольность и неосновательность. *Lourdoueix* (редакторъ *Gazette de France*) утверждаетъ, что «человѣкъ одаренъ способностью видѣть *вѣчныя истины*, и что внѣ человѣка и надъ человѣкомъ существуютъ *необходимые законы*, которые онъ не можетъ измѣнить». «Покажите же мнѣ, — восклицаетъ Жирарденъ, эти *вѣчныя истины*, которыя вы, счастливый человѣкъ, имѣете способность видѣть, и которыхъ я не вижу, покажите мнѣ эти *необходи-*

мые законы, которые существуютъ надъ вами и надо мною, и которые мы не можемъ измѣнить. Каковы они? Что они предписываютъ? Что они воспрещаютъ? Гдѣ ихъ санкція?» (стр. 594). И вслѣдъ за этимъ онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Локка, которое было весьма кстати напомнить господамъ, подобнымъ Лурдуи... «Если бы, говоритъ Локкъ, эти мировые законы были, такъ сказать, врождены людямъ, то я не могу понять, какимъ образомъ они могли бы нарушать ихъ такъ спокойно и такъ искренно? Загляните въ сердца солдатъ, только что взявшихъ штурмомъ непріятельскій городъ, и жадущихъ добычи и грабежа,—найдете ли вы у нихъ хоть какое нибудь уваженіе къ добродѣтели, къ нравственнымъ принципамъ, чувствуютъ ли они хоть какое нибудь угрызеніе совѣсти по поводу всѣхъ тѣхъ несправедливостей, которыя они такъ спокойно совершаютъ? Ничуть. Разбой, насиліе, убійство—это не болѣе, какъ игрушка, забава для людей, которымъ предоставлена полная свобода безнаказанно совершать эти преступленія. И развѣ же не было народовъ, и притомъ народовъ весьма просвѣщенныхъ, которые полагали, что бросать новорожденныхъ дѣтей, оставлять ихъ умирать голодною смертію или быть разтерзанными дикими звѣрями, такъ же позволительно, какъ и рожать ихъ? И теперь еще существуютъ такія страны, гдѣ новорожденныхъ дѣтей живыми зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ ихъ матерями, если послѣднія умерли во время родовъ или ихъ убиваютъ, если астрологи покажутъ, что онѣ родились подъ несчастною звѣздою. Въ другихъ странахъ дѣти убиваютъ своихъ родителей, достигшихъ извѣстнаго возраста» и т. д. и т. д. Гдѣ же это всеобщее сознаніе, доказывающее существованіе врожденныхъ нравственныхъ принциповъ? Когда въ модѣ было считать дуэль дѣломъ чести, тогда люди безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти убивали другъ друга, и во многихъ странахъ, даже и теперь, всякая щепетильность въ подобныхъ случаяхъ считается за великое безчестіе и т. д. Вся эта аргументація не можетъ возбуждать ни малѣйшаго спора и приводимые ею доводы могутъ быть увелчиваемы и усиливаемы до безконечности. Воззрѣніе, поддерживаемое Лурдуи, противорѣчитъ самымъ общественнымъ фактамъ и отвергается, въ настоящее время, даже самими юристами. Другой оппонентъ Жиардена, адвокат Турслень, издѣвается надъ г. Лурдуи и, отвергая существованіе человѣческаго права внѣ, утверждаетъ, что право существуетъ внутри человѣка. Право, говоритъ онъ, это способность человѣка дѣлать все, что предписываетъ ему долгъ; предписанія же долга

начертаны въ его совѣсти. Но что же такое эти предписанія совѣсти, что такое эта совѣсть? спрашиваетъ его Жирарденъ. Совѣсть, одобряющая, въ случаѣ удачи, то, что она прежде отвергала и порицала,—настоящая ли это совѣсть или подложная? Совѣсть, требовавшая жестокихъ и безчеловѣчныхъ наказаній за воображаемыя преступленія,—настоящая ли это совѣсть или подложная? Совѣсть, оправдывавшая варфоломеевскую ночь, избіеніе альбигойцевъ, отмѣненіе нантскаго эдикта, преслѣдованіе евреевъ и т. п. была ли это настоящая или подложная совѣсть? Совѣсть, требовавшая пытокъ и инквизиціи, заставлявшая распинать, половосовать, жечь апостоловъ новыхъ идей, провозвѣстниковъ любви и мира—была ли это настоящая совѣсть или подложная? Наполеонъ I, убившій французскую свободу и обагрившій кровью Европу, Наполеонъ III измѣнившій присягѣ и узурпировавшій власть,—дѣйствовали ли они по внушеніямъ настоящей или подложной совѣсти? И какъ распознать настоящую совѣсть отъ подложной? Если уже все то, что считалось когда нибудь правомъ, было предписаніемъ настоящей совѣсти, то кто же рѣшится назвать эти предписанія вѣчно-истинными, непреложными и нравственными? Кто рѣшится, въ какомъ бы то ни было затруднительномъ дѣлѣ, апеллировать къ той шаткой, колеблющейся совѣсти, говорящей сегодня одно, завтра совсѣмъ другое, мѣшающей съ грязью вчерашняго бога, и изъ вчерашней грязи создающей сегодня идола?»

Но если право не имѣетъ супра-натуралистическаго характера, если этотъ характеръ навязанъ ему насильственно, искусственно, то почему же оно существуетъ? Почему существуютъ извѣстныя общія нормы, регулирующія внѣшнія отношенія людей, нормы, для всѣхъ обязательныя, абсолютныя? Пусть юристы и философы приписываютъ это супра-натуральному происхожденію права, — ихъ доводы противорѣчатъ фактамъ и потому не заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Но если указываемая ими причина не существенна, если она даже совсѣмъ не существуетъ, то гдѣ же настоящая, истинная причина?

Право, какъ обязательная норма, безъ внѣшней санкціи не имѣетъ ни малѣйшаго смысла; *предписывать* можетъ только тотъ, кто имѣетъ возможность *принудить* исполнять свои предписанія. Принужденіе предполагаетъ *силу*, слѣдовательно, право безъ силы не имѣетъ санкціи; право безъ санкціи — не есть право. Итакъ, *безсильное* право немислимо, противъ этого никто не станетъ спорить,—но какой же выводъ изъ этого слѣдуетъ? Если А не мо-

зеть существовать безъ В, а В можетъ, то значить А зависитъ отъ В, значить А не имѣетъ внутренней самостоятельности. Далѣе, если смыслъ и все содержаніе А обуславливается качествомъ и содержаніемъ В, если съ измѣненіемъ послѣдняго всегда измѣняется и первое,—то не вправѣ ли мы отсюда заключить, что В есть не только необходимое *условіе*, но и необходимая *причина* А; мало того, что А есть только одно изъ проявленій В, что оно относится къ нему, какъ часть къ цѣлому, какъ *lex* относится къ *jus*, т. е. они однородны по своей субстанціи, тождественны по своей основной сущности. Прилагая это гипотетическое отношеніе А къ В къ фактическому, реальному отношенію, существующему и существовавшему между правомъ и силою, Жирарденъ находитъ между этими двумя родами отношеній полную аналогію, и потому онъ явственно приходитъ къ выводу, что право однородно съ силою, что «право есть сила, и что нѣтъ другого права, кромѣ силы» (стр. 697). «Я, говорить онъ, много читалъ, я перечиталъ почти все, что было написано объ этомъ предметѣ; но я мало что узналъ. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше роешься въ книгахъ, чѣмъ настойчивѣе изслѣдуешь мысли автора, для того, чтобы узнать, что же наконецъ нужно понимать подъ словами право, правосудіе, разумъ, совѣсть, выставляемыя критеріумами человѣческихъ дѣйствій,—тѣмъ болѣе теряешься, тѣмъ болѣе перестаешь понимать точное значеніе каждаго изъ этихъ словъ, по поводу которыхъ комментаторы исписали цѣлыя томы. Единственное, въ чемъ я твердо убѣдился,—это то, что въ мірѣ существуетъ только одно право: *право сильнѣйшаго*. Платонъ признаетъ это право, говоря: «въ каждомъ государствѣ, тотъ, кто управляетъ, развѣ не есть *самый сильный*? Повидимому, это такъ. И каждый, изъ имѣющихъ власть въ своихъ рукахъ, не устанавливаетъ ли законовъ въ своихъ личныхъ интересахъ? Народъ, овладѣвъ властію, создаетъ законы демократическіе; монархъ—монархическіе и т. д. Создавъ такимъ образомъ законы, не утверждаютъ ли они, что справедливость и правосудіе требуютъ безпрекословнаго повиновенія имъ? Не наказываютъ ли они лицо, нарушившее ихъ, какъ лицо, оскорбившее справедливость? И такъ вотъ моя мысль: въ каждомъ государствѣ справедливость и правосудіе опредѣляются выгодами лицъ, держащихъ власть въ своихъ рукахъ, т. е. *сильнѣйшими*. Отсюда каждый разсудительный человѣкъ долженъ придти къ тому заключенію, что вездѣ справедливымъ признается то, что выгодно сильнѣйшимъ». Кромѣ этой цитаты Платона, Жирарденъ въ подтвержденіе своей мысли ссылается

на авторитетъ Аристотеля, Руссо и даже Гизо. Гизо—этотъ ультра-благонамѣренный доктринеръ высказываетъ мысль, что „гдѣ нѣтъ силы, тамъ нѣтъ и права“. Юрюсты, непускающіеся въ супра-натуралистическую философію, держатся того же мнѣнія. Но если фактъ, подмѣченный еще Платономъ, и даже ранѣе его такъ называемыми софистами, статированный Спинозою, указанный Руссо, признанный даже доктринерами и юристами,—если этотъ фактъ дѣйствительно существуетъ, если дѣйствительно сила создаетъ и обуславливаетъ право, если дѣйствительно право и сила синонимы, то возможно ли возводить этотъ фактъ въ принципъ, и къ слову «такъ есть» прибавлять слово: «такъ и должно быть»? Для того, чтобы какой нибудь фактъ, постоянно повторяющійся въ человѣческой исторіи, возвести въ вѣчный, непреложный законъ—для этого нужно сдѣлать строгое различіе между жизнію людей, какъ гражданъ, какъ членовъ извѣстнаго общества, и ихъ, такъ сказать, общечеловѣческою жизнію, т. е. между ихъ отношеніями социальными, и отношеніями ихъ, какъ членовъ одной и той же породы живыхъ существъ. Перваго рода отношенія измѣнчивы, непостоянны, во всякое время. могутъ быть преобразованы и зависятъ болѣе отъ разнаго рода случайностей, чѣмъ отъ какихъ либо непреложныхъ законовъ. Отношенія второго рода имѣютъ характеръ постоянный, опредѣленный и зависятъ отъ общихъ, неизмѣнныхъ естественныхъ законовъ, управляющихъ животною жизнію и регулирующихъ взаимныя отношенія живыхъ существъ на всемъ земномъ шарѣ. Человѣкъ всегда можетъ измѣнить свои гражданскія отношенія, обуславливаемыя гражданскими законами, къ своимъ согражданамъ и къ цѣлому обществу; но онъ не можетъ измѣнить, по своему произволу, своихъ общечеловѣческихъ отношеній къ людямъ, обуславливаемыхъ законами его природы. Если наблюдаемый фактъ встрѣчается только въ социальной жизни людей, если онъ возможенъ только при извѣстномъ общественномъ строѣ, то, разумѣется, возводить его въ законъ нелѣпо и неосновательно. Если же онъ относится къ общечеловѣческимъ отношеніямъ вообще, если повторяется во взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ живыхъ существъ вообще, то мы имѣемъ право приписать его дѣйствию общихъ, неизмѣнныхъ законовъ природы, т. е. признать его неизбѣжнымъ и неустранимымъ при всякаго рода социальной организаціи. Мы знаемъ, на примѣръ, что всѣ живыя существа умираютъ, что между самками и самцами существуютъ извѣстныя половыя влеченія и т. п. Мы знаемъ, что эти факты встрѣчаются при всякаго рода

соціальныхъ организаціяхъ и не только у людей, но и у всѣхъ животныхъ вообще, и мы возводимъ эти факты въ непреложные законы. Съ другой стороны, изучая исторію соціальныхъ отношеній людей, мы встрѣчаемся съ фактомъ бѣдности, неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ и т. п. Эти факты, присущіе только извѣстнымъ соціальнымъ организаціямъ, внѣ этихъ организацій ничто не доказываетъ и не подтверждаетъ ихъ необходимости; они являются продуктомъ извѣстныхъ общественныхъ и совсѣмъ не общечеловѣческихъ отношеній; потому мы не имѣемъ права признавать ихъ непреложность и, вмѣстѣ съ остальными экономистами, вѣрять въ ихъ вѣчность. Но вотъ фактъ, съ которымъ мы встрѣчаемся повсюду, который господствуетъ и въ обществѣ и внѣ общества, и въ соціальныхъ, и въ общечеловѣческихъ отношеніяхъ, и въ отношеніяхъ вообще всѣхъ живыхъ существъ, населяющихъ землю—это постоянное преобладаніе *сильныхъ* надъ *слабыми*. Этимъ преобладаніемъ, этимъ повсемѣстнымъ господствомъ *силы*, угнетающей и вытѣсняющей *слабыхъ*, обусловливается прогрессъ животнаго царства, совершенствованіе животнаго организма. Болѣе сильный, болѣе совершенный организмъ не можетъ жить въ мирѣ и согласіи съ организмомъ менѣе сильнымъ, менѣе совершеннымъ: онъ его покоряетъ себѣ и обращаетъ его въ орудіе для своихъ цѣлей, онъ увеличиваетъ имъ средства къ своему дальнѣйшему совершенствованію. Итакъ сила обезпечиваетъ господство надъ предметами внѣшняго міра, служащими къ удовлетворенію потребностей живого организма, то отсюда и возникаетъ естественное стремленіе каждаго организма къ увеличенію своей силы, т. е. къ дальнѣйшему усовершенствованію. Тотъ же общій законъ природы повторяется и въ отношеніяхъ людей другъ къ другу, взятыхъ внѣ общества: расы болѣе совершенныя, т. е. болѣе сильныя, покоряютъ, вытѣсняють и истребляютъ расы менѣе совершенныя, менѣе сильныя; благодаря постоянному господству *силы*, родъ человѣческой постоянно совершенствовался и развивался. Тоже самое мы замѣчаемъ и въ сферѣ общественныхъ, соціальныхъ отношеній: повсюду мы видимъ торжество *сильныхъ* надъ *слабыми*. Но только здѣсь, на почвѣ соціальныхъ отношеній, *сила* и *слабость* получаютъ совершенно другое условное значеніе; они перестаютъ означать фізіологическое совершенство и фізіологическое несовершенство организма, подъ ними подразумѣваются тѣ чисто внѣшніе атрибуты, которые даютъ однимъ людямъ возможность пользоваться большимъ, другимъ меньшимъ запасомъ средствъ, служащихъ для удовлетво-

ренія потребностей своего организма. Источникъ и причины происхожденія этихъ внѣшнихъ атрибутовъ никакимъ образомъ не могутъ быть сведены во всѣхъ случаяхъ къ физиологическому неравенству людей, къ превосходству организма однихъ надъ организмомъ другихъ. Напротивъ, очень часто можно встрѣтить организмы физиологически болѣе совершенные, безъ всякой соціальной силы, и наоборотъ организмы менѣе совершенные, облеченные этою силою и господствующіе надъ первыми. Отсюда, хотя мы и должны признать, что общественные организмы испытываютъ на себѣ дѣйствіе общаго закона природы, предписывающаго *силѣ* безусловное, естественное (а слѣдовательно и справедливое, т. е. господство *по праву*) господство надъ *слабыми*, однако этотъ законъ, который вслѣдствіе его повсемѣстности, можетъ быть признанъ непреложнымъ, на почвѣ соціальныхъ отношеній искажается и теряетъ свой разумный смыслъ. Здѣсь онъ перестаетъ быть двигателемъ прогресса и соціальнаго совершенствованія, потому что понятіе о *силѣ* перестаетъ выражать собою идею дѣйствительной индивидуальной силы, индивидуальнаго совершенства: сильными считаются не люди болѣе совершенные, болѣе умные, болѣе приближающіеся къ идеалу человѣка, а люди обладающіе большимъ количествомъ средствъ къ существованію. Вслѣдствіе этого, соперничество, возникающее между людьми имѣетъ свою цѣлью не развитіе и усовершенствованіе человѣческой личности, а приобрѣтеніе матеріальныхъ богатствъ, достигаемое очень часто въ ущербъ развитію и прогрессу. Такимъ образомъ, если мы допустимъ, что такой порядокъ вещей не есть самый лучший, что онъ во многихъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ, то въ этой его неудовлетворительности слѣдуетъ обвинять не тотъ фактъ, что *сила* является повсюду *правомъ*, что она повсюду господствуетъ и властвуетъ, а то, что понятіе силы искажено и извращено, что такъ называемая соціальная сила есть не болѣе, какъ фикція, что она обуславливается не дѣйствительною силою, не дѣйствительнымъ совершенствомъ индивида, а чисто-посторонними, внѣшними обстоятельствами. Сила всегда господствовала и всегда будетъ господствовать,— это общій законъ, регулирующий отношенія всѣхъ живыхъ существъ между собою; возставать противъ него бессмысленно; жаловаться на него нельзя. Безъ не о немъ мыслимъ прогрессъ, безъ него вѣчный застой и непробудная спячка. Но нужно только, чтобы сила была *дѣйствительною силою*. Если то, что теперь считается силою, не есть истинная сила, то нужно поставить вмѣсто нея истинную,

ными словами нужно реформировать, видоизмѣнить характеръ и значеніе соціальной силы. Но какъ реформировать, какъ видоизмѣнить?

Къ этому вопросу Жирарденъ и сводитъ, въ концѣ концовъ, вопросъ о критеріѣ права. Если право есть сила, т. е. если сила есть единственный критерій права, то, слѣдовательно, опредѣливъ характеръ силы, мы опредѣлимъ и характеръ критерія права.

По мнѣнію Жирардена, вся исторія развитія западно-европейскихъ обществъ можетъ быть раздѣлена на два періода: періодъ варварства и періодъ цивилизаціи. Характеристическою чертою перваго періода являлось отождествленіе *понятія о силѣ вообще* съ представленіемъ исключительно о *матеріальной силѣ*. Характеристическою же чертою втораго періода должно быть отождествленіе понятія о силѣ вообще съ представленіемъ о силѣ исключительно духовной; потому что только духовная сила, т. е. только человѣческій разумъ есть истинная, реальная сила человѣка, есть истинный показатель его совершенствованія,—только она одна даетъ ему истинное превосходство; только она одна приближаетъ его къ высшему идеалу его породы. «Въ варварскомъ состояніи общества матеріальная сила есть все, духовная сила ничто. Въ цивилизованномъ обществѣ сила матеріальная—ничто, сила духовная—все. Это дѣленіе, обусловливаемое самою сущностью вещей, показываетъ намъ, что французское общество еще на пол-дорогѣ отъ варварства къ цивилизаціи. Войны, завоеванія, деспотизмъ власти, что это такое какъ не проявленія силы матеріальной, національной? Науки, открытія, свобода, что это все, какъ не проявленіе силы интеллектуальной, индивидуальной? Обманъ, богатство, конкуренція что все это, какъ не проявленіе силы промышленной, торговой?» (стр. 698). Такимъ образомъ, право сводится къ силѣ, къ господству человѣческаго разума. Умственная роль человѣка, индивидуальный интеллектъ признается единственнымъ критеріумомъ, какъ индивидуальной свободы, такъ и права. «Единственное право, которое умъ мой ясно можетъ понимать, говоритъ Жирарденъ, это право индивидуальное, право сильнѣйшаго въ *умственномъ, научномъ, промышленномъ, торговомъ* отношеніяхъ, право, повсюду заступающее мѣсто права коллективнаго, права сильнѣйшаго, въ *матеріальномъ, численномъ, легальномъ, территориальномъ* отношеніяхъ, только одно это право не пустое, безсодержательное слово!» (стр. 711). Что же, однако, понимаетъ Жирарденъ подъ силою *матеріальною* и подъ силою *духовною*? Онъ нигдѣ не даетъ точнаго опредѣленія

этими выраженіями. Но это опредѣленіе не трудно вывести изъ того, что онъ говоритъ объ обѣихъ этихъ силахъ. Говоря о силѣ матеріальной, онъ вездѣ подразумѣваетъ физическое господство человѣка надъ человѣкомъ, т. е. господство, основанное на грубомъ насиліи; т. е. *подъ силою* матеріальною онъ вездѣ понимаетъ *силу тѣлесную*. Въ этомъ смыслѣ онъ, говоря о правѣ, основанномъ на матеріальной силѣ, выражается слѣдующимъ образомъ: «Право, которое такъ высоко цѣнить *тѣлесную* сторону человѣка, и такъ низко его духовную, можно сравнить съ тѣломъ, лишеннымъ духа, лишеннымъ разума; это *идіотическое право*.» (стр. 700). Матеріальную, тѣлесную силу Жиранденъ противопоставляетъ такъ называемой имъ *духовной силѣ*, и право этой духовной силы онъ признаетъ истиннымъ правомъ, реальнымъ правомъ, разумнымъ правомъ. Слѣдовательно, всякое господство человѣка надъ человѣкомъ, основывающееся не на тѣлесной силѣ, будетъ, съ его точки зрѣнія, разумнымъ, правовымъ господствомъ. Но деньги, богатство—эта сила буржуазіи, вѣдь это не тѣлесная сила, вѣдь это не тѣлесное превосходство? Составляетъ ли она часть духовной силы и господство, основанное на ней, будетъ ли господствомъ разумнымъ, правовымъ, воплѣнъ соотвѣтствующимъ потребностямъ и задачамъ человѣческой цивилизаціи? Если бы Жиранденъ былъ воплѣнъ послѣдователенъ, если бы дѣйствительно, онъ былъ только *логикъ* и ничего болѣе, тогда, разумѣется, онъ не могъ бы признать богатство, деньги за духовную силу, онъ не могъ бы оправдывать господства, основаннаго на этой мнимо-духовной силѣ; тогда онъ долженъ былъ бы раздѣлить исторію развитія западно-европейскихъ обществъ не на два періода, какъ онъ это сдѣлалъ, а на три. Между періодомъ варварства и періодомъ цивилизаціи, онъ долженъ былъ бы поставить періодъ буржуазіи, взявъ за характеристическую черту этого періода отождествленіе понятія о силѣ вообще съ представленіемъ объ исключительной силѣ капитала, объ исключительной силѣ денегъ. Онъ долженъ былъ бы сознаться, что какъ сила, основанная на превосходствѣ мускуловъ, такъ и сила, основанная на матеріальномъ богатствѣ, не составляютъ истинной, дѣйствительной силы человѣка, какъ существа мыслящаго, разумнаго, и что преобладаніе этихъ силъ, что борьба за нихъ не можетъ никогда привести ни къ усовершенствованію человѣческаго рода, ни, слѣдовательно, къ развитію соціальнаго прогресса. Но Жиранденъ, вѣрный своей буржуазной, а совсѣмъ не общечеловѣческой логикѣ, безъ малѣйшаго колебанія, отождествляетъ періодъ буржуазіи съ періодомъ цивили-

заціи, силу денегъ, силу богатства съ силою ума. «Единственное право, которое я могу понять, говоритъ онъ, есть право сильнѣйшаго въ умственномъ, научномъ, *промышленномъ* и *торговомъ* отношеніяхъ.» Обратите вниманіе на подчеркнутыя слова *право сильнѣйшаго въ промышленномъ и торговомъ отношеніи*, *droit du plus fort industriellement, commercialement!* Это значитъ: чѣмъ больше твоя фабрика, чѣмъ шире твои торговые обороты, тѣмъ больше должны быть и твои права! Твое богатство есть единственный критерій, единственная мѣра твоего права, потому что богатство служить показателемъ твоей духовной силы, твоего интеллектуальнаго развитія! Вотъ выводъ, къ которому сводится вся эта, повидимому, такая либеральная, такая возвышенная, такая гуманная философія права. Вы видите, что и здѣсь, какъ и въ вопросѣ о свободѣ, она является только покорною истолковательницею, безпрекословною слугою интересовъ буржуазіи. Она обоготворяетъ человѣческую личность, она индивидуализируетъ право, она отвергаетъ положительные законы и государственное вмѣшательство въ взаимныя отношенія людей, она разрушаетъ самое государство и всѣ эти подвиги она совершаетъ ради интересовъ движимаго капитала, ради интересовъ буржуазіи.

Но, разрушая государство, отвергая положительные законы, отвергая уголовную репрессію, что же ставить она на ихъ мѣсто? Въ какія практическія формы отливаетъ она свои теоретическіе принципы? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ *Politique universelle*, къ которой мы теперь и обратимся.

N.

ИМПЕРІЯ ДЕНАБРЬСКОЙ НОЧИ.

(Окончаніе).

Великіе политическіе кризисы владуть особенный отпечатокъ на людей, дѣйствующихъ на сценѣ исторіи. Они ясно разоблачаютъ какъ достоинство человѣческаго характера, такъ и недостатки его. Въ обыкновенное спокойное время все сливается съ общимъ уровнемъ ничѣмъ ненарушаемой посредственности. Гений остается незамѣтнымъ среди обыденной жизни, не требующей ни особеннаго ума и воли, ни энергіи страстей; глупецъ можетъ казаться совсѣмъ не глупымъ въ толпѣ мелкихъ людей и событій. Честность и подлость легко обмѣниваются своими ролями, и подъ маской безцвѣтнаго общественнаго положенія могутъ носить совершенно не тѣ фізіономіи, какія мы приписываемъ имъ. Надо не мало имѣть проницательности и критическихъ инстинктовъ, чтобы распознавать въ это время настоящее золото отъ фольги и задорнаго крикуна отличать отъ мыслящаго человѣка. Въ другомъ свѣтѣ и съ другими очертаніями являются люди въ эпохи великихъ событій, когда сила вещей выводитъ изъ апатіи общество и волнуетъ его страсти, удваиваетъ его энергію и даетъ его жизни ускоренный ходъ. Боязнь за будущее и неизвѣстность настоящаго приводятъ въ броженіе самыя сонныя и вялыя натуры и заставляютъ ихъ принимать участіе въ общемъ теченіи событій. Что прежде казалось вѣчнымъ и неизмѣннымъ, невозбуждавшимъ ни мысли, ни чувства, теперь вдругъ дѣлается предметомъ размышленія и заботы. Все

просыпается и рвется къ свѣту. Какъ хорошія, такъ и дурныя стороны общественнаго строя и общественныхъ дѣятелей проявляются рѣзче, чѣмъ въ обыкновенное время. Дарованіе и тупость, искренность и лицемеріе, отвага и трусость становятся лицомъ къ лицу въ такое ясное и рѣшительное положеніе, что никто больше не ошибается насчетъ ихъ дѣйствительнаго значенія и никто не смѣшиваетъ одно съ другимъ. Борьба противоположныхъ интересовъ и убѣжденій, столкновеніе партій, быстрый и энергическій обмѣнъ мнѣній—все это снимаетъ поддѣльное клеймо какъ съ человѣческихъ дѣлъ, такъ и съ личностей. Однимъ словомъ, политическіе перевороты, подобные февральской революціи и декабрьскому *Coup d'état* во Франціи, служатъ настоящимъ пробнымъ камнемъ для оцѣнки ихъ дѣятелей.

А главными дѣятелями въ подготовленіи декабрьскаго переворота, со всѣми его печальными послѣдствіями, были представители либеральной партіи. Теперь ясно, какъ божій день, что не консерваторы, не наемные друзья Люи Наполеона, не „Свѣтъ-жерменскіе поддонки“, оставшіеся отъ прежнихъ реакцій, устроили для Франціи декабрьскую бойню, изъ которой президентъ республики вышелъ побѣдителемъ и диктаторомъ, а либералы, которыхъ мы и доселѣ видимъ на оппозиціонной скамьѣ законодательнаго собранія. Семнадцать лѣтъ прошло послѣ *Coup d'état*, семнадцать тяжелыхъ лѣтъ, обильныхъ всевозможными опытами и уроками, но эти фразеры остаются съ тѣми же пустыми, но громкими фразами на языкѣ и съ тѣми же тупымъ непониманіемъ духа времени и исторіи французскаго народа. Ничто не могло вразумить ихъ—ни деспотизмъ второй имперіи, ни упадокъ нравственныхъ силъ націи, ни казенскія ссылки, ни раззорительныя войны, стоившія Франціи миллионныя франковъ и людей. Въ составъ этой партіи входили самыя разнообразныя элементы—ученые, литераторы, адвокаты, чиновники вышнихъ административныхъ сферъ, генералы, болѣе солидные рантье, публицисты, готовые продать Богомъ данныя имъ способности за первое доходное мѣсто, и пессимисты впредь до полученія хорошаго денежнаго куша, — коротко, самая отборная часть буржуазіи, вос-

питанной подъ вліаніемъ растлѣвающей политики Людовика-Филиппа. Типъ этой партіи долго ускользалъ отъ всякаго опредѣленнаго очерка, отчасти потому, что быстро смѣнявшіяся политическія катастрофы породили хаосъ въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ націи, — хаосъ, мѣшавшій разсмотрѣть лицевую сторону дѣйствующихъ партій, и отчасти потому, что эпоха Людовика-Филиппа все сглаживала и обезцвѣчивала съ изумительнымъ искусствомъ. Это было время полного торжества мѣщанской философіи, которой послѣдняя формула выражается словами: *каждый для себя, каждый про себя*. Индивидуальный и чисто-личный эгоизмъ душилъ всякое живое проявленіе общественнаго принципа. Всѣ лучшія черты французскаго характера исчезли въ этой мелкой и непрерывной борьбѣ каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго отдѣльно. Страсть къ легкой наживѣ, жажда тепленькихъ мѣстъ и спекуляція господствовали надъ всѣмъ и всему давали тонъ и направленіе. „Никогда ничего подобнаго, говоритъ историкъ февральскихъ дней, не было видано въ исторіи. Страсть къ деньгамъ овладѣла всѣми грязными душонками до такой степени, что общество впало въ самый грубый, животный матеріализмъ. Наживѣ были посвящены всѣ силы — умъ, талантъ, краснорѣчіе, гений и, въ случаѣ нужды, самая добродѣтель. Извлекали золото даже изъ репутаціи, пріобрѣтаемой съ помощью того же золота. Все было оцѣнено, все запродано, на самую славу былъ наложенъ извѣстный тарифъ. О незабвенный развратъ той благородной страны, которая доставила прежнимъ временамъ столько великихъ дѣятелей и новѣйшимъ самыхъ безкорыстныхъ мучениковъ! Торговали всѣмъ — подачей голосовъ, продажною совѣстію; покупали честь и продавали законъ... Изъ этого вышло то, что впродолженіе почти 18 лѣтъ ядъ капалъ на насъ сверху, капля по каплѣ, но постоянно и отъ руки опытной.“ Вотъ та нравственная атмосфера, въ которой воспитывалось буржуазно-либеральное поколѣніе, встрѣтившее рожденіе февральской республики и похоронившее ее въ могилѣ 3 декабря. Какими особенными качествами могли застаться на этомъ толкучемъ рынкѣ люди, призванные вести націю въ трудныя времена внезапнаго переворота? Гдѣ было взять тѣхъ силъ, той твердой воли, той чи-

стоты характера и того зоркаго ума, которые соотвѣтствовали бы важности и грандіозности наступившихъ событій? Откуда могла явиться та неподкупная честность, которая такъ необходима въ смутныя эпохи народныхъ движеній? Пока дѣло ограничивалось пустозвонными фразами, парламентскими рѣчами и трагическими жестами, которыми ораторы тѣшили только самихъ себя, пока все обстояло благополучно и вся мудрость либеральной партіи заключалась въ искусствѣ продавать свои красивыя фразы какъ можно прибыльнѣе, — никто не замѣчалъ, что подъ этой вылощенной оболочкой скрывается гниль и труха. Даже сами обладатели этого вѣшняго лоска не сознавали всей пустоты своего внутренняго содержанія. Они такъ привыкли къ самодовольному созерцанію своего картоннаго величія, такъ долго занимались только самими собою, что искренно стали принимать актера за дѣйствительное лицо и декорацію за живую картину. Они были такъ далеки отъ общественныхъ стремленій и интересовъ, такъ горячо влюблены въ свои личныя цѣли и поползновенія, что когда пришлось помѣряться съ другими фактами и требованіями жизни, болѣе серьезными, чѣмъ набиваніе своего кармана втихомолку, то вдругъ оказалось, что это не дѣятели, а риторы, не великаны, а пигмеи. Событія 1848 года на первыхъ же порахъ обнаружили крайнюю несостоятельность либеральной партіи. Совершившійся переворотъ выдвинулъ на первый планъ такіе важные общечеловѣческіе и соціальные вопросы; предъявилъ такъ много новыхъ задачъ временному правительству, что всякая полезная мысль, всякая честная сила могла найти себѣ доступъ къ дѣятельности и оказать странѣ дѣйствительныя услуги. Теперь требовались не фразы, а дѣло, не платоническая любовь къ народу, а реальное и сознательное сочувствіе его нуждамъ и страданіямъ. Реорганизация конституціи, коснувшись коренныхъ основъ ея, обнимала всѣ вѣтви внутренняго управленія Франціи и ея международныхъ отношеній. Начиная отъ сельской школы и до высшей администраціи, отъ мелкаго чиновника и до президента республики — все требовало органическихъ положеній, глубокаго обдумыванья и быстрого исполненія? Задача еще болѣе усложнялась тѣмъ, что въ основаніи переворота лежала экономическая идея, стоявшая

впереди всѣхъ политическихъ соображеній. Рабочій вопросъ, созрѣвшій незамѣтно въ мастерскихъ и бѣдныхъ мансардахъ, выступилъ на сцену, въ лицѣ двухъ сотъ тысячъ парижскихъ работниковъ, въ полномъ всеоружіи. Трудъ требовалъ ассоціаціи, капиталъ примиренія съ общественною совѣстію, и все угнетенное и обиженное—возстановленія своихъ человѣческихъ правъ. Объять всю массу возникшихъ вопросовъ, согласить самыя противоположныя интересы сословій и партій, дать направленіе всему ходу событій, ввести новый механизмъ жизни, не разрушая вполнѣ стараго,—все это составляло колоссальную работу, требовало колоссальныхъ людей по уму, искренности и добросовѣстному отношенію къ дѣлу. Но могла ли либеральная партія, какъ господствующая сила страны, дать изъ среды своей достойнаго вождя Франціи? На этотъ вопросъ всего лучше отвѣчало избраніе Ламартина президентомъ республики.

Онъ и Одилонъ-Баро были самыя популярныя личности передъ февральской революціей. Адвокатъ, человѣкъ по самой профессіи своей неизмѣющій никакихъ за душою убѣжденій, и поэтъ, воспѣвавшій нѣкогда Реставрацію и Людовика XVIII, явились главными дѣйствующими лицами переворота. Ламартинъ, обязанный своей популярностью „Исторіи жирондистовъ“, книгѣ, написанной увлекательно, но безъ всякаго опредѣленнаго взгляда, безъ всякой ясно обозначенной цѣли, былъ героемъ дня. Такіе же барабанщики либеральныхъ фразъ, какъ онъ самъ, бѣдный и недалекій поэтъ, приняли его за человѣка серьезнаго и способнаго держать въ своихъ рукахъ судьбу Франціи. И это было ослѣпленіе не партіи, не сословія, а всего поколѣнія, выросшаго въ буржуазной атмосферѣ Людовика-Филиппа. Люди, разучившіеся думать, биржевые игроки, занятые всю жизнь преслѣдованіемъ своихъ личныхъ интересовъ, продажныя публицисты и самодовольные спекуляторы,—такіе люди не могли отличить пустого красноречія отъ настоящаго политическаго дѣятеля; красивая фраза казалась имъ красивымъ содержаніемъ, отсутствіе логики и силы ума замѣнялось для нихъ поэтическимъ энтузіазмомъ и торжественными воззваніями къ богинѣ свободы. Были люди другого закала, неизмѣримо болѣе умные и спо-

собные стоять во главѣ правительства, но у нихъ не было ни громкой популярности, ни общественнаго высокаго положенія. Они терялись въ массѣ народа, и ужь, разумѣется, не имъ либеральная партія могла довѣрить свои интересы. Такимъ образомъ Ламартинъ дѣлается главою республики и вождемъ Франціи.

Мы не будемъ останавливаться на подробной характеристикѣ Ламартина — читатель найдетъ ее у Жюа Лефрена, — и только покажемъ здѣсь, какими побужденіями руководствовался этотъ жалкій президентъ въ своей политической карьерѣ? Понималъ ли онъ сколько нибудь всю важность событій, которыхъ нить находилась въ его рукахъ? И чего могла ожидать демократическая республика отъ этого параднаго поэта?

Въ первые дни, въ медовые дни народнаго энтузіазма, слѣдовавшаго за побѣдой, Ламартинъ былъ не бесполезенъ. Его имя, его восторженныя рѣчи, его вліяніе на парижское живое и впечатлительное населеніе имѣли благотворное дѣйствіе. Когда онъ являлся на трибунѣ, облеченный высшею административною властію, толпы невольно покорялись его горячему слову. Въ искренности его честныхъ стремленій никто не сомнѣвался, и даже нельзя было отказать ему въ извѣстной долѣ гражданскаго мужества. Онъ первый заговорилъ о республикѣ; онъ вѣреди всѣхъ поднялъ ея трехцвѣтное знамя. По рожденію, по связямъ и по богатству онъ принадлежалъ къ старой французской аристократіи, но когда нужно было стать на сторонѣ народной партіи — онъ не побоялся разорвать старыя отношенія, и ринуться въ бурный потокъ революціоннаго движенія. Но все это было хорошо только на нѣсколько дней, когда нужна была не трудная и холодная работа законодателя и правителя, а пропаганда публичнаго оратора и, если угодно, актера. Когда же эти дни прошли и надо было сосредоточиться въ себѣ, отдать всего себя скромной и кропотливой кабинетной работѣ, изучить до мельчайшихъ подробностей существенныя части управленія и административнаго механизма, пожертвовать ради общественнаго блага самолюбіемъ и популярностію, — для такого труда Ламартинъ былъ совершенно неспособенъ. Какъ поэтъ, и притомъ зараженный аристократическимъ тщеславіемъ,

емъ, онъ не могъ забыть свою личность ни на одну минуту. Ему нужны были аплодисменты и шумъ толпы, ласкающій его ухо хвалебными восклищаніями; его мелкому самолюбію дорогъ былъ не успѣхъ общаго дѣла, а внѣшній эффектъ, производимый его особой на публику. Онъ боялся не за то, что каждая ошибка его можетъ въ послѣдствіи повести къ страшнымъ послѣдствіямъ, — нѣтъ, онъ боялся, чтобы въ его краснорѣчіе не вкралась какая нибудь анти-музыкальная фраза и не нарушила гармоніи его рѣчи. Онъ любовался только самимъ собою, только въ самомъ себѣ видѣлъ Францію. Изъ блестящихъ гостиныхъ онъ спѣшилъ въ демократическіе клубы, и постоянно былъ занятъ одною мыслию, чтобы имя его не было произнесено съ укоромъ или ескорбленіемъ. Желая стать центромъ примиренія между враждебными элементами общества, онъ льстилъ однимъ и угождалъ другимъ, онъ хотѣлъ нравиться радикаламъ и любезничалъ съ консерваторами. Въ душѣ онъ былъ всегда орлеанистомъ, и вдругъ, по какому-то вдохновенію свыше, сдѣлался республиканцемъ. Въ концѣ концовъ онъ игралъ роль самой безцвѣтной правительственной личности, самого безхарактернаго президента республики и, не понимая ни смысла событій, ни значенія своего высокаго призванія, далъ новорожденной республикѣ такое ложное направленіе, которое логически должно было привести ее къ декабрьскому перевороту. А между тѣмъ Ламартинъ могъ считаться самымъ лучшимъ выразителемъ либеральной партіи, самымъ полнымъ воплощеніемъ ея умственнаго и нравственнаго безсилія. Такимъ образомъ, благодаря ему, іюньскіе дни быстро подходили и реакція была неизбѣжна.

Послѣ Ламартина во главѣ правительства становится Кавеньякъ; послѣ медоточиваго поэта является суровый алжирскій солдатъ. Диктатура Кавеньяка была естественнымъ результатомъ всѣхъ предшествовавшихъ ошибокъ либеральной партіи. Послѣ переворота масса парижскаго рабочаго населенія находилась въ бѣдственномъ положеніи, въ еще болѣе худшемъ, чѣмъ при Людовикѣ Филиппѣ. Тысячи людей буквально были выброшены на улицу, съ закрытіемъ нѣкоторыхъ мастерскихъ; тысячи бѣдныхъ семействъ не имѣли ни крова, ни куска хлѣба въ продолженіи нѣсколькихъ дней, пока

временное правительство не распорядилось устроить одновременную выдачу пособій. Люи Бланъ въ своихъ статистическихъ материалахъ для изученія соціального положенія Парижа въ это время, между прочимъ, приводитъ слѣдующія цифры: 10,000 семействъ жили въ душныхъ и зловонныхъ подвалахъ или мансардахъ, имѣя дневнаго содержанія на каждаго индивидуума только 2 су (т. е. 2 1/2 коп.); 16,000 безсемейныхъ работниковъ существовали въ сутки на 5 су, т. е. могли жить впроголодь и спать гдѣ Богъ послалъ; наконецъ 33,000 человекъ всевозможныхъ рабочихъ категорій могли зарабатывать только отъ 1—1 1/2 фр. въ сутки. Въ числѣ ихъ были преимущественно бѣдные швей и каменщики. (См. *Statistique Sociale de Paris*. Louis Blanc. 1848.)

Съ нуждой и голодомъ рука объ руку шли и другія народныя бѣдствія. Цифра смертности увеличилась на 5% больше противъ обыкновеннаго времени. Уныніе, отчаяніе, нервная раздражительность стали сопровождаться болѣзненными симптомами мозга и припадками холеры, которая впоследствии разразилась страшнымъ опустошеніемъ города. Зло росло съ удивительной быстротой. „2 марта, говоритъ Делоръ, по приблизительному разсчету, сдѣланному въ Городской думѣ, въ Парижѣ насчитывалось не болѣе 17,000 работниковъ, оставшихся безъ работы и слѣдовательно безъ всякихъ средствъ: къ 15 марта эта цифра возрасла до 49,000, а 20 іюня она превышала 107,000.“ (*Histoire du Seconde Empire* par T. Delord. 1869, t. I, p. 92). Такъ увеличивалась масса людей недовольныхъ, наконецъ увидѣвшихъ, что плоды побѣды, такъ дорого купленной народомъ, достались не ему, что великіе обѣты республики не осуществились и что настоящее еще хуже прошлаго. Гдѣ же эта обѣтованная земля, текущая медомъ и млекоомъ, которую обѣщали народу либеральные ораторы, подобные Ламартину? Гдѣ же это равенство передъ закономъ, это евангельское братство, которымъ такъ заманчиво увлекали толпу, просившую гораздо меньше — только насущнаго хлѣба? Гдѣ же, наконецъ, та гармонія общественныхъ отношеній и организація труда, которая должна была облегчить участь бѣднаго? На

всѣ эти вопросы временное правительство, какъ бы не хотя, отвѣчало устройствомъ національныхъ мастерскихъ, по образцу наполеоновскихъ казармъ. Это была какая-то странная, бессмысленная амальгама полу-благотворительнаго и полу-карательнаго учрежденія, гдѣ рабочій былъ и безпомощнымъ пролетаріемъ, получающимъ кусокъ хлѣба на счетъ государства, и работъ чужой воли. Вступая въ это заведеніе, онъ терялъ всякую личную самостоятельность и въ то же время не принадлежалъ никакому обществу. А между тѣмъ положеніе этихъ 107,000 людей обязывало временное правительство взглянуть на экономическій вопросъ посерьезнѣе; въ разрѣшеніи его заключалась вся сила правительственной власти и все будущее республики. Пойми эту задачу Ламартинъ съ компаніей, разрѣши ее удовлетворительно и неотлагаемо, и тогда не было бы ни іюньскихъ дней, ни декабрьскаго переворота. Но Ламартинъ не только не понималъ всей важности этого капитальнаго вопроса, — онъ даже противодѣйствовалъ его разрѣшенію, отдѣливъ работы Люи Влана отъ работъ временнаго правительства. Этого мало; онъ допустилъ самую безумную мѣру, послѣ которой и его политическая карьера, и республика могли считаться безвозвратно погибшими. Какъ ни были жалки и мизерны по своему устройству національныя мастерскія, но онѣ, какъ всякая богадѣльня, по крайней мѣрѣ, обеспечивали рабочему населенію Парижа трудъ и вѣрный заработокъ. Онѣ парализовали народное раздраженіе, которое каждый день угрожало обратиться въ междуусобную войну. Но близорукость Ламартина была неизмѣримо хуже того злого генія, на который онъ жаловался впоследствии, какъ несчастный поэтъ. Онъ какъ будто боялся заглянуть въ будущее завтрашняго дня и взвѣсить послѣдствія своихъ распоряженій. Его по прежнему занимали торжественныя манифестаціи, официальные обѣды, цвѣтъ и выкройка республиканскаго знамени; онъ все свое время посвящалъ шрифовеѣ красивыхъ фразъ, расточаемыхъ съ трибуны, и никакъ не могъ догадаться, что, сторожившая его исподтишка, пока еще слабая и темная, но опасная по своему іезуитскому характеру, партія авантюристовъ, игравшихъ

именем Наполеона, роетъ ему яму, подъ самымъ его носомъ. Но и либеральные друзья Ламартина не особенно далеко ушли отъ своего Орфея по дальновидности. Они обратили общественное дѣло въ мелочную лавочку своихъ личныхъ выгодъ; они клеветали другъ на друга съ безкорыстною наглостію, за что впослѣдствіи Миркуръ, по крайней мѣрѣ, довольно щедро оплачивался парижской префектурой; они искали богатства и отличій и, вѣрные тактикѣ своихъ отцовъ, перебѣгали отъ одной партіи къ другой; они вносили раздоръ и ненависть въ самыя интимныя отношенія близкихъ по убѣжденіямъ людей и свободную прессу сдѣлали органомъ личныхъ перебранокъ и закулисныхъ откровенностей! Никогда не чувствовалось болѣе настоятельной надобности въ руководящемъ умѣ и сильномъ характерѣ, какъ въ эту роковую минуту, и никто не явился этимъ спасителемъ, никто даже не подумалъ о немъ. А между тѣмъ надъ Парижемъ, наканунѣ 22 іюня, висѣла мрачная туча, и никто не зналъ, куда подуетъ вѣтеръ и понесетъ тучу. Только всѣми ясно сознавалось, что еще одинъ ошибочный шагъ, еще одна оскорбительная мѣра противъ народа, и междуусобная война неминуемо проснется. Такъ и случилось. Правительство издало декретъ, не прямо, но косвенно закрывавшій національныя мастерскія; оно постановило, что рабочіе отъ 18 — 20-лѣтняго возраста должны рѣшиться на переселеніе изъ Парижа для производства земляныхъ работъ въ провинцію или записаться въ армію. „Эта мѣра, говоритъ Делоръ, одновременно оскорбляла справедливость и политику. По какому праву правительство изгоняло изъ Парижа тысячи гражданъ и заставляло ихъ выбирать между добровольной ссылкою и солдатчиной.“ (Стр. 93). Это понимали и рабочіе, отъ которыхъ депутаты явились къ министру публичныхъ работъ, г. Мари для объясненія. Послѣ довольно горячаго спора, депутаты объявили, что они не оставляютъ Парижа. Министръ отвѣчалъ имъ: „если рабочіе не хотятъ отправиться изъ Парижа въ провинцію, то мы заставимъ ихъ силой; силой—слышите ли вы?—Силой, — хорошо; по крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ то, что хотѣли знать.— А что вы хотѣли знать? — Что правительство никогда не желало искренно организаціи труда.“ (Стр. 94). Изъ этого объясненія двѣсти ты-

тячь парижскихъ рабочихъ ясно увидѣли, что они обмануты временнымъ правительствомъ, что они загребли жаръ своими руками для удовольствія другихъ. Теперь стало ясно, что объ участи ихъ всего менѣе заботились люди, избранные ими въ представители народнаго правленія. Раздраженіе было всеобщее, и на слѣдующій день началось возстаніе.

Временное правительство, чувствуя себя неспособнымъ удерживать дольше накопившееся народное негодованіе, лишившись всякаго довѣрія со стороны рабочихъ классовъ, по необходимости стало думать о военной диктатурѣ. Оно призвало на помощь себѣ противъ народа войско, ту самую вооруженную силу, которая во время декабрьскаго переворота оказала такую существенную услугу измѣнникамъ конституціи, и выбрало генерала Кавеньяка диктаторомъ. Диктатура, воздвигнутая на трупахъ, давала чувствовать, что между Франціей и ея правительствомъ нѣтъ болѣе никакой нравственной солидарности, что страна раздѣлилась на два лагеря — побѣдителей и побѣжденных. Столица была объявлена на военномъ положеніи, и все темное и грязное, что до сихъ поръ лежало на днѣ, низверженное революціей, опять всплыло на верхъ и сдѣлалось господствующимъ элементомъ террора. „Началась, гочорить Люи Бланъ, безграничная паника, возобновился старый порядокъ подозрѣній и яростныхъ доносовъ, какихъ прежде никогда не было и никогда не будетъ. Нужно ли было раззорить соперника, погубить недруга, удовлетворить личное мщеніе — достаточно сказать о своемъ врагѣ, что „онъ былъ на баррикадахъ“, и дѣло считалось конченнымъ.“ „Въ первые дни осаднаго положенія, толпы вооруженныхъ буржуа наполняли городъ, и Парижъ представлялъ сплошную массу живыхъ баррикадъ. Когда торговый людъ съ пѣной у рта вытребовалъ себѣ свободный проѣздъ по городу, начали тотчасъ преслѣдовать тѣхъ, которыхъ не могли схватить на дорогѣ. Напуганные всѣмъ, и опьянѣлые отъ злобы, повсюду бѣгали стражи, съ словами угрозы и мщенія. Неприкосновенность многихъ спокойныхъ жилищъ была наглымъ образомъ нарушена агентами какого-то новаго и никому неизвѣстнаго тиранна. Они останавливали общественныя

кареты, и обыскивали въ нихъ остатки успокоившагося возстанія; они запускали въ нихъ подозрительные взгляды и ощупывали ихъ штыками. Въ это смутное время журналистика, спекулировавшая на счетъ напуганнаго восбраженія публики, распускала нелѣпные слухи и возбуждала преслѣдованія и доносы. Горе тѣмъ, кто произносилъ слова сожалѣнія! Оплакивать заблужденіе инсургентовъ, сказать, что многіе изъ нихъ были увлечены на баррикады голодомъ—это значило дать поводъ подозрѣвать себя въ соучастіи съ ними. Даже родственники, друзья ихъ не смѣли плакать надъ своими покойниками. Трауръ побѣжденной партіи во время многочисленныхъ похоронъ считался преступленіемъ. Одну молодую дѣвушку разстрѣляли только за то, что она приготовляла корпію для своего мужа, или любовника, или отца, лежавшаго въ больницѣ вмѣстѣ съ инсургентами. Недоставало только того, чтобы, подобно магдебургскому кровопролитію Тилли или кременскимъ убійствамъ когорть Антонія, дома были преданы грабежу и дѣти убивались камнями; но чего недоставало военной свирѣпости, то замѣнялось безчестіемъ. Шпіонство сдѣлалось гражданскимъ подвигомъ; выдать друга — значило услужить отечеству, убить — значило выказать храбрость... О позоръ моей родины! Были минуты, когда Парижъ, казалось, принадлежалъ бѣшеннымъ дуракамъ.“ (*La Revol. de fevrier par Louis Blanc. 1848, p. 184*). Такимъ образомъ началась полная реакція, та предсмертная агонія республики, которую однимъ ударомъ прекратилъ Люи-Наполеонъ съ компаніей. Для людей болѣе дальновидныхъ теперь стало ясно, что пораженіе, нанесенное народу, оскорбленіе, сдѣланное всѣмъ лучшимъ правамъ конституціи, было въ то же время пораженіемъ и оскорбленіемъ всей Франціи. Теперь судьба ея принадлежала той или другой партіи, тому или другому авантюристу, но не ей самой. Теперь все зависѣло отъ того, кто лучше воспользуется ошибками тупоумнаго временнаго правительства и у кого будетъ болѣе наглости захватить въ свои руки власть и вліяніе.

Самой способной въ этомъ отношеніи оказалась партія бонапартистовъ. Собственно говоря, этой партіи ни передъ февральскимъ переворотомъ, ни вскорѣ послѣ него не существовало во Франціи.

Мы видѣли уже, какими комическими пародіями оканчивалъ свои попытки принцъ Наполеонъ, желавшій именемъ своего дяди во-скресить въ арміи энтузіазмъ къ своей особѣ. Мы знаемъ также, что во время іюльской революціи бонапартѣсты, мечтавшіе о воз-становленіи своего прежняго величія, потерпѣли полнѣйшее фіас-ско. Въ 1848 году, когда Люи-Наполеонъ, послѣ 24 февраля явился изъ Лондона въ Парижъ засвидѣтельствовать свою искреннюю преданность республикѣ и представиться членамъ временнаго пра-вительства, его попросили немедленно возвратиться вспять и не показываться больше на территоріи Франціи. Наконецъ, на апрѣль-скихъ выборахъ ни одинъ голосъ не былъ поданъ за него и даже никто не вспомнилъ о немъ. Это былъ несчастный авантюристъ, упавшій духомъ, скитавшійся ввѣ Франціи безъ цѣли и дѣятель-ности, потерявшій всякую цѣну для своихъ друзей и почти за-бытый ими. И надо было совершить чудо, чтобы эту лич-ность выдвинуть на первый планъ въ глазахъ Франціи. Чудо это совершила либеральная партія. Приготовивъ постепенно іюнь-скую реакцію, она въ то же время приготовила Франціи бу-дущую вторую имперію. Этотъ фактъ превосходно объясняетъ намъ историкъ второй имперіи г. Делоръ. Когда либеральные буржуа дѣлали ошибку за ошибкой, когда каждый день и каждый часъ какъ будто обдуманно были употреблены на то, чтобы погубить новый поря́докъ вещей, Люи-Наполеонъ невидимо и неслышимо подвигался къ своей цѣли. Онъ, какъ ночь, неизбѣжно слѣдовалъ за днемъ. Но не столько онъ самъ понималъ это, сколько та кучка людей, которые видѣли въ немъ орудіе своего возвышенія и на-живы. Эта кучка состояла изъ разнаго рода искателей приключе-ній, промотавшихся прожекторовъ, неудавшихся либераловъ, ста-рыхъ поклонниковъ первой имперіи, однимъ словомъ, изъ людей, привывшихъ смотрѣть на Францію, какъ на игорный домъ, гдѣ можно поставить мѣдный грошъ и выиграть тысячу. Для нихъ все равно было, кто бы ни представлялъ фамилію Бонапартовъ—булонскій актеръ въ старомъ мундирѣ Наполеона I или какой ни-будь капралъ,—имъ нужно было имя Наполеона, и больше ничего. Сначала они сами не вѣрили въ успѣхъ своего предпріятія и,

конечно, никогда не осуществили бы его, если бы имъ не помогла либеральная партія, но вѣдь какой же игрокъ вѣрить, что, подойдя къ рулеткѣ съ гривенникомъ, онъ отойдетъ отъ нея съ сотнею тысячъ. Все дѣло въ случаѣ, и случай вмѣстѣ съ глупостію либераловъ помогъ бонапартистамъ. Нельзя однакожъ сказать, чтобы они вовсе ничего не дѣлали для успѣха своего замысла. Главные изъ нихъ — Персиньи и Мокаръ постоянно слѣдили за всѣми перепетіями республиканской партіи, и давали обо всемъ знать принцу Наполеону въ Лондонъ. Они ободряли его, совѣтовали ему, предлагали разные проэктъ и убѣждали вѣрить въ его счастливую звѣзду. Люи-Наполеонъ, вакъ человекъ крайне безхарактерный, созданный именно для такой пассивной роли, слушалъ и повиновался. Между тѣмъ авантюристы не плошали и въ самомъ Парижѣ. Мало-по-малу они плели свою паутину и заманивали въ нее любителей азартной игры. У нихъ были свои наемные публицисты, клеветавшіе на честныхъ людей, искренно преданныхъ республикѣ, и воспѣвавшіе славныя побѣды Бонапарта; у нихъ были свои банкиры, которымъ представлялся въ перспективѣ министерскій портфель или баронское достоинство; съ ними были іезуиты, посвящавшіе на исповѣди старыхъ грѣшницъ въ тайну будущей имперіи; наконецъ за нихъ было все, что желало случайнаго обогащенія и случайно-пріобрѣтенныхъ почестей. Къ іюньскимъ днямъ эта интрига, раскинула свои сѣти довольно широко, и имя Люи-Наполеона стало все чаще и чаще произноситься какъ въ консервативныхъ салонахъ, такъ и въ толпѣ народа. Съ его именемъ соединилась идея спасенія отъ анархіи и возстановленія правъ угнетеннаго рабочаго класса. И надо замѣтить, что Люи-Наполеону въ этомъ случаѣ сильно помогла самая неизвѣстность его среди парижскаго населенія. Оно знало очень хорошо поляйшую неспособность другихъ кандидатовъ на управление Франціею, но не знало, что такое этотъ таинственный принцъ. Въ массахъ французскаго народа, необразованнаго и полнаго всяческихъ предрасудковъ, этому имени давали особенный вѣсъ еще живыя воспоминанія объ аустерлицкомъ героѣ и врагѣ бурбоновъ. Такимъ образомъ, когда наполеоновская пропаганда, пущен-

ная въ ходъ ничтожной горстью ловкихъ игроковъ, получила силу, къ Люи-Наполеону стали присоединяться толпы либеральныхъ буржуа. Первымъ перебѣзчикомъ явился Тьеръ, ранѣе другихъ догадавшійся, какому богу выгоднѣе молиться. Онъ по утрамъ лебезилъ передъ республиканцами, а по вечерамъ преподавалъ свои мудрые совѣты бонапартистамъ. Повидимому все благопріятствовало Люи-Наполеону. Либералы отворяютъ ему ворота Парижа, и онъ является во Францію съ самыми задушевыми завѣреніями своей любви къ народу. Консерваторы видятъ въ немъ свое лучшее орудіе и направляютъ его къ извѣстнымъ цѣлямъ. Около него группируются всѣ фракціи партій, враждебныхъ республикѣ — и легитимисты, и клерикалы, и орлеанисты, и ультра-ретрограды. Такимъ образомъ, когда открылись декабрьскіе выборы 1849 года, онъ былъ поставленъ въ числѣ кандидатовъ на президентское кресло республики и получилъ пять съ половиною милліоновъ голосовъ въ свою пользу. Теперь было ясно, что Люи-Наполеонъ также возвысился, какъ упалъ Ламартинъ, за котораго было только 8000 голосовъ. Едва ли кто нибудь такъ быстро терялъ свою популярность, какъ Ламартинъ, и едва ли кто такъ легко приобрѣталъ ее, какъ Люи-Наполеонъ. Друзья его торжествовали и одинъ изъ нихъ въ восторгѣ, сказалъ: „Итакъ, Франція теперь наша!“ Дѣйствительно, ставка удалась и выигрышъ 36,000,000 французовъ достался г.г. Персины, Мокарамъ, Флери, Морни и tutti quanti.

Сдѣлавшись президентомъ республики, Люи-Наполеонъ понималъ свою роль — или, лучше сказать, искусно сыгралъ ее до самого конца. Всѣ существенные и главные шаги его политической карьеры были подсказаны ему его частавниками и сторонниками, но за то вся театральная часть, всѣ декорации въ исполненіи ея неотъемлемо принадлежали ему. И надо отдать справедливость, съ одной стороны, необыкновенной близорукости Жака-Дурачка, а съ другой искусству великолѣпнаго актера. Поставленный между условіями республиканскаго правленія и своими собственными симпатіями къ деспотизму, онъ мастерски служилъ богу и мамону. Когда онъ влялся въ вѣрности республикѣ, въ душѣ его не было ни малѣйшей увѣренности въ ней; когда онъ обѣщаль хранить свято „ве-

ликіе принципы 1789 года“, онъ зналъ, что эти принципы нигуда негодятся для его цѣлей; когда онъ заигрывалъ съ свободой Франціи и ставилъ ее финаломъ всѣхъ своихъ стремленій, на губахъ его замирала другая фраза: хороша ты, прекрасная свобода только до тѣхъ поръ, пока я не положу тебя въ свой карманъ. Къ рабочимъ онъ обращался съ такими рѣчами: „Видите ли, говорилъ онъ имъ, раздавая записныя книжки сберегательной кассы,—самые искренніе и преданные мои друзья живутъ не въ дворцахъ, а подъ соломенными крышами, не среди вызолоченной обстановки, а въ мастерскихъ, на площадяхъ и на поляхъ. Я знаю, какъ сказалъ императоръ, что мои фибры отвѣчаютъ вашимъ и что у насъ тѣ же интересы и тѣ же инстинкты.“ (Delord, p. 130). Но не прошло и года, какъ эти *самые искренніе и преданные друзья* тысячами ссылались въ Каену и, какъ быки, убивались на заднемъ дворѣ префектуры. Однимъ словомъ, это была отлично-изученная казуистика, которая, по мнѣнію Кинглека, умѣла сочинять такія кочституціи, въ которыхъ на словахъ давалось все, но на дѣлѣ не исполнялось ничего. Отсюда съ перваго же дня своей карьеры, Люи-Наполеонъ велъ рядомъ двѣ противоположныя политики — политику явную, которая, повидимому, создала республику, и политику тайную, которая разрушала ее. Съ одной стороны, президентъ постоянно давалъ чувствовать многочисленному французскому пролетаріату, что законодательная власть поощряетъ его только въ репрессіяхъ народа, но связываетъ ему руки каждый разъ, когда онъ думаетъ облегчить его и помочь ему. Съ одной стороны, онъ увѣрялъ, что Франція немислима безъ народной инициативы, безъ всеобщей подачи голосовъ, а съ другой — онъ по секрету *дѣлалъ генераловъ* въ Кабиліи и готовилъ изъ нихъ будущихъ исполнителей декабрьскаго удара. Не разъ онъ намекалъ на необходимость *сильной руки, твердой воли*, и когда до слуха его доходили восклицанія Vive l'empereur! — онъ почтительно снималъ свою республиканскую шляпу и раздавалъ награды своимъ преданнымъ слугамъ. Подкапывая день за днемъ елдержавшееся зданіе республики, онъ не переставалъ увѣрять, что республика дѣлается крѣпче и сильнѣе. И такъ онъ вошелъ въ

эту лицемѣрную роль, такъ изучилъ ея пріемы, что предпринимая походъ въ Римъ противъ республики и тѣмъ совершая самоубійство надъ своей собственной республикой, онъ говорилъ передъ цѣлой Европой, что этого требуетъ истинная свобода Франціи и достоинство націи. Даже послѣ декабрьскаго переворота у него достало смѣлости увѣрять, что на трупахъ и въ лужахъ крови онъ основываетъ великое зданіе свободаго государства, съ принципами 1789 года.

Но кто же научилъ Люи-Наполеона этой роли, какъ не либеральная партія? Въ царствованіе Людовика-Филиппа она не знала другой системы управленія, какъ говорить одно, а дѣлать другое. Двадцать лѣтъ фразеологія была ея душою, совѣстью, добродѣтелью и общественнымъ отличіемъ. Фразеологія лишила ее пониманія самыхъ простыхъ вещей и всякой способности мыслить. На какое же серьезное общественное дѣло могли быть способны эти политическіе кастраты, эти безсердечные филистеры и парадные фразеры? Ни на какое! Ламартинъ продалъ республику бонапартистамъ за чечевичную похлебку своей популярности. Кавеньякъ говорилъ рабочимъ: „придите въ объятія республики“, и когда они приходили, онъ ихъ разстрѣливалъ и ссылалъ. Что же удивительнаго, если Луи-Наполеонъ, слѣдуя правиламъ этой школы, дѣйствовалъ въ ея духѣ и направленіи. Онъ только довелъ ее до послѣднихъ границъ послѣдовательности и, въ свою очередь, научилъ ей многихъ либераловъ Европы.

Маскируя передъ Франціей свои намѣренія и цѣли, Люи-Наполеонъ или, лучше, его партія не упускала ни одного благоприятнаго случая реставрировать старую имперію Наполеона I. Гораздо раньше декабрьскаго переворота она обратила вниманіе на двѣ отрасли общественной дѣятельности, считая ихъ болѣе необходимыми союзниками для себя—на образованіе и журналистику. Конституція отвела довольно широкія границы свободному преподаванію школъ; она предоставила способностямъ и совѣсти каждаго преподавателя выборъ программъ, методы ученія, и главный надзоръ какъ за успѣхами образованія, такъ и за его направленіемъ оставила на отвѣт-

ственности самого общества. Правительство обязано было только содѣйствовать распространенію народныхъ школъ и помогать имъ матеріальными средствами, не вмѣшиваясь во внутреннюю ихъ жизнь. Люи-Наполеону, конечно, не нравилась эта свобода, и онъ началъ ограничивать ее съ военныхъ школъ. Политехническая школа, какъ высшее и лучшее учебное заведеніе, давно уже была бѣдливо на глазу бонапартистской партіи. Подъ вліяніемъ реакціи, друзья президента, особенно либеральный католикъ Монталамберъ, считали удобнымъ возбудить вопросъ о преобразованіи этой школы. Составлена была особенная коммисія для пересмотра устава и для выработки новаго проекта организаціи. Докладчикомъ этой коммисіи былъ извѣстный астрономъ Леверье, совершеннѣйшая дрянь въ политическомъ смыслѣ, примазавшійся въ это время къ партіи Люи-Наполеона. Онъ предложилъ не только уничтожить даровое образованіе въ политехнической школѣ, но и перенести ее изъ Парижа въ Медонъ, подѣ тѣмъ будто бы предлогомъ, что спокойствіе ученія не должно быть нарушаемо волненіемъ политическихъ страстей. Большинство не осмѣлилось утвердить перенесенія школы, но уничтожило даровое образованіе въ ней, и тѣмъ сократило значительно число ея воспитанниковъ. Вслѣдъ затѣмъ президентъ назначилъ новаго министра народнаго просвѣщенія Ипполита Фортюла,—человѣка, подобно Леверье, бывшаго нѣкогда защитникомъ конституціи, а теперь преданнаго слуги Луи-Наполеона. Этотъ бездарный ренегатъ началъ съ того, что далъ католическому элементу преобладаніе въ общественномъ образованіи. Впослѣдствіи—это онъ оскотилъ парижскій университетъ и поставилъ народныя школы подѣ непосредственный контроль іезуитовъ, такъ что не только совѣсть, но и умъ Франціи были отданы имъ подѣ опеку католическаго духовенства. Заручившись такимъ министромъ, Люи-Наполеонъ былъ спокоенъ съ этой стороны.

Затѣмъ началась подпольная война противъ прессы. Нельзя сказать, чтобы она особенно возвысила себя въ глазахъ общества во время своей полной свободы, но все-таки она обезпечивала независимость слова тѣмъ изъ писателей, которые дорожили своимъ достоинствомъ. Реакція, дѣйствуя въ интересахъ президента, ограни-

чила эту независимость закономъ, установившимъ, какъ непрѣмное условіе журналиста, подпись имени автора. Въ спокойное время эта мѣра не могла имѣть ощутительныхъ неудобствъ для писателя-публициста, но теперь, среди самага разгара преслѣдованій и борьбы партій, она была *закономъ ненависти*, какъ выражались тогда. Преслѣдованіямъ личности и его убѣжденій отрывалось обширное поле. Въ то же время партія Люи-Наполеона усиливала свою пропаганду, раздавая тайныя субсидіи продажнымъ писакамъ и основывая свои органы. За исключеніемъ двухъ-трехъ газетъ, съ независимымъ направленіемъ, вся остальная журналистика распределялась между интересами консервативныхъ партій и стремленіями елисейскаго дворца. Были даже платоническіе лакеи, которые являлись сами къ президенту республики и предлагали ему свои услуги для возстановленія императорской Франціи. Къ числу этихъ публицистовъ принадлежалъ и Монталамберъ.

Обезпечивъ себя со стороны народнаго образованія и прессы, елисейская компанія легко могла справиться съ третьей и самой главной силой—съ арміей. По положенію конституціи, армія находилась въ распоряженіи исполнительной власти, т. е. президента республики, и слѣдовательно не было особеннаго труда склонить ее на свою сторону, тѣмъ болѣе, что послѣ іюньскихъ дней между народомъ и войскомъ легла цѣлая пропасть антипатій и ненависти. Для Люи-Наполеона, при строгой французской дисциплинѣ, опасность была не въ рядовой массѣ,—она безусловно повинуется своимъ начальникамъ,—а въ высшихъ военныхъ чинахъ. Удалить людей опасныхъ его замыслу и поставить на мѣсто ихъ своихъ сообщниковъ было главной заботой президента. Исполненіе этой задачи онъ поручилъ одному изъ своихъ адъютантовъ — полковнику Флери. Тотъ отправился въ Алжиръ *дѣлать генераловъ* и приготавлилъ тамъ Люи-Наполеону Сентъ-Арно и Маньяна. Передъ декабрьскимъ переворотомъ всѣ высшіе военные посты занимались людьми, вполне посвященными въ тайну предстоящаго *Coup d'état*.

Такимъ образомъ переворотъ былъ готовъ гораздо раньше декабрьскихъ дней. Оставалось только осуществить его въ болѣе удоб-

ную минуту. Кому принадлежит самая программа исполненія— Морни или Люи-Наполеону—это пока остается дѣломъ темнымъ, но послѣ Сицилійскихъ и Варфоломеевской ночи декабрьскіе дни должны занимать первое мѣсто въ исторіи. Почему съ безоружнымъ городомъ понадобилось такое кровопролитное насиліе, почему на *самыхъ искреннихъ и преданныхъ друзей* Люи-Наполеона, какъ онъ называлъ рабочихъ, выпущена была страшная облава генераломъ Сентъ-Арно—это пока извѣстно только одной совѣсти Наполеона III. Можно предположить, что творцы декабрьскаго переворота хотѣли навести на Францію панической страхъ, столь же заразительный, какъ и народный энтузіазмъ, и разомъ отнять всякую нравственную силу у оппозиціи. Такъ дѣйствительно и было. Ужасъ, събывшій столицу послѣ свирѣпой бойни 4 декабря, сковалъ Францію на долго. Въ подробности этого факта посвящаетъ насъ очевидецъ англійскій капитанъ Джессъ, наблюдавшій съ балкона за движеніемъ войскъ на бульварѣ.

„Отъ улицы Ришелье на востокъ, рассказываетъ онъ, на протяженіи 1000 ярдовъ (почти цѣлой версты) линія бульварная была устлана трупами, а по мѣстамъ они лежали горами: раненые ползли нѣсколько шаговъ, пока подползали къ трупу, черезъ который не могли перебраться, и умирали на немъ; вотъ, вѣроятно, причина, почему многіе трупы лежали одинъ на другомъ. Передъ одною изъ лавокъ было насчитано 33 трупа. На мирной маленькой площадкѣ дворика, открытаго на бульварѣ, и называемаго *Cité Bergère*, насчитано 37 труповъ. Число солдатъ было — тысячи; число убитыхъ навсегда останется неизвѣстно; но изъ этихъ солдатъ и этихъ убитыхъ не было ни одного сражающагося, битвы не было, не было даже ссоры, даже спора (я говорю о бульварѣ на протяженіи отъ *Rue du Sentier* до западнаго конца бульвара Монмартръ),—нѣтъ, солдаты просто убивали безоружныхъ мужчинъ, убивали женщинъ и дѣтей. Каждый трупъ свидѣтельствовалъ, что это было просто убійство. Трупы, лежавшіе нѣсколько поодаль отъ другихъ, врѣзались въ памяти людей глубже, чѣмъ трупы, лежавшіе кучами. У нѣкоторыхъ остался передъ глазами видъ убитаго старика, сѣдого, зонтикъ лежалъ подлѣ него — его

оружіе. Другіе съ ужасомъ вспоминали о щегольски-одѣтомъ чело-
ловѣкѣ, вышедшемъ, какъ видно, погулять,—онъ сидѣлъ мертвый,
прислонившись спиною къ стѣнѣ; у ногъ его лежала шляпа, вы-
павшая изъ руки. У третьихъ остался въ памяти ребенокъ, мерт-
вый, припавшій къ стѣнѣ—это былъ типографскій ученикъ: въ
его рукавъ застряла корректура, которая онъ несъ куда-то, залитая его
кровью, листы ихъ колебались вѣтеркомъ.... Кровь убитыхъ сто-
яла свернувшись въ ямкахъ у деревьевъ, когда мы проходили по
бульварамъ на другой день, въ 12-мъ часу утра... Солдаты вла-
мывались во многіе дома, гнали за живыми въ нихъ изъ эта-
жа въ этажъ, наконецъ ловили ихъ и убивали. Такъ было съ
ковровымъ магазиномъ Салландруза. 14 человекъ, бывшихъ тамъ,
думали было укрѣпиться за тюками ковровъ. Солдаты перебили ихъ,
лежавшихъ на полу“.

„Огромныя толпы плѣнныхъ, продолжаетъ Кинглейкъ, были
приводимы въ префектуру полицію; но главные начальники рассу-
дили, что неудобно было бы, если бы изъ внутри этого зданія
слышались на улицахъ ружейныя залпы разстрѣливанія. Конечно,
только по этому соображенію и былъ принятъ другой способъ ра-
справы съ плѣнными. Этотъ способъ—вещь изумительная, но вотъ
что засвидѣтельствовано однимъ изъ депутатовъ законодательнаго
собранія, который самъ видѣлъ это своими глазами: плѣнные, ко-
торыхъ рѣшено было убить, были постепенно приводимы по нѣ-
скольку человекъ на одинъ изъ дворовъ префектуры; руки у нихъ
были связаны на спинѣ; агенты Мэпа подходили къ нимъ и били
ихъ по головѣ палками съ большою свинцовою шишкою и убива-
ли. Этотъ способъ, принятый на парижскихъ бойняхъ для битья
быковъ. Это изумительно, но именно такъ рассказываетъ Ксавье
Дюрье, депутатъ, видѣвшій это изъ окна комнаты, въ которой
онъ сидѣлъ подѣ арестомъ.“

„Едва ли есть на землѣ городъ съ такимъ воинственнымъ на-
селеніемъ, какъ Парижъ. Его жители менѣе всѣхъ другихъ сто-
лицъ Европы расположены трусливо преувеличивать цѣну жизни
и своей, и чужой. У нихъ любовь къ борьбѣ беретъ верхъ надъ
боязнью и жалостію, и они люди привычныя къ великимъ битвамъ

на улицахъ. Но они не были привычны видѣть, что убиваютъ массу безоружныхъ, беззащитныхъ людей. Видѣ того, что совершилось 4-го декабря, поразилъ столицу Франціи, какъ появленіе чумы. Англичанинъ, зоркій наблюдатель, бывшій тутъ, говоритъ, что у людей, удалявшихся съ мѣстъ убійства, лица были мертвенно-посинѣлыя, позеленѣлыя, какихъ онъ никогда не видывалъ. Конечно, никогда; потому что онъ никогда прежде не видывалъ людей, только-что бывшихъ зрителями такихъ убійствъ. Говорятъ, что видѣ этой сцены, стоишь убитыхъ потрясли крѣпость нервовъ у многихъ мужчинъ, такъ что они рыдали, какъ маленькія дѣти“.

„Къ разсвѣту 5-го декабря вооруженное возстаніе прекратилось. Оно и съ самаго начала было слабо. Но нравственное сопротивленіе дѣйствіямъ президента и его сообщниковъ быстро усиливалось въ первые дни, и становилось уже очень грозно, когда вечеромъ 4-го декабря начались убійства. Эти убійства навели ужасъ, и вооруженное возстаніе уронило своимъ паденіемъ всѣ надежды людей, думавшихъ, что одною силою общественнаго мнѣнія и смѣха заговорщики будутъ сведены изъ елисейскаго дворца въ тюрьму“.

(См. „Парижъ и провинція 2-го декабря 1852 года“. Тэнно. Стр. 382—383. 384. 387. 395.)

Тотъ же паническій ужасъ, наведенный новымъ Аустерлицомъ Наполеона III, объялъ и провинціи. Тамъ разыгрывалась, вдали отъ свѣта, та же кровавая драма, съ такими же отвратительными сценами насилія. Читатель можетъ найти ихъ въ разсказѣ Тэнно „Провинція 2-го декабря 1851 года“.

„Таковы были дѣла, заключаетъ Кинглэвъ, совершенныя принцемъ Люи Бонапартомъ. То, что клятвою обязался онъ сдѣлать, извѣстно всѣмъ; онъ публично далъ эту клятву 20-го декабря 1848 года. Онъ стоялъ въ національномъ собраніи, поднявъ руку къ небу, и произносилъ слова президентской присяги: „Предъ лицомъ Бога и предъ французскимъ народомъ, въ собраніи его представителей, клянусь остаться вѣренъ единой и нераздѣльной демократической республикѣ и исполнять всѣ обязанности, возлагаемыя на меня конституціею“. Онъ далъ эту присягу, какъ правитель.

Какъ частный человекъ, онъ поручился за ея исполненіе своею личною честью въ тѣхъ словахъ, которыми добровольно дополнилъ ее тутъ же: по запискѣ, предварительно составленной, онъ прочелъ собранію: „Воля нации и присяга, данная теперь мною, опредѣляютъ мои обязанности. Они ясны; я буду исполнять ихъ, какъ честный человекъ. Я буду считать врагомъ Франціи всякаго, кто захотѣлъ бы незаконными средствами измѣнить учрежденія, которыя установила для себя Франція“.

„Въ Европѣ были тогда сотни тысячъ мужчинъ и миллионы женщинъ, искренно убѣжденныхъ, что опредѣлять границу, раздѣляющую добро отъ зла, есть дѣло духовенства, что то хорошо, что благословляетъ оно. Теперь утромъ, на тридцатый день послѣ 2-го декабря, лучи 12,000 свѣчъ пробивались сквозь густой зимній туманъ, висѣвшій въ воздухѣ, и разливали блѣдный свѣтъ свой по громадному пространству церкви, служащей памятникомъ вѣковъ. Въ этой церкви собрался сонмъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ католической церкви. Этотъ сонмъ епископовъ, священниковъ, діаконовъ собрался, стоялъ и ждалъ прибытія человека, давашаго присягу 20-го декабря 1848 года: имъ, по ихъ мнѣнію, принадлежало право устанавливать отношенія между человекомъ и Богомъ, и человекъ, дававшій тогда ту присягу, благоволилъ теперь увѣдомить ихъ, что вновь явится „предъ лицо Божіе“, и на этотъ разъ при ихъ содѣйствіи. И вотъ онъ прибылъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ преклоняли колѣни короли Франціи, стоялъ теперь непремѣнный режиссеръ труппы, дававшей спектакли въ Страсбургѣ и Булони, и подлѣ него, какъ и слѣдуетъ, Морни, съ пріятностью размышляющій о величинѣ своего выигрыша, и Маньянъ, основательно претендующій теперь на сумму уже гораздо побольше 100,000 франковъ, и Мопъ, уже возставшій отъ недуга, и Сентъ-Арно, урожденный де-Руа, и Фиаленъ, чаще называемый „Персиньи“, и двигатель всего дѣла Флери, которому, вѣроятно, хотѣлось поскорѣе отдѣлаться отъ скучной церемоніи, чтобы заняться кутежомъ на нынѣшнія богатые средства, а пока, во время скучной церемоніи, вѣроятно, размышлявшій съ зѣвотою о томъ, какъ странно это случилось, что онъ сталъ владыкою

судьбы великой націи, благодаря своему пламенному пристрастію къ кутежу. Когда духовенство увидѣло, что присягатель и его компаньоны готовы, оно начало обрядъ. Надѣвъ ризы, во всю длину обшитыя знаками креста, и принявъ черезъ это видъ возвысившихся надъ всякою земною суетою и боязнью, епископы и священники пошли къ алтарю, воскурили кадила еиміама, колѣнопреклонялись и вставали и снова колѣнопреклонялись и воздвиглись наконецъ, и передъ тысячами свидѣтелей воспѣли гимнь славословія, издревле служашій выраженіемъ благодарной хвалы Всевышнему Богу за великія милости, оказываемыя его десницею: хвала Богу воспѣвалась теперь въ Notre-Dame за то, что совершенно было принцемъ Луи Бонапартомъ въ эти тридцать дней, начиная съ половины декабря. И пропѣвъ „Te Deum“, епископы и весь сонмъ духовенства возвысили голоса и воскликнули: „Domine, salvum fac Ludovicum Napoleoneм“ („Боже, храни Луи-Наполеона“.)

„Что же такое зло, что добро? И кто заслуживаетъ того, чтобы за него молилась вся нація? Если совѣстливые и набожные люди во Франціи, возмущенные декабрьскими дѣяніями, обращались съ этими вопросами къ французской церкви, она имъ дала отвѣтъ въ этотъ день въ кафедральномъ соборѣ столицы“ (Тэнно. Стр. 423—425).

Такъ совершился декабрьскій переворотъ; изъ такихъ дѣлъ и людей составилась вторая имперія!

Г. В.

НОВЫЯ КНИГИ.

1. Курсъ общей педагогики, съ приложеніями. Соч. П. Юркевича. Москва. 1869 г.
2. Юридическая догматика Соч. Михаила Капустина. Москва. Вып. I.
3. Великій магъ и чародѣй. Сокровищница всѣхъ волшебствъ, таинственныхъ и магическихъ наукъ, и т. д. и т. д. Соч. Окт. Мильчевскаго. Москва. 1869 г.
4. Популярныя лекціи Джона Тиндала. — Тепло и холодъ. Матерія и сила. Сила. Съ дополненіями по французскому изданію Муаньо. Пер. подъ ред. профес. Спб. университета Э. Э. Петрушевскаго. Спб. 1869.

Передъ нами лежатъ три объемистыхъ продукта московскаго древопознанія „добра и зла“. Это древо, хотя и не отличается особою плодovitостью, тѣмъ не менѣе, въ высшей степени замѣчательно оригинальнымъ свойствомъ своихъ плодовъ: снаружи они заманчивы и, повидимому, много общають; внутри, они наполнены какою-то гнплой жидкостью, издающей отвратительный, одуряющій запахъ. Какъ ни различны сферы, къ которымъ относятся эти продукты, но московскіе ученые умѣють такимъ образомъ писать свои яко бы ученые произведенія, что подъ ихъ перьями, мокаемыми въ „разумъ“, — исчезаетъ всякое различіе между философіею, педагогикою, юриспруденціею и магіею. Ихъ педагогику и ихъ юриспруденцію не отличишь отъ ихъ философій, а ихъ философія сводится къ магіи и кабалстикѣ. Они сами чувствуютъ свое близкое родство съ древними магами и чародѣями и потому изъ всѣхъ городовъ и весей россійскихъ, Москва особенно плодovitа сочиненіями по части „волшебствъ, таинствен-

ныхъ и магическихъ наукъ“. Они сами понимаютъ, что недалеко ушли отъ фантастическихъ бредней ребяческихъ умовъ, и потому они стараются показать, что эти фантастическія бредни совсѣмъ не такъ далеки отъ истины, какъ это думаютъ обыкновенно. Послушайте, ради курьеза, г. Мильчевскаго, московскаго „мага и чародѣя.“ Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, напримѣръ, будто

«теорія всеобщаго лѣченія» Парацельса основана на той же идеѣ, на которой основаны и всѣ новѣйшія естественныя науки» (стр. 35).

А теорія эта состояла въ слѣдующемъ: По всему міру разлито тонкое, жидкое вещество, такъ-называемое „жидкое золото“. Это жидкое золото приводитъ въ движеніе всѣ предметы, даетъ имъ жизнь; оно блеститъ въ минералахъ, растетъ въ растеніяхъ и образуетъ шарики крови или животныя сѣмена; въ человѣкѣ есть „звѣздное тѣло“, блестящее и жизненное; въ немъ кружатся эти шарики и оно можетъ расширяться до того, что переходитъ на внѣшніе предметы; между нимъ и этими внѣшними предметами образуется такая тѣсная связь, что все, что будетъ производиться съ этими предметами, отражается и на „звѣздномъ тѣлѣ“, на этомъ „свѣтовомъ центрѣ“, а слѣдовательно и на всемъ его организмѣ. Потому, для того, чтобы вылечить, напримѣръ, рану, достаточно выпустить изъ нея кровь и дѣйствовать на эту выпущенную кровь; для того, чтобы вылечить руку, ногу или какую нибудь другую часть человѣческаго организма, Парацельсъ дѣлалъ изъ воску фигуру, долженствовавшую изображать заболѣвшій органъ и производилъ надъ этою фигурою свои медицинскіе эксперименты, твердо вѣруя, что дѣйствуя на изображеніе органа, онъ вылечиваетъ самый органъ. Вотъ эти-то бредни, по мнѣнію г. Мильчевскаго, „основываются на той же идеѣ, на которой основываются всѣ новѣйшія естественныя науки“.

Въ другомъ мѣстѣ, тотъ же московскій „магъ и чародѣй“ утверждаетъ, будто съ точки зрѣнія современной науки

„мы не можемъ относиться, какъ къ пустой фантазіи, и къ теоріи образованія философскаго камня» (Стр. 42).

Еще дальше онъ защищаетъ гаданье, говорить, что оно

„можетъ быть и не пустымъ препровожденіемъ времени для празднаго и скучающаго люда или пищею для невѣжественнаго суевѣрія» (Стр. 153),

и сожалѣетъ, что гаданіе находится въ „невѣжественныхъ или

недобросовѣстно-своекорыстныхъ“ рукахъ, что имъ не занимают-ся физиологи и психологи! (Стр. 153). Конечно, говоря подобныя нелѣпости. г. Мильчевскій думалъ только о себѣ, онъ думалъ только выгородить одного себя отъ нареканія въ шарлатанствѣ и снять, влп, по крайней мѣрѣ, нѣсколько облегчить тяжесть упрека, который могутъ сдѣлать ему его друзья (если только таковыя у него имѣются), за то, что онъ, мѣтившій когда-то въ серьезные ученые, скропавшій даже нѣкоторый яко бы ученый трактатъ, вздумалъ теперь вступить въ конкуренцію съ „салопницами-гадальщицами“, со „старухами ворожеями“, да съ разными „книжными мазурниками“ толкучихъ рынковъ обѣихъ столицъ. Въ нашихъ глазахъ, да вѣроятно и въ глазахъ знакомыхъ г. Мильчевскаго, подобныя выходы нисколько не умаляютъ его вину и ставятъ его несравненно ниже „салопницъ-гадальщицъ“ и „старухъ-ворожей“. Первыя, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ дѣйствуютъ искренно; вторыя же, спекулируя на счетъ невѣжества и суевѣрія толпы и надувая простаковъ, не корчатъ ученыхъ рожь и не надѣваютъ на себя профессорскихъ мантий. Г. Мильчевскій же не можетъ быть искреннимъ даже въ шарлатанствѣ: онъ и здѣсь лицемеритъ и кривитъ душею. Свою недобросовѣстность онъ доводитъ до того, что рѣшается выдавать „Сокровищницу всѣхъ волшебныхъ, таинственныхъ и магическихъ наукъ“ не просто за „сокровищницу“ матеріаловъ для гадальщицъ, ворожей, шарлатановъ и празднолюбивыхъ дурачковъ, а за какой-то ученый трактатъ, предназначенный будто бы для разоблаченія и уничтоженія маговъ и чародѣевъ.

«Читайте нашу книгу», съ неподражаемымъ цинизмомъ восклицаетъ г. Мильчевскій, «увѣряемъ васъ, что послѣ этого изъ васъ выйдетъ если не Зорастръ, то во всякомъ случаѣ великій магъ и чародѣй. а если и этого не выйдетъ, то выйдетъ другое—для васъ не будетъ больше маговъ и чародѣевъ» (Стр. 21).

Конечно, все это чистая ложь: книга г. Мильчевскаго не разрушаетъ ни одного вашего суевѣрія (если таковое у васъ имѣется) на счетъ правдивости гаданій и предсказаній, а напротивъ даетъ вамъ въ руки довольно богатый матеріалъ для всевозможныхъ гаданій и предсказаній. Правда, мы мало знакомы съ литературою этого рода, но думаемъ, что все-таки московскіе салопницы, горничныя, лакеи, кучера, кухарки и дураковатые «недоросли» обихъ половъ, будутъ очень благодарны г. Мильчевскому за его

«Сокровищницу». Московскіе же «книжники», философы-педагоги и юристы едва ли даже и узнают о ея существованіи, а если и узнают, то отнесутся къ ней крайне пренебрежительно, такъ какъ они не найдутъ въ ней ничего, повидному, кромѣ дикости и высокопарности, мнимо-ученаго лицемѣрія съ глупою напвностью старухъ-гадальщицъ. Но напрасно московскіе книжники, философы-педагоги и юристы будутъ относиться съ савонитымъ высокомеріемъ къ «Сокровищницѣ волшебствъ, таинственныхъ и магическихъ наукъ». Въ этой «сокровищницѣ» сокрыта ихъ собственная мудрость, ихъ наука и философія, и г. Мильчевскій, защищая свое шарлатанство высокопарными ссылками на «идеи, лежащія въ основѣ современной науки», самъ того не вѣдая, оказалъ огромную услугу своимъ собратамъ по ремеслу. Это-то обстоятельство и заставляетъ насъ, какъ бы въ видѣ благодарности, занести имя г. Мильчевскаго и заглавіе его творенія на страницы нашей библиографической хроники. Намъ кажется, что московскіе книжники, юристы, философы и педагоги поступили бы гораздо благоразумнѣе, еслибы послѣдовали примѣру своихъ горничныхъ, лакеевъ, кухарокъ, кучеровъ и т. п. и запаслись бы «Сокровищницею» г. Мильчевскаго, тогда они во очію убѣдились бы, какъ они недалеко ушли отъ таинствъ кабалистики, черной и бѣлой магіи, демонологіи, хиромантіи и т. п. Подобное сравненіе было бы весьма назидательно и интересно, и мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи провести здѣсь маленькую параллель между философствованіемъ московскихъ ученыхъ и философствованіемъ древнихъ маговъ и чародѣевъ.

Магія и кабалистика были естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ младенческаго развитія человѣческаго ума. На первыхъ ступеняхъ своего развитія человѣческій умъ не въ силахъ понять связи между явленіями внѣшняго міра, и потому для большей части ихъ, особенно явленій сложныхъ, онъ не можетъ подыскать соотвѣтствующей, естественной причины. Между тѣмъ естественная потребность, хоть какъ нибудь, да объяснить себѣ окружающій его міръ, выйти изъ мучительнаго состоянія *незнанія, недоумѣнія*, заставляетъ его видѣть причину явленія въ самомъ явленіи, разбивать явленіе на двѣ части, изъ которыхъ одна предполагается *производящею* другую. Часть будто бы производящая составляетъ то, что впоследствии получаетъ названіе отвлеченной субстанции; часть производимая, видимая, являющаяся органомъ нашихъ чувствъ, образуетъ такъ называемую матеріальную субстан-

цію. Такимъ образомъ, весь міръ, вся вселенная раздвопается и населяется массою различныхъ, невидимыхъ силъ. Сперва каждому отдѣльному предмету соотвѣтствовала своя духовная сила, потому, по мірѣ того, какъ умъ человѣческій привыкалъ къ болѣе тщательнымъ наблюденіямъ и научался подыскивать къ видимымъ явленіямъ видимыя же причины, число невидимыхъ силъ сокращалось все болѣе и болѣе. Наконецъ, новѣйшій идеализмъ свелъ все множество этихъ единичныхъ силъ къ одной общей субстанціи, нераздробляемой и неразъединяемой. Эту идеальную субстанцію онъ рѣзко отдѣлилъ отъ матеріальной субстанціи; послѣдняя, по его воззрѣніямъ, управляется своими особыми самостоятельными законами. Прогрессъ естествознанія далъ возможность большую часть видимыхъ явленій объяснить *естественнымъ образомъ* изъ другихъ матеріальныхъ же явленій, такъ что для пониманія даннаго индивидуальнаго предмета не зачѣмъ было раздвоивать его. Чѣмъ легче, чѣмъ доступнѣе былъ предметъ для наблюденій, чѣмъ менѣе сложности онъ представлялъ, тѣмъ удобнѣе устранялось изъ него присутствіе невидимыхъ духовъ. Дуализмъ былъ мало-по-малу изгнанъ такимъ образомъ изъ міра явленій неорганической, и отчасти изъ міра явленій органической природы. Область метафизическая все болѣе и болѣе суживалась; вмѣстѣ съ этимъ авторитетъ магіи и кабалистики падалъ все ниже и ниже. Магія была естественнымъ, логическимъ послѣдствіемъ вѣры въ существованіе невидимыхъ, таинственныхъ силъ, населяющихъ какой-то особенный чудесный міръ. Тамъ, гдѣ есть эта вѣра, тамъ должна быть и магія, не совѣмъ, быть можетъ, такая, какая была у жрецовъ Зороастра, но, по духу и направленію, весьма съ нею сходная. Вѣра въ чудесное, вѣра въ дуализмъ видимыхъ явленій и формъ матеріальнаго міра, изгнанная въ настоящее время почти изъ всѣхъ областей человѣческаго знанія, все еще довольно крѣпко держится въ одной области — въ области антропологическихъ наукъ. Правда, и здѣсь уже трезвый, естественно-научный взглядъ на человѣка начинаетъ пробивать себѣ дорогу; однако, здѣсь болѣе гдѣ чѣмъ нибудь, онъ встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ со стороны мистической рутинны, которая, пользуясь сложностью и запутанностью явленій нравственнаго міра, спѣшитъ населить его фантастическими силами, супра-натуральными существами. Борьба съ этою мистическою рутиною становится тѣмъ болѣе затруднительною, что рутина постоянно лицемѣритъ, старательно скрывая свои кабалистическія вѣрованія подъ покровомъ туманной и неопредѣленной фра-

зеологій. Эта-то скрытность, эта-то боязливая увертливость и даетъ возможность мистической рутинѣ отстаивать свое право даже при яркомъ свѣтѣ современной науки. Невидимые духи маговъ у современныхъ мистиковъ называются силами или прирожденными свойствами. Грубыя воззрѣнія невѣжественнаго суевѣрія они стараются приспособить къ болѣе развитому повиманію современниковъ; отъ такого приспособленія онѣ становятся дѣйствительно менѣе грубыми, но ничуть не менѣе суевѣриыми и нелѣпыми. Съ особенною смѣлостью дѣйствуютъ они въ этомъ смыслѣ, въ области нравственныхъ и юридическихъ наукъ. Г. Капустинъ даетъ намъ случай еще разъ убѣдиться въ этомъ, а для того, чтобы и читатели наши могли въ этомъ убѣдиться, мы совѣтывали бы имъ читать одновременно «Сокровищницу» г. Мильчевскаго и «Юридическую догматку» г. Капустина. Но такъ какъ мы опасаемся, что очень немногіе изъ нашихъ читателей рѣшатся на такой самоотверженный подвигъ; — то, дѣлать нечего, мы возьмемъ на себя указать имъ кабалистическій характеръ метафизической юриспруденціи.

Все, говоритъ кабалистика, создается дѣйствіемъ противоположныхъ силъ, которыя необходимо должны быть приводимы въ равновѣсіе; средствомъ къ ихъ уравновѣшенію, къ ихъ примиренію служатъ одинъ всемірный дѣйтель, который кабалисты называютъ міровымъ, звѣзднымъ, жизненнымъ свѣтомъ (Мильчевск. стр. 17). Это кабалистическое воззрѣніе на вселенную г. Капустинъ прилагаетъ къ міру такъ называемыхъ нравственныхъ явленій, въ общирномъ смыслѣ этого слова.

«Нераздѣльная жизнь человѣка и общества, — говоритъ онъ, — опредѣляется дѣйствіемъ многообразныхъ силъ» (стр. 2).

Между этими силами происходитъ постоянная борьба, въ которой, по увѣренію того же г. Капустина,

«силы очищаются и приводятся къ сознанію» (стр. 3).

Очищенные и приведенные къ сознанію, онѣ примиряются, гармонически уравновѣшиваются. Для того, чтобы достигнуть, однако, такого примиренія и уравновѣшенія, необходима еще какая-то другая, особая сила,

«которая направляла бы всё прочія въ ихъ взаимной борьбѣ, господствовала бы надъ разнородными и противоположными фактами и устанавливала бы порядокъ въ проявленіи всѣхъ силъ и потребностей» (стр. 4).

Необходима, однимъ словомъ, такая сила, которая могла бы играть въ нравственномъ мірѣ роль «міроваго, звѣзднаго, жизненнаго свѣта» кабалистовъ. Какая же это такая сила и какъ отыскалъ ее г. Капустинъ? — Вотъ тутъ-то и начинается погруженіе въ таинства юридической магіи. *Силы*, говоритъ г. Капустинъ, проявляются въ *фактахъ* (стр. 3); *сила*, дающая направленіе этимъ фактамъ, есть *право*.

«Хотя право касается вѣдшаго проявленія силъ», успокоиваетъ г. Капустинъ, «однако основывается на ихъ правдѣ или природѣ, служитъ выраженіемъ ихъ сущности; направляя всѣ силы человѣческія и давая имъ единство, право становится основой и существеннымъ элементомъ общезитія: *justitia est fundamentum regnorum*» (стр. 5).

Такимъ образомъ право, на самомъ, такъ сказать, порогѣ юридической кабалистики, облекается въ мистическую форму, получаетъ сверхъестественное значеніе. Не призывая на помощь сверхъестественнаго, рѣшительно невозможно объяснить себѣ, почему право всегда основывается «на правдѣ или природѣ» направляемыхъ силъ; почему оно всегда служитъ выраженіемъ ихъ сущности. Но кабалистика жрецовъ Ѳемиды не отличается милою откровенностью кабалистики жрецовъ Зороастра. Жрецы Ѳемиды никогда не рѣшатся апеллировать непосредственно къ сверхъестественному, они стараются всегда подтасовывать понятіе о сверхъестественномъ какиминибудь другими понятіями, не слѣшкомъ шокирующими ухо современнаго человѣка. Такъ для того, чтобы объяснить, почему право всегда выражаетъ собою «правду, природу» вещей,—тогда какъ всѣмъ и каждому извѣстно, что въ общезитіи право есть ничто иное, какъ законодательная санкція установленнаго и окрѣпшихъ житейскихъ отношеній, — они дуализируютъ природу права, подобно тому, какъ фетишисты дуализировали природу окружающихъ ихъ явленій вѣдшаго міра. Фетишисты разлагали почти каждый видимый предметъ на двѣ половины; за матеріальною, видимою оболочкою они усматривали невидимаго духа, фетиша. Юристы точно также, за видимою, вѣдшею, матеріальною стороною права, открываютъ еще какую-то невидимую, внутреннюю, духовную. Однимъ словомъ, къ явленіямъ, такъ называемаго, нравственнаго міра они относятся съ тѣмъ же грубымъ

и невѣжественнымъ суевѣріемъ, съ какимъ фетишисты относятся къ явленіямъ міра физическаго. Первые разлагали физическія явленія на субстанцію матеріальную и субстанцію идеальную; вторые разлагаютъ право на *фактический* (соотвѣтствуетъ матеріальной субстанціи) и *нравственный* (соотвѣтствуетъ субстанціи идеальной) элементы.

«Право — говоритъ г. Капустинъ, стараясь обрисовать его чисто фактический консервативный характеръ—существуетъ для жизни, а потому должно находиться въ постоянной связи съ выраженіемъ потребностей и силъ, дѣйствительно существующихъ; оно не создаетъ (замѣйте это) произвольно отношеній между лицами и охраняетъ тѣ изъ нихъ, когоры вызываются жизнью» (стр. 77).

Таково въ дѣйствительности и есть право; оно не имѣетъ творческой силы, оно не создаетъ, не реформируетъ человѣческихъ отношеній, оно только ихъ санкционируетъ, признаетъ. Право есть нечто иное, какъ *кодексъ*, а кодексъ есть нечто иное, какъ писанное признаніе, освященіе законодательною властью потребностей и желаній фактически господствующихъ въ обществѣ элементовъ. Но юристы-кабаллисты не могутъ этимъ удовлетворяться. Для нихъ «право» нѣчто большее, чѣмъ простой кодексъ; они усматриваютъ въ немъ не простую санкцію установившихся фактическихъ отношеній, а высшее откровеніе какой-то *силы*, выражающей собою истинную природу, истинную сущность всѣхъ вещей. Обрисовавъ истинный характеръ права, г. Капустинъ сейчасъ же ударяется въ фетишизмъ и отыскиваетъ за его грубою матеріальною оболочкою идеальную творческую силу.

«Но—говоритъ онъ—право не остается пассивнымъ и безразличнымъ къ жизненнымъ отношеніямъ. Оно сохраняетъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ увеличивается сила жизни (т. е. которые фактически преобладаютъ? Но на какомъ же основаніи [юристы-кабаллисты утверждаютъ, будто фактическое преобладаніе того или другого элемента, того или другого отношенія есть несомнѣнный признакъ его разумности и годности?]; оно отличаетъ въ нихъ необходимое и *разумное* отъ случайнаго и обобщаетъ разнообразіе жизни» (стр. 77).

Тутъ уже праву приписывается творческая самодѣятельность: оно отдѣляетъ плевелы отъ колосьевъ хлѣба, уничтожаетъ первые и охраняетъ вторые; оно устраняетъ изъ жизни все неразумное и случайное, осѣняя въ то же время своимъ благословіемъ все разумное и необходимое. Въ кодексѣ глазамъ юриста-фетишиста откривается какой-то таинственный фетишъ, согласующій чудодѣй-

ственнымъ образомъ параграфы и статьи сухой книги съ истинною «природою или правдою» вещей. Этотъ фетпшъ на кабалистическомъ языкѣ юриспруденціи называется, въ отличіе отъ *фактической силы, силою нравственною*, или нравственною стороною права.

«Нравственная сторона права—говорить г. Капустинъ—даетъ ему высокое значеніе силы, необходимой для движенія и усовершенствованія чело­вѣка; безъ нравственной основы своей право потеряло бы характеръ необходимости и охраняло бы случайныя явленія» (стр. 79).

Итакъ, право, для того, чтобы сдѣлаться истинною *силою*, способною направлять всѣ прочія силы, само нуждается въ нѣкоторомъ элементѣ, въ нѣкоторомъ фетпшѣ, безъ котораго оно теряетъ всякое значеніе, свертается съ высотъ идеализма въ самый грубый матеріализмъ, перестаетъ быть абсолютнымъ мѣриломъ всего *разумнаго и необходимаго*. Слѣдовательно, оказывается, что вся суть совѣмъ не въ правѣ, а въ нравственности; право только *оболочка*, нравственность же—*зерно*; во всякомъ случаѣ, по этой кабалистичѣ слѣдуетъ, что область нравственности обширнѣе области права, что нравственность выше права.

«Магія учитъ—говорить г. Мильчевскій—что все высшее влечетъ къ себѣ низшее; такъ минералы питаютъ растенія, растенія—животныхъ, растенія и живогныя—человѣка» (стр. 12).

Перенося это воззрѣніе древнихъ маговъ въ область нравственныхъ явленій, юристы подчиняютъ силу права силѣ нравственности и обусловливаютъ первую второю такимъ образомъ, что безъ нравственнаго элемента право перестаетъ быть правомъ. Но что же такое эта нравственная сила, что это за нравственный элементъ? Въ чемъ его сущность и какая у него генеалогія?

«Нравственность (вмѣстѣ съ религіею и воспитаніемъ) приводитъ въ гармонию, по увѣренію г. Капустина, всѣ человѣческія способности, устанавливаетъ внутренний или нравственный порядокъ, примиряетъ противурѣчія, возникающія въ умѣ и сердцѣ чело­вѣка, заставляетъ его желать и дѣлать только то, что согласно съ его высокою природою, очищаетъ и возвышаетъ чело­вѣка, доставляетъ ему душевный міръ» (стр. 5).

Однимъ словомъ, нравственность есть внутренняя сила, которая, по ученію юрпстовъ-кабалистовъ, продѣлываетъ съ чело­вѣкомъ тѣ самыя штуки, которыя *право* продѣлываетъ съ внѣшнимъ порядкомъ, съ внѣшними отношеніями людей другъ къ другу. Какъ

право выдѣляетъ изъ этихъ отношеній все случайное и неразумное, освящая только все необходимое и разумное, такъ точно нравственность, примиряя противурѣчія, «возникающія въ умѣ и сердцѣ человѣка, заставляя его желать и дѣлать только то, что согласно съ его высокою природою». Это новая идеальная сила, которая сидитъ не въ кодексѣ, а въ самомъ человѣкѣ. По ученію юристовъ-кабалистовъ, эта идеальная сила есть, въ тоже время, сила сложная; они разлагаютъ ее на нѣсколько элементовъ, на нѣсколько силъ, именно на силу *труда, любви и справедливости*.

«Сознательное, всецѣлое подчиненіе человѣка правдѣ, т. е. труду, любви и справедливости, образуетъ личную нравственность — говоритъ г. Капустинъ — это есть полное, всестороннее признаніе необходимости, отрицаніе блага или добра. На этомъ послѣднемъ основаніи нравственность называется *добродѣтелью*» (стр. 4).

Въ другомъ мѣстѣ г. Капустинъ снова говоритъ:

«трудъ, любовь и справедливость — ими опредѣляется нравственная область, непреложная въ своемъ выраженіи, безпредѣльная и всеобъемлющая» (стр. 28).

Въ этихъ выраженіяхъ много неяснаго, неопредѣленнаго и даже нелѣпаго, въ родѣ того, напримѣръ, что «*безпредѣльная*» нравственная область «*опредѣляется*» и т. п.; но мы уже сказали, что современная кабалистика всегда старается какъ можно плотнѣе закутаться въ непроницаемую броню туманной фразеологіи. За этою броней часто бываетъ очень трудно разобрать внутреннюю несладкую мысль кабалиста, однако, иногда эта несладкая такъ ярко просвѣчиваетъ наружу, что ее трудно спрятать за фразу. Намъ кажется, что при опредѣленіи элементовъ нравственности московскій магъ и юристъ именно и впадаетъ въ одну изъ такихъ *не-скрываемыхъ* нелѣпостей. Трудъ, любовь и справедливость — суть понятія совершенно неоднородныя, — неоднородныя въ томъ отношеніи, что они прилагаются къ величинамъ несоизмѣримымъ. Словами *любовь* и *справедливость* означаются извѣстныя психическія состоянія человѣка, состояніе его чувствъ, характера его дѣятельности. Слово же «трудъ» означаетъ только извѣстное дѣлсообразное проявленіе дѣятельности человѣческихъ мускуловъ и мозга. Самъ по себѣ трудъ есть понятіе, въ нравственномъ отношеніи, совершенно безразличное, чего нельзя сказать о любви и справедливости, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ г. Капустинъ. Любовь, какъ «выраженіе общечеловѣческаго» (стр. 31), никогда не

можетъ быть безирравственна, справедливость и подавно. Нравственный же характеръ труда обусловливается очень многими побочными, посторонними обстоятельствами, которыя не только не всегда, но даже весьма рѣдко бывають на лицо. Потому, намъ кажется, что кабалистъ сдѣлалъ бы лучше, еслибы разложилъ свою нравственность просто на любовь и справедливость,—въ этомъ случаѣ для насъ было бы легче провести паралель между его ученемъ и ученіемъ ближайшихъ послѣдователей кабалистики Зороастра. Впрочемъ паралель выйдетъ и безъ того довольно полная, какъ мы увидимъ сейчасъ.

Назвавъ составные элементы нравственности, московскій кабалистъ опредѣляетъ ихъ такимъ образомъ: «любовь, говоритъ онъ, во всѣхъ основныхъ своихъ видахъ есть выраженіе одного и того же начала общечеловѣческаго. Это еще новая сила! Богъ мой, куда намъ дѣваться отъ всего этого безчисленнаго множества всевозможныхъ силъ, изобрѣтенныхъ кабалистикою московскихъ ученыхъ! Справедливость, по опредѣленію того же автора, есть правда,

«безусловное олицетвореніе которой есть Богъ, творецъ міра и вѣчная любовь, завершающій бытіе всего земнаго послѣднимъ приговоромъ и воздающій каждому по его дѣламъ» (стр. 35),

другими словами, справедливость есть вѣчная, безусловная, божественная истина. Прекрасно. Далѣе слѣдуетъ опредѣленіе источника нравственности. Вотъ это опредѣленіе: «Нравственность связана съ религіею, какъ съ своимъ источникомъ». — «Такъ какъ правда олицетворяется въ своемъ источникѣ, то нравственность есть подчиненіе волѣ Божіей» (стр. 49-я), то есть религіи, т. е. вѣрѣ. Нравственно только то, что одобряется вѣрою. Слѣдовательно, вѣра есть существенная основа нравственности. Разлагая теперь это понятіе на его составныя части, какъ ихъ опредѣлялъ г. Капустинъ,—мы находимъ, что оно слагается изъ *вѣры*, *любви* и *справедливости*, т. е. правды, истины и *трудолюбія* (полагаемъ, что мы не портимъ, а напротивъ исправляемъ чистоту кабалистическаго языка г. Капустина, замѣняя слово *трудъ*, словомъ *трудолюбіе*). Изъ этихъ силъ слагается *нравственность*, — нравственность воплощается въ *правъ*, право же, по собственному выраженію г. Капустина, есть главнѣйшая т. е. основа всякаго общежитія. Такимъ образомъ весь строй общественной жизни выводится изъ четырехъ основныхъ силъ или элементовъ. «Зороастръ, говоритъ г. Мильчевскій, принималъ три основныя числа, изъ ко-

торыхъ одно означало вѣру, другое любовь, третіе истину; помножая это число само на себя, онъ получалъ число 9, которое послужило ему для образованія 9 ступеней небесной іерархіи и гармоніи природы» (Мильчевскій, стр. 18). Такимъ образомъ Зороастръ изъ трехъ основныхъ чиселъ, выразившихъ собою тѣ же самыя понятія, которыя кладутъ въ основу своихъ построений и современные кабалисты,—выводилъ гармонію вселенной и распредѣлялъ ее на 9 ступеней. Этотъ выводъ и это раздѣленіе были нелѣпы и произвольны, но ихъ все-таки возможно понять; возможно понять, почему Зороастръ положилъ въ основу своего дѣленія 9, а не 8 и не 10; возможно догадаться, почему онъ для уразумѣнія міровой гармоніи множилъ 3 на 3, а не на 4 и не на 5. Но уже рѣшительно невозможно понять, какая логика руководила московскимъ кабалистомъ, когда онъ выводилъ гармонію существующихъ общественныхъ отношеній изъ четырехъ указанныхъ выше основныхъ элементовъ или силъ! Кто будетъ настолько смѣлъ, что рѣшится утверждать, будто вся эта мистическая кабалистика есть продуктъ логическаго мышленія? Но если ее создало не логическое мышленіе, то неужели мы можемъ удовлетвориться, отнеся всѣ эти бредни насчетъ одного невѣжества современныхъ кабалистовъ? Нѣтъ, невѣжество, конечно, играетъ тутъ нѣкоторую роль, но, во всякомъ случаѣ, при общемъ уровнѣ современнаго развитія, оно не можетъ быть такъ велико, чтобы имъ однимъ можно было оправдать подобныя нелѣпости. Тутъ есть и другія причины,—причины весьма прозрачныя и совсѣмъ не таинственныя: чтобы уразумѣть ихъ, стоитъ только попристальнѣе взглянуть въ тѣ окончательные выводы, къ которымъ приходитъ юридическая кабалистика. Повидимому, она отрываетъ своихъ адептовъ отъ міра существующихъ отношеній и уноситъ его въ заоблачныя сферы метафизическихъ идеаловъ. Она хочетъ, повидимому, внести эти идеалы въ грубую дѣйствительность, она стремится одухотворить пошлую матеріальность, исключить изъ нея все неразумное и случайное, оставивъ одно только разумное и необходимое. Но отъ возвышеннаго идеализма до грубаго матеріализма одинъ шагъ. Юридическая кабалистика, начавъ выводить право изъ отвлеченныхъ, идеальныхъ началъ, кончаетъ тѣмъ, что признаетъ разумнымъ, необходимымъ и высоко-нравственнымъ *всякое* положительное законодательство.

«Положительное право,—говоритъ г. Капустинъ,—всегда есть богѣе или менѣе (къ чему эта деликатность, говорите прямо безъ колебаній и дву-

смысленностей!) удачная попытка выразить сущность права, сообразно съ временемъ и съ потребностями народа; оно всегда поэтому есть исторически-разумное» (стр. 121).

И такъ, вотъ къ чему приводитъ вся эта кабалистика: къ признанію *разумнымъ* всегда существующаго, къ торжественному увѣренію, что «положительное право» всегда выражаетъ сущность права идеальнаго, или что право вообще равняется и совпадаетъ съ правомъ кодексовъ въ частности. Конечно это утѣшительно! Но къ чему же только разводилась вся эта мистическая кабалистика. Если все, что написано въ кодексѣ, исторически разумно, потому только, что оно написано въ кодексѣ,—то къ чему скажите, измышляютъ кабалисты мистическое понятіе о какомъ-то *правѣ вообще*, отличномъ отъ права кодексовъ, къ чему было тревожить нравственныя силы? Не проще ли было бы сказать прямо и откровенно: всякій законъ разуменъ и необходимъ, такъ какъ онъ законъ, потому никакая критика и никакія возраженія не должны быть допускаемы. Но юридическая кабалистика, какъ мы уже говорили, не терпитъ откровенности: высказавъ мысль, что всякій законъ исторически разуменъ и что всѣ существовавшія и существующія жизненныя отношенія «необходимы», такъ какъ въ нихъ всегда достигаются какія нибудь «блага» (стр. 121), высказавъ эту, запечатлѣнную самымъ пошлымъ матеріализмомъ, мысль, кабалистъ, снова закутывается въ свой таинственный плащъ и снова начинатьъ произносить свои кабалистическія заклинанія.

«Право,—говоритъ онъ,—не есть результатъ ни случая, ни человѣческаго произвола, ни человѣческой мудрости; оно не создается ни законодательствомъ, ни философскимъ умствованіемъ, оно вырастаетъ на почвѣ отношеній между лицами» (стр. 105).

Эта кабалистическая нелѣпость не принадлежитъ, правда, самому г. Капустину, но онъ воспроизводитъ ее въ своемъ твореніи, безъ всякихъ оговорокъ и примѣчаній, значить—онъ вполне съ нею согласенъ. Право не есть дѣло случая и человѣческаго произвола, оно вырастаетъ на почвѣ отношеній между лицами. Прекрасно. Но вѣдь нужно же доказать, что эти отношенія—не дѣло случая, не дѣло человѣческаго произвола, что они предопредѣлены самою судьбою, что иными онѣ не могутъ и не могли быть. Современная наука, а не кабалистика, отвергаетъ этотъ предетерминизмъ; но для юристовъ-маговъ вѣра въ предетерминизмъ, вѣра въ судьбу также необходима, какъ вода для рыбы. Безъ воды рыбы околѣва-

ютъ, безъ вѣры въ детерминизмъ, въ судьбу—юридическая кабалстика разлетается въ пухъ и прахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если «отношенія между лицами» не predeterminedъ заранѣе, если на нихъ не лежитъ печать неизбежнаго фатума, въ такомъ случаѣ, все что вырастаетъ на ихъ почвѣ, а слѣдовательно и право, есть также дѣло случая и человѣческаго произвола. Если же право есть дѣло случая и человѣческаго произвола, то оно и не можетъ претендовать даже на непреложность своихъ постановленій, на постоянную, неизмѣнную разумность и справедливость своихъ предписаній. Къ нему не только можно, но даже должно относиться критически, подобострастное преклоненіе передъ каждою статьею и параграфомъ кодексовъ становится тогда немислимымъ и юридическая кабалстика, измышленная единственно съ цѣлью оправдывать и освящать санкцію теоріи, принципа, грубую, часто нелѣпую и беспорядочную житейскую практику, теряетъ всякій *raison d'être* своего существованія.

Если книга г. Капустина служить прекраснымъ доказательствомъ той истины, что отъ метафизическаго идеализма въ области юриспруденціи одинъ только шагъ до самаго грубаго и пошлаго материализма, работѣнно и безъ разсужденій преклоняющагося передъ каждымъ фактомъ, то произведеніе г. Юркевича еще убѣдительнѣе доказываетъ тоже самое въ области философской педагогики. Философская кабалстика г. Юркевича мы полагаемъ уже извѣстна нашимъ читателямъ, и потому слишкомъ много распространяться о ней не стоитъ да притомъ и не совсѣмъ удобно. Московскій магъ № 2 признаетъ и защищаетъ съ помощію своихъ семинарскихъ тетрадокъ «дуализмъ человѣческой природы» и, подобно тому какъ древніе маги и кабалисты населяли физическій міръ невидимыми духами и сверхъестественными силами, такъ онъ населяетъ нашъ внутренній, нравственный міръ прирожденными способностями, возвышенными стремленіями и т. п. Онъ признаетъ далѣе, что

«нѣтъ на свѣтѣ и двухъ человѣкъ, у которыхъ отношеніе души къ тѣлу было бы одинаковое. Какъ въ тѣлѣ отъ природы бываетъ расположенность къ различнымъ болѣзнямъ, такъ бываетъ въ немъ прирожденная расположен-

ность къ различнымъ вліаніямъ на душу. Одинъ духъ болѣе заключенъ въ тѣлѣ, нежели другой. Одинъ предрасполагается его вліаніями болѣе къ жизни чувственной, другой—къ жизни умственной, третій—къ дѣятельности во внѣшнемъ мірѣ» (стр. 311) и т. д.

При такихъ воззрѣніяхъ на человѣческую природу задача педагогики значительно усложняется и ея реформирующая, цивилизующая сила значительно умалется. Метафизикъ-педагогъ долженъ сознаться, что

«не каждое доброе качество можетъ быть насаждено въ каждой душѣ и не каждое дурное можетъ быть изъ каждой души исторгнуто. Есть дѣти, воспитаніе которыхъ почти неизбѣжно принимаетъ форму дрессировки и выдержки» (стр. 8).

Но мистицизмъ, внесенный въ педагогику, не только ограничиваетъ и ослабляетъ творческую силу воспитанія, не только ставитъ большинство дѣтей въ положеніе «отверженныхъ», которыхъ нельзя развить и совершенствовать, а можно только дрессировать,—онъ обезцвѣчиваетъ ее, превращаетъ въ туманную фразеологию, подъ густымъ покровомъ которой здравомыслящій воспитатель тщетно будетъ искать разумныхъ совѣтовъ, разумныхъ мыслей, разумныхъ указаній. Самымъ главнымъ и самымъ существеннымъ вопросомъ педагогики долженъ быть, разумѣется, вопросъ о *цѣли воспитанія*. Когда воспитатель ясно и отчетливо уяснитъ себѣ цѣль воспитанія, тотъ идеалъ, къ которому онъ долженъ стремиться, когда онъ, не колеблясь, можетъ сказать: я хочу сдѣлать изъ ребенка то-то и то-то, тогда только его отношенія къ воспитываемому получаютъ опредѣленный, осмысленный характеръ. Въ противномъ же случаѣ, не смотря на всѣ его педагогическія способности (т. е. способность изобрѣтать педагогическіе приемы и прилагать ихъ къ данному индивиду), на все его умѣнье обращаться съ дѣтьми, на всѣ прекрасныя качества его ума и сердца—онъ будетъ весьма плохимъ воспитателемъ, и его питомецъ никогда не будетъ имѣть опредѣленнаго міросозерцанія, и—что самое главное,—цѣлостнаго характера. Только опредѣливъ цѣль можно искать средство, только при единствѣ и стройной выдержанности этой цѣли не будетъ противорѣчія и нерѣшительности въ педагогическихъ приемахъ. Разумѣется, цѣль не должна быть опредѣляема въ слишкомъ общихъ и безсодержательныхъ фразахъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Такое опредѣленіе равносильно отсутствію всякаго, даже еще хуже: оно только убавливаетъ совѣсть воспитателя и

порождаетъ въ немъ вредныя иллюзіи. Онъ воображаетъ, будто въ рукахъ у него аriadнина нить, которая выведетъ его изъ лабиринта педагогическихъ приемовъ, тогда какъ, въ сущности, въ рукахъ у него нѣтъ ровно ничего. Чѣмъ реальнѣе, конкретнѣе, чѣмъ точнѣе и рельефнѣе опредѣлена цѣль, тѣмъ легче и удобнѣе ориентируется воспитатель въ этомъ лабиринтѣ,—тѣмъ скорѣе и проще онъ выйдетъ изъ него. Посмотримъ же теперь, какъ опредѣляетъ эту цѣль мистическая педагогика.

Цѣль воспитанія, провозглашаетъ г. Юркевичъ, совпадаетъ съ цѣлью жизни (стр. 9). Какъ это громко и какъ это неопредѣленно! Съ самого начала, слѣдовательно, вопросъ переносится въ туманную область метафизики, разсуждающей о цѣли существованія. Всѣ споры о цѣли нашего существованія сводятся, замѣчаетъ г. Юркевичъ, къ двумъ мнѣніямъ, изъ которыхъ одно видитъ эту цѣль въ счастіи, другое— въ добродѣтели, долгѣ. По мнѣнію того же г. Юркевича, настоящая цѣль жизни должна состоять въ добродѣтели, а не въ счастіи. Насколько реально первое изъ этихъ понятій, настолько неопредѣленно и метафизично второе. Добродѣтель, въ смыслѣ отвлеченномъ,—понятіе совершенно неумовимое и ничего неговорящее. Что такое добродѣтель? Для іезуита—фанатическое принесеніе всего въ жертву эгоистическимъ цѣлямъ ордена, для аскета—убіеніе плоти; для ханжи—подачки милостыни; для фарисея—безпрекословное соблюденіе буквы закона помимо его сущности, для тирана—безсловесная покорность и т. п. Однимъ словомъ, добродѣтель это пустая форма, въ которую можно вложить какую угодно сущность. Потому противопоставлять счастіе добродѣтели возможно только тогда, когда подъ добродѣтелью подразумѣвается нѣчто уже опредѣленное, реальное, и въ тоже время совершенно отличное отъ счастія. Такое *пополненіе* этого пустого, формального понятія становится въ особенности необходимымъ, если его ставятъ цѣлью жизни, цѣлью воспитанія. Чѣмъ же пополняетъ его г. Юркевичъ. Понятіе о добродѣтели, по мнѣнію Юркевича, сводится къ понятію о *гуманности*, о *человѣчности*. Въ этомъ послѣднемъ понятіи, по его увѣренію, примиряются противоположныя стремленія дуалистической природы чловѣка и она-та должна служить путеводною звѣздой для воспитателя. Но понятіе о чловѣчности весьма растяжимо, и оно очень часто наполняется такимъ содержимымъ, которое не имѣетъ ничего общаго съ цѣлями мистической педагогики. Г. Юркевичъ понимаетъ это очень хорошо, и потому самъ спѣшитъ замѣтить, что

«понятіе *человѣчности* такъ разнообразно и такъ мягко, что каждый помещаетъ въ немъ содержаніе, какое находитъ сообразнѣйшимъ съ системою своихъ убѣжденій» и что «когда это понятіе исключаетъ при воспитаніи серьезность, строгость, дисциплину, послушаніе, твердый порядокъ,—оно дѣлается источникомъ опасныхъ заблужденій» (стр. 19).

Итакъ, для цѣлей мистической педагогики необходимо, чтобы въ понятіе *человѣчность* было вложено такое содержаніе, которое могло бы внести въ воспитаніе *строгость, порядокъ, дисциплину и послушаніе*. Каково же это содержаніе? Существеннѣйшій принципъ гуманности, т. е. ея основное содержаніе заключается, по мнѣнію г. Юркевича, въ слѣдующемъ изрѣченіи Экклезіаста: «бойся Бога и соблюдай его заповѣди» (стр. 27).

«Это», говоритъ г. Юркевичъ, «такой принципъ гуманности, который одинъ имѣетъ устойчивость и неизмѣняемое достоинство среди значительной пустоты цѣлей и среди непрерывныхъ обобщеній человѣческой цивилизаціи и человѣческой культуры» (стр. 27).

Слѣдовательно, вся задача воспитанія сводится къ тому, чтобы, съ одной стороны,—возбудить въ воспитываемомъ *страхъ*, съ другой, приучить его къ *безусловному повиновенію*. Только при такомъ душевномъ настроеніи, только при такой привычкѣ, человѣкъ, по мнѣнію г. Юркевича, можетъ осуществить въ своей жизни требованія истинной *человѣчности*, истинной *гуманности*.

Опредѣливъ такимъ образомъ свою задачу, мистическая педагогика обращаетъ главное вниманіе на такъ называемыя «воспитательныя мѣры» понужденія, наставленія, наказанія и т. п., считая всякія дальнѣйшія разглагольствованія о цѣли воспитанія совершенно излишними. И въ этомъ случаѣ, она, по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ послѣдовательно. Если вся суть дѣла состоитъ въ томъ, чтобы приучить ребенка бояться и повиноваться, то, разумѣется, педагогика должна обратиться въ теорію нравственной дрессировки, въ изложеніе правилъ школьной дисциплины. Дѣйствительно, самую существенную и самую объемистую часть теоріи воспитанія въ книгѣ г. Юркевича представляетъ отдѣлъ о понудительныхъ и карательныхъ мѣрахъ. Педагогъ-мистикъ, туманно неуловимый и метафизичный, когда дѣло идетъ о высшихъ принципахъ,—о гуманности и *человѣчности*,—становится крайне точнымъ, удобопонятнымъ и до послѣдней степени опредѣлительнымъ, когда дѣло касается педагогической дисциплины. Здѣсь онъ старается преподать воспитателямъ самыя недвусмысленныя совѣты, съ полицейскою ревню-

ностью обращает ихъ вниманіе на всякую мелочь, на всякую пуговицу на курткуѣ воспитанника. Послушайте, съ какимъ пафосомъ московскій педагогъ говоритъ о великомъ воспитательномъ значеніи дисциплины;

«Дисциплина есть та школа, которая сообщаетъ ему (воспитаннику) способность и любовь къ законности, порядку и благочинію. И такъ посредствомъ дисциплины воля впервые возносится надъ непосредственными влеченіями до разума, начертывающаго планъ жизни и дѣятельности. Воспитанникъ вынуждается отказываться отъ удовольствій, переносить лишенія, бороться съ своими наклонностями и вообще дѣлать не то, что ему хочется и нравится, но что предписывается и что установлено» (стр. 94).

Далѣе высокое значеніе дисциплины подтверждается текстомъ изъ апостола Павла и категорически объявляется, что

«слѣдуетъ считать нелѣпою ту педагогическую теорію, которая или изгоняетъ дисциплину изъ дѣтскаго міра, или унижаетъ ея высокое значеніе» (стр. 95).

И что «въ дисциплинѣ заключается великая освобождающая сила для личности воспитанника». Само собою, понятно, что педагогъ, отличающийся такою платоническою любовью къ дисциплинѣ, долженъ быть человѣкомъ очень опытнымъ въ дѣлѣ классной полиціи. И дѣйствительно, его полицейскіе совѣты и соображенія отличаются высокою мудростью и удивительною предусмотрительностью. Сейчасъ видно, что такого воспитателя легко не проведешь и что, если ему придется когда нибудь покинуть его педагогическое поприще, — то онъ не пропадетъ: его съ удовольствіемъ примутъ въ любой штатъ полиціи. Послушайте и подивитесь педагогической мудрости этого идеалистическаго мистика, имѣющаго претензіи, повидимому, на самыя возвышенныя понятія о человѣческой природѣ и негнушающагося, однако, вносить въ педагогику, — эту, по его мнѣнію, науку о воспитаніи человѣческаго духа, такія полицейскія уловки и мѣропріятія, «надъ которыми посмѣялся бы даже самый отчаянный и несообразительный педагогъ-практикъ, чуждый всякаго идеализма, всякихъ туманно-возвышенныхъ точекъ зрѣнія на человѣческую природу.

«Не должно быть предоставлено произволу, какое мѣсто занимаетъ ученикъ въ классѣ, — поучаегъ мудрый педагогъ, — на какомъ мѣстѣ онъ оставляетъ книги свои и свою одежду» (стр. 97).

Относительно сидѣнія учениковъ въ классѣ, держанія рукъ и т. п. метафизическая педагогика рекомендуетъ слѣдующія правила:

«сидѣть они должны на опредѣленномъ мѣстѣ, не склоняя головы на скамью и не подпирая ее руками (!!); держать руки на скамьѣ въ готовностн взяться за перо или развернуть книгу (жалъ, что ученый авторъ не догадался иллюстрировать свои наставленія рисунками, а то для многихъ читателей не одаренныхъ педагогическою сообразительностью, будетъ нѣсколько трудно представить себѣ требуемую позу ученика); установить ноги на полъ, не поджимая ихъ подъ скамью и не складывая ихъ одну на другую (тутъ уже, кажется, говорить не педагогъ, а кабалистъ: въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могутъ имѣть для воспитанія духа ноги, поджатыя подъ скамью или сложенныя одна на другую?). Соблюденіе всѣхъ этихъ мелочныхъ условій,—мистически заключаетъ педагогъ,—чрезвычайно благоприятно для подержанія добраго состоянія души и тѣла» (стр. 98).

Не правда ли, какъ все это мудро? Но этимъ еще далеко не исчерпывается полицейская предусмотрительность мистической педагогикн. Опредѣливъ, какъ слѣдуетъ сидѣть, какъ нужно держать руки и въ какомъ положеніи должны находиться ноги ученика, она опредѣляетъ и то, въ какой одеждѣ онъ долженъ ходить и какъ онъ долженъ отвѣчать учителю.

«Отвѣчать учителю,—наставляетъ г. Юркевичъ, слѣдуетъ поднявшись съ мѣста, держа-себя спокойно (?), не дозволяя играть пальцами рукъ (?!) и т. д.» (стр. 101).

Воспитатель, продолжаетъ тотъ же педагогъ, долженъ дисциплинировать взоръ и голосъ ученика (стр. 101), т. е. онъ долженъ заставлять воспитанника, когда тотъ отвѣчаетъ урокъ, смотрѣть непременно въ извѣстное опредѣленное мѣсто и говорить извѣстнымъ, опредѣленнымъ голосомъ, не повышая и не понижая голоса. Представьте же себѣ критическое положеніе воспитанниковъ съ косыми глазами или сильно развитыми голосовыми органами! Тутъ уже дисциплина должна будетъ превратится въ *пытку*, понимая это слово въ буквальномъ и самомъ тѣсномъ значеніи.

Такимъ образомъ педагогика, въ рукахъ педагоговъ-мистиковъ, превращается не только въ теорію дисциплины, но просто въ теорію пытки. Ставъ на эту точку зрѣнія, она, разумѣется, должна оправдать и розги, и плети, и «мгновенныя сотрясенія», рекомендуемыя нѣкогда г. Миллеромъ-Красовскимъ. И она, дѣйствительно, все это оправдываетъ. Г. Юркевичу кажется, что въ новѣйшее время потому только возстаютъ противъ тѣлеснаго наказанія, что оно слишкомъ рѣзко поражаетъ наши глаза, и что

«воспитатели, подобно дѣтямъ, испытываютъ тревогу не отъ того, что дѣйствительно вредно и опасно, но отъ того, что производятъ сильное чудственное впечатлѣніе» (стр. 185)!

А такъ какъ г. Юркевичъ давно уже вышелъ изъ дѣтскаго возраста, то онъ обращаетъ главное вниманіе не на внѣшность, а на самую *суть* дѣла. *Суть* же тѣлеснаго наказанія кажется ему ни мало не предосудительною и онъ не безъ удовольствія повторяетъ одно древнее изрѣченіе: «щадяй жезлъ ненавидитъ сына». Поэтому онъ полагаетъ, что жезла щадить не надо, но при этомъ рекомендуетъ въ руководство палачей-педагоговъ нижеслѣдующія правила: 1) воспитанникъ, подвергающійся тѣлесному наказанію, «долженъ непременно замѣчать, что его щадятъ» (стр. 186). Это значитъ, пусть воспитатель всегда назначаетъ вдвое большее число ударовъ, чѣмъ сколько слѣдуетъ, и потомъ во время экзекуціи постепенно сокращаетъ ихъ и доводитъ до опредѣленной въ его мысляхъ нормы. Умно и предусмотрительно. 2) При самомъ совершеніи наказанія «вредно оставаться равнодушнымъ.»

«Гораздо лучше безпокойство, раздраженіе и горячность, которыя доказываютъ, что благо и благополучіе воспитанника глубоко интересуютъ воспитателя» (стр. 187).

Т. е. чѣмъ воспитатель болѣе горячится, чѣмъ онъ громче кричить и сильнѣе топаетъ ногами, тѣмъ лучше, потому что онъ показываетъ этимъ, что «благо и благополучіе воспитанника глубоко интересуютъ его.» О, какъ бы дорого заплатилъ воспитанникъ, чтобы только почтенный педагогъ менѣе интересовался его благомъ и благополучіемъ! 3) Рѣшимость наказать должна обнаруживаться «сразу и вполнѣ безъ колебаній и сомнѣній» (стр. 187). Далѣе тамъ же говорится, что

«наказаніе случайное, не сочиненное съ нарочитою методичностью, какъ бы рѣзко оно ни было, менѣе ожесточаетъ, нежели наказаніе сравнительно не такъ чувствительное, но дающее поводъ воспитаннику думать о немъ.»

Развѣ это не реставрированіе классической теоріи «мгновенныхъ потрясеній» незабвеннаго Миллера-Красовскаго? Развѣ быстрая и «хорошая» оплеуха не удовлетворяетъ вполнѣ всѣмъ тѣмъ условіямъ цѣлесообразности тѣлеснаго наказанія, которыя съ такимъ рѣдкимъ цинизмомъ формулируются мистическою педагогикою? Въ формѣ оплеухи тѣлесное наказаніе дѣйствительно «обнаруживается сразу, и вполнѣ безъ колебаній и сомнѣній», тутъ уже нѣтъ «методичности и сочиненности», педагогическій приемъ упрощается до послѣдней степени и педагогическая способность измѣряется и опредѣляется «объемомъ и вѣсомъ» педагогической длани! Вотъ къ ка-

кому грубому материализму въ концѣ концовъ сводится вся эта туманная мистика, весь этотъ выпрепннй идеализмъ!

Рекомендуя воспитателямъ вспыльчивость, раздражительность и стремительную внезапность при назначеніи тѣлесныхъ наказаній, мистическая педагогика совѣтуетъ имъ въ тоже время быть всегда *одинаково неупустительно строгими* относительно своихъ питомцевъ.

«Страхъ, говоритъ г. Юркевичъ, «какъ соль долженъ быть растворенъ въ различныхъ веществахъ, питательныхъ для дѣтскаго духа» (стр. 168).

«Страхъ, утверждаетъ тотъ же философъ, есть стражъ души (стр. 168). Вотъ тѣ великіе афоризмы, на которыхъ построена воспитательная система господствующей рутинѣ и которая владутся въ основу педагогическихъ теорій московскими педагогами-мистиками. И такъ и здѣсь, какъ въ юриспруденціи, самая пошлая, грубая, неосмысленная прагматика въ конечныхъ своихъ выводахъ совершенно сходится и совпадаетъ съ самымъ утонченнымъ, съ самымъ возвышеннымъ идеализмомъ. И здѣсь идеализмъ является только для того, чтобы засвидѣтельствовать свое глубокое уваженіе и почтеніе рутинѣ и торжественно заявить, что, все, что она дѣлаетъ, въ высшей степени разумно и должно дѣлаться во вѣки вѣчные. Но и здѣсь, какъ въ юриспруденціи, въ политической экономіи и въ другихъ отрасляхъ человѣческаго знанія, идеализмъ, прежде чѣмъ вывести изъ своихъ посылокъ надлежащія заключенія, долженъ сдѣлать множество натяжекъ, множество логическихъ ошибокъ и нелогическихъ увертокъ. Подробно анализировать ихъ и съ кропотливою акуратностью разоблачать лживое лицемѣріе этого продажнаго идеализма, этого «купленнаго» мистицизма—здѣсь нѣтъ ни надобности, ни возможности. Мы обратимъ вниманіе читателей только на одну непоследовательность, слишкомъ рѣзко бьющую въ глаза, для того, чтобы ее можно было пройти молчаніемъ.

Вы видѣли, съ какимъ нѣмецкимъ педантизмомъ мистическая педагогика излагала правила классной дисциплины; съ какою паразитальною точностью и придиричвою мелочностью, она опредѣляла и какъ сидѣть, и какъ стоять, и какъ отвѣчать, и какимъ голосомъ говорить, и въ какую сторону смотрѣть, и въ какую одежду одѣваться воспитаннику. Такая опредѣленность, если можно такъ выразиться, универсальность дисциплины, регламентирующей жизнь воспитанника въ самыхъ пустячныхъ мелочахъ, предполагаетъ въ воспитателѣ, повидимому, самый грубый, материалистическій взглядъ

на человѣческую природу. Воспитатель-дисциплинаторъ смотритъ на своихъ воспитанниковъ, какъ на матеріаль совершенно однородный, чуждый индивидуальныхъ разнообразій, въ одинаковой степени приспособленныхъ къ полицейскому регламентаризму. И если бы г. Юркевичъ открыто сознался, что онъ именно съ этой точки зрѣнія и смотритъ на человѣческую личность, въ такомъ случаѣ, онъ, по крайней мѣрѣ, поступилъ бы послѣдовательно. Но вы помните, читатель, что онъ самъ же заявилъ, что «нѣтъ на свѣтѣ и двухъ человѣкъ, у которыхъ отношенія души къ тѣлу были бы одинаковы» (стр. 312), и что не только у разныхъ людей тѣло различно воздѣйствуетъ на душу, но и душа на тѣло.

Какъ же объяснить это странное противурѣчiе: съ одной стороны, проповѣдуется какая-то прирожденная индивидуальность, съ другой—рекомендуется общій, универсальный регламентъ дисциплины, игнорирующий всякую индивидуальность, всякую *особность*. Несчастная, человѣческая логика, какъ слабъ и ничтоженъ твой голосъ передъ требованіями будничной практики! И есть еще оригиналы, которые до сихъ поръ увѣряютъ, будто идеи реформируютъ рутину, а не наоборотъ, рутина создаетъ идеи!

Впрочемъ, утверждая, что г. Юркевичъ рекомендуетъ примѣнять свой дисциплинарный кодексъ безразлично во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ и по отношенію ко всѣмъ дѣтямъ, не отдѣляя богатыхъ отъ бѣдныхъ, знатныхъ и важныхъ отъ незнатныхъ и неважныхъ, мы пропустили маленькую неточность, которую и спѣшимъ здѣсь поправить. Г. Юркевичъ, несмотря на свои мистическія воззрѣнія и свое постоянное пребываніе въ заоблачныхъ сферахъ метафизическихъ фантазій, изъ которыхъ онъ спускается на землю только для того, чтобы получить слѣдующее ему жалованье и заявить при этомъ, что «щадяй жезлъ ненавидитъ сына»,—г. Юркевичъ, говоримъ, несмотря на всѣ эти особенныя свойства своего духа, не чуждъ нѣкоторыхъ познаній и въ политической экономіи. Изъ политической экономіи, т. е. вѣроятно отъ г. Бабста, онъ узналъ, что человѣчество раздѣляется на два класса: на классъ людей благородныхъ и неблагородныхъ, на высшее и низшее сословіе, иными словами: на дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, воиновъ, съ одной стороны, и чернь, народъ, плебсъ — съ другой. Соображаясь съ такимъ положеніемъ вещей, московскій педагогъ пришелъ къ тому убѣжденію, что дѣтей благородныхъ родителей нужно воспитывать по одной системѣ, а «дѣтей народа», какъ онъ вы-

ражается, совершенно по другой. При воспитаніи первыхъ нужно стараться развить

«живую нравственную личность, возбуждая въ ней чувство приличія, красоты, чести и благородства», потому здѣсь «дисциплинарныя мѣры имѣютъ меньшій объемъ, хотя строгость ихъ не измѣняется» (стр. 96).

Напротивъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда воспитаніе имѣетъ цѣлью «напечатлѣть въ душѣ воспитанника готовое уже законодательство» (стр. 96), не обращая особеннаго вниманія на нравственное, внутреннее саморазвитіе личности, въ этихъ случаяхъ «дисциплина должна принять обширные размѣры и опираться на тяжелыя принудительныя мѣры» (стр. 96).

«Воспитатель», говоритъ г. Юркевичъ, «въ этомъ случаѣ можетъ сказать по совѣсти: щадяй жезлъ ненавидитъ сына» (стр. 96).

И вотъ эту-то педагогическую систему, резюмирующуюся въ четырехъ словахъ: *щадяй жезлъ ненавидитъ сына*, г. Юркевичъ обязательно рекомендуетъ для «дѣтей народа.»

«Воспитаніе дѣтей народа, говоритъ онъ, которыя не имѣютъ ни времени, ни средствъ къ глубокому внутреннему образованію, должно быть *по преимуществу дисциплинарное*. Самое обученіе должно не столько обогащать умъ свѣденіями (и въ самомъ дѣлѣ, къ чему имъ свѣденія: лишь бы были трезвыми и покорными работниками!), сколько дисциплинировать (жезломъ, разумѣется) ихъ разумъ, какъ бы приковывая его къ немногимъ, но очень твердымъ истинамъ» (стр. 96).

И такъ, вотъ новая метафизическая истина, вотъ новый идеаль воспитанія, открытый мистическою педагогикою. Въ дѣтяхъ благородныхъ родителей, восклицаетъ она изъ облаковъ туманной метафизики, нужно возбуждать, прежде всего, чувство приличія, красоты, чести и благородства; а въ дѣтяхъ народа—дисциплинировать умъ, «приковывая его» съ помощью магическаго *жезла*—этого державнаго скипетра педагога-мистика,—«къ немногимъ, но очень твердымъ истинамъ»!

И такъ, вы видите, педагогика и здѣсь является только эхомъ, рабскою прислужницею рутинныхъ требованій экономической жизни; она выдумываетъ свой идеаль и теоріи только для того, чтобы придать нѣкоторый внѣшній лоскъ смердящей внутренности. Живи г. Юркевичъ въ южной Америкѣ и узнай онъ тамъ, что жители штата раздѣляются на бѣлыхъ плантаторовъ и черныхъ рабовъ, онъ сейчасъ бы ввелъ новыя измѣненія въ свою

педагогическую систему и сталъ бы доказывать, что „дѣти негровъ„ неспособны не только „къ глубокому внутреннему,“ но и вообще къ какому бы то ни было образованію и, что ихъ разумъ слѣдуетъ не только «дисциплинировать» жезломъ, но просто забивать и искоренять.—Вотъ какъ опасно для педагоговъ-мистиковъ знакомство съ экономическими потребностями той страны, гдѣ они живутъ. Изъ уваженія къ человѣческому разуму, мы бы совѣтывали г. Юркевичу не продолжать своего знакомства съ гг. Бабстами и Бунгами и не брать въ руки никакихъ политико-экономическихъ трактатовъ, скромно довольствуясь своими «семинарскими тетрадами». Смѣемъ надѣяться, что тогда и его педагогическія доктрины нѣсколько улучшатся, и мы не найдемъ въ его будущихъ трактатахъ раздѣленія человѣческихъ чувствъ на «благородныя и неблагородныя (стр. 390) и курьезныхъ сопоставленій слуха и зрѣнія — съ аристократіею; осязанія — съ третьимъ сословіемъ или буржуазіею; вкуса и обонанія — съ низшимъ, рабочимъ классомъ (стр. 390). Подобными сравненіями и аналогіями онъ только компрометируетъ своихъ учителей по политической экономіи, злоупотребляя терминами, которыхъ рѣшительно не понимаетъ.

Мистическія воззрѣнія на человѣка, воззрѣнія, которыя однако не помѣшали г. Юркевичу проповѣдывать высокое значеніе «жезла» и доказывать необходимость «оплеухи,»—заставили его исключить изъ своей и общей педагогики весь обширный отдѣлъ о *физическомъ воспитаніи*. Во всѣхъ сколько нибудь раціональныхъ педагогіяхъ этому отдѣлу отводится главное и самое почетное мѣсто; у г. же Юркевича статья «педагогическое попеченіе о силѣ воспитанника» помѣщена въ концѣ въ видѣ приложенія и притомъ отличается такимъ же мистическимъ характеромъ, какъ и «вышшія воззрѣнія» автора насчетъ призванія человѣка и свойствъ его природы. Взгляды г. Юркевича на значеніе тѣлесной организаціи на человѣческое развитіе лучше всего характеризуются мыслию автора, что «поводы къ длиннымъ разсужденіямъ нѣкоторыхъ педагоговъ о нервахъ заключаются въ ненормальномъ состояніи нервовъ самихъ этихъ педагоговъ». Вѣрно и остроумно. Но такъ какъ уже мы наслушались остроумія автора, то не можемъ не подѣлиться съ читателями и еще однимъ перломъ въ этомъ же родѣ,—перломъ, которымъ, вѣроятно, гг. Катковъ и Леонтьевъ не преминутъ воспользоваться въ интересахъ своего классическаго питомника.

«Мы знаемъ,—говоритъ г. Юркевичъ,—что основная нужда человѣка есть нужда самосохраненія и что для ея удовлетворенія человѣкъ долженъ пови-

новаться законамъ, отъ которыхъ зависить сохраненіе жизни и должны изучать законы, посредствомъ которыхъ приобѣтаются изъ нѣдръ внѣшней природы средства для поддержки человѣческаго существованія» (стр. 35).

Слѣдуетъ ли отсюда, глубокомысленно вопрошаетъ себя философъ, что въ періодъ воспитанія біологія и химія должны сосредоточивать на себѣ главное вниманіе воспитанника? И, какъ вы уже заранѣе догадываетесь, вопросъ этотъ онъ рѣшаетъ отрицательно; это, разумѣется, еще не особенно важно,—головы и болѣе свѣтлыя, чѣмъ голова г. Юркевича, защищаютъ классицизмъ и отвергаютъ реализмъ; важна тутъ послышка, на основаніи которой глубокомысленный философъ пришелъ къ своему выводу. Послышка эта столь замѣчательна, что мы приведемъ ее цѣликомъ, боясь, что иначе читатели заподозрятъ насъ въ злонамѣренной клеветѣ. Слушайте:

«Изъ многочисленныхъ высшихъ школъ, которыми усѣяна Европа,—разсуждаетъ г. Юркевичъ, ежегодно вступаютъ въ жизнь, можетъ быть, десятки тысячъ людей, основательно изучившихъ біологическія науки. Отличаются ли эти люди (врачи, акушеры, естествоиспытатели) цвѣтущимъ здоровьемъ, долготѣіемъ, твердостью характера? Умѣютъ ли они воспитывать дѣтей своихъ такъ, чтобы эти дѣти превосходили другихъ дѣтей и фізіологическимъ и психическимъ здоровьемъ? Выше всякаго сомнѣнія, что ничего подобнаго нѣтъ ни въ этихъ людяхъ, ни въ ихъ дѣтяхъ. Тѣ сословія, которыя отличаются здоровьемъ, долготѣіемъ, ровностью темперамента, твердостью, не знаютъ даже о существованіи біологическихъ наукъ» (стр. 35).

Сомнѣваемся, чтобы даже г. Асоченскій, въ лучшую пору своей дѣятельности, могъ сказать что нибудь болѣе глупое. Если авторъ, однако, сомнѣвается въ разумности и цѣлесообразности изученія біологическихъ наукъ потому, что врачи, акушеры и естествоиспытатели не отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ, долготѣіемъ и т. п., то не имѣемъ ли мы, въ свою очередь, еще большаго права усумниться въ разумности и цѣлесообразности преподаванія въ нашихъ семинаріяхъ, духовныхъ академіяхъ и нѣкоторыхъ университетахъ философіи, на томъ основаніи, что многія лица, изучавшія эту науку въ означенныхъ заведеніяхъ, отличаются такимъ умственнымъ убожествомъ и духовнымъ безсиліемъ, которое дѣлаетъ ихъ посмѣшищами для всѣхъ здравомыслящихъ людей.

Мы могли бы привести и еще многое множество курьезовъ изъ этого курьезнаго произведенія педагога-мистика, но мы полагаемъ, что московскіе черновѣжники уже надоѣли нашимъ читателямъ и потому мы покончимъ здѣсь съ ними. Въ заключеніе, позволимъ

себѣ снова спросить: чѣмъ эти чернокнижники, эти маги и кабалисты XIX вѣка, выше маговъ и кабалистовъ времени Зороастра, и какое предпочтеніе могутъ имѣть ихъ произведенія передъ «Сокровищницею» г. Мильчевскаго? Какъ бы кто ни думалъ о сравнительномъ умственномъ превосходствѣ гг. Капустинныхъ, Юркевичей и имъ подобныхъ, передъ древними магами и кабалистами, и какъ бы кто высоко не цѣнили литературныхъ достоинствъ твореній московскихъ мистиковъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть, ни малѣйшаго сомнѣнія, что ихъ произведенія въ наше время, съ точки зрѣнія общественнаго блага, общественной пользы во сто, въ миллионъ разъ вреднѣе невинныхъ измышленій старыхъ маговъ и чародѣевъ, древнихъ и новѣйшихъ гадалыщъ и кудесниковъ, изложенныхъ въ «Сокровищницѣ» г. Мильчевскаго. Сокровищница г. Мильчевскаго можетъ служить только хотя и глупымъ, но невиннымъ времяпрепровожденіемъ для праздныхъ и недалекихъ людей. Произведенія же гг. Капустинныхъ и Юркевичей—это уже не пустое времяпрепровожденіе: — это гнусная попытка, подъ личиною идеалистической фразеологіи и туманной мистики, оправдать все дикое и безобразное, все нелѣпое и злое, все отвратительное и бессмысленное, что только имѣетъ какое нибудь мѣсто, что только пустило какіе нибудь корни на «почвѣ прагматическихъ отношеній», что только освящаетъ преданіе и поддерживаетъ рутину. Вы помните, что юридическая кабалистика привела г. Капустина къ признанію *необходимымъ и разумнымъ* всего, что когда либо существовало, существуетъ или будетъ существовать; что педагогическій идеализмъ заставилъ г. Юркевича преклониться предъ высокимъ воспитательнымъ значеніемъ «жезла» и торжественно провозгласить «страхъ и повиновеніе» основною цѣлью и существенными принципами воспитанія. Вотъ вамъ внутренняя сторона, вотъ вамъ изнанка мистическаго идеализма московскихъ чернокнижниковъ; вотъ вамъ истинный смыслъ ихъ идеалистическихъ подвиговъ. Взвѣсьте и судите!

II. T.

Развившійся въ послѣднее десятилѣтіе въ нашемъ обществѣ интересъ къ естествознанію вызвалъ изданіе на русскомъ языкѣ множества книгъ естественцо-научнаго содержанія. Книги эти доступны всякому желающему познакомиться съ тѣмъ, какіе вопросы стоятъ на очереди разрѣшенія той или другой отрасли естествознанія; этимъ путемъ въ нашемъ обществѣ распространяются свѣденія, популяризаціей которыхъ занимаются лучшіе ученые на Западѣ. Къ числу такихъ популярныхъ книгъ принадлежатъ и лекціи Тиндаля, переведенныя на русскій языкъ. Но дѣло въ томъ, что чтеніе напечатанной лекціи далеко не даетъ такого знакомства съ предметомъ, какое приобрѣтаютъ слушатели, присутствующіе при производствѣ опытовъ, объясненіемъ которыхъ служатъ лекціи. Какъ бы ясны ни были толкованія профессора, все же читатель его лекціи, при самомъ усиленномъ напряженіи воображенія, не можетъ представить себѣ того, что видятъ слушатели; поэтому знакомство съ явленіями природы, почерпнутое изъ книгъ, въ очень слабой степени увеличиваетъ запасъ знаній самихъ читателей. Они узнаютъ не самыя явленія, которыхъ не видятъ, а только запоминая ихъ словесное описаніе. Такія описанія, если даже они, во время такого чтенія, и рисуютъ въ воображеніи читателя явленія, сопровождающія опытъ, весьма скоро ускользаютъ изъ памяти и, такимъ образомъ въ концѣ концовъ выходитъ, что люди, прочитавшіе массу брошюръ и книгъ, напр. по физикѣ, получаютъ весьма смутныя понятія о предметѣ и бывають не въ состояніи прилагать къ явленіямъ обыденной жизни тѣ свѣденія, которыя они заимствовали изъ книгъ. Вслѣдствіе этого, даже при нѣкоторомъ стремленіи нашего общества къ осмысленному знакомству съ явленіями природы, естественно-научныя знанія наши въ высшей степени отрывочны, неточны, и далеко не приносятъ той пользы, какую они могли бы имѣть при другихъ условіяхъ. И дѣйствительно, могутъ ли наши знанія быть точны и полезны намъ въ жизни, когда мы принуждены останавливаться на томъ, что составляетъ только первую ступень знакомства западнаго общества съ наукой. Европейскіе ученые, занимаясь изслѣдованіями и сообщая самый процессъ и результаты этихъ изслѣдованій своимъ университетскимъ, уже достаточно подготовленнымъ, слушателямъ, не забываютъ въ тоже время и публики. Они читають популярныя лекціи, въ присутствіи аудиторіи людей, невѣдоющихъ предварительными знаніями, производять болѣе типическіе опыты, могущіе ознакомить съ тѣмъ или другимъ закономъ природы. Наконецъ

печатають свои популярныя лекціи и, такимъ образомъ, даютъ возможность еще большому числу людей получить первоначальное ознакомленіе съ основными положеніями науки. Всякій, прочитавшій популярное изложеніе какой нибудь науки и желающій яснѣе усвоить себѣ его содержаніе, можетъ самъ отправиться на популярную лекцію. Подготовленный чтеніемъ, онъ слушаетъ уже сознательно; слова профессора ему уже знакомы; онъ *видитъ* опытъ, описаніе котораго прочелъ, вполне понимаетъ его, твердо запоминаетъ и уходитъ съ лекціи съ запасомъ основательныхъ и точныхъ свѣденій. При случаѣ, онъ стужбѣтъ повторить нѣкоторые простые опыты и у себя дома, растолковать кое-что тѣмъ, которые на лекціи не были. Однимъ словомъ, онъ владѣетъ знаніемъ въ такой степени и въ такой формѣ, въ какой оно уже можетъ быть практически полезно. а только такая степень знанія и можетъ возбуждать въ обществѣ живую любовь къ нему, довольно ясное, отчетливое пониманіе пользы науки, заставляетъ людей дѣлать матеріальныя пожертвованія, необходимыя для разработки науки и для распространенія знаній въ обществѣ. Такимъ путемъ ученые получаютъ матеріальныя средства отъ юнаго общества; такимъ путемъ основываются на общественный счетъ новыя ученые учрежденія. Наука, обязанная всѣмъ обществу, дѣлается его слугою; ученые чувствуютъ свою связь съ обществомъ, сознають зависимость необходимыхъ для ихъ изслѣдованій средствъ отъ расположенія общества къ знанію, и стараются вызвать его расположеніе. Они уже не цѣховые мастера, не чиновники, исполняющіе свои обязанности за извѣстное вознагражденіе, а живые члены того общества, которому служатъ, любящіе свое дѣло и заботящіеся какъ о доброкачественности своихъ продуктовъ, такъ и о средствахъ распространенія ихъ; однимъ словомъ, классъ ученыхъ становится не казеннымъ учрежденіемъ, а необходимымъ элементомъ народной жизни; наука перестаетъ быть служебнымъ занятіемъ и тѣмъ спасаетъ себя отъ цѣховой рутинны, дѣлается независимой функціей наиболѣе развитыхъ представителей націи. Только при такихъ условіяхъ и возможно свободное развитіе науки, только при сознаніи солидарности интересовъ ея представителей и общества она и бываетъ плодотворна. Замѣчательно, что люди обыкновенно съ большею энергіей добываютъ права на самостоятельность во всякой другой сферѣ жизни, чѣмъ въ сферѣ науки, а между тѣмъ наука, знаніе служитъ руководящимъ им-

пульсомъ челоуѣка во всѣхъ сферахъ его дѣятельности и потому должна бы освободиться, сдѣлаться совершенно независимой прежде всего. Кромѣ этого видимаго своего значенія, истинная наука не можетъ быть связана, регламентирована и, по самому существу своему, нигдѣ свобода не составляетъ до такой степени абсолютно-необходимаго условія, какъ въ изысканіи истины; замѣчаемый нами индифферентизмъ къ положенію знанія въ обществѣ обусловливается главнымъ образомъ тою формою, въ какой знаніе до сихъ поръ являлось передъ публикой. По мѣрѣ того, какъ ученые начинаютъ сознавать, что только содѣйствіе общества можетъ поставить знанія въ необходимое для его развитія условія, по мѣрѣ того, какъ они начинаютъ нисходить съ недоступныхъ простымъ смертнымъ высей чистой науки и стараются показать обществу науку въ той формѣ, въ какой она дѣлается доступной, привлекательной и полезной для общества,—и само общество начинаетъ сознавать зависимость существеннѣйшихъ своихъ интересовъ отъ степени развитія знаній и распространенія ихъ въ массахъ. Съ этихъ поръ права на независимую дѣятельность въ области науки становятся настолько же или еще болѣе желательными, чѣмъ какія бы то ни было другія права; и разработка науки *раціональными* средствами сильно двигается впередъ и получаетъ простыя устойчивыя основы. Мы знаемъ, напр., что, благодаря усиліямъ лучшихъ умовъ преимущественно второй половины XVIII в., знанія перестали быть во Франціи достояніемъ высшихъ сословій и въ значительной степеніи распространились и въ среднемъ кругу общества. Энциклопедисты и ихъ ученые современники показали французской публикѣ науку въ такой привлекательной и доступной формѣ, что даже въ самый разгаръ революціонной бури наука не была забыта обществомъ. Эженъ Депуа (Despois) въ одномъ изъ своихъ безпристрастныхъ и основанныхъ на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ сочиненій доказываетъ, что во время конвента, съ именемъ котораго связываются самыя страшныя проявленія революціоннаго вандализма, была основана или преобразована большая часть тѣхъ ученыхъ учреждений, которыя и до сихъ поръ составляютъ гордость Франціи.

Обстоятельства позволили французамъ перейти отъ *чтенія* естественныхъ наукъ къ образованію научныхъ учреждений, которыя обезпечили возможность существованія и развитія науки на французской почвѣ. У нѣмцевъ и англичанъ другія обстоятельства привели къ тому же результату. Усилія ученыхъ всѣхъ этихъ странъ

даютъ возможность публикѣ не только *читать* популярныя описанія явленій природы, но и видѣть эти явленія въ такихъ условіяхъ, при которыхъ связь и зависимость ихъ представляется очевидной. Западно-европейская публика, обозрѣвая ботаническіе и зоологическіе сады, минералогическіе кабинеты, посѣщая публичныя лекціи по всѣмъ отраслямъ естествознанія, — имѣетъ возможность настолько ознакомиться съ естественными науками, что переходъ къ болѣе серьезнымъ занятіямъ дѣлается уже легкою и желаніе перейти къ нимъ, глубже проникнуть взоромъ въ смыслъ того, что уже ясно усвоено въ общихъ чертахъ, можетъ быть весьма сильно. Такимъ путемъ на Западѣ вербуются ученныя силы, такимъ путемъ вырабатываются въ массахъ публики люди серьезно знакомые съ естественными науками; эти люди, вѣ унверситетовъ и академій, непосредственнымъ приложеніемъ своихъ знаній къ требованіямъ жизни, пробуждаютъ въ обществѣ уваженіе къ наукѣ, вызываютъ стремленіе къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. Изъ ихъ же среды нерѣдко выходятъ дѣльные изслѣдователи, обогащающіе науку новыми открытіями, приносящими непосредственную практическую пользу.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права причислить себя къ подобнаго рода обществамъ. Судьба естествознанія у насъ на Руси отличалась до сихъ поръ такими особенностями, при которыхъ не можетъ быть и рѣчи о сколько нибудь серьезномъ знакомствѣ нашего общества съ естественными науками. Впрочемъ въ настоящей замѣткѣ мы не станемъ распространяться объ этомъ предметѣ: недавно вышедшій томъ «Трудовъ перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей» дастъ намъ поводъ подробнѣе и обстоятельнѣе побесѣдовать съ читателемъ объ условіяхъ развитія и распространенія естественныхъ наукъ въ Россіи.

Теперь мы хотѣли только замѣтить, что характеръ естественно-научныхъ знаній нашего общества, по необходимости, долженъ быть весьма плачевный. Знанія эти ширеко распространились у насъ, но глубина ихъ такъ незначительна, что они не могутъ быть призваны даже самыми элементарными свѣденіями, и, въ общей сложности, вносятъ въ народную жизнь новый элементъ цивилизаціи, почти равный нулю. А между тѣмъ многіе изъ нашихъ просвѣтителей серьезно опасаются, чтобы мы не шагнули уже очень далеко, чтобы не заучились до пресыщенія. Впрочемъ къ этимъ опасеніямъ всегда склонно было глубокое невѣжество. Оно, обыкновенно, принимало вѣдшій лоскъ знанія за самое знаніе, и мертвую академическую рутину за живую силу просвѣщенія. Дикарь

думаетъ, что навѣшленные пмъ на себя бубенчики составляютъ его великое украшеніе и настоящее человѣческое достоинство. Многія обстоятельства служатъ причиною тому, что мы останавливаемся на этой первой ступени, не можемъ и не особенно сильно чувствуемъ желаніе идти дальше. Это желаніе должно быть возбуждено въ насъ, а того, чѣмъ оно можетъ быть возбуждено, у насъ нѣтъ. Выйти изъ этого заколдованнаго круга мы можемъ все-таки только при помощи популярныхъ книжекъ; если онѣ и не дадутъ намъ знаній, не подвигнутъ насъ къ обзаведенію тѣмъ, что необходимо для распространенія въ обществѣ серьезныхъ естественно-научныхъ знаній, то, во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ покажутъ намъ, чѣмъ могутъ заниматься и что могутъ знать люди, живущіе въ странахъ высшей человѣческой культуры. Эти книжки, быть можетъ, возбуждаютъ хоть въ дѣтяхъ нашихъ охоту разумно воспользоваться тѣми бѣдными средствами, при помощи которыхъ возможно у насъ сколько нибудь серьезное научное ознакомленіе съ законами природы; быть можетъ, дѣти наши не обнаружатъ уже такого стремленія къ классической мудрости, какое, — какъ утверждаютъ, — недавно обнаружили мы сами; а это будетъ уже шагъ впередъ, взамѣнъ того шага назадъ, который сдѣлали мы, такъ несвоевременно ставши поклонниками талантовъ Демосфена и Цицерона. Наконецъ уже и то слабое стремленіе къ естествознанію, которое получило толчокъ отъ этихъ популярныхъ брошюръ, привело къ тому, что мы можемъ указать въ средѣ замѣтныхъ ученыхъ нѣсколько русскихъ именъ. Правда, они стали учеными не въ Россіи, всѣ они побывали за границей, но все-таки они русскіе.

Первая статейка въ изданномъ томѣ лекцій Тиндала: «Теплота и холодъ» можетъ быть рекомендована читателямъ, занимающимся педагогической практикой, нѣсколько знакомыхъ съ приемами экспериментальнаго преподаванія физики. Другія же двѣ «Матерія и сила» и «Сила», отличаясь тѣми же достоинствами изложенія и научной достовѣрности, какъ и первая, доступны и массѣ читателей. Читаніе ихъ уже гораздо больше можетъ принести непосредственной пользы, такъ какъ въ нихъ излагаются болѣе отвлеченные вопросы физики, не требующіе большаго количества оцѣнокъ. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ большую долю участія принимаетъ воображеніе, къ которому приходится прибѣгать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ внѣшнія чувства человѣка перестаютъ уже быть прямыми руководителями. Въ силу этого обстоятельства знакомство съ современными ученіями о «мате-

ріи и силѣ» становится возможнымъ и для насъ, и излагающія эти ученія, книги и статьи, написанныя такими учеными, какъ Тиндаль, составляютъ истинное и своевременное пріобрѣтеніе нашей научной литературы. Разъясненіе понятій о матеріи и силѣ составляетъ въ настоящее время едва-ли не самый живой вопросъ всего естествознанія. Сведеніе всѣхъ родовъ матеріи къ одному первичному веществу, образующему все разнообразіе матеріальнаго міра, путемъ комбинаціи атомовъ, свойства которыхъ безразличны для всѣхъ средствъ человѣческаго воспріятія, кромѣ отвлеченнаго мышленія—вотъ исходъ, къ которому плдутъ современные изслѣдованія о явленіяхъ того, что называютъ матеріей. Точно также и вопросъ о силѣ поставленъ такъ, что можно разсчитывать въ недалекомъ будущемъ на такой отвѣтъ: *всѣ* силы суть различныя формы движенія. Въ своихъ лекціяхъ Тиндаль не указываетъ на эти выводы, но онъ знакомитъ читателя съ фактами, въ значительной мѣрѣ подготовляющими къ такому рѣшенію.

Внѣшность изданія весьма опрятная, текстъ и рисунки отпечатаны хорошо, ясно, что не всегда можно встрѣтитъ въ нашихъ изданіяхъ съ полтишкажами. Цѣна не дорогая (75 к.). Переводъ не особенно изыщенъ, но за точность его должно бы ручаться имя профессора Петрушевскаго, хотя мы и встрѣтили, на стр. 22, такое выраженіе: «это дѣйствіе происходитъ отъ *расширенія теплоты* (?) воздуха», чего нежелательно бы встрѣчать въ изданіяхъ, переводимыхъ подъ редакціей профессоровъ. Окачивая эту замѣтку, мы узнали, что вышло другое изданіе тѣхъ же лекцій Тиндаля, переводъ подъ редакціей профессора Хлѣбникова, изданіе Вл. Ковалевскаго. Нельзя не пожалѣть, что наши издатели, въ явный ущербъ самимъ себѣ, такъ часто дѣлаютъ одновременно по нѣсколько изданій того же сочиненія. При нашей бѣдности, такая конкуренція едва-ли основательна, особенно между издателями, которыхъ нельзя причислить къ разряду спекуляторовъ, бросающихся на всякую книжку съ громкимъ именемъ автора. Дѣятельность такихъ издателей должна бы имѣть больше солидарности, они должны были бы поддерживать другъ друга и устроить такъ, чтобы не сталкиваться на изданіи тѣхъ же сочиненій и тѣмъ сберегать свои средства для новыхъ изданій, необходимыхъ русской публикѣ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нужна ли народу грамотность. — Господствующія мнѣнія о ея всемогуществѣ. — Факты изъ народно-педагогической практики. — Поощрительныя и поудательныя мѣры. — Сравненіе крестьянъ грамотныхъ съ неграмотными. — Практическіе результаты образцовыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. — Народныя школы съ латинскимъ языкомъ и стучолкою. — Баронъ Корфъ и г. Верещагинъ, какъ народные дѣятели. — Докладъ г. Чубинскаго въ вольномъ экономическомъ обществѣ о народныхъ нуждахъ. — Чѣмъ должна быть замѣнена грамотность. — Историческая записка о петербургскомъ университетѣ. — Цвѣтущее положеніе петербургскаго университета и недостатокъ профессоровъ въ остальныхъ. — Ожидаемыя измѣненія въ университетскомъ уставѣ и ихъ практическое значеніе. — Истинныя нужды нашихъ университетовъ.

Нужна ли народу грамотность?

Этотъ вопросъ считается настолько удовлетворительно разрѣшеннымъ, что одна постановка его можетъ вызвать у многихъ проницательную улыбку вмѣсто отвѣта. Что грамотность полезна — это считается такой же банальной истиной, какъ и то, что «ученье — свѣтъ, а неученье — тьма».

Дѣйствительно, если вопросъ поставленъ въ той общей формѣ, въ какой мы его сейчасъ поставили, то о немъ и говорить не стоитъ. Даже въ наше, обильное всякими оригиналами, время — врядъ ли найдется какойнибудь чудакъ, который пытался бы доказывать, что грамота вообще бесполезна. И если у насъ существуютъ публицисты, заслужившіе кличку «противниковъ народнаго образованія», то и они нисколько не отрицаютъ пользы грамотности *вообще*, а не признаютъ ее лишь при извѣстныхъ условіяхъ, прикрывая ими свои настоящія, современныя цѣли.

Но могутъ ли существовать какія бы то ни было условія, при которыхъ общій вопросъ о пользѣ грамотности принимаетъ исключительное направленіе и выходитъ изъ ряда тѣхъ истинъ, которыя признаются таковыми съ незапамятныхъ временъ? Такія условія существуютъ несомнѣнно и они сдѣлаются очевидны для всякаго хоть изъ слѣдующаго примѣра. Положимъ, что въ какой нибудь странѣ народу дозволено учиться грамотѣ, но запрещено прилагать грамоту къ дѣлу, т. е. запрещено читать книги и вообще стремиться къ образованію. Полезна ли и нужна ли въ такой странѣ грамотность? Или, положимъ, что народу даже не запрещено прилагать грамоту къ дѣлу, но самъ онъ находится въ такомъ бѣдственномъ состояніи, его экономическія условія до такой степени плачевны, что образованіе для него недоступно, пока не будетъ измѣненъ его хозяйственный бытъ. Нужна ли такому народу грамотность?

Есть люди, которые во что бы то ни стало хотятъ казаться либералами, хотя въ сущности не имѣютъ ни малѣйшаго права на такое названіе. Втайнѣ сознавая свою слабость, эти люди обѣими руками держатся за извѣстныя истины, постоянное повтореніе которыхъ можетъ характеризовать ихъ въ глазахъ публики съ либеральной стороны. Эти истины суть: грамотность полезна, судъ присяжныхъ есть судъ самый совершенный, личность должна быть свободна, и тому подобныя. Такіе люди ни при какихъ обстоятельствахъ не отступятся отъ этихъ общихъ истинъ и будутъ повторять ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ, изъ боязни, весьма, впрочемъ, основательной, чтобы ихъ не смѣшали съ самыми консервативными элементами общества, отъ которыхъ они только одной внѣшностью и отличаются. Такіе люди, безъ всякаго сомнѣнія, поспѣшатъ отвѣтить утвердительно на сдѣланные нами сейчасъ вопросы. Они будутъ увѣрять, что грамотность полезна вездѣ и всегда, и что не можетъ быть такихъ обстоятельствъ, при которыхъ польза грамотности подвергалась бы сомнѣнію.

Но не такъ посмотрятъ на этотъ вопросъ тѣ, у которыхъ подобной боязни не существуетъ, которые живутъ не мертвыми клычками, а проникаютъ въ «корень» каждаго вопроса. Такіе люди будутъ разсуждать слѣдующимъ образомъ: грамотность сама по себѣ, безъ всякаго приложенія къ жизни, есть бессмыслица; она имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько служитъ средствомъ къ дальнѣйшему образованію и развитію народа; внѣ этой цѣли она есть нуль. Поэтому, нѣтъ ни малѣйшей надобности обучать

грамотѣ народъ, которому запрещено учиться или для котораго, по его экономической обстановкѣ, ученіе недоступно. Слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ грамотность для народа по меньшей мѣрѣ бесполезна и ненужна.

Такимъ образомъ, если васъ спрашиваютъ вообще, полезна ли грамотность—то вы смѣло можете назвать этотъ вопросъ нелѣпымъ; но если васъ спрашиваютъ, нужна ли грамота *такому-то* народу, находящемуся въ *такихъ-то* социальныхъ условіяхъ, то сперва необходимо хорошенько подумать, а потомъ уже отвѣчать.

Вообще, если разсматривать этотъ вопросъ съ условной точки зрѣнія, то необходимо прежде всего опредѣлить и точно обозначить условія, въ какихъ, съ одной стороны, находится народъ, съ другой—въ какія поставленъ самый вопросъ о грамотности. Мы замѣтили, что если экономическая обстановка народа въ бѣдственномъ положеніи, то для такого народа грамотность, *вообще говоря*, бесполезна. Это, однакожъ, не исключаетъ возможности болѣе развитымъ классамъ заботиться о распространеніи въ массѣ народа образованія, особенно если такія заботы не встрѣчаютъ ни откуда затрудненія и не сопровождаются обложеніемъ народа лишними расходами. Рано ли, поздно ли перейдетъ народъ отъ грамоты къ образованію—во всякомъ случаѣ, со временемъ, оно принесетъ ему свою долю пользы, помогая уяснить свое положеніе и отыскивать средства для измѣненія его къ лучшему. Конечно, и здѣсь образованіе не будетъ имѣть прямого и непосредственнаго вліянія на улучшеніе экономического быта народа; оно будетъ имѣть значеніе только *подспорья* къ другимъ мѣрамъ, болѣе радикальнаго характера.

Но если распространеніе въ народѣ образованія соединено съ извѣстными препятствіями, если оно стоитъ значительныхъ денегъ народу, если къ тому же оно ограничивается исключительно обученіемъ одной грамотѣ,—то полезность его можетъ подлежать величайшему сомнѣнію. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ подумать о томъ, нельзя ли грамотность замѣнить какимъ нибудь болѣе дѣйствительнымъ и болѣе полезнымъ средствомъ для улучшенія народнаго быта. Еще серьезнѣе слѣдуетъ подумать объ этомъ въ томъ случаѣ, когда на грамотность привыкли смотрѣть, какъ на универсальное цѣлебное средство отъ всѣхъ болѣзней, когда въ ней видятъ единственное спасеніе отъ всѣхъ народныхъ пороковъ и бѣдствій и когда, подъ вліяніемъ такого взгляда, не обращаютъ

вниманія ни на какія другія средства—хотя, можетъ быть, многія изъ нихъ оказались бы въ тысячу разъ полезнѣе грамотности.

У насъ, въ Россіи, сложилось именно такого рода убѣжденіе о всемогуществѣ грамотности. Не говоря уже о земскихъ собраніяхъ—даже въ литературѣ господствуетъ всеобщая увѣренность, что грамотность можетъ и улучшить экономическій бытъ народа, и избавить его отъ пьянства, и уменьшить число совершаемыхъ въ его средѣ преступленій, словомъ—сдѣлать народъ счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Но несмотря на всѣ усилія, употребляемыя земствомъ и правительствомъ на распространеніе въ народѣ грамотности, въ большинствѣ населенія они кончаются полной неудачей. Можно бы привести множество случаевъ, доказывающихъ, что многолѣтнія хлопоты по распространенію грамоты не увѣнчались даже ближайшими результатами. Есть школы, въ которыхъ мальчики учатся по пяти, по шести лѣтъ, и все-таки не выучиваются читать; есть даже мѣстности, въ которыхъ открытія, при постороннемъ содѣйствіи, школы закрывались тотчасъ же, какъ только это содѣйствіе прекращалось.

А между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы тѣ, которые искренно желали распространенія грамотности и образованія въ народѣ, не употребляли для этой цѣли всѣхъ средствъ, какія только находились въ ихъ распоряженіи. Можно даже привести случаи, совершенно выходящіе изъ ряду, когда люди, желавшіе распространенія въ народѣ грамотности, чуть не приносили себя въ жертву этой цѣли. Были случаи и другого рода, когда за образованіе народа принимались люди, обладавшіе, повидимому, всѣми физическими и нравственными данными, ручавшимися за успѣхъ дѣла. Стоитъ, на примѣръ, вспомнить графа Л. Толстого и его яснополянскую школу, на которую многіе смотрѣли съ такими свѣтлыми надеждами, стоитъ вспомнить множество заявленныхъ въ печати извѣстій о народныхъ учителяхъ, добровольно обрекавшихъ себя на служеніе дѣлу народнаго образованія и вносившихъ въ народную школу самыя лучшія приемы, какіе только выработала современная педагогика. Говоря откровенно, въ такихъ людяхъ у насъ не было недостатка.

Земскія собранія, съ своей стороны, дѣлали все, что только могли, для распространенія въ народѣ грамотности. Вопли убѣжденія, что успѣхъ или неуспѣхъ этого дѣла находится въ непрерывной связи съ качествами тѣхъ лицъ, которымъ должно быть

ввѣрено народное образованіе, и тѣхъ приеомъ, какими они будутъ руководствоваться—земскія собранія перепробовали почти все, что только предлагалось въ этомъ отношеніи. Народныя школы поручались и духовенству, и спеціальнымъ учителямъ, для чего устраивались учительскія семинаріи и женщиныамъ, и людямъ, вышедшимъ изъ среды самого народа. Въстѣ съ тѣмъ, были подвергаемы серьезному обсужденію и тѣ общіе способы, помощію которыхъ всего удобнѣе распространять народное образованіе. Очень многіе совѣтовали сдѣлать грамотность народною повинностью, ввести обязательное обученіе. Крайнія мѣры, къ которымъ прибѣгали сторонники принудительной системы, лучше всего показываютъ, съ какимъ трудомъ соединено распространеніе въ народѣ грамотности. Одни предлагали ввести для этого тѣлесныя наказанія, другіе совѣтовали вводить въ народъ грамотность, «соединяя пользованіе извѣстными гражданскими правами, на примѣръ, вступленіе въ бракъ, съ непремѣннымъ условіемъ грамотности». Третьи спеціально занимались изысканіемъ «поощрительныхъ и понудительныхъ мѣръ» для просвѣщенія народа и приходили къ замѣчательнымъ выводамъ. Такъ, на примѣръ, предсѣдатель евпаторійской земской управы, г. Колосовъ, совѣтовалъ для кончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ сократить срокъ выслуги на полученіе наградъ: медали съ 9 на 8 лѣтъ и почетнаго кафтана съ 6 на 5 лѣтъ; далѣе, всѣхъ грамотныхъ, достигшихъ 45-лѣтняго возраста, освобождать отъ натуральной подводной повинности; наконецъ, запрещать крестьянамъ, некончившимъ курса въ сельскомъ училищѣ, вступать въ бракъ до 20 лѣтъ, и лишать права участвовать на сходкахъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ дѣти отъ 8 до 14-лѣтняго возраста не будутъ знать грамоты. На многихъ сѣздахъ духовенства также придумывались различныя принудительныя мѣры для распространенія грамотности, которыя часто отличались такою же оригинальностью, какъ и предложенія г. Колосова.

Вообще изъ всѣхъ мнѣній, высказанныхъ и на земскихъ собраніяхъ, и въ литературѣ, можно вывести то заключеніе, что плохіе успѣхи грамотности въ народѣ приписываются непониманію крестьянами своей собственной пользы; что еслибы по всей Россіи крестьянъ заставили учиться, то отъ этого произошли бы самыя благотворныя результаты. Однакожъ, несмотря на то, что подобное мнѣніе существуетъ уже съ весьма давняго времени, что на практикѣ испытано множество средствъ заставить народъ учиться—дѣло все-таки нисколько не подвигается впередъ, и крестьяне, въ

большой части случаевъ, относятся совершенно равнодушно и къ грамотѣ вообще, и къ учрежденнымъ среди нихъ школамъ въ особенностяхъ. Это явленіе можно считать почти общимъ въ нашемъ сельскомъ населеніи. И однакожь, никому еще не приходило въ голову—подвергнуть это явленіе серьезному анализу.

Въ прошломъ «Обозрѣніи» мы имѣли случай замѣтить, что очень часто самыя энергичныя усилія разныхъ дѣятелей въ борьбѣ съ общественными бѣдствіями пропадаютъ совершенно даромъ отъ того, что эти усилія направляются вовсе не туда, куда нужно. Установившаяся привычка заставляетъ людей бороться съ самымъ явленіемъ, оставляя безъ вниманія его причины, отъ которыхъ это явленіе непосредственно зависитъ. Проституція, какъ мы показали, можетъ служить однимъ изъ сильныхъ доказательствъ существованія подобныхъ ошибочныхъ взглядовъ. До сихъ поръ и правительство, и общество стараются преслѣдовать самую проституцію, какъ будто она существуетъ какъ самостоятельное зло. Оттого-то, несмотря на продолжительную борьбу съ нею, она не только не уменьшается, но даже положительно увеличивается.

Не примѣнимо ли подобное заключеніе и къ тому вопросу, о которомъ мы теперь говоримъ, то-есть къ вопросу о распространеніи грамотности въ народѣ? Мы видѣли, что грамотность распространяется у насъ весьма плохо: до сихъ поръ въ Россіи одинъ грамотный приходится почти на 300 неграмотныхъ; а если мы возьмемъ только сельское населеніе, то процентъ грамотныхъ окажется еще меньше. Не наводитъ ли это обстоятельство на мысль—подвергнуть разсматриваемый нами вопросъ серьезному обсужденію? Не указываетъ ли оно на необходимость провѣрить то установившееся на этотъ счетъ мнѣніе, которое принято считать безусловной истиной? Словомъ, не заставляетъ ли оно усомниться въ томъ, что грамотность должна быть средствомъ, а не результатомъ улучшенія экономической жизни народа?

Къ счастью, у насъ есть довольно вѣскіе факты для того, чтобы заставить людей, не окончательно испорченныхъ и не безусловно вѣрующихъ въ рутинныя истины, убѣдиться, что грамотность — по крайней мѣрѣ, у насъ въ Россіи — есть не только не всесильное, но даже не вспомогательное средство для улучшенія народнаго быта. Однимъ изъ такихъ фактовъ мы считаемъ мнѣніе, высказанное человекомъ, который близко знакомъ съ жизнью крестьянъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи, именно г. Чубинскимъ. Онъ долго былъ секретаремъ архав-

гельскаго статистическаго комитета, будучи въ то же время членомъ географическаго и вольнаго экономическаго общества, по порученію которыхъ совершалъ длинныя экспедиціи по всему сѣверному краю Россіи, при чемъ, разумѣется, близко наблюдалъ народную жизнь. Вотъ что говоритъ онъ въ одной изъ своихъ брошюръ о грамотности въ архангельской губерніи: «Чисто-земледѣльческому населенію грамота, въ ея настоящемъ видѣ, *не приноситъ никакой пользы*, и эта неудовлетворительность способовъ народнаго образованія стала фактомъ общеизвѣстнымъ. Образование это не оказываетъ почти *никакого вліянія* на нравственную и экономическую жизнь народа. Сколько намъ ни приходилось видѣть грамотныхъ крестьянъ, они въ своемъ міровоззрѣніи нисколько не отличаются отъ неграмотныхъ: точно также вѣрятъ въ наусканіе шоты и порчу, въ домовыхъ и лѣшихъ, въ водяныхъ и вѣдьмъ, хозяйство свое ведутъ также, какъ и неграмотные, также пьютъ водку и бьютъ своихъ женъ» и т. д. Мы нисколько не сомнѣваемся, что всѣ, сколько нибудь знакомые съ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ деревняхъ, вполне признаютъ справедливость факта, заявленнаго г. Чубинскимъ. Кромѣ того, этотъ фактъ понятенъ и самъ собою. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ дать человѣку голая грамота, даже преподанная самымъ лучшимъ учителемъ, не говоря уже о тѣхъ изъ нихъ, которые совершенно неспособны для этого дѣла и которыхъ у насъ огромное большинство? Что, въ особенности, можетъ дать она нашему крестьянскому мальчику, который, не имѣя подъ руками никакихъ книгъ для чтенія и не побуждаемый ничѣмъ къ дальнѣйшему образованію, позабудетъ грамоту черезъ годъ, много черезъ два по выходѣ изъ школы, что у насъ и случается постоянно?

Намъ, можетъ быть, замѣтятъ, что тѣ, которые придаютъ важное экономическое и нравственное значеніе распространенію грамотности, считаютъ ее вовсе не цѣлью, а только средствомъ къ дальнѣйшему образованію народа. Такое замѣчаніе было бы несправедливо, потому что большинство убѣждено во всемогуществѣ именно *грамоты* и считаетъ ее такимъ сильнымъ средствомъ, которое само собою и натолкнетъ крестьянина на хорошія мысли, и дастъ ему возможность понять свои нужды и недостатки. Наши слова ежеминутно подтверждаются фактами: и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, и вездѣ, гдѣ толкуется о грамотности—постоянно приводятъ въ разныхъ случаяхъ число *грамотныхъ*, а не число *образованныхъ*. Сравниваютъ, напримѣръ, число преступленій въ

данной мѣстности съ числомъ живущихъ въ ней грамотныхъ, включая въ это число и профессора, и священника, и литератора, и чиновника, и торговца, и, наконецъ, простаго рабочаго, забывая, что, по своему развитію и образованію, всѣ эти лица безконечно отличаются другъ отъ друга. Подобнымъ сравненіемъ стараются прямо указать на то, что число грамотныхъ находится въ обратномъ отношеніи съ числомъ совершающихся преступленій, что чѣмъ больше будетъ распространяться грамотность, тѣмъ меньше будетъ совершаться преступленій. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что очень многіе видятъ универсальное спасительное средство не въ степени развитія человѣка, не въ большемъ или меньшемъ его образованіи, а именно въ грамотности, то есть въ механическомъ умѣннн читать и писать.

Но мы можемъ подтвердить справедливость нашихъ словъ и на частномъ примѣрѣ. Мы укажемъ на одного дѣятеля по народному образованію, извѣстнаго, вѣроятно, всей Россіи по горячей и безкорыстной преданности своему дѣлу. Мы говоримъ о баронѣ Н. Корфѣ, бывшемъ членѣ александровской земской управы екатеринославской губерніи. Этотъ почтенный дѣятель, несмотря на скромность принятой на себя задачи, встрѣтилъ уже множество препятствій, съ которыми ему пришлось бороться и которыя во всякомъ другомъ человѣкѣ убили бы всякую энергію, всякую любовь къ дѣлу. Баронъ Корфъ, несмотря на двухлѣтнюю дѣятельность, ни разу не задавалъ себѣ практическаго вопроса, — что будутъ дѣлать его ученики, выучившись грамотѣ? Онъ заботился только объ одномъ — объ устройствѣ возможно большаго количества школъ и объ изобрѣтеніи лучшаго способа обученія грамотѣ. Школы имъ устроены достаточно, способъ обученія найденъ превосходный, — теперь, и *только теперь*, всталъ передъ нимъ роковой вопросъ: что будутъ дѣлать ученики со своимъ знаніемъ грамоты? Для письма онъ еще нашелъ какое нибудь приложеніе; онъ утѣшается тѣмъ, что грамотный мальчикъ можетъ теперь «написать письмо за неграмотнаго отца, подписаться за него на общественномъ приговорѣ, сдѣлать отмѣтку въ податной тетради» и т. д. Хотя самъ г. Корфъ сознается, что «дальше мы врядъ ли подвигнемся», но письмо все-таки находить себѣ хоть какое нибудь приложеніе. А грамота? Г. Корфъ принужденъ допустить, «что ученики настоящаго времени, возвратясь въ невѣжественную среду, не устоятъ противъ ея напора и мало будутъ пользоваться толковою грамотностью, вынесенною ими изъ школы»; онъ допускаетъ далѣе, «что преподава-

тели нынѣшняго времени занимаются вливаніемъ капли меда въ бочку дегтя» и утѣшаетъ себя только мыслью, что «*продолжительная работа такого рода дастъ прочные результаты*». Для того, чтобы случилось именно такъ, какъ желаетъ баронъ Корфъ, онъ считаетъ необходимымъ устроить воскресныя школы для крестьянъ, окончившихъ курсъ въ начальныхъ училищахъ, гдѣ бы они могли не только продолжать нѣкоторыя занятія, но и *бесѣдовать* съ учителями о разныхъ предметахъ, вынося изъ подобныхъ бесѣдъ «понятіе о собственности, уваженіи къ личности другого и самому себѣ, уваженіи къ закону и т. д.» Но гдѣ взять въ Россіи, спрашиваетъ самъ г. Корфъ, такихъ учителей въ близкомъ будущемъ? «Къ тому же—замѣчаетъ онъ весьма справедливо—при такихъ бесѣдахъ воскресной школъ угрожаетъ опасность просуществовать недолго; такъ какъ у каждаго изъ лицъ, власть имѣющихъ, свои понятія о томъ, о чемъ бесѣдовать можно и о чемъ слѣдуетъ молчать». Слѣдовательно, съ мыслью о подобныхъ школахъ придется разстаться; вмѣсто нихъ г. Корфъ совѣтуетъ устроить хоть такія воскресныя школы, въ которыхъ бы сходились ученики для того, чтобы прочесть нѣсколько страницъ изъ книгъ дозволенныхъ, чтобы написать сочиненіе на заданную тему и сдѣлать нѣсколько арифметическихъ задачъ. Для такихъ школъ, по мнѣнію г. Корфа, трудно ожидать какихъ либо «подкоповъ». Но за то, съ другой стороны, «все это очень мало», да къ тому же еще неизвѣстно, «захотятъ ли преподаватели заниматься въ воскресныхъ школахъ съ учениками, окончившими курсъ въ начальныхъ; найдутся ли въ Россіи люди, которые пожелаютъ слѣдить за этимъ дѣломъ въ селахъ; на эти вопросы, сознается г. Корфъ, трудно отвѣчать съ увѣренностью».

Изъ вышеприведенныхъ выписокъ видно совершенно ясно, что г. Корфъ, одинъ изъ самыхъ усердныхъ въ Россіи дѣятелей по народному образованію, ни разу не задавался практическимъ вопросомъ о томъ, *какую именно* пользу принесетъ народу грамота; онъ до сихъ поръ руководствовался въ своей дѣятельности только общимъ, банальнымъ положеніемъ, что «грамота полезна», на чемъ и основывалъ всѣ свои труды. Но какъ только ему пришлось взглянуть на дѣло съ практической стороны — онъ начинаетъ сомнѣваться, колебаться, теряетъ подъ ногами всякую почву, и его успокоиваетъ только традиціонное убѣжденіе, что «грамота полезна», что «со временемъ» она должна принести народу благотворные результаты.

Такимъ образомъ г. Корфъ далъ намъ возможность подтвердить своимъ примѣромъ нашу мысль, что у насъ всѣ вообще ревнители народнаго образованія заботятся исключительно о распространеніи въ народѣ голой грамотности, считая ее всесильнымъ цѣлебнымъ средствомъ, и не простираютъ далѣе своихъ помысловъ. Примѣръ того же г. Корфа и высказанныхъ имъ колебаній доказываетъ, что рано или поздно передъ глазами нашихъ дѣятелей долженъ встать трудный и неразрѣшимый вопросъ—что дѣлать съ грамотными и какъ доказать практически, на самихъ крестьянахъ, что грамотность дѣйствительно полезна и что вопросъ о ней, съ точки зрѣнія народнаго благосостоянія, долженъ быть поставленъ впереди всѣхъ другихъ вопросовъ?

Но если крестьяне, выучившіеся грамотѣ при самыхъ лучшихъ условіяхъ, не находятъ потомъ, что съ нею дѣлать и не внушаютъ своимъ примѣромъ никакого уваженія къ грамотѣ въ средѣ крестьянъ неученыхъ, то чего же можно ждать отъ того громаднаго у насъ большинства школъ, въ которыхъ преобладаютъ люди невѣжественные, способные поселить въ крестьянахъ не довѣріе и уваженіе, а отвращеніе къ школѣ? Чего ждать отъ тѣхъ учителей, которые избиваютъ до крови своихъ учениковъ, или которые въ своемъ невѣжествѣ доходятъ до такихъ нелѣпостей, что заставляютъ крестьянскихъ мальчиковъ учиться *латинскому языку*, какъ это видно, на примѣръ, изъ извѣстій о нѣкоторыхъ школахъ бѣлевскаго уѣзда, тульской губерніи? Какъ должны относиться крестьяне къ тѣмъ учителямъ, которые, подобно одному учителю чистопольскаго уѣзда, казанской губерніи, вмѣсто обученія дѣтей грамотѣ, занимаются съ ними игрою въ стуколку? Очень естественно, что крестьяне, не видя ни въ чемъ полезнаго примѣненія грамотности, совершенно равнодушно относятся къ школамъ и даже нерѣдко составляютъ приговоры о закрытіи такихъ школъ, которыя уже существовали по нѣскольку лѣтъ.

Намъ могутъ сказать, что мы беремъ исключительные случаи, говоря о бесполезности для народа грамоты съ точки зрѣнія *современныхъ* обстоятельствъ, которыя вполнѣ могутъ измѣниться, и что, слѣдовательно, нашъ взглядъ страдаетъ односторонностью. Но мы и не думали разсматривать вопросъ съ *общей* точки зрѣнія, при которой онъ не можетъ возбуждать никакихъ споровъ; мы разсматриваемъ его именно при извѣстныхъ, существующихъ условіяхъ, на измѣненіе которыхъ въ скоромъ времени нѣтъ никакого основанія разсчитывать. Мы видимъ, что труды и деньги,

употребляемые для распространенія въ народѣ грамотности, пропадаютъ совершенно безслѣдно и въ теченіи многихъ уже лѣтъ не принесли народу ни малѣйшей пользы; мы заключаемъ, что подобное положеніе дѣла будетъ продолжаться еще неопредѣленное время и отсюда выводимъ заключеніе, что пора бы уже лишить грамотность того значенія въ жизни нашего народа, какое ей обыкновенно придаютъ, и замѣнить ее другимъ, болѣе дѣйствительнымъ средствомъ.

Но мы готовы допустить и совершенно невозможное. Предположимъ, что всякому дано полное право устраивать народныя школы по такимъ программамъ, которыя каждый найдетъ нужными; предположимъ, что всѣмъ желающимъ предоставлено, безъ всякаго правительственнаго контроля, заниматься въ народныхъ школахъ; предположимъ, наконецъ, что всѣмъ крестьянамъ дана полная возможность получать настолько широкое образованіе, что они могутъ поступать въ гимназій и даже въ университеты. Очевидно, что мы допускаемъ такую смѣлую мысль, шире которой невозможно ничего и придумать. Можно ли было бы и въ этомъ случаѣ считать народное образованіе такой силой, которая способна осчастливить народъ, вывести его изъ современнаго застоя и вообще улучшить его положеніе? Конечно, такое свободное образованіе могло бы принести народу значительную пользу, особенно еслибъ явились учителя, близко знакомые съ народнымъ бытомъ. Они могли бы разъяснить народу тѣ причины его бѣдствій, которыхъ онъ самъ не понимаетъ, и указывать средства, какъ выйти изъ современнаго незавиднаго положенія. Но собственно *грамота* при этомъ играла бы все-таки самую неважную роль; крестьяне въ гимназій и университетовъ все-таки не пошли бы, потому что не видѣли бы для себя въ этомъ пользы, а съ другой стороны не имѣли бы даже возможности, по своимъ денежнымъ средствамъ, получать среднее и высшее образованіе. Наконецъ, еслибы даже значительное ихъ число и получило образованіе въ этихъ заведеніяхъ, то все-таки отсюда не произошло бы никакихъ практическихъ результатовъ для массы. Развѣ мы не видимъ на нашемъ образованномъ сословіи, что современное образованіе даетъ ему весьма мало, и что молодому человѣку, окончившему курсъ даже въ университетѣ, очень часто приходится совершенно перевоспитывать себя и уже въ университетѣ, подъ вліяніемъ счастливыхъ обстоятельствъ, становиться на ту дорогу, по которой дѣйствительно можно идти съ пользой. Развѣ мы не видимъ, что наши такъ называемые «обра-

зованные» классы отличаются поразительнымъ непониманіемъ своихъ собственныхъ выгодъ и несмотря на всю свою «образованность», никакъ не могутъ устроить жизнь сколько нибудь добропорядочно. А между тѣмъ, довести народъ даже до той степени образованія, на которой стоятъ другія сословія — дѣло совершенно невозможное. Опять-таки мы никакъ не думаемъ лишать образованіе того значенія, какое оно имѣетъ; мы убѣждены, подобно всѣмъ другимъ, что образованный и развитой человѣкъ несравненно легче необразованнаго можетъ понять неудовлетворительность и ложность нѣкоторыхъ житейскихъ истинъ; но изъ этого, тѣмъ не менѣе, вовсе не слѣдуетъ, чтобы образованіе, даже не въ смыслѣ только грамотности, можно было считать главнѣйшимъ средствомъ для улучшенія народнаго быта. Что же касается того образованія, какое хотятъ навязать нашему народу, и тѣхъ средствъ его распространенія, какія существуютъ въ настоящее время, то объ этомъ и говорить не стоитъ.

Нашимъ читателямъ приходилось, вѣроятно, встрѣчать извѣстія, что въ такихъ-то и такихъ мѣстностяхъ крестьяне сами хлопотали объ устройствѣ среди нихъ школъ грамотности. Хотя въ число подобныхъ извѣстій часто попадаютъ такія, въ которыхъ крестьянамъ только номинально приписывается починъ въ дѣлѣ образованія, но мы нисколько не отрицаемъ, что есть случаи, гдѣ крестьяне, дѣйствительно, сами собою хлопочутъ объ учрежденіи школъ. Можно даже указать факты, что крестьяне нѣкоторыхъ исключительныхъ мѣстностей такъ сильно чувствуютъ нужду въ грамотѣ, что за неимѣніемъ школъ отдають своихъ дѣтей на выучку дьячкамъ, отставнымъ солдатамъ и тому подобнымъ вольнопрактикующимъ наставникамъ. Въ такихъ мѣстностяхъ, которыхъ у насъ во всякомъ случаѣ немного, школа можетъ дѣйствительно оказать услугу крестьянамъ, потому что они въ ней положительно нуждаются. Такія мѣстности принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя заселены преимущественно крестьянами-промышленниками, стоящими далеко не на той низкой ступени экономическаго быта, на какой стоитъ масса народа. Но лучшая, сравнительно съ другими, жизнь этихъ крестьянъ создана не школой, не грамотой; она сложилась подъ вліяніемъ разныхъ счастливыхъ случайностей, зависящихъ отъ географическаго положенія мѣстности и нѣкоторыхъ историческихъ условій. Такимъ образомъ, школа и вообще грамотность являются у нихъ не *причиной* ихъ лучшей обстановки, а непосредственнымъ *слѣдствіемъ*. Вотъ этотъ-то выводъ и объясняетъ,

почему грамотность въ нашемъ народѣ распространяется съ такимъ трудомъ и не приноситъ ни малѣйшихъ полезныхъ результатовъ. Конечно, всѣмъ бы хотѣлось, чтобы русскій народъ сдѣлался болѣе развитымъ и усвоилъ себѣ хотя нѣкоторую степень образованія. Но этой цѣли невозможно достигнуть распространеніемъ грамотности и вообще устройствомъ школъ. Школа, какъ мы сказали, можетъ быть только явленіемъ, вытекающимъ изъ извѣстной экономической обстановки народа, а никакъ не ея причиною. А такъ какъ у насъ господствуетъ именно такое всеобщее убѣжденіе, то необходимо, чтобы оно измѣнилось какъ можно скорѣе. Въ земскихъ собраніяхъ, нѣкоторые гласные высказывали откровенно мысль, что «надо упрочить бытъ крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи и тогда они сами найдутъ путь къ образованію», но подобныя въ высшей степени справедливыя мнѣнія встрѣчались, обыкновенно, насмѣшками. Одна газета, перепечатавая на своихъ страницахъ подобное мнѣніе, скромно замѣтила, что оно «было высказано въ присутствіи предсѣдателя управы п тридцати-четырехъ гласныхъ». Смыслъ этого замѣчанія, разумѣется, тотъ, что вотъ есть какіе люди: на такихъ многочисленныхъ собраніяхъ не стѣсняются высказывать такія дикія мнѣнія!

Чтобы нагляднѣе выразить нашу мысль, мы приведемъ слѣдующій примѣръ: въ екатеринославской губерніи есть, какъ мы сказали выше, дѣятель, замѣчательно преданный распространенію въ народѣ грамотности, именно—баронъ Корфъ. Мы внимательно слѣдили за его долгою почтенною дѣятельностію и, признаемся, завидовали той энергіи, какую надѣлила его природа. Сдѣлать по части народнаго образованія что нибудь больше того, что сдѣлалъ и дѣлаетъ баронъ Корфъ — нѣтъ никакой возможности. Въ тверской губерніи, на берегу Волги, въ тѣсныхъ комнатахъ постоялаго двора, живетъ другой дѣятель, никакъ не меньше барона Корфа преданный народному дѣлу, именно — г. Верещагинъ. Цѣли у этихъ двухъ почтенныхъ личностей совершенно одинаковы: оба желаютъ вывести народъ изъ его опѣпѣлаго состоянія, оба желаютъ улучшить его бытъ, оба жертвуютъ для этого удобствами собственной жизни. Но избранныя ими средства совершенно различны. Г. Корфъ началъ съ устройства школъ, рассчитывая этимъ путемъ оказать наибольшую услугу народу; г. Верещагинъ, напротивъ, оставилъ въ сторонѣ школы и взялся непосредственно за экономическую сторону народной жизни. Г. Корфъ съ величайшимъ трудомъ устроилъ нѣсколько народ-

ныхъ училищъ, г. Верещагинъ, съ неменьшимъ трудомъ, основалъ нѣсколько артельныхъ крестьянскихъ сыроварень. Теперь передъ нами результаты продолжительныхъ трудовъ того и другого, невольно напрашивающіеся на сравненія. Г. Корфъ, какъ мы показали, только теперь прямо взглянулъ на ту цѣль, которую онъ, при началѣ своего дѣла, представлялъ себѣ въ самыхъ общихъ чертахъ. Онъ выучилъ, при содѣйствіи другихъ сотрудниковъ, нѣсколько сотъ крестьянъ грамотѣ — и теперь самъ не знаетъ, что ему съ ними дѣлать и какую практическую пользу извлечь изъ достигнутыхъ результатовъ. Г. Верещагинъ выбралъ для приложенія своего труда нѣсколько деревень, крестьяне которыхъ находились въ самомъ плачевномъ положеніи. Прошло три четыре года — и бывшихъ нищихъ невозможно теперь узнать: каждая корова стала давать крестьянину по пятнадцати рублей чистаго дохода, тогда какъ прежде она только поила его молокомъ; въ виду такого неожиданнаго дохода, крестьяне стали увеличивать у себя количество скота, что повлекло за собою большее накопленіе удобрительнаго матеріала; чтобы дѣвать куда нибудь сыворотку, остающуюся отъ производства масла, крестьяне начали покупать и откармливать ею свиней, которыя представили имъ также новый источникъ дохода; у крестьянъ, такимъ образомъ, не только явилась возможность легко уплачивать лежащія на нихъ государственныя и земскія повинности, но и оказались значительные денежные остатки отъ ежегодныхъ расходовъ. Блудя такими остатками, крестьяне устраиваютъ у себя нѣчто въ родѣ банка, предполагаютъ заняться артельнымъ производствомъ патоки, вообще, они уже вышли изъ прежняго неподвижнаго состоянія и, конечно, стоятъ на одномъ мѣстѣ больше не будутъ. Ихъ настоящее безконечно лучше ближайшаго прошлаго, а будущее принесетъ имъ и новые доходы, и всестороннее развитіе, и, наконецъ, школу. Кому же изъ двухъ названныхъ нами дѣателей слѣдуетъ отдать предпочтеніе, кто изъ нихъ оказался для народа полезнѣе?

Та громадная разниця въ результатахъ, какую мы указали на дѣятельности двухъ отдѣльныхъ личностей, окажется такою же значительною, если мы на мѣсто гг. Корфа и Верещагина поставимъ руководящіе каждымъ изъ нихъ принципы. Еслибы то самое время, тѣ самые труды и деньги, которые истрачены на распространеніе грамотности, были употреблены на непосредственное улучшеніе экономическаго быта крестьянъ, на лучшее устройство

ихъ труда, на изысканіе новыхъ средствъ его приложенія—то результаты такой дѣятельности успѣли бы уже проявиться во многихъ свѣтлыхъ фактахъ; тогда какъ въ настоящее время, поставивъ впереди всѣхъ другихъ вопросовъ вопросъ о распространеніи грамотности, мы не только не принесли народу ни малѣйшей пользы, но даже не научили его простому, механическому чтенію и письму.

И странное дѣло: потребность въ грамотѣ, вообще говоря, народомъ не сознается и не заявляется, а между тѣмъ наши «дѣятели» хотятъ ее во что бы то ни стало навязать ему; между тѣмъ потребности чисто-экономическія сами собою бросаются всякому въ глаза—и ими пренебрегаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, отовсюду являются извѣстія, изъ которыхъ видно, что экономическое положеніе крестьянъ настоятельно требуетъ поддержки и улучшеній. При обсужденіи всякаго общественнаго вопроса въ земскихъ собраніяхъ, въ нашихъ ученыхъ и экономическихъ обществахъ, наконецъ въ литературѣ, мало-мальски внимательный взглядъ постоянно отыскиваетъ рядъ фактовъ, характеризующихъ съ самой непривлекательной стороны наше народное хозяйство: поневолѣ приходится удивляться, какъ до сихъ поръ не поймутъ, что именно это обстоятельство играетъ самую важную роль въ нашей народной жизни.

Недавно намъ случилось присутствовать въ вольномъ-экономическомъ обществѣ, при чтеніи г. Чубинскимъ доклада «о способахъ обезпеченія народнаго продовольствія» на сѣверѣ Россіи. Читателямъ уже извѣстно наше мнѣніе о пользѣ, приносимой существующими у насъ всевозможными обществами, и если мы интересовались докладомъ г. Чубинскаго, то только съ его фактической стороны, а вовсе не потому, какъ онъ будетъ встрѣченъ членами названнаго общества и какія вызоветъ возраженія. Къ тому же, г. Чубинскій извѣстенъ намъ, какъ человекъ, основательно изучившій народныя потребности и вообще близко знакомый съ народною жизнью. Поэтому, мы рассчитывали почерпнуть изъ доклада не мало поучительнаго матеріала. И мы не ошпблись въ нашихъ ожиданіяхъ: докладъ представилъ множество фактовъ, правда, весьма слабо обработанныхъ, которые опредѣляютъ многія черты современнаго экономическаго положенія крестьянъ. Г. Чубинскій подтвердилъ своимъ докладомъ ту печальную истину, что въ средѣ нашего народа остаются неудовлетворенными самыя

насушныя потребности, которыхъ не въ состояніи удовлетворить самыя лучшія въ мірѣ школы.

Архангельская губернія представляетъ явленіе, общее почти всѣмъ нашимъ губерніямъ. Мы замѣчаемъ въ ней поразительную разницу между ея производительностью и самимъ производствомъ: послѣднее во много разъ меньше перваго. Въ докладѣ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, говорилось объ этой разницѣ преимущественно въ отношеніи производства хлѣба, не касаясь другихъ производствъ. Всѣмъ извѣстно, что сѣверъ Россіи постоянно страдаетъ недостаткомъ самаго насущнаго продукта, то есть, хлѣба. Отсюда происходитъ то, что крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей или питаются хлѣбомъ, смѣшаннымъ съ соломой, корой и тому подобными суррогатами, или же покупаютъ хлѣбъ по немовѣрно-дорогимъ цѣнамъ, давая наживаться кулакамъ промышленникамъ. «Каждая почти деревня, говоритъ г. Чубинскій, въ отношеніи производства и потребленія находится въ рукахъ одного или двухъ зажиточныхъ односельцевъ-кулаковъ. У нихъ населеніе не выходитъ изъ долговъ. Оно въ безвыходной кабалѣ, такъ что крестьянъ слѣдуетъ считать даже не временно-обязанными, а кабальными холопами богатаго односельца. У него они берутъ деньги на подати, забираютъ хлѣбъ и другіе предметы, необходимые въ хозяйствѣ, и за это расплачиваются промыслами. Кулакъ наживается такимъ образомъ и отъ покупокъ, и отъ продажъ, а его кабальные терпятъ два раза, и при покупкахъ, и при продажахъ. Стоитъ зайти въ домъ къ такому кулаку — и вамъ тотчасъ станутъ ясны отношенія его къ населенію. Домъ его, сравнительно съ другими — палатко: зеркала, мебель, обитая хорошею матеріей, крашенные полы, хорошіе обои, фарфоровая и серебряная посуда и проч., а рядомъ — десятки дворовъ, въ которыхъ, какъ говорится, хоть шаромъ покати. Грязь и бѣдность. И все-таки кулакъ — *кормилецъ бѣдняковъ*, какъ они сами его называютъ, выпрашивая что нибудь въ долгъ или даже покупая у него что-нибудь.» Впрочемъ, крестьяне понимаютъ очень хорошо, что такое эти кормилцы; они говорятъ, что кулаки теперь «уже выѣдаютъ мозгъ изъ ихъ костей».

Кромѣ кулаковъ, на населеніи архангельской губерніи тяжело отзывается значительный размѣръ повинностей. Въ этомъ отношеніи не обращено никакого вниманія на условія, среди которыхъ живутъ крестьяне. Возьмемъ, напримѣръ, хоть повинности собственно мірскія. Такъ какъ крестьянская администрація сосредоточена въ волостяхъ, а многочисленность населенія, разбросаннаго на

большомъ пространствѣ, дѣлаетъ необходимымъ большое количество волостей, то содержаніе ихъ тяжело отзывается на крестьянскомъ бюджетѣ. «Ничтожная по числу плательщиковъ волость, говорить г. Чубинскій, должна содержать такое же управление, какъ и волость съ большимъ населеніемъ. Громадное протяженіе дорогъ дѣлаетъ для населенія обременительными дорожную и въ особенности подводную повинности»; все это въ конецъ истощаетъ крестьянъ, положеніе которыхъ недалеко отъ ипщенскаго.

Чтобы яснѣе показать экономическое состояніе архангельской губерніи, г. Чубинскій приводитъ бюджетъ ея населенія, выведенный изъ продолжительныхъ наблюденій и статистическихъ данныхъ. Оказывается, что приходный бюджетъ населенія простирается почти до трехъ милліоновъ рублей (или, среднимъ числомъ, до 40 р. на работника); но вся эта сумма прихода поглощается расходами на предметы первѣйшей необходимости, податей, хлѣба и водки, которая на сѣверѣ, какъ извѣстно, составляетъ физиологическую потребность. «Если къ этому прибавить, говорить г. Чубинскій, покупку льна и пеньки, металлическихъ орудій, необходимыхъ въ хозяйствѣ и прочихъ предметовъ, идущихъ на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ, физическихъ потребностей, то окажется, что прихода, даже при *равномѣрномъ* его распредѣленіи, едва только хватаетъ на эти потребности. Но населенію нужно еще приобретать множество предметовъ для одежды, содержать до 250 причтовъ и т. д.; отсюда естественно прийти къ выводу о недостаточности производства и о необходимости развитія экономическихъ силъ народа.» Но изъ приводимыхъ г. Чубинскимъ цифръ видно, что даже и при теперешнихъ размѣрахъ производства крестьяне находились бы гораздо въ лучшихъ условіяхъ, еслибъ ихъ не эксплуатировали всякіе промышленники. Такъ, напримѣръ, мурманскіе промыслы даютъ населенію около 350 тысячъ ежегодно; но изъ этой цифры на долю самыхъ рабочихъ приходится только 150 тысячъ, то есть, меньше половины; семужій промыслъ доставляетъ 250 тысячъ, а скупщики выручаютъ за него вдвое больше, то есть пол-милліона и т. д.

Нѣкоторые могутъ замѣтить, что архангельская губернія находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ относительно производства хлѣба и что недостатку, испытываемому ею въ этомъ отношеніи, помочь весьма трудно. Но г. Чубинскій фактами опровергаетъ подобное заключеніе. Для доказательства противнаго, онъ беретъ самую неблагопріятную полосу, пинежскій уѣздъ, и выводитъ слѣ-

дующее: въ десять лѣтъ тамъ, обыкновенно, бываетъ три совершенно неурожайныхъ года, три посредственныхъ и три хорошихъ; посредственный урожай даетъ самъ-три или самъ-четыре, а хороший самъ-шесть. Такимъ образомъ, средний урожай все-таки даетъ самъ $3\frac{1}{2}$ плн, за псключеніемъ сѣмянъ, самъ $2\frac{1}{2}$. На десятинѣ высѣвается ячменя двѣ четверти, слѣдовательно, собирается пять четвертей плн тридцать пять пудовъ. Сдѣлывая всѣ работы по полеводству, то есть, предполагая, что земля обрабатывается посредствомъ наемнаго труда, окажется, что обработка съ удобрѣніемъ обойдется въ 14 рублей, то есть пудъ хлѣба будетъ стоить 40 к. с. — цѣна, по которой въ торговлѣ крестьяне не могутъ приобрести хлѣба. Но если вспомнить, что крестьянинъ самъ обрабатываетъ свое поле, и въ особенности, то, что главная масса земледѣльческаго труда падаетъ въ архангельской губерніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, на женщинъ; то окажется, что хлѣбъ крестьянину обходится даромъ. Слѣдовательно, если бы крестьяне могли за сѣять столько хлѣба, сколько имъ нужно въ теченіи цѣлаго года, то этипъ они произвели бы очень значительную экономію въ теперешнихъ своихъ расходахъ, такъ какъ теперь населеніе тратитъ ежегодно миллионъ рублей на покупку хлѣба. Но зачѣмъ же остановка? Остановка за тѣмъ, что у крестьянъ недостаточно пахатной земли. «Хлѣбопашество, говоритъ г. Чубинскій, развивается мало потому, что населеніе возрастаетъ, а количество пахатной земли увеличивается незначительно.» Очевидно, что это обстоятельство нельзя считать такимъ, которое зависитъ отъ географическихъ условій мѣстности.

Такимъ же обстоятельствамъ, то есть устранимымъ весьма легко, слѣдуетъ считать и то, что крестьяне находятся во власти кулаковъ. Крестьяне, какъ замѣчено выше, очень ясно сознаютъ неудобства для себя подобнаго крѣпостнаго состоянія. Нѣкоторые даже сами нашли средства, какъ выйти изъ этого состоянія. «Крестьяне Щугарской волости, говоритъ г. Чубинскій, рассказывая свои отношенія къ одному арендатору, отъ котораго они приобретаютъ все для себя нужное по высокой цѣнѣ, пришли къ мысли о томъ, что ихъ положеніе улучшилось бы только при условіи независимости отъ монополіи единственнаго торговца, снабжающаго ихъ предметами потребленія. У нихъ родилась мысль о необходимости общественнаго магазина, въ которомъ бы продавались предметы первой необходимости. Для этого они хотѣли послать отъ себя повѣреннаго въ Сарапуль и Пермь для закупокъ.» Зачѣмъ же остано-

ка? Почему не осуществилась такая превосходная мысль? Остановка за тѣмъ, что «создать такой магазинъ они не въ силахъ; у нихъ не только нѣтъ капитала, но они въ долгу даже у монополиста». Такъ какъ, по словамъ г. Чубинскаго, экономическія условія всѣхъ вообще крестьянъ архангельской губерніи совершенно тѣ же, среди которыхъ живутъ крестьяне Щугарской волости, и такъ какъ отношенія ихъ къ кулакамъ точно также одни и тѣ же—то всѣ крестьяне чувствуютъ одинаковую потребность освободиться отъ разоряющей ихъ эксплуатаціи и всѣ одинаково не имѣютъ для этого никакихъ средствъ. «Слѣдовательно, говоритъ г. Чубинскій, они и не могутъ создать торговыхъ хлѣбныхъ магазиновъ или другими словами, образовать общества потребления: имъ необходима помощь.»

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія подробности интереснаго дсклада г. Чубинскаго. Мы воспользовались сообщаемыми имъ фактами единственно для того, чтобы показать, какія явленія въ жизни крестьянъ прежде всего бросаются въ глаза добросовѣстнымъ наблюдателямъ. Изъ нихъ также видно, что нѣкоторыя условія, стѣсняющія экономической бытъ крестьянина, вовсе не такого свойства, чтобы ихъ невозможно было устранить. И въ то же время, не становятся-ли въ виду подобныхъ фактовъ совершенно яснымъ, что грамота для людей, находящихся въ такомъ положеніи, не принесетъ никакой пользы вообще, и въ частности—не замѣнитъ матеріальной помощи, въ которой они прежде всего нуждаются? Не подтверждаются ли этими фактами слова того же г. Чубинскаго, сказанныя въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, которыя мы привели выше, именно: что грамотные крестьяне въ своемъ міровоззрѣніи нисколько не отличаются отъ неграмотныхъ и что грамота нисколько не способствуетъ улучшенію ни ихъ нравственныхъ понятій, ни ихъ теперешняго хозяйственнаго быта.

Чтобы покончить на этотъ разъ съ вопросомъ о значеніи и важности для нашего народа грамоты, мы должны еще упомянуть о томъ мнѣніи, которое въ народныхъ школахъ старается видѣть если не экономическое, то *воспитательное* вліяніе. Это мнѣніе также ни на чемъ не основано. Мы еще очень долго не дождемся того времени, когда народныя школы будутъ организованы такимъ образомъ, чтобы дѣйствительно имѣть какое нибудь воспитательное значеніе для крестьянъ. Давно всѣмъ извѣстно, что не школа воспитываетъ человека, а тѣ или другія условія, которымъ въ извѣстной степени подчиняется сама школа. Выше мы привели нѣкоторые фак-

ты, характеризующіе существующія у насъ отношенія между воспитателями и воспитываемыми. Что эти отношенія современемъ измѣнятся, въ этомъ нельзя сомнѣваться; но такое измѣненіе будетъ находиться въ неразрывной связи съ измѣненіемъ вообще экономическихъ условій народа. Справедливость этого мы можемъ наблюдать даже на современныхъ фактахъ. Принесетъ-ли школа въ теченіи многихъ лѣтъ такую пользу народу въ воспитательномъ смыслѣ, какую приноситъ ему, напримѣръ, одна сессія уголовного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей? Мы имѣли случай лично наблюдать, что присяжные засѣдатели-крестьяне, явившіеся въ первый разъ въ засѣданіе суда, черезъ двѣ недѣли, то есть, въ концѣ судебной сессіи, дѣлались неузнаваемы. И чѣмъ больше будетъ являться такихъ учреждений, гдѣ крестьяне увидятъ, что они не номинальные только члены общества, тѣмъ быстрѣе будетъ совершаться ихъ нравственное развитіе.

Такъ называемые «противники народнаго образованія» стоятъ, собственно говоря, на совершенно вѣрной почвѣ и еслибъ они были вполне послѣдовательны; то непременно пришли бы къ тѣмъ же выводамъ, которые признаемъ справедливыми и мы. Напримѣръ, они совершенно справедливо признаютъ (см. газету «Вѣсть»), что «воспитаніе народа, въ широкомъ, политическомъ смыслѣ, заключается въ сообщеніи ему понятій о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ и въ усвоеніи нравамъ его тѣхъ свойствъ, которыя дѣють человека полезнымъ гражданиномъ»; но такого рода воспитаніе, по мнѣнію тѣхъ же противниковъ, «не можетъ быть дано ни букваремъ, ни цифирью, ни сельская, ни приходская школа недостаточны для этого». Пока вся обстановка, продолжаютъ они, «въ которой вращается жизнь простолюдина, способна скорѣе развращать, чѣмъ укрѣплять въ немъ гражданскія свойства, до тѣхъ поръ грамотность не принесетъ ему пользы». Далѣе, «пока не измѣнятся къ лучшему настоящія условія сельскаго быта, подрывающія его матеріальное благосостояніе и расслабляющія его гражданскія свойства, до тѣхъ поръ однимъ букваремъ нельзя вывести его изъ этого положенія». Съ обученіемъ народа грамотѣ, онъ не можетъ приобрести того, «что другіе народы приобретаютъ путемъ долгаго историческаго труда, *подъ вліяніемъ учрежденій, развивающихъ гражданскія свойства*». Но основываясь на такихъ справедливыхъ, почти аксіомныхъ положеніяхъ, къ какимъ же выводамъ приходятъ «противники народнаго образованія»? Къ тѣмъ-ли, которые логично вытекаютъ изъ того, что они сами говорятъ,—къ тѣмъ-

ли, на примѣръ, что народу слѣдуетъ предоставлять пользованіе возможно большими правами? Нѣтъ, совершенно наоборотъ: путемъ какихъ-то невѣроятныхъ силлогизмовъ, они приходятъ къ заключенію, что даже тѣ права, которыми пользуются крестьяне въ настоящее время, на примѣръ, право быть гласнымъ или находиться въ числѣ присяжныхъ засѣдателей—слишкомъ для нихъ широки и требуютъ не расширенія ихъ, а ограниченія.

Повторяемъ: полезныя учрежденія, идущія рядомъ съ улучшеніемъ экономической жизни, сдѣлаютъ то, что безсильна сдѣлать самая лучшая въ мірѣ школа. По этому, усилія общественныхъ дѣятелей, истрачиваемыя теперь совершенно непроизводительно, должны радикально измѣнить свое направленіе, чтобъ принести народу ту пользу, какую они имѣютъ въ виду. Наши «дѣятели» на всевозможныхъ поприщахъ должны перестать считать первостепеннымъ вопросомъ то, что имѣетъ значеніе второстепенное, и всѣ свои силы обратить на то, къ чему до настоящаго времени они относились поверхностно. За грамотность и школы бояться нечего: они придутъ сами собою, когда въ нихъ окажется дѣйствительная, а не воображаемая надобность. Тогда только онѣ и могутъ быть полезны народу.

Во время празднованія пятидесятилѣтняго юбилея петербургскаго университета было, какъ извѣстно, прочтено «извлеченіе изъ исторической записки объ университетѣ, за первые пятьдесятъ лѣтъ его существованія». Сдѣлавъ краткій обзоръ тѣхъ «треволненій», которыя испыталъ на себѣ петербургскій университетъ, упомянувъ о томъ времени, когда «иезуитскій обскурантизмъ, тяжелымъ гнетомъ налегшій на Россію въ началѣ 1820-хъ годовъ, лишилъ университетъ лучшихъ его профессоровъ и придавлъ энергію остальныхъ», когда «изъ разсадника высшихъ званій университетъ на нѣсколько лѣтъ обратился въ простую школу, гдѣ половина преподавателей ни на шагъ не смѣла отступать отъ буквы плохихъ учебниковъ,—которыя волей-неволей должна была руководствоваться», когда наконецъ, «живительный духъ науки отлетѣлъ, казалось, отъ университета на вѣки, оставивъ его въ добычу умственному застою и нравственному лицемѣрію»; воснувшій слегка эпохи 1848 года, когда «во Франціи и Германіи произошли извѣстныя печальныя событія», которымъ «суждено было отразиться на судьбѣ русскихъ университетовъ самымъ неблагоприятнымъ образомъ для ихъ развитія», когда общее число студентовъ въ каждомъ университетѣ

ограничено было цифрою 300, когда всѣ университеты лишены были права избранія ректора изъ профессоровъ, когда повсюду закрылись кафедры философіи и усиленъ былъ надзоръ за университетскимъ преподаваніемъ и т. д.; наконецъ, упомянувши въ двухъ словахъ о «рядѣ прискорбныхъ и предосудительныхъ явленій осенью 1861 года, которыя повлекли за собою, въ декабрѣ того же года, Высочайшее повелѣніе о временномъ закрытіи университета» — зложивъ въ самихъ общихъ чертахъ всѣ эти прискорбные моменты университетской жизни, авторъ «записки» перешелъ къ оцѣнкѣ современнаго состоянія петербургскаго университета. Послѣ изданія устава 1863 года, петербургскій университетъ, по словамъ автора, «возродился въ несравненно лучшемъ противъ прежняго видѣ и зажилъ съ такою стройностью всѣхъ отправленій своихъ, какая едва ли когда дотолѣ имѣла въ немъ мѣсто». Университетскому совѣту удалось «съ завиднымъ успѣхомъ» образовать личный составъ профессоровъ. «Съ одной стороны, взялись за преподавательскую дѣятельность извѣстные профессора прежняго времени, совсѣмъ было покинувшіе дѣло преподаванія, съ другой — университетъ призвалъ къ этому дѣлу лучшія молодыя силы, имъ самымъ возвращенныя и приготовленныя. Двумя этими способами, съ присоединеніемъ нѣкотораго числа отличнѣйшихъ профессоровъ изъ провинціальныхъ университетовъ, образовался личный составъ преподавателей, замѣчательный столько же по ученому достоинству, сколько и по благородному единодушію, какимъ отличаются его дѣйствія». Далѣе, въ той же «запискѣ» говорится, что студенты университета получаютъ теперь вполне «основательное» образованіе и что вообще нынѣшнее положеніе петербургскаго университета есть «въ высшей степени утѣшительное».

Такъ рекомендовалъ себя петербургскій университетъ, въ день своего пятидесятилѣтняго юбилея, передъ глазами многочисленной публики. Нѣкоторые находятъ, что подводить итоги тѣмъ событіямъ, среди которыхъ живешь и характеризовать ихъ съ той или другой стороны неудобно вообще; особенно неудобно это въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстному лицу или учрежденію приходится говорить о самомъ себѣ; на такіе случаи существуютъ даже извѣстныя, установившіяся выраженія, въ родѣ того, что «мы, конечно, стремимся, мы проникнуты наилучшими намѣреніями и т. д., но не намъ оцѣнивать нашу собственную дѣятельность» и т. п. Говорятъ далѣе, что трудно себѣ представить, чтобы какое либо лицо или учрежденіе, пропитанное даже самыми значительными недо-

статками, могло сознать эти недостатки и не отозваться о себѣ съ самой превосходной стороны, что если бы взять петербургскій университетъ даже въ тѣ моменты, когда онъ обращался въ «простую школу» когда отъ него совершенно отлеталъ «живительный духъ науки» и т. д., то и тогда наличный составъ профессоровъ, если бы ему пришлось говорить о самомъ себѣ, представилъ бы самую угѣшительную характеристику. Но мы не будемъ касаться этого щекотливаго вопроса. Охотно допуская, что петербургскій университетъ достигъ въ настоящее время такого благосостоянія, «котораго онъ врядь-ли когда нибудь достигалъ», мы, къ сожалѣнію, далеко не можемъ сказать того же о другихъ русскихъ университетахъ. Мы знаемъ, что многіе изъ нихъ находятся не въ блестящемъ положеніи, знаемъ, что, напримѣръ, московскій университетъ лишился въ прошломъ году нѣсколькихъ лучшихъ своихъ профессоровъ, что университетъ харьковскій не знаетъ, откуда ему достать сколько нибудь порядочныхъ преподавателей, что университетъ казанскій замѣщалъ въ минувшемъ году свои кафедры такими профессорами, которые своими вступительными лекціями возбуждали только улыбки; наконецъ, мы знаемъ, что кievскій университетъ, также страдающій малочисленностью профессоровъ почти на всѣхъ своихъ факультетахъ,—остался въ этомъ году почти совершенно безъ историко-филологическаго факультета. Въ концѣ минувшаго года, кievскій университетъ, вслѣдствіе выслуги служебнаго срока нѣкоторыми профессорами упомянутаго факультета, сдѣлалъ опредѣленіе, изъ котораго видно, что этотъ факультетъ остался только съ *тремя* членами, имѣющими право голоса, такъ что въ случаѣ болѣзни одного изъ нихъ, факультетскія засѣданія должны прекратиться, а вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть остановлено и «теченіе факультетскихъ дѣлъ.» Вслѣдствіе такихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, кievскій университетъ принужденъ былъ временно прикомандировать къ историко-филологическому факультету всѣхъ наличныхъ доцентовъ этого факультета, съ предоставленіемъ имъ права голоса по всѣмъ факультетскимъ дѣламъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить преподавателей по найму для чтенія лекцій по предметамъ выбывшихъ за выслугою срока профессоровъ, и т. д.

Подобныя стѣснительныя обстоятельства всѣхъ нашихъ университетовъ вообще, а кievскаго въ особенности, обратили на себя вниманіе высшаго начальства. Въ январьской книжкѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» появилось извѣстіе офціальнаго характера, высказывающее взглядъ министерства на причины

современнаго запусѣнія университетовъ. Эти причины министерство приписываетъ тому параграфу (78) университетскаго устава, которымъ требуется большинство двухъ третей голосовъ университетскаго совѣта для повторительныхъ избраній профессоровъ, уже выслужившихъ срокъ на пенсію. «Законодатель, говорить министерство, постановилъ это требованіе только въ видахъ облегченія университетскимъ совѣтамъ возможности замѣнять старѣющія силы свѣжими и обновлять составъ факультетовъ съ цѣлью возвышенія уровня преподаванія, а отнюдь не въ видахъ предоставленія имъ возможности уничтожать цѣлыя факультеты; совѣтъ университета св. Владиміра упустилъ это изъ виду, подвергая забаллотировкѣ прежнихъ профессоровъ въ то время, когда онъ не имѣлъ, кѣмъ ихъ замѣнить.» Такимъ образомъ совѣтъ, «систематически подвергая забаллотировкѣ всѣхъ вообще профессоровъ, выслужившихъ срокъ на пенсію, и въ особенности профессоровъ историко-филологическаго факультета, по какому бы поводу они ни баллотировались, довелъ сей послѣдній до совершеннаго уничтоженія, такъ какъ въ немъ не осталось болѣе ни одного ординарнаго профессора, ни одного экстраординарнаго, а есть только одинъ, исправляющій должность экстраординарнаго профессора, неизбѣжнѣ еще ученой степени доктора, соответствующей этой должности, да нѣсколько доцентовъ.» Въ виду этого обстоятельства, а также основываясь на статьѣ университетскаго устава, г. министръ народнаго просвѣщенія рѣшился сдѣлать слѣдующее: онъ вошелъ съ представленіемъ въ государственнѣйшій совѣтъ «для измѣненія 78 параграфа университетскаго устава въ томъ смыслѣ, чтобы для выбора на слѣдующія пятилѣтія профессоровъ, выслужившихъ срокъ на пенсію, требовалось не двѣ трети голосовъ, а обыкновенное большинство», и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ на прежнія кафедры нѣкоторыхъ изъ тѣхъ профессоровъ кievскаго университета, которые были уже забаллотированы его совѣтомъ.

По этому поводу появились, какъ обыкновенно, передовыя статьи въ нашихъ газетахъ. «Вѣсть» отнеслась вполне сочувственно къ мѣрѣ г. министра народнаго просвѣщенія, рѣшившагося замѣнить большинство двухъ третей обыкновеннымъ большинствомъ; напротивъ, «Голосъ» и «С.-Петербургскія Вѣдомости» увидѣли въ такой замѣнѣ фактъ весьма невыгодный для университетовъ. Эти газеты, повидимому, вполне раздѣляютъ мнѣніе автора вышеупомянутой «исторической записки» о томъ, что университетскій уставъ есть положеніе, такъ основательно разработанное, что въ немъ не

слѣдуетъ мѣнять ни одной буквы. Только одна газета, да и то газета специальная—именно, «Судебный Вѣстникъ»—не становясь на сторону ни противниковъ, ни защитниковъ 78 параграфа устава, взглянула на дѣло нѣсколько шире и замѣтила, что наши университеты ничего ни выиграютъ, ни проиграютъ, будетъ-ли эта статья измѣнена или оставлена въ прежнемъ видѣ, и что плохое состояніе университетовъ зависитъ отъ причинъ далеко не такихъ ничтожныхъ, какъ статья о выборѣ тѣмъ или другимъ большинствомъ, а потому и «мѣры» для улучшенія нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній должны быть болѣе серьезны и болѣе широки.

Въ самомъ дѣлѣ, статья университетскаго устава, о которой у насъ шла рѣчь выше, подвергаетъ профессоровъ непосредственному контролю со стороны ихъ же товарищей, и то только въ извѣстные періоды. Нормаленъ-ли вообще подобный контроль и можно ли видѣть въ немъ дѣйствительную гарантію годности извѣстнаго профессора? Уваженіе и любовь со стороны товарищей очень часто приобретаются не одними только способностями человѣка къ своему дѣлу, но и другими качествами, которыми можетъ обладать и самый неспособный, какъ на примѣръ: кротостью и тихостью нрава, общительностью характера, угодничествомъ и вообще своею «симпатичностью.» Очень легко можетъ случиться, что товарищи не захотятъ удалить изъ своей среды профессора хотя и мало способнаго, но обладающаго перечисленными нами качествами. Точно также могутъ быть случаи и противоположнаго характера: профессора мирнаго свойства имѣютъ полную возможность удалить изъ своей среды человѣка очень дѣльнаго и полезнаго для студентовъ, за то только, что его судьба наградила не податливымъ и упрямымъ характеромъ—какъ это и случилось однажды въ харьковскомъ университетѣ. Къ тому же, мнѣнія членовъ какой-либо корпораціи о своихъ товарищахъ бывають очень часто пристрастны въ силу ихъ корпоративной связи между собою. Выше мы видѣли, что авторъ «исторической записки о петербургскомъ университетѣ» считаетъ нынѣшній личный составъ университета во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнымъ. Но можно ли такое мнѣніе считать вполне безошибочнымъ? Конечно нѣтъ, и вѣроятно никто его такимъ не считаетъ, очень хорошо понимая всю трудность для человѣка вѣрно и вполне безпристрастно отнестись къ самому себѣ. Въ такомъ же точно щекотливомъ положеніи, въ какомъ находился университетъ на своемъ юбилейѣ, долженъ находиться университетскій совѣтъ каждый разъ, сопоставляя себя съ тѣмъ или другимъ отдѣль-

нымъ профессоромъ. Вообще никто не можетъ контролировать самого себя, поэтому контроль долженъ исходить отъ лица совершенно посторонняго.

Кто же имѣетъ полную возможность и право контролировать профессоровъ? Единственно вѣрнымъ цѣновщикомъ являются здѣсь образованное общество и литература. Въ этомъ отношеніи мнѣніе, высказанное «Судебнымъ Вѣстникомъ», совершенно справедливо. Прежде всего должна быть установлена «публичность профессорской дѣятельности», дающая обществу возможность оцѣнивать профессорскія способности не по слухамъ, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, по печатнымъ сочиненіямъ, а по самому ихъ преподаванію; другими словами: университеты изъ закрытыхъ заведеній, каковы они въ настоящее время, должны сдѣлаться открытыми. Далѣе, конкуренція между профессорами, для чего необходимо допустить, чтобы одинъ и тотъ же предметъ могли читать нѣсколько профессоровъ. «Судебный Вѣстникъ» справедливо замѣчаетъ, что забывать коренные недостатки нашихъ университетовъ и упорно держаться за такія несущественныя статьи, какова 78 ст. университетскаго устава—«это все равно, какъ еслибы кто, при прѣжномъ нашемъ процессѣ, оставилъ въ сторонѣ необходимость коренной его реформы и убивался бы только за то, на примѣръ, что въ засѣдатели должны назначаться лица чиномъ отнюдь не ниже титулярнаго совѣтника.» Съ этимъ замѣчаніемъ нельзя не согласиться.

Нѣкоторые думаютъ, что университетъ самъ по себѣ есть такое волшебное заведеніе, которое должно давать великолѣпные результаты при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Какъ ни странно подобное мнѣніе, но его раздѣляетъ даже самъ петербургскій университетъ въ лицѣ автора «исторической записки.» «Таково уже, говоритъ онъ, *свойство учреждений, называемыхъ университетами, что въ какомъ бы упадкѣ ни находились они, все-таки образованіе, сообщенное ими воспитанникамъ своимъ, ставитъ послѣднихъ, и по отношенію къ умственному развитію, и по нравственнымъ стремленіямъ, гораздо выше питомцевъ всякихъ другихъ учебныхъ заведеній высшаго разряда.» Съ подобной точки зрѣнія, конечно, не особенно важно, если университетъ остается даже совсѣмъ безъ профессоровъ, но простые смертные смотрятъ на дѣло нѣсколько иначе, и вотъ почему имъ хотѣлось бы, чтобы университеты, если не исполнѣ, то хоть отчасти выполняли то назначеніе, для котораго они существуютъ.*

Гдб.

РУССКАЯ СЕМЬЯ

ПЕРЕДЪ ГЛАСНЫМЪ СУДОМЪ.

Въ области положительнаго законодательства почти каждой страны можно отыскать цѣлый рядъ законовъ, которые, существуя въ кодексахъ, не имѣютъ никакого примѣненія въ жизни. Иногда это бываетъ очень хорошо, иногда—очень худо. Подобное разногласіе между теоріей и практикой можно встрѣтить не только въ области законовъ второстепенныхъ, но и такихъ, которые составляютъ основу всего государственнаго устройства. Если пересмотрѣть конституціи многихъ современныхъ государствъ, то можно найти въ нихъ очень много прекрасныхъ пунктовъ, которые, однакожъ, очень ловко обходятся на практикѣ. Франція, какъ извѣстно, можетъ быть названа образцовой страной въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, есть въ Европѣ и такія государства, которыя, имѣя у себя весьма не либеральные основные законы, пользуются однако же весьма значительной степенью свободы. Такова въ особенности — Англія. Еслибъ мы вздумали изучать политическій строй этого государства по существующему въ ней законодательству, то получили бы объ этой странѣ самое невѣрное понятіе. Достаточно упомянуть, что по законамъ королевская власть въ Англіи пользуется весьма широкими правами, тогда какъ на дѣлѣ, она во всемъ

ограничена парламентомъ, и сама по себѣ не имѣетъ ровно никакого значенія.

Если справедливо, что либеральные законы могутъ способствовать всестороннему развитію общества, то не менѣе справедливо и обратное положеніе, то есть, что они значительно теряютъ свои хорошія качества отъ соприкосновенія съ той средой, которая не умѣетъ ими пользоваться, которая не доразвилась до нихъ. Точно также справедливо и то, что дурные законы значительно парализуются обществомъ, стоящимъ на высокой степени политическаго развитія. Можно бы, повидимому, бояться, что въ Англіи, рано или поздно, найдется какой нибудь король, который захочетъ воспользоваться своими законными правами и забрать всю власть изъ рукъ парламента въ свои руки; а между тѣмъ подобное *coup d'état* въ Англіи положительно немыслимо, потому что тамъ общество слишкомъ развито для того, чтобы согласилось уступить кому бы то ни было свои политическія права. Съ другой стороны, во Франціи, передъ декабрьскимъ переворотомъ, существовала весьма либеральная конституція, и однакожь она не помѣшала президенту республики сдѣлаться неограниченнымъ императоромъ. Уже этихъ двухъ крупныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы нѣсколько понять отношеніе положительнаго законодательства къ обществу, то есть, что по дурнымъ законамъ нельзя еще заключать, что и самое общество дурно, точно также, какъ и самые либеральные законы не могутъ свидѣтельствовать о цвѣтущемъ положеніи общества.

Имѣя передъ собой примѣры разногласій между теоріей и практикой, между закономъ и жизнью въ вопросахъ первостепенной важности, нетого, конечно, удивляться существованію такого же разногласія въ вопросахъ второстепенныхъ, особенно тѣхъ, которые касаются частныхъ отношеній между гражданами. Входя въ сферу этихъ отношеній, мы находимъ множество законовъ, съ самымъ разнообразнымъ характеромъ, которые, будучи не отмѣнены, почти никогда не примѣняются на практикѣ. Между ними попадаются и очень хорошіе и очень дурные — хорошіе настолько, что примѣненіе ихъ на практикѣ оказывается просто невозможнымъ, по неис-

полнѣмости заключающихся въ нихъ требованій; дурные настолько, что даже само общество переросло ихъ и въ лицѣ осмысленнаго обычая осудило ихъ на смерть. Существованіе законовъ послѣдняго рода объясняется тѣмъ, что ихъ просто не успѣли выкинуть изъ кодексовъ, куда они вошли съ давняго времени; законы же перваго рода объясняются желаніемъ каждаго законодателя включить въ сводъ возможно большее число нравственныхъ положеній, хотя бы они были даже неудобноисполнимы на практикѣ. Напримѣръ, по нашимъ законамъ, строго запрещаются всѣмъ и каждому пьянство, роскошь, развратъ, нищенство и т. п.; но тѣмъ не менѣе, всѣ эти запрещаемыя закономъ дѣйствія совершаются на каждомъ шагу и большинство даже не считаетъ ихъ пороками; напротивъ, роскошь, напримѣръ, превозносится публично и многіе ставится въ заслугу; нищія слоняются повсюду, пьянствуютъ и развратничаютъ весьма многіе. Нѣкоторые изъ законовъ подобнаго рода существуютъ на правахъ простыхъ нравственныхъ положеній, хотя и обязательныхъ для каждаго, но нарушеніе которыхъ не влечетъ за собою никакого наказанія; слѣдовательно они, собственно говоря, не имѣютъ характера *законовъ*; другіе же, напротивъ, охраняются болѣе или менѣе строгими наказаніями. Напримѣръ, за незаконное, то есть безбрачное сожительство неженатаго съ незамужнею, по взаимному ихъ согласію, виновные подвергаются церковному покаянію, а между тѣмъ подобное сожительство встрѣчается на каждомъ шагу; за появленіе въ публичномъ мѣстѣ, напримѣръ на улицѣ, пьянымъ, виновные подвергаются семидневному аресту или денежному штрафу въ 25 р. сер.—а каждый праздникъ улицы Петербурга наполнены пьяными; за публичное выставленіе соблазнительныхъ издѣлій или изображеній, виновные тоже подвергаются семидневному аресту или штрафу, а въ окнахъ любого картиннаго или эстампаго магазина можно видѣть множество изображеній несомнѣнно соблазнительныхъ; за прошеніе милостыни назначено мѣсячное тюремное заключеніе и т. д. Такимъ образомъ, несмотря на существованіе только-что перечисленныхъ законовъ, запрещаемыя ими дѣйствія совершаются на каждомъ шагу, и администрація принуждена большею частію смо-

трѣтъ на нихъ сквозь пальцы. Она понимаетъ, что еслибъ строго примѣнять эти законы и всѣхъ виновныхъ предавать суду, то пришлось бы выстроить во сто разъ больше тюремъ и остроговъ, во столько же разъ увеличить личный составъ полиціи — и, при всемъ томъ, безъ всякой надежды искоренить зло. И въ самомъ дѣлѣ, какъ будто пьянство, развратъ, нищенство и тому подобныя пороки могутъ быть уничтожены посредствомъ даже самыхъ строгихъ наказаній? Теперь всякій понимаетъ, что они зависятъ отъ причинъ такого рода, передъ которыми уголовный законъ оказывается совершенно безсильнымъ.

Бываютъ случаи, гдѣ безсиліе положительнаго закона идетъ такъ далеко, что встрѣчаетъ себѣ прямое противодѣйствіе въ самой администраціи, которая принуждена нарушать законъ въ видахъ общественнаго блага. Напримѣръ, законъ категорически заявляетъ слѣдующее: „запрещается открывать днемъ и ночью домъ свой или наемный для непотребства, входить въ оный и непотребствомъ своимъ или непотребствомъ другихъ снискивать себѣ пропитаніе.“ „Полиція ни въ какомъ случаѣ не дозволяетъ возникать непотребнымъ и соблазнительнымъ сборищамъ, и повсемѣстно искореняетъ оныя, подъ какимъ бы видомъ и названіемъ они ни существовали.“ А между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что какъ въ самомъ Петербургѣ, такъ и въ другихъ городахъ существуютъ во множествѣ эти самыя „непотребныя дома“ и полиція, вопреки буквѣ закона, придаетъ имъ очень важное значеніе съ точки зрѣнія общественнаго здоровья. Полиція смотритъ на эти дома какъ на такія учрежденія, которыя даютъ ей возможность болѣе или менѣе успѣшно предупреждать развитіе разныхъ заразительныхъ болѣзней и вообще наблюдать за жизнью женщинъ, сдѣлавшихъ изъ разврата постоянный промыселъ. Администрація пришла къ убѣжденію, что если закрыть всѣ „непотребныя“ дома, то отъ этого развратъ не только не уменьшится, но даже увеличится; притомъ, онъ будетъ совершаться вдали отъ всякаго надзора и повлечетъ за собою страшное развитіе тѣхъ трудно излечимыхъ болѣзней, которыя и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, особенно въ рабочемъ классѣ, распространены въ боль-

шихъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, до самаго послѣдняго времени вопросъ о „непотребныхъ“ домахъ и такихъ же женщинахъ представлялъ у насъ довольно странное явленіе: въ законѣ то и другое запрещалось строжайшимъ образомъ, а на практикѣ — и дома и женщины пользовались полною терпимостію со стороны администраціи. Наконецъ, законъ долженъ былъ уступить въ этой продолжительной, но неравной борьбѣ. До 1866 года онъ не только запрещалъ содержать упомянутые нами дома, но наказывалъ всѣхъ тѣхъ, „кто явнымъ и соблазнительнымъ образомъ поощряетъ непотребныхъ женщинъ“, а также и тѣхъ, „кто изъ непотребства своего или другихъ сдѣлаетъ себѣ ремесло.“ Такимъ образомъ, по этимъ статьямъ закона, въ Россіи ежедневно совершалось на глазахъ администраціи громадное число преступленій, и каждая проститутка уже сама по себѣ была преступница. Но съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, или, точнѣе, съ изданіемъ въ 1866 году исправленнаго Уложенія о наказаніяхъ, эти непримѣнявшіяся статьи закона были уничтожены. Теперь запрещеніе „днемъ и ночью открывать домъ свой или наемный для непотребства“ осталось въ законѣ только какъ простое нравственное положеніе, неогражденное никакою статьею въ Уложеніи о наказаніяхъ.

Подобныхъ примѣровъ можно бы привести множество, и въ числѣ ихъ значительный процентъ составляли бы такія статьи, которыя не отмѣнены и въ настоящее время. Наказанія за нищенство, роскошь и т. п. прямо относятся къ числу подобныхъ примѣровъ.

Изъ сказаннаго нами можно бы, повидимому, заключить, что вообще положительное законодательство извѣстнаго государства не имѣетъ большого вліянія на то или другое состояніе общества. Если часто самые благонамѣренные законы преклоняются передъ силой обычая и уступаютъ ему мѣсто, если законы устарѣлые и отсталые оказываются часто безвредными въ средѣ опередившаго ихъ общества, то, повидимому, тотъ или другой характеръ законодательства, а также тѣ или другія отдѣльныя его положенія не могутъ ни стѣснять, ни увеличивать прогрессивнаго развитія обще-

ства, что вообще положительное законодательство не может быть причислено къ разряду тѣхъ силъ, которыя вліяютъ какимъ бы то ни было образомъ на состояніе общества.

Но такое заключеніе было бы ошибочно. Оно можетъ быть признано справедливымъ только относительно той части законодательства, которая опредѣляетъ отношенія цѣлаго общества, какъ единицы, къ правительству, а также относительно нѣкоторыхъ его отдѣловъ, неизмѣющихся вообще особенно важнаго значенія. Во многихъ же другихъ случаяхъ оно положительно несправедливо. Если общество переросло свое законодательство въ вопросахъ первостепенной важности, какъ Англія, на примѣръ, переросла свою конституцію, то тутъ отъ существованія устарѣлаго закона не предвидится ни для кого никакой опасности; попытка какого-нибудь короля воспользоваться на дѣлѣ своими законными правами получила-бы въ глазахъ англичанъ значеніе настоящаго *coup d'état* и встрѣтила бы единодушный отпоръ во всей массѣ общества, то есть, королю пришлось бы бороться съ такой силой, которую побѣдить невозможно, такъ какъ въ этомъ случаѣ между нимъ и обществомъ не оказалось бы никакого третьяго лица, на которое ему можно бы было опереться. Но въ вопросахъ не политическаго, а соціального характера, каковы семейный, экономическій и т. п., положеніе дѣла совершенно измѣняется. Предположимъ, на примѣръ, что извѣстное законодательство запрещаетъ устройство въ рабочемъ классѣ какихъ бы то ни было ассоціацій; между тѣмъ очевидная необходимость заставляетъ работниковъ соединяться въ общества, имѣть, на примѣръ, общія квартиры, столъ и даже сообща производить какія либо работы. Бываютъ случаи, что несмотря на положительное запрещеніе закона, такія ассоціаціи все-таки существуютъ и даже съ молчаливаго согласія администраціи, которая вгайнѣ вполнѣ признаетъ ихъ необходимость. Повидимому, дѣло нисколько не страдаетъ отъ такого нелиберальнаго закона, такъ какъ запрещаемыя имъ полезныя учрежденія все-таки существуютъ. Но на самомъ дѣлѣ, такой законъ имѣетъ огромное вліяніе. Запрещаемая имъ ассоціація хотя и существуетъ, но далеко не самостоятельно; она находится во власти администраціи, ко

торая можетъ дозволить ей дальнѣйшее существованіе, но можетъ каждую минуту и закрыть ее. Естественно, что при такомъ положеніи дѣла, ассоціація не можетъ считать свое существованіе вполне обезпеченнымъ, такъ какъ она находится въ полной зависимости отъ произвола администраціи, и безъ гарантіи со стороны закона она не можетъ принести и сотой доли той пользы, какая получилась бы при полномъ покровительствѣ закона.

Возьмемъ для примѣра болѣе опредѣленный случай. По нашимъ законамъ, строго запрещается открывать безъ разрѣшенія правительства учебныя или воспитательныя заведенія какого бы то ни было рода, а также лицамъ, неимѣющимъ законныхъ свидѣтельствъ—давать уроки какъ въ пансіонахъ, такъ и въ частныхъ домахъ. Наказанію подвергаются не только эти лица, но даже „родители, родственники или опекуны малолѣтняго“, которые примутъ въ себѣ въ домъ учителя или учительницу, неимѣющихъ законнаго свидѣтельства. Таково требованіе закона. Между тѣмъ извѣстно, что нѣтъ въ Россіи ни одного города, гдѣ бы не существовало нѣсколькихъ, такъ сказать, контрабандныхъ учителей, извѣстныхъ даже самой администраціи. Администрація, конечно, не преслѣдуетъ ихъ и не предаетъ суду, потому что такимъ преслѣдованіемъ она закрыла бы и тѣ немногіе пути, посредствомъ которыхъ распространяется грамотность въ недостаточныхъ классахъ населенія. Но несмотря на такую снисходительность, у насъ все-таки нѣтъ свободы преподаванія, потому что каждому изъ учителей, неимѣющихъ законнаго свидѣтельства, ежеминутно грозитъ запрещеніе давать уроки и довольно тяжелое наказаніе. Такимъ образомъ, въ приведенномъ нами примѣрѣ, дѣйствіе закона, несмотря на его постоянныя нарушенія, все-таки оказывается весьма стѣснительнымъ.

До введенія новыхъ судебныхъ уставовъ, у насъ, собственно говоря, не существовало настоящей судебной власти, не существовало безпристрастнаго суда. Какъ ни страннымъ покажется наше замѣчаніе, но мы должны сказать, что нашъ старый судъ гораздо болѣе соотвѣтствовалъ нашему законодательству, чѣмъ новый. И это станетъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что всѣ

наши законы составлялись во время существованія стараго порядка судопроизводства. Хотя, какъ мы замѣтили выше, со введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, произведены довольно важныя измѣненія въ Уложеніи о наказаніяхъ и выброшены тѣ статьи, которыя оказались совершенно устарѣлыми, но эта перемѣна по необходимости должна была ограничиться весьма скромными рамками, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы предпринимать слишкомъ громадныя работы для кореннаго пересмотра всѣхъ томовъ нашего „Свода“. Такимъ образомъ никакъ нельзя отрицать тѣсной связи между характеромъ нашего законодательства и строемъ уничтоженнаго суда. Отличительной чертой этого суда былъ, какъ извѣстно, нѣкоторый произволь. Въ однихъ случаяхъ это оказывалось крайне невыгоднымъ, но за то въ другихъ—выгода была несомнѣнная. Хотя, по закону, суды и тогда, какъ теперь, должны были строго придерживаться существующаго законодательства, но на дѣлѣ оказывалась полнѣйшая возможность дѣйствовать „по собственному усмотрѣнію“. Этому способствовало совмѣстное существованіе множества разнохарактерныхъ судовъ, отсутствіе гласности въ судебномъ разбирательствѣ, отсутствіе одного, верховнаго суда, разъясняющаго законы, приговоры котораго обязательны для всѣхъ судебныхъ инстанцій въ государствѣ, наконецъ, отсутствіе на судѣ того общественнаго элемента, который, въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, играетъ теперь такую важную роль. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, старый судъ не былъ поставленъ, по самой своей роли, въ необходимость строго руководствоваться существующими законами. Отсюда, какъ извѣстно, происходило множество злоупотребленій, настолько хорошо всѣмъ знакомыхъ, что намъ нѣтъ надобности о нихъ распространяться; но отсюда же, какъ мы замѣтили, являлись и тѣ хорошія стороны, которыя обуславливались нѣкоторыми важными недостатками нашего кодекса. Для стараго суда не составляло ничего необыкновеннаго нарушить законъ въ виду противорѣчащаго ему обычая, давши перевѣсъ послѣднему надъ первымъ; ему весьма часто случалось оставлять безнаказанными такіа дѣйствія, которыя, представляя въ жизни весьма обыкновенное явленіе, тѣмъ

не менѣе запрещались закономъ; для него не составляло ни малѣйшаго труда оправдать, еслибы онъ только пожелалъ, и нищаго, и содержательницу публичнаго дома, и контрабанднаго воспитателя, обвиняемыхъ въ нарушеніи законовъ. Постановляя свои рѣшенія, судъ весьма часто имѣлъ возможность руководствоваться „посторонними соображеніями“, на примѣръ, непримѣнимостью на практикѣ того или другого закона и т. п. Старый судъ почти ничѣмъ не отличался отъ администраціи, а часто и совершенно смѣшивался съ нею, въ лицѣ, на примѣръ, полицейской власти, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ была вмѣстѣ и администрація, и судъ. Всѣ эти обстоятельства, дѣйствуя часто очень неблагопріятно, и въ особенности вредно отражаясь на недостаточномъ класѣ населенія, скрывали однакожъ отъ глазъ и общества, и правительства тѣ недостатки нашихъ законовъ, которые рѣзко выступаютъ теперь, при новомъ порядкѣ судопроизводства.

Если бы у насъ въ настоящее время всѣ судебныя дѣла рѣшались присяжными засѣдателями, то упомянутые нами недостатки нашего кодекса были бы въ значительной степени парализованы; какъ извѣстно, присяжные, въ сужденіи о виновности или невинности подсудимаго, руководствуются не тѣми или другими законами, а собственнымъ убѣжденіемъ. Они имѣютъ полное право оправдать даже такого подсудимаго, который самъ сознался въ извѣстномъ преступленіи. Слѣдовательно, если бы прокурорская власть предала суду какое нибудь лицо, обвиняемое въ такомъ дѣйствіи, которое, хотя запрещено закономъ, но въ жизни вовсе не считается преступнымъ, то присяжные могли бы прямо разсѣчь узель, признавъ подсудимаго невиннымъ. Тоже самое было бы и въ томъ случаѣ, еслибы присяжнымъ было предоставлено право произносить свои приговоры въ дѣлахъ гражданскихъ: они руководствовались бы не статьями закона, часто весьма запутанными и сбивчивыми, а здравымъ смысломъ и существующими обычаями. Но у насъ не одни только гражданскія дѣла не предоставлены рѣшенію присяжныхъ; въ области уголовного законодательства существуетъ также весьма значительный отдѣлъ преступленій, которые разсматриваются судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей; а

такой судъ не имѣеть никакого права рѣшать дѣла иначе, какъ по закону. Никакія постороннія соображенія, никакія произвольныя толкованія законовъ здѣсь не допускаются. Если бы Окружной судъ неправильно примѣнилъ законъ, то, не говоря уже о судебной палатѣ, дѣло можетъ дойти до кассационнаго департамента, обязанность котораго состоитъ именно въ установленіи однообразнаго и правильнаго толкованія законовъ. Такимъ образомъ, если бы въ настоящее время не были отиѣнены тѣ статьи Уложенія о наказаніяхъ, которыя наказываютъ женщинъ, промышляющихъ развратомъ и лицъ, посѣщающихъ публичные дома, то для суда не было бы никакой возможности освобождать ихъ отъ наказанія. Точно также не можетъ нынѣшній судъ освободить отъ наказанія ни пьяницу, ни нищаго, ни контрабанднаго учителя, ни даже тѣхъ родителей, у которыхъ этотъ учитель давалъ уроки.

Чтобы болѣе ясно провести границу въ этомъ отношеніи между судомъ старымъ и новымъ, и вмѣстѣ, чтобы прямо перейти къ главному предмету нашей статьи, мы остановимся на тѣхъ законахъ, которые касаются семейной жизни — и именно, опредѣляютъ взаимныя отношенія мужа и жены.

Наше законодательство слѣдующими главными чертами опредѣляетъ эти отношенія: жена обязана повиноваться мужу своему, какъ главѣ семейства, пребывать къ нему въ любви, почтеніи и въ неограниченномъ послушаніи, оказывать ему всякое угожденіе и привязанность, какъ хозяйка дома. Супруги обязаны жить вмѣстѣ. Поэтому стрѣго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ. При переселеніи, при поступленіи на службу, или при иной перемѣнѣ постояннаго жительства мужа, жена должна слѣдовать за нимъ. Какъ бы въ вознагражденіе за все это, мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извинять ея недостатки и облегчать ея немощи. Онъ обязанъ доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности своей.

Таковы буквальныя слова закона. Если бы мы захотѣли анализировать выписанныя нами статьи, то увидѣли бы, что самое существенное ихъ содержаніе заключается въ этихъ немногихъ словахъ: „су-

пруги *обязаны* жить вмѣстѣ; жена *обязана* пребывать къ мужу въ *неограниченномъ послушаніи*". Все остальное служить только развитіемъ этого основнаго положенія и не заключаетъ въ себѣ никакого реальнаго содержанія. Коль скоро мужъ, по отношенію къ своей женѣ, является властью неограниченною, то ясно, что она не только обязана слѣдовать за нимъ куда бы то ни было, но вообще должна безпрекословно исполнять всё что приказанія. Хотя, по словамъ того же самаго закона, мужъ обязанъ любить жену уважать, защищать, содержать и т. п., но всё эти обязательства реальнаго значенія не имѣютъ и не сообщаютъ женѣ никакихъ юридическихъ правъ.

Нѣсколько въ иномъ положеніи находится жена, у которой есть имущество. Хотя бракомъ устанавливается и неразрывная связь между женою и мужемъ, но не составляетъ общаго владѣнія въ имуществѣ супруговъ; каждый изъ нихъ можетъ имѣть и вновь прибрѣтать отдѣльную свою собственность. Приданое жены, а также всякое другое имущество, прибрѣтенное ею во время замужества, признается ея отдѣльною собственностью. Супругамъ дозволяется продавать, закладывать и вообще, какъ бы то ни было, распоряжаться своимъ имуществомъ, прямо отъ своего имени, независимо другъ отъ друга. Не воспрещается супругамъ совершать взаимно закладныя на принадлежащее каждому изъ нихъ имѣніе и вступать въ другія законныя между собою обязательства.

Этими двумя серіями „правъ и обязанностей, отъ супружества возникающихъ“, вполне опредѣляется положеніе русской семьи. Хотя въ теоріи и трудно совмѣстить полную имущественную самостоятельность съ безграничнымъ личнымъ подчиненіемъ, но въ жизни это право и эта обязанность кое-какъ мирятся. Имущественная полноправность значительно облегчаетъ личную подчиненность, такъ что, во всякомъ случаѣ, положеніе жены, имѣющей какую-либо собственность, несравненно лучше, чѣмъ положеніе жены, ничего неимѣющей. Такая жена находится въ полной безграничной зависимости отъ мужа, и только одна статья уголовного закона вмѣшивается въ ихъ семейныя отношенія. Эта статья говоритъ, что „за жестокое обращеніе съ женою, обстоятельствами доказанное, особли-

во въ случаѣ нанесенія ей „увѣчья или ранъ“, мужъ подвергается значительному наказанію.

Если бы предположить, что всѣ браки въ Россіи совершаются между людьми, стоящими на одинаковой степени развитія, и притомъ людьми образованными, то приведенныя нами статьи закона не имѣли бы особенно важнаго значенія. Въ случаѣ какихъ нибудь разногласій между мужемъ и женою, они всегда могли бы устроить свою жизнь такъ, что не стали бы мѣшать другъ другу. Такъ, дѣйствительно, очень часто и бываетъ въ жизни. Если мужъ и жена, достаточно развитые и достаточно честные, замѣчаютъ, что ихъ семейный бытъ для кого нибудь изъ нихъ становится невыносимымъ, то мужъ не станетъ пользоваться правомъ сильнаго и заставлять жену свою жить съ нимъ вмѣстѣ; точно также поступить и жена; оба они поймутъ, что насильное соединеніе ихъ подъ одной кровлей не доставитъ никому изъ нихъ особеннаго удовольствія. Хотя законъ и запрещаетъ супругамъ составлять какіе нибудь акты, клонящіеся къ самовольному расторженію брака, но онъ это дѣлаетъ съ цѣлью лишить возможности супруговъ входить между собою въ *юридическія* обязательства относительно ограниченія личныхъ правъ мужа, какъ господина своей жены. Но законъ не имѣетъ ни права, ни возможности проявлять свою силу въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ самъ, добровольно лишаетъ себя тѣхъ или другихъ правъ. Если я не хочу быть съ своею женою въ отношеніяхъ хозяина къ служанкѣ, если я желаю признавать ее такимъ же полноправнымъ лицомъ, каковъ я самъ, то никакая сила въ мірѣ не можетъ заставить меня смотрѣть на дѣло иначе. Я могу предоставить ей полное право жить такъ, какъ она найдетъ лучшимъ; выдавъ ей паспортъ на право жить отдѣльно, я даже не нарушаю закона, потому что въ его глазахъ я все-таки остаюсь полноправнымъ мужемъ, имѣющимъ возможность каждую минуту потребовать къ себѣ свою жену. Если у насъ есть дѣти, мы и на ихъ счетъ можемъ добровольно условиться, и тутъ также законъ не будетъ имѣть никакого права вмѣшиваться въ наши распоряженія.

Но все это было бы возможно въ томъ случаѣ, еслибъ наши

семьи состояли изъ людей одинаково и притомъ достаточно образованныхъ. Но переходя изъ области предположеній въ область дѣйствительности, мы видимъ, что подобные случаи чрезвычайно рѣдки. Мысль о необходимости для мужа выбирать себѣ жену, подходящую къ нему по умственному развитію, начала высказываться очень недавно и справедливость ея признали еще очень немногіе. Такимъ образомъ, если мы и можемъ указать на примѣры браковъ, въ которыхъ супруги, будучи людьми образованными, довольно близко подходят другъ къ другу по своему умственному развитію, то подобные примѣры составляютъ величайшее исключеніе, такъ что ихъ смѣло можно не ставить въ счетъ.

Всматриваясь въ типъ семьи, наиболѣе у насъ распространенный, мы видимъ, что вездѣ почти жена есть существо страдательное, слабое, безправное. Хотя у насъ знаніе законовъ распространено и весьма слабо, однакожъ такіе законы, каковы супружескій, извѣстны хорошо всему населенію. Установившійся обычай играетъ роль закона въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ самый законъ неизвѣстенъ. Такимъ образомъ въ массѣ прочно водворилось убѣжденіе, что „жена обязана пребывать къ мужу въ неограниченномъ послушаніи“. Однакожъ, ни законъ, ни обычай часто бывають не въ силахъ прочно установить семью на началахъ полной подчиненности жены мужу. Очень часто, съ одной стороны, является возмутительное злоупотребленіе своимъ правомъ, съ другой—вполнѣ естественный, хотя и противозаконный протестъ. Чѣмъ ниже стоитъ семья въ умственномъ отношеніи, тѣмъ болѣе рѣзкія формы принимаютъ злоупотребленія и протестъ. Въ простомъ народѣ, какъ извѣстно, очень часто повторяются случаи убійства мужей женами; въ большинствѣ изъ этихъ случаевъ всегда обнаруживается, что жена, прежде чѣмъ рѣшилась на убійство, перенесла множество физическихъ и нравственныхъ мученій. Можно бы привести значительное число фактовъ, обнаруженныхъ судомъ, и взятыхъ изъ жизни простонародной семьи, въ которыхъ мужъ является безжалостнымъ тираномъ своей жены. Въ глазахъ народа, главенство мужа надъ женою понимается до такой степени широко, власть его признается въ такой мѣрѣ неограниченною, что ее до-

входят даже до права мужа распорядиться жизнью своей жены. Ограничительный законъ, по которому мужъ подвергается тяжелой отвѣтственности за нанесеніе женѣ тяжкихъ побоевъ, не только неизвѣстенъ въ народѣ, но существованію его не хотять даже вѣрить; до такой степени представляется имъ этотъ законъ несовмѣстнымъ съ *неограниченною* властью мужа. Для подтвержденія нашихъ словъ и вмѣстѣ для лучшей характеристики сложившагося въ народѣ понятія о семейныхъ отношеніяхъ, мы приведемъ одно мѣсто изъ любопытнаго письма одного газетнаго корреспондента. Крестьянинъ Хоботня, послѣ двадцатилѣтняго сожительства съ своей женой, однажды такъ прибилъ ее полѣномъ, что та на другой день оказалась мертвою. Хоботню арестовали и посадили въ острогъ. Когда извѣстіе объ этомъ убійствѣ было напечатано въ газетахъ, упомянутый нами корреспондентъ собралъ нѣсколькихъ крестьянъ, между которыми онъ жилъ, и завелъ съ ними рѣчь объ убійствѣ.

— Что же съ этимъ бѣднякомъ сдѣлаютъ? спросилъ одинъ изъ крестьянъ.

— Вѣроятно, сошлютъ въ каторжную работу, отвѣчалъ корреспондентъ.

— Вотъ такъ! воскликнули почти единодушно его собесѣдники. — Пропадеть хорошій человѣкъ за пьяницу проклятую, за дрянъ негодную!

Корреспондентъ началъ говорить, что нельзя же и пьяницу забивать до смерти, что надо было принимать какія нибудь другія мѣры, что хорошій человѣкъ и скотины своей не забьетъ до смерти.

— Да развѣ онъ мѣръ не принималъ? возразили слушатели; — онъ и къ столбу ее привязывалъ, и ноги ей кипяткомъ обливалъ, и припеканьемъ страдалъ—развѣ помогло? А къ скотинѣ ее никакъ прировнять нельзя; скотина пользу человѣку приноситъ; а плоха скотина—продать можно. Ну, а жену кто купитъ? А вѣдь она ему свѣтъ завязала, жизнь испортила; двадцать лѣтъ онъ съ нею мучился. Что же ему было дѣлать?

— Ну, прогналъ бы наконецъ, отвѣтилъ корреспондентъ;—пус-

кай бы попробовала на своемъ хлѣбѣ пожить, нужду узнала бы: можетъ быть и покаялась бы.

— Да какъ же ты жену свою прогонишь! начинали уже горячиться крестьяне.— Походитъ день, другой, да и вернется опять на твою голову. А если и не вернется, какъ же человѣку безъ хозяйки жить? Вѣдь при живой женѣ не повѣнчаютъ.

— Все-таки какъ же убивать-то? Ну, коли ужъ такое несчастье, терпѣть надо было.

— Да какъ же терпѣть-то? Человѣкъ не ангелъ! Терпишь, терпишь—да и не вытерпишь! А онъ вѣдь двадцать лѣтъ терпѣлъ. Нѣтъ, замѣтилъ одинъ изъ слушателей,— дуракъ этотъ Хоботня, не надо было бить до смерти, а полегче; вотъ онъ и отбилъ бы ей печенку и вбилъ бы ее въ чухотку, и пропала бы она какъ собака негодная, а онъ бы былъ правъ. А то дуракъ: ну и сиди за нее въ острогѣ.

Когда, наконецъ, корреспондентъ спросилъ, виноваты ли тѣ люди, которые, видя, какъ Хоботня билъ свою жену, не остановили его, крестьяне отвѣчали:

— Да какъ же имъ остановить его? Кто же можетъ мѣшать межъ мужемъ и женою? За это Хоботня воленъ былъ колоть ихъ со двора гнать. Нѣтъ, въ такое дѣло никакой путный человѣкъ не вмѣшается: *всякій знаетъ, что мужъ воленъ дѣлать надъ женою что ему угодно.*

Корреспондентъ увѣряетъ, что народу совершенно неизвѣстно о существованіи закона, запрещающаго мужу наносить тяжкіе побои своей женѣ. Когда ему, въ качествѣ судебного слѣдователя, пришлось однажды разбирать два дѣла о жестокомъ обращеніи мужей съ женами, и когда онъ посадилъ въ острогъ мужа, который скрывалъ жену желѣзными цѣпями и двое сутокъ держалъ ее голодною въ темномъ амбарѣ, то все мѣстное населеніе подняло крикъ, что послѣ этого жить нельзя на свѣтѣ, что подобнаго закона нѣтъ и быть не можетъ; даже одно начальствующее лицо нашло поступокъ слѣдователя очень рѣзкимъ и замѣтило, что въ подобныхъ дѣлахъ надо быть слишкомъ осторожнымъ, что какъ бы то ни было, а мужъ все-таки глава жены. Въ другомъ случаѣ, когда

слѣдователь также вступился за жену, съ ногъ до головы избитую своимъ мужемъ, то его грозили даже предать суду за то, что онъ „противозаконными дѣйствіями нарушаетъ святость семейнаго союза“.

Мы нисколько не сомнѣваемся въ справедливости приведенныхъ фактовъ; мы сами знаемъ, что семейный бытъ простого народа обставленъ ужасающими подробностями; мы знаемъ, что жертвою этого быта всегда бываетъ жена; знаемъ по судебнымъ фактамъ, что если мужъ обвиняется въ убійствѣ жены, то побудительными причинами всегда оказывается или ревность, или желаніе наказать за что нибудь виновницу, при чемъ убійство является не намѣреннымъ, а случайнымъ, происшедшимъ отъ чрезмѣрности наказанія; если же жена убиваетъ мужа, то всегда оказывается, что она рѣшается на убійство вслѣдствіе жестокаго съ нею обращенія; другіе по тѣмъ же самымъ причинамъ посягаютъ на самоубійство — вѣшаются и топятся. Все это совершенно справедливо; но вопросъ въ томъ: составляетъ ли нашъ простой народъ исключительное явленіе въ этомъ случаѣ? Не повторяются ли тѣ же самыя явленія въ болѣе образованныхъ слояхъ общества, только, можетъ быть, въ нѣсколько иныхъ формахъ? Дѣйствительно, ежедневный опытъ подтверждаетъ, что и въ нашихъ „образованныхъ“ семьяхъ далеко не существуетъ безмятежной тишины и спокойствія. Здѣсь, правда, мужа рѣдко бьютъ своихъ женъ и еще рѣже добиваютъ ихъ до смерти, но за то здѣсь въ большомъ ходу болѣе тонкія средства, хотя они достигаютъ той же цѣли: жены, подъ вліяніемъ дикаго, необузданнаго произвола мужей, или также рѣшаются на преступленія, или лишаютъ себя жизни, или незамѣтно погибаютъ, кончая жизнь въ чахоткѣ, или, наконецъ, стѣняются вѣчно-сварливыми, озлобленными, недовольными, обращая „семейный очагъ“ въ настоящій адъ. Впрочемъ, мы были бы несправедливы, еслибъ всю вину семейныхъ драмъ сваливали исключительно на мужей; жены оказываются часто главными виновницами. Какъ бы то ни было, отъ тѣхъ или другихъ причинъ, но совмѣстная жизнь супруговъ часто становится невозможною — иначе, она грозитъ разстроиться посредствомъ преступленія. Въ этихъ-то случаяхъ, если

мужъ и жена достаточно развиты, то имъ ничего не стоитъ разойтись миролюбиво, во взаимному удовольствію. Но сплошь и рядомъ случается, что они оба или крайне необразованы и заражены разными предрасудками, или одинъ изъ супруговъ гораздо глупѣе и недобросовѣстнѣе другого. • Въ такихъ случаяхъ мирнаго исхода быть не можетъ. Еслибы мужъ и хотѣлъ уйти отъ своей жены — она имѣетъ полное право не согласиться на это, такъ какъ „супруги обязаны жить вмѣстѣ“; еслибы хотѣла уйти жена, то мужъ имѣетъ право не пустить ее, такъ какъ жена должна всюду слѣдовать за мужемъ и пребывать къ нему въ неограниченномъ послушаніи. Остается одинъ выходъ — обратиться къ посредству власти и просить о защитѣ страдающаго.

Администрація, очень хорошо зная о существованіи закона, недозволяющаго ни подѣ какими видомъ самовольно расоргать бракъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ сознавала, что приложение этого закона во всей его строгости рѣшительно немислимо. Насильно охраняя цѣлость неудачнаго брыка, администрація способствовала бы значительному увеличенію числа преступленій въ Россіи. Если вы женщину принудите жить съ человѣкомъ, котораго она ненавидитъ, который, при томъ же, подвергаетъ ее всевозможнымъ физическимъ и нравственнымъ истязаніямъ, то этимъ вы прямо заставляете ее совершить преступленіе: она или сама лишитъ себя жизни, или убьетъ своего мужа. Для предупрежденія такихъ случаевъ, администрація очень часто принимала участіе въ семейныхъ распряхъ и въ случаѣ виновности мужей, выдавала женамъ паспорта на право жить отдѣльно. Изъ нѣсколькихъ гражданскихъ процессовъ между мужьями и женами, производившихся въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, видно, что наибольшую услугу въ семейныхъ распряхъ оказывало III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Не слишкомъ строго придерживался закона и самъ судъ, когда дѣла по несогласію супруговъ доходили до его разсмотрѣнія. Хотя законъ строго запрещаетъ составленіе какихъ бы то ни было актовъ, клонящихся къ расторгенію браковъ — разныя правительственныя и судебныя мѣста и лица не стѣснялись свидѣтельствовать различныя договоры между мужьями и женами, хотя эти договоры не

«Дѣло», № 3.

вполнѣ соответствовали закону. Для примѣра, мы воспользуемся однимъ изъ дѣлъ, производившихся въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ между супругами, и по одному изъ нихъ прослѣдимъ, какое участіе принимали правительственныя мѣста въ супружескихъ распряхъ. Основаніемъ на дѣлѣ князя Голицыныхъ, которое производилось въ тверскомъ окружномъ судѣ по гражданскому отдѣленію.

Жена коллежскаго ассесора князя Федора Голицына, отправившись въ 1842 году за границу для поправленія здоровья, возвратилась оттуда, какъ жалуется князь Голицынъ, „съ новыми воззрѣніями на жизнь вообще и на семейную въ особенности“. Она пожелала жить отдѣльно отъ мужа, пользуясь отъ него, однакожъ, опредѣленнымъ содержаніемъ. Намъ неизвѣстны истинныя причины, по которымъ княгиня Голицына признала невозможнымъ жить вмѣстѣ со своимъ мужемъ; мы только знаемъ, что супруги заключили между собою *условіе*, по которому мужъ обязался выдавать женѣ 1200 руб. с. въ годъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1855 году, размѣръ этой суммы былъ увеличенъ до 2600 руб. с. въ годъ, почему между супругами и заключено новое домашнее условіе, взаимнѣ прежняго. Черезъ пять лѣтъ князь Голицынъ почему-то не захотѣлъ продолжать выдачу женѣ опредѣленнаго содержанія, а предложилъ ей снова переѣхать къ нему въ домъ и жить вмѣстѣ. Жена на это предложеніе не согласилась и, основываясь на условіи, находящемся въ ея рукахъ, подала всеподданнѣйшую жалобу, въ которой просила обязать ея мужа выполнять условіе. Министръ внутреннихъ дѣлъ конфиденціально передалъ эту жалобу московскому генералъ-губернатору, для конфиденціальныхъ переговоровъ съ княземъ Голицынымъ. Но такъ какъ никакихъ соглашеній на этотъ счетъ не состоялось, то жалоба княгини Голицыной была передана московскому совѣстному суду, гдѣ уже производилось дѣло, начавшееся по жалобѣ князя Голицына на его сыновей, вышедшихъ изъ повиновенія. „Не рожденный для тяжбъ“, объясняетъ князь Голицынъ, „онъ рѣшился навсегда развязаться со своимъ безпокойнымъ семействомъ“. Съ этой цѣлью онъ заявилъ совѣстному суду о желаніи дать своей женѣ и дѣтямъ часть имѣнія, находящагося въ тверской губерніи, съ тѣмъ, чтобъ они

раздѣлили это имѣніе между собою полюбовно „и никогда больше ничего отъ него не ожидали.“ По нѣкоторымъ обстоятельствамъ, эта сдѣлка между супругами не состоялась, и княгиня Голицына продолжала свой искъ съ мужа—то черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ, то черезъ московскаго генералъ-губернатора, то черезъ начальника тверской губерніи. Наконецъ, князь Голицынъ согласился снова производить своей женѣ содержаніе по 1500 руб. въ годъ, а затѣмъ, „съ цѣлью упрочить отдѣльную ея отъ него жизнь его жены, взаимнѣ всѣхъ прежнихъ условій и договоровъ, заключилъ съ нею новый договоръ, который и *засвидѣтельствованъ въ тверской палатѣ гражданскаго суда.*“ Въ этомъ договорѣ было между прочимъ упомянуто, что хотя князь Голицынъ въ московскомъ совѣтномъ судѣ и заявилъ желаніе отдѣлить женѣ часть своего недвижимаго имущества, но что въ настоящее время она формально отъ этого отказывается. Взаимнѣ уничтоженнаго такимъ образомъ обязательства, князь Голицынъ согласился представить одно изъ своихъ имѣній на выкупъ правительству и изъ слѣдующей ему выкупной суммы выдать женѣ одновременно 30 тысячъ р. с. Принимая эту сумму, жена обязывалась „болѣе у мужа никогда ничего не просить и оставаться довольною, а затѣмъ прекратить и всякія съ мужа взысканія.“ Несмотря на это условіе, и не дождавшись того времени, когда князь Голицынъ получить выкупную сумму за имѣніе, жена снова обратилась въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ докладной запиской, въ которой она просила о понужденіи мужа къ выдачѣ ей ежегоднаго содержанія въ 1500 руб. и скорѣйшей уплатѣ тѣхъ 30 тысячъ, которые упомянуты въ договорѣ. Такъ какъ, по имѣнію князя Голицына, подобными дѣйствіями жена его нарушила существенныя условія договора, въ которомъ она обязалась не требовать ничего отъ мужа, то онъ и обратился въ тверской окружной судъ съ просьбой—признать этотъ договоръ нарушеннымъ и освободить его, князя Голицына, отъ обязательства уплатить женѣ 30 тысячъ рублей. По этому-то поводу дѣло супруговъ Голицыныхъ и разсматривалось въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ.

Очевидно, что договоръ между мужемъ и женою, сущность ко-

тогого мы сейчас привели, прямо относится къ разряду актовъ, строго запрещаемыхъ нашимъ законодательствомъ. Не говоря уже о внѣшней формѣ этого договора, самая его сущность и даже заключающіяся въ немъ отдѣльныя выраженія ясно показывали палатѣ гражданскаго суда, что это договоръ противозаконный, котораго не могутъ свидѣтельствовать никакія казенныя мѣста. Къ тому же, онъ и по внѣшнему своему виду не подходитъ ни подъ одну изъ тѣхъ формъ договоровъ, которыя установилъ законъ. Это не есть актъ „отдѣльный“, потому что въ немъ идетъ рѣчь не объ отдѣлѣ, а объ отреченіи отъ принятія извѣстной части имущества; это не есть дарственная запись, потому что многіе его пункты никакъ не подходятъ подъ эту форму договоровъ; это есть просто частное условіе между супругами, ни въ какомъ случаѣ недопускаемое по закону. И между тѣмъ, тверская палата гражданскаго суда не затруднилась придать этому акту законную форму, назвавши его „отдѣльнымъ.“ По всей вѣроятности, она, очень хорошо понимая настоящій смыслъ и цѣль этого договора, сдѣлала уступку въ виду тѣхъ затрудненій, которыя происходили бы отъ приложенія на практикѣ строгихъ законовъ, опредѣляющихъ „права и обязанности, отъ супружества возникающія.“ Такимъ образомъ, примѣняя законъ, гражданская палата руководствовалась, очевидно, совершенно посторонними соображеніями, стараясь примирить букву закона съ условіями дѣйствительной жизни. Въ этомъ случаѣ палата парализовала невыгодное и стѣснительное дѣйствіе закона.

Не меньшую услугу княгинѣ Голицыной оказывали, какъ мы видѣли, и другія правительственныя мѣста и лица. Министерство внутреннихъ дѣлъ принимало отъ нея жалобы и просьбы, министръ передавалъ ихъ московскому генералъ-губернатору и начальнику тверской губерніи и т. д.; а между тѣмъ по закону, всѣ эти лица имѣли полное право не разсматривать жалобъ княгини Голицыной; они могли просто напомнить ей тѣ статьи закона, по которымъ „супруги обязаны жить вмѣстѣ“, а „жена должна пребывать въ неограниченномъ послушаніи къ своему мужу“ — и затѣмъ всѣ ея просьбы и жалобы оставлять безъ разсмотрѣнія.

Дѣло супруговъ Голицыныхъ не составляетъ исключительнаго

случая. Ограничиваясь даже тѣми процессами, которые производились въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, мы можемъ указать нѣсколько случаевъ, гдѣ администрація не относилась съ большою строгостью къ сдѣлкамъ между супругами и оказывала имъ въ этомъ отношеніи свое содѣйствіе. Такъ, напримѣръ, изъ дѣла супруговъ Клейнпель, производившагося въ петербургскомъ окружномъ судѣ, оказывается, что жена за известное единовременное вознагражденіе отказалась на будущее время предъявлять къ мужу своему новыя требованія объ ея содержаніи, и эта сдѣлка засвидѣтельствована въ варшавской полиціи. Изъ дѣла супруговъ Палевичъ также оказывается, что жена, подѣ влияніемъ жестокаго обращенія съ нею мужа, просила III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи о выдачѣ ей паспорта на право жить отдѣльно отъ мужа. И этотъ паспортъ, по сношенію III отдѣленія съ петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, былъ ей выданъ. Кромѣ того, изъ этого же дѣла оказывается, что между супругами Палевичъ существовали нѣкоторыя письменныя обязательства, „скрѣпленныя казенною печатью.“ Далѣе, изъ дѣла супруговъ Вагнеръ видно, что вслѣдствіе происходившихъ между ними несогласій, они обращались съ жалобами въ канцелярію военного генералъ-губернатора, въ III отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, въ петербургскую управу благочинія и т. д. Хотя изъ дѣла не видно, въ чемъ состояли и чѣмъ оканчивались эти жалобы, но можно предполагать, что упомянутыя мѣста не отказывались отъ разсмотрѣнія несогласій въ семействѣ Вагнеръ. По крайней мѣрѣ, г-жа Вагнеръ выписками изъ дѣлъ, производившихся въ упомянутыхъ мѣстахъ, доказывала передъ судомъ право на полученіе отъ мужа опредѣленнаго содержанія. Подобныхъ случаевъ много и приводитъ ихъ большое число совершенно бесполезно. Для насъ достаточно и двухъ-трехъ несомнѣнныхъ фактовъ, въ родѣ перечисленныхъ выше, для доказательства, что старый судъ и администрація относились къ супружескимъ несогласіямъ менѣе строго, чѣмъ требовалъ законъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что до введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ тяжелый законъ относительно супружескихъ правъ и обязанностей обходился даже и въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда супруги не приходили ни къ какимъ миролюбивымъ соглашеніямъ, а обращались къ посредству третьяго лица—власти. Хотя здѣсь вмѣшательство власти имѣло характеръ произвола, такъ какъ власть дѣйствовала не по *обязанности*, а по *снисхожденію*, и оказывая услугу въ одномъ случаѣ, имѣла полное право не оказать ее въ другомъ — тѣмъ не менѣе, она все-таки значительно парализовала строгость закона. Какъ бы то ни было, но во многихъ случаяхъ, этотъ законъ существовалъ только на бумагѣ и тѣ, которые говорили о несоотвѣтствіи его условіямъ дѣйствительной жизни, слышали утѣшенія, что этотъ законъ почти никогда не примѣняется во всей его строгости, что на него слѣдуетъ смотрѣть не больше какъ на теоретическое положеніе, установленное исторіей, что вообще его слѣдуетъ причислить къ разряду тѣхъ законовъ, которые, какъ законы о пьянствѣ, роскоши, нищенствѣ и т. д., ежедневно нарушаются на практикѣ, не возбуждая этимъ никакого преслѣдованія. Но если даже за подобными утѣшеніями и можно было признавать нѣкоторую долю справедливости, то ужь въ настоящее время они рѣшительно неумѣстны и не имѣютъ никакого смысла. Съ учрежденіемъ гласнаго судопроизводства значительно уменьшилась возможность руководствоваться какими нибудь посторонними, житейскими соображеніями при разборѣ судебныхъ дѣлъ, а съ образованіемъ кассационнаго сената—возможность различнаго толкованія закона совершенно уничтожилась. Теперь ни одна буква закона не можетъ оставаться мертвой, точно также какъ сила его не можетъ ни увеличиваться, ни уменьшаться по произволу судьи; теперь—и только теперь—всѣ достоинства и недостатки нашего законодательства выступаютъ въ полной силѣ и становятся для всѣхъ очевидными.

Переходя къ разсмотрѣнію дѣлъ между супругами, производившихся въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, мы можемъ раздѣлить ихъ на двѣ группы: тѣ, которыя разсматривались судомъ *до* рѣшенія одного изъ нихъ кассационнымъ департаментомъ сената, и тѣ, которыя разсматривались или будутъ разсматриваться *послѣ*. Существенная разница въ условіяхъ производства тѣхъ и другихъ дѣлъ заключается въ слѣдующемъ: пока извѣстный юридическій вопросъ,

напримѣръ, о толкованіи какой-либо неясной статьи закона, не доходилъ до сената, до тѣхъ поръ судьи обязаны примѣнять законъ по собственному усмотрѣнію. Если на постановленный ими приговоръ не принесена въ срокъ жалоба, то приговоръ вступаетъ въ законную силу и становится безусловно-обязательнымъ для тяжущихся или подсудимыхъ. Можетъ случиться, что одинъ судъ рѣшитъ какое нибудь дѣло такимъ образомъ, а другой судъ совершенно однородное дѣло иначе—все-таки, если приговоры не обжалованы въ законный срокъ, оба они, несмотря на свою противоположность, одинаково законны. Но иное дѣло, если какой нибудь вопросъ доходить до кассационнаго сената. Какъ извѣстно, сенатъ, утверждая или отменяя окончательный приговоръ суда, сопровождаетъ свое рѣшеніе самыми подробными мотивами и печатаетъ эти рѣшенія въ особомъ сборникѣ, рассылаемомъ во все суды государства; такія рѣшенія безусловно обязательны для всехъ судебныхъ мѣстъ. Слѣдовательно, если какой нибудь спорный юридическій вопросъ разрѣшенъ кассационнымъ сенатомъ, то можно уже навѣрное утверждать, что именно такимъ, а не инымъ образомъ будутъ рѣшены въ судахъ и все послѣдующія дѣла подобнаго же рода.

Пока дѣла о супружескихъ несогласіяхъ не доходили до сената, до тѣхъ поръ судьи обнаруживали стремленіе—сообразовать требованія закона съ условіями практической жизни. Подобное стремленіе мы замѣчаемъ, напримѣръ, въ упомянутомъ нами дѣлѣ супруговъ Палевичъ. Г-жа Палевичъ подала въ петербургскій окружный судъ прошеніе, въ которомъ она объясняетъ, что мужъ ея прожилъ все ея состояніе и сталъ жестоко съ нею обращаться. Хотя она и получила, вслѣдствіе жалобъ въ III отдѣленіе, паспортъ на отдѣльное жительство, но у нея нѣтъ никакихъ денежныхъ средствъ. Поэтому, основываясь на той статьѣ закона, по которой мужъ обязанъ содержать свою жену, г-жа Палевичъ проситъ окружный судъ обязать мужа выдавать ей ежемѣсячное содержаніе изъ получаемаго имъ жалованья. Во время разбирательства этого дѣла, обнаружались факты, къ несчастію, весьма обыкновенные въ нашей семейной жизни, и притомъ, факты такого рода, которые плохо поддаются строгой прсвѣрѣ. Помѣренный мужа сталъ рассказывать,

что г. Палевичъ цѣлыми семью годами моложе своей жены, что онъ познакомился съ нею совершенно случайно, увлекся и женился противъ желанія своего отца. Г-жа Палевичъ, по словамъ повѣреннаго отвѣтчика, съ первыхъ же дней медоваго мѣсяца обнаружила весьма непохвальные качества своего характера: она будто бы начала пить и въ пьяномъ видѣ дѣлала всевозможныя безобразія. Мало-по-малу между супругами стали происходить несогласія, вслѣдствіе чего г. Палевичъ предложилъ своей женѣ паспортъ на отдѣльное жительство; но г-жа Палевичъ паспорта принять не согласилась; тогда мужъ оставилъ паспортъ дворнику, а самъ выписался изъ дому и переѣхалъ на другую квартиру. Жена Палевичъ отвергала показаніе мужа. „Онъ доказываетъ, что я пила, говорила г-жа Палевичъ; я должна сказать, что это дѣйствительно было, но меня заставляло пить поведеніе моего мужа, совсѣмъ несообразное съ супружескою жизнью... Онъ себя велъ какъ нельзя хуже... Пока я имѣла свои средства, до тѣхъ поръ онъ жилъ со мною; когда ничего не стало—онъ меня бросилъ. Прежде давалъ по 10 к. въ день, а самъ никогда дома не сидѣлъ. Потомъ началъ раскаяваться въ томъ, что женился; буду, говорилъ, такъ дѣйствовать, что сама не захочешь со мною жить; тебѣ содержанія никакого не дамъ, не хочу и жить съ тобою!“ Къ этому г-жа Палевичъ присоединила жалобы на другія несправедливости и жестокости мужа въ обращеніи съ нею. На вопросъ предсѣдателя суда, не желаетъ ли г-жа Палевичъ помириться съ мужемъ *и на какихъ условіяхъ*, истица отвѣчала: „*Съ нимъ жить боюсь*, потому что онъ лишитъ меня здоровья“... Судъ, узнавши отъ повѣреннаго отвѣтчика, сколько г. Палевичъ получаетъ жалованья, опредѣлилъ: „вмѣнить Палевичу въ обязанность выдавать женѣ его, изъ получаемаго имъ на службѣ содержанія, третью часть“.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ дѣлѣ судъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе несогласій, происходившихъ въ семействѣ Палевичъ. Хотя предметомъ иска было не *имущество*, относительно котораго, по нашимъ законамъ, жена признается полноправнымъ лицомъ, хотя суду было извѣстно, что супруги Палевичъ живутъ

отдѣльно, вопреки положительному требованію закона, и что, удовлетворяя искъ г-жи Палевичъ, судъ тѣмъ самымъ еще болѣе упрочиваетъ ея отдѣльную отъ мужа жизнь — тѣмъ не менѣе онъ обязалъ г. Палевичъ выдавать своей женѣ определенное содержаніе.

Почти такой же взглядъ суда выразился и въ рѣшеніи по дѣлу супруговъ Голицыныхъ. Мы уже говорили, что дѣло это заключалось въ искѣ князя Голицына объ уничтоженіи договора, заключеннаго имъ со своею женою; теперь должны прибавить, что со стороны княгини Голицыной былъ предъявленъ встрѣчный искъ о взыскаіи съ мужа, согласно договору, 30 тысячъ рублей серебромъ. Хотя повѣренный истца и доказывалъ, что договоръ его довѣрителя недѣйствителенъ, такъ какъ цѣль его — расторженіе брачнаго союза — противозаконна; хотя въ дѣлѣ имѣлись несомнѣнныя доказательства, подтверждающія, что именно такова была цѣль упомянутаго договора, тѣмъ не менѣе, тверской окружный судъ въ искѣ князя Голицына объ уничтоженіи договора отказалъ. Хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказалъ и княгинѣ Голицыной въ ея искѣ, но только потому, что призналъ его *прѣждевременнымъ*, такъ какъ по смыслу договора видно, что 30 тысячъ должны быть уплачены мужемъ женѣ изъ ссуды, полученной за имѣніе, представленное на выкупъ, а между тѣмъ, по справкамъ, эта ссуда оказалась еще неполученной княземъ Голицынымъ.

Наконецъ, подобный же взглядъ выразился и въ рѣшеніи высшей инстанціи, петербургской судебной палаты, по дѣлу супруговъ Клейнпель. Изъ этого дѣла видно, что мужъ Клейнпель, оставивъ жену свою съ дѣтьми въ Варшавѣ, уѣхалъ въ Петербургъ и не захотѣлъ ни принимать жену свою къ себѣ, ни выдавать ей содержанія. Вслѣдствіе этого, жена Клейнпель просила судъ обязать мужа къ выдачѣ ей определеннаго содержанія. Прокуроръ судебной палаты, куда дѣло гостуило по аппеляціи, далъ такое заключеніе: по закону, мужъ обязанъ давать женѣ и дѣтямъ приличное содержаніе; искъ Клейнпель, основанный на этой статьѣ, не могъ бы возникнуть, еслибъ супруги жили вмѣстѣ; когда же одинъ изъ нихъ удаляется отъ другого, то нужно обратить вниманіе на то,

кто изъ супруговъ первый оставилъ семью и кто далъ поводъ къ продолженію разлуки; такъ какъ изъ настоящаго дѣла видно, что виновнымъ лицомъ представляется мужъ Клейнпель, то, по мнѣнію прокурора, онъ и обязанъ выдавать женѣ опредѣленное вознагражденіе. Судебная палата хотя и нашла, что составленныя между супругами Клейнпель въ разное время условія, съ цѣлью разойтись, не имѣютъ законной силы, приговорила, однако же, мужа Клейнпель „доставлять женѣ пропитаніе и содержаніе“.

Теперь мы перейдемъ къ тому дѣлу, которое дошло до разсмотрѣнія кассационнаго департамента сената. Дѣло это заключается въ слѣдующемъ: жена подполковника Федосья Вагнеръ подала въ петербургскій окружной судъ прошеніе, въ которомъ заявляла, что мужъ ея, проживъ съ нею десять лѣтъ, былъ командированъ по службѣ въ Кронштадтъ, а ее съ дѣтьми оставилъ въ Петербургѣ. Убъжая, онъ обязался высылать ей по 40 р. с. въ мѣсяцъ, что и исполнялъ въ теченіи года, но потомъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, прекратилъ эту высылку. Разсчитывая на обѣщаніе мужа и не получая денегъ, Федосья Вагнеръ впала въ долги и дошла до нищеты. Вслѣдствіе этого, она просила окружной судъ взыскаъ съ Павла Вагнеръ неполученныя ею по условію 2,440 р. сер. и обязать его и впередъ выдавать ей условленные 40 руб. въ мѣсяцъ. Подполковникъ Павелъ Вагнеръ возражалъ, что не онъ оставилъ жену, а, напротивъ, она оставила его; что вообще она вела жизнь самую предосудительную, и что имъ начато въ духовной консисторіи дѣло о расторженіи брака. Отвергая эти возраженія, Федосья Вагнеръ вмѣстѣ съ тѣмъ представила различные документы, въ доказательство того, что мужъ дѣйствительно обязался платить ей по 40 р. въ мѣсяцъ. Но окружной судъ, находя эти доказательства недостаточными, въ искѣ Федосьи Вагнеръ отказалъ.

Дѣло по аппеляціи перешло въ судебную палату, куда истица представила новыя доказательства въ подтвержденіе своего иска. Нѣкоторыя изъ этихъ доказательствъ палата также признала недостаточными, а одно изъ нихъ, именно подписку; данную Павломъ Вагнеръ, при разбирательствѣ ихъ семейныхъ распрей, у жандармскаго штабъ-офицера — незаконною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, при-

нимая во вниманіе, что Павелъ Вагнеръ *самъ оставилъ* жену свою и назначивъ ей 40 р. въ мѣсяць, высылалъ эти деньги въ теченіи цѣлаго года; что, по закону, мужъ *безусловно обязанъ* содержать жену свою, даже и въ томъ случаѣ, когда супруги живутъ *отдѣльно*, судебная палата приговорила: взыскать съ Павла Вагнеръ въ пользу жены 2,480 р. с. и обязать его уплачивать ей по 40 р. въ мѣсяць, *пока онъ не согласится снова жить съ нею вмѣстѣ*.

Изъ этого рѣшенія видно, что судебная палата допускала отдѣльную жизнь супруговъ; она только признавала, что мужъ, оставившій свою жену, обязанъ давать ей приличное содержаніе, своеобразное, конечно, съ его средствами.

Но кассационный департаментъ, куда Павелъ Вагнеръ принесъ жалобу, взглянулъ на дѣло совершенно иначе. Онъ призналъ толкованіе закона судебной палатой совершенно неправильнымъ и мотивировалъ это слѣдующимъ образомъ: Законъ, говоритъ кассационный департаментъ, возлагаетъ на супруговъ безусловную обязанность жить вмѣстѣ, вслѣдствіе чего строго запрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному расторженію брака. Хотя законъ и обязываетъ мужа любить свою жену, доставлять ей содержаніе и т. д., но всѣ эти обязанности *неразрывно связаны съ безусловною обязанностью супруговъ жить вмѣстѣ*. Затѣмъ, какія лежатъ обязанности на мужѣ относительно содержанія жены своей въ тѣхъ случаяхъ, когда супруги живутъ раздѣльно—этого законъ не опредѣляетъ. Онъ и не могъ говорить о такихъ случаяхъ, потому что „обязывая супруговъ жить вмѣстѣ и воспрещая все, что можетъ клониться къ самовольному ихъ разлученію, законъ не могъ въ противорѣчіе себѣ установить правила на такой случай, который имъ строго воспрещается. Если эти случаи встрѣчаются въ жизни, то нарушеніе предписаній закона одною стороною производитъ для другой право требовать исполненія закона— *но не больше*. Поэтому жена, живущая по какимъ либо причинамъ отдѣльно отъ мужа (то есть, если бы даже самъ мужъ оставилъ ее) не имѣетъ права требовать отъ мужа какого либо содержанія, потому что это было бы вовсе не то пропитаніе и содер-

жаніе, которія мужъ обязанъ доставлять женѣ при совмѣстномъ ихъ жительствѣ“.

Этимъ рѣшеніемъ кассационнаго департамента вопросъ о семейныхъ отношеніяхъ разъясняется вполне и суды уже не будутъ имѣть права разбирать тѣ семейныя дѣла, въ основаніи которыхъ лежитъ отдѣльная жизнь супруговъ. Сенатъ призналъ категорически, что обязанности мужа относительно жены и обратно въ такомъ только случаѣ могутъ быть подтверждаемы судомъ, когда супруги живутъ вмѣстѣ. Эту взаимную обязанность кассационный департаментъ считаетъ самою главною въ семейныхъ отношеніяхъ; и потому жена, оставленная своимъ мужемъ, можетъ посредствомъ суда просить только объ одномъ—чтобъ мужа снова заставили жить съ нею вмѣстѣ. Точно также, если мужъ желаетъ жить отдѣльно отъ жены, даже производя ей извѣстное содержаніе, то жена имѣетъ полное право не принять этого содержанія, и можетъ требовать посредствомъ суда, чтобы мужъ жилъ съ нею вмѣстѣ. Конечно, ни суды первыхъ двухъ инстанцій, ни кассационный департаментъ не обязаны входить въ разсмотрѣніе вопроса, насколько полезно, а главное въ какой степени *возможно* заставить супруговъ жить вмѣстѣ, если ктонибудь изъ нихъ, а особенно мужъ, не желаетъ этого; въ законѣ даже, сколько намъ извѣстно, не указано, какъ должна поступать власть, если мужъ не соглашается исполнять приговора суда, обязывающаго его жить вмѣстѣ съ женою—но до всего этого суду нѣтъ никакого дѣла, и онъ теперь будетъ вправѣ разсматривать семейныя дѣла только чисто гражданского характера, если жена имѣетъ какоенибудь состояніе, и ни на минуту не выходя изъ того предположенія, что тяжущіеся супруги живутъ вмѣстѣ.

Съ этой точки зрѣнія, становится совершенно понятнымъ и вполне законнымъ рѣшеніе суда, напримѣръ, по дѣлу супруговъ Карминыхъ. Инженеръ поручикъ Карминъ, вслѣдствіе несогласія съ своею женою, выдалъ ей отдѣльный видъ на жительство, при чемъ, по обоюдному согласію, малолѣтній ихъ сынъ долженъ былъ остаться при отцѣ. Между тѣмъ жена Кармина пріѣхала однажды въ нему въ домъ и увезла сына съ собою. Вслѣдствіе этого Кар-

минъ обратился въ судъ съ просьбою о возвращеніи ему сына, причемъ представилъ различныя доказательства, что сынъ, по условію, долженъ былъ оставаться при немъ. Но судъ и не нуждался въ подобныхъ доказательствахъ. Хотя повѣренный отвѣтчицы и ссылался на эти доказательства, хотя онъ и приводилъ различныя соображенія относительно того, что для ребенка необходимѣе и полезнѣе попеченіе матери, чѣмъ отца, что даже по закону природы мать имѣетъ болѣе правъ на оставленіе у себя ребенка, нежели отецъ, что супруга Кармина, располагая большими матеріальными средствами, нежели проситель, всегда можетъ дать лучшее содержаніе, образованіе и воспитаніе своему сыну, нежели его отецъ, располагающій весьма незначительными средствами—суду не было никакой надобности обсуждать эти соображенія. Онъ прежде всего поставилъ то „общее начало“, что супруги обязаны жить вмѣстѣ; такъ какъ мужъ признается главою семейства, а жена обязана повиноваться мужу и пребывать къ нему въ неограниченномъ послушаніи, то естественно, что жена не имѣетъ никакихъ правъ на ребенка. Вслѣдствіе этого судъ и приговорилъ супругу Кармину къ немедленному возвращенію сына ея поручику Кармину. Понятно, что если бы Карминъ посредствомъ того же суда потребовалъ къ себѣ не только сына, но и жену,—то судъ точно также, несмотря ни на какія условія и паспорта, обязалъ бы и жену жить вмѣстѣ съ мужемъ.

Предположимъ для примѣра другіе случаи изъ семейной жизни, которые весьма часто встрѣчаются на практикѣ, и сопоставимъ ихъ съ вышеприведеннымъ рѣшеніемъ кассационнаго департамента.

Положимъ, что жена, желая отдѣлаться отъ мужа, покупаетъ у него свободу за извѣстное вознагражденіе, относительно чего и составляется условіе. Прежде, до введенія гласнаго судопроизводства, еслибы мужъ, воспользовавшись полученными деньгами жены, захотѣлъ вновь потребовать ее къ себѣ, то административная власть могла бы принять участіе въ судьбѣ жены и защитить ее отъ подбнаго рода обмана со стороны мужа. Теперь такое вмѣшательство администраціи невозможно, потому что мужъ всегда можетъ посредствомъ суда потребовать къ себѣ жену, несмотря ни на

какія условія и договоры. Въ новой судебной практикѣ было уже нѣсколько случаевъ, гдѣ мужъ, заключившій договоръ съ своей женою относительно отдѣльной жизни, *самъ же* признавалъ на судѣ этотъ договоръ недѣйствительнымъ, такъ какъ основное условіе брака заключается въ томъ, чтобы супруги жили вмѣстѣ.

Положимъ, что мужъ оставляетъ свою жену безъ всякихъ средствъ и начинаетъ жить отдѣльно. Жена не имѣетъ никакого права требовать отъ него содержанія; она только можетъ просить судъ о томъ, чтобы мужа заставили жить съ нею вмѣстѣ. Еслибы мужъ даже согласился исполнить требованіе суда (чего онъ можетъ, однакожь, и не исполнить, такъ какъ въ законѣ не указано, *какимъ образомъ можно заставить* мужа жить вмѣстѣ съ женою), но все-таки жена нисколько не гарантирована противъ того, что мужъ станетъ давать ей содержаніе лишь въ той мѣрѣ, чтобы только не заставить ее умереть съ голоду. Въ этомъ отношеніи жалобы отъ жены на мужа принимаются тогда только, когда мужъ начнетъ обращаться съ женою „жестоко“, особенно, когда станетъ наносить ей „увѣчья или раны“. Но противъ пытокъ и истязаній нравственныхъ, за которыми, разумѣется, услѣдить невозможно, законъ не устанавливаетъ никакого наказанія; такъ что еслибы, на примѣръ, мужъ, обладающій значительными денежными средствами, захотѣлъ держать свою жену, что называется, *въ черномъ тѣлѣ*, то жаловаться она на это не можетъ, потому что законъ въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ обязываетъ мужа содержать жену— „по состоянію и возможности своей“.

Если у супруговъ есть дѣти, то какъ бы ни былъ дурень отецъ и какъ бы ни было вредно его вліяніе на ихъ нравственное развитіе—жена не имѣетъ никакой возможности отдѣлится ихъ отъ отца. Тоже самое будетъ и въ обратномъ случаѣ, то есть, если безнравственна мать—хотя, впрочемъ, въ этомъ случаѣ положеніе мужа все-таки нѣсколько лучше, такъ какъ онъ, будучи „главой семейства“, можетъ распоряжаться дѣтьми и безъ согласія своей жены, слѣдовательно, различными способами можетъ въ значительной степени парализовать вредное вліяніе матери.

Всѣ эти и имъ подобные случаи, передъ гласнымъ судомъ, въ

виду вышеприведеннаго рѣшенія кассационнаго департамента, не могутъ быть разрѣшены никакимъ законнымъ путемъ. Относительно всѣхъ ихъ, судъ обязанъ руководствоваться тѣмъ общимъ началомъ, что „супруги обязаны жить вмѣстѣ“, что „мужъ есть глава своей жены“ и затѣмъ оставлять безъ вниманія всякія обстоятельства, подробности и условія, неподходящія подъ это общее и главное начало.

Понятно, что своимъ рѣшеніемъ кассационный департаментъ не установилъ новаго закона, не ввелъ никакого новаго элемента въ наше законодательство относительно „правъ и обязанностей, отъ супружества возникающихъ“. Онъ только очистилъ существующій законъ отъ всякихъ постороннихъ срображеній, разъяснилъ его настоящій смыслъ и поставилъ лицомъ къ лицу съ обществомъ, — онъ сдѣлалъ то самое, что дѣлалъ во множествѣ другихъ случаевъ, возстановляя во всей силѣ непримѣнявшіея вовсе или примѣнявшіеся неправильно законы.

Если бы мы захотѣли прослѣдить всю дѣятельность кассационнаго сената съ самаго начала его существованія, если бы мы сравнили примѣнявшіеся имъ законы съ тѣмъ, какъ они примѣнялись въ прежнее время, до образованія гласнаго суда, то нашли бы огромную разницу—до того огромную, что могло бы даже показаться, будто новый судъ ввелъ много новыхъ законовъ. Сравнивая толкованія и примѣненія законовъ судомъ новымъ и судомъ старымъ, мы замѣтили бы, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ старый судъ былъ несравненно строже новаго, а въ другихъ—несравненно снисходительнѣе. Но если бы мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, прослѣдили, при какомъ судѣ наше законодательство являлось въ своемъ настоящемъ видѣ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что утвердительный отвѣтъ получился бы относительно суда новаго. Такимъ образомъ, старый судъ, оказываясь то строже, то снисходительнѣе новаго, примѣнялъ законы *произвольно*, и хотя, на примѣръ, въ вопросѣ о семейныхъ отношеніяхъ онъ оказывался гораздо снисходительнѣе суда новаго, тѣмъ не менѣе это все-таки было „снисхожденіе“, которое въ одномъ случаѣ могло быть оказано, а въ другомъ нѣтъ, то есть, это былъ *произволъ*.

Естественно, что какъ бы ни оказывался иногда льготнымъ для той или другой части населенія произволъ судебной власти, все-таки, въ общемъ, пріятнѣе имѣть судъ хотя и болѣе строгій, но менѣе произвольный; поэтому, нѣтъ никакого основанія сожалѣть о томъ, что въ вопросѣ о семейныхъ отношеніяхъ старый судъ былъ слабѣе, а новый—строже. Эта строгость обуславливается волею не суда, а закона, которымъ судъ руководствуется.

Какой же однако оказывается выходъ изъ семейныхъ несогласій, въ виду строгости новаго суда? Что эти несогласія встрѣчаются на каждомъ шагу и часто кончаются весьма трагически — это знаетъ всякій, этого даже не отрицаетъ самъ кассационный департаментъ, говоря, что случаи отдѣльной жизни супруговъ „встрѣчаются въ жизни“. Кто теперь будетъ разбирать семейныя распри, которыя прежде улаживались при помощи администраціи и стараго суда?

Въ отвѣтъ на это можно прежде всего замѣтить, что въ рукахъ самого общества есть прекрасное и вполне вѣрное средство парализовать какіе угодно строгіе законы, касающіеся взаимныхъ отношеній между собою гражданъ, въ томъ числѣ отношеній мужей къ женамъ и обратно. Средство это—совсѣмъ не прибѣгать къ помощи суда. Законы, опредѣляющіе взаимныя отношенія людей, только тогда проявляютъ свою силу, когда этого требуетъ какая нибудь изъ сторонъ. Пока этого нѣтъ—законы, исключая только уголовныхъ, какъ бы вовсе не существуютъ. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ помощи суда, граждане имѣютъ полнѣйшее право устраивать между собою какія бы то ни было отношенія по своему собственному желанію, и судъ не станетъ вмѣшиваться въ эти отношенія до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не прибѣгнетъ къ его помощи. Поэтому, если, напримѣръ, супруги, чувствуя невозможность жить вмѣстѣ, захотятъ развѣхаться и покончатъ дѣло между собою миролюбиво, то никто не вправѣ заставлять ихъ жить подъ одной кровлей; слѣдовательно, они имѣютъ полную возможность устроить свою жизнь такимъ образомъ, какъ будто бы они жили среди самыхъ либеральныхъ и снисходительныхъ законовъ. Но, разумѣется, это возможно только тогда, когда люди, входящіе

между собою въ какія бы то ни было отношенія, въ томъ числѣ и брачныя, стоятъ не совсѣмъ на низкой степени развитія, и притомъ по возможности подходятъ близко другъ къ другу по своему образованію. Можетъ, напримѣръ, случиться, что такой-то мужъ совершенно здраво смотритъ на жизнь вообще и на семейную въ особенности; онъ готовъ миролюбиво покончить всякое разногласіе, возникающее въ его семьѣ, не прибѣгая для этого къ помощи суда. Но если жена не соглашается на такое мирное разрѣшеніе дѣла и непремѣнно захочетъ вести его судебнымъ порядкомъ, то мужъ волей-неволей долженъ будетъ подчиниться всей строгости существующихъ законовъ. Точно тоже случится, если на мѣстѣ такой жены будетъ стоять мужъ.

Конечно, мы еще слишкомъ далеки отъ того счастливаго времени, когда, если даже не все, то хоть значительная часть общества будетъ находиться на одинаковой степени развитія, при которой возможно не прибѣгать къ помощи закона, а, слѣдовательно, и суда, во взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою; слѣдовательно, еще очень долгое время существующія законодательства будутъ оказывать то или другое вліяніе на развитіе общества; поэтому нельзя не желать, чтобы положительныя законодательства каждой страны не останавливались на одной точкѣ, а развивались сообразно требованіямъ жизни и успѣхамъ наукъ. У насъ, въ Россіи, гласный судъ не можетъ не оказать нашему обществу значительныхъ услугъ въ этомъ отношеніи. Если прежде, при старомъ судопроизводствѣ, та или другая устарѣвшая статья закона могла безвредно существовать въ кодексѣ, такъ какъ ее удобно было обходить и не прилагать къ дѣлу, то теперь, при новомъ судѣ, это рѣшительно невозможно. Теперь каждая статья закона, какъ бы она несвоевременна ни была, если только она не вычеркнута изъ кодекса, можетъ быть каждую минуту примѣнена на дѣлѣ, и потому прямая выгода суда и общества заключается въ томъ, чтобы нашъ Сводъ заключалъ въ себѣ какъ можно меньше законовъ устарѣлыхъ и несоотвѣтствующихъ настоящимъ интересамъ общества. На несобходимость тщательнаго пересмотра нашего кодекса

«Дѣло», № 3.

указывает даже новое издание (1866 года) Уложения о наказаніяхъ. Изъ него, какъ мы упомянули выше, вычеркнуто много статей, которыя хотя и существовали въ Уложениі прежняго изданія, но никогда не примѣнялись на дѣлѣ. Это обстоятельство даетъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что пересмотръ нашего Свода не ограничится сдѣланными уже измѣненіями; факты новой судебной практики, по всей вѣроятности, будутъ указывать на необходимость измѣненій и въ другихъ частяхъ законодательства, между прочимъ въ главѣ X тома „о правахъ и обязанностяхъ, отъ супружества возникающихъ“.

П. Г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

До чего доходитъ страхъ правительства второй имперіи.—Путешествіе клерка въ комодъ его хозяина.—Богатая невѣста.—Дальновидный префектъ.—Господинъ и слуга поняли другъ друга.—Хорошая и дурная сторона энергической дѣятельности парижскаго визиря барона Гаусмана.—Алчность парижскихъ домовладѣльцевъ.—Остроумный способъ займовъ, придуманный Гаусманомъ.—Ростовщическіе подвиги общества поземельнаго кредита.—Законодательное собраніе просыпается.—Но умиленное сладкогласіемъ г. Руэ вновь засыпаетъ.—Наивные французы убѣждаются наконецъ, что законъ не про всѣхъ писанъ.—Безотвѣтственность французскихъ чиновниковъ и отвѣтственность императора.—Ликвидация движимаго кредита, или воровство въ обширныхъ размѣрахъ.—Вторая имперія скоро останется совсѣмъ безъ слугъ.—Смерть хранителя «свободы имперіи».—Официальная горестъ.—Безхарактерность Тролонга.—Печальная исторія паденія человѣческой личности.—Блестательное начало литературной дѣятельности Ламартина.—Необычайный энтузіазмъ, возбуждаемый его произведеніями.—Обожаніе Ламартина женщинами.—Политическая дѣятельность Ламартина.—Его необыкновенная популярность.—Его ошибки и неумѣнье удержаться на высотѣ популярности.—Ламартинъ падаетъ все ниже и ниже.—Послѣдніе годы его жалкой, печальной жизни.—Смерть Ламартина и послѣднее утѣшеніе для его друзей.

Одна маленькая газетка нѣсколько дней тому назадъ напечатала у себя карикатуру, возбудившую полицейское преслѣдованіе: всѣ экземпляры (нѣсколько тысячъ) этого нумера, которые только могла захватить полиція, были немедленно конфискованы. Карикатура изображала каменщика, свалившагося съ лѣсовъ и упавшаго головою внизъ, ногами къверху, въ известковый растворъ. Подъ нею не было никакой подписи; въ самомъ текстѣ газеты ни эпиграммы, ни сатирическаго очерка, разъясняющаго эту карикатуру. А

между тѣмъ эта, въ сущности, невинная картинка дала поводъ полиціи выказать ея ревность; правительство приняло карикатуру на свой счетъ и сочло себя оскорбленнымъ въ лицѣ одного изъ своихъ высшихъ чиновниковъ. По его разъясненію, путешествіе толстаго каменщика, выходящаго съ балкона городской думы на землю, кратчайшимъ путемъ, изображало символически недавнее пораженіе барона Гаусмана, сенскаго префекта.

Не только парижане, но и всѣ вообще французы возрадовались, узнавъ, что въ законодательномъ собраніи намѣрены хорошо потрепать сенскаго префекта, — этого великаго визиря, этого Османа-пашу, какъ его называютъ фамиллярно его подчиненные, — который, въ теченіи столькихъ лѣтъ, безъ всякаго контроля распоряжался собственностію и интересами парижанъ, дѣйствовалъ нисколько не церемонясь, лишь бы угодить своему повелителю и покровителю. Четырнадцать лѣтъ онъ распоряжался самовластно, руководствуясь только своей фантазіей и капризомъ; четырнадцать лѣтъ онъ бралъ изъ общественнаго кошелька, сколько рука захватить, растратилъ многіе милліоны, и только теперь надоумились потребовать у него отчетъ въ израсходованныхъ деньгахъ, и онъ, представъ передъ представителями націи, скромно произнесъ: „очень немного, господа, не изъ чего кипятиться, всего какіе нибудь полмилліарда затрачено мною!“

Баронъ Гаусманъ представляетъ собою вполне законченный типъ; онъ то, что въ Англии и въ Соединенныхъ штатахъ называется *representatif man*; онъ полнѣйшее и характеристическое олицетвореніе типа, созданнаго второй имперіей; онъ третья ступень власти — чиновника, отъ которой восходятъ ко второй — къ министру, а отъ этой къ первой — главѣ государства. Послѣ Наполеона — Руэ; отъ Руэ нисходятъ къ Гаусману; послѣ же Гаусмана ничего, рѣшительно ничего, ибо громадная масса, платящая подати, въ счетъ нейдетъ — она ничто. Гаусманъ составляетъ все, потому что въ сущности онъ совершеннѣйшее ничтожество; онъ могущественъ, потому что въ дѣйствительности онъ первый изъ рабовъ; онъ можетъ себѣ все позволить, потому что онъ безответственъ. Парижъ, громаднѣйшій Парижъ — игрушка въ рукахъ барона Гаусмана, потому

что самъ великій баронъ Гаусманъ не болѣе, какъ игрушка въ рукахъ Наполеона.

Этотъ человѣкъ, въ которомъ олицетворилась такъ полно вся прелесть чиновничества второй имперіи, началъ свою карьеру крошечнымъ клеркомъ у нотариуса въ Эльзасѣ. Здѣсь онъ присвоилъ себѣ 20,000 франковъ, найденные имъ въ конторѣ его патрона, которые тотъ долженъ былъ возвратить своему довѣрителю, и такъ ловко обдѣлалъ это дѣльце, что къ нему нельзя было привязаться. Такой продѣлкой дебютировалъ человѣкъ, чрезъ руки котораго впоследствии прошло три миллиарда общественныхъ денегъ, расходуемыхъ имъ безъ всякаго контроля. Заручившись 20 тысячами, молодой Гаусманъ потратилъ ихъ съ толкомъ: благодаря имъ онъ приобрѣлъ вліятельныхъ друзей, въ числѣ которыхъ были горничныя любовницъ правителей канцелярій министровъ, зятя депутатовъ и т. п.,—и съ ихъ помощью онъ получилъ мѣсто подпрефекта, въ царствованіе Луи-Филиппа. Въ главномъ городѣ этой префектуры въ то время проживалъ богатый арматоръ, пѣтистъ, построившій на свой счетъ диссидентскую капеллу. Его дочь считалась богатѣйшей невѣстой въ департаментѣ. Окунувшійся въ долги подпрефектъ рѣшился поправить свои разстроенныя дѣла великолѣпнымъ приданымъ и, съ своей обычной ловкостью, завладѣлъ имъ. Онъ пустилъ въ ходъ все свое искусство. Вспомнивъ, что родился въ протестантской странѣ, онъ рѣшился воспользоваться этимъ счастливымъ случаемъ; запасшись сочиненіями пѣтистовъ и перечитавъ ихъ внимательно, онъ воспылалъ ревностью къ протестантизму, отъ котораго онъ будто бы былъ отторгнутъ насильственно въ дѣтствѣ, и, для разъясненія своихъ недоумѣній, обратился къ мудрости арматора. Старый кальвинистъ сталъ въ себя отъ восторга; его самолюбію польстила скромность неофита и его тщеславіе было вполне удовлетворено, когда въ ближайшее воскресенье подпрефектъ, въ каретѣ, запряженной четырьмя лошадьми, съ ливрейнымъ лакеемъ, подѣхалъ торжественно къ кальвинистской капеллѣ. Вновь обращенный, разумѣется, былъ приглашенъ на чашку чая къ ревностному кальвинисту, строителю капеллы, скоро сблизился какъ съ отцемъ, такъ и съ дочерью, и въ

одинъ прекрасный день былъ подписанъ брачный контрактъ под-префекта съ богатой невѣстой, и Гаусманъ въ послѣдній разъ по-молился въ протестонтекой капеллѣ. Пуританинъ Гизо, узнавъ, что Гаусманъ взялъ за женой 800,000 франковъ, тотчасъ же назначилъ его префектомъ въ маленькій департаментъ Варъ, на границѣ Италіи. Вскорѣ за этимъ явилась республика 1848 года, и Гаусманъ поспѣшилъ заявить о своей преданности къ дѣлу республики. Ту же самую преданность онъ обѣщалъ принцу-президенту республики и послалъ ему превосходную лошадь и великолѣпное сѣдло. За эту своевременную поспѣшность онъ былъ награжденъ переводомъ въ обширный департаментъ Жиронды. Въ Бордо онъ открылъ генеральный совѣтъ рѣчью, начинающеюся такими словами: „Принцъ, мой государь, мнѣ приказалъ...“ Это случилось во время полного еще господства республиканскаго принципа, когда принца-президента титуловали просто: „гражданинъ“; поэтому рѣчь Гаусмана произвела скандалъ; самые робкіе буржуа, и тѣ даже смѣялись подъ самый носъ оратору; но не такъ посмотрѣлъ на него принцъ; тотъ и другой поняли другъ друга; они увидѣли, что ведутъ одну и ту же игру — игру авантюристовъ. Связь между ними сдѣлалась еще болѣе тѣсной, когда слишкомъ извѣстная маркиза, одна изъ фаворитокъ Морни, поселилась какъ разъ противъ дома бордоскаго префекта. Къ этому остается прибавить, что префектъ былъ хорошъ собой, славился очень красивой бородой, — остальное понятно. Едва совершился государственный переворотъ, Гаусманъ былъ назначенъ парижскимъ префектомъ, — этотъ постъ въ то время требовалъ преданнѣйшаго человѣка и считался однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ въ администраціи. Новое правительство, силой и измѣной захватившее власть, чувствовало себя слабымъ и боялось всякаго проявленія гражданской самостоятельности, а потому слѣдовало осуществить множество проектовъ съ цѣлью сдѣлать невозможнымъ всякое возстаніе и утвердить имперію на неизблемомъ основаніи. Слѣдовало разрушать и вновь строить, чтобы дать рабочимъ необходимую работу, и дать ее не только для заработной платы, но и для самой работы. „Когда есть работа, есть и спокойствіе“,

сказалъ въ 1848 году каменьщикъ Надо, и его слова теперь охотно повторялъ министр внутреннихъ дѣлъ. Рѣшено было окончить Лувръ и превратить его въ обширную цитадель; перестроить кварталы съ узкими улицами; уничтожить старую мостовую, годную для баррикадъ, и замѣнить ее другой, которая по своимъ свойствамъ никакъ не могла бы служить для этой цѣли; постараться высокой наемной платой квартиръ удалить изъ центра города въ предмѣстья рабочихъ и мелкихъ буржуа, — парижское населеніе по преимуществу, которое занимается политикой и всегда способно схватиться за ружье и выйти на улицу; надобно было, однимъ словомъ, измѣнить характеръ Парижа и превратить революціонный городъ въ городъ удовольствій, въ всесвѣтный караванъ-сераль, привлекающій къ себѣ всѣхъ праздными наслажденіями и дорогими баядерками. Для осуществленія такого-то плана и былъ вызванъ въ Парижъ Гаусманъ. Рассказываютъ, что въ одно изъ первыхъ свиданій императора съ Гаусманомъ, явившимся къ нему, какъ официальное лицо, сенскій префектъ, какъ его величество, изясняя свои предположенія, чертилъ краснымъ карандашомъ по плану города Парижа.

— Мнѣ здѣсь нужна дорога для пушекъ изъ Венсена, сказалъ императоръ, — здѣсь другая для артиллеріи, передвигающейся отъ Валеріановой Горы; здѣсь надобно построить казарму на 10,000 человекъ, здѣсь другую, третью, четвертую, пятую; нужно, чтобы всѣ онѣ были соединены между собою стратегическими шоссе въ 50 метровъ ширины...“

— Осмѣлюсь доложить вашему величеству, что для такого колоссальнаго дѣла мы имѣемъ слишкомъ ничтожный бюджетъ, — какихъ нибудь сотню милліоновъ въ годъ, и этотъ бюджетъ имѣетъ уже свое назначеніе, такъ что...

— Но я еще не кончилъ, продолжалъ императоръ, — я желалъ бы совѣмъ перестроить старый Парижъ, переселить оттуда всѣхъ его жителей и превратить Ситэ, этотъ старинный кварталъ бунтовъ, въ укрѣпленный лагерь, гдѣ бы мы могли помѣстить главную силу нашей арміи: мы оставимъ въ немъ соборъ, суды, полицію, тюрьмы, госпиталь, и построимъ тамъ казарму для кавалеріи,

казарму для артиллеріи, казарму для пѣхоты, казарму для національной гвардіи...

— Государь! Умилосердитесь! Эта гигантская перестройка потребуетъ необъятныхъ суммъ!..

— Г. Гаусманъ, отвѣчалъ императоръ, сурово его прерывая, — я считалъ васъ человѣкомъ опытнымъ и знающимъ. Неужели я ошиба! Что мнѣ за дѣло до вашихъ бюджетовъ. Если у васъ нѣтъ денегъ — найдите ихъ. Я хочу перестроить Тюльери. Я на-мѣренъ выстроить новый оперный театръ. Я хочу...

Гаусманъ, какъ человѣкъ неглупый, понялъ въ чемъ дѣло: онъ увидѣлъ, что надо доставать денегъ, а какими путями — это все равно, лишь бы желаніе падишаха было исполнено. Ему давали открытый листъ — чего же болѣе. Правда, такое полномочіе едва ли возможно даже въ Турціи или въ Бухарѣ, но для второй имперіи все считалось дозвольтельнымъ. И вотъ Гаусманъ ревностно принялся за дѣло; прикрываясь знаменемъ общественной пользы, и потому не обращая никакого вниманія на многочисленные протесты, онъ пошелъ ломать, строить, переносить; не пощадилъ даже и мертвецовъ — и ихъ переселилъ на другое мѣсто.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти перестройки и новыя постройки, стоящія громадныхъ суммъ, были совсѣмъ бесполезны; нѣтъ, многія изъ нихъ принесли дѣйствительную пользу. И это было причиной, почему самовластіе сенскаго префекта сносили такъ долго безъ всякаго ропота. Новыя дороги, пересекающія Парижъ, служатъ одинаково, какъ стратегическимъ, такъ и коммерческимъ цѣлямъ: если удобно по нимъ везти пушку, то не менѣе удобно перевозить возъ съ тяжестями. Если число частныхъ садовъ уменьшилось, за то Гаусманъ разбилъ нѣсколько миленькихъ публичныхъ скверовъ. Что же касается стараго Парижа, то о немъ, безъ сомнѣнія, пожалѣютъ археологи, но мы, во всякомъ случаѣ, отдадимъ предпочтеніе новенькому, чистенькому, хорошо освѣщенному дому передъ старой, неудобной, грязной машиной, какою смотрѣли старинные дома. Если мы не можемъ восхищаться огромными форменными домами, построенными въ стилѣ Гаусмана или въ казарменно-буржуазномъ, то грязь и нечистота, составлявшія непре-

мѣнную принадлежность старинныхъ улицъ, способны еще менѣе возбуждать нашу симпатію. Насъ также мало трогаетъ ропоть, поднятый либеральной буржуазіей противъ распоряженій о сносѣ домовъ, хотя за нихъ щедро выплачивалось; тѣмъ болѣе мы не станемъ проливать слезъ, читая чувствительныя статьи либеральныхъ газетъ объ оскорбленіи мертвыхъ, по востаямъ которыхъ проложены новыя дороги; мы готовы даже воздать похвалу сенскому префекту за то, что онъ бросилъ нѣсколько милліоновъ на украшеніе Булонскаго и Венсенскаго лѣса; сколько бы ни кричали противъ этого либеральные буржуа, а мы знаемъ, что эти милліоны не пошли за даромъ, и парижское бѣдное населеніе можетъ по воскресеньямъ дышать свѣжимъ воздухомъ, что чрезвычайно полезно ему въ гигиеническомъ отношеніи. Но намъ не нравится, что громадныя суммы совершенно непроизводительно затрачены на казармы, розданы духовенству, пошли на излишнія украшенія Тюльери, на оперу, на балы и обѣды въ городской думѣ, на обогащеніе чиновниковъ и подрядчиковъ, безсовѣстно расхищавшихъ общественную казну. Визирь виновенъ не въ томъ, что онъ дѣлалъ все худо, а въ томъ, что онъ тратилъ слишкомъ много и его владычество обошлось слишкомъ дорого парижанамъ.

Точно также мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми господами, которые обвиняютъ Гаусмана въ частомъ и безцеремонномъ примѣненіи на практикѣ закона объ экспроприаціи, отчего будто бы постоянно колебалась цѣнность недвижимыхъ имуществъ. Мы готовы скорѣе согласиться съ тѣми господами, которые желаютъ, чтобы парижская община примѣнила этотъ законъ ко всѣмъ владѣльцамъ домовъ въ Парижѣ, скупила бы все дома за выпущенныя облигаціи и потомъ погашала бы эти облигаціи и выплачивала по нимъ проценты сборомъ съ съемщиковъ квартиръ. Эта мѣра, разумѣется, не понравилась бы домохозяевамъ, но жильцы остались бы въ большомъ выигрышѣ, такъ какъ тогда они избавились бы отъ деспотизма этихъ ненасытныхъ рантье, непрерывно увеличивающихъ и безъ того высокую наемную плату за квартиры. На парижскихъ домохозяевъ жалуются одинаково и рабочіе, и фабриканты, и потребители, и торговцы, и промышленники. Если торговля идетъ

успѣшно года два, три; если въ пансіонѣ для дѣвицъ прибываютъ пансіонерки,—является къ нимъ домохозяинъ и набавляетъ цѣну за квартиру на 10, на 20 и даже на 30 процентовъ. „Вы зарабатываете теперь больше, такъ платите и мнѣ больше!“ Проведутъ ли въ сосѣдствѣ новую улицу, устроится ли по близости новое промышленное заведеніе—это служить достаточнымъ предлогомъ для домовладѣльца увеличить наемную плату за квартиры. Такъ что нынче, какъ только зайдетъ вопросъ о какомъ либо улучшеніи въ сосѣдствѣ, всѣ жильцы данной мѣстности дрожатъ отъ ужаса, ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ явится ихъ эксплуататоръ и начнетъ вымогать новую прибавку къ наемной платѣ. Если въ Парижѣ откроютъ водопроводъ, который будетъ стоить его жителямъ 10 милліоновъ, тотчасъ же наемная цѣна квартиръ повысится на цѣлый милліонъ. Какъ только въ какомъ нибудь кварталѣ произведутъ солидныя улучшенія, всѣ бѣдняки, здѣсь обитающіе, должны переселяться въ кварталы, обставленные несравненно хуже. По мѣрѣ украшеній, по мѣрѣ улучшеній, въ Парижѣ съ каждымъ днемъ становится жить все труднѣе и труднѣе: реальная нищета усиливается пропорціонально увеличенію наружной пышности. Иностранцы, прожившіе нѣсколько дней во всемірномъ караванъ-сералѣ, въ гаремѣ стараго и новаго свѣта, неприятно поражаются счетами, подаваемыми имъ въ гостиницахъ, они жалуются, что ихъ обираютъ со всѣхъ сторонъ; но они и не видятъ прозаическихъ заботъ населенія, которое, повидимому, только и думаетъ о томъ, какъ бы позабавиться; они не подозреваютъ о тѣхъ страданіяхъ, которыя выпадаютъ на долю мелкаго буржуа и рабочаго, о тѣхъ жизненныхъ неудобствахъ, которыя терпитъ большая часть парижанъ; и только развѣ двадцатая часть населенія наслаждается жизнью. Самый прибыльной промыслъ—капиталиста; самый легкій—домохозяина. Посмотрите, въ Лондонѣ, епископъ Тэтъ, архимилліонеръ, онъ не работаетъ, онъ сидитъ себѣ спокойно на мѣстѣ, и получаетъ свой доходъ съ работниковъ и прядильщиковъ. Или маркизъ Вестминстеръ, имѣющій въ день 25,000 рублей сер. дохода; онъ собираетъ его съ наемщиковъ и арендаторовъ, которые собственными трудами на его земляхъ возвели по-

стройки и живутъ въ нихъ. Сенскій префектъ гордится, что его стараніями цѣнность недвижимаго имущества въ Парижѣ увеличилась на три миллиарда; онъ говоритъ, что въ тотъ день, когда онъ вступилъ въ должность, Парижъ стоилъ два миллиарда, а теперь стоитъ пять. Мы не думаемъ, чтобы цифры были преувеличены, но полагаемъ, что и цѣны за наемъ квартиръ возрасли въ той же пропорціи, такъ что тѣ жильцы, которые нѣкогда платили за свою квартиру 200 франковъ, платятъ теперь 500; отсюда видно, какъ справедливы жалобы съемщиковъ, утверждающихъ, что, въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ, наемная плата за квартиры болѣе чѣмъ удвоилась. Результаты были бы совсѣмъ иные, если бы вмѣсто открытія дорого стоящихъ бульваровъ, устроили подземныя желѣзныя дороги. Въ нихъ встрѣтилась неотлагательная необходимость въ Лондонѣ; онѣ не менѣе нужны теперь и въ Парижѣ, гдѣ торговля постоянно усиливается, и гдѣ omnibusъ въ извѣстные дни и въ извѣстные часы не въ состояніи удовлетворить всѣхъ путешественниковъ, гдѣ путь съ одной окраины города до другой равняется полутора часамъ. Составилось было нѣсколько компаній для проведенія подземныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Парижѣ, но на всѣ ихъ просьбы объ утвержденіи концессій постоянно получался холодный отказъ. Однакоже въ началѣ своего правленія, префектъ было согласился на постройку одной такой дороги, но скоро одумался и велѣлъ засыпать вырытые рвы и траншеи. Видите-ли, желѣзныя дороги уменьшаютъ значеніе бульваровъ и стратегическихъ дорогъ, которые теряютъ свое обаяніе кажущейся пользы; вѣдь въ виду была не она, а наружный блескъ, наружная красота. Парижской администраціи, съ Гаусманомъ во главѣ, захотѣлось уподобиться Августу, который сказалъ: „я получилъ Римъ кирпичный, а передаю его мраморнымъ“. Бонапартистская система вездѣ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, вѣрна самой себѣ: ослѣплять француза, удивлять иностранца наружнымъ блескомъ и великолѣпьемъ, вѣшнимъ величіемъ: казаться, но не быть.

Но какъ ни увертывался безконтрольный чиновникъ, а пришлось-таки отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, пришло время представленія счетовъ на повѣрку. По закону мэръ председательствуетъ

въ совѣтъ, избранномъ всеобщей подачей голосовъ, и городская администрація отвѣтственна предъ гражданами. Но для парижскаго префекта этого закона какъ бы не существовало. Онъ составилъ городской совѣтъ изъ членовъ, которыхъ самъ избиралъ и самъ увольнял; они имѣли только одно право: скромно соглашаться со всѣмъ, что угодно г. префекту. Каждый годъ бюджетъ города Парижа публиковался, но къ обыкновенному бюджету всегда прибавляли бюджетъ экстраординарный, бюджетъ дополнительный, бюджетъ объяснительный и пр., и всѣ эти финансовыя тонкости такъ запутывали плательщиковъ податей, что они ничего не могли понять и вѣрили на слово, когда имъ объясняли, что благосостояніе города усиливается и его доходы постоянно возрастаютъ. Опираясь на это быстрое и постоянное обогащеніе, Гаусманъ занялъ сотни милліоновъ, привлекая большой преміей и лотерейными выигрышами покупателей на фонды; изъ тѣхъ же чиновниковъ и мелкихъ собственниковъ, которые подписывались на мексиканскій заемъ, явились подписчики и на займы гаусмановскіе; они толпами стекались въ мэрію, несли туда свои кровныя денежки и взамѣнъ получали бумажные знаки, изъ коихъ мечтали извлечь громадныя барыши. Однакоже займы въ 100, 200 и даже въ 500 милліоновъ за разъ, нельзя было дѣлать безъ санкціи закона, слѣдовательно безъ утвержденія законодательнымъ собраніемъ, гдѣ засѣдаютъ нѣсколько болтуновъ членовъ оппозиціи; возникли пренія, всеобщее вниманіе было возбуждено; заявлено нѣсколько неприятныхъ интерпелляцій; сначала шушукали, а потомъ стали говорить громко, что за предполагаемымъ благосостояніемъ города скрываются недостойныя злоупотребленія, ужаснѣйшее мотовство. Въ салонахъ, на имперіалахъ дилижансовъ громко передавались рассказы о спекуляціяхъ, въ которыя вдался префектъ, покупающій будто бы за свой счетъ отчуждаемая земли съ цѣлію ихъ потомъ перепродавать съ большимъ барышемъ; толковали о его почти королевской роскоши, о его непростительномъ развратѣ, и наконецъ заключили, что онъ накралъ многое множество. Какъ и всегда бываетъ, за первыми толками послѣдовали новыя открытія: стало извѣстно, что префектъ, желая избѣжать сношеній съ законодательнымъ собраніемъ

по поводу заключенія новыхъ займовъ, рѣшился обратиться къ болѣе легкому способу добычи денегъ: онъ вошелъ въ сдѣлку съ разнаго рода подрядчиками, снявшими у него подряды на ломку и постройку зданій, писалъ на ихъ имя векселя и, получивъ ихъ бланки, представлялъ эти векселя для дисконта или банкирамъ или въ извѣстныя кредитныя учрежденія, — одно общество поземельнаго кредита отпускало ему подъ такіе документы по 50 милліоновъ франковъ. Понятно, что Гаусманъ, заключая подобныя займы, поступалъ противозаконно; въ такой же мѣрѣ виновны и бланкодатели и дисконтеры: они очень хорошо знали, съ какою цѣлью производилась эта операція, но они оправдывали себя большими выгодами, какія давала имъ спекуляція; а какъ были выгодны подобныя займы для города, видно изъ того, что поземельный кредитъ учитывалъ векселя по 13 въ годъ, что, впрочемъ, далеко превышало норму дисконта, опредѣленную его уставомъ, потому проценты эти передъ закономъ были лихвенные; присоедините сюда 4 процента — плату бланкодателямъ и другіе расходы, неизбѣжныя при подобныхъ займахъ; припомните, что учетные проценты вычитались впередъ изъ капитальной суммы за все время, на которое дѣлался заемъ, и вы увидите, какими быстрыми шагами шелъ къ банкротству городъ Парижъ, подталкиваемый своимъ пресловутымъ префектомъ, барономъ Гаусманомъ. Пояснимъ примѣромъ: Гаусману необходимъ милліонъ; онъ дѣлаетъ векселя на два года и представляетъ ихъ въ поземельный кредитъ: отсюда получаетъ за вычетомъ 26 процентовъ, — 740,000, изъ которыхъ долженъ еще вычесть предварительные расходы 40,000 — остается 700,000, и за нихъ черезъ два года надо возвратить милліонъ. 300,000 преміи, уплаченной на полученный капиталъ 700,000 — составляютъ 42,8 процентовъ въ два года, или на годъ 21,4. Выгодная операція! И такимъ образомъ занять не одинъ милліонъ, а цѣлыя десятки!

Но что замѣчательно, всѣ эти операціи производились въ глубочайшей тайнѣ и вышли наружу только во время дебатовъ въ законодательномъ собраніи. Разумѣется, такой наглый обманъ возмутилъ даже это собраніе, и пренія отличались страстностью, хотя ора-

торы мало были приготовлены къ нимъ, не имѣя возможности собрать точныя свѣденія о дебутируемомъ предметѣ. Многіе необходимыя документы напечатаны въ контрольномъ отчетѣ, но правительство всѣми средствами старалось замедлить выпускъ его въ свѣтъ. Въ законодательномъ собраніи государственный министръ рѣшился даже отвергать существованіе этихъ документовъ, но былъ уличенъ во лжи Тьеромъ, который показалъ ему экземпляръ отпечатаннаго отчета. Въ началѣ преній гг. министры говорили слишкомъ высокоумнымъ тономъ. Въ первый день правительственный ораторъ выступилъ не только надменно, но его рѣчь отличалась самой рѣшительной наглостію; онъ гремѣлъ о безгрѣшности и неподкупности Гаусмана-паши; онъ заявилъ, что этотъ благонамѣреннѣйшій чиновникъ во все продолженіе своей полезной службы не сдѣлалъ ни одной ошибки. На третій день второй правительственный ораторъ уже спустилъ тонъ; онъ упомянулъ уже о нѣкоторыхъ ошибкахъ, о довѣрчивости добраго администратора. На пятый день великій Руэ призналъ незаконность дѣйствій Гаусмана; онъ просилъ о его помилованіи, онъ выставлялъ облегчающія обстоятельства. Онъ останавливался въ корридорахъ депутатовъ и каждому изъ нихъ порознь говорилъ: „я васъ прошу, оправдайте Гаусмана, не ради его, — онъ этого не заслуживаетъ, — а потому, что если вы неудовлетворите мою просьбу, Гаусманъ принужденъ будетъ оставить префектуру, я самъ возьму отставку, и имперія будетъ потрясена въ своихъ основаніяхъ!“

Ради чего произошла такая перемѣна въ тонѣ защитниковъ Гаусмана? Съ каждымъ днемъ дѣлались все новыя и новыя открытія; директоръ поземельнаго кредита взошелъ на трибуну и объявилъ, что общество готово возвратить городу 17 милліоновъ, полученныхъ имъ лихвенно по операціямъ съ Гаусманомъ; въ Парижѣ и во всей Франціи раздались крики изумленія и негодованія; — вотъ ради такого-то неблагоприятнаго поворота общественнаго мнѣнія правительство спустило тонъ и ударило въ отступленіе. Но счастье опять перевернулось.

Умиленное кроткой мольбой государственнаго министра, уstraшенное своей собственной дерзостію, результатомъ которой могъ

быть административный катаклизмъ и опасность для самой имперіи, большинство кончило тѣмъ, что приняло проэктъ закона, предложенный правительствомъ. Оно даровало амністію Гаусману, оно утвердило ростовщическій заемъ, заключенный городомъ, оно не обязывало поземельный кредитъ возвращать незаконно захваченные милліоны; оно предало забвенію всё мерзкія дѣлишки и окончательно санкціонировало порядокъ, при которомъ чрезвычайный бюджетъ избѣгалъ контроля какъ парижской общины, такъ и законодательнаго собранія, хотя по письменному статуту онъ ему принадлежитъ. Но и обыкновенный бюджетъ также мало подчиненъ этому контролю, и парижане избавлены отъ всякой заботы о своихъ дѣлахъ во имя пользы имперіализма, подобно тому, какъ римляне избавлены отъ нея во имя пользы католичества. Этотъ незаконно-рожденный порядокъ искажаетъ и нарушаетъ - всё принципы и утверждаетъ на мѣсто дѣйствительнаго контроля какой-то призрачный, мечтательный, неимѣющій никакого смысла въ примѣненіи на практикѣ. Законъ милостиво даровалъ Парижу муниципальный совѣтъ, неимѣющій никакой реальной власти и годный только для того, чтобы своимъ согласіемъ утверждать всё злоупотребленія гаусмановской администраціи. Но этого показалось мало, и мудрые законодатели рѣшили, что о парижскихъ дѣлахъ гораздо приличнѣе толковать депутатамъ Арманьяка и Руссильона, чѣмъ самимъ парижанамъ, и вотъ законодательное собраніе занимается обсужденіемъ вопроса объ освѣщеніи парижскихъ улицъ! Неправда ли, какъ это разумно! Оно, правда, совершенно логично съ точки зрѣнія деспотизма, доводящаго до крайности централизационную идею.

Гаусмановское дѣло окончено, по крайней мѣрѣ, на время. Оно открыло, что сенскій префектъ дѣлалъ безразсудныя затраты, разорялъ городъ и довелъ его почти до совершеннаго банкротства. Но денежный вопросъ, въ сущности, вопросъ второстепенный; не большая важность убѣдиться, что если бы вмѣсто гаусмановской дѣйствовала другая, болѣе честная администрація, но она издержала бы милліардомъ или милліардомъ и двумя стами милліоновъ менѣе. Если бы дѣло шло объ одномъ денежномъ вопросѣ, пренія не могли бы быть такъ страстны, общественное мнѣніе не раздражалось

бы такъ лихорадочно; ораторамъ не въ чему бы было примѣшивать идею о паденіи Франціи въ разсказу о механизмѣ, посредствомъ котораго дисконтировались векселя, или въ толкамъ о лихвенныхъ процентахъ, взятыхъ обществомъ поземельнаго кредита. Вопросъ заключался даже и не въ томъ, будутъ ли возвращены городу, съ которымъ обращаются, какъ съ рабомъ,—его права, не взирая на знаменитое *никогда*, торжественно произнесенное Руэ, и не менѣе извѣстное, какъ *никогда*, провозглашенное послѣ Ментаны. Представители націи хотѣли знать, писанъ-ли законъ для всѣхъ одинаково, или для старшихъ чиновниковъ одни законы, а для прочаго нечиновнаго люда другіе? И на этотъ запросъ воспослѣдовалъ отвѣтъ, что законы имперіи не что иное, какъ паутина, въ которую попадаютъ мухи и комары, но трутни и шмели пробиваютъ ее совершенно свободно.

Вотъ все, что можно вывести изъ этихъ дебатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они ознаменовались многими неожиданностями; по крайней мѣрѣ, за день до пачала преній едва ли можно было опредѣлить роль, какую придется играть правительству въ этомъ вопросѣ. Въ началѣ преній, какъ мы замѣтили выше, правительство выказало гордость, надменность, даже наглость; оно увѣряло, что никакой ошибки не было сдѣлано, что всѣ дѣйствія администраціи были правильны и искренни. Самъ Руэ рѣшился сдержать бурю; гнѣвъ и презрѣніе выражались въ его лицѣ. Въмостившись на правительственный пьедесталъ, онъ держалъ себя передъ палатой не какъ адвокатъ передъ судьями, тѣмъ болѣе не какъ обвиняемый, по какъ господинъ передъ слугами. На обвиненія онъ отвѣчалъ оскорбленіями. Онъ называлъ лжецомъ депутата изъ большинства, высказавшаго предположеніе, что глава государства незнакомъ съ подробностями дѣйствій префекта. Руэ третировалъ недовольныхъ, какъ бунтовщиковъ; онъ угрожалъ депутатамъ, что лишитъ ихъ на будущихъ выборахъ официальной поддержки, если они осмѣлятся вотировать противъ правительства. Но когда онъ замѣтилъ, что палата только вполонину устращена, и что противники увеличиваютъ свои силы и нападаютъ все съ большею яростію,—онъ самъ почувствовалъ страхъ. Онъ сталъ подражать охотнику, преслѣдуе-

тому волками, который, видя, что враги настигаютъ его, начинаетъ выкидывать изъ своей повозки сначала убитую имъ дичь, потомъ взятую на охоту провизию, затѣмъ свой плащъ, наконецъ разстается съ собакой и готовъ пожертвовать которойнибудь изъ лошадей. Также точно долженъ былъ поступить и поступилъ теперь Руэ: сперва онъ выбросилъ одного за другимъ государственныхъ чиновниковъ, затѣмъ 17 милліоновъ, украденныхъ обществомъ поземельнаго кредита, потомъ пожертвовалъ своимъ товарищемъ, Форкадомъ-де-ла Рокетомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, и, наконецъ, вынужденъ былъ отступить отъ самого великаго Гаусмана. Увы! онъ призналъ виновность Гаусмана, согласился, что тотъ дѣйствовалъ вопреки закона и обѣщаль, что подобное отступленіе отъ постановленій болѣе не повторится. Но замѣтивъ, что и этихъ уступокъ недостаточно, Руэ, въ одну прекрасную ночь, перебѣгалъ отъ одного депутата къ другому и просилъ ихъ, умолялъ: „будьте осторожны, Гаусманъ получилъ полномочіе отъ самого императора; если вы обвините сенскаго префекта, тѣмъ самымъ вы обвините императора, а если вы обвините императора, — тогда прощай имперія! Если вы свергнете префекта, вы, въ тоже время, свергнете меня; а, вы знаете, я поддерживаю все зданіе; если я упаду, все поколеблется, и вы также погибнете!“ Въ эту ночь и слѣдующее утро агитація усиливалась и звѣзда имперіи блѣднѣла съ каждымъ часомъ. Еще болѣе сталъ умолять Руэ, и размягчались сердца даже у многихъ изъ тѣхъ, которые порицали Фреми, обвиняли Гаусмана. Всеобщее голосованіе дало неожиданные результаты: противъ правительственнаго билля оказалось только 47 голосовъ. Руэ одержалъ побѣду, но — ой — какъ дорого стоила ему эта побѣда!

Гаусманъ остался пашею сенскаго пашалыка; Фреми — директоромъ игорнаго дома, т. е. общества поземельнаго кредита; Руэ — государственнымъ министромъ; а Наполеонъ — императоромъ французамъ. По наружности ничего не измѣнилось въ прежнемъ порядкѣ. Гаусманъ, Руэ и Фреми будутъ управлять, а императоръ царствовать на прежнихъ основаніяхъ. Имперія по прежнему не станетъ стѣсняться законностію, по прежнему она будетъ чувствовать нерасположеніе къ честности. Да и какъ же можетъ быть иначе, когда

законодательное собраніе торжественно оправдываетъ воровство высшихъ чиновниковъ и нарушеніе ими законовъ! Но вѣроятно оно поступило такъ въ порывѣ великодушія и добродушія!

Не всегда однакоже во Франціи попираютъ законъ во имя великодушія. Недѣли четыре тому назадъ, нѣсколько бригадъ жандармовъ, съ префектомъ и подпрефектомъ во главѣ, осадили хижину бѣдняка браконьера, нежелавшаго возвратити правительству трехъ кроликовъ. Браконьеръ защищался выстрѣлами изъ ружья; объѣздная команда зажгла хижину и уничтожила нищенское имущество непоколебимаго бунтовщика; самого его взяла въ плѣнъ и заперла въ тюрьму. Когда дѣло идетъ о лѣсномъ мародерѣ, о бѣднягѣ, безъ сапогъ, въ дыравомъ рубищѣ, тогда мы умѣемъ показать силу закона. Если же приходится обвинить поземельный кредитъ, присвоившій себѣ незаконно 17 милліоновъ, или префекта, бросившаго неизвѣстно куда 500 милліоновъ общественныхъ денегъ, тогда мы ослабляемъ законъ, мы подрѣзаемъ у него крылья. Знаменитая 75 статья конституціи VIII года гласитъ, что чиновникъ можетъ быть преслѣдованъ не иначе, какъ съ разрѣшенія государственнаго совѣта, который всегда найдетъ предлогъ не дать такого разрѣшенія. А если бы законодательное собраніе вздумало вмѣшаться въ это дѣло, то и на этотъ счетъ имѣется загвоздка и собраніе останется съ носомъ. Такимъ образомъ чиновники суть небольшіе папы, прикрытые безотвѣтственностію и, слѣдовательно, непогрѣшимостію. Потому, что императоръ одинъ отвѣтственъ, всѣ прочіе считаютъ себя внѣ отвѣтственности: и министры, и префекты, и директоры поземельнаго кредита, и подпрефекты, и столоначальники, и императорскіе прокуроры и пр. А въ какой же мѣрѣ отвѣтственъ императоръ Наполеонъ? Онъ отвѣтственъ настолько, насколько можетъ быть отвѣтственъ человекъ, командующій 1,200,000 штыковъ и 1200 пушекъ. Такой человекъ можетъ стать отвѣтственнымъ только тогда, когда его побѣдятъ, разбивъ на голову, а до тѣхъ поръ его отвѣтственность равняется полнѣйшей безотвѣтственности. Если бы императоръ Наполеонъ былъ настолько откровененъ, что сказалъ бы прямо: „мои агенты отвѣтственны только предо мной, а я передъ однимъ Богомъ“, — и

такое объясненіе было бы одобрено большинствомъ націи, тогда онъ сталъ бы подъ прикрытіе религіи и его личность стала бы священна. Но въ упоеніи успѣхомъ голосованія въ его пользу послѣ государственнаго переворота, онъ заявилъ, что будетъ „управлять на основаніи безсмертныхъ принциповъ 1789 года“, и, какъ избранный на тронъ волею народа, считаетъ себя отвѣтственнымъ передъ цѣлою націею. Это была большая неосторожность. Нѣтъ сомнѣнія, онъ полагалъ, что подписываетъ документъ, по которому уплата назначена на томъ свѣтѣ, но увы! онъ горько ошибся: уплата близка и очень близка, и произвести ее придется не на томъ, а на этомъ свѣтѣ и наличными!

Пренія по гаусмановскому дѣлу, какъ мы сказали, выяснили ту истину, что во Франціи не всѣ французы равны передъ закономъ. Для высокихъ и могущественныхъ сеньоровъ здѣсь законъ не писанъ: они неотвѣтственны. Отвѣчаетъ одинъ императоръ за всю имперію въ совокупности. Если Руэ сотворилъ какую нибудь пакость, за нее отвѣчаетъ Наполеонъ. Если обвиняютъ въ злоупотребленіяхъ Гаусмана, Фреми, подпрефекта, прокурора, секретаря, столоначальника, канцелярскаго, — за все и про все отвѣчаетъ Наполеонъ III, а они остаются въ сторонѣ.

Почти никто во Франціи до сихъ поръ не зналъ этого, но теперь, благодаря Руэ и Гаусману, начинаютъ догадываться. Когда же всѣ узнаютъ это и убѣдятся....

Старшій братъ поземельнаго кредита, — знаменитѣйшее финансовое учрежденіе второй имперіи, общество движимаго кредита въ настоящее время ликвидируетъ свои дѣла. Графъ Жермини, которому поручено это дѣло, представилъ акціонерамъ подробный отчетъ о положеніи дѣлъ въ обществѣ. Пассивъ этого общества, соединившагося съ компаніей недвижимаго кредита (въ теченіе 10 лѣтъ

покупавшей дома; продававшей, разрушавшей и строившей Парижъ подъ покровительствомъ Гаусмана),— составляетъ пустычный итогъ: только 500 милліоновъ франковъ. Что касается актива, то изъ отчета трудно вывести заключеніе, какъ велика его сумма; счета такъ запутаны, что графъ Жермини совѣтовалъ акціонерамъ оставить въ покоѣ этотъ несчастный активъ и не заниматься имъ болѣе. Итакъ ухлопано 500 милліоновъ акціонерныхъ денегъ! Десять землетрясеній въ Лиссабонѣ не причинили столькохъ потерь пострадавшимъ отъ нихъ. Въ свое утѣшеніе, акціонеры узнали, что администраторы обществъ богаты и очень богаты. Они страшно разбогатѣли, раззоривъ акціонеровъ, и за то, какъ же благосклонно они смотрятъ на своихъ овечей, которыхъ остригли и даже vybrили; они великодушно отдають имъ изъ своихъ кармановъ 36 милліоновъ на поправку, съ условіемъ, чтобы болѣе не было произнесено ни одного слова объ управляемыхъ и раззоренныхъ ими обществахъ.

Вотъ какимъ образомъ оканчиваютъ компаніи, которымъ вторая имперія дала жизнь, которыя надѣлали столько шума своимъ возникновеніемъ и своими финансовыми операціями, и на которыя въ лѣтописяхъ официальной исторіи указывается, какъ на самыя блистательныя проявленія экономическаго гениа имперіи Наполеона III!? Дѣйствительно блистательное проявленіе гениальности: за 500 милліоновъ акціонеры получаютъ 36, т. е. 7 за 100! А было время когда 500-франковыя акціи этого общества покупались за 2000 франковъ, и въ числѣ раззоренныхъ акціонеровъ, вѣроятно, есть многіе, которые заплатили эту сумму, они получаютъ 7 уже не за сто, а за 400, или $1\frac{3}{4}$ за 100. Какое пораженіе! Какое паденіе! Какъ быстро состарилась вторая имперія! Она пережила себя!

Одинъ за другимъ сходятъ со сцены основатели и организаторы второй имперіи; они исчезаютъ и никѣмъ не замѣняются. Умеръ элегантный Морни, душа государственнаго переворота; умерли безсо-

вѣстные Арно и Эспинасъ,—двѣ декабрьскія сабли; умеръ жрецъ Сибургъ, омывшій свои окровавленные руки въ освященной водѣ; умерли Пьетри, Валевскій, Тувенель, Вильо, Макарь, Бино и Дюкозь. Остались только Мопра, Персиньи, Руэ, Барошъ и самъ глава всей группы. Наконецъ только-что сошелъ со сцены интимнѣйшій совѣтникъ, оффиціальнй стражъ конституціи, патентованный хранитель „свободъ имперіи“,—знаменитый Тролонгъ. Его тѣло провозжалъ отрядъ парижскихъ войскъ, тутъ была вся высшая оффиціальность, сзади тянулись сто каретъ съ лакеями впереди, вьутри и сзади. Когда кортежъ проходилъ передъ школой изящныхъ искусствъ, 200 воспитанниковъ этой школы, поставленныхъ у рѣшетки, при видѣ шляпы и орденовъ покойнаго, поднесли платки въ глазамъ. Это зрѣлище оффиціальной горести заставило улыбнуться одного изъ офицеровъ; его примѣру послѣдовали другіе и на лицахъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ появилась улыбка.

Dans la gendarmerie,
 Quand un gendarme rit,
 Tous les gendarmes rient
 Dans la gendarmerie.

(т. е. въ жандармеріи если засмѣется одинъ жандармъ—засмѣются всѣ.)

Знаменитый Тролонгъ былъ вѣрнымъ слугою реставраціи, вѣрнымъ слугою іюльской монархіи, вѣрнымъ слугою республики 1848 года и, наконецъ, вѣрнымъ слугою второй имперіи. За всѣ эти вѣрности его блистательно награждали; ничтоженъкій крючкотворецъ достигъ до мѣста главнаго судьи второй имперіи, плохой писака сдѣлался оффиціальнымъ панегиристомъ бонапартизма. Въ то время, когда Барошъ писалъ: „я республиканецъ по убѣжденію и чувству“; въ то время, какъ Руэ провозглашалъ прогрессивный налогъ и считалъ политическіе клубы необходимѣйшими и полезнѣйшими учрежденіями;—въ это время Тролонгъ торжественно заявлялъ о паденіи монархіи во всѣхъ ея трехъ формахъ: монархіи, основанной на принципѣ божественнаго права, на избраніи и на славѣ, т. е. монархіи Карла X, Луи-Филиппа и Наполеона I. „Имперія,

увлекаемая честолюбіемъ, сбилась съ пути и погибла, не потому, что ея арміи были разбиты, а потому, что она безсовѣстно похитила права гражданъ.“—Это говорилъ человѣкъ, который вскорѣ послѣ произнесенія этой рѣчи, получивъ отъ второй имперіи хорошее жалованье, предался ей и тѣломъ и душою. Онъ, впрочемъ, не игралъ первостепенной роли; онъ соглашался съ другими и ни въ чемъ никогда не заявилъ своей инициативы. Но тѣмъ не менѣе Тролонгъ, по натурѣ своей, былъ изъ подленькихъ и трусливыхъ; это былъ не волкъ, не лисица и даже не шакаль, а просто комнатная собаченка, кусающаяся изъ подтишка. Онъ былъ развратенъ и славился обжорствомъ и значительной толщиною. Онъ умеръ спокойный и довольный, не зная никогда ни угрызений совѣсти, ни горестей, кромѣ развѣ одной печали, что императоръ не далъ ему титла герцога, какъ его товарищамъ Морни и Персиньи. По словамъ католическихъ журналовъ, его смерть была назидательна. „Да, мои братья, пишутъ въ одномъ изъ нихъ, г. Тролонгъ умеръ... И знаете ли вы, какія были послѣднія слова этого великаго государственнаго человѣка? Слушайте: „я долго жилъ, много изучалъ и убѣдился, что на свѣтѣ только одна истина: апостолическое, римско-католическое вѣроисповѣданіе!“

Также назидательна, какъ говорятъ, была и другая смерть — Ламартина. Правда, что съ той поры, какъ этотъ вмалѣ великій человѣкъ пережилъ себя; онъ впалъ въ дѣтство, въ которомъ и пребывалъ восемь лѣтъ. Съ той минуты, какъ угасли его умственные способности, къ нему вошелъ патеръ, затѣмъ его стали посѣщать патеръ за патеромъ и патеръ закрылъ ему глаза. Католическое духовенство всегда такъ поступаетъ: какъ только оно видитъ, что человѣкъ теряетъ умственные способности, оно сейчасъ накидывается на него, какъ на свою жертву. На болѣзненные ор-

ганизмы какъ растительнаго, такъ и животнаго царства всегда нападаютъ паразиты; на больномъ деревѣ всегда растутъ грибы.

Не одно духовенство напало на трупъ Ламартина; едва несчастный испустилъ послѣдній вздохъ, правительство второй имперіи захотѣло тоже наложить руку на его тѣло, похоронить его на свой счетъ и везти его катафалкъ въ хвостѣ за Тролонгомъ. Но „французскій орфей“ избавился отъ этого послѣдняго униженія; къ счастью, онъ успѣлъ завѣщать, чтобы его похоронили безъ всякой церемоніи и на его могилѣ не было бы сказано ни одной рѣчи.

Смерть этого человѣка ни въ комъ не возбудила печали. Возбуждая нѣкогда самый пылкій энтузіазмъ и безграничное къ себѣ довѣріе, онъ передъ смертью сталъ предметомъ презрѣнія и совершеннѣйшаго равнодушія. Его исторія чрезвычайно печальна; она достойна стать на ряду съ исторіей Поликрата самосскаго. Всѣ феи собрались вокругъ колыбели улыбающагося дитяти; каждая изъ нихъ положила палецъ ему на лобъ и всѣ наперерывъ одна передъ другою расточали ему пожеланія: ты будешь красавецъ, красоты рѣдкой, нѣжной и гордой; ты будешь высокъ и силенъ, будешь пользоваться изумительнымъ здоровьемъ; ты будешь богатъ; въ твоей душѣ будетъ заключаться цѣлый родникъ поэзіи; въ твоемъ же сердцѣ источникъ краснорѣчія; ты будешь имѣть прелесть и грацію; всѣ женщины тебя будутъ любить и ни одинъ мужчина не станетъ ненавидѣть; въ твоихъ рукахъ будутъ судьбы Франціи и, можетъ быть, Европы.... Ты будешь королемъ..... сказала ему старая фея Эстеръ Стэнгопъ.

Всѣ самые тонкіе и самые рѣдкіе дары были предложены новорожденному; къ несчастію, феи забыли о нѣкоторыхъ слишкомъ ужъ обыкновенныхъ качествахъ: настойчивости, способности къ труду, серьезности, разсудочности, характерѣ. Вѣроятно имъ казалось, что такому богато-одаренному субъекту онѣ не нужны. Зачѣмъ разсудочность, когда есть вдохновеніе? Къ чему серьезность, если имѣется энтузіазмъ? Какая нужда гению обладать способностью къ работѣ? Зачѣмъ тому ноги, кто имѣетъ крылья? Поэту не до прозы—къ чему она ему!

Увы! гораздо бы лучше было для самого Ламартина, было бы лучше для Франціи, наконецъ, для цѣлаго свѣта если бы этотъ баловень природы не переживалъ своей юности; лучше бы онъ умеръ, когда нѣжная мать цѣловала его въ его прекрасный, чистый лобъ, или когда Эльвира играла его прекрасными бѣловурами локонами; еще бы лучше было, если бы любимый питомецъ грацій былъ просто скромнымъ сыномъ виноградаря, предназначеннымъ копаться въ виноградникахъ и улучшать способы винодѣлія; или если бы этотъ любимецъ музъ, очаровывавшій весь свѣтъ чудными звуками своей гармонической лиры, былъ просто башмачникъ, прилежно занимающійся своимъ мастерствомъ! Расточая полученныя имъ дары, Ламартинъ разбросалъ вокругъ себя богатства поэзіи и краснорѣчія, и кончилъ тѣмъ, что впалъ въ идиотизмъ; поражая свѣтъ своей пышностію, онъ умеръ въ постыдной нищетѣ; всегда болѣе или менѣе свободный мыслитель, онъ впалъ въ ханжество; бывъ въ свое время главою республики, онъ дошелъ до принятія пенсіона отъ имперіи, которую презиралъ и ненавидѣлъ. Послѣ обожанія и поклоненія, ему пришлось выдерживать свистки и презрѣнія; когда-то гордый до сознанія, что онъ единственный между всѣми, онъ испыталъ страданіе раззореннаго купца, чувствующаго стыдъ за свое прошлое и неумѣлое веденіе дѣлъ; онъ до того ослабѣлъ умственно и до того упалъ, что не чувствовалъ уже и не понималъ презрѣнія, которое ему расточали окружающіе. Его имя могло быть однимъ изъ первыхъ въ свѣтѣ, а онъ дошелъ до того, что съ нимъ связывалась только идея о банкротѣ и неудавшемся человѣкѣ, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ.

Онъ явился на свѣтъ въ началѣ первой революціи, 21 октября 1790 года. Хорошо еще, что онъ никогда не любилъ имперіи и одинъ или почти одинъ изъ всего его поколѣнія не былъ влюбленъ въ Наполеона I, этого псевдо-великаго человѣка, сухого эгоиста въ худшемъ значеніи этого слова. Ламартинъ не былъ причастенъ къ созданію бонапартистской легенды, надъ которымъ трудились Беранже, Гюго, Кинэ, Шарле, Верне, — легенды, наполненной вымыслами, но которая дорого стоитъ Франціи, признавшей и поддерживавшей вторую имперію. Воспитываемый сначала своею ма-

терью, а потомъ іезуитами, Ламартинъ самыя юныя лѣта свои провелъ путешествуя по Италіи; онъ возвратился во Францію во время первой реставраціи, и вскорѣ получилъ приглашеніе поступить въ придворную гвардію Людовика XVIII (въ тоже самое время, какъ и Альфредъ де-Виньи, если меня не обманываетъ память). Правительство реставраціи старалось собирать вокругъ себя старинныя дворянскія фамиліи, а Альфонсъ-Марія-Луи де-Пра де-Ламартинъ происходилъ изъ семейства, предки котораго въ очень уже давнія времена имѣли право засѣдать въ генеральныхъ штатахъ Бургундіи, — потому правительство и вспомнило о молодомъ человѣкѣ, имя котораго не было извѣстно ни въ одномъ кружкѣ. Ламартину было 30 лѣтъ отъ роду, когда онъ напечаталъ свои „Размышленія“, ставшія литературнымъ событіемъ эпохи; успѣхъ ихъ могъ сравниться развѣ только съ успѣхомъ байроновскаго „Чайльдъ-Гарольда.“ Въ то время была въ полномъ ходу реакція противъ лживости и жеманности, которыми характеризовалась поэзія въ эпоху первой имперіи, и всѣ бросились въ романтизмъ, не менѣе лживый и не менѣе жеманный; изъ псевдо-греческаго направленія ударились въ псевдо-христіанское, псевдо-средневѣковое, въ религіозно-философско-пантеистическій трансцендетализмъ. Это направленіе стало моднымъ и держалось очень долго; оно, можетъ быть, было необходимо, какъ бываетъ необходимо пьянство послѣ продолжительной жажды.

„Послѣ своихъ „Размышленій“, читаемъ мы въ одной статьѣ, — Ламартинъ сталъ идоломъ женщинъ и юношей. Его нѣжная, увлекательная, меланхолическая поэзія въ противоположность холодному лиризму и дидактической сухости школы временъ имперіи, проникла въ сердце, увлекала и умиляла нѣжныя души, возбуждала фантазію, болѣзненно раздражала нервы. Облачный сентиментализмъ и неопредѣленный спиритуализмъ стали характеристическими чертами нравовъ и идей того времени. Былъ моментъ въ жизни Ламартина, когда его всемогущество дошло до той степени, что, по одному мановенію его серафимской руки, тысячи молодыхъ женщинъ, точно выполнявшихъ свои семейныя обязанности, но фанатизированныхъ поэзіею своего идола — не задумавшись ни на одну минуту оставили бы свои дома, мужей, дѣтей, спокойствіе и счастье и по-

слѣдовали бы за своимъ очарователемъ. Всѣ онѣ были его рабнями: онѣ царствовали безраздѣльно надъ ихъ мыслями. Это былъ родъ неопредѣленнаго мистическаго обожанія. При свѣтѣ лампы или въ темныхъ аллеяхъ парковъ и садовъ, онѣ читали чудныя поэмы, въ которыхъ любовь говорить такимъ убѣдительнымъ языкомъ, что сердца ихъ невольно бились отъ восторга и страсти. Ламартинъ первый открылъ имъ двери въ безграничную область, гдѣ блуждаютъ восхитительныя мечты и сладострастныя печали.“

Поэзія открыла Альфонсу де-Ламартину доступъ въ дипломатію реставраціи, также какъ въ послѣдствіи „Исторія Жирондистовъ“ дала ему диктатуру въ революціи 1848 года. Онъ былъ сперва назначенъ секретаремъ посольства въ Неаполь, гдѣ женился на богатой англичанкѣ; потомъ былъ переведенъ секретаремъ же въ Лондонъ; оттуда назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренцію и въ Парму; вездѣ онъ жилъ открыто и держалъ домъ на большую ногу. Въ 1823 году появились новыя его „Размышленія“, „Смерть Сократа“, „Послѣдняя пѣснь Чайльдъ-Гарольда“; въ 1829 году „Литературныя и поэтическія гармоніи“. Въ 1830 году, Ламартинъ хлопоталъ и уже рассчитывалъ получить посольскій постъ въ Греціи; впрочемъ онъ стремился туда не изъ любви къ дипломатической работѣ, а просто, чтобы пойти по слѣдамъ Байрона и Шатобриана. Не разразилась іюльская революція и ему не удалось отправиться на востокъ въ качествѣ дипломата; онъ поѣхалъ туда, какъ туристъ.

По возвращеніи изъ путешествія по Палестинѣ, онъ былъ избранъ депутатомъ въ нижнюю палату, гдѣ вскорѣ занялъ мѣсто между лучшими ораторами. Онъ былъ страшенъ противникамъ своей сильной, полной высокоумѣнной вѣжливостью, аргументаціей; но и не менѣе опасенъ друзьямъ вслѣдствіе своей беспорядочности и неумѣнья согласоваться съ требованіями своей партіи. Его краснорѣчіе было поражающее, оно блистало энергіей и неожиданными эффектами, отличалось гуманностію воззрѣній, и въ послѣднемъ своемъ качествѣ было выше всякаго сравненія. Выйдя изъ чистаго легитимизма, рожденный дворяниномъ и оставшійся имъ навсегда, Ламартинъ, однакоже, охотно примкнулъ въ ряды іюльской монар-

хія и сдѣлался бы, можетъ быть, самымъ либеральнымъ и самымъ блистательнымъ изъ перовъ Франціи, но Людовикъ-Филиппъ, ненавидѣвшій литературу и литераторовъ, — но холодный Гизо, ничего непонимающій въ поэзіи, не захотѣди дать Ламартину президентство въ палатѣ, и онъ мало-по-малу перешелъ въ оппозицію.

Въ 1835 году напечатана „Жюселина“, лучшее поэтическое произведеніе Ламартина, или скорѣе менѣе другихъ состарѣвшееся. Сколько слезъ было пролито надъ этой безсмертной идилліей!

Въ 1847 году явилась „Исторія Жирондистовъ“, отчасти способствовавшая провозглашенію республики 1848 года. Поэтъ сдѣлался ораторомъ; ораторъ сталъ историкомъ; но въ этой исторіи соединился и романъ, и поэзія, и импровизація, и краснорѣчіе, такъ что трудно въ ней отдѣлить вымыселъ отъ факта. Дознано и признано, что это произведеніе Ламартина страдаетъ неточностью фактовъ, что оно слишкомъ легко для серьезнаго труда, и потому недолюговѣчно, но и теперь, перечитывая его, находишься подъ магическимъ вліяніемъ прелестнаго изложенія. Ливрезоны первого изданія слѣдовали быстро одинъ за другимъ, но слишкомъ медленно для нетерпѣвннхъ сотни тысячъ читателей: удивленіе, скандалъ, страсть смѣшались въ общей лихорадкѣ. Это было послѣднее произведеніе Ламартина; все, что онъ печаталъ впослѣдствіи, носило на себѣ характеръ спекуляціи, коммерческаго разсчета, простой компиляціи, лишенной всякой артистической искренности.

Началась революція 1848 года. Послѣ бѣгства Луи-Филиппа, когда палата уже рѣшилась провозгласить регентство, поднялся Ламартинъ и, среди недоумѣнія своихъ товарищей, вмѣсто ожидаемой отъ него рѣчи въ пользу ге цогини Орлеанской, сказалъ краснорѣчивое слово въ защиту республики. Это доставило ему полнѣйшій триумфъ; при громкихъ, восторженныхъ крикахъ народа, упоеннаго побѣдой и увлеченнаго надеждами на блистательное будущее, Ламартинъ былъ провозглашенъ президентомъ временнаго правительства. Если бы онъ умеръ въ этотъ день; если бы онъ умеръ на пути къ Городской думѣ, онъ перешелъ бы въ исторію, какъ замѣчательный человекъ, которому нельзя сдѣлать ни одного упрека. Да, если бы онъ умеръ въ тотъ день, поражен-

ный пулей своего противника или отравленным кинжаломъ убійцы, направленного иезуитами,—это было бы гораздо лучше для его славы и для счастья Франціи! Ибо теперь имя Ламартина стало символомъ неудавшагося человѣка; эта личность такъ богато одаренная, пользовавшаяся одно время всемогуществомъ, слѣдалась синонимомъ неспособности.

Немногимъ людямъ въ свѣтѣ удалось въ теченіи нѣсколькихъ дней пользоваться такой популярностью, какая выпала на долю Ламартина вслѣдъ за его рѣчью въ пользу республики. Одни считали его способнымъ дать сильный импульсъ революціи; другіе же надѣялись, что онъ съумѣетъ сдержать революцію и не допустить ее идти далѣе. Одни аплодировали ему потому, что онъ былъ республиканецъ, другіе же потому, что онъ былъ либераль и ничего болѣе, какъ либераль; одни видѣли въ немъ гуманиста въ тогдашнемъ стилѣ, другіе же богатаго собственника; одни за то, что онъ былъ краснорѣчивый историкъ жирондистовъ, другіе за то, что онъ былъ дворянинъ, всѣ же женщины безумно любили его потому, что онъ былъ красивъ и на своей лирѣ увлекательно-мелодично пѣлъ любовь.

Реакція, одолженная Ламартину своей побѣдой, обратилась противъ него самого; неблагоприятная буржуазія отстранила его, какъ революціонера, республиканцы оттолкнули его, какъ дезертира, и на общихъ выборахъ въ законодательное собраніе, его имя даже не было упомянуто; 20 декабря и должна быть заключена его публичная политическая карьера. Заслужившій такую славу и популярность въ началѣ революціи, Ламартинъ съ іюньскихъ дней сталъ терять и то и другое, и еще быстрѣе сталъ спускаться съ триумфальной колесницы, чѣмъ всходилъ на нее. Еще если бы онъ упалъ съ пьедестала власти въ темноту частной жизни, а то онъ постоянно оставался на виду въ униженномъ и смѣшномъ положеніи! Безумно расточая свои средства, онъ впалъ въ бѣдность, — въ бѣдность крупнаго сеньора, отягченнаго громадными долгами, которые онъ продолжалъ дѣлать, зная хорошо, что его положеніе весьма неблестательное. Чтобы избавиться отъ долговъ, онъ сталъ стращать всякую всячину и пуская въ оборотъ этотъ хламъ, онъ

выставлялъ свою бѣдность, онъ унижался передъ лудорами, онъ свое отчаяніе пускалъ въ лоттерей; онъ бросился въ нелѣпныя спекуляціи, называть которыя изъ уваженія къ несчастію, мы не станемъ. Постоянно обманывавшійся въ своихъ ожиданіяхъ, озлобленный противъ судьбы, раздраженный противъ цѣлаго свѣта и еще блѣде противъ себя самого, несчастный падалъ съ каждымъ днемъ, падалъ физически, умственно и нравственно. Это было плачевное паденіе; онъ окисъ, опустился; самая искренность, бывшая его главной добродѣтелью, — исчезла; даже припадки чрезмѣрнаго великодушія, составлявшія нѣкогда его славу и слабость, стали обнаруживаться рѣже и рѣже. Тѣ, которыхъ онъ обманывалъ въ дѣлахъ, или лучше тѣ, которымъ онъ продавалъ за собственныя сочиненія компиляціи, сдѣланныя на удачу, — могли бы въ случаѣ нужды напомнить ему, какъ въ началѣ его общественной дѣятельности, онъ давалъ примѣръ абсолютной честности и грандіознаго безкорыстія. Это воспоминаніе, впрочемъ, было сильно и въ немъ самомъ; оно дало ему силу отказаться отъ почестей, предложенныхъ Наполеономъ III, но однакоже не дало силы отвергнуть милостыню, присланную второй имперіей. Да, онъ могъ возсѣдать на президентскомъ сенаторскомъ креслѣ, на которомъ возсѣдалъ Тролонгъ, оставившій по смерти шести-милліонное состояніе и пенсіонъ въ 60,000 франковъ, который будетъ получать г-жа Тролонгъ изъ налоговъ; — Ламартинъ могъ воспользоваться благами, выпавшими на долю Тролонга, и не воспользовался; онъ предпочелъ оставаться въ затруднительномъ положеніи: онъ могъ пасть еще ниже и не палъ. Вотъ единственныя облегчающія обстоятельства, которыя отыскиваются въ утѣшеніе его друзей. Чго же касается его враговъ, то уже давно они почувствовали себя оромощенными, и слишкомъ отощенными.

Всѣ тѣ, кто еще сохранилъ нѣкоторую привязанность къ этому несчастному знаменитому человѣку, съ истиннымъ утѣшеніемъ узнали нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что онъ впалъ въ дѣтство и съ него снята отвѣтственность за его поступки, и еще съ большими утѣшеніемъ удостовѣрился, что онъ, наконецъ, умеръ.

Мы постарались начертать, насколько возможно было, ярко, одну

изъ самыхъ любопытѣйшихъ, самыхъ потрясающихъ, самыхъ трагическихъ біографій нашего XIX вѣка; вся она запечатлѣна разительными контрастами величія и слабости. Ламартину выпала на долю рѣдкая удача дать свою инициативу и въ литературѣ и въ политикѣ: эрѣ романтико-неохристіанской въ литературѣ, и революціи 1848 года въ политикѣ. Романтизмъ отжилъ свой вѣкъ; революція 1848 года также отошла въ вѣчность, а Ламартинь не только пережилъ свои созданія, онъ пережилъ самого себя. Теперь близится новый періодъ и въ томъ, и въ другомъ. Что-то намъ дастъ новая весна?

ИСПАНСКІЯ ПИСЬМА.

Открытие кортесовъ.—Паника, овладѣвшая народомъ.—Неудачи Себастьяно Олозаги.—Причины его непопулярности.—Восточное воспитаніе въ Испаніи.—Неудачный дебютъ въ кортесахъ по вопросу о законности выборовъ.—Временное правительство остается на своихъ мѣстахъ.—Замѣчательные ораторы республиканской партіи.—Пораженіе уніонистовъ.—Коммисія для составленія конституціи.—Пренія о постоянной арміи.

МАДРИДЪ, 1 февраля.

Кортесы открыты. Въ день ихъ открытія громадная масса народа тѣснилась отъ Пуэрто-де-Соль до Прадо, въ улицахъ Каррето, Сан-Жеронимо, Алькола и въ сосѣднихъ съ ними. Не одно любопытство, не одно желаніе посмотрѣть интересную торжественную церемонію привлекло сюда всю эту громадную толпу; нѣтъ, на лицахъ замѣчалось безпокойство, внутренняя тревога: въ теченіи послѣднихъ дней по городу пронеслись тревожные слухи, — всѣ чего-то ждали, всѣ раздумывали о предстоящихъ невзгодахъ. Дѣло въ томъ, что послѣ неудачныхъ результатовъ бургосскаго убійства и торжественной анти-клерикальной манифестаціи въ Мадридѣ, патерская партія постаралась распространить въ народѣ убѣжденіе, что теперешнее собраніе кортесовъ не обойдется безъ большихъ несчастій для Испаніи. Ихъ іезуитская политика удалась; суевѣрный народъ повѣрилъ ихъ нелѣпнымъ предсказаніямъ, и я знаю многихъ матерей, которыя умоляли своихъ сыновей, и даже запрещали имъ выходить въ этотъ день на улицу. Несмотря на это

или, можетъ быть, именно вслѣдствіе этого, стеченіе народа было громадное.

Помѣстившись на площади Сервантеса, передъ домою собранія кортесовъ, во время долгаго ожиданія, я имѣлъ досугъ размышлять о колебаніяхъ въ политикѣ и о странныхъ переворотахъ, случающихся въ жизни политическихъ дѣятелей. Этотъ Серапо, который шелъ во главѣ временнаго правительства передать кортесамъ квази-диктаторскую власть, которой онъ былъ уполномоченъ,— Серапо, свергнувшій съ трона королеву Изабеллу, былъ тотъ же самый Серапо, который, по приказанію той же королевы, наводилъ дула пушекъ на этотъ же домъ, гдѣ и тогда засѣдали кортесы, и велъ въ атаку кавалерію на тотъ же народъ, который встрѣчаетъ его теперь восторженными восклицаніями. Мнѣ показывали дома, ради торжественнаго случая, изукрашенные знаменами, которые тогда подверглись выстрѣламъ, слѣды коихъ еще и до сихъ поръ не вполнѣ уничтожились.

Вновь избранные депутаты вошли въ домою кортесовъ. Пушечные выстрѣлы возвѣстили начало новой эры въ Испаніи, но въ это же время со стороны улицы Сан-Жеронимо вдругъ послышался ружейный выстрѣлъ, потомъ другой. Тотчасъ же въ толпѣ раздались крики: „солдаты идутъ, солдаты идутъ!“ Я поднялъ голову, но солдатъ нигдѣ не было видно. Между тѣмъ въ толпѣ распространился паническій страхъ; она зашаталась; ужасъ побудилъ всѣхъ оглянуться назадъ; началось страшное смятеніе; люди хотѣли бѣжать, кричали, давили другъ друга. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня напирившая толпа налегла на желѣзную рѣшетку сквера; та не выдержала и повалилась. Національные гвардейцы, перемѣшанные съ народомъ на случай какого-либо безпорядка,— сами подверглись общей паникѣ; многіе изъ нихъ побросали оружіе и также показали пятки. Но чрезъ нѣсколько минутъ явился двигающійся съ большою поспѣшностію по направленію къ дому кортесовъ баталіонъ республиканцевъ клуба Антон-Мартели. Блѣдные, но рѣшительные, они шли впередъ твердымъ шагомъ, прочищая путь чрезъ толпу, еще неоправившуюся

отъ ужаса. Всѣ они были вооружены ружьями. Они тоже были приготовлены на случай могущаго произойти столкновенія.

Мало-по-малу въ толпѣ возстановилось спокойствіе; всѣ переглядывались другъ съ другомъ, стыдясь за свой ребяческій страхъ. Ни въ одномъ направленіи не двигалась кавалерія съ обнаженными саблями; нигдѣ не было видно пушечныхъ дулъ; ни съ какой стороны не слышалась команда, натравливающая ружейные штыки на безоружный народъ. Отчего же вышла вся эта тревога? Кто стрѣлялъ изъ ружей?—Никто еще ничего не зналъ вѣрнаго. Но самые странные и дикіе слухи уже ходили въ толпѣ.

3 февраля.

Нѣсколько депутатовъ изъ Андалузіи наняли вмѣстѣ квартиру и предложили Кроекъ-Ноту поселиться съ ними. Депутаты въ кортесы не получаютъ никакого вознагражденія отъ правительства, такъ что нужно имѣть нѣкоторое состояніе, чтобы нести на себѣ депутатскія обязанности. Андалузскіе представители не богаты, и потому соединились вмѣстѣ, справедливо разсчитывая, что совмѣстная жизнь обойдется имъ много дешевле одиночной.

Зданіе, въ которомъ помѣщаются кортесы, имѣетъ снаружи очень красивый видъ; внутри оно также красиво и удобно, но только зала для засѣданій очень мала: самимъ депутатамъ тѣсно, о публикѣ же нечего и говорить. Храмъ закона смотритъ элегантно и кокетливо; покрытый розовыми фресками, онъ скорѣе походитъ на прелестную гостиную, чѣмъ на залу для законодательнаго собранія.

Въ первое послѣ открытія засѣданіе работа собственно еще не начиналась. Депутаты незнакомы другъ съ другомъ, и не успѣли сгруппироваться по фракціямъ.

4 февраля.

Президентомъ палаты назначенъ не Себастьяно Олозага, какъ онъ мечталъ самъ и какъ ожидали въ народѣ, а донъ-Николай Риверо. И такъ одинъ изъ этихъ двухъ честолюбивыхъ и не особенно честныхъ людей по неволѣ долженъ перейти въ разрядъ «Дѣло», № 3.

недовольныхъ. Съ большей поспѣшностію Олозага выѣхалъ изъ Парижа, спѣшилъ дорогой, стѣснялъ свой комфортъ,—все это для того, чтобы быть выбраннымъ въ президенты, и какой афронтъ! ни одного, рѣшительно ни одного голоса не подано въ его пользу; самъ же онъ не могъ подать голосъ за себя. Въ дорогѣ ему пришлось ѣхать въ одномъ вагонѣ съ Пи Маргалемъ, однимъ изъ талантливѣйшихъ республиканскихъ вождей Испаніи, ѣхавшимъ также изъ Парижа для участія въ засѣданіяхъ кортесовъ, какъ представитель Барселоны. Въ Испаніи оба они были узнаны; на всѣхъ станціяхъ Пи Маргеля привѣтствовали криками: „вивать Пи Маргель? вивать республика!“ въ то самое время Олозага долженъ былъ слышать постоянно ненавистный ему возгласъ, относящійся явно къ нему: „вивать свобода вѣроисповѣданій!“ (Онъ былъ противникомъ изданія закона о свободѣ вѣроисповѣданій.) Контрастъ былъ слишкомъ силенъ и Олозага пересѣлъ въ другой вагонъ и просилъ начальника поѣзда держать втайнѣ его путешествіе на этомъ поѣздѣ. Олозага ожидалъ получить въ Мадридѣ торжественную встрѣчу, но, къ его разочарованію, въ дебаркадерѣ встрѣтило его не болѣе полудюжины человѣкъ, оставшихся ему вѣрными. Въ день открытія кортесовъ, въ честь Олозаги не слышалось ни одного крика, ни одного привѣтствія, и только его присутствію приписывается холодность, съ какою мѣстами встрѣчали Серано, Прима и Топете, въ особенности если этотъ приѣмъ сравнить съ горячимъ энтузіазмомъ, доставшимся на долю Орензе, Кастеляра и Пьерада.

Причину этой непопулярности Олозаги слѣдуетъ искать въ привязанности его къ Наполеону, находящемуся въ интимныхъ сношеніяхъ со свергнутою королевою. Въ народѣ громко говорятъ, что экс-великій врагъ династіи бурбоновъ просто-на-просто плутъ и измѣнникъ. Ему также много повредило поведеніе его въ вопросѣ о свободѣ вѣроисповѣданій; онъ высказался противъ нея, а народъ считаетъ главными виновниками бургоскаго убійства тѣхъ трусливыхъ людей, которые не рѣшились издать закона о свободѣ вѣроисповѣданій, и потому, естественно, сыпетъ проклятія на голову главнаго виновника неудачи реформы — Олозаги.

6 февраля.

Чрезвычайно какъ трудно добиваться права присутствовать на засѣданіяхъ кортесовъ. Мѣста берутся на расхватъ; каждый разъ нужно записываться наканунѣ или даже за день впередъ; и мнѣ, какъ и другимъ, вѣроятно придется искать протекцію у вице-президента Мартоса, о которомъ я не могу сказать много хорошаго. Мадридъ съ самаго перваго раза сдѣлалъ на меня непріятное впечатлѣніе, оно до сихъ поръ не изгладилось, и потому я не могъ сжиться съ его обычаями, не могъ окунуться въ его жизнь, чувствую себя здѣсь одинокимъ и вѣчно нахожусь въ тревожномъ состояніи. Я оставилъ своихъ друзей далеко за собой, здѣсь же не могъ еще приобрести новыхъ. Сегодня я не попалъ въ засѣданіе кортесовъ, пойду въ музей. Тамъ есть чѣмъ заняться: и Веласкецъ, и Мурильо и Ванъ-Дикъ и Пуссенъ. Осмотрѣвъ ихъ, пойдемъ на лоно природы и отдохнемъ отъ пережитыхъ въ послѣднее время тревогъ и огорченій.

Подлѣ музея расположенъ ботанической садъ. Дилетанту, уставшему разсматривать картину за картиной, здѣсь можно дать отдыхъ своимъ глазамъ среди богатой растительности, наслаждаясь уединеніемъ и тишиною. Посмотрѣвъ „шевалье Персея“ и „шевалье Сен-Жоржа“ — Рубенса, можно пойти полюбоваться тремя огромными алепскими соснами, могущественными представителями роскошной флоры.

Выходя изъ сада Крокъ-Нотъ встрѣтилъ маленькую дѣвочку, которая попросила у него су для своей больной матери. Получивъ просимую монету дѣвочка поднесла ее къ губамъ и поцѣловала.

Вотъ черта восточныхъ нравовъ, лучше сказать актъ приниженія, столь обыкновенный гдѣ нибудь въ Дамаскѣ или у мавровъ въ варварійской странѣ и, къ сожалѣнію, очень нерѣдко, встрѣчающійся въ Испаніи. По правдѣ сказать, Крокъ-Нота непріятно поразилъ этотъ случай.

7-ю февраля.

Сегодня начались пренія по поводу выборовъ. Республиканцы жаловались на происки правительства и незаконныя его дѣйствія

съ цѣлью пріобрѣтенія себѣ фактическаго большинства. Орензе не задумался сказать, что теперешніе выборы были такимъ же недостойнымъ фарсомъ, какъ и выборы, направляемые въ была время министрами Изабеллы. Уже фактъ отнятія права голоса у молодыхъ людей отъ 20 до 25 лѣтъ, тѣмъ не менѣе пользующихся своими гражданскими правами, дозволяетъ сомнѣваться въ законности кортесовъ, которые не заключаютъ въ себѣ дѣйствительнаго представительства всей страны. Министры забрали телеграфы въ свое исключительное пользованіе и могли, по своему желанію, рассылать всюду телеграммы, истинныя или ложныя, смотря по тому, какія были болѣе пригодны для ихъ цѣлей.

Эта атака Орензе насколько умѣренна, настолько же и несвоевременна; нападая рѣзко на правительство, онъ, такъ или иначе, нападалъ на большинство, которое лучше было не раздражать, пока оно еще находилось въ нерѣшимости, какой политикѣ держаться и гдѣ искать союзниковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Сагаста, захотѣлъ воспользоваться неосторожностію Орензе и взялъ на себя защиту палаты противъ нападеній республиканцевъ. Но если Орензе былъ только неостороженъ, Сагаста оказался уже совсѣмъ неловкимъ. Подавляемый очевидностію фактовъ или плохими ораторскими способностями, онъ защищалъ весьма слабо, путался и преувеличивалъ. „Если республиканцы упрекаютъ правительство—сказалъ онъ—за то, что оно употребляло въ свою пользу на выборахъ право раздачи мѣстъ, суля ихъ избирателямъ, то и правительство можетъ упрекнуть республиканцевъ за обѣщаніе тотчасъ же издать аграрные законы и приступить къ раздѣленію имуществъ, имъ принадлежащихъ“. Эта неожиданная выходка подняла цѣлую бурю; республиканцы протестовали противъ клеветы, и Кастелярь объявилъ, что собственность священна и законна, и этотъ принципъ дастъ руководящую нить всей политической программѣ его партіи. Но, безъ всякаго сомнѣнія, какъ Сагаста, такъ и Кастелярь, были бы въ большомъ затрудненіи, еслибъ ихъ попросили опредѣлить точнѣе предѣлы этой святости и законности. Но не въ этомъ дѣло, интересно то, что, при своемъ дебютѣ, первый правительственный ораторъ, за отсутствіемъ другихъ аргументовъ, вынужденъ былъ

вызвать на сцену красный спектр коммунизма, онъ долженъ былъ тотчасъ же прибѣгнуть къ главнѣйшему аргументу, послѣднему ресурсу, за который хватаются только въ случаѣ безнадежности положенія. Г. Сагаста! какъ видно, вы совсѣмъ не умѣете экономически распорядиться своими ораторскими средствами; вы подрываете авторитетъ государства, которое поручило вамъ свою защиту. Знайте, что не слѣдуетъ подражать кормилицамъ, которыя, по поводу какого нибудь пустяка, угрожаютъ своимъ питомцамъ рогатымъ дьяволомъ, бѣсами, лѣшимъ, домовымъ, и тѣмъ приготавливаютъ въ нихъ будущихъ скептиковъ, невѣрующихъ и свободныхъ мыслителей.

Въ эту первую битву между правительствомъ и республиканскимъ меньшинствомъ, большинство, состоящее изъ монархистовъ всѣхъ подраздѣлений и прогрессистовъ, вовсе не вмѣшивалось, однако же, достаточно выказало свои симпатіи при вотированіи: 150 голосовъ подано за правительство, 50 противъ. Эта первая схватка не дѣлаетъ много чести ни большинству, ни правительству, ни республиканцамъ.

11-го февраля.

Серано передалъ полномочіе свое и своихъ товарищей въ руки кортесовъ. Его рѣчь, полная такта и искусства, неизвѣстно къмъ редижированная, заслужила громкія рукоплесканія. Въ великолѣпнѣйшемъ отвѣтѣ, полномъ дѣйствительнаго краснорѣчія, Кастиляръ требовалъ, чтобы палата высказала свое недовѣріе къ временному правительству, которое слѣдовало предать суду за преступныя дѣяствія въ Кадиксѣ и Малагѣ.

14 го февраля.

Борьба между республиканскимъ меньшинствомъ съ демократически-монархическимъ большинствомъ и правительствомъ продолжается.

Маршалъ Серано удерживаетъ за собой должность главы исполнительной власти и оставляетъ министерство въ томъ же составѣ,

не осмѣливаясь отдѣлаться отъ своего врага Прима. Впрочемъ, роль этого интригана уже начинаетъ отходить на второй планъ, и въ послѣднее время онъ много потерялъ въ общественномъ мнѣніи. Послѣ осторожныхъ и, по наружности, очень скромныхъ рѣчей президента Серано, его товарищъ почувствовалъ необходимость сказать свое слово и вызвать, въ свою очередь, рукоплесканія. Его энергическія протестаціи противъ сверженной династіи очень понравились либераламъ, но грубый и надменный тонъ его рѣчи сильно обезпоеилъ ихъ. У Прима вырвалось восклицаніе, которое ему нескоро простать: *„Что касается меня—сказалъ онъ—то я никогда не посажу на испанскій тронъ ни одного бурбона“*.

Битва въ палатѣ продолжалась три дня и одну ночь. Наконецъ большинство вотировало признательность временному правительству. 180 голосовъ подано за предложеніе, 62 противъ. Республиканцы были побиты матеріально, но за то ярко выставилась ихъ ораторская способность.

Видѣтъ съ лирикомъ-ораторомъ Кастеляромъ, объ ораторскихъ способностяхъ котораго я писалъ въ прежнихъ письмахъ, приобрѣлъ уже ораторскую славу другой республиканскій депутатъ Фигуэрасъ. Его умныя, спокойныя, полныя практическаго смысла рѣчи, если и не дѣйствуютъ такъ сильно на нервы и воображеніе, какъ рѣчи Кастеляра, за то они много говорятъ уму, какъ рѣчи Гарридо, хотя между обоими ораторами есть много разницы. У Фигуэраса больше остроумія и граціи, у Гарридо вдохновенія и возмужалости. Но самый удивительный и самый увлекательный ораторъ въ палатѣ, безспорно, Пи Маргаль, человѣкъ съ громадными способностями и знаніями. Его воздержный, элегантный стиль, глубокое и вѣрное пониманіе людей и событій,—все говоритъ, что республиканская партія приобрѣла въ немъ сильнаго бойца. Рядомъ съ названными ораторами, адвокаты большинства—Мартосъ, Мата, Морецъ-и-Прендергостъ — совершенно блѣднѣютъ.

19-го февраля.

Наконецъ члены *рабскаго союза* (либеральной уніи) претерпѣли первое пораженіе. Дѣло шло о повѣрѣ полномочій кадикскихъ депутатовъ, въ особенности депутата Сальвохеа. Онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, осужденный, какъ предводитель кадикской инсурекиіи, въ то время, какъ его избрали депутатомъ. Уніонисты доказывали, что его избраніе не должно считаться дѣйствительнымъ; голоса же, данные въ его пользу, для него уже потеряны, и потому требовали, чтобы Сальвохеа былъ замѣненъ кандидатомъ ихъ партіи — Барціей, какъ получившимъ самое большое число голосовъ послѣ избранныхъ и утвержденныхъ уже депутатовъ. Прогрессисты и риверисты на этотъ разъ соединились съ республиканцами и разбили уніонистовъ временнаго правительства: были назначены новые выборы и Сальвохеа разрѣшено явиться кандидатомъ.

21-го февраля.

На этотъ разъ не состоялось новаго союза между республиканцами и демократо-монархистами. Послѣ долгихъ преній большинство настояло на выборѣ комисіи для составленія проекта конституціи. Выбрано 15 членовъ поровну изъ прогрессистовъ, риверистовъ и уніонистовъ (изъ числа послѣднихъ всѣ пять были министрами Изабеллы). Изъ республиканцевъ въ комисію никто не попалъ. Президентомъ ея избранъ экс-либераль Олозага, теперь, увы! заслужившій уже признательность темной партіи патеровъ.

22-го февраля.

Меньшинство предложило издать амнистію всѣмъ обвиненнымъ за политическія преступленія, совершенныя во время хозяйствованія временнаго правительства, т. е. съ 29-го сентября по 11-е февраля 1869 г. (нов. стиля). Министръ Сагаста говорилъ противъ предложенія. „Я не хочу — сказалъ онъ — миловать карлистскихъ заговорщиковъ“. Онъ сказалъ — карлистскихъ, но всѣмъ понятно, что, начиная рѣчь объ амнистіи, меньшинство имѣло въ

виду никакъ не карлистовъ, а республиканцевъ, ставшихъ жертвами кадикской и малагской рѣзни. За предложеніе 94, противъ 135 голосовъ.

Орензе требовалъ немедленно уничтоженія монополіи на табакъ и на соль. Правительство не хотѣло ни слушать, ни говорить объ этомъ предметѣ. И такими дѣйствіями оно думаетъ заслужить популярность!

26-го февраля.

Вчера въ палатѣ происходили горячія пренія по поводу удержанія герцогомъ Монпансье званія генераль-капитана испанскихъ армій. Примъ взялъ на себя защиту герцога, а Топете рѣзкимъ голосомъ прокричалъ, что онъ предпочитаетъ Монпансье республикѣ. За этимъ заявленіемъ послѣдовалъ страшный шумъ.

Гарридо предложилъ отмѣнить конскрипцію. Это предложеніе вызвало оживленныя пренія. Примъ защищалъ необходимость постоянной арміи, главное въ виду карлистской инсурекиці. „Намъ нужна сильная армія—сказалъ онъ—для защиты свободы (sic). Национальныя милиціи, всегда отличающіяся своимъ мужествомъ, тѣмъ не менѣе для этой цѣли непригодны. Нельзя обойтись безъ 80,000-й постоянной арміи“. Онъ предложилъ замѣнить конскрипцію свободной вербовкой. „Правда, придется давать двойное содержаніе такимъ солдатамъ; но какія же жертвы могутъ быть слишкомъ велики для свободы?“ прибавилъ Примъ. 182 голоса высказались въ пользу предложенія Прима, 69 противъ.

Но результаты этого вотированія не обезоружили клубовъ; на публичныхъ собраніяхъ составлено много петицій, покрытыхъ многочисленными подписями; вмѣшались даже женщины; на 2-е марта готовится огромная народная манифестація противъ предложенія военнаго министра.

Сальвохеа, изъ-за котораго происходила битва въ палатѣ, вновь избранъ депутатомъ въ Кадиксъ.

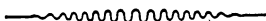

Е. Ревлю.

ные французы убѣждаются наконецъ, что законъ не про всѣхъ пи-
санъ.—Безответственность французскихъ чиновниковъ и ответствен-
ность императора.—Ликвидация движимаго кредита, или воровство въ
обширныхъ размѣрахъ.—Вторая имперія скоро останется совсѣмъ
безъ слугъ.—Смерть хранителя «свободъ имперіи».—Официальная го-
ресть.—Безхарактерность Тролонга.—Печальная исторія паденія чело-
вѣческой личности.—Блестательное начало литературной дѣятельности
Ламартина.—Необычайный энтузіазмъ, возбуждаемый его произведе-
ніями.—Обожаніе Ламартина женщинами.—Политическая дѣятельность
Ламартина.—Его необыкновенная популярность.—Его ошибки и не-
умѣнье удержаться на высотѣ популярности.—Ламартинъ падаетъ все
ниже и ниже.—Последніе годы его жалкой, печальной жизни.—Смерть
Ламартина и послѣднее утѣшеніе для его друзей.

XV. ИСПАНСКІЯ ПИСЬМА ЭЛИ РЕКЛЕУ.

Открытіе кортесовъ.—Паника, овладѣвшая народомъ.—Неудачи Себа-
стиано Олозаги.—Причины его непопулярности.—Восточное воспита-
ніе въ Испаніи.—Неудачный дебютъ въ кортесахъ по вопросу о за-
конности выборовъ.—Временное правительство остается на своихъ
мѣстахъ.—Замѣчательные ораторы республиканской партіи.—Пораже-
ніе уніонистовъ.—Комиссія для составленія конституціи.—Пренія о
постоянной арміи.

Вышло и продается второе изданіе романа *Фр. Шмиллгена*:
ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ — НЕ ВОИНЪ. Два тома около 70 печ.
листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р. съ перес. 2 р. 30 к.

Къ первому апрѣля выйдеть изъ печати: **ПОПУЛЯРНАЯ ГИ-
ГИЕНА** Д-ра *Реклама*, профессора Лейпцигскаго университета.
Изд. Редакціи журнала „Дѣло“, съ рисунками, рѣзанными на де-
ревѣ. Цѣна 2 р. с.

Съ слѣдующей 4-й книжки „Дѣла“ начнется печатаніе объявлен-
ныхъ романовъ *Виктора Гюго* и *Н. Ф. Бажина*.

При этой книжкѣ напечатаны: 1. Объявленіе о подпискѣ на журналъ
„Дѣло“ въ 1869 году; 2. Отвѣтный листокъ редакціи; 3. Объявленіе о вы-
ходѣ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ комедіи М. В. Авдѣева *Испанская*
семья и романа его *Межъ двухъ огней*; 4. Отг. Кн. Магазина М. М. Чер-
ниина и 5. Объявленія М. А. Свѣшникова.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1869 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переул.,
домъ Гассе № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Воль-
фа, въ Гостинномъ дворѣ, №№ 18, 19 и
20.—

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ А. Г. Со-
ловьева (бывш. Базунова) на Стра-
стномъ бульварѣ, въ д. Загрижскаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ:

Безъ пересылки и доставки	13 р. 50 к.
Съ пересылкою	16 «
Съ доставкою въ Петербургѣ	15 «

На полгода:

Безъ пересылки и доставки	7 р.
Съ пересылкою	8 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ	8 р.

*Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.*

Редакторъ Н. Шульгинъ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 719